Н 7/243
т. I z. I

ск-о, кл-V (есть т 2-4, 1894-91 (т 4)
Н 7/243
фб.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АНДЕРСЕНА

ВЪ 4-ХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ съ датскаго подлинника

А. и П. ГАНЗЕНЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ, РАЗСКАЗОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

ЧАСТЬ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія, нотопечатня и переплетная С. М. Николаева. В. О., 3 л., № 40.
1894.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
2716-38
2020075212

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ, РАЗСКАЗОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

ЧАСТЬ I.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Всемiрно-извѣстные сказки и разсказы Андерсена давно уже стали популярными и въ Россiи, благодаря многочисленнымъ переводамъ ихъ съ нѣмецкаго и др. переводовъ *), остальныя же произведенiя его мало или вовсе незнакомы русской публикѣ. Между тѣмъ, европейскою славой своею Андерсенъ первоначально обязанъ былъ не сказкамъ и разсказамъ, а именно своимъ романамъ, путевымъ очеркамъ и др. произведенiямъ, скоро нашедшимъ себѣ переводчиковъ на иностранные (преимущественно шведскiй, нѣмецкiй и англiйскiй) языки, почему и нельзя не удивляться, что названнымъ произведенiямъ до сихъ поръ не отдано должнаго вниманiя и у насъ. Достоинства ихъ тѣ же, что и всѣмъ извѣстныхъ сказокъ и разсказовъ датскаго писателя,—всѣ они дышатъ необычайною жизненностью, непоколебимою вѣрой въ торжество идеаловъ истины, добра и красоты и неувядаемымъ юморомъ, возвышающимъ человѣка надъ мелочами и дрязгами житейскими; въ нихъ ярко отразилась въ высшей степени оригинальная и богато одаренная натура ихъ творца, душевныхъ силъ и жизнедѣятельности которой не могли сломить никакiя жизненныя и литературныя неудачи. На этомъ-то основанiи серьезный и поучительный интересъ представляетъ и автобiографiя Андерсена, въ связи съ его перепиской и воспоминанiями о немъ его ближайшаго друга Э. Коллина, которыя также мало извѣстны русской публикѣ.

*) Исключенiемъ являются нѣсколько сказокъ, переведенныхъ съ подлинника Г. Щербачевымъ и помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью, хотя отчасти, пополнить упомянутые пробѣлы въ русской переводной литературѣ, а также дать всѣ сказки, разсказы и повѣсти въ новомъ, полномъ и возможно близкомъ къ подлиннику переводѣ, въ которомъ бы сохранились, по возможности, удивительная образность, свѣжесть и наивная простота изложенія Андерсена, т. е. всѣ тѣ достоинства оригинала, которыя не могли, до извѣстной степени, не утратиться въ переводахъ съ переводовъ. Кромѣ того, хронологическій порядокъ сказокъ, разсказовъ и повѣстей, въ которомъ они появятся въ настоящемъ изданіи, дастъ читателямъ возможность прослѣдить развитіе таланта „всемірно-извѣстнаго сказочника", что представляетъ безспорный литературный интересъ.

Итакъ, въ предлагаемое изданіе войдутъ:

I—II томы—всѣ сказки, разсказы и повѣсти (въ хронологическомъ порядкѣ), съ примѣчаніями самого автора относительно ихъ происхожденія;

III томъ—лучшій его романъ—„Импровизаторъ", избранные путевые очерки, драматическія произведенія и стихотворенія,—послѣднія въ новыхъ переводахъ русскихъ поэтовъ, любезно обѣщавшихъ намъ свое содѣйствіе,—и

IV томъ—„Сказка моей жизни"—автобіографія Андерсена, извлеченія изъ его переписки съ друзьями и выдающимися современниками и воспоминанія о немъ. Къ этому же тому будутъ приложены два портрета Андерсена.

П. Ганзенъ.

С.-Петербургъ.
1 Декабря 1893 г.

ОГНИВО.

Шелъ солдатъ по дорогѣ: разъ—два! разъ—два! Ранецъ, за спиной, сабля сбоку; онъ шелъ домой съ войны. На дорогѣ встрѣтилась ему старая вѣдьма; нижняя губа висѣла у нея до самой груди.

— Здорово, служивый!—сказала она.—Какая у тебя славная сабля и большой ранецъ; вотъ бравый солдатъ! Сейчасъ ты получишь денегъ, сколько твоей душѣ угодно.

— Спасибо, старая вѣдьма!—сказалъ солдатъ.

— Видишь, вонъ это старое дерево?—сказала вѣдьма, показывая на дерево, которое стояло возлѣ.—Оно пустое внутри! Влѣзь на верхъ, тамъ будетъ дупло, ты и спустись въ него, въ самый низъ! Я обвяжу тебя веревкой вокругъ пояса и вытащу назадъ, когда ты крикнешь мнѣ.

— А зачѣмъ мнѣ лѣзть туда, въ дерево?—спросилъ солдатъ.

— За деньгами!—сказала вѣдьма.—Надо тебѣ сказать, что, когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ходъ; тамъ совсѣмъ свѣтло, потому что горитъ добрая сотня лампъ. Потомъ ты увидишь три двери; можешь отворить ихъ, ключи торчатъ снаружи. Войди въ первую комнату и увидишь посреди пола большой сундукъ, а на немъ собаку; глаза у нея, словно чайныя чашки! Но ты не бойся! Я дамъ тебѣ свой синій клѣтчатый передникъ, разстели его на полу, живо подойди и схвати собаку, посади ее на передникъ, открой сундукъ и бери изъ него вволю. Тутъ однѣ мѣдныя деньги; захочешь серебра—ступай въ другую комнату; тамъ сидитъ собака съ глазами, что твои мельничныя колеса; да ты не пугайся, сажай ее на передникъ и бери себѣ денежки. А хочешь, можешь достать и золота, сколько угодно; пойди только въ третью

комнату. Но у собаки, что сидитъ тамъ, глаза—каждый съ „Круглую башню“ *). Вотъ это такъ собака! Только нечего бояться и ея. Посади ее на мой передникъ, и она тебя не тронетъ, а ты бери себѣ золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно!—сказалъ солдатъ.—Но что же ты съ меня возьмешь за это, старая вѣдьма? Вѣдь, ужъ, что-нибудь да тебѣ отъ меня нужно?

— Я не возьму съ тебя ни полушки!—сказала вѣдьма.— Только принеси мнѣ старое огниво, которое позабыла тамъ въ послѣдній разъ моя бабушка!

— Ну, обвязывай меня веревкой!—сказалъ солдатъ.

— Готово!—сказала вѣдьма.—А вотъ и мой синій клѣтчатый передникъ!

Солдатъ влѣзъ на дерево, спустился въ дупло и очутился, какъ сказала вѣдьма, въ большомъ проходѣ, гдѣ горѣли сотни сотенъ лампъ.

Вотъ онъ открылъ первую дверь. У! тамъ сидѣлъ песъ съ глазами, точно чайныя чашки, и такъ и глазѣлъ на него.

— Малый не дуренъ!—сказалъ солдатъ, посадилъ его на вѣдьминъ передникъ и набралъ себѣ полный карманъ мѣдныхъ денегъ, потомъ закрылъ сундукъ, опять посадилъ на него собаку и отправился въ другую комнату. Ай-ай! тамъ сидѣла собака съ глазами, какъ мельничныя колеса.

— Нечего тебѣ таращиться на меня, глаза заболятъ!—сказалъ солдатъ и посадилъ собаку на вѣдьминъ передникъ. Увидѣвъ въ сундукѣ такую кучу серебра, онъ выбросилъ изъ кармана всю мѣдь и набилъ оба кармана и ранецъ однимъ серебромъ. Затѣмъ солдатъ пошелъ въ третью комнату. Фу, ты, пропасть! У этой собаки глаза были ни дать, ни взять—двѣ „Круглыя башни“ и вертѣлись, точно колеса.

— Мое почтеніе!—сказалъ солдатъ и взялъ подъ козырекъ. Такой собаки онъ еще не видывалъ.

Долго смотрѣть на нее онъ, впрочемъ, не сталъ, а взялъ, да посадилъ ее на передникъ и открылъ сундукъ. Батюшки! сколько тутъ было золота! Онъ могъ бы купить на него весь

*) „Круглая башня“—„Rundetaarn“ одно изъ самыхъ высокихъ зданій Копенгагена и играетъ у датчанъ, въ смыслѣ сравненія, такую же роль, какъ у насъ, напримѣръ, „Иванъ Великій“.

Примѣч. перев.

Копенгагенъ, всѣхъ сахарныхъ поросятъ у торговокъ сластями, всѣхъ оловянныхъ солдатиковъ, деревянныхъ лошадокъ и всѣ кнутики въ свѣтѣ! На все хватило бы! Солдатъ повыбросилъ изъ кармановъ и ранца серебряныя деньги и такъ набилъ всѣ карманы, ранецъ, шапку и сапоги золотомъ, что еле-еле могъ двигаться. Теперь-то онъ былъ съ деньгами! Собаку онъ опять посадилъ на сундукъ, захлопнулъ дверь и закричалъ наверхъ:

— Тащи меня, старая вѣдьма!

— Взялъ ты огниво?—спросила вѣдьма.

— Ахъ, правда, совсѣмъ было забылъ про него!—сказалъ солдатъ, пошелъ и взялъ огниво. Вѣдьма вытащила его наверхъ, и онъ опять очутился на дорогѣ, съ набитыми золотомъ карманами, сапогами, ранцемъ и фуражкой.

— Зачѣмъ тебѣ это огниво?—спросилъ солдатъ.

— Не твое дѣло!—сказала вѣдьма.—Ты, вѣдь, получилъ деньги! Отдай же мнѣ огниво!

— Какъ бы не такъ!—сказалъ солдатъ.—Сейчасъ говори, зачѣмъ тебѣ оно, не то я вытащу саблю, да срублю тебѣ голову.

— Не скажу!—отвѣчала вѣдьма.

Солдатъ взялъ и срубилъ ей голову. Такъ вѣдьма и свалилась! А онъ завязалъ всѣ свои деньги въ ея передникъ, взвалилъ узелъ на спину, сунулъ огниво въ карманъ и отправился прямо въ городъ.

Городъ былъ чудесный; солдатъ остановился въ самой лучшей гостиницѣ и потребовалъ себѣ самыя лучшія комнаты и всѣ свои любимыя блюда,—теперь, вѣдь, онъ былъ богачемъ!

Слуга, который долженъ былъ чистить его сапоги, удивился было, что у такого богатаго господина такіе плохіе сапоги, но солдатъ еще не успѣлъ обзавестись новыми; зато на другой день онъ купилъ себѣ и сапоги, и богатыя платья.

Теперь солдатъ сдѣлался настоящимъ бариномъ, и ему разсказали обо всѣхъ чудесахъ, какія были тутъ въ городѣ, и о королѣ, и о его прелестной дочери, принцессѣ.

— Какъ бы увидать ее?—спросилъ солдатъ.

— Этого никакъ нельзя!—сказали ему.—Она живетъ въ огромномъ мѣдномъ замкѣ, за высокими стѣнами съ башнями. Никто, кромѣ самого короля, не смѣетъ ни войдти туда, ни выйдти оттуда, потому что королю предсказали, будто она вый-

детъ замужъ за простого солдата, а это не можетъ быть королю по сердцу!

„Посмотрѣлъ бы я ее!“—подумалъ солдатъ.

Да кто бы ему позволилъ?!

Теперь-то онъ зажилъ весело: ходилъ въ театры, гулялъ въ Королевскомъ саду и много помогалъ бѣднымъ. И хорошо дѣлалъ: онъ, вѣдь, по себѣ зналъ, какъ плохо сидѣть безъ гроша въ карманѣ! Теперь онъ былъ богатъ, прекрасно одѣвался и пріобрѣлъ очень много друзей; всѣ они называли его славнымъ малымъ, настоящимъ бариномъ, а ему это очень нравилось. Такъ онъ все тратилъ, да тратилъ деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него въ концѣ-концовъ всего-на-всего двѣ денежки! Пришлось перебраться изъ хорошихъ комнатъ въ крошечную коморку, подъ самою крышей, самому чистить себѣ сапоги и зашивать на нихъ дыры; никто изъ друзей не навѣщалъ его,—ужъ очень высоко было подниматься къ нему!

Разъ какъ-то, вечеромъ, сидѣлъ солдатъ въ своей коморкѣ; совсѣмъ уже стемнѣло, а у него не было даже денегъ на свѣчку; онъ и вспомнилъ про маленькій огарочекъ въ огнивѣ, которое досталъ въ подземельи, куда спускала его вѣдьма. Солдатъ досталъ огниво и огарокъ, но какъ только, высѣкая огонь, ударилъ по кремню, дверь распахнулась, и передъ нимъ очутилась собака съ глазами, точно чайныя чашки, та самая, которую онъ видѣлъ въ подземельѣ.

— Что угодно, господинъ?

— Вотъ такъ штука!—сказалъ солдатъ.—Огниво-то, выходитъ, презабавное: я могу получить все, что захочу! Добудь-ка мнѣ деньжонокъ!—сказалъ онъ собакѣ, и разъ—ея и слѣдъ простылъ, два—она опять тутъ, какъ тутъ, а въ зубахъ у нея большой мѣшокъ, набитый мѣдными деньгами! Тутъ солдатъ и узналъ, что за чудное было у него огниво. Стоило ударить по кремню разъ—являлась собака, которая сидѣла на сундукѣ съ мѣдными деньгами, два раза—являлась та, у которой было серебро, а три—являлась собака съ золотомъ.

И вотъ, солдатъ опять перебрался въ хорошія комнаты, сталъ ходить въ щегольскомъ платьѣ, и всѣ его друзья сейчасъ же опять узнали его и ужасно полюбили.

Разъ ему и приди въ голову: „Почему бы это нельзя видѣть принцессы? Она такая красавица, говорятъ всѣ, а что

толку, если она вѣкъ свой сидитъ въ мѣдномъ замкѣ, за высокими стѣнами съ башнями? Неужели мнѣ такъ и не удастся взглянуть на нее? Ну-ка, гдѣ мое огниво?“ —и онъ ударилъ по кремню разъ, — въ тотъ же мигъ передъ нимъ стояла собака съ глазами, точно чайныя чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказалъ солдатъ: —но мнѣ такъ захотѣлось увидѣть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчасъ же за дверь, и не успѣлъ солдатъ опомниться, она явилась снова со спящею принцессой на спинѣ. Принцесса была чудо какъ хороша; сразу было видно, что она принцесса, и солдатъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать ея, —онъ былъ, вѣдь, бравый воинъ, настоящій кавалеръ!

Собака отнесла принцессу назадъ, и за утреннимъ чаемъ принцесса разсказала королю съ королевой, какой она видѣла сегодня ночью удивительный сонъ про собаку и солдата: будто она ѣхала верхомъ на собакѣ, а солдатъ поцѣловалъ ее.

— Вотъ такъ исторія! —сказала королева.

И на слѣдующую ночь къ постели принцессы приставили старуху-фрейлину, —она должна была разузнать, былъ-ли то въ самомъ дѣлѣ сонъ, или что другое.

А солдату опять ужасно захотѣлось увидѣть прелестную принцессу, и вотъ, ночью, опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась съ ней во всю прыть, но старуха-фрейлина надѣла непромокаемые сапоги и пустилась въ догонку. Увидавъ, что собака скрылась съ принцессой въ одномъ большомъ домѣ, фрейлина подумала: —„Теперь я знаю, гдѣ надо начать розыски!“ —поставила мѣломъ на воротахъ дома крестъ и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назадъ, увидала этотъ крестъ, взяла сейчасъ же кусокъ мѣла и наставила крестовъ на всѣхъ воротахъ въ городѣ. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла больше отыскать настоящихъ воротъ, — повсюду стояли кресты.

Рано утромъ король съ королевой, старуха-фрейлина и всѣ офицеры пошли посмотрѣть, куда это ѣздила принцесса ночью.

— Вотъ куда! —сказалъ король, увидѣвъ первыя ворота съ крестомъ.

— Нѣтъ, вотъ куда, муженекъ! —сказала королева, увидѣвъ крестъ на другихъ воротахъ.

— Да и здѣсь крестъ, и здѣсь!—сказали другіе, видя кресты на всѣхъ воротахъ. Тутъ всѣ и увидали, что не добиться имъ толку.

Но королева была женщина умная, мастерица на все, а не только въ каретахъ разъѣзжать. Взяла она свои золотыя ножницы, изрѣзала большой кусокъ шелковой матеріи въ кусочки и сшила крошечный хорошенькій мѣшочекъ, насыпала въ него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессѣ и потомъ прорѣзала въ мѣшечкѣ дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ѣздила принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла къ солдату; солдатъ такъ полюбилъ принцессу, что отъ души желалъ бы стать принцемъ и жениться на ней.

Собака совсѣмъ и не замѣтила, что крупа сыпалась за нею по всей дорогѣ, отъ самаго дворца до окна солдата, куда она вспрыгнула съ принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ѣздила принцесса, и солдата посадили въ тюрьму.

Какъ тамъ было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: „Завтра утромъ тебя повѣсятъ!“ Очень было невесело слушать это, а огниво свое онъ позабылъ дома въ гостиницѣ.

Утромъ солдатъ подошелъ къ маленькому окошечку и сталъ смотрѣть сквозь желѣзную рѣшетку на улицу; народъ толпами валилъ за городъ посмотрѣть, какъ его будутъ вѣшать; били барабаны, проходили полки солдатъ. Тутъ же бѣжалъ какой-то мальчишка-сапожникъ въ кожаномъ передникѣ и туфляхъ; онъ мчался въ припрыжку, и одна изъ его туфель слетѣла съ ноги и ударилась прямо въ стѣну тюрьмы, чуть не въ окошко, гдѣ стоялъ солдатъ.

— Эй, ты, куда торопишься!—сказалъ ему солдатъ.—Безъ меня, вѣдь, дѣло не обойдется! А вотъ, если сбѣгаешь туда, гдѣ я жилъ, за моимъ огнивомъ, получишь четыре монетки. Только живо!

Мальчишка былъ не прочь получить четыре монетки и стрѣлой пустился за огнивомъ, отдалъ его солдату, и... а вотъ, теперь послушаемъ!

За городомъ была устроена висѣлица, вокругъ стояли солдаты и много сотенъ тысячъ народу. Король и королева сидѣли на чудесномъ тронѣ прямо противъ судей и всего Совѣта.

Солдатъ уже стоялъ на лѣстницѣ, но когда хотѣли накинуть ему на шею веревку, онъ сказалъ, что прежде, нежели наказать

грѣшника, всегда исполняютъ какое-нибудь невинное желаніе его. А ему бы очень хотѣлось выкурить трубочку табаку,— это, вѣдь, будетъ послѣдняя его трубочка на бѣломъ свѣтѣ!

Королю не захотѣлось отказать, и солдатъ вытащилъ свое огниво, ударилъ по кремню разъ, два, три—и передъ нимъ стояли всѣ три собаки.

— Ну-ка, помогите мнѣ избавиться отъ петли!—сказалъ солдатъ.

И собаки бросились на судей и на весь Совѣтъ: того за ноги, того за носъ, да кверху на нѣсколько сажень, и всѣ разбивались въ дребезги!

— Не хочу!—сказалъ король, но самая большая собака схватила его, вмѣстѣ съ королевой, и подбросила ихъ кверху вслѣдъ за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народъ закричалъ:

— Милый солдатъ, будь нашимъ королемъ и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили въ королевскую карету, а всѣ три собаки танцовали передъ ней и кричали: „ура!“ Мальчишки свистали, и солдаты отдавали честь. Принцесса вышла изъ своего мѣднаго замка и сдѣлалась королевой, чѣмъ была очень довольна. Свадебный пиръ продолжался цѣлую недѣлю; собаки тоже сидѣли за столомъ и таращили глаза.

НИКОЛАЙ и НИКОЛКА.

Жили—были два человѣка; обоихъ звали Николаями, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; такъ вотъ, чтобы различать ихъ, и стали звать того, у котораго было четыре лошади, Николаемъ, а того, у котораго одна, Николкой. Послушаемъ-ка, теперь, что съ ними было; цѣлая исторія!

Всю недѣлю, какъ есть, долженъ былъ Николка пахать на своей лошадкѣ поле Николая. Зато Николай давалъ ему всѣхъ своихъ четырехъ, но только разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ. Эхъ, ты, ну! какъ помахивалъ Николка кнутомъ по всему пятерику,—сегодня, вѣдь, всѣ лошадки были какъ будто его собственными. Солнце такъ и сіяло, колокола звонили къ обѣднѣ, люди всѣ были такіе нарядные и шли съ молитвенниками въ

рукахъ въ церковь послушать проповѣдь священника. Всѣ они видѣли, что Николка пашетъ на пяти лошадяхъ, и онъ былъ очень доволенъ, пощелкивалъ кнутомъ и покрикивалъ:

— Эхъ, вы, мои лошадушки!

— Не смѣй такъ говорить!—сказалъ Николай.—У тебя, вѣдь, всего одна лошадь!

Но вотъ, опять кто-нибудь проходилъ мимо, и Николка забывалъ, что не смѣлъ говорить такъ, и опять покрикивалъ:

— Ну, вы, мои лошадушки!

— Послушай, я прошу тебя перестать!—сказалъ Николай.—Если ты скажешь это еще хоть разъ, я возьму, да хвачу твою лошадь по лбу, вотъ ей и конецъ будетъ!

— Право, я не буду больше!—сказалъ Николка, да вдругъ опять кто-то прошелъ мимо и поздоровался съ нимъ, а онъ отъ радости, что пашетъ такъ важно на цѣлыхъ пяти лошадяхъ, опять щелкнулъ кнутомъ и закричалъ:

— Ну, вы, мои лошадушки!

— Вотъ я тебѣ понукаю твоихъ лошадушекъ!—сказалъ Николай, взялъ обухъ, которымъ вколачиваютъ въ полѣ колья для привязи лошадей, и такъ хватилъ Николкину лошадь по лбу, что убилъ ее наповалъ.

— Ахъ, нѣтъ у меня теперь ни единой лошадки!—сказалъ Николка и принялся плакать.

Потомъ онъ снялъ съ лошади шкуру, высушилъ ее хорошенько, положилъ въ мѣшокъ, взвалилъ мѣшокъ на спину и пошелъ въ городъ продавать шкуру.

Идти приходилось очень далеко, черезъ большой темный лѣсъ, а какъ на грѣхъ разыгралась непогода, и Николка заблудился. Не успѣлъ онъ снова выбраться на дорогу, какъ уже совсѣмъ стемнѣло, а до города было еще далеко, да и домой назадъ не близко; до ночи ни за что было не добраться ни туда, ни сюда.

На дорогѣ какъ разъ былъ большой крестьянскій дворъ; ставни дома были уже закрыты, но сквозь нихъ свѣтился огонь.

„Вотъ тутъ я, вѣрно, найду себѣ пріютъ на ночь“,—подумалъ Николка и пошелъ стучаться.

Хозяйка отперла, узнала, что ему надо, и велѣла идти своей дорогой; мужа ея не было дома, а безъ него она не могла принимать гостей.

— Ну, придется полежать на дворѣ!—сказалъ Николка, а хозяйка заперла передъ нимъ дверь.

Возлѣ дома стоялъ большой стогъ сѣна, а между стогомъ и домомъ—маленькій сарай съ плоскою соломенною крышей.

— Вонъ тамъ я и полежу!—сказалъ Николка, увидѣвъ крышу.—Чудесная постель; аистъ, вѣдь, не слетитъ оттуда и не укуситъ меня за ногу!

Это онъ сказалъ потому, что на крышѣ дома было гнѣздо, и стоялъ живой аистъ.

Николка влѣзъ на крышу сарая, растянулся на соломѣ и принялся ворочаться съ боку на бокъ, стараясь улечься поудобнѣе. Ставни не совсѣмъ плотно подходили къ окнамъ и ему видна была вся горница.

Въ горницѣ былъ накрытъ большой столъ; чего, чего только на немъ не было: и вино, и жаркое, и чудеснѣйшая рыба; за столомъ сидѣли хозяйка и пономарь, больше никого.

Она угощала его, а онъ уписывалъ рыбу за обѣ щеки,—онъ былъ большой охотникъ до нея.

„Вотъ бы мнѣ присосѣдиться!“—подумалъ Николка и, вытянувъ шею, заглянулъ въ самое окно. Ахъ, какое чудесное пирожное увидалъ онъ! Да, вотъ такъ пиръ шелъ у нихъ!

Въ то же время онъ услыхалъ, что кто-то подъѣзжаетъ къ дому верхомъ; это вернулся домой хозяйкинъ мужъ. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, но за нимъ водилась одна слабость: онъ видѣть не могъ пономарей; стоило ему встрѣтить пономаря—и онъ приходилъ въ бѣшенство. Поэтому пономарь и пришелъ въ гости къ его женѣ въ то время, когда мужа не было дома, а добрая женщина постаралась угостить его на славу. Оба они очень испугались, услышавъ, что мужъ вернулся, и жена попросила гостя поскорѣе влѣзть въ большой пустой сундукъ, который стоялъ въ углу. Пономарь послушался,—онъ, вѣдь, зналъ, что бѣдняга мужъ видѣть не можетъ пономарей,—а жена проворно убрала все угощеніе въ печку: если бы мужъ увидалъ все это, онъ, конечно, спросилъ бы, кого она угощала.

— Ахъ!—вздохнулъ Николка на крышѣ, глядя, какъ она прятала кушанья и вино.

— Кто тамъ?—спросилъ крестьянинъ и вскинулъ глаза на Николку.—Чего-жъ ты лежишь тутъ? Пойдемъ-ка лучше въ горницу!

Николка разсказалъ, какъ онъ заблудился и попросился ночевать.

— Ладно!—сказалъ крестьянинъ.—Только сперва намъ надо подкрѣпиться съ дороги.

Жена приняла ихъ обоихъ очень ласково, накрыла столъ и вынула имъ изъ печки большой горшокъ каши.

Крестьянинъ проголодался и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, а у Николки изъ головы не шли жаркое, рыба и пирожное, которыя были спрятаны въ печкѣ.

Подъ столомъ, у ногъ Николки, лежалъ мѣшокъ съ лошадиною шкурой, съ тою самою, которую онъ несъ продавать. Каша была ему совсѣмъ не по вкусу, и онъ наступилъ на свой мѣшокъ ногою; сухая шкура громко заскрипѣла.

— Т-ссъ!—сказалъ Николка мѣшку, а самъ опять наступилъ на него, и шкура заскрипѣла еще громче.

— Что тамъ у тебя?—спросилъ хозяинъ.

— А это колдунъ мой!—сказалъ Николка.—Онъ говоритъ, что не стоитъ ѣсть каши,—онъ наколдовалъ намъ полную печку жаркого, рыбы и пирожнаго!

— Вотъ такъ штука!—сказалъ крестьянинъ, мигомъ открылъ печку и увидалъ тамъ чудесныя кушанья; ихъ спрятала туда его жена, а онъ-то думалъ, что это все колдунъ наколдовалъ!

Жена не посмѣла сказать ни слова и живо поставила все на столъ, а мужъ съ гостемъ принялись ѣсть. Вдругъ Николка опять наступилъ на мѣшокъ, и шкура заскрипѣла.

— Что онъ опять?—спросилъ крестьянинъ.

— Да, вотъ, говоритъ, что наколдовалъ намъ еще три бутылки винца, тамъ же, въ печкѣ!—сказалъ Николка.

Женѣ пришлось вытащить и вино; крестьянинъ выпилъ стаканчикъ, другой, и ему стало такъ весело! Да, такого колдуна, какъ у Николки, онъ не прочь былъ бы заполучить!

— А можетъ онъ тоже вызвать чорта?—спросилъ крестьянинъ.—Его бы я посмотрѣлъ; теперь я въ духѣ!

— Да!—сказалъ Николка.—Мой колдунъ можетъ сдѣлать все, чего я захочу. Правда?—спросилъ онъ у мѣшка, а самъ наступилъ на него, и шкура заскрипѣла.

— Слышишь, онъ отвѣчаетъ: „да". Только чортъ такой безобразный, что не стоитъ и смотрѣть его!

— О, я ни капельки не боюсь; а каковъ онъ на взглядъ?

— Да онъ точь-въ-точь пономарь!

— Фу, ты!—сказалъ крестьянинъ.—Вотъ безобразіе! Надо вамъ знать, что я видѣть не могу пономарей! Но все равно,

я, вѣдь, буду знать, что это чортъ, и мнѣ не будетъ такъ противно! Теперь я, кстати, набрался храбрости! Только пусть онъ не подходитъ слишкомъ близко!

— А вотъ, я сейчасъ скажу колдуну!—сказалъ Николка, наступилъ на мѣшокъ и прислушался.

— Ну, что?

— Онъ велитъ намъ пойдти и открыть вонъ тотъ сундукъ въ углу; тамъ притаился чортъ. Но надо придерживать крышку, а то онъ выскочитъ.

— Такъ помогите мнѣ придержать!—сказалъ крестьянинъ и пошелъ къ сундуку, куда жена спрятала настоящаго пономаря.

Пономарь былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха. Крестьянинъ пріоткрылъ крышку и заглянулъ въ сундукъ.

— Фу!—закричалъ онъ и отскочилъ прочь.—Видѣлъ, видѣлъ! Точь-въ-точь нашъ пономарь! Вотъ безобразіе!

Такую непріятность надо было запить, и они пили до поздней ночи.

— А колдуна этого ты мнѣ продай!—сказалъ крестьянинъ.—Проси, сколько хочешь, хоть цѣлый четверикъ денегъ!

— Нѣтъ, не могу!—сказалъ Николка.—Подумай, сколько мнѣ отъ него пользы!

— Ахъ, мнѣ страсть хочется!—сказалъ крестьянинъ и принялся упрашивать Николку.

— Ну,—сказалъ, наконецъ, Николка:—пусть будетъ по твоему! Ты ласково обошелся со мной, пустилъ меня ночевать, такъ бери-жъ себѣ моего колдуна за четверикъ денегъ, только полный!

— Хорошо!—сказалъ крестьянинъ.—Но ты долженъ взять и сундукъ; я и часу не хочу держать его у себя въ домѣ; почемъ знать, можетъ быть, онъ все еще тамъ сидитъ?

Николка отдалъ крестьянину свой мѣшокъ съ высушеной шкурой и получилъ за него полный четверикъ денегъ, да еще большую тачку, чтобы было на чемъ везти деньги и сундукъ.

— Прощай!—сказалъ Николка и покатилъ тачку съ деньгами и съ сундукомъ, гдѣ все еще сидѣлъ пономарь.

По ту сторону лѣса протекалъ большой глубокій ручей, такой быстрый, что едва можно было справиться съ теченіемъ; черезъ ручей былъ перекинутъ мостъ. Николка всталъ посрединѣ моста и сказалъ нарочно, какъ можно громче, чтобы пономарь услышалъ:

— Къ чему мнѣ этотъ дурацкій сундукъ? Онъ такой тяжелый, точно весь набитъ камнями! Я совсѣмъ измучусь съ нимъ! Брошу-ка его въ ручей: приплыветъ онъ ко мнѣ домой самъ— ладно, а не приплыветъ—и не надо!

Потомъ онъ взялся за сундукъ одною рукой и слегка приподнялъ его, точно собираясь столкнуть въ воду.

—Постой!—закричалъ изъ сундука пономарь. — Выпусти сначала меня!

— Ай!—сказалъ Николка, притворяясь, что испугался.— Онъ все еще тутъ! Въ воду его скорѣе!

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ пономарь.—Выпусти меня, я дамъ тебѣ цѣлый четверикъ денегъ!

— Вотъ это дѣло другое!—сказалъ Николка и открылъ сундукъ.

Пономарь мигомъ выскочилъ оттуда и столкнулъ пустой сундукъ въ воду. Потомъ они пошли къ нему домой, и Николка получилъ еще цѣлый четверикъ денегъ. Теперь вся тачка была полна деньгами.

— А, вѣдь, лошадка принесла мнѣ недурной барышъ!—сказалъ самъ себѣ Николка, когда пришелъ домой и высыпалъ на полъ цѣлую кучу денегъ.—Вотъ Николай-то разсердится, когда узнаетъ, какъ я разбогатѣлъ отъ своей единственной лошади! Только пусть не ждетъ, чтобы я сказалъ ему всю правду!

И онъ послалъ къ Николаю мальчика попросить мѣру, которою мѣрятъ зерно.

— Зачѣмъ это ему мѣра?—подумалъ Николай и слегка смазалъ дно мѣры дегтемъ,—авось, молъ, къ нему пристанетъ кое-что. Такъ и вышло: получивъ мѣру назадъ, Николай увидѣлъ, что ко дну прилипли три новенькихъ серебряныхъ монетки.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ Николай и сейчасъ побѣжалъ къ Николкѣ.

— Откуда у тебя столько денегъ?

— Я продалъ вчера вечеромъ шкуру своей лошади.

— Съ барышомъ продалъ!—сказалъ Николай, побѣжалъ домой, взялъ топоръ и убилъ всѣхъ своихъ четырехъ лошадей, снялъ съ нихъ шкуры и отправился въ городъ продавать.

— Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры!—кричалъ онъ по улицамъ.

Всѣ сапожники и кожевники сбѣжались къ нему и стали спрашивать, сколько онъ проситъ за шкуры.

— Четверикъ денегъ за штуку!—сказалъ Николай.

— Да ты въ умѣ?—сказали они ему.—По твоему, мы отваливаемъ деньги четвериками?

— Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры!—кричалъ онъ опять и всѣмъ, кто спрашивалъ, почемъ у него шкуры, отвѣчалъ:— Четверикъ денегъ штука!

— Онъ вздумалъ дурачить насъ!—сказали всѣ сапожники и кожевники, и вотъ, одни схватили свои ремни, другіе свои кожаные передники и принялись хлестать ими Николая.

— Шкуры! Шкуры!—передразнивали они его.—Вотъ мы зададимъ тебѣ шкуры! Вонъ изъ города!

И Николай давай Богъ ноги! Сроду еще его такъ не колотили!

— Ну,—сказалъ онъ, добравшись до дому:—поплатится же мнѣ за это Николка! Убью его до смерти!

А у Николки умерла старая бабушка; она не очень-то ладила съ нимъ, была злая и сварливая, но онъ все-таки очень жалѣлъ ее и положилъ на ночь въ свою теплую постель,—авось отогрѣется и оживетъ,—а самъ усѣлся въ углу, на стулѣ; ему не впервые было ночевать такъ.

Ночью дверь отворилась, и вошелъ Николай съ топоромъ въ рукахъ; онъ зналъ, гдѣ стоитъ постель Николки, прямо подошелъ къ ней и ударилъ мертвую бабушку по головѣ, думая, что это Николка.

— Вотъ тебѣ! Не будешь больше дурачить меня!—сказалъ Николай и пошелъ домой.

— Вотъ злодѣй!—сказалъ Николка.—Это онъ меня хотѣлъ убить! Хорошо, что бабушка-то была мертвая, а то бы ей не поздоровилось!

Потомъ онъ одѣлъ бабушку въ праздничное платье, попросилъ у сосѣда лошадь, запрегъ ее въ телѣжку, хорошенько усадилъ старуху на заднюю скамейку, чтобы она не свалилась, когда поѣдутъ, и покатилъ съ ней черезъ лѣсъ. Когда солнышко встало, они подъѣхали къ большому постоялому двору, тутъ Николка остановился и пошелъ спросить себѣ чего-нибудь закусить.

У хозяина постоялаго двора было много, много денегъ, и самъ онъ былъ человѣкъ очень добрый, но такой горячій, точно весь начиненъ перцемъ и табакомъ.

— Здравствуй!—сказалъ онъ Николкѣ.—Что это ты спозаранку расфрантился сегодня?

— Да вотъ,—сказалъ Николка:—надо съ бабушкой въ городъ съѣздить; она осталась тамъ въ тележкѣ,—ни за что не хочетъ вылѣзать. Пожалуйста, отнесите ей туда стаканчикъ меду, только говорите съ ней погромче, она глуховата!

— Ладно!—сказалъ хозяинъ, взялъ большой стаканъ меду и понесъ старухѣ.

— Вотъ, внучекъ прислалъ вамъ стаканчикъ медку!—сказалъ хозяинъ, но старуха не отвѣтила ни слова, и даже не шевельнулась.

— Слышите!—закричалъ хозяинъ во все горло.—Вашъ внукъ посылаетъ вамъ стаканъ меду!

Еще разъ прокричалъ онъ то же самое и еще разъ, а она все не шевелилась; тогда онъ разсердился и пустилъ ей стаканъ прямо въ лицо, такъ что медъ потекъ у нея по носу, а сама она опрокинулась навзничь,—Николка, вѣдь, не привязалъ ее, а просто посадилъ.

— Что ты надѣлалъ?—завопилъ Николка, выскочилъ изъ дверей и схватилъ хозяина за воротъ.—Ты убилъ мою бабушку! Погляди, какая у нея дыра во лбу!

— Вотъ бѣда-то!—заохалъ хозяинъ, всплеснувъ руками.—И все это изъ-за моей горячности! Милый Николушка, я дамъ тебѣ цѣлый четверикъ денегъ и похороню твою бабушку, какъ свою собственную, только молчи объ этомъ, не то мнѣ отрубятъ голову, а, вѣдь, это ужасно непріятно!

И вотъ, Николка получилъ цѣлый четверикъ денегъ, а хозяинъ схоронилъ его старую бабушку, точно свою собственную.

Николка вернулся домой опять съ цѣлой кучей денегъ, и сейчасъ же послалъ къ Николаю мальчика попросить мѣру.

— Какъ такъ?—сказалъ Николай.—Развѣ я не убилъ его? Надо посмотрѣть самому! И онъ самъ понесъ мѣру Николкѣ.

— Откуда это у тебя такая куча денегъ?—спросилъ онъ и просто глаза вытаращилъ отъ удивленія.

— Ты убилъ-то не меня, а мою бабушку,—сказалъ Николка:—и я ее продалъ за четверикъ денегъ!

— Съ барышомъ продалъ!—сказалъ Николай, побѣжалъ домой, взялъ топоръ и убилъ свою старую бабушку, потомъ положилъ ее въ телѣжку, пріѣхалъ съ ней въ городъ къ аптекарю и предложилъ ему купить мертваго человѣка.

— Кто это и гдѣ вы его взяли?—спросилъ аптекарь.

— Это моя бабушка!—сказалъ Николай.—Я убилъ ее, чтобы продать за четверикъ денегъ!

— Господи помилуй!—сказалъ аптекарь.—Вы сами не знаете, что говорите! Смотрите, вѣдь, это можетъ стоить вамъ головы!

И онъ растолковалъ Николаю, что онъ такое надѣлалъ, какой онъ дурной человѣкъ и какъ его за это накажутъ. Николай перепугался, опрометью выскочилъ изъ аптеки, сѣлъ въ тележку, ударилъ по лошадямъ и помчался домой. Аптекарь и весь народъ подумали, что онъ съумасшедшій и потому не задержали его.

— Поплатишься же ты мнѣ за это, поплатишься, Николка!—сказалъ Николай, выѣхавъ на дорогу, и какъ только добрался до дому, взялъ большущій мѣшокъ, пошелъ къ Николкѣ и сказалъ:

— Ты опять одурачилъ меня? Сперва я убилъ моихъ лошадей, а теперь и бабушку! Все это по твоей милости! Но ужъ больше тебѣ не дурачить меня!

И вотъ, онъ схватилъ Николку и посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ его, вскинулъ на спину и закричалъ:

— Пойду, да утоплю тебя!

До рѣки было не близко, и Николаю становилось тяжеленько тащить Николку. Дорога шла мимо церкви; оттуда слышались звуки органа и чудное пѣніе. Николай поставилъ мѣшокъ съ Николкой у самыхъ церковныхъ дверей и подумалъ, что не худо было бы зайдти въ церковь, прослушать псаломъ, другой, а потомъ ужъ идти дальше. Николка не могъ, вѣдь, вылѣзти изъ мѣшка самъ, а весь народъ былъ въ церкви. И вотъ, Николай зашелъ въ церковь.

— Охъ, охъ!—вздыхалъ Николай, ворочаясь въ мѣшкѣ, но, какъ онъ ни старался, развязаться ему не удавалось. Въ это самое время мимо проходилъ старый, сѣдой, какъ лунь, пастухъ съ большой клюкой въ рукахъ; онъ погонялъ ею цѣлое стадо коровъ и быковъ. Животныя набѣжали на мѣшокъ съ Николкой и повалили его.

— О-охъ!—вздохнулъ Николка.—Такой я молодой еще, а ужъ долженъ отправляться въ царство небесное!

— А я, бѣдняга, такой старикъ, и все не могу попасть туда!—сказалъ пастухъ.

— Развяжи мѣшокъ,—закричалъ Николка:—влѣзь на мое мѣсто и живо попадешь туда!

— Съ удовольствіемъ!—сказалъ пастухъ и развязалъ мѣшокъ, а Николка мигомъ выскочилъ оттуда.

— Теперь тебѣ смотрѣть за стадомъ!—сказалъ старикъ и влѣзъ въ мѣшокъ.

Николка завязалъ его и погналъ себѣ стадо.

Немного погодя, вышелъ изъ церкви Николай, взвалилъ мѣшокъ на спину, и ему сразу показалось, что мѣшокъ сталъ гораздо легче,—Николка вѣсилъ, вѣдь, чуть не вдвое больше противъ старика-пастуха.

„Ишь, какъ теперь легко стало! А все оттого, что я побывалъ въ церкви“!—подумалъ Николай, дошелъ до широкой и глубокой рѣки, бросилъ туда мѣшокъ съ пастухомъ и закричалъ:

— Ну вотъ, впередъ не будешь дурачить меня!

Послѣ этого онъ отправился домой, но у самаго перекрестка встрѣтилъ... Николку съ цѣлымъ стадомъ!

— Вотъ тебѣ разъ!—сказалъ Николай.—Развѣ я не утопилъ тебя?

— Конечно!—сказалъ Николка.—Полчаса тому назадъ ты бросилъ меня въ рѣку!

— Такъ откуда же ты взялъ такое чудесное стадо?—спросилъ Николай.

— Это водяное стадо!—сказалъ Николка.—Я разскажу тебѣ цѣлую исторію. Спасибо тебѣ, что ты утопилъ меня, теперь я разбогатѣлъ, какъ видишь! А страшно мнѣ было въ мѣшкѣ! Вѣтеръ такъ и засвистѣлъ у меня въ ушахъ, когда ты бросилъ меня въ воду! Я сразу пошелъ ко дну, но не ушибся,—тамъ внизу растетъ такая нѣжная, мягкая травка. На нее я и упалъ; мѣшокъ сейчасъ же развязался, и прелестнѣйшая дѣвушка въ бѣломъ, какъ снѣгъ, платьѣ, съ вѣнкомъ изъ зелени на мокрыхъ волосахъ, протянула мнѣ руку и сказала: „А, это ты Николка? Ну, вотъ, прежде всего бери это стадечко, а съ версту отсюда, на дорогѣ, пасется другое, побольше,—ступай, возьми и его“. Тутъ я увидѣлъ, что рѣка была для водяныхъ жителей все равно, что дорога: они ѣздили и ходили по дну отъ самаго озера и до того мѣста, гдѣ рѣкѣ конецъ. Ахъ, какъ тамъ было хорошо! Какіе цвѣты, свѣжая трава! А рыбки шныряли мимо моихъ ушей точь-въ-точь, какъ у насъ, здѣсь, птички! Что за красивые люди попадались мнѣ на встрѣчу и какія чудесныя стада паслись у изгородей и канавъ!

— Зачѣмъ же ты такъ скоро вернулся?—спросилъ Нико-

лай.—Ужъ меня бы не выманили оттуда, если тамъ такъ хорошо!

— Я, вѣдь, это не спроста сдѣлалъ!—сказалъ Николка.—Ты, слышалъ, что водяная дѣвушка велѣла мнѣ отправиться за другимъ стадомъ, которое пасется на дорогѣ всего въ одной верстѣ оттуда? Дорогой она называетъ рѣку,—другой дороги они, вѣдь, тамъ не знаютъ—а рѣка течетъ такими извилинами, что мнѣ пришлось бы задать здоровый кругъ. Вотъ, я и рѣшился выйдти на сушу, да пойдти наискось, прямо къ тому мѣсту, гдѣ ждетъ мое стадо; такимъ путемъ я выиграю почти полверсты!

— Экій счастливецъ!—сказалъ Николай.—А какъ ты думаешь, получу я стадо, если спущусь на дно?

— Я думаю!—сказалъ Николка.—Только, я не могу тащить тебя въ мѣшкѣ до рѣки, ты больно тяжелъ. А вотъ, коли хочешь дойдти самъ, да влѣзть тамъ въ мѣшокъ, такъ я съ удовольствіемъ сброшу тебя въ воду!

— Спасибо!—сказалъ Николай.—Но, если я не получу тамъ стада, я тебя изобью, такъ и знай!

— Ну, ну, не сердись!—сказалъ Николка, и они пошли къ рѣкѣ.

Когда стадо увидѣло воду, оно такъ и бросилось къ ней: животнымъ очень хотѣлось пить.

— Погляди, какъ они торопятся! сказалъ Николка.—Ишь, какъ соскучились по водѣ; домой, знать, захотѣлось!

— Да, да, ты, вотъ, помоги-ка мнѣ лучше, а не то я изобью тебя!—сказалъ Николай и влѣзъ въ большой мѣшокъ, который лежалъ на спинѣ у одного изъ быковъ.—Да положи мнѣ въ мѣшокъ камень, а то я, пожалуй, не пойду ко дну!

— Пойдешь!—сказалъ Николка, но все-таки положилъ въ мѣшокъ большой камень, крѣпко завязалъ мѣшокъ и столкнулъ его въ воду. Бултыхъ! и Николай пошелъ прямо ко дну.

— Охъ, боюсь, не найдетъ онъ тамъ стада!—сказалъ Николка и погналъ домой свое.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНѢ.

Жилъ—былъ принцъ, и хотѣлось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вотъ онъ и объѣздилъ весь свѣтъ, а такой что-то не находилось. Принцессъ-то было вволю, да

были-ли онѣ настоящія? До этого онъ никакъ добраться не могъ, такъ и вернулся домой ни съ чѣмъ и очень горевалъ,— ужъ очень ему хотѣлось достать настоящую принцессу!

Разъ, вечеромъ, была ужаснѣйшая погода; молнія такъ и сверкала, громъ гремѣлъ, а дождь лилъ, какъ изъ ведра; ужасъ что такое! Вдругъ, въ городскія ворота постучали, и старый король пошелъ отворять.

У воротъ стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бѣжала съ ея волосъ и платья прямо въ носки башмаковъ и вытекала изъ пятокъ, а она все-таки увѣряла, что она настоящая принцесса!

„Ну, это мы узнаемъ!"—подумала старая королева, но не сказала ни слова, пошла въ спальню, сняла съ постели всѣ тюфяки и подушки и положила на доски горошину; сверхъ горошины постлала двадцать тюфяковъ, а еще сверху двадцать пуховиковъ.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утромъ ее спросили, какъ она почивала.

— Ахъ, очень дурно!—сказала принцесса.—Я почти глазъ не сомкнула! Богъ знаетъ, что у меня была за постель! Я лежала на чемъ-то такомъ жесткомъ, что у меня все тѣло теперь въ синякахъ! Просто ужасно!

Тутъ-то и увидали, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину черезъ сорокъ тюфяковъ и пуховиковъ,—такою деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принцъ женился на ней. Теперь онъ зналъ, что беретъ за себя настоящую принцессу! А горошину отправили въ кунсткамеру; тамъ она и лежитъ, если только кто-нибудь не взялъ ее.

Да, вотъ какая была исторія!

ИДОЧКИНЫ ЦВѢТЫ.

— Бѣдные мои цвѣточки совсѣмъ завяли! — сказала Идочка.—Вчера, вечеромъ, они были такіе красивые, а теперь совсѣмъ повѣсили головки! Отчего это?—спросила она студента, сидѣвшаго на диванѣ.

Она очень любила этого студента,—онъ умѣлъ разсказывать чудеснѣйшія исторіи и вырѣзывать презабавныя фигурки: сер-

дечки съ крошками-танцовщицами внутри, цвѣты и великолѣпные дворцы съ дверями и окнами, которыя можно было открывать; большой весельчакъ былъ этотъ студентъ!

— Что же съ ними?—спросила она опять и показала ему свой завядшій букетъ.

— Знаешь, что?—сказалъ студентъ.—Цвѣты были сегодня ночью на балу, вотъ и повѣсили теперь головки!

— Да, вѣдь, цвѣты не танцуютъ!—сказала Идочка.

— Танцуютъ!—отвѣчалъ студентъ.—По ночамъ, когда кругомъ темно, и мы всѣ спимъ, они такъ весело пляшутъ другъ съ другомъ, такіе балы задаютъ—просто чудо!

— А дѣтямъ нельзя придти къ нимъ на балъ?

— Отчего же,—сказалъ студентъ:—маленькія маргаритки и ландыши тоже танцуютъ.

— Гдѣ танцуютъ самые красивые цвѣты?—спросила Идочка.

— Ты, вѣдь, бывала за городомъ, тамъ, гдѣ большой дворецъ, въ которомъ лѣтомъ живетъ король, и гдѣ такой чудесный садъ съ цвѣтами? Помнишь, тамъ много лебедей, которые подплывали къ тебѣ за хлѣбными крошками? Вотъ, тамъ-то и бываютъ настоящіе балы!

— Я еще вчера была тамъ съ мамашей,—сказала Ида:—но на деревьяхъ нѣтъ больше листьевъ, и во всемъ саду ни одного цвѣтка! Куда они всѣ дѣвались? Ихъ столько было лѣтомъ!

— Они всѣ во дворцѣ!—сказалъ студентъ.—Надо тебѣ сказать, что какъ только король и всѣ придворные переѣзжаютъ въ городъ, всѣ цвѣты сейчасъ же убѣгаютъ изъ сада прямо во дворецъ, и тамъ у нихъ начинается веселье! Вотъ бы тебѣ посмотрѣть! Двѣ самыя красивыя розы садятся на тронъ, это—король съ королевой. Красные пѣтушьи гребешки становятся по обѣимъ сторонамъ и кланяются, это—камеръ-юнкеры. Потомъ приходятъ всѣ остальные прекрасные цвѣты, и начинается балъ. Голубыя фіалки, это—маленькіе морскіе кадеты и танцуютъ съ барышнями—гіацинтами и крокусами, а тюльпаны и большія желтыя лиліи, это—пожилыя дамы и наблюдаютъ за танцами и вообще за порядкомъ.

— А цвѣточкамъ не можетъ достаться за то, что они танцуютъ въ королевскомъ дворцѣ?—спросила Идочка.

— Да, вѣдь, никто же не знаетъ объ этомъ!—сказалъ студентъ.—Правда, ночью заглянетъ иной разъ во дворецъ ста-

рикъ-смотритель съ большою связкою ключей въ рукахъ, но цвѣты, какъ только заслышатъ звяканье ключей, сейчасъ присмирѣютъ, спрячутся за длинныя занавѣски, что висятъ на окнахъ, и только чуть-чуть выглядываютъ оттуда однимъ глазкомъ. „Тутъ что-то пахнетъ цвѣтами!“—говоритъ старикъ-смотритель, а видѣть ничего не видитъ!

— Вотъ забавно!—сказала Идочка и даже въ ладоши захлопала.—И я тоже не могу увидѣть ихъ?

— Можешь,—сказалъ студентъ:—стоитъ только, какъ опять пойдешь туда, заглянуть въ окошки. Вотъ, я сегодня видѣлъ тамъ длинную желтую лилію; она лежала и потягивалась на диванѣ, воображая себя придворною дамой.

— А цвѣты изъ Ботаническаго сада тоже могутъ придти туда? Вѣдь, это далеко!

— Не бойся,—сказалъ студентъ:—они могутъ летать, если захотятъ! Ты видѣла красивыхъ красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ мотыльковъ, похожихъ на цвѣты? Они, вѣдь, и были прежде цвѣточками, только соскочили со своихъ стебельковъ, забили въ воздухѣ лепесточками, точно крылышками, и полетѣли. Они вели себя хорошо, за то и получили позволеніе летать и днемъ; другіе должны сидѣть смирно на своихъ стебелькахъ, а они летаютъ, и лепестки ихъ стали, наконецъ, настоящими крылышками. Ты сама видѣла ихъ! А, впрочемъ, можетъ быть, цвѣты изъ Ботаническаго сада и не бываютъ въ Королевскомъ дворцѣ! Можетъ быть, они даже и не знаютъ, что тамъ идетъ по ночамъ такое веселье. Вотъ что я скажу тебѣ,—то-то удивится потомъ профессоръ ботаники, который живетъ тутъ рядомъ!—Когда придешь въ его садъ, разскажи какому-нибудь цвѣточку про большіе балы въ королевскомъ дворцѣ; тотъ разскажетъ объ этомъ остальнымъ, и они всѣ убѣгутъ; профессоръ придетъ въ садъ, а тамъ ни единаго цвѣточка, и онъ въ толкъ не возьметъ, куда они дѣвались!

— Да какъ же цвѣтокъ разскажетъ другимъ? У цвѣтовъ нѣтъ языка!

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ студентъ:—зато они умѣютъ объясняться пантомимой! Ты сама видѣла, какъ они качаются и шевелятъ своими зелеными листиками, чуть подуетъ вѣтерокъ. Это у нихъ такъ мило выходитъ,—точно они разговариваютъ!

— А профессоръ понимаетъ ихъ пантомиму?—спросила Идочка.

— Какъ же! Разъ, утромъ, онъ пришелъ въ свой садъ и видитъ, что большая крапива дѣлаетъ листочками знаки прелестной красной гвоздикѣ; этимъ она хотѣла сказать гвоздикѣ: „Ты такъ мила, и я очень люблю тебя!“ Профессору это не понравилось, и онъ сейчасъ ударилъ крапиву по листочкамъ,— листочки у крапивы все равно, что пальцы,—да обжегся! Съ тѣхъ поръ и не смѣетъ трогать ея.

— Вотъ забавно!—сказала Идочка и засмѣялась.

— Ну, можно-ли набивать ребенку голову такими бреднями?—сказалъ скучный совѣтникъ, который тоже пришелъ въ гости и сидѣлъ на диванѣ.

Онъ терпѣть не могъ студента и вѣчно ворчалъ на него, особенно, когда тотъ вырѣзывалъ затѣйливыя и забавныя фигурки, вродѣ человѣка на висѣлицѣ и съ сердцемъ въ рукахъ,—его повѣсили за то, что онъ воровалъ сердца — или старой вѣдьмы на помелѣ, съ мужемъ на носу; все это очень не нравилось совѣтнику, и онъ всегда повторялъ:

— Ну, можно-ли набивать ребенку голову такими бреднями? Глупыя выдумки!

Но Идочку очень позабавилъ разсказъ студента о цвѣтахъ, и она думала объ этомъ цѣлый день.

„Такъ цвѣточки повѣсили головки потому, что устали съ бала!“ И Идочка пошла къ своему столику, гдѣ стояли всѣ ея игрушки; ящикъ столика тоже биткомъ былъ набитъ разнымъ добромъ. Идочкина кукла Соня лежала въ своей кроваткѣ и спала, но Идочка сказала ей:

— Тебѣ придется встать, Соня, и полежать эту ночь въ ящикѣ: бѣдные цвѣты больны, ихъ надо положить въ твою постельку, можетъ быть, они и выздоровѣютъ!

И она вынула куклу изъ кровати; Соня посмотрѣла на Идочку очень недовольно и не сказала ни слова,—она разсердилась за то, что у нея отняли постель.

Ида уложила цвѣты въ постельку, укрыла ихъ хорошенько одѣяльцемъ и велѣла имъ лежать смирно,—за это она обѣщала имъ напоить ихъ чаемъ, и тогда они встали бы завтра утромъ совсѣмъ здоровыми! Потомъ она завернула пологъ, чтобы солнышко не свѣтило цвѣточкамъ въ глаза.

Разсказъ студента не шелъ у нея изъ головы и, собираясь идти спать, Идочка не могла удержаться, чтобы не заглянуть за спущенныя на ночь оконныя занавѣски; на окошкахъ стояли

чудесные мамашины цвѣты—тюльпаны и гіацинты—и Идочка шепнула имъ:

— Я знаю, что у васъ ночью будетъ балъ!

Но цвѣты стояли себѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало, и даже не шелохнулись; ну, да Идочка что знала, то знала.

Въ постели Ида долго еще думала о томъ же и все представляла себѣ, какъ это должно быть мило, когда цвѣточки танцуютъ! „Неужели и мои цвѣты были на балу во дворцѣ?“ Тутъ она заснула. Но посреди ночи Идочка вдругъ проснулась; она видѣла сейчасъ во снѣ цвѣты, студента и совѣтника, который бранилъ студента за то, что тотъ набиваетъ ей голову пустяками. Въ комнатѣ, гдѣ лежала Ида, было тихо, на столѣ горѣлъ ночникъ, и папа съ мамой крѣпко спали.

— Хотѣлось бы мнѣ знать: спятъ-ли мои цвѣты въ Сониной постелькѣ?—сказала Идочка про себя и слегка приподнялась съ подушки, чтобы посмотрѣть въ полуоткрытую дверь, за которой были ея игрушки и цвѣты; потомъ она прислушалась,—ей показалось, что въ той комнатѣ играютъ на фортепьяно, да такъ тихо и нѣжно, какъ она никогда еще не слыхала.

— Это вѣрно цвѣты танцуютъ!—сказала Ида.—Господи, какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть!

Но она не смѣла встать съ постели, чтобы не разбудить папы съ мамой.

— Хоть бы они вошли сюда!—сказала она.

Но цвѣты не входили, а музыка все продолжалась, такая тихая, нѣжная, просто чудо! Тогда Идочка не выдержала, потихоньку вылѣзла изъ кроватки, прокралась на цыпочкахъ къ дверямъ и заглянула въ ту комнату. Что за прелесть была тамъ!

Въ той комнатѣ не горѣло ночника, а было все-таки свѣтло, какъ днемъ, отъ мѣсяца, глядѣвшаго изъ окошка прямо на полъ, гдѣ въ два ряда стояли тюльпаны и гіацинты; на окнахъ не оставалось ни единаго цвѣтка, тамъ стояли одни горшки съ землей. Цвѣты очень мило танцовали другъ съ другомъ, взявшись за длинныя зеленыя листочки, точно за руки. На фортепьяно играла большая желтая лилія,—это, навѣрное, ее Идочка видѣла лѣтомъ! Она хорошо помнила, какъ студентъ сказалъ: „Ахъ, какъ она похожа на M-elle Лину!“ Всѣ засмѣялись тогда надъ нимъ, но теперь Идѣ и въ самомъ дѣлѣ показалось, что длинная желтая лилія была похожа на Лину; она и играла такъ же, какъ Лина: то поворачивала

свое продолговатое лицо въ одну сторону, то въ другую и кивала въ тактъ чудесной музыкѣ. Никто не замѣтилъ Иды.

Вдругъ, Идочка увидала, что большой голубой крокусъ вскочилъ прямо на середину стола съ игрушками, подошелъ къ кукольной кроваткѣ и отдернулъ пологъ; тамъ лежали больные цвѣты, но они живо встали и кивнули головками, давая знать, что и они тоже хотятъ танцовать. Старый Курилка съ сломаною нижнею губой всталъ и поклонился прекраснымъ цвѣтамъ; они совсѣмъ не были похожи на больныхъ, прыгали и веселились не хуже другихъ. Въ эту минуту гдѣ-то стукнуло, какъ будто что-то упало на полъ. Ида посмотрѣла въ ту сторону,—это была верба; она тоже спрыгнула со стола къ цвѣтамъ, считая себя сродни имъ. Верба была довольно мила; на верхушкѣ ея сидѣла восковая куколка въ большой широкополой черной шляпѣ, точь-въ-точь, какъ у совѣтника. Верба прыгала посреди цвѣтовъ и громко топала своими тремя деревянными ходульками,—она танцовала мазурку, а другіе цвѣты не могли, потому что были слишкомъ легки и не могли такъ топать.

Но вотъ восковая куколка на вербѣ вдругъ вытянулась, завертѣлась надъ бумажными цвѣтами и громко закричала:

— Ну, можно-ли набивать ребенку голову такими бреднями! Глупыя выдумки!

Теперь кукла была точь-въ-точь самъ совѣтникъ, въ его черной широкополой шляпѣ, такая же желтая и сердитая! Но бумажныя цвѣты ударили ее по тонкимъ ножкамъ, и она опять съежилась въ маленькую восковую куколку. Это было такъ забавно, что Ида не могла удержаться отъ смѣха. Верба продолжала плясать, и совѣтнику волей-неволей приходилось плясать вмѣстѣ съ нею, все равно — вытягивался-ли онъ во всю длину, или оставался маленькою восковою куколкой въ черной широкополой шляпѣ. Наконецъ, ужъ цвѣты, особенно тѣ, что лежали въ кукольной кроваткѣ, стали просить за него, и верба оставила его въ покоѣ. Вдругъ, что-то громко застучало въ ящикѣ, гдѣ лежала кукла Соня и другія игрушки. Курилка побѣжалъ по краю стола, прилегъ на животъ и пріотворилъ ящикъ. Соня встала и удивленно оглядѣлась.

— У васъ балъ?—сказала она.—Что же это мнѣ не сказали?

— Хочешь танцовать со мной?—спросилъ Курилка.

— Хорошъ кавалеръ!—сказала Соня и повернулась къ нему спиной, потомъ усѣлась на ящикъ и стала ждать,—авось ее пригласитъ кто-нибудь изъ цвѣтовъ, но никто и не думалъ. Она громко кашлянула, но и тутъ никто не подошелъ къ ней. Курилка плясалъ одинъ и очень недурно!

Видя, что цвѣты не глядятъ на нее, Соня вдругъ свалилась съ ящика на полъ и надѣлала такого шума, что всѣ сбѣжались къ ней и стали спрашивать, не ушиблась-ли она? Всѣ разговаривали съ ней очень ласково, особенно тѣ цвѣты, которые только-что спали въ ея кроваткѣ; Соня нисколько не ушиблась, и Идочкины цвѣты стали благодарить ее за чудесную постельку, потомъ увели ее съ собой въ лунный кружокъ на полу и принялись танцовать съ ней, а другіе цвѣты кружились около нихъ. Теперь Соня была очень довольна и сказала цвѣточкамъ, что охотно уступаетъ имъ свою кроватку,—ей хорошо и въ ящикѣ!

Но цвѣты сказали:

— Спасибо! Но мы не можемъ жить такъ долго! Утромъ мы совсѣмъ умремъ! Скажи только Идочкѣ, чтобы она схоронила насъ въ саду, гдѣ зарыта канарейка; лѣтомъ мы опять выростемъ и будемъ еще красивѣе!

— Нѣтъ, вы не должны умирать! —сказала Соня и поцѣловала цвѣты.

Въ это время дверь отворилась и въ комнату вошла цѣлая толпа цвѣтовъ. Ида никакъ не могла понять, откуда они взялись,—должно быть изъ королевскаго дворца. Впереди всѣхъ шли двѣ прелестныя розы, съ золотыми коронками на головкахъ; это были король съ королевой. За ними, раскланиваясь на всѣ стороны, шли чудесные левкои и гвоздики, а потомъ музыканты: крупные маки и піоны дули въ шелуху отъ горошка и совсѣмъ покраснѣли съ натуги, а маленькіе голубые колокольчики и бѣленькіе подснѣжники звенѣли, точно на нихъ были надѣты бубенчики. Вотъ была забавная музыка! Затѣмъ, шла цѣлая толпа другихъ цвѣтовъ, и всѣ они стали танцовать: и голубые фіалки, и красные ноготки, и маргаритки, и ландыши. Цвѣты такъ мило танцовали и цѣловались между собой, что просто заглядѣніе!

Наконецъ, цвѣты пожелали другъ другу доброй ночи, а Идочка тихонько пробралась въ свою кроватку, и ей всю ночь снились цвѣты и все, что она сейчасъ видѣла.

Утромъ она встала и побѣжала къ своему столику посмотрѣть, тамъ-ли ея цвѣточки.

Она отдернула пологъ—да, они лежали въ кроваткѣ, но совсѣмъ, совсѣмъ завяли! Соня тоже лежала на своемъ мѣстѣ, въ ящикѣ, и смотрѣла настоящею „соней".

— А ты помнишь, что тебѣ надо передать мнѣ?—спросила ее Идочка.

Но Соня глупо смотрѣла на нее и не раскрывала рта.

— Какая же ты нехорошая! —сказала Ида.— А они еще танцовали съ тобой!

Потомъ она взяла бумажную коробочку, съ хорошенькою нарисованною птичкой на крышкѣ, раскрыла ее и положила туда мертвые цвѣты.

— Вотъ вамъ и гробикъ!—сказала она.—А когда придутъ мои норвежскіе кузены, мы васъ зароемъ въ саду, чтобы вы выросли опять на слѣдующее лѣто еще красивѣе!

Іонасъ и Адольфъ, норвежскіе кузены, были бойкіе мальчуганы; отецъ подарилъ имъ по новому луку, и они пришли показать ихъ Идѣ. Она разсказала имъ про бѣдные, умершіе цвѣты и позволила имъ помочь ей похоронить ихъ. Мальчики шли впереди съ луками на плечахъ; за ними Идочка съ мертвыми цвѣтами въ коробочкѣ. Вырыли въ саду могилку, Ида поцѣловала цвѣточки и опустила коробочку въ ямку, а Іонасъ съ Адольфомъ выстрѣлили надъ могилкой изъ луковъ,—ни ружей, ни пушекъ у нихъ, вѣдь, не было.

ЛИЗОКЪ СЪ ВЕРШОКЪ.

Жила—была женщина; ей страхъ какъ хотѣлось имѣть ребеночка, да гдѣ его взять? И вотъ, она отправилась къ одной старой колдуньѣ и сказала ей:

— Мнѣ такъ хочется имѣть ребеночка; не скажешь-ли ты, откуда мнѣ достать его?

— Отчего-же!—сказала колдунья.—Вотъ тебѣ ячменное зерно; это не простое зерно, не изъ тѣхъ, что растутъ у крестьянъ на поляхъ, или что бросаютъ курамъ; положи-ка его въ цвѣточный горшокъ, увидишь, что будетъ!

— Спасибо!—сказала женщина и дала колдуньѣ двѣнадцать грошей; потомъ пошла домой, посадила ячменное зерно въ цвѣ-

точный горшокъ, и вдругъ изъ него выросъ большой, чудесный цвѣтокъ, вродѣ тюльпана, но лепестки его были еще плотно сжаты, точно у нераспустившагося бутона.

— Какой славный цвѣтокъ!—сказала женщина и поцѣловала красивые пестрые лепестки.

Вдругъ, тамъ что-то щелкнуло и цвѣтокъ распустился совсѣмъ. Это былъ точь-въ-точь тюльпанъ, но въ самой чашечкѣ сидѣла крошечная дѣвочка. Женщина назвала ее Лизой, а такъ какъ она была такая нѣжная, маленькая, всего съ вершокъ ростомъ, ее и прозвали Лизокъ съ вершокъ.

Блестящая лакированная скорлупка грецкаго орѣха была ея колыбелькой, голубыя фіалки матрацомъ, а лепестокъ розы одѣяльцемъ; въ эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днемъ она играла на столѣ. На столъ женщина поставила тарелку съ водою, а на края тарелки положила вѣнокъ изъ цвѣтовъ; длинные стебельки цвѣтовъ купались въ водѣ, у самаго же края плавалъ большой лепестокъ тюльпана. На немъ Лизокъ съ вершокъ могла переправляться съ одной стороны тарелки на другую; вмѣсто веселъ у нея были два бѣлыхъ конскихъ волоса. Все это было прелесть какъ мило! Лизокъ съ вершокъ умѣла тоже пѣть, и такого нѣжнаго, красиваго голоска никто еще не слыхивалъ!

Разъ ночью, когда она лежала въ своей колыбелькѣ, черезъ разбитое оконное стекло пролѣзла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на столъ, гдѣ спала, подъ розовымъ лепесточкомъ, Лизокъ съ вершокъ.

— Вотъ жена моему сынку!—сказала жаба, взяла орѣховую скорлупку съ дѣвочкой и выпрыгнула черезъ окно въ садъ.

Тамъ протекала большая, широкая рѣка; у самаго берега было топко и вязко; здѣсь-то, въ тинѣ, и жила жаба съ сыномъ. У! какой онъ былъ тоже гадкій, противный! Точь-въ-точь мамаша.

— Коаксъ, коаксъ, брекке-ке-кексъ!—только и могъ онъ сказать, когда увидалъ прелестную крошку въ орѣховой скорлупкѣ.

— Тише, ты! Она еще проснется, пожалуй, да убѣжитъ отъ насъ,—сказала старуха жаба:—она, вѣдь, легче лебединаго пуха! Высадимъ-ка ее посрединѣ рѣки, на широкій листъ кувшинки,—это, вѣдь, цѣлый островъ для такой крошки, оттуда она не сбѣжитъ, а мы пока разуберемъ тамъ, внизу, наше гнѣздышко.

Въ рѣкѣ росло множество кувшинокъ; ихъ широкіе зеленые листья плавали по поверхности воды. Самый большой листъ былъ всего дальше отъ берега; къ этому-то листу подплыла жаба и поставила туда орѣховую скорлупку съ дѣвочкой.

Бѣдная крошка проснулась рано утромъ, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всѣхъ сторонъ была вода, и ей никакъ нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидѣла внизу, въ тинѣ, и убирала свое жилье тростникомъ и желтыми кувшинками,—надо же было пріукрасить все для молодой невѣстки! Потомъ она поплыла съ своимъ безобразнымъ сынкомъ къ листу, гдѣ сидѣла Лизокъ съ вершокъ, чтобы взять, прежде всего, ея хорошенькую кроватку и поставить ее въ спальнѣ невѣсты. Старая жаба очень низко присѣла въ водѣ передъ дѣвочкой и сказала:

— Вотъ мой сынокъ, твой будущій мужъ! Вы славно заживете съ нимъ у насъ, въ тинѣ.

— Коаксъ, коаксъ, брекке-ке-кексъ!—только и могъ сказать сынокъ.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли съ ней, а дѣвочка осталась одна-одинешенька на зеленомъ листѣ и горько, горько плакала,—ей вовсе не хотѣлось жить у гадкой жабы и выйдти замужъ за ея противнаго сына. Маленькія рыбки, которыя плавали подъ водой, вѣрно видѣли жабу съ сынкомъ и слышали, что она говорила, потому что всѣ повысунули изъ воды головки, чтобы поглядѣть на крошку-невѣсту. А какъ онѣ увидали ее, имъ стало ужасно жалко, что такой миленькой дѣвочкѣ приходится идти жить къ старой жабѣ, въ тину. Не бывать-же этому! Рыбки столпились внизу, у корня стебля, на которомъ держался листъ, и живо перегрызли его своими зубками; листокъ съ дѣвочкой поплылъ по теченію, дальше, дальше... Теперь ужъ жабѣ ни за что было не догнать крошку!

Лизокъ съ вершокъ плыла мимо разныхъ мѣстечекъ, и маленькія птички, которыя сидѣли въ кустахъ, увидавъ ее, пѣли:

— Какая хорошенькая дѣвочка!

А листокъ все плылъ, да плылъ, и вотъ Лизокъ съ вершокъ отправилась за-границу.

Красивый бѣлый мотылекъ все время порхалъ вокругъ нея и, наконецъ, усѣлся на самый листокъ,—ужъ очень ему понравилась Лизокъ съ вершокъ! А она ужасно радовалась: гадкая

жаба не могла теперь догнать ея, а вокругъ все было такъ красиво! Солнце такъ и горѣло золотомъ на водѣ! Лизокъ съ вершокъ сняла съ себя поясъ, однимъ концомъ обвязала мотылька, а другой привязала къ своему листку, и листокъ поплылъ еще быстрѣе.

Мимо летѣлъ майскій жукъ, увидалъ дѣвочку, обхватилъ ее за тонкую талію лапкой и унесъ на дерево, а зеленый листокъ поплылъ дальше, и съ нимъ мотылекъ,—онъ, вѣдь, былъ привязанъ и не могъ освободиться.

Ахъ, какъ перепугалась бѣдняжка, когда жукъ схватилъ ее и полетѣлъ съ ней на дерево! Особенно жаль ей было хорошенькаго мотылечка, котораго она привязала къ листку: ему придется теперь умереть съ голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Онъ усѣлся съ крошкой на самый большой зеленый листокъ на деревѣ, покормилъ ее сладкимъ цвѣточнымъ сокомъ и сказалъ, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсѣмъ не похожа на майскаго жука.

Потомъ къ нимъ пришли съ визитомъ другіе майскіе жуки, которые жили на томъ же деревѣ. Они оглядывали дѣвочку съ головы до ногъ, и жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У нея только двѣ ножки! Жалко смотрѣть!—говорили однѣ.

— У нея нѣтъ щупальцевъ!—сказали другія.

— Какая у нея тонкая талія! Фи! она совсѣмъ человѣкъ! Какъ некрасиво!—сказали въ одинъ голосъ всѣ жучки женскаго пола.

А Лизокъ съ вершокъ была премиленькая! Майскому жуку, который принесъ ее, она тоже очень нравилась сначала, а тутъ, вдругъ, и онъ нашелъ, что она безобразна, и не захотѣлъ больше держать ее у себя,—пусть идетъ, куда знаетъ. Онъ слетѣлъ съ нею съ дерева и посадилъ ее на ромашку. Тутъ дѣвочка принялась плакать о томъ, что она такая безобразная: даже майскіе жуки не захотѣли держать ее у себя! А на самомъ-то дѣлѣ она была прелестнѣйшимъ созданіемъ въ свѣтѣ: нѣжная, ясная, точно лепестокъ розы.

Цѣлое лѣто прожила Лизокъ съ вершокъ одна-одинешенька въ лѣсу. Она сплела себѣ колыбельку и подвѣсила ее подъ большой лопушиный листъ,—тамъ дождикъ не могъ достать ее. Питалась крошка сладкимъ цвѣточнымъ сокомъ, а пила росу, кото-

рую каждое утро находила на листочкахъ. Такъ прошло лѣто и осень; но вотъ, дѣло пошло къ зимѣ, длинной холодной зимѣ. Всѣ пѣвуньи-птички разлетѣлись, кусты и цвѣты увяли, большой лопушиный листъ, подъ которымъ жила Лизокъ съ вершокъ, пожелтѣлъ, весь засохъ и свернулся въ трубочку. Сама крошка мерзла отъ холода: платьице ея все разорвалось, а она была такая маленькая, нѣжная,—замерзай, да и все тутъ! Пошелъ снѣгъ, и каждая снѣжинка была для нея то же, что для насъ цѣлая лопата снѣгу; мы, вѣдь, большіе, а она была всего-то съ вершокъ! Она завернулась было въ сухой листъ, но онъ совсѣмъ не грѣлъ, и бѣдняжка сама дрожала, какъ листъ.

Возлѣ лѣса, куда она попала, лежало большое хлѣбное поле; хлѣбъ давно былъ убранъ; одни голые, сухіе стебельки торчали изъ мерзлой земли; для дѣвочки-крошки это былъ цѣлый лѣсъ. Ухъ! какъ она дрожала отъ холода! И вотъ, пришла бѣдняжка къ дверямъ полевой мыши,—дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила въ теплѣ и довольствѣ: все помѣщеніе было биткомъ набито хлѣбными зернами; кухня и кладовая у нея были великолѣпныя! Лизокъ съ вершокъ стала у порога, какъ нищенка, и попросила подать ей кусочекъ ячменнаго зерна,—она два дня ничего не ѣла!

— Ахъ, ты, бѣдняжка!—сказала полевая мышь,—она была, въ сущности, добрая старуха.—Ступай сюда, погрѣйся, да поѣшь со мною!

Дѣвочка очень понравилась мыши, и мышь сказала:

— Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мое помѣщеніе, да разсказывай мнѣ сказки; я до нихъ большая охотница.

И Лизокъ съ вершокъ стала дѣлать все, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

— Скоро, пожалуй, у насъ будутъ гости,—сказала разъ полевая мышь:—мой сосѣдъ обыкновенно навѣщаетъ меня разъ въ недѣлю. Ѳнъ живетъ еще куда лучше меня; у него огромныя залы, а ходитъ онъ въ чудесной черной бархатной шубкѣ. Вотъ если бы тебѣ удалось выйдти за него замужъ! Ты бы зажила на славу! Бѣда только, что онъ слѣпъ и не можетъ видѣть тебя; ну, зато ты должна разсказать ему самыя лучшія сказки, какія только знаешь.

Но дѣвочкѣ мало было дѣла до всего этого: ей вовсе не хотѣлось выйдти замужъ за сосѣда,—это былъ, вѣдь, кротъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ скоро пришелъ въ гости къ полевой мыши. Правда, онъ носилъ черную бархатную шубку, былъ очень богатъ и ученъ—по словамъ полевой мыши—помѣщеніе у него было въ двадцать разъ просторнѣе, чѣмъ у нея, но онъ совсѣмъ не любилъ ни солнца, ни прекрасныхъ цвѣточковъ и отзывался о нихъ очень дурно; онъ, вѣдь, никогда не видѣлъ ихъ. Дѣвочкѣ пришлось пѣть, и она спѣла двѣ хорошенькихъ пѣсенки, да такъ мило, что кротъ пришелъ въ восхищеніе. Но онъ не сказалъ ни слова,—онъ былъ такой степенный и солидный господинъ.

Кротъ недавно прорылъ подъ землею новую длинную галлерею, отъ своего жилья къ дверямъ полевой мыши, и позволилъ мыши и дѣвочкѣ гулять по этой галлереѣ, сколько угодно. Кротъ просилъ только не пугаться мертвой птицы, которая лежала тамъ. Это была настоящая птица, съ перьями, съ клювомъ; она, должно быть, умерла недавно, въ началѣ зимы и была зарыта въ землю какъ разъ тамъ, гдѣ кротъ прорылъ свою галлерею.

Кротъ взялъ въ ротъ гнилушку—въ темнотѣ это, вѣдь, все равно, что свѣчка—и пошелъ впередъ, освѣщая длинную темную галлерею. Когда они дошли до мѣста, гдѣ лежала мертвая птица, кротъ проткнулъ своимъ широкимъ носомъ въ земляномъ потолкѣ дыру, и въ галлерею пробрался дневной свѣтъ. Въ самой срединѣ галлереи лежала мертвая ласточка; хорошенькія крылышки были крѣпко прижаты къ тѣлу, ножки и головка спрятаны въ перышки; бѣдная птичка, вѣрно, умерла отъ холода. Дѣвочкѣ стало ужасно жаль ее,—она очень любила этихъ милыхъ птичекъ, которыя цѣлое лѣто такъ чудесно пѣли ей пѣсенки, но кротъ толкнулъ птичку своими короткими лапами и сказалъ:

— Небось, не свиститъ больше! Вотъ горькая участь родиться пичужкой! Слава Богу, что моимъ дѣтямъ нечего бояться этого! Этакая птичка только и умѣетъ чирикать,—поневолѣ замерзнешь зимой!

— Да, да, правда ваша,—сказала полевая мышь:—какой прокъ изъ этого чириканья? Что оно приноситъ птицѣ? Холодъ и голодъ зимой? Много, нечего сказать!

Лизокъ съ вершокъ не сказала ничего, но когда кротъ съ мышью повернулись къ птицѣ спиной, нагнулась къ ней, раз-

двинула перышки и поцѣловала ее прямо въ закрытые глазки. „Можетъ быть, эта самая такъ чудесно распѣвала лѣтомъ!— подумала дѣвочка.—Сколько радости доставила ты мнѣ, милая, хорошая птичка!“

Кротъ опять заткнулъ дыру въ потолкѣ и проводилъ дамъ обратно. Но дѣвочкѣ не спалось ночью. Она встала съ постельки, сплела изъ сухихъ былинокъ большой, славный коверъ, снесла его въ галлерею и завернула въ него мертвую птичку; потомъ отыскала у полевой мыши пуху и обложила имъ всю ласточку, чтобы ей было потеплѣе лежать на холодной землѣ.

— Прощай, миленькая птичка,—сказала Лизокъ съ вершокъ:—прощай! Спасибо тебѣ за то, что ты такъ чудесно пѣла мнѣ лѣтомъ, когда всѣ деревья были такія зеленыя, а солнышко такъ славно грѣло!

И она склонила головку на грудь птички, но вдругъ испугалась: внутри что-то застучало. Это забилось сердечко птицы,— она была не совсѣмъ мертвая, а только окоченѣла отъ холода, теперь же согрѣлась и ожила.

Осенью ласточки улетаютъ въ теплые края, а если которая запоздаетъ, то отъ холода живо окоченѣетъ, упадетъ замертво на землю, и ее засыплетъ холоднымъ снѣгомъ.

Дѣвочка вся задрожала отъ испуга,—птица, вѣдь, была, въ сравненіи съ крошкой, просто великаномъ—но все-таки собралась съ духомъ, еще больше закутала ласточку, потомъ сбѣгала, принесла листокъ мяты, которымъ закрывалась, вмѣсто одѣяла, сама, и покрыла имъ головку птички.

На слѣдующую ночь Лизокъ съ вершокъ опять потихоньку пробралась къ ласточкѣ. Птичка совсѣмъ ужъ ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глазки, чтобы посмотрѣть на дѣвочку, которая стояла передъ нею съ кусочкомъ гнилушки въ рукахъ,—другого фонаря у нея не было.

— Благодарю тебя, милая крошка!—сказала больная ласточка.—Я такъ славно согрѣлась. Скоро я совсѣмъ поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ахъ,—сказала дѣвочка:—теперь такъ холодно, идетъ снѣгъ! Останься лучше въ своей теплой постелькѣ, я буду ухаживать за тобой.

И Лизокъ съ вершокъ принесла птичкѣ воды въ цвѣточномъ лепесткѣ. Ласточка попила и разсказала дѣвочкѣ, какъ поранила себѣ крылышко о терновый кустъ и потому не могла уле-

тѣть вмѣстѣ съ другими ласточками въ теплые края, какъ упала на землю и... Да больше она ужъ ничего не помнила, и какъ попала сюда—не знала.

Всю зиму прожила тутъ ласточка, и Лизокъ съ вершокъ ухаживала за ней. Ни кротъ, ни полевая мышь ничего не знали объ этомъ,—они, вѣдь, совсѣмъ не любили птичекъ.

Когда настала весна и пригрѣло солнышко, ласточка распрощалась съ дѣвочкой, и Лизокъ съ вершокъ ототкнула дыру, которую продѣлалъ кротъ.

Солнце такъ славно грѣло, и ласточка спросила, не хочетъ-ли дѣвочка отправиться вмѣстѣ съ нею,—пускай сядетъ къ ней на спину, и онѣ полетятъ въ зеленый лѣсъ! Но Лизокъ съ вершокъ не хотѣла такъ бросить полевую мышь,—она, вѣдь, знала, что старуха очень огорчится.

— Нѣтъ, нельзя!—сказала дѣвочка ласточкѣ.

— Прощай, прощай, милая крошка!—сказала ласточка и вылетѣла на солнышко.

Лизокъ съ вершокъ посмотрѣла ей вслѣдъ, и у нея даже слезы навернулись на глазахъ,—ужъ очень полюбилась ей милая птичка.

— Тви-вить, тви-вить!—прощебетала птичка и скрылась въ зеленомъ лѣсу.

Дѣвочкѣ было очень грустно. Ей совсѣмъ не позволяли выходить на солнышко, а хлѣбное поле такъ все заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бѣдной крошки дремучимъ лѣсомъ.

— Лѣтомъ тебѣ придется готовить себѣ приданое!—сказала ей полевая мышь.

Оказалось, что скучный сосѣдъ въ бархатной шубкѣ посватался за дѣвочку.

— Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а тамъ, выйдешь замужъ за крота и подавно ни въ чемъ нуждаться не будешь!

И дѣвочкѣ пришлось прясть по цѣлымъ днямъ, а старуха-мышь наняла четырехъ пауковъ для тканья, и они работали день и ночь. Каждый вечеръ кротъ приходилъ къ полевой мыши въ гости и все только и болталъ о томъ, что вотъ скоро лѣту будетъ конецъ, солнце перестанетъ такъ палить землю,—а то она совсѣмъ ужъ какъ камень стала—и тогда они сыграютъ свадьбу. Но дѣвочка была совсѣмъ не рада: ей

не нравился скучный кротъ. Каждое утро, на восходѣ солнышка, и каждый вечеръ, при закатѣ, Лизокъ съ вершокъ выходила на порогъ мышиной норки: иногда вѣтеръ раздвигалъ верхушки колосьевъ, и ей удавалось увидѣть кусочекъ голубого неба. „Какъ свѣтло, какъ хорошо тутъ на волѣ!“—думала дѣвочка и вспоминала о ласточкѣ; ей очень хотѣлось бы повидаться съ птичкой, но ласточки нигдѣ не было видно: должно быть, она летала тамъ далеко, далеко, въ зеленомъ лѣсу!

Къ осени Лизокъ съ вершокъ приготовила все свое приданое.

— Черезъ четыре недѣли твоя свадьба!—сказала дѣвочкѣ полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочетъ выходить замужъ за скучнаго крота.

— Пустяки!—сказала старуха-мышь.—Только не капризничай, а то я съумѣю укусить тебя моимъ бѣлымъ зубомъ. У тебя будетъ чудеснѣйшій мужъ! У самой королевы нѣтъ такой черной бархатной шубки, какъ у него! Да и въ кухнѣ, и въ погребѣ у него не пусто! Благодари Бога за такого мужа!

Наступилъ и день свадьбы. Кротъ пришелъ за дѣвочкой. Теперь ей приходилось идти за нимъ въ его нору, жить тамъ, глубоко, глубоко подъ землею и никогда не выходить на солнышко,—кротъ, вѣдь, терпѣть его не могъ! А бѣдной крошкѣ было такъ тяжело навсегда распроститься съ краснымъ солнышкомъ! У полевой мыши она все-таки могла хоть изрѣдка любоваться на него изъ дверей.

И Лизокъ съ вершокъ вышла взглянуть на него въ послѣдній разъ. Хлѣбъ былъ уже убранъ съ поля, и изъ земли опять торчали одни голые засохшіе стебли. Дѣвочка отошла отъ дверей подальше и протянула къ солнцу руки:

— Прощай, красное солнышко, прощай!

Потомъ она обняла рученками маленькій красный цвѣточекъ, который росъ тутъ, и сказала ему:

— Кланяйся отъ меня милой ласточкѣ, если увидишь ее!

— Тви-вить, тви-вить!—вдругъ раздалось надъ ея головой. Лизокъ съ вершокъ подняла глаза и увидѣла ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидѣла дѣвочку и очень обрадовалась, а дѣвочка заплакала и разсказала ласточкѣ, какъ ей не хочется выходить замужъ за гадкаго крота и жить съ нимъ глубоко подъ землей, куда никогда не заглянетъ солнышко.

— Скоро придетъ холодная зима,— сказала ласточка:—и я улетаю далеко, далеко въ теплые края. Хочешь летѣть со мною? Ты можешь сѣсть ко мнѣ на спину,—только привяжи себя покрѣпче поясомъ—и мы улетимъ съ тобой далеко отъ гадкаго крота, далеко за синія моря, въ теплые края, гдѣ солнышко свѣтитъ ярче, гдѣ всегда лѣто, и цвѣтутъ чудные цвѣты! Полетимъ со мной, милая крошка! Ты, вѣдь, спасла мнѣ жизнь, когда я замерзала въ темной, холодной ямѣ.

— Да, да, я полечу съ тобой!—сказала Лизокъ съ вершокъ, сѣла птичкѣ на спину, протянула ножки на распущенный хвостикъ и крѣпко привязала себя поясомъ къ самому большому перышку.

Ласточка взвилась стрѣлой и полетѣла надъ темными лѣсами, надъ синими морями и высокими горами, покрытыми снѣгомъ. Тутъ было страсть, какъ холодно; крошка вся зарылась въ теплыя перья ласточки и только высунула одну головку, чтобы любоваться всѣми прелестями, которыя встрѣчались на пути.

Но вотъ и теплые края! Тутъ солнце сіяло уже гораздо ярче, небо стояло выше, а около канавъ и изгородей вился чудесный зеленый виноградъ. Въ лѣсахъ росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкамъ бѣгали прелестные ребятишки и ловили большихъ, пестрыхъ бабочекъ. Но ласточка летѣла все дальше и дальше, и чѣмъ дальше, тѣмъ было все лучше. На берегу чуднаго голубого озера, посреди зеленыхъ кудрявыхъ деревъ, стоялъ старинный бѣлый мраморный дворецъ. Виноградныя лозы обвивали его высокія колонны, а на верху, подъ крышей, лѣпились ласточкины гнѣзда. Въ одномъ изъ нихъ и жила ласточка, которая принесла дѣвочку.

— Вотъ мой домъ!—сказала ласточка.—А ты выбери себѣ одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ цвѣтовъ внизу, я тебя посажу туда и ты заживешь чудесно!

— Чудесно!—сказала крошка и захлопала рученками.

Внизу лежали большіе куски бѣлаго мрамора,—это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска — а между ними росли чудеснѣйшіе, крупные, бѣлые цвѣты. Ласточка спустилась и посадила дѣвочку на одинъ изъ широкихъ лепестковъ. Но вотъ диво! Въ самой чашечкѣ цвѣтка сидѣлъ маленькій человѣчекъ, бѣленькій и прозрачный, точно хрустальный.

На головкѣ у него сіяла прелестная золотая корона, за плечами развѣвались блестящія крылышки, а самъ онъ былъ не больше нашей дѣвочки-крошки.

Это былъ эльфъ. Въ каждомъ цвѣткѣ живетъ эльфъ или эльфа, а тотъ, который сидѣлъ рядомъ съ дѣвочкой, былъ самъ король эльфовъ.

— Ахъ, какъ онъ хорошъ!—шепнула Лизокъ съ вершокъ ласточкѣ.

Маленькій король совсѣмъ перепугался, при видѣ ласточки. Онъ былъ такой крошечный, нѣжный, и она была для него просто страшилищемъ-птицей. Зато онъ очень обрадовался, увидавъ нашу крошку,—онъ никогда еще не видывалъ такой хорошенькой дѣвочки! И онъ сейчасъ же снялъ передъ ней свою золотую корону и спросилъ, какъ ее зовутъ и хочетъ-ли она быть его женой, королевой эльфовъ? Вотъ это такъ мужъ! Не то, что гадкій сынъ жабы или кротъ въ бархатной шубкѣ! И дѣвочка согласилась. Тогда изъ каждаго цвѣтка вылетѣли эльфъ или эльфа, такіе хорошенькіе, что просто прелесть! Всѣ они поднесли дѣвочкѣ подарки. Самымъ лучшимъ была пара прозрачныхъ бабочкиныхъ крылышекъ. Ихъ прикрѣпили къ спинкѣ дѣвочки, и она тоже могла теперь летать съ цвѣтка на цвѣтокъ! Вотъ-то была радость! А ласточка сидѣла на верху, въ своемъ гнѣздышкѣ, и пѣла имъ, какъ только умѣла. Но самой ей было очень грустно: она, вѣдь, крѣпко полюбила дѣвочку и хотѣла бы вѣкъ не разставаться съ ней.

— Тебя больше не будутъ звать Лизокъ съ вершокъ!—сказалъ эльфъ.—Это гадкое имя, а ты такая хорошенькая! Мы будемъ звать тебя Майей!

— Прощай, прощай!—прощебетала ласточка и опять полетѣла изъ теплыхъ краевъ въ Данію. Тамъ у нея было маленькое гнѣздышко, какъ-разъ надъ окномъ человѣка, большого мастера разсказывать сказки. Ему-то она и спѣла свое „тви-вить, тви-вить,“ а тамъ и мы узнали всю исторію.

НЕХОРОШІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Жилъ—былъ старикъ-поэтъ, такой славный старикъ, настоящій поэтъ. Разъ, вечеромъ, онъ сидѣлъ себѣ дома, а на дворѣ разыгралась непогода. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, но ста-

рику-поэту было такъ уютно и тепло возлѣ печки, гдѣ ярко горѣлъ огонекъ и, весело шипя, пеклись яблоки.

— Плохо бѣднякамъ въ такую погоду; нитки сухой на тѣлѣ не останется!—сказалъ онъ.

Онъ былъ очень добрый.

— Впустите, впустите меня! Я озябъ и весь промокъ!—закричалъ за дверями ребенокъ.

Онъ плакалъ и стучалъ въ дверь, а дождь такъ и лилъ, вѣтеръ такъ и бился въ окошки.

— Бѣдняжка!—сказалъ старикъ-поэтъ и пошелъ отворять двери.

За дверями стоялъ маленькій мальчикъ, совсѣмъ голенькій. Съ его длинныхъ золотистыхъ волосъ бѣжала вода; онъ дрожалъ отъ холода; если бы его не впустили, онъ бы, навѣрно, не вынесъ такой непогоды.

— Бѣдняжка!—сказалъ старикъ-поэтъ и взялъ его за руку.—Пойдемъ ко мнѣ, я обогрѣю тебя, дамъ тебѣ винца и яблоко; ты такой хорошенькій мальчуганъ!

Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ прехорошенькій. Глазенки у него блестѣли, какъ звѣздочки, а мокрые золотистые волосы вились кудрями,—ну, совсѣмъ ангелочекъ! Только онъ весь посинѣлъ отъ холода и дрожалъ, какъ осиновый листъ. Въ рукахъ у него былъ чудесный лукъ; бѣда только, онъ весь испортился отъ дождя; краски на стрѣлахъ совсѣмъ полиняли.

Старикъ-поэтъ усѣлся къ печкѣ, взялъ малютку на колѣни, выжалъ его мокрые волосы, согрѣлъ рученки въ своихъ рукахъ и вскипятилъ ему сладкаго вина. Мальчикъ оправился, щечки у него зарумянились, онъ спрыгнулъ на полъ и сталъ плясать вокругъ старика-поэта.

— Ишь, ты, какой веселый мальчуганъ!—сказалъ старикъ-поэтъ.—А какъ тебя зовутъ?

— Амуръ!—отвѣчалъ мальчикъ.—Ты развѣ не знаешь меня? Вотъ и лукъ мой! Я умѣю стрѣлять! Посмотри, погода разгулялась, мѣсяцъ свѣтитъ!

— А лукъ-то твой испортился!—сказалъ старикъ-поэтъ.

— Вотъ было бы горе!—сказалъ мальчуганъ, взялъ лукъ и сталъ его осматривать.—Онъ совсѣмъ высохъ, и ему ничего не сдѣлалось! Тетива натянута, какъ слѣдуетъ! Сейчасъ попробую.

И онъ натянулъ лукъ, положилъ стрѣлу, прицѣлился и выстрѣлилъ старику-поэту прямо въ сердце!

— Вотъ, видишь, мой лукъ совсѣмъ не испорченъ!—закричалъ онъ, громко засмѣялся и убѣжалъ.

Нехорошій мальчикъ! Выстрѣлилъ въ старика-поэта, который приласкалъ его, далъ ему чудеснаго вина и самое лучшее яблоко!

Добрый старикъ лежалъ на полу и плакалъ: онъ былъ раненъ въ самое сердце. Потомъ онъ сказалъ:

— Фи! какой нехорошій мальчикъ, этотъ Амуръ! Я разскажу объ немъ всѣмъ хорошимъ дѣтямъ, чтобы они берег лись, не связывались съ нимъ,—онъ и ихъ обидитъ!

И всѣ добрые дѣти—и мальчики, и дѣвочки—стали остерегаться злого Амура, но онъ все-таки умѣлъ иногда обмануть ихъ; такой плутъ!

Идутъ себѣ студенты съ лекцій, и онъ рядомъ: книжка подъ мышкой, въ черномъ сюртукѣ, и не узнаешь его! Они думаютъ, что онъ тоже студентъ, возьмутъ его подъ руку, а онъ и пуститъ имъ въ грудь стрѣлу.

Идутъ тоже дѣвушки отъ священника или въ церковь—онъ ужъ тутъ, какъ тутъ; вѣчно гоняется за людьми! А то заберется иногда въ большую люстру въ театрѣ и горитъ тамъ яркимъ пламенемъ; люди-то думаютъ сначала, что это лампа, и ужъ потомъ только разберутъ въ чемъ дѣло. Бѣгаетъ онъ и по королевскому саду, и по валу. А разъ, такъ онъ ранилъ въ сердце твоего папашу и твою мамашу! Спроси-ка у нихъ, они тебѣ разскажутъ.

Да, дурной мальчикъ этотъ Амуръ, ты и не связывайся съ нимъ! Онъ только и дѣлаетъ, что бѣгаетъ за людьми. Подумай, онъ пустилъ разъ стрѣлу даже въ твою старушку-бабушку! Это давно было, давно прошло и быльемъ поросло, а все-таки не забылось, да и не забудется! Фи! злой Амуръ! Но теперь ты знаешь о немъ, знаешь, какой онъ нехорошій мальчикъ!

ДОРОЖНЫЙ ТОВАРИЩЪ.

Бѣдняга Иванъ былъ въ большомъ горѣ: отецъ его лежалъ при смерти. Они были одни въ своей коморкѣ; лампа на столѣ догорала; дѣло шло къ ночи.

— Ты былъ мнѣ добрымъ сыномъ, Иванъ!—сказалъ больной.—Богъ не оставитъ тебя своею милостью!

И онъ ласково-серьезно взглянулъ на Ивана, глубоко вздохнулъ и умеръ, точно заснулъ. Иванъ заплакалъ. Теперь онъ остался круглымъ сиротой: ни отца у него, ни матери, ни сестеръ, ни братьевъ! Бѣдняга Иванъ! Долго стоялъ онъ на колѣняхъ передъ кроватью и цѣловалъ руки умершаго, заливаясь горькими слезами, но потомъ глаза его закрылись, голова склонилась на край постели, и онъ заснулъ.

И приснился ему удивительный сонъ.

Онъ видѣлъ, что солнце и мѣсяцъ преклонились передъ нимъ, видѣлъ своего отца опять свѣжимъ и бодрымъ, слышалъ его смѣхъ, какимъ онъ всегда смѣялся, бывало, когда былъ особенно веселъ; прелестная дѣвушка, съ золотою короной на чудныхъ, длинныхъ волосахъ, протягивала Ивану руку, а отецъ его говорилъ: „Видишь, какая у тебя невѣста? Первая красавица въ свѣтѣ!"

Тутъ Иванъ проснулся, и—прощай все это великолѣпіе! Отецъ его лежалъ мертвый, холодный, и никого, никого не было больше у Ивана! Бѣдняга Иванъ!

Черезъ недѣлю умершаго хоронили; Иванъ шелъ за гробомъ. Не видать ему больше своего добраго отца, который такъ любилъ его! Иванъ слышалъ, какъ ударялась о крышку гроба земля, видѣлъ, какъ гробъ засыпали все больше и больше; вотъ ужъ видѣнъ только одинъ краешекъ, но еще горсть земли— и гробъ скрылся совсѣмъ. У Ивана чуть сердце не разорвалось отъ горя. Надъ могилой пѣли псалмы; чудное пѣніе растрогало Ивана до слезъ, онъ заплакалъ, и на душѣ у него стало полегче. Солнышко такъ привѣтливо сіяло на зеленыя деревья, какъ будто говорило: „Не тужи, Иванъ! Посмотри, какое красивое голубое небо,—тамъ твой отецъ молится за тебя"!

— Я буду вести хорошую жизнь!—сказалъ Иванъ.—И тогда я тоже пойду на небо къ отцу. Вотъ будетъ радость, когда мы опять свидимся! Сколько у меня будетъ разсказовъ! А онъ покажетъ мнѣ всѣ чудеса и красоту неба и опять будетъ учить меня, какъ училъ, бывало, здѣсь, на землѣ. Вотъ будетъ радость!

И онъ такъ живо представилъ себѣ все это, что даже улыбнулся сквозь слезы. Птички, сидѣвшія въ вѣтвяхъ каштановъ, громко чирикали и пѣли; имъ было весело, хотя они только-что присутствовали при погребеніи, но они, вѣдь, знали,

что умершій теперь на небѣ, что у него выросли крылья, куда красивѣе и больше, чѣмъ у нихъ, и что онъ вполнѣ счастливъ, такъ какъ велъ здѣсь, на землѣ, добрую жизнь. Иванъ увидѣлъ, какъ птички вспорхнули съ зеленыхъ деревьевъ и высоко-высоко взвились въ воздухъ, и ему самому захотѣлось улетѣть куда-нибудь подальше. Но сначала онъ долженъ былъ поставить на могилѣ отца деревянный крестъ. Вечеромъ онъ принесъ крестъ и увидалъ, что могила вся усыпана пескомъ и убрана цвѣтами,—объ этомъ позаботились посторонніе люди, очень любившіе добраго его отца.

На другой день, рано утромъ, Иванъ связалъ все свое добро въ маленькій узелокъ, положилъ въ кошелекъ весь свой наслѣдственный капиталъ: 50 талеровъ и еще двѣ мелкихъ серебряныхъ монетки, и былъ готовъ пуститься въ путь-дорогу. Прежде всего онъ отправился на кладбище, на могилу отца, прочелъ надъ ней „Отче нашъ" и сказалъ:

— Прощай, милый отецъ! Я постараюсь вести добрую жизнь, а ты помолись за меня на небѣ!

Потомъ Иванъ свернулъ въ поле. Въ полѣ росло много свѣжихъ красивыхъ цвѣтовъ; они грѣлись на солнышкѣ и качали отъ вѣтра головками, точно говорили: „Добро пожаловать! Неправда-ли, какъ у насъ тутъ хорошо?" Иванъ еще разъ обернулся, чтобы взглянуть на старую церковь, гдѣ его крестили ребенкомъ и куда онъ ходилъ по воскресеньямъ съ своимъ добрымъ отцомъ пѣть псалмы. Высоко-высоко, на самомъ верху колокольни, въ одномъ изъ круглыхъ окошечекъ, Иванъ увидѣлъ крошку-домового въ красной остроконечной шапочкѣ, который стоялъ, заслонивъ глаза отъ солнца правою рукой. Иванъ поклонился ему, и крошка-домовой высоко взмахнулъ въ отвѣтъ своею красною шапкой, прижалъ руку къ сердцу и послалъ Ивану нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ,—вотъ какъ горячо желалъ онъ Ивану счастливаго пути и всего хорошаго!

Иванъ сталъ думать о чудесахъ Божьяго міра, которыя ему предстояло теперь увидѣть, и бодро шелъ впередъ, впередъ, дальше, дальше, гдѣ никогда еще не была его нога; вотъ уже пошли чужіе города, незнакомыя лица,—онъ забрался далеко, далеко отъ своей родины.

Первую ночь ему пришлось провести въ полѣ, на стогу сѣна,—другой постели взять было негдѣ. „Да и что-жъ,—думалось ему,—лучшей спальни не найдется у самого короля!" Въ

Библиотека

самомъ дѣлѣ, поле съ ручейкомъ, стогъ сѣна и голубое небо надъ головой—чѣмъ не спальня? Вмѣсто ковра—зеленая травка съ красными и бѣлыми цвѣточками, вмѣсто букетовъ цвѣтовъ въ вазахъ—кусты бузины и шиповника, а вмѣсто умывальника—цѣлый ручей, съ хрустальною свѣжею водой, въ рамкѣ изъ тростника, который привѣтливо кланялся Ивану и желалъ ему и доброй ночи, и добраго утра. Высоко подъ голубымъ потолкомъ висѣлъ огромный ночникъ—мѣсяцъ; ужъ этотъ ночникъ не подожжетъ занавѣсокъ! И Иванъ могъ заснуть совершенно спокойно. Такъ онъ и сдѣлалъ, крѣпко проспалъ всю ночь и проснулся только рано утромъ, когда солнце уже сіяло, а птички пѣли:

— Здравствуй! здравствуй! Ты еще не всталъ?

Колокола звали въ церковь,—было воскресенье; народъ шелъ послушать священника; пошелъ за нимъ и Иванъ, пропѣлъ псаломъ, послушалъ Слова Божьяго, и ему показалось, что онъ былъ въ своей собственной церкви, гдѣ его крестили и куда онъ ходилъ пѣть псалмы съ отцомъ.

На церковномъ кладбищѣ было много могилъ, совсѣмъ заросшихъ сорною травой. Иванъ вспомнилъ о могилѣ отца, которая могла современемъ придти въ такой же видъ,—некому было, вѣдь, больше ухаживать за ней! Онъ присѣлъ на землю и сталъ вырывать сорную траву, поправилъ покачнувшіеся кресты и положилъ на мѣсто сорванные вѣтромъ вѣнки, думая при этомъ: „Можетъ статься, кто-нибудь сдѣлаетъ то же на могилѣ моего отца“.

У воротъ кладбища стоялъ старый калѣка-нищій; Иванъ отдалъ ему всю свою серебряную мелочь и весело пошелъ дальше по бѣлу свѣту.

Къ вечеру собралась гроза; Иванъ спѣшилъ укрыться куда-нибудь на ночь, но скоро наступила полная темнота, а онъ успѣлъ дойти только до часовенки, одиноко возвышавшейся на придорожномъ холмѣ; дверь, къ счастью, была отперта, и онъ вошелъ туда, чтобы переждать непогоду.

— Тутъ я и посижу въ уголкѣ!—сказалъ Иванъ.—Я страшно усталъ и мнѣ надо отдохнуть.

И онъ опустился на полъ, сложилъ руки, прочелъ вечернюю молитву и еще какія зналъ, потомъ заснулъ и спалъ себѣ спокойно, пока въ полѣ сверкала молнія и грохоталъ громъ.

Когда Иванъ проснулся, гроза уже прошла, и мѣсяцъ свѣ-

тилъ прямо въ окна. Посреди часовни стоялъ раскрытый гробъ съ покойникомъ, котораго еще не успѣли похоронить. Иванъ нисколько не испугался,—совѣсть у него была чиста, и онъ хорошо зналъ, что мертвые никому не дѣлаютъ зла, не то, что живые злые люди. Двое такихъ какъ разъ и стояли возлѣ мертваго, поставленнаго въ часовню въ ожиданіи погребенія. Они хотѣли обидѣть бѣднаго умершаго — выбросить его изъ гроба за порогъ.

— Зачѣмъ вы хотите сдѣлать это?—спросилъ ихъ Иванъ.— Это очень дурно и грѣшно! Оставьте его покоиться съ миромъ!

— Вздоръ!—сказали злые люди.—Онъ надулъ насъ! Взялъ у насъ деньги, не заплатилъ и умеръ! Теперь мы не получимъ съ него ни гроша; такъ вотъ, хоть отомстимъ ему,—пусть валяется, какъ собака, за дверями!

— У меня всего 50 талеровъ,—сказалъ Иванъ:—это все мое наслѣдство, но я охотно отдамъ его вамъ, если вы дадите мнѣ слово оставить бѣднаго умершаго въ покоѣ! Я обойдусь и безъ денегъ, у меня есть пара здоровыхъ рукъ, да и Богъ не оставитъ меня!

— Ну,—сказали злые люди,—если ты заплатишь намъ за него, мы не сдѣлаемъ ему ничего дурного, будь спокоенъ!

И вотъ, они взяли у Ивана деньги, посмѣялись надъ его простотой и пошли своею дорогой, а Иванъ хорошенько уложилъ покойника въ гробѣ, скрестилъ ему руки, простился съ нимъ и съ веселымъ сердцемъ вновь пустился въ дорогу.

Идти пришлось черезъ лѣсъ; между деревьями, освѣщенными луннымъ сіяніемъ, рѣзвились прелестные малютки-эльфы; они ничуть не пугались Ивана; они хорошо знали, что онъ добрый, невинный человѣкъ, а, вѣдь, только злые люди не могутъ видѣть эльфовъ. Нѣкоторые изъ малютокъ были не больше мизинца и расчесывали свои длинные бѣлокурые волосы золотыми гребнями, другіе качались на большихъ капляхъ росы, лежавшихъ на листьяхъ и стебелькахъ травы; иногда капля скатывалась, а съ нею и эльфы, прямо въ густую траву, и тогда между остальными малютками подымался такой хохотъ и возня! Ужасно забавно было! Они пѣли, и Иванъ узналъ всѣ хорошенькія пѣсенки, которыя онъ пѣвалъ еще ребенкомъ. Большіе пестрые пауки, съ серебряными коронами на головахъ, должны были перекидывать для эльфовъ съ куста на кустъ висячіе

мосты и ткать цѣлые дворцы, которые, если на нихъ попадала капля росы, сверкали, при лунномъ свѣтѣ, чистымъ хрусталемъ. Но вотъ, встало солнышко, малютки-эльфы вскарабкались въ чашечки цвѣтовъ, а вѣтеръ подхватилъ ихъ мосты и дворцы и понесъ по воздуху, точно простыя паутинки.

Иванъ уже вышелъ изъ лѣса, какъ вдругъ позади его раздался звучный мужской голосъ:

— Эй, товарищъ, куда путь держишь?

— Куда глаза глядятъ!—сказалъ Иванъ.—У меня нѣтъ ни отца, ни матери, я круглый сирота, но Богъ не оставитъ меня!

— Я тоже иду по бѣлу свѣту, куда глаза глядятъ,—сказалъ незнакомецъ:—такъ будемъ товарищами!

— Ладно!—сказалъ Иванъ, и они пошли вмѣстѣ.

Скоро они очень полюбились другъ другу: оба они были славные люди. Но Иванъ замѣтилъ, что незнакомецъ былъ гораздо умнѣе его, обошелъ чуть не весь свѣтъ и умѣлъ поразсказать обо всемъ.

Солнце стояло уже высоко, когда они присѣли подъ большимъ деревомъ закусить. Въ то же самое время къ нимъ подошла старая-старая бабушка, вся сгорбленная и съ клюкой въ рукахъ; за спиной у нея была вязанка хвороста, а изъ высоко подоткнутаго передника торчали три большихъ пучка папоротника и вѣтокъ ивы. Когда старуха поровнялась съ Иваномъ и его товарищемъ, она вдругъ поскользнулась, упала и громко вскрикнула: бѣдняга сломала себѣ ногу.

Иванъ сейчасъ же предложилъ товарищу отнести старуху домой, но незнакомецъ открылъ свою котомку, вынулъ оттуда баночку и сказалъ старухѣ, что у него есть такая мазь, которая сразу вылечитъ ее, и она пойдетъ домой, какъ ни въ чемъ ни бывало. Но за это она должна подарить ему тѣ три пучка, которые у нея въ передникѣ!

— Плата хорошая! —сказала старуха и какъ-то странно покачала головой. Ей не хотѣлось разстаться со своими вѣниками, но и лежать со сломаною ногой было тоже непріятно, и вотъ, она отдала ему вѣники, а онъ сейчасъ же помазалъ ей ногу мазью; разъ, два—и старушка вскочила и зашагала живѣе прежняго. Вотъ такъ мазь была! Такой не достанешь въ аптекѣ!

— На что тебѣ эти вѣники?—спросилъ Иванъ у товарища.

— А чѣмъ не букеты? — сказалъ тотъ. — Они мнѣ очень понравились: я, вѣдь, чудакъ!

Потомъ они прошли еще добрый конецъ дороги.

— Смотри, какъ заволакиваетъ! — сказалъ Иванъ, указывая передъ собою пальцемъ. — Вотъ такъ облака!

— Нѣтъ, — сказалъ его товарищъ, — это не облака, а горы, чудныя, высокія горы, по которымъ можно добраться до самыхъ облаковъ. Ахъ, какъ тамъ хорошо! Завтра мы будемъ уже далеко-далеко!

Горы были совсѣмъ не такъ близко, какъ казалось; Иванъ съ товарищемъ шли еще цѣлый день, прежде чѣмъ добрались до того мѣста, гдѣ начинались темные лѣса, взбиравшіеся чуть не къ самому небу, и лежали каменныя громады величиной съ городъ; подняться на горы было не шуткой и потому Иванъ съ товарищемъ зашли отдохнуть и собраться съ силами въ гостиницу, пріютившуюся внизу.

Въ нижнемъ этажѣ, въ пивной, собралось много народа: тамъ давалось кукольное представленіе; хозяинъ маріонетокъ поставилъ свой маленькій театръ посреди комнаты, а народъ усѣлся передъ нимъ полукругомъ, чтобы полюбоваться представленіемъ. Впереди всѣхъ, на самомъ лучшемъ мѣстѣ, усѣлся старый толстый мясникъ, съ большущимъ бульдогомъ. У! какъ свирѣпо глядѣлъ бульдогъ! Онъ тоже усѣлся на полу и таращился на представленіе.

Представленіе началось и шло прекрасно: на бархатномъ тронѣ возсѣдали король съ королевой, съ золотыми коронами на головахъ и въ платьяхъ съ длинными-длинными шлейфами, — средства ихъ позволяли такую роскошь. У всѣхъ входовъ стояли чудеснѣйшія деревянныя куклы со стеклянными глазами и большими усами и распахивали двери, чтобы провѣтрить комнаты. Словомъ, представленіе было чудесное и совсѣмъ не печальное; но вотъ, королева встала и только что прошла нѣсколько шаговъ, какъ Богъ знаетъ, что сдѣлалось съ бульдогомъ: хозяинъ не держалъ его, онъ вскочилъ прямо на сцену, схватилъ королеву зубами за тоненькую талію и — кракъ! перекусилъ ее пополамъ. Вотъ былъ ужасъ!

Бѣдный хозяинъ маріонетокъ ужасно перепугался и огорчился за бѣдную королеву; это была самая красивая изъ всѣхъ его куколъ, и вдругъ гадкій бульдогъ откусилъ ей голову! Но вотъ, народъ разошелся, и товарищъ Ивана сказалъ, что

починитъ королеву, вынулъ баночку съ тою же мазью, которою мазалъ сломаную ногу старухи, и помазалъ куклу; кукла сейчасъ же опять стала цѣлехонька и вдобавокъ начала сама двигать всѣми членами, такъ что ее больше не нужно было дергать за веревочки; выходило, что кукла была совсѣмъ какъ живая, только говорить не могла. Хозяинъ маріонетокъ остался этимъ очень доволенъ: теперь ему не нужно было управлять королевой, она могла танцовать сама, не то, что другія куклы!

Ночью, когда всѣ люди въ гостиницѣ полегли спать, кто-то вдругъ завздыхалъ такъ глубоко и протяжно, что всѣ повставали посмотрѣть, что и съ кѣмъ случилось, а хозяинъ маріонетокъ подошелъ къ своему маленькому театру,—вздохи слышались оттуда. Всѣ деревянныя куклы: и король, и тѣлохранители лежали въ перемежку, глубоко вздыхали и таращили свои стекляные глаза; имъ тоже хотѣлось, чтобы ихъ помазали, какъ королеву,—тогда бы и они могли двигаться сами! Королева же встала на колѣни и протянула свою золотую корону, какъ бы говоря: „Возьмите ее, только помажьте моего супруга и моихъ придворныхъ!“ Бѣдняга хозяинъ не могъ удержаться отъ слезъ, такъ ему жаль стало своихъ куколъ, пошелъ къ товарищу Ивана и пообѣщалъ отдать ему всѣ деньги, которыя соберетъ за вечернее представленіе, если тотъ помажетъ четыре-пять лучшихъ изъ его куколъ. Товарищъ Ивана сказалъ, что денегъ не возьметъ, но требуетъ у хозяина большую саблю, которая висѣла у него сбоку; получивъ ее, онъ помазалъ пять куколъ, которыя сейчасъ же заплясали, да такъ чудесно, что, глядя на нихъ, заплясали и всѣ живыя, настоящія дѣвушки, заплясали и кучеръ, и кухарка, и лакеи, и горничныя, всѣ гости и даже кочерга со щипцами; ну, да эти-то двое растянулись съ перваго же прыжка. Да, веселая выдалась ночка!

На слѣдующее утро Иванъ и его товарищъ ушли изъ гостиницы, взобрались на высокія горы и вступили въ необозримые сосновые лѣса. Путники поднялись, наконецъ, такъ высоко, что колокольни внизу казались имъ какими-то красненькими *) ягодками въ зелени, и, куда ни оглянись, видно было на нѣсколько миль кругомъ. Такой красоты Иванъ еще не

*) Въ Даніи, преимущественно въ провинціяхъ, и до сихъ поръ еще въ большомъ ходу красныя черепичныя крыши. *Примѣч. перев.*

видывалъ; теплое солнышко ярко свѣтило съ голубого прозрачнаго неба, въ горахъ раздавались звуки охотничьихъ роговъ, Божій міръ былъ такъ чудно-хорошъ, что у Ивана выступили отъ радости на глазахъ слезы, и онъ не могъ не воскликнуть:

— Боже ты мой! Какъ бы я расцѣловалъ Тебя за то, что Ты такой добрый и создалъ для насъ весь этотъ чудесный міръ!

Товарищъ Ивана тоже стоялъ съ скрещенными на груди руками и смотрѣлъ на лѣса и города, освѣщенные солнышкомъ. Въ эту минуту надъ головами ихъ раздалось чудесное пѣніе; они подняли головы—въ воздухѣ плылъ большой, прекрасный бѣлый лебедь и пѣлъ, какъ не пѣть ни одной птицѣ; но голосъ его звучалъ все слабѣе и слабѣе, онъ склонилъ голову и тихо-тихо опустился на землю; прекрасная птица лежала у ногъ Ивана и его товарища мертвой!

— Какія чудныя крылья! — сказалъ товарищъ Ивана. — Они могутъ намъ пригодиться! Видишь, хорошо, что я взялъ съ собой саблю!

И онъ однимъ ударомъ отрубилъ у мертваго лебедя оба крыла.

Потомъ они прошли еще много-много миль и, наконецъ, увидѣли передъ собой большой городъ съ сотнями башенъ, которыя блестѣли на солнцѣ, какъ серебряныя; въ серединѣ города стоялъ великолѣпный мраморный дворецъ съ крышей изъ червоннаго золота; тутъ жилъ король.

Иванъ съ товарищемъ не хотѣли сейчасъ же идти осматривать городъ, а остановились на одномъ постояломъ дворѣ, чтобы немножко пообчиститься съ дороги и принарядиться, прежде чѣмъ показаться на улицахъ. Хозяинъ постоялаго двора разсказалъ имъ, что король человѣкъ очень добрый и никогда не сдѣлаетъ людямъ ничего худого, но что дочь у него злая-презлая. Конечно, она первая красавица въ свѣтѣ, но что толку, если она при этомъ злая вѣдьма, изъ-за которой погибло столько прекрасныхъ принцевъ. Дѣло въ томъ, что всякому: и принцу, и нищему—было позволено свататься за нее; женихъ долженъ былъ только отгадать три вещи, о которыхъ принцесса задумывала; отгадай онъ—она вышла бы за него замужъ, и онъ сталъ бы, по смерти ея отца, королемъ надъ всею страной; нѣтъ—и ему грозила смертная казнь. Вотъ какая гадкая была красавица-принцесса! Старикъ-король, отецъ ея, очень грустилъ объ этомъ, но не могъ ничего съ ней по-

дѣлать и разъ навсегда отказался имѣть дѣло съ ея женихами,—пусть-де она вѣдается съ ними сама, какъ знаетъ. И вотъ, являлся женихъ за женихомъ, ихъ заставляли отгадывать и за неудачу казнили,—пусть не суются; вѣдь, ихъ предупреждали заранѣе!

Старикъ-король, однако, такъ грустилъ объ этомъ, что разъ въ годъ по цѣлому дню простаивалъ въ церкви на колѣняхъ, да еще со всѣми своими солдатами, моля Бога о томъ, чтобы принцесса стала добрѣе, но она и знать ничего не хотѣла. Старухи, любившія выпить, окрашивали водку въ черный цвѣтъ,—чѣмъ иначе могли онѣ выразить свою печаль?

— Гадкая принцесса!—сказалъ Иванъ.—Ее бы слѣдовало высѣчь! Ужъ будь я королемъ-отцомъ, я бы задалъ ей перцу!

Въ эту самую минуту народъ на улицѣ закричалъ „ура“! Мимо проѣзжала принцесса; она въ самомъ дѣлѣ была такъ хороша, что всѣ забывали, какая она была злая, и кричали ей „ура“!

Принцессу окружали двѣнадцать красавицъ-амазонокъ на вороныхъ коняхъ; всѣ онѣ были въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ, съ золотыми тюльпанами въ рукахъ. Сама принцесса ѣхала на бѣлой, какъ снѣгъ, лошади; вся сбруя была усыпана брилліантами и рубинами; платье на принцессѣ было изъ чистаго золота, а хлыстикъ въ рукахъ сверкалъ, точно солнечный лучъ; на головѣ красавицы сіяла корона, вся сдѣланная будто изъ настоящихъ звѣздочекъ, а на плечи былъ наброшенъ плащъ, сшитый изъ сотни тысячъ прозрачныхъ бабочкиныхъ крыльевъ, но сама принцесса была все-таки лучше всѣхъ своихъ нарядовъ.

Иванъ взглянулъ на нее, покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и не могъ вымолвить ни слова: она, какъ двѣ капли воды, была похожа на ту дѣвушку, которую онъ видѣлъ во снѣ въ ночь смерти отца. Ахъ, она была такъ хороша, что Иванъ не могъ не полюбить ея. „Не можетъ быть,—сказалъ онъ самъ себѣ,—чтобы она въ самомъ дѣлѣ была такою вѣдьмой, которая приказываетъ вѣшать и казнить людей, если они не могутъ отгадать того, что она задумала. Всѣмъ позволено свататься за нее, даже послѣднему нищему; пойду же и я во дворецъ! Отъ судьбы, видно, не уйдешь!“

Всѣ стали отговаривать его отъ этого,—вѣдь и съ нимъ случилось бы то же, что съ другими. Дорожный товарищъ Ивана тоже не совѣтовалъ ему пробовать счастья, но Иванъ

рѣшилъ, что, Богъ дастъ, все пойдетъ хорошо, вычистилъ сапоги и кафтанъ, умылся, причесалъ свои красивые бѣлокурые волосы и пошелъ одинъ-одинешенекъ въ городъ, а потомъ во дворецъ.

— Войдите! — сказалъ старикъ-король, когда Иванъ постучалъ въ дверь.

Иванъ отворилъ дверь, и старый король встрѣтилъ его одѣтый въ халатъ; на ногахъ у него были вышитые туфли, на головѣ корона, въ одной рукѣ скипетръ, въ другой—держава.

— Постой!—сказалъ онъ, и взялъ державу подъ мышку, чтобы протянуть Ивану руку.

Но какъ только онъ услыхалъ, что передъ нимъ новый женихъ, онъ началъ плакать, выронилъ изъ рукъ и скипетръ, и державу и принялся утирать слезы полами халата. Бѣдный старичекъ-король!

— И не пробуй лучше!—сказалъ онъ.—Съ тобой будетъ то же, что со всѣми! Вотъ, погляди-ка!

И онъ свелъ Ивана въ садъ принцессы. Брр... какой ужасъ! На каждомъ деревѣ висѣло по три, по четыре принца, которые когда-то сватались за принцессу, но не съумѣли отгадать того, что она задумала. Стоило подуть вѣтерку—и кости громко стучали одна о другую, пугая птичекъ, которыя не смѣли даже заглянуть въ этотъ садъ. Вмѣсто тычинокъ для привязи цвѣтовъ служили человѣческія кости, въ цвѣточныхъ горшкахъ торчали черепа съ оскаленными зубами,—вотъ такъ садъ былъ у принцессы!

— Вотъ, видишь!—сказалъ старикъ-король.—И съ тобой будетъ то же, что съ ними! Не пробуй лучше! Ты ужасно огорчаешь меня, я такъ близко принимаю это къ сердцу!

Въ это время во дворъ въѣхала принцесса со своими дамами, и король съ Иваномъ вышли къ ней поздороваться. Она была въ самомъ дѣлѣ прелестна, протянула Ивану руку, и онъ полюбилъ ее еще больше прежняго. Нѣтъ, конечно, она не могла быть такою злою, гадкою вѣдьмой, какъ говорили люди.

Они отправились въ залъ, и маленькіе пажи стали обносить ихъ вареньемъ и медовыми пряниками, но старикъ-король былъ такъ опечаленъ, что не могъ ничего ѣсть, да и пряники были ему не по зубамъ!

Было рѣшено, что Иванъ опять придетъ во дворецъ на другое утро, а судьи и весь Совѣтъ соберутся слушать, какъ

онъ будетъ отгадывать. Справится онъ съ задачей на первый разъ—придетъ еще два раза; но никому еще не удавалось отгадать и одного раза, всѣмъ приходилось платиться головой за первую же попытку.

Ивана ничуть не заботила мысль о томъ, что будетъ съ нимъ; онъ былъ очень веселъ, думалъ только о прелестной принцессѣ и крѣпко вѣрилъ, что Богъ не оставитъ его Своею помощью; какимъ образомъ поможетъ Онъ ему—Иванъ не зналъ, да и думать объ этомъ не хотѣлъ, а шелъ себѣ, приплясывая, по дорогѣ, пока, наконецъ, не пришелъ обратно на постоялый дворъ, гдѣ ждалъ его товарищъ.

Иванъ безъ умолку разсказывалъ о прелестной принцессѣ, о томъ, какъ ласково она приняла его, и дождаться не могъ завтрашняго дня, когда пойдетъ, наконецъ, во дворецъ попытать счастья.

Но дорожный товарищъ Ивана грустно покачалъ головой и сказалъ:

— Я такъ люблю тебя, мы могли бы провести вмѣстѣ еще много счастливыхъ дней, и вдругъ мнѣ придется лишиться тебя! Мой бѣдный другъ, я готовъ заплакать, но не хочу огорчать тебя: сегодня, можетъ быть, послѣднiй день, что мы вмѣстѣ! Повеселимся же хоть сегодня! Успѣю наплакаться и завтра, когда ты уйдешь во дворецъ!

Весь городъ сейчасъ же узналъ, что у принцессы новый женихъ, и всѣ страшно опечалились. Театры закрылись, торговки сластями обвязали своихъ сахарныхъ поросятъ чернымъ крепомъ, а король и священники собрались въ церкви и на колѣняхъ молились Богу. Горе было всеобщее: вѣдь, и съ Иваномъ должно было случиться то же, что съ прочими женихами.

Вечеромъ товарищъ Ивана приготовилъ пуншъ и предложилъ Ивану хорошенько повеселиться и выпить за здоровье принцессы. Иванъ выпилъ два стакана, и ему ужасно захотѣлось спать; глаза у него закрылись сами собой, и онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Товарищъ поднялъ его со стула и уложилъ въ постель, а самъ, дождавшись ночи, взялъ два большихъ крыла, которыя отрубилъ у мертваго лебедя, привязалъ ихъ къ плечамъ, сунулъ въ карманъ самый большой пучекъ розогъ изъ тѣхъ, что получилъ отъ старухи, сломавшей себѣ ногу, открылъ окно и полетѣлъ прямо ко дворцу. Тамъ онъ усѣлся

въ уголкѣ подъ окномъ принцессиной спальни и сталъ ждать.

Въ городѣ было тихо, тихо; вотъ пробило три четверти двѣнадцатаго, окно распахнулось, и вылетѣла принцесса въ длинномъ, бѣломъ плащѣ, съ большими черными крыльями за спиной. Она направилась прямо къ большой горѣ, но дорожный товарищъ Ивана сдѣлался невидимкой и полетѣлъ за ней слѣдомъ, хлеща ее розгами до крови. Брр... вотъ такъ былъ полетъ! Ея плащъ раздувался отъ вѣтра, точно парусъ, и черезъ него просвѣчивалъ мѣсяцъ.

— Что за градъ! что за градъ!—говорила принцесса при каждомъ ударѣ розогъ,—и по дѣломъ ей было!

Наконецъ, она добралась до горы и постучала. Раздался точно ударъ грома, и гора разсѣлась; принцесса вошла, а за нею и товарищъ Ивана,—никто, вѣдь, не видалъ его. Они прошли длинный, длинный корридоръ съ какими-то странно сверкающими стѣнами,—по нимъ бѣгали тысячи огненныхъ пауковъ, горѣвшихъ какъ жаръ. Затѣмъ принцесса и ея невидимый спутникъ вошли въ большой залъ изъ серебра и золота; на стѣнахъ сіяли большіе красные и голубые цвѣты, вродѣ подсолнечниковъ, но Боже упаси, кто захотѣлъ бы сорвать ихъ! Стебли ихъ были гадкими ядовитыми змѣями, а самые цвѣты—пламенемъ, выходившимъ у нихъ изъ пасти. Потолокъ былъ усѣянъ свѣтляками и голубоватыми летучими мышами, которыя безпрерывно хлопали своими тонкими крыльями; удивительное было зрѣлище! Посреди зала стоялъ тронъ на четырехъ лошадиныхъ остовахъ вмѣсто ножекъ; сбруя на лошадяхъ была изъ огненныхъ пауковъ, самый тронъ изъ молочно-бѣлаго стекла, а подушки на немъ изъ черненькихъ мышекъ, вцѣпившихся другъ другу въ хвосты зубами. Надъ трономъ былъ балдахинъ изъ ярко-красной паутины, усѣянной хорошенькими зелеными мухами, блестѣвшими не хуже драгоцѣнныхъ камней. На тронѣ сидѣлъ старый тролль *); его безобразная голова была увѣнчана короной, а въ рукахъ онъ держалъ скипетръ. Тролль поцѣловалъ принцессу въ лобъ и усадилъ ее рядомъ съ собой на драгоцѣнный тронъ. Тутъ заиграла музыка: большіе черные кузнечики играли на губныхъ гармоникахъ, а сова била себя

*) *Тролль*—по скандинавской миѳологіи — безобразное и злое сверхъестественное существо. Различаются тролли лѣсные и горные.

Примѣч. перев.

крыльями по животу,—у нея не было другого барабана. Вотъ былъ концертъ! Маленькіе гномы, съ блуждающими огоньками на шапкахъ, плясали по залу. Никто не видалъ товарища Ивана, а онъ стоялъ позади трона и видѣлъ и слышалъ все!

Въ залѣ было много нарядныхъ и важныхъ придворныхъ; но тотъ, у кого были глаза во лбу, замѣтилъ бы, что придворные эти ни больше, ни меньше, какъ простыя палки съ кочнями капусты вмѣсто головъ,—тролль оживилъ ихъ и нарядилъ въ расшитыя золотомъ платья; впрочемъ, не все-ли равно, если они служили только для парада!

Когда пляска кончилась, принцесса разсказала троллю о новомъ женихѣ и спросила, о чемъ бы ей загадать на слѣдующее утро, когда онъ придетъ во дворецъ.

— Вотъ что,—сказалъ тролль:—надо взять что-нибудь самое простое, чего ему и въ голову не придетъ. Задумай, напримѣръ, о своемъ башмакѣ. Ни за что не отгадаетъ! Вели тогда отрубить ему голову, да не забудь принести мнѣ завтра, ночью, его глаза, я ихъ съѣмъ!

Принцесса низко присѣла и сказала, что не забудетъ. Затѣмъ тролль раскрылъ гору, и принцесса полетѣла домой, а товарищъ Ивана опять летѣлъ слѣдомъ и такъ хлесталъ ее розгами, что она стонала и жаловалась на сильный градъ и изо всѣхъ силъ торопилась добраться до окна своей спальни. Дорожный товарищъ Ивана полетѣлъ обратно на постоялый дворъ; Иванъ еще спалъ; товарищъ его отвязалъ свои крылья и тоже улегся въ постель,—еще бы, усталъ порядкомъ!

Чуть занялась заря, Иванъ былъ уже на ногахъ; дорожный товарищъ его тоже всталъ и разсказалъ ему чудесный сонъ, который онъ видѣлъ ночью; онъ видѣлъ, что принцесса загадала о своемъ башмакѣ и потому просилъ Ивана непремѣнно назвать принцессѣ башмакъ. Онъ, вѣдь, какъ разъ слышалъ это въ горѣ у тролля, но не хотѣлъ ничего разсказывать Ивану.

— Что-жъ, для меня все равно, что ни назвать!—сказалъ Иванъ.—Можетъ быть, твой сонъ и въ руку: я, вѣдь, все время думалъ, что Богъ поможетъ мнѣ! Но я все-таки прощусь съ тобой; если я не угадаю, мы больше не увидимся.

Они поцѣловались, и Иванъ отправился во дворецъ. Залъ былъ биткомъ набитъ народомъ; судьи сидѣли въ креслахъ, прислонившись головами къ подушкамъ изъ гагачьяго пуха,—имъ, вѣдь, приходилось такъ много думать! Старикъ-король стоялъ

и вытиралъ глаза бѣлымъ носовымъ платкомъ. Но вотъ, вошла принцесса; она была еще лучше вчерашняго, мило раскланялась со всѣми, а Ивану подала руку и сказала:

— Ну, здравствуй!

Теперь надо было отгадывать, о чемъ она задумала. Господи, какъ ласково смотрѣла она на Ивана! Но какъ только онъ произнесъ: „башмакъ“, она побѣлѣла, какъ мѣлъ, и задрожала всѣмъ тѣломъ. Дѣлать, однако, было нечего—Иванъ угадалъ.

Эхъ-ма! Старикъ-король даже кувыркнулся на радостяхъ,— всѣ и рты разинули! А Иванъ набожно сложилъ руки и поблагодарилъ Бога, надѣясь, что онъ поможетъ ему и въ слѣдующіе разы.

На другой день надо было приходить опять. Вечеръ прошелъ такъ же, какъ и наканунѣ. Когда Иванъ заснулъ, товарищъ его опять полетѣлъ за принцессой и хлесталъ ее еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, такъ какъ взялъ съ собой два пучка розогъ; никто не видалъ его, и онъ опять подслушалъ совѣтъ тролля. Принцесса должна была на этотъ разъ загадать о своей перчаткѣ, что товарищъ и передалъ Ивану, снова сославшись на свой сонъ. Иванъ угадалъ и во второй разъ, и во дворцѣ пошло такое веселье, что только держись! Весь дворъ пошелъ кувыркаться,—самъ король, вѣдь, подалъ вчера примѣръ. Зато принцесса лежала на диванѣ и не хотѣла даже разговаривать. Теперь все дѣло было въ томъ, отгадаетъ-ли Иванъ въ третій разъ; если да—то женится на красавицѣ-принцессѣ и наслѣдуетъ по смерти старика-короля все королевство; нѣтъ—его казнятъ, и тролль съѣстъ его прекрасные голубые глаза.

Въ этотъ вечеръ Иванъ рано улегся въ постель, прочелъ молитву на сонъ грядущій и спокойно заснулъ, а товарищъ его привязалъ себѣ крылья, пристегнулъ съ боку саблю, взялъ всѣ три пучка розогъ и полетѣлъ ко дворцу.

Тьма была, хоть глазъ выколи; бушевала такая гроза, что черепицы валились съ крышъ, а деревья въ саду съ мертвецами гнулись отъ вѣтра, какъ тростинки. Молнія сверкала ежеминутно, и громъ сливался въ одинъ сплошной раскатъ. Но вотъ, открылось окно, и вылетѣла принцесса, блѣдная, какъ смерть; но она смѣялась надъ непогодой,—ей все еще было мало; бѣлый плащъ ея бился по вѣтру, какъ огромный парусъ, а дорожный товарищъ Ивана до крови хлесталъ ее всѣми тремя

пучками розогъ, такъ что подъ конецъ она едва могла летѣть и еле-еле добралась до горы.

— Градъ такъ и сѣчетъ! Ужасная гроза!—сказала она.— Сроду не приходилось мнѣ вылетать изъ дома въ такую непогоду.

— Да, видно, что тебѣ порядкомъ досталось!—сказалъ тролль.

Принцесса разсказала ему, что Иванъ угадалъ и во второй разъ; случись то же и въ третій—онъ выиграетъ дѣло, и ей нельзя будетъ больше прилетать въ гору и колдовать. Было поэтому о чемъ печалиться.

— Не угадаетъ онъ больше!—сказалъ тролль.—Я найду что-нибудь такое, чего ему и въ голову придти не можетъ, иначе онъ—тролль почище меня! А теперь будемъ плясать! И онъ взялъ принцессу за руки, и они принялись танцовать вмѣстѣ съ гномами и блуждающими огоньками, а красные пауки весело прыгали вверхъ и внизъ по стѣнамъ, точно живые огоньки. Сова била въ барабанъ, сверчки свистѣли, а черные кузнечики играли на губныхъ гармоникахъ. Развеселый былъ балъ!

Натанцовавшись вдоволь, принцесса стала торопиться домой, иначе ее могли тамъ хватиться; тролль сказалъ, что проводитъ ее, и они такимъ образомъ подольше пробудутъ вмѣстѣ.

Они летѣли, а товарищъ Ивана хлесталъ ихъ всѣми тремя пучками розогъ; никогда еще троллю не случалось вылетать въ такой градъ.

Передъ дворцомъ онъ простился съ принцессой и шепнулъ ей на ухо:

— Загадай о моей головѣ!

Товарищъ Ивана, однако, разслышалъ его слова, и въ ту самую минуту, какъ принцесса скользнула въ окно, а тролль хотѣлъ повернуть назадъ, схватилъ его за длинную черную бороду и срубилъ ему саблей гадкую голову по самыя плечи! Тролль и глазомъ моргнуть не успѣлъ! Тѣло тролля товарищъ Ивана бросилъ въ озеро, а голову окунулъ въ воду, затѣмъ, завязалъ въ шелковый платокъ и полетѣлъ съ этимъ узелкомъ домой.

На утро дорожный товарищъ отдалъ Ивану узелокъ, но не велѣлъ ему развязывать его, пока принцесса не спроситъ, о чемъ она загадала.

Большой дворцовый залъ былъ биткомъ набитъ народомъ; люди жались другъ къ другу, точно сельди въ боченкѣ. Совѣтъ засѣдалъ въ креслахъ съ мягкими подушками подъ головами, а старикъ-король разодѣлся въ новое платье; корона и скипетръ его были вычищены на славу; зато принцесса была блѣдна и одѣта въ трауръ, точно собралась на похороны.

— О чемъ я загадала?—спросила она Ивана.

Тотъ сейчасъ же развязалъ платокъ и самъ испугался при видѣ гадкой головы тролля. Всѣ вздрогнули отъ ужаса, а принцесса сидѣла, какъ окаменѣлая, не говоря ни слова. Наконецъ, она встала, подала Ивану руку—онъ, вѣдь, угадалъ—и, не глядя ни на кого, сказала съ глубокимъ вздохомъ:

— Теперь, ты мой господинъ! Вечеромъ сыграемъ свадьбу!

— Вотъ это я люблю!—сказалъ старикъ-король.— Вотъ это дѣло!

Народъ закричалъ „ура", дворцовая стража заиграла маршъ, колокола зазвонили, и торговки сластями сняли съ сахарныхъ поросятъ траурный крепъ,—теперь повсюду была радость! На площади были выставлены три жареныхъ быка съ начинкой изъ утокъ и куръ,—всѣ могли подходить и отрѣзать себѣ по куску; въ фонтанахъ било чудеснѣйшее вино, а въ булочныхъ каждому, кто покупалъ кренделей на два гроша, давали въ прибавку шесть большихъ пышекъ съ изюмомъ!

Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, солдаты палили изъ пушекъ, мальчишки изъ хлопушекъ, а во дворцѣ ѣли, пили, чокались бокалами и плясали. Знатные кавалеры и красивыя дѣвицы танцовали другъ съ другомъ и пѣли такъ громко, что на улицѣ было слышно:

„Много тутъ дѣвицъ прекрасныхъ,
Любо имъ плясать и пѣть!
Такъ играйте-жъ плясовую,
Полно дѣвицамъ сидѣть!
Эй, дѣвица, веселѣй,
Башмачковъ не пожалѣй!"

Но принцесса все еще оставалась вѣдьмой и совсѣмъ не любила Ивана; дорожный товарищъ его не забылъ объ этомъ, далъ ему три лебединыхъ пера и пузырекъ съ какими-то каплями и велѣлъ поставить передъ кроватью принцессы чанъ съ водой; потомъ Иванъ долженъ былъ вылить туда эти капли

и бросить перья, а когда принцесса станетъ ложиться въ постель, столкнуть ее въ чанъ и погрузить въ воду три раза,— тогда принцесса освободится отъ колдовства и крѣпко его полюбитъ.

Иванъ сдѣлалъ все такъ, какъ ему было сказано. Принцесса, упавъ въ воду, громко вскрикнула и забилась у Ивана въ рукахъ въ видѣ большого, чернаго, какъ смоль, лебедя съ сверкающими глазами; во второй разъ она вынырнула изъ воды уже въ видѣ бѣлаго лебедя съ небольшимъ чернымъ кольцомъ вокругъ шеи; Иванъ набожно воззвалъ къ Богу и погрузилъ птицу въ третій разъ — въ то же мгновеніе она опять стала красавицей-принцессой. Она была еще лучше прежняго и со слезами въ чудныхъ глазахъ благодарила Ивана за то, что онъ освободилъ ее отъ чаръ.

Утромъ явился къ нимъ старикъ-король со всею свитой и пошли поздравленія. Послѣ всѣхъ пришелъ дорожный товарищъ Ивана съ палкой въ рукахъ и котомкой за плечами. Иванъ расцѣловалъ его и сталъ просить остаться,—ему, вѣдь, былъ онъ обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ! Но тотъ отрицательно покачалъ головой и ласково сказалъ:

— Нѣтъ, насталъ мой часъ! Я только заплатилъ тебѣ свой долгъ. Помнишь бѣднаго умершаго человѣка, котораго хотѣли обидѣть злые люди? Ты отдалъ имъ все, что имѣлъ, только бы они не тревожили его въ гробу. Этотъ умершій—я!

Въ ту же минуту онъ скрылся.

Свадебныя торжества продолжались цѣлый мѣсяцъ. Иванъ и принцесса крѣпко любили другъ друга, и старикъ-король прожилъ еще много счастливыхъ лѣтъ, качая на колѣняхъ и забавляя своими скипетромъ и державой внучатъ, въ то время, какъ Иванъ правилъ королевствомъ.

РУСАЛОЧКА.

Въ открытомъ морѣ вода совсѣмъ синяя, какъ лепестки хорошенькихъ васильковъ, и прозрачная, какъ хрусталь,—но зато и глубоко тамъ! Ни одинъ якорь не достанетъ до дна; на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много, много колоколенъ, чтобы онѣ могли высунуться изъ воды. На самомъ днѣ живутъ русалки.

Не подумайте, что тамъ, на днѣ, одинъ голый бѣлый песокъ; нѣтъ, тамъ растутъ удивительнѣйшія деревья и цвѣты съ такими гибкими стебельками и листьями, что они шевелятся, какъ живые, при малѣйшемъ движеніи воды. Между вѣтвями ихъ шныряютъ маленькія и большія рыбки, точь-въ-точь какъ у насъ здѣсь птицы. Въ самомъ глубокомъ мѣстѣ лежитъ коралловый дворецъ морского царя съ большими остроконечными окнами изъ чистѣйшаго янтаря и съ крышей изъ раковинъ, которыя то открываются, то закрываются, смотря по приливу и отливу; выходитъ очень красиво, такъ какъ въ срединѣ каждой раковины лежитъ по жемчужинѣ, такой красоты, что и одна изъ нихъ скрасила бы корону любой королевы.

Морской царь давнымъ-давно овдовѣлъ, и хозяйствомъ у него заправляла его старуха-мать, женщина умная, но очень гордая своимъ родомъ; она носила на хвостѣ цѣлую дюжину устрицъ, тогда какъ вельможи имѣли право носить только по шести. Вообще же она была особа достойная, особенно потому, что очень любила своихъ маленькихъ внучекъ. Всѣ шестеро принцессъ были прехорошенькими русалочками, но лучше всѣхъ была самая младшая, нѣжная и прозрачная, какъ лепестокъ розы, съ глубокими, синими, какъ море, глазами. Но и у нея, какъ у другихъ русалокъ, не было ножекъ, а только рыбій хвостъ.

День-деньской играли принцессы въ огромныхъ дворцовыхъ залахъ, гдѣ по стѣнамъ росли живые цвѣты. Въ открытыя янтарныя окна вплывали рыбки, какъ у насъ, бываетъ, влетаютъ ласточки; рыбки подплывали къ маленькимъ принцессамъ, ѣли изъ ихъ рукъ и позволяли себя гладить.

Возлѣ дворца былъ большой садъ; тамъ росло много огненно-красныхъ и темно-голубыхъ деревьевъ съ вѣчно колеблющимися вѣтвями и листьями; плоды ихъ при этомъ движеніи сверкали, какъ золото, а цвѣты—какъ огоньки. Самая земля была усыпана мелкимъ голубоватымъ, какъ сѣрное пламя, пескомъ; на днѣ морскомъ на всемъ лежалъ какой-то удивительный голубоватый отблескъ,—можно было скорѣе подумать, что витаешь высоко-высоко въ воздухѣ, причемъ небо у тебя не только надъ головой, но и подъ ногами. Въ безвѣтріе можно было также видѣть солнце; оно смотрѣло пурпуровымъ цвѣткомъ, изъ чашечки котораго лился свѣтъ.

У каждой принцессы было въ саду свое мѣстечко; тутъ онѣ

могли копать и сажать, что хотѣли. Одна сдѣлала себѣ цвѣточную грядку въ видѣ кита, другой захотѣлось, чтобы ея грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сдѣлала себѣ грядку круглую, какъ солнышко, и засадила ее такими же ярко красными цвѣтами. Странное дитя была эта русалочка: такая тихая, задумчивая... Другія сестры украшали себя разными разностями, которыя доставались имъ съ разбитыхъ кораблей, а она любила только свои красныя, какъ солнышко, цвѣточки, да прекраснаго бѣлаго мраморнаго мальчика, упавшаго на дно моря съ какого-то погибшаго корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая чудесно разрослась; вѣтви ея перевѣшивались черезъ статую и клонились на голубой песокъ, гдѣ колебалась ихъ фіолетовая тѣнь,—вершина и корни точно играли и цѣловались другъ съ другомъ!

Больше всего любила русалочка слушать разсказы о людяхъ, живущихъ наверху, на землѣ. Старуха-бабушка должна была разсказать ей все, что только знала о корабляхъ и городахъ, о людяхъ и о животныхъ. Особенно занимало и удивляло русалочку, что цвѣты на землѣ пахли,—не то, что тутъ, въ морѣ!—что лѣса тамъ были зеленаго цвѣта, а рыбки, которыя жили въ вѣтвяхъ, чудесно пѣли. Бабушка называла рыбками птичекъ, иначе внучки не поняли бы ея; онѣ, вѣдь, съ роду не видывали птицъ.

— Когда вамъ исполнится пятнадцать лѣтъ, — говорила бабушка:—вамъ тоже можно будетъ всплывать на поверхность моря, сидѣть, при свѣтѣ мѣсяца, на скалахъ и смотрѣть на плывущіе мимо огромные корабли, на лѣса и города!

Въ этотъ годъ старшей принцессѣ какъ разъ должно было исполниться пятнадцать лѣтъ, но другимъ сестрамъ—а онѣ всѣ, вѣдь, были погодки—приходилось еще ждать, и дольше всѣхъ—цѣлыхъ пять лѣтъ—самой младшей. Но каждая обѣщала разсказать остальнымъ сестрамъ о томъ, что ей больше всего понравится въ первый день,—разсказы бабушки мало удовлетворяли ихъ любопытство, имъ хотѣлось знать обо всемъ поподробнѣе.

Никого не тянуло такъ на поверхность моря, какъ самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всѣхъ. Сколько ночей провела она у открытаго окна, вглядываясь въ синеву моря, гдѣ шевелили своими плавниками и хвостами цѣлыя стаи рыбокъ! Она могла разглядѣть

сквозь воду мѣсяцъ и звѣзды; они, конечно, блестѣли не такъ ярко, но зато казались гораздо больше, чѣмъ кажутся намъ. Случалось, что подъ ними скользило какъ будто большое облако, и русалочка знала, что это или проплывалъ надъ нею китъ, или проходилъ корабль съ сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочкѣ, что стояла тамъ, въ глубинѣ моря, и протягивала къ килю корабля свои бѣлыя ручки.

Но вотъ, старшей принцессѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, и ей было позволено всплыть на поверхность моря.

Вотъ было разсказовъ, когда она вернулась назадъ! Лучше же всего, по ея словамъ, было—лежать въ тихую погоду на песчаной отмели и нѣжиться, при свѣтѣ мѣсяца, любуясь раскинувшимся по берегу городомъ: тамъ, точно сотни звѣздочекъ, горѣли огоньки, слышалась музыка, шумъ и грохотъ экипажей, виднѣлись башни со шпицами, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, ее больше всего и манило это зрѣлище.

Какъ жадно слушала ея разсказы самая младшая сестрица. Стоя, вечеромъ, у открытаго окна и вглядываясь въ морскую синеву, она только и думала, что о большомъ шумномъ городѣ, и ей казалось даже, что она слышитъ звонъ колоколовъ.

Черезъ годъ и вторая сестра получила позволеніе подниматься на поверхность моря и плыть, куда хочетъ. Она вынырнула изъ воды какъ разъ въ ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрѣлища ничего и быть не можетъ. Небо сіяло, какъ расплавленное золото, разсказывала она, а облака... да, тутъ у нея ужъ и словъ не хватало! Окрашенныя въ пурпуровые и фіолетовые цвѣта они быстро неслись по небу, но еще быстрѣе ихъ неслась къ солнцу, точно длинная бѣлая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было къ солнцу, но оно опустилось въ море, и по небу и водѣ разлилась розовая вечерняя заря.

Еще черезъ годъ всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смѣлѣе всѣхъ и проплыла въ широкую рѣку, которая впадала въ море. Тутъ она увидала зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные чудесными рощами, гдѣ пѣли птицы; солнышко свѣтило и грѣло такъ, что ей не разъ приходилось нырять въ воду, чтобы освѣжить свое пылающее лицо. Въ маленькой бухтѣ она увидѣла цѣлую толпу голенькихъ человѣчковъ, которые плес-

кались въ водѣ; она хотѣла было поиграть съ ними, но они испугались ея и убѣжали, а вмѣсто нихъ появился какой-то черный звѣрекъ и такъ страшно принялся на нее тяфкать, что русалка перепугалась и уплыла назадъ въ море; звѣрекъ этотъ была собака, но русалка, вѣдь, никогда еще не видала собакъ.

И вотъ, принцесса все вспоминала эти чудные лѣса, зеленые холмы и прелестныхъ дѣтей, которыя умѣли плавать, хоть у нихъ и не было рыбьяго хвоста!

Четвертая сестра не была такою смѣлой; она держалась больше въ открытомъ морѣ и разсказывала, что это было лучше всего: куда ни оглянись, на много-много миль вокругъ—одна вода, да небо, опрокинувшееся надъ водой, точно огромный стекляный куполъ; вдали, какъ морскія чайки, проносились большіе корабли, играли и кувыркались забавные дельфины и пускали изъ ноздрей сотни фонтановъ огромные киты.

Потомъ пришла очередь предпослѣдней сестры; ея день рожденія приходился зимой, и потому она увидала въ первый разъ то, чего не видѣли другіе: море было зеленоватаго цвѣта, повсюду плавали большія ледяныя горы, ни дать, ни взять жемчужины—разсказывала она—но такія огромныя, выше самыхъ высокихъ колоколенъ! Нѣкоторыя изъ нихъ были очень причудливой формы и блестѣли, какъ алмазныя. Она усѣлась на самую большую, вѣтеръ развѣвалъ ея длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. Къ вечеру небо покрылось тучами, засверкала молнія, загремѣлъ громъ и темное море стало бросать ледяныя глыбы изъ стороны въ сторону, а онѣ такъ и сверкали при блескѣ молніи. На корабляхъ убирали паруса, люди метались въ страхѣ и ужасѣ, а она спокойно плыла себѣ на ледяной горѣ и смотрѣла, какъ огненныя зигзаги молніи, прорѣзавъ небо, падали въ море.

Вообще, каждая изъ сестеръ была въ восторгѣ отъ того, что видѣла въ первый разъ,—все было для нихъ ново и потому нравилось; но получивъ, какъ взрослыя дѣвушки, позволеніе плавать повсюду, онѣ скоро присмотрѣлись ко всему и черезъ мѣсяцъ стали уже говорить, что вездѣ хорошо, а дома лучше.

Часто, по вечерамъ, всѣ пять сестеръ сплетались руками и подымались на поверхность воды; у всѣхъ были чудеснѣйшіе голоса, какихъ не бываетъ у людей на землѣ, и вотъ, когда

начиналась буря, и онѣ видѣли, что кораблямъ грозитъ опасность, онѣ подплывали къ нимъ, пѣли о чудесахъ подводнаго царства и просили моряковъ не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать словъ; имъ казалось, что это просто шумитъ буря; да имъ все равно и не удалось бы увидать на днѣ никакихъ чудесъ,—если корабль погибалъ, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка въ то время, какъ сестры ея всплывали рука объ руку на поверхность моря, оставалась одна-одинешенька и смотрѣла имъ вслѣдъ, готовая заплакать, но русалки не могутъ плакать, и оттого ей было еще тяжелѣе.

— Ахъ, когда же мнѣ будетъ пятнадцать лѣтъ?—говорила она.—Я знаю, что очень полюблю и тотъ свѣтъ, и людей, которые тамъ живутъ!

Наконецъ, и ей исполнилось пятнадцать лѣтъ!

— Ну, вотъ, выростили и тебя!—сказала бабушка, вдовствующая королева.—Поди сюда, надо и тебя принарядить, какъ другихъ сестеръ!

И она надѣла русалочкѣ на голову вѣнецъ изъ бѣлыхъ жемчужныхъ лилій,—каждый лепестокъ былъ половинкой жемчужины—потомъ, для обозначенія высокаго сана принцессы, приказала прицѣпиться къ ея хвосту восьмерымъ устрицамъ.

— Да это больно!—сказала русалочка.

— Ради красоты приходится и потерпѣть немножко!—сказала старуха.

Ахъ, съ какимъ удовольствіемъ скинула бы съ себя русалочка всѣ эти уборы и тяжелый вѣнецъ,—красненькіе цвѣточки изъ ея садика шли ей куда больше, но дѣлать нечего!

— Прощайте!—сказала она и легко и плавно, точно прозрачный водяной пузырь, поднялась на поверхность.

Солнце только что сѣло, но облака еще сіяли пурпуромъ и золотомъ, тогда какъ въ красноватомъ небѣ уже зажигались чудесныя, ясныя вечернія звѣздочки; воздухъ былъ мягокъ и свѣжъ, а море лежало, какъ зеркало. Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ вынырнула русалочка, стоялъ трехмачтовый корабль всего лишь съ однимъ поднятымъ парусомъ,—не было, вѣдь, ни малѣйшаго вѣтерка; на вантахъ и мачтахъ сидѣли матросы, съ палубы неслись звуки музыки и пѣсенъ; когда же совсѣмъ стемнѣло, корабль освѣтился сотнями разноцвѣтныхъ фонариковъ; казалось, что въ воздухѣ замелькали флаги всѣхъ націй.

Русалочка подплыла къ самымъ окнамъ каюты и, когда волны слегка приподымали ее, она могла заглянуть въ каюту. Тамъ было множество разодѣтыхъ людей, но лучше всѣхъ былъ молодой принцъ съ большими черными глазами. Ему навѣрное было не больше шестнадцати лѣтъ; въ тотъ день праздновалось его рожденіе, оттого на кораблѣ и шло такое веселье. Матросы плясали на палубѣ, а когда вышелъ туда молодой принцъ, кверху взвились сотни ракетъ, и стало свѣтло, какъ днемъ, такъ что русалочка совсѣмъ перепугалась и нырнула въ воду, но скоро опять высунула головку, и ей показалось, что всѣ звѣздочки небесныя попадали къ ней въ море. Никогда еще не видѣла она такой огненной потѣхи: большія солнца вертѣлись колесомъ, великолѣпныя огненныя рыбы крутили въ воздухѣ хвостами, и все это отражалось въ тихой, ясной водѣ. На самомъ кораблѣ было такъ свѣтло, что можно было различить каждую веревку, а людей и подавно. Ахъ, какъ хорошъ былъ молодой принцъ! Онъ пожималъ людямъ руки, улыбался и смѣялся, а музыка все гремѣла и гремѣла въ тишинѣ чудной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глазъ не могла оторвать отъ корабля и отъ красавца-принца. Разноцвѣтные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали въ воздухъ, не слышалось и пушечныхъ выстрѣловъ, зато загудѣло и застонало самое море. Русалочка качалась на волнахъ рядомъ съ кораблемъ и все заглядывала въ каюту, а корабль несся все быстрѣе и быстрѣе, паруса развертывались одинъ за другимъ, вѣтеръ крѣпчалъ, заходили волны, облака сгустились и засверкала молнія. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, а вѣтеръ такъ и мчалъ его по бушующимъ волнамъ; вокругъ корабля вставали высокія водяныя горы, грозившія сомкнуться надъ мачтами корабля, но онъ нырялъ между водяными стѣнами, какъ лебедь, и снова взлеталъ на хребетъ волнъ. Русалочку буря только забавляла, но морякамъ приходилось плохо; корабль трещалъ, толстыя бревна разлетались въ щепки, волны перекатывались черезъ палубу, мачты ломались, какъ тростинки, корабль перевернулся на бокъ, и вода хлынула въ трюмъ. Тутъ русалочка поняла опасность; ей и самой приходилось остерегаться бревенъ и обломковъ, носившихся по волнамъ. На минуту сдѣлалось вдругъ такъ темно, хоть глазъ выколи; но вотъ, опять

блеснула молнія, и русалочка вновь увидѣла всѣхъ бывшихъ на кораблѣ людей; каждый спасался, какъ умѣлъ. Русалочка отыскала глазами принца и увидала, какъ онъ погрузился въ воду, когда корабль разбился на части. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что онъ попадетъ теперь къ нимъ на дно, но потомъ вспомнила, что люди не могутъ жить въ водѣ и что онъ можетъ приплыть во дворецъ ея отца только мертвымъ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не долженъ умирать! И она поплыла между бревнами и досками, совсѣмъ забывая, что они во всякую минуту могутъ раздавить ее самое. Приходилось то нырять въ самую глубину, то взлетать кверху вмѣстѣ съ волнами; но вотъ, наконецъ, она настигла принца, который уже почти совсѣмъ выбился изъ силъ и не могъ больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; онъ умеръ-бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла надъ водой его голову и предоставила волнамъ нести ихъ обоихъ, куда угодно.

Къ утру непогода стихла; отъ корабля не осталось и щепки; солнце опять засіяло надъ водой, и его яркіе лучи какъ будто вернули щекамъ принца ихъ живую окраску, но глаза его все еще не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцѣловала его въ высокій, красивый лобъ; ей показалось, что онъ похожъ на мраморнаго мальчика, что стоялъ у нея въ саду; она поцѣловала его еще разъ и отъ души пожелала, чтобы онъ остался живъ.

Наконецъ, она завидѣла твердую землю и высокія, уходящія въ небо горы, на вершинахъ которыхъ, точно стаи лебедей, бѣлѣли снѣга. У самаго берега зеленѣла чудная роща, а повыше стояло какое-то зданіе, вродѣ церкви или монастыря. Въ рощѣ росли апельсинныя и лимонныя деревья, а у воротъ зданія высокія пальмы. Море врѣзывалось въ бѣлый песчаный берегъ небольшимъ заливомъ, гдѣ вода была очень тиха, но глубока; сюда-то приплыла русалочка и положила принца на песокъ, позаботившись о томъ, чтобы голова его лежала повыше и на самомъ солнышкѣ.

Въ это время въ высокомъ бѣломъ зданіи зазвонили въ колокола, и въ садъ высыпала цѣлая толпа молодыхъ дѣвушекъ. Русалочка отплыла подальше за высокіе камни, которые торчали изъ воды, покрыла себѣ волосы и грудь морскою пѣной — теперь никто не различилъ бы въ этой пѣнѣ ея бѣ-

ленькаго личика—и стала ждать: не придетъ-ли кто на помощь бѣдному принцу.

Ждать пришлось не долго; къ принцу подошла одна изъ молодыхъ дѣвушекъ и сначала очень испугалась, но скоро собралась съ духомъ и позвала на помощь людей. Затѣмъ, русалочка увидѣла, что принцъ ожилъ и улыбнулся всѣмъ, кто былъ возлѣ него. А ей онъ не улыбнулся и даже не зналъ, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочкѣ, и когда принца увели въ большое бѣлое зданіе, она печально нырнула въ воду и уплыла домой.

И прежде она была тихою и задумчивою, теперь же стала еще тише, еще задумчивѣе. Сестры спрашивали ее, что она видѣла въ первый разъ на поверхности моря, но она не разсказала имъ ничего.

Часто и вечеромъ, и утромъ приплывала она къ тому мѣсту, гдѣ оставила принца, видѣла, какъ созрѣли и были сорваны въ садахъ плоды, видѣла, какъ стаялъ снѣгъ на высокихъ горахъ, но принца такъ больше и не видала, и возвращалась домой съ каждымъ разомъ все печальнѣе и печальнѣе. Единственною отрадой было для нея сидѣть въ своемъ садикѣ, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цвѣтами она больше не ухаживала; они росли, какъ хотѣли, по тропинкамъ и дорожкамъ, переплелись своими стебельками и листочками съ вѣтвями дерева, и въ садикѣ стало совсѣмъ темно.

Наконецъ, она не выдержала, разсказала обо всемъ одной изъ своихъ сестеръ; за ней узнали и всѣ остальныя сестры, но больше никто, кромѣ развѣ еще двухъ-трехъ русалокъ, да ихъ самыхъ близкихъ подругъ. Одна изъ русалокъ тоже знала принца, видѣла праздникъ на кораблѣ и даже знала, гдѣ лежитъ королевство принца.

— Пойдемъ съ нами сестрица!—сказали русалкѣ сестры, и рука объ руку поднялись всѣ на поверхность моря близъ того мѣста, гдѣ лежалъ дворецъ принца.

Дворецъ былъ изъ свѣтло-желтаго блестящаго камня, съ большими мраморными лѣстницами; одна изъ нихъ спускалась прямо въ море. Великолѣпные вызолоченные куполы высились надъ крышей, а въ нишахъ, между колоннами, окружавшими все зданіе, стояли мраморныя статуи, совсѣмъ какъ живыя. Въ высокія зеркальныя окна виднѣлись роскошныя покои; всюду

висѣли дорогія шелковыя занавѣси, были разостланы ковры, а стѣны украшены большими картинами. Заглядѣнье да и только! Посреди самой большой залы журчалъ большой фонтанъ; струи воды били высоко-высоко подъ самый стеклянный куполообразный потолокъ, чрезъ который на воду и на чудныя растенія, росшія въ широкомъ бассейнѣ, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, гдѣ живетъ принцъ, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечеръ или каждую ночь. Ни одна изъ сестеръ не осмѣливалась подплывать къ землѣ такъ близко, какъ она; она же вплывала и въ узенькій протокъ, который бѣжалъ какъ разъ подъ великолѣпнымъ мраморнымъ балкономъ, бросавшимъ на воду длинную тѣнь. Тутъ она останавливалась и подолгу смотрѣла на молодого принца, а онъ-то думалъ, что гуляетъ при свѣтѣ мѣсяца одинъ-одинешенекъ.

Много разъ видѣла она, какъ онъ катался съ музыкантами на своей прекрасной лодкѣ, украшенной развѣвающимися флагами,—русалочка выглядывала изъ зеленаго тростника, а если люди иной разъ замѣчали ея длинный, серебристо-бѣлый вуаль, развѣвавшійся по вѣтру, то думали, что это лебедь взмахнулъ крыломъ.

Много разъ также слышала она, какъ говорили о принцѣ рыбаки, лучившіе по ночамъ рыбу; они разсказывали о немъ много хорошаго, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда онъ полумертвый носился по волнамъ; она вспоминала тѣ минуты, когда его голова покоилась на ея груди, и когда она такъ нѣжно расцѣловала его бѣлый, красивый лобъ. А онъ-то ничего не зналъ о ней, она ему даже и во снѣ не снилась!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, больше и больше тянуло ее къ нимъ; ихъ земной міръ казался ей куда больше, нежели ея подводный; они могли, вѣдь, переплывать на своихъ карабляхъ море, взбираться на высокія горы къ самымъ облакамъ, а бывшія въ ихъ владѣніи пространства земли съ лѣсами и полями тянулись далеко-далеко, и глазомъ было ихъ не окинуть! Ей такъ хотѣлось побольше узнать о людяхъ и ихъ жизни, но сестры не могли отвѣтить на всѣ ея вопросы, и она обращалась къ старухѣ-бабушкѣ; эта хорошо знала „высшій свѣтъ", какъ она справедливо называла землю, лежавшую надъ моремъ.

— Если люди не тонутъ,—спрашивала русалочка:—тогда они живутъ вѣчно, не умираютъ, какъ мы?

— Какъ же!—отвѣчала старуха.—Они тоже умираютъ, и ихъ вѣкъ даже короче нашего. Мы живемъ триста лѣтъ, зато, когда намъ приходитъ конецъ, отъ насъ остается одна пѣна морская, у насъ нѣтъ даже могилъ близкихъ намъ. Намъ не дано безсмертной души, и мы никогда уже не воскреснемъ для новой жизни; мы, какъ этотъ зеленый тростникъ: вырванный съ корнемъ, онъ уже не зазеленѣетъ вновь! У людей, напротивъ, есть безсмертная душа, которая живетъ вѣчно, даже и послѣ того, какъ тѣло превращается въ прахъ; она улетаетъ тогда въ синее небо, туда, къ яснымъ звѣздочкамъ! Какъ мы можемъ подняться со дна моря и увидать землю, гдѣ живутъ люди, такъ они могутъ подняться послѣ смерти въ невѣдомыя блаженныя страны, которыхъ намъ не видать никогда!

— Отчего у насъ нѣтъ безсмертной души!—грустно сказала русалочка.—Я бы отдала всѣ свои сотни лѣтъ за одинъ день человѣческой жизни, съ тѣмъ, чтобы принять потомъ участіе въ небесномъ блаженствѣ людей.

— Нечего и думать объ этомъ!—сказала старуха.—Намъ тутъ живется куда лучше, чѣмъ людямъ на землѣ!

— Такъ и я умру, стану морской пѣной, не буду больше слышать музыки волнъ, не увижу чудесныхъ цвѣтовъ и краснаго солнышка! Неужели же я никакъ не могу пріобрѣсти безсмертной души?

— Можешь,—сказала бабушка:—пусть только кто-нибудь изъ людей полюбитъ тебя такъ, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся тебѣ всѣмъ своимъ сердцемъ и всѣми помыслами и велитъ священнику соединить ваши руки въ знакъ вѣчной вѣрности другъ другу; тогда частица его души сообщится тебѣ, и ты будешь участвовать въ вѣчномъ блаженствѣ человѣка. Онъ дастъ тебѣ душу и сохранитъ при себѣ свою. Но этому не бывать никогда! Вѣдь, то, что у насъ здѣсь считается красивымъ, твой рыбій хвостъ, люди находятъ безобразнымъ; они мало смыслятъ въ красотѣ; по ихъ мнѣнію, чтобы быть красивымъ, надо непремѣнно имѣтъ двѣ неуклюжихъ подпорки,—ноги, какъ они ихъ называютъ.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрѣла на свой рыбій хвостъ.

— Будемъ жить—не тужить!—сказала старуха.—Повесе-

лимся вволю свои триста лѣтъ,—это таки порядочный срокъ,—тѣмъ слаще будетъ отдыхъ по смерти! Сегодня, вечеромъ, у насъ при дворѣ балъ!

Вотъ было великолѣпіе, какого не увидишь на землѣ! Стѣны и потолокъ танцовальной залы были изъ толстаго, но прозрачнаго стекла; вдоль стѣнъ рядами лежали сотни огромныхъ пурпурныхъ и травянисто-зеленыхъ раковинъ съ голубыми огоньками въ серединѣ; огни эти ярко освѣщали всю залу, а черезъ стекляныя стѣны—и самое море; видно было, какъ къ стѣнамъ подплывали стаи и большихъ и малыхъ рыбъ, сверкавшихъ пурпурно-золотистою и серебристою чешуей.

Посреди залы бѣжалъ широкій ручей, и на немъ танцовали водяные и русалки подъ свое чудное пѣніе. Такихъ чудныхъ голосовъ не бываетъ у людей. Русалочка же пѣла лучше всѣхъ, и всѣ хлопали ей въ ладоши. На минуту ей было сдѣлалось весело при мысли о томъ, что ни у кого и нигдѣ, ни въ морѣ, ни на землѣ, нѣтъ такого чудеснаго голоса, какъ у нея; но потомъ она опять стала думать о надводномъ мірѣ, о прекрасномъ принцѣ и печалиться о томъ, что у нея нѣтъ безсмертной души. Она незамѣтно ускользнула изъ дворца и, пока тамъ пѣли и веселились, грустно сидѣла въ своемъ садикѣ; черезъ воду доносились къ ней звуки валторнъ, и она думала: „Вотъ онъ опять катается въ лодкѣ! Какъ я люблю его! Больше, чѣмъ отца и мать! Я принадлежу ему всѣмъ сердцемъ, всѣми своими помыслами, ему бы я охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла ради него и безсмертной души! Пока сестры танцуютъ въ отцовскомъ дворцѣ, я поплыву къ морской вѣдьмѣ; я всегда боялась ея, но, можетъ быть, она что-нибудь посовѣтуетъ или какъ-нибудь поможетъ мнѣ!“

И русалочка поплыла изъ своего садика къ бурнымъ водоворотамъ, за которыми жила вѣдьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тутъ не росло ни цвѣтовъ, ни даже травы—одинъ голый сѣрый песокъ; вода въ водоворотахъ бурлила и шумѣла, какъ подъ мельничными колесами, и увлекала съ собой въ глубину все, что только встрѣчала на пути. Русалочкѣ пришлось плыть какъ разъ между такими бурлящими водоворотами; затѣмъ на пути къ жилищу вѣдьмы лежало еще большое пространство, покрытое горячимъ пузырившимся иломъ; это мѣстечко вѣдьма называла своимъ торфянымъ болотомъ. За нимъ уже показалось и самое жилье вѣдьмы, окруженное

какимъ-то диковиннымъ лѣсомъ: деревья и кусты были полипами, полу-животными, полу-растеніями, похожими на стоголовыхъ змѣй, росшихъ прямо изъ песку; вѣтви ихъ были длинными осклизлыми руками съ пальцами, извивающимися, какъ черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всѣми своими суставами, отъ корня до самой верхушки, хватали гибкими пальцами все, что только имъ попадалось, и уже никогда не выпускали обратно. Русалочка испуганно пріостановилась, сердечко ея забилось отъ страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принцѣ, о безсмертной душѣ и собралась съ духомъ: крѣпко обвязала вокругъ головы свои длинныя волосы, чтобы ихъ не схватили полипы, скрестила на груди руки, и, какъ рыба, поплыла между гадкими полипами, протягивавшими къ ней свои извивающіяся руки. Она видѣла, какъ крѣпко, точно желѣзными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось имъ схватить: бѣлые остовы утонувшихъ людей, корабельные рули, ящики, скелеты животныхъ, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнѣе всего!

Но вотъ, она очутилась на скользкой лѣсной полянѣ, гдѣ кувыркались и показывали свои гадкіе свѣтло желтые-брюшки большіе, жирные водяные ужи. Посреди поляны былъ выстроенъ домъ изъ бѣлыхъ человѣческихъ костей; тутъ же сидѣла и сама морская вѣдьма, кормившая изо рта жабу, какъ люди кормятъ сахаромъ маленькихъ канареекъ. Гадкихъ жирныхъ ужей она звала своими цыплятками и позволяла имъ валяться на своей большой, ноздреватой, какъ губка, груди.

— Знаю, знаю, зачѣмъ ты пришла!—сказала русалочкѣ морская вѣдьма.—Глупости ты затѣваешь, ну, да я все-таки помогу тебѣ, тебѣ же на бѣду, моя красавица! Ты хочешь получить вмѣсто своего рыбьяго хвоста двѣ подпорки, чтобы ходить, какъ люди; хочешь, чтобы молодой принцъ полюбилъ тебя, а ты получила бы безсмертную душу!

И вѣдьма захохотала такъ громко и гадко, что и жаба, и ужи попадали съ нея и растянулись на землѣ.

— Ну, ладно, ты пришла во-время!—продолжала вѣдьма.—Приди ты завтра по-утру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебѣ раньше будущаго года. Я изготовлю для тебя питье, ты возьмешь его, поплывешь съ нимъ на берегъ еще до восхода солнца, сядешь тамъ и выпьешь все до капли; тогда

твой хвостъ раздвоится и превратится въ пару чудныхъ, какъ скажутъ люди, ножекъ. Но тебѣ будетъ такъ больно, какъ будто тебя пронзятъ насквозь острымъ мечемъ. Зато всѣ, кто ни увидитъ тебя, скажутъ, что такой прелестной дѣвушки они еще не видали! Ты сохранишь свою воздушную, скользящую походку,—ни одна танцовщица не сравнится съ тобой; но помни, что съ каждымъ шагомъ ты будешь ступать какъ по острымъ ножамъ, такъ что изранишь свои ножки въ кровь. Согласна ты? Хочешь моей помощи?

— Да!—сказала русалочка дрожащимъ голосомъ и подумала о принцѣ и о безсмертной душѣ.

— Помни,—сказала вѣдьма:—что разъ ты примешь человѣческій образъ, тебѣ уже не сдѣлаться вновь русалкой! Не видать тебѣ больше ни морского дна, ни отцовскаго дома, ни сестеръ! И если принцъ не полюбитъ тебя такъ, что забудетъ для тебя и отца и мать, не отдастся тебѣ всѣмъ сердцемъ и не велитъ священнику соединить ваши руки, такъ что вы станете мужемъ и женой, ты не получишь безсмертной души. Съ первою же зарей, послѣ его женитьбы на другой, твое сердце розорвется на части, и ты станешь пѣной морской!

— Пусть!—сказала русалочка и поблѣднѣла какъ смерть.

— Ты должна еще заплатить мнѣ за помощь!—сказала вѣдьма.—А я не дешево возьму! У тебя чудный голосъ, и имъ ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать свой голосъ мнѣ. Я возьму за свой драгоцѣнный напитокъ самое лучшее, что есть у тебя: я, вѣдь, должна примѣшать къ напитку свою собственную кровь, для того, чтобы онъ сталъ остеръ, какъ лезвіе меча!

— Если ты возьмешь мой голосъ, что же останется у меня?—спросила русалочка.

— Твое прелестное личико, твоя скользящая походка и твои говорящіе глаза,—довольно, чтобы покорить человѣческое сердце! Ну, полно, не бойся; высунешь язычекъ, я и отрѣжу его въ уплату за волшебный напитокъ!

— Хорошо!—сказала русалочка, и вѣдьма поставила на огонь котелъ, чтобы сварить питье.

— Чистота—лучшая красота!—сказала она, обтерла котелъ связкой живыхъ ужей и потомъ расцарапала себѣ грудь; въ котелъ закапала черная кровь, отъ которой скоро стали подыматься клубы пара, принимавшіе такія причудливыя формы, что

просто страхъ бралъ, глядя на нихъ. Вѣдьма поминутно подбавляла въ котелъ новыхъ и новыхъ снадобій, и когда питье закипѣло, послышался точно плачъ крокодила. Наконецъ, напитокъ былъ готовъ и смотрѣлъ прозрачнѣйшею ключевою водой!

— Вотъ тебѣ!—сказала вѣдьма, отдавая русалочкѣ напитокъ; потомъ отрѣзала ей язычекъ, и—русалочка стала нѣмая, не могла больше ни пѣть, ни говорить!

— Если полипы захотятъ схватить тебя, когда ты поплывешь назадъ,—сказала вѣдьма:—брызни на нихъ каплю этого питья, и ихъ руки и пальцы разлетятся на тысячи кусковъ!

Но русалочкѣ не пришлось этого сдѣлать,—полипы съ ужасомъ отворачивались при одномъ видѣ напитка, сверкавшаго въ ея рукахъ, какъ яркая звѣзда. Быстро проплыла она лѣсъ, миновала болото и бурлящіе водовороты.

Вотъ и отцовскій дворецъ; огни въ танцовальной залѣ потушены, всѣ спятъ; она не смѣла больше войти туда,—она была нѣмая и собиралась покинуть отцовскій домъ навсегда. Сердце ея готово было разорваться отъ тоски и печали. Она проскользнула въ садъ, взяла по цвѣтку съ грядки каждой сестры, послала роднымъ тысячи поцѣлуевъ рукой и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидала передъ собой дворецъ принца и присѣла на великолѣпную мраморную лѣстницу. Мѣсяцъ озарялъ ее своимъ чуднымъ, голубымъ сіяніемъ. Русалочка выпила сверкающій острый напитокъ, и ей показалось, что ее пронзили насквозь обоюдоострымъ мечемъ; она потеряла сознаніе и упала, какъ мертвая.

Когда она очнулась, надъ моремъ уже сіяло солнце; во всемъ тѣлѣ она чувствовала жгучую боль; зато передъ ней стоялъ красавецъ-принцъ и смотрѣлъ на нее своими черными, какъ ночь, глазами; она потупилась и увидала, что вмѣсто рыбьяго хвоста у нея были двѣ чудеснѣйшія бѣленькія и маленькія, какъ у ребенка, ножки. Но она была совсѣмъ голешенька и потому закуталась въ свои длинные, густые волосы. Принцъ спросилъ, кто она такая и какъ сюда попала, но она только кротко и грустно смотрѣла на него своими темно-голубыми глазами; говорить, вѣдь, она не могла. Тогда онъ взялъ ее за руку и повелъ во дворецъ. Вѣдьма сказала правду: съ каждымъ шагомъ русалочка какъ будто ступала на острые ножи и иголки; но она терпѣливо переносила боль и шла объ руку

съ принцемъ легкая, воздушная, какъ водяной пузырь; принцъ и всѣ окружающіе только дивились ея чудной скользящей походкѣ.

Русалочку разодѣли въ шелкъ и кисею, и она стала первою красавицей при дворѣ, но оставалась попрежнему нѣмой, не могла ни пѣть, ни говорить. Красивыя рабыни, всѣ въ шелку и золотѣ, появились предъ принцемъ и его царственными родителями и стали пѣть. Одна изъ нихъ пѣла особенно хорошо, и принцъ хлопалъ въ ладоши и улыбался ей; русалочкѣ стало очень грустно: когда-то и она могла пѣть и несравненно лучше! „Ахъ если бы онъ зналъ, что я навсегда разсталась съ своимъ голосомъ, чтобы только быть возлѣ него!“

Потомъ рабыни стали танцовать подъ звуки чудеснѣйшей музыки; тутъ и русалочка подняла свои бѣлыя хорошенькія ручки, встала наципочки и понеслась въ легкомъ воздушномъ танцѣ; такъ не танцовалъ еще никто! Каждое движеніе лишь увеличивало ея красоту; одни глаза ея говорили сердцу больше, чѣмъ пѣніе всѣхъ рабынь.

Всѣ были въ восхищеніи, особенно принцъ, назвавшій русалочку своимъ маленькимъ найденышемъ, и русалочка все танцовала и танцовала, хотя каждый разъ, какъ ножки ея касались земли, ей было такъ больно, какъ будто она ступала на острые ножи. Принцъ сказалъ, что она всегда должна быть возлѣ него, и ей было позволено спать на бархатной подушкѣ передъ дверями его комнаты.

Онъ велѣлъ сшить ей мужской костюмъ, чтобы она могла сопровождать его на прогулкахъ верхомъ. Они ѣздили по благоухающимъ лѣсамъ, гдѣ въ свѣжей листвѣ пѣли птички, а зеленыя вѣтви били ее по плечамъ; взбирались на высокія горы, и хотя изъ ея ногъ сочилась кровь, такъ что всѣ видѣли это, она смѣялась и продолжала слѣдовать за принцемъ на самыя вершины; тамъ они любовались на облака, плывшіе у ихъ ногъ, точно стаи птицъ, улетавшихъ въ чужія страны.

Когда же они оставались дома, русалочка ходила по ночамъ на берегъ моря, спускалась по мраморной лѣстницѣ, ставила свои пылавшія, какъ въ огнѣ, ноги въ холодную воду и думала о родномъ домѣ и о днѣ морскомъ.

Разъ ночью, всплыли изъ воды рука объ руку ея сестры и запѣли печальную пѣсню; она кивнула имъ, онѣ узнали ее и разсказали ей, какъ огорчила она ихъ всѣхъ. Съ тѣхъ поръ

онѣ навѣщали ее каждую ночь, а одинъ разъ она увидала въ отдаленіи даже свою старую бабушку, которая уже много, много лѣтъ не подымалась изъ воды, и самого морского царя съ короной на головѣ; они простирали къ ней руки, но не смѣли подплывать къ землѣ такъ близко, какъ сестры.

День-ото-дня принцъ привязывался къ русалочкѣ все сильнѣе и сильнѣе, но онъ любилъ ее только, какъ милое, доброе дитя, сдѣлать же ее своею женой и королевой ему и въ голову не приходило, а между тѣмъ, ей надо было стать его женой, иначе она не могла, вѣдь, обрѣсти безсмертной души и должна была, въ случаѣ его женитьбы на другой, превратиться въ морскую пѣну.

„Любишь-ли ты меня больше всѣхъ на свѣтѣ?“—казалось, спрашивали глаза русалочки въ то время, какъ принцъ обнималъ ее и цѣловалъ въ лобъ.

— Да, я люблю тебя!—говорилъ принцъ.—У тебя доброе сердце, ты предана мнѣ больше всѣхъ и похожа на молодую дѣвушку, которую я видѣлъ разъ и, вѣрно, больше не увижу! Я плылъ на кораблѣ, корабль разбился, волны выбросили меня на берегъ вблизи чуднаго храма, гдѣ служатъ Богу молодыя дѣвушки; самая младшая изъ нихъ нашла меня на берегу и спасла мнѣ жизнь; я видѣлъ ее всего два раза, но ее одну въ цѣломъ мірѣ могъ бы я полюбить! Но ты похожа на нее, и почти вытѣснила изъ моего сердца ея образъ. Она принадлежитъ святому храму, и вотъ, моя счастливая звѣзда послала мнѣ тебя; никогда я не разстанусь съ тобою!

„Увы! онъ не знаетъ, что это я спасла ему жизнь!“—думала русалочка.—„Я вынесла его изъ волнъ морскихъ на берегъ и положила въ рощѣ, гдѣ былъ храмъ, а сама спряталась въ морскую пѣну и смотрѣла, не придетъ-ли кто-нибудь къ нему на помощь. Я видѣла эту красавицу-дѣвушку, которую онъ любитъ больше, чѣмъ меня!“—И русалочка глубоко, глубоко вздыхала,—плакать она не могла.—„Но та дѣвушка принадлежитъ храму, никогда не появится въ свѣтъ, и они никогда не встрѣтятся! Я же нахожусь возлѣ него, вижу его каждый день, могу ухаживать за нимъ, любить его, отдать за него жизнь!“

Но вотъ, стали поговаривать, что принцъ женится на прелестной дочери сосѣдняго короля и потому снаряжаетъ свой великолѣпный корабль въ плаванье. Принцъ поѣдетъ къ сосѣд-

нему королю, какъ будто для того, чтобы ознакомиться съ его страной, а на самомъ-то дѣлѣ, чтобы увидѣть принцессу; съ нимъ ѣдетъ и большое посольство. Русалочка на всѣ эти рѣчи только покачивала головой и смѣялась,— она, вѣдь, лучше всѣхъ знала мысли принца.

— Я долженъ ѣхать!—говорилъ онъ ей.—Мнѣ надо посмотрѣть прекрасную принцессу; этого требуютъ мои родители, но они не станутъ принуждать меня жениться на ней, я же никогда не полюблю ея! Она, вѣдь, не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если же мнѣ придется, наконецъ, избрать себѣ невѣсту, такъ я выберу скорѣе всего тебя, мой нѣмой найденышъ съ говорящими глазами!

И онъ цѣловалъ ея розовыя губки, игралъ ея длинными волосами и клалъ свою голову на ея грудь, гдѣ билось сердце, жаждавшее человѣческаго блаженства и безсмертной человѣческой души.

— Ты, вѣдь, не боишься моря, моя нѣмая крошка?—говорилъ онъ, когда они уже стояли на великолѣпномъ кораблѣ, который долженъ былъ отвезти ихъ въ землю сосѣдняго короля.

И принцъ разсказывалъ ей о буряхъ и о штилѣ, о разныхъ рыбахъ, что живутъ въ глубинѣ моря, и о чудесахъ, которыя видѣли тамъ водолазы, а она только улыбалась, слушая его разсказы,—она-то лучше всѣхъ знала, что есть на днѣ морскомъ.

Въ ясную лунную ночь, когда всѣ, кромѣ одного рулевого, спали, она сѣла у самаго борта и стала смотрѣть въ прозрачныя волны; и вотъ ей показалось, что она видитъ отцовскій дворецъ; старуха бабушка стояла на вышкѣ и смотрѣла сквозь волнующіяся струи воды на киль корабля. Затѣмъ, на поверхность моря всплыли ея сестры; онѣ печально смотрѣли на нее и ломали свои бѣлыя руки, а она кивнула имъ головой, улыбнулась и хотѣла разсказать о томъ, какъ ей хорошо здѣсь, но въ это время къ ней подошелъ корабельный юнга, и сестры нырнули въ воду, юнга же подумалъ, что это мелькнула въ волнахъ бѣлая морская пѣна.

На утро корабль вошелъ въ гавань великолѣпной столицы сосѣдняго королевства. И вотъ, въ городѣ зазвонили въ колокола, съ высокихъ башенъ стали раздаваться звуки роговъ, а на площадяхъ собираться полки солдатъ съ блестящими штыками и развѣвающимися знаменами. Начались празднества,

балы слѣдовали за балами, но принцессы еще не было,—она воспитывалась гдѣ-то далеко въ монастырѣ, куда ее отдали учиться всѣмъ королевскимъ добродѣтелямъ. Наконецъ, прибыла и она.

Русалочка жадно смотрѣла на нее и должна была сознаться, что милѣе и красивѣе личика она еще не видала. Кожа на лицѣ принцессы была такая нѣжная, прозрачная, а изъ-за длинныхъ, темныхъ рѣсницъ улыбалась пара темно-синихъ кроткихъ глазъ.

— Это ты!—сказалъ принцъ.—Ты спасла мнѣ жизнь, когда я, полумертвый, лежалъ на берегу моря!

И онъ крѣпко прижалъ къ сердцу свою краснѣющую невѣсту.

— О, я слишкомъ счастливъ!—сказалъ онъ русалочкѣ.— То, о чемъ я не смѣлъ и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты, вѣдь, такъ любишь меня!

Русалочка поцѣловала его руку, и ей показалось, что сердце ея вотъ-вотъ разорвется отъ боли: его свадьба должна, вѣдь, убить ее, превратить въ морскую пѣну!

Колокола въ церквахъ зазвонили, по улицамъ разъѣзжали герольды, оповѣщая народъ о помолвкѣ принцессы. Изъ кадильницъ священниковъ струился благоуханный фиміамъ, женихъ съ невѣстой подали другъ другу руки и получили благословеніе епископа. Русалочка стояла разодѣтая въ шелкъ и золото и держала шлейфъ невѣсты, но уши ея не слыхали праздничной музыки, глаза не видѣли блестящей церемоніи, она думала о своемъ смертномъ часѣ и о томъ, что она теряла съ жизнью.

Въ тотъ же вечеръ женихъ съ невѣстой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развѣвались, а на палубѣ корабля былъ раскинутъ роскошный шатеръ изъ золота и пурпура; въ шатрѣ возвышалось чудное ложе для новобрачныхъ.

Паруса надулись отъ вѣтра, корабль легко и безъ малѣйшаго сотрясенія скользнулъ по волнамъ и понесся впередъ.

Когда смерклось, на кораблѣ зажглись сотни разноцвѣтныхъ фонариковъ, а матросы стали весело плясать на палубѣ. Русалочкѣ вспомнился праздникъ, который она видѣла на кораблѣ въ тотъ день, когда впервые всплыла на поверхность моря, и вотъ, она понеслась въ быстромъ воздушномъ танцѣ, точно ласточка, преслѣдуемая коршуномъ. Всѣ были въ восторгѣ: никогда еще не танцовала она такъ чудесно! Ея нѣжныя

ножки рѣзало, какъ ножами, но она не чувствовала этой боли,—сердцу ея было еще больнѣе. Лишь одинъ вечеръ оставалось ей пробыть съ тѣмъ, ради кого она оставила родныхъ и отцовскій домъ, отдала свой чудный голосъ и ежедневно терпѣла безконечныя мученія, тогда какъ онъ и не замѣчалъ ихъ. Лишь одну ночь еще оставалось ей дышать однимъ воздухомъ съ нимъ, видѣть синее море и звѣздное небо, а тамъ наступитъ для нея вѣчная ночь, безъ мыслей, безъ сновидѣній. Ей, вѣдь, не было дано безсмертной души! Долго за полночь продолжались на кораблѣ танцы и музыка, и русалочка смѣялась и танцовала съ смертельной мукой въ сердцѣ; принцъ же цѣловалъ красавицу-невѣсту, а она играла съ его черными волосами; наконецъ, рука объ руку удалились они въ свой великолѣпный шатеръ.

На кораблѣ все стихло, одинъ штурманъ остался у руля. Русалочка оперлась своими бѣлыми руками о бортъ и, обернувшись лицомъ къ востоку, стала ждать перваго луча солнца, который, какъ она знала, долженъ былъ убить ее. И вдругъ она увидѣла надъ моремъ своихъ сестеръ; онѣ были блѣдны, какъ и она, но ихъ длинныя роскошныя волосы не развѣвались больше по вѣтру,—они были обрѣзаны.

— Мы отдали наши волосы вѣдьмѣ, чтобы она помогла намъ избавить тебя отъ смерти! Она дала намъ вотъ этотъ ножъ; видишь, какой острый? Прежде чѣмъ взойдетъ солнце, ты должна вонзить его въ сердце принца, и когда теплая кровь его брызнетъ тебѣ на ноги, они опять сростутся въ рыбій хвостъ, ты опять станешь русалкой, спустишься къ намъ въ море и проживешь свои триста лѣтъ, прежде чѣмъ сдѣлаешься соленой морской пѣной. Но спѣши! Или онъ, или ты, одинъ изъ васъ долженъ умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка такъ печалится, что потеряла отъ горя всѣ свои сѣдые волосы, а мы отдали свои вѣдьмѣ! Убей принца и вернись къ намъ! Торопись, видишь на небѣ показалась красная полоска? Скоро взойдетъ солнце, и ты умрешь! Съ этими словами онѣ глубоко-глубоко вздохнули и погрузились въ море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавѣсь шатра и увидѣла, что головка прелестной невѣсты покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцѣловала его въ прекрасный лобъ, посмотрѣла на небо, гдѣ разгоралась утренняя заря, потомъ посмотрѣла на острый ножъ и опять устремила взоръ на принца, который въ это время произнесъ во снѣ имя своей невѣсты,—

она одна была у него въ мысляхъ!—и ножъ дрогнулъ въ рукахъ русалочки. Но еще минута—и она бросила его въ волны, которыя покраснѣли, точно окрасились кровью, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ. Еще разъ посмотрѣла она на принца полуугасшимъ взоромъ, бросилась съ корабля въ море и почувствовала, какъ тѣло ея расплывается пѣной.

Надъ моремъ поднялось солнце; лучи его любовно согрѣвали мертвенно-холодную морскую пѣну, и русалочка не чувствовала смерти; она видѣла ясное солнышко и какихъ-то прозрачныхъ, чудныхъ созданій, сотнями рѣявшихъ надъ ней. Она могла видѣть сквозь нихъ бѣлые паруса корабля и красныя облака на небѣ; голосъ ихъ звучалъ, какъ музыка, но такая воздушная, что ничье человѣческое ухо не могло разслышать ея, такъ же, какъ ничей человѣческій глазъ не могъ видѣть ихъ самихъ. У нихъ не было крыльевъ, и они носились по воздуху, благодаря своей собственной легкости и воздушности. Русалочка увидала, что и у нея такое же тѣло, какъ у нихъ, и что она все больше и больше отдѣляется отъ морской пѣны.

— Къ кому я иду?—спросила она, поднимаясь на воздухъ, и ея голосъ звучалъ такою же дивною, воздушною музыкой, какой не въ силахъ передать никакіе земные звуки.

— Къ дочерямъ воздуха!—отвѣтили ей воздушныя созданія.—У русалки нѣтъ безсмертной души, и она не можетъ пріобрѣсти ее иначе, какъ благодаря любви къ ней человѣка. Ея вѣчное существованіе зависитъ отъ чужой воли. У дочерей воздуха тоже нѣтъ безсмертной души, но онѣ сами могутъ пріобрѣсти ее себѣ добрыми дѣлами. Мы прилетаемъ въ жаркія страны, гдѣ люди гибнутъ отъ знойнаго, зачумленнаго воздуха, и навѣваемъ прохладу. Мы распространяемъ въ воздухѣ благоуханіе цвѣтовъ и приносимъ съ собой людямъ исцѣленіе и отраду. По прошествіи же трехсотъ лѣтъ, во время которыхъ мы творимъ посильное добро, мы получаемъ въ награду безсмертную душу и можемъ принять участіе въ вѣчномъ блаженствѣ человѣка. Ты, бѣдная русалочка, всѣмъ сердцемъ стремилась къ тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вмѣстѣ съ нами въ заоблачный міръ; теперь ты сама можешь обрѣсти себѣ безсмертную душу!

И русалочка протянула свои прозрачныя руки къ Божьему солнышку и въ первый разъ почувствовала у себя на глазахъ слезы.

На кораблѣ за это время все опять пришло въ движеніе, и русалочка увидала, какъ принцъ съ невѣстой искали ее. Печально смотрѣли они на волнующуюся морскую пѣну, точно знали, что русалочка бросилась въ волны. Невидимо поцѣловала русалочка красавицу-невѣсту въ лобъ, улыбнулась принцу и поднялась вмѣстѣ съ другими дѣтьми воздуха къ розовымъ облакамъ, плававшимъ въ небѣ.

— Черезъ триста лѣтъ и мы войдемъ въ Божье царство!

— Можетъ быть и раньше!—прошептала одна изъ дочерей воздуха.—Невидимками влетаемъ мы въ жилища людей, гдѣ есть дѣти, и если найдемъ тамъ доброе, послушное дитя, радующее своихъ родителей и достойное ихъ любви, мы улыбаемся, и срокъ нашего испытанія сокращается на цѣлый годъ; если же встрѣтимъ тамъ злого, непослушнаго ребенка, мы горько плачемъ, и каждая слеза прибавляетъ къ долгому сроку нашего испытанія еще лишній день!

НОВЫЙ НАРЯДЪ КОРОЛЯ.

Давно, давно жилъ-былъ на свѣтѣ король; онъ такъ любилъ наряжаться, что тратилъ на наряды всѣ свои деньги, и смотры войскамъ, театры, загородныя прогулки занимали его только потому, что онъ могъ тогда показаться въ новомъ нарядѣ. На каждый часъ дня у него былъ особый нарядъ, и какъ про другихъ королей часто говорятъ:—„король въ совѣтѣ“—такъ про него говорили:—„король въ уборной.“

Въ столицѣ короля жилось очень весело; каждый день почти пріѣзжали иностранные гости, и вотъ, разъ явились двое обманщиковъ. Они выдали себя за ткачей, которые умѣютъ изготовлять такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себѣ нельзя: кромѣ необыкновенно красиваго рисунка и красокъ, она отличалась еще чуднымъ свойствомъ дѣлаться невидимой для всякаго человѣка, который былъ „не на своемъ мѣстѣ“ или непроходимо глупъ.

„Да, вотъ это такъ платье будетъ!“—подумалъ король.—„Тогда, вѣдь, я могу узнать, кто изъ моихъ сановниковъ не на своемъ мѣстѣ, и кто уменъ, кто глупъ. Пусть поскорѣе изготовятъ для меня такую ткань“.

И онъ далъ обманщикамъ большой задатокъ, чтобы они сейчасъ же принялись за дѣло.

Тѣ поставили себѣ два ткацкихъ станка и стали дѣлать видъ, что усердно работаютъ, а у самихъ на станкахъ ровно ничего не было. Ни мало не стѣсняясь, они требовали для работъ тончайшаго шелку и самаго лучшаго золота, все это припрятывали въ свои карманы и продолжали сидѣть за пустыми станками съ утра до поздней ночи.

„Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ подвигается дѣло!“— думалъ король. Но тутъ онъ вспоминалъ о чудесномъ свойствѣ ткани, и ему становилось какъ-то не по себѣ. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... все-таки пусть бы сначала пошелъ кто-нибудь другой! А молва о диковинной ткани облетѣла, между тѣмъ, весь городъ, и всякій горѣлъ желаніемъ поскорѣе убѣдиться въ глупости и негодности ближняго.

„Пошлю-ка я къ нимъ своего честнаго старика-министра“,— подумалъ король:—„ужъ онъ-то разсмотритъ ткань: онъ уменъ и съ честью занимаетъ свое мѣсто“.

И вотъ, старикъ-министръ вошелъ въ покой, гдѣ сидѣли за пустыми станками обманщики.

„Господи помилуй!“—думалъ министръ, таращa глаза.— „Я, вѣдь, ничего не вижу!“

Только онъ не сказалъ этого вслухъ.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, какъ нравятся ему рисунокъ и краски. При этомъ они указывали на пустыя станки, а бѣдный министръ, какъ ни таращилъ глаза, все-таки ничего не видѣлъ. Да и нечего было видѣть.

„Ахъ ты, Господи!“—думалъ онъ.—„Неужели же я глупъ? Вотъ ужъ чего никогда-то не думалъ! Спаси Боже, если кто-нибудь узнаетъ!.. Или, можетъ быть, я не гожусь для своей должности?.. Нѣтъ, нѣтъ, никакъ нельзя признаться, что я не вижу ткани!“

— Что-жъ вы ничего не скажете намъ?—спросилъ одинъ изъ ткачей.

— О, это премило!—отвѣтилъ старикъ-министръ, глядя сквозь очки.—Какой рисунокъ, какія краски! Да, да, я доложу королю, что мнѣ чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться!—сказали обманщики и принялись расписывать, какой тутъ уборъ и сочетанье красокъ. Министръ слушалъ очень внимательно, чтобы потомъ повторить все это королю. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Теперь обманщики стали требовать еще больше шелку и золота; но они только набивали свои карманы, а на работу не пошло ни одной ниточки.

Потомъ король послалъ къ ткачамъ другого сановника. Съ нимъ было то же, что и съ первымъ. Ужъ онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, а все ничего, кромѣ пустыхъ станковъ, не высмотрѣлъ.

— Ну, какъ вамъ нравится?—спросили его обманщики, показывая ткань и объясняя узоры, которыхъ не бывало.

„Я не глупъ", —думалъ сановникъ: — „значитъ, я не на своемъ мѣстѣ? Вотъ тебѣ разъ! Однако, нельзя и виду подать!"

И онъ сталъ расхваливать ткань, которой не видѣлъ, восхищаясь чудеснымъ рисункомъ и сочетаніемъ красокъ.

— Премило, премило!—доложилъ онъ королю.

Скоро весь городъ заговорилъ о восхитительной ткани.

Наконецъ, король самъ пожелалъ полюбоваться диковинкой, пока она еще не снята со станка. Съ цѣлою свитой избранныхъ царедворцевъ и сановниковъ, въ числѣ которыхъ находились и первые два, уже видѣвшіе ткань, явился король къ обманщикамъ, ткавшимъ изо-всѣхъ силъ на пустыхъ станкахъ.

— Magnifique! Не правда-ли?—заговорили первые два сановника.—Не угодно-ли полюбоваться? Какой рисунокъ... краски! И они тыкали пальцами въ пространство, воображая, что всѣ остальные-то видятъ ткань.

„Что, что такое?!" —подумалъ король: — „Я ничего не вижу! Вѣдь это ужасно! Глупъ, что-ли, я? Или не гожусь въ короли? Это было бы хуже всего!"

— О, да, очень, очень мило!—сказалъ, наконецъ, король.— Вполнѣ заслуживаетъ моего одобренія!

И онъ съ довольнымъ видомъ кивалъ головой, разсматривая пустые станки,—онъ не хотѣлъ признаться, что ничего не видитъ. Свита короля глядѣла во всѣ глаза, но видѣла не больше его самого; тѣмъ не менѣе, всѣ повторяли въ одинъ голосъ:

— Очень, очень мило!—и совѣтовали королю сдѣлать себѣ изъ этой ткани нарядъ для предстоящей торжественной процессіи.

— Magnifique! Чудесно! Excellent!—только и слышалось со всѣхъ сторонъ; всѣ были въ такомъ восторгѣ!

Король наградилъ каждаго обманщика орденомъ и пожаловалъ ихъ въ придворные ткачи.

Всю ночь наканунѣ торжества просидѣли обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свѣчей,—такъ они старались кончить къ сроку новый нарядъ для короля. Они притворялись, что снимаютъ ткань со станковъ, кроятъ ее большими ножницами и потомъ шьютъ иголками безъ нитокъ.

Наконецъ, они объявили:

— Готово!

Король, въ сопровожденіи свиты, самъ пришелъ къ нимъ одѣваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, приговаривая:

— Вотъ панталоны, вотъ камзолъ, вотъ кафтанъ! Чудесный нарядъ! Легокъ, какъ паутина, и не почувствуешь его на тѣлѣ! Но въ этомъ-то вся и прелесть!

— Да, да!—говорили придворные, но они ничего не видали,—нечего, вѣдь, было и видѣть.

— Соблаговолите теперь раздѣться и стать вотъ тутъ передъ большимъ зеркаломъ!—сказали королю обманщики.—Мы нарядимъ васъ!

Король раздѣлся, и обманщики принялись наряжать его: они дѣлали видъ, какъ будто надѣваютъ на него одну часть одежды за другой и, наконецъ, прикрѣпляютъ что-то въ плечахъ и на таліи,—это они надѣвали на него королевскую мантію! А король въ это время поворачивался передъ зеркаломъ во всѣ стороны.

— Боже, какъ идетъ! Какъ чудно сидитъ!—шептали въ свитѣ.—Какой рисунокъ, какія краски! Роскошный нарядъ!

— Балдахинъ ждетъ!—доложилъ оберъ-церемонимейстеръ.

— Я готовъ!—сказалъ король.—Хорошо-ли сидитъ платье?

И онъ еще разъ повернулся передъ зеркаломъ: надо, вѣдь, было показать, что онъ внимательно разсматриваетъ свой нарядъ.

Камергеры, которые должны были нести шлейфъ королевской мантіи, сдѣлали видъ, будто приподняли что-то съ полу, и пошли за королемъ, вытягивая передъ собой руки,—они не смѣли и виду подать, что ничего не видятъ.

И вотъ, король шествовалъ по улицамъ подъ роскошнымъ балдахиномъ, а въ народѣ говорили:

— Ахъ, какой нарядъ! Какая роскошная мантія! Какъ чудно сидитъ!

Ни единый человѣкъ не сознался, что ничего не видитъ,

никто не хотѣлъ выдать себя за глупца или никуда негоднаго человѣка. Да, ни одинъ нарядъ короля не вызывалъ еще такихъ восторговъ.

— Да, вѣдь, онъ же совсѣмъ не одѣтъ! — закричалъ вдругъ одинъ маленькій мальчикъ.

— Ахъ, послушайте-ка, что говоритъ невинный младенецъ! — сказалъ его отецъ, и всѣ стали шепотомъ передавать другъ другу слова ребенка.

— Да, вѣдь, онъ совсѣмъ не одѣтъ! — закричалъ, наконецъ, весь народъ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонію до конца!

И онъ выступалъ подъ своимъ балдахиномъ еще величавѣе, а камергеры шли за нимъ, поддерживая шлейфъ, котораго не было.

КАЛОШИ СЧАСТЬЯ.

I. Для начала.

Дѣло было въ Копенгагенѣ, на Восточной улицѣ, недалеко отъ Новой Королевской площади; въ одномъ домѣ собралось большое общество: приходится, вѣдь, время-отъ-времени принимать у себя гостей, — примешь, угостишь и можешь, въ свою очередь, ожидать приглашенія. Часть общества уже усѣлась за карточные столы, другіе же гости, съ самой хозяйкой во главѣ, ждали, не выйдетъ-ли чего-нибудь изъ словъ хозяйки: „Ну, надо бы и намъ придумать, чѣмъ заняться!“ — а пока-что, бесѣдовали между собою о томъ, да о семъ.

Такъ вотъ, разговоръ шелъ себѣ помаленьку и, между прочимъ, коснулся среднихъ вѣковъ. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ считали эту эпоху куда лучше нашего времени; особенно горячо отстаивалъ это мнѣніе совѣтникъ Кнапъ; къ нему присоединилась хозяйка дома, и оба принялись опровергать слова Эрстеда, доказывавшаго въ только что вышедшемъ новогоднемъ альманахѣ, что наше время въ общемъ гораздо выше среднихъ вѣковъ. Самою лучшею и счастливѣйшею эпохой совѣтникъ признавалъ времена короля Ганса.

Подъ шумокъ этой бесѣды, прерванной лишь на минуту появленіемъ вечерней газеты, въ которой, однако, нечего было

читать, мы перейдемъ въ переднюю, гдѣ висѣло верхнее платье, стояли палки, зонтики и калоши. Тутъ же сидѣли двѣ дѣвушки: молодая и пожилая, явившіяся сюда, повидимому, въ качествѣ провожатыхъ какихъ-нибудь старыхъ барышень или вдовушекъ. Вглядѣвшись въ нихъ попристальнѣе, всякій, однако, замѣтилъ бы, что онѣ не простыя служанки; руки ихъ были слишкомъ нѣжны, осанка и всѣ движенія слишкомъ величественны, да и платье отличалось какимъ-то особенно смѣлымъ, своеобразнымъ покроемъ. Это были двѣ феи; младшая, если и не сама фея Счастья, то горничная одной изъ ея камерфрейлинъ, на обязанности которой лежала доставка людямъ маленькихъ даровъ счастья; пожилая, смотрѣвшая очень серьезно и озабоченно, была фея Печали, всегда исполнявшая всѣ свои порученія собственною высокою персоной,—такимъ образомъ она по краней мѣрѣ знала, что они исполнены, какъ должно.

Онѣ разсказывали другъ другу, гдѣ побывали въ этотъ день. Горничной одной изъ камерфрейлинъ феи Счастья удалось исполнить сегодня лишь нѣсколько ничтожныхъ порученій: спасти отъ ливня чью-то новую шляпу, доставить одному почтенному человѣку поклонъ отъ важнаго ничтожества, и т. п. Зато у нея было въ запасѣ кое-что необыкновенное.

— Дѣло въ томъ,—сказала она:—что сегодня день моего рожденія, и въ честь этого мнѣ дали пару калошъ, которыя я должна принести въ даръ человѣчеству. Калоши эти обладаютъ свойствомъ переносить каждаго, кто надѣнетъ ихъ, въ то мѣсто или въ условія того времени, которыя ему больше всего нравятся. Всѣ желанія человѣка относительно времени или мѣстопребыванія будутъ такимъ образомъ исполнены, и человѣкъ станетъ, наконецъ, воистину счастливымъ!

— Какъ бы не такъ!—сказала фея Печали.—Твои калоши принесутъ ему истинное несчастье, и онъ благословитъ ту минуту, когда избавится отъ нихъ!

— Ну, вотъ еще!—сказала младшая изъ фей.—Я поставлю ихъ тутъ у дверей, кто-нибудь по ошибкѣ надѣнетъ ихъ вмѣсто своихъ и станетъ счастливцемъ.

Такъ вотъ какой былъ разговоръ.

II. Что случилось съ совѣтникомъ.

Было уже поздно; совѣтникъ Кнапъ, углубленный въ размышленіе о временахъ короля Ганса, собрался домой, и слу-

чилось ему, вмѣсто своихъ калошъ, надѣть калоши Счастья. Онъ вышелъ въ нихъ на улицу, и волшебная сила калошъ сразу перенесла его во времена короля Ганса, такъ что ноги его въ ту же минуту ступили въ невылазную грязь,—въ то время, вѣдь, еще не было тротуаровъ.

— Вотъ грязища-то! Ужасъ, что такое!—сказалъ совѣтникъ.—Вся панель затоплена, и ни одного фонаря!

Луна взошла еще недостаточно высоко; стоялъ густой туманъ, и все вокругъ тонуло во мракѣ. На ближнемъ углу висѣлъ образъ Мадонны *), и передъ нимъ зажженная лампада, дававшая, однако, такой свѣтъ, что хоть бы его и не было вовсе; совѣтникъ замѣтилъ его не раньше, чѣмъ поровнялся съ образомъ вплотную.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ:—тутъ вѣрно выставка картинъ, и они забыли убрать на ночь вывѣску.

Въ это время мимо совѣтника прошло нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ средневѣковые костюмы.

— Что это они такъ вырядились? Должно быть на маскарадѣ были!—сказалъ совѣтникъ.

Вдругъ послышался барабанный бой и свистъ дудокъ, замелькали факелы, совѣтникъ остановился и увидалъ странное шествіе: впереди всѣхъ шли барабанщики, усердно работавшіе палками, за ними воины, вооруженные луками и самострѣлами; вся эта свита сопровождала какое-то знатное духовное лицо. Пораженный совѣтникъ спросилъ, что означаетъ это шествіе и что это за важное лицо?

— Епископъ Зеландскій!—отвѣчали ему.

— Господи помилуй! Что такое приключилось съ епископомъ?—вздохнулъ совѣтникъ, качая головой.—Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы это былъ епископъ!

Размышляя о только что видѣнномъ и не глядя ни направо, ни налѣво, совѣтникъ вышелъ на площадь Высокаго Моста. Моста, ведущаго къ дворцу, на мѣстѣ, однако, не оказалось, и совѣтникъ въ потьмахъ едва разглядѣлъ какой-то широкій ручей, да лодку, въ которой сидѣло двое парней.

— Господину угодно на Островъ?—спросили они.

— На Островъ?—сказалъ совѣтникъ, не знавшій, что блуж-

*) Во времена короля Ганса въ Даніи господствовало еще католичество.

Примѣч. перев.

даетъ въ среднихъ вѣкахъ.—Мнѣ надо въ Христіанову гавань, въ Малую Торговую улицу!

Парни только посмотрѣли на него.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, гдѣ мостъ!—продолжалъ совѣтникъ.— Вѣдь, это безобразіе! Не горитъ ни единаго фонаря, и такая грязь, точно шагаешь по болоту.

Но чѣмъ больше онъ говорилъ съ ними, тѣмъ меньше понималъ ихъ.

— Не понимаю я вашей борнгольмщины! *)—разсердился онъ, наконецъ, и повернулъ имъ спину. Но моста ему такъ и не удалось найти; перилъ на каналѣ тоже не оказалось.

— Вѣдь, это же просто скандалъ!—сказалъ онъ.

Никогда еще наше время не казалось ему такимъ жалкимъ, какъ въ данную минуту!

„Право, лучше взять извозчика!“—подумалъ онъ.— „Но куда же дѣвались всѣ извозчики? Хоть бы одинъ! Вернусь на Новую Королевскую площадь, тамъ навѣрное стоятъ экипажи! Иначе мнѣ во вѣкъ не добраться до Христіановой гавани!“

Онъ снова вернулся на Восточную улицу и уже почти прошелъ ее, когда надъ головой его всплылъ полный мѣсяцъ.

— Боже милостивый! Что это тутъ нагородили?— сказалъ онъ, увидѣвъ передъ собой Восточныя городскія ворота, которыми заканчивалась въ тѣ времена Восточная улица.

Наконецъ, онъ отыскалъ калитку и вышелъ на нынѣшнюю Новую Королевскую площадь, бывшую въ то время большимъ лугомъ. Кое-гдѣ торчали кусты, а посерединѣ протекалъ какой-то ручей или каналъ; на противоположномъ берегу виднѣлись жалкія деревянныя лачуги, въ которыхъ ютились лавки для аллaндскихъ шкиперовъ, отчего и самое мѣсто называлось Аллaндскимъ Мысомъ.

— Или это обманъ зрѣнія, фата-моргана, или я пьянъ!—охалъ совѣтникъ.—Что же это такое? Что же это такое?

Онъ опять повернулъ назадъ, въ полной увѣренности, что боленъ; на этотъ разъ онъ держался ближе къ домамъ и увидалъ, что большинство изъ нихъ было построено наполовину изъ кирпичей, наполовину изъ бревенъ, и многіе крыты соломой.

— Нѣтъ! Я положительно нездоровъ!—вздыхалъ онъ.—А,

*) Борнгольмское нарѣчіе довольно сильно отличается отъ господствующаго въ Даніи зеландскаго нарѣчія. *Примѣч. перев.*

вѣдь, я выпилъ всего одинъ стаканъ пунша, но для меня и этого много! Да и что за нелѣпость, угощать людей пуншемъ и вареной семгой! Я непремѣнно скажу объ этомъ агентшѣ! Не вернуться-ли мнѣ къ нимъ разсказать, что случилось со мной? Нѣтъ, не ловко! Да и пожалуй они улеглись!

Онъ поискалъ знакомый домъ, но и его не было.

— Это ужасъ, что такое! Я не узнаю Восточной улицы! Ни единаго магазина! Повсюду какія-то старыя, жалкія лачуги, точно я въ Роскильдѣ или Рингстедѣ! Ахъ, я боленъ! Нечего тутъ и стѣсняться! Вернусь къ нимъ! Но куда же дѣвался домъ агента? Или онъ самъ на себя не похожъ больше?.. А, вотъ тутъ еще не спятъ! Ахъ, я совсѣмъ, совсѣмъ боленъ!

Онъ натолкнулся на полуотворенную дверь, изъ которой виднѣлся свѣтъ. Это была одна изъ харчевень тогдашней эпохи, нѣчто вродѣ нашей пивной. Въ комнатѣ съ глинянымъ поломъ сидѣло за кружками пива нѣсколько шкиперовъ и копенгагенскихъ горожанъ и два ученыхъ; всѣ были заняты бесѣдой и не обратили на вновь вошедшаго никакого вниманія.

— Извините! — сказалъ совѣтникъ встрѣтившей его хозяйкѣ.—Мнѣ вдругъ сдѣлалось дурно! Не наймете-ли вы мнѣ извозчика въ Христіанову гавань?

Женщина посмотрѣла на него и покачала головой, потомъ заговорила съ нимъ по-нѣмецки. Совѣтникъ подумалъ, что она не понимаетъ по-датски и повторилъ свою просьбу по-нѣмецки; это обстоятельство въ связи съ покроемъ его платья убѣдило хозяйку, что онъ иностранецъ. Ему не пришлось, впрочемъ, повторять два раза, что онъ болѣнъ,—хозяйка сейчасъ же принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Совѣтникъ оперся головой на руку, глубоко вздохнулъ и сталъ размышлять о странномъ зрѣлищѣ, которое онъ видѣлъ передъ собой.

— Это вечерній „День“?—спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь. увидавъ въ рукахъ хозяйки какой-то большой листъ.

Она не поняла его, но протянула ему листъ; оказалось, что это былъ грубый рисунокъ, изображавшій небесное явленіе, видѣнное въ Кельнѣ.

— Вотъ старина!—сказалъ совѣтникъ и совсѣмъ оживился, увидавъ такую рѣдкость.—Откуда вы достали этотъ листокъ? Это очень интересно, хотя, разумѣется, все выдумано! Какъ объясняютъ теперь, это было сѣверное сіяніе, извѣстное проявленіе воздушнаго электричества!

Сидѣвшіе поближе и слышавшіе его рѣчь, удивленно посмотрѣли на него, а одинъ изъ нихъ даже всталъ, почтительно приподнялъ шляпу и серьезно сказалъ:

— Вы, вѣроятно, большой ученый, monsieur?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ совѣтникъ.—Такъ себѣ! Хотя, конечно, могу поговорить о томъ и о семъ, не хуже другихъ!

— Modestia*) прекраснѣйшая добродѣтель!—сказалъ собесѣдникъ.—Что же касается вашей рѣчи, то mihi secus videtur**), хотя я и охотно погожу высказывать свое judicium!***).

— Смѣю спросить, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе бесѣдовать?—спросилъ совѣтникъ.

— Я баккалавръ богословія!—отвѣчалъ собесѣдникъ.

Этого было для совѣтника вполнѣ довольно,—титулъ соотвѣтствовалъ покрою платья незнакомца.—„Должно быть, какой-нибудь сельскій учитель, какихъ еще можно встрѣтить въ глуши Ютландіи!"—рѣшилъ онъ про себя.

— Здѣсь, конечно, не locus docendi ****),—началъ опять собесѣдникъ:—но я все-таки прошу васъ продолжать вашу рѣчь! Вы, должно быть, очень начитаны въ древней литературѣ?

— Да, ничего себѣ!—отвѣчалъ совѣтникъ.—Я почитываю кое-что хорошее и изъ древней литературы, но люблю и новѣйшую, только не „обыкновенныя исторіи" *****),—ихъ довольно и въ жизни!

— „Обыкновенныя исторіи?"—спросилъ баккалавръ.

— Да, я говорю о современныхъ романахъ.

— О, они очень остроумны и имѣютъ большой успѣхъ при дворѣ!—улыбнулся баккалавръ.—Королю особенно нравятся романы о рыцаряхъ Круглаго стола, Ифвентѣ и Гаудіанѣ; онъ даже изволилъ шутить по поводу ихъ съ своими высокими приближенными ******).

*) Скромность.

**) Я другаго мнѣнія.

***) Сужденіе.

****) Мѣсто ученыхъ бесѣдъ.

*****) Здѣсь намекается на извѣстный, произведшій большую сенсацію романъ датской писательницы г-жи Гюллембургъ „Обыкновенная Исторія". *Прим. перев.*

******) Знаменитый датскій писатель Гольбергъ разсказываетъ въ своей „Исторіи Датскаго государства", что король Гансъ, прочитавъ романъ о рыцаряхъ короля Артура, шутливо замѣтилъ своему любимцу, Отто Руду: „Эти господа Ифвентъ и Гаудіанъ были удивительными рыцарями; теперь что-то такихъ не встрѣчается!" На это Отто Рудъ отвѣтилъ:—Если бы встрѣчалось много такихъ королей, какъ Артуръ, встрѣчалось бы много и такихъ рыцарей, какъ Ифвентъ и Гаудіанъ.
Примѣч. автора.

— Этого я еще не читалъ!—сказалъ совѣтникъ.—Должно быть, Гейбергъ опять что-нибудь новое выпустилъ!

— Нѣтъ, не Гейбергъ, а Готфридъ Геменскій!—отвѣчалъ баккалавръ.

— Вотъ кто авторъ!—сказалъ совѣтникъ.—Это очень древнее имя! Такъ, вѣдь, назывался первый датскій типографщикъ!

— Да, это нашъ первый типографщикъ!—отвѣчалъ баккалавръ.

Такимъ образомъ разговоръ благополучно поддерживался. Потомъ одинъ изъ горожанъ заговорилъ о чумѣ, свирѣпствовавшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1484 году. Совѣтникъ подумалъ, что дѣло шло о недавней холерѣ, и бесѣда продолжалась.

Мимоходомъ нельзя было не затронуть столь близкую по времени войну 1490 г., когда англійскіе каперы захватили на рейдѣ датскіе корабли, и совѣтникъ, переживіпій событія 1801 года, охотно вторилъ общимъ нападкамъ на англичанъ. Но дальше бесѣда какъ-то перестала клеиться; добрякъ баккалавръ былъ слишкомъ невѣжественъ, и самые простые выраженія и отзывы совѣтника казались ему слишкомъ вольными и фантастическими. Они удивленно смотрѣли другъ на друга, и когда, наконецъ, совсѣмъ перестали понимать одинъ другого, баккалавръ заговорилъ по-латыни, думая хоть этимъ помочь дѣлу, но не тутъ-то было.

— Ну что, какъ вы себя чувствуете?—спросила совѣтника хозяйка и дернула его за рукавъ; тутъ онъ опомнился,—въ пылу разговора онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

„Господи, куда я попалъ?“

И голова у него закружилась при одной мысли объ этомъ.

— Будемъ пить кларетъ, медъ и бременское пиво!—закричалъ одинъ изъ гостей.—И вы съ нами!

Вошли двѣ дѣвушки; одна изъ нихъ была въ двухцвѣтномъ чепчикѣ*). Онѣ наливали гостямъ и затѣмъ низко присѣдали; у совѣтника дрожь пробѣжала по спинѣ.

— Что же это такое? Что же это такое?—говорилъ онъ, но долженъ былъ пить вмѣстѣ со всѣми; они такъ приставали къ нему, что онъ пришелъ въ полное отчаяніе, и когда одинъ

*) Въ описываемую эпоху, дѣвушки предосудительнаго поведенія обязаны были носить такіе чепчики. *Примѣч. перев.*

изъ собутыльниковъ сказалъ ему, что онъ пьянъ, онъ ничуть не усумнился въ его словахъ и только просилъ найти ему извозчика, а тѣ думали, что онъ говоритъ по „московитски“!

Никогда еще не случалось ему быть въ такой простой и грубой компаніи. „Подумаешь право, что мы вернулись ко временамъ язычества. Это ужаснѣйшая минута въ моей жизни!“

Тутъ ему пришло въ голову подлѣзть подъ столъ, ползкомъ добраться до́ двери и незамѣтно ускользнуть на улицу. Онъ уже былъ почти у дверей, какъ вдругъ остальные гости замѣтили его намѣреніе и схватили его за ноги. О, счастье! калоши снялись съ ногъ, а съ ними исчезло и все колдовство!

Совѣтникъ ясно увидѣлъ передъ собой зажженный фонарь и большой домъ, онъ узналъ и этотъ домъ и всѣ сосѣдніе, узналъ Восточную улицу; самъ онъ лежалъ на панели, упираясь ногами въ чьи-то ворота, а возлѣ него сидѣлъ и похрапывалъ ночной сторожъ.

— Боже ты мой! Такъ я заснулъ на улицѣ!—сказалъ совѣтникъ.—Да, да, это Восточная улица! Какъ тутъ свѣтло и хорошо! Нѣтъ, это просто ужасно, что можетъ надѣлать одинъ стаканъ пунша!

Минуты двѣ спустя, онъ уже ѣхалъ на извозчикѣ въ Христіанову гавань и, вспоминая дорогой только что пережитые имъ страхъ и ужасъ, отъ всего сердца восхвалялъ счастливую дѣйствительность нашего времени, которая со всѣми своими недостатками все-таки куда лучше той, въ которой ему довелось сейчасъ побывать. Да, теперь онъ сознавалъ это и нельзя сказать, чтобы не поступалъ благоразумно.

III. Приключеніе ночного сторожа.

— Никакъ пара калошъ лежитъ!—сказалъ ночной сторожъ.—Должно быть, того офицера, что наверху живетъ. У самыхъ воротъ оставилъ!

Почтенный сторожъ охотно позвонилъ бы и отдалъ калоши владѣльцу—тѣмъ болѣе, что въ окнѣ у того еще виднѣлся огонь—да побоялся разбудить другихъ жильцовъ въ домѣ и не пошелъ.

— Удобно, должно быть, въ такихъ штукахъ!—сказалъ онъ.—Кожа-то какая мягкая!

Калоши пришлись ему какъ разъ по ногамъ, и онъ остался въ нихъ.

— А чудно̀, право, бываетъ на бѣломъ свѣтѣ! Вотъ хоть бы офицеръ этотъ, шляется себѣ взадъ и впередъ по комнатѣ вмѣсто того, чтобы спать въ теплой постели! Счастливецъ! Нѣтъ у него ни жены, ни ребятъ! Каждый вечеръ въ гостяхъ! Будь я на его мѣстѣ, я былъ бы куда счастливѣе!

Онъ сказалъ, а калоши сдѣлали свое дѣло, и ночной сторожъ сталъ офицеромъ и тѣломъ и душою.

Офицеръ стоялъ посреди комнаты съ клочкомъ розовой бумажки въ рукахъ. На бумажкѣ были написаны стихи, сочиненія самого г. офицера. На кого не находятъ минуты поэтическаго настроенія? А выльешь въ такія минуты свои мысли на бумагу и выйдутъ стихи. Вотъ что было написано на розовой бумажкѣ:

„Будь я богатъ, я-бъ офицеромъ сталъ“,
Я мальчуганомъ часто повторялъ:
„Надѣлъ бы саблю, каску я и шпоры
И привлекалъ бы всѣ сердца и взоры!“
Теперь ношу желанные уборы,
При нихъ попрежнему карманъ пустой,
Но ты со мною, Боже мой!

Веселымъ юношей сидѣлъ я разъ
Съ малюткой-дѣвочкой въ вечерній часъ.
Я сказки говорилъ, она внимала,
Потомъ меня, обнявъ, расцѣловала.
Дитя богатства вовсе не желало,
Я-жъ былъ богатъ фантазіей одной;
Ты знаешь это, Боже мой!

„Будь я богатъ“, вздыхаю я опять,—
Дитя дѣвицею успѣло стать.
И какъ умна, какъ хороша собою,
Люблю, люблю ее я всей душою!
Но бѣденъ я и страсти не открою,
Молчу, вступить не смѣя въ споръ съ судьбой;
Ты хочешь такъ, о Боже мой!

Будь я богатъ—счастливымъ бы я сталъ
И жалобъ бы въ стихахъ не изливалъ.
О, если бы сердечкомъ угадала
Она любовь мою, иль прочитала,
Что здѣсь пишу!.. Нѣтъ, лучше, чтобъ не знала,

Я не хочу смутить ея покой.
Спаси-жъ ее, о, Боже мой!

Да, такіе стихи пишутъ многіе влюбленные, но благоразумные люди ихъ не печатаютъ. Офицеръ, любовь и бѣдность—вотъ треугольникъ или, вѣрнѣе, половинка разбитой игральной кости Счастья. Такъ оно казалось и самому офицеру, и онъ, глубоко вздыхая, прислонился головой къ окну.

— Бѣднякъ ночной сторожъ и тотъ счастливѣе меня! Онъ не знаетъ моихъ мученій! У него есть свой уголъ, жена и дѣти, которыя дѣлятъ съ нимъ и горе, и радость. Ахъ, будь я на его мѣстѣ, я былъ бы счастливѣе!

Въ ту же минуту ночной сторожъ сталъ опять сторожемъ; онъ, вѣдь, сдѣлался офицеромъ только благодаря калошамъ, но, какъ мы видѣли, почувствовалъ себя еще несчастнѣе и захотѣлъ лучше быть тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Итакъ, ночной сторожъ сталъ опять ночнымъ сторожемъ.

— Фу, какой гадкій сонъ приснился мнѣ!—сказалъ онъ.— Довольно забавный, впрочемъ! Мнѣ чудилось, что я будто бы и есть тотъ офицеръ, который живетъ тамъ, на верху, и мнѣ было совсѣмъ не весело! Мнѣ недоставало жены и моихъ ребятишекъ, готовыхъ зацѣловать меня до смерти!

И ночной сторожъ опять заклевалъ носомъ, но сонъ все не выходилъ у него изъ головы. Вдругъ съ неба скатилась звѣзда.

— Ишь, покатилась!—сказалъ онъ.—Ну, да ихъ много еще осталось! А посмотрѣлъ бы я эти штучки поближе, особенно мѣсяцъ; тотъ ужъ не проскочитъ между пальцевъ! По смерти,— говоритъ студентъ, на котораго стираетъ жена—мы будемъ перелетать съ одной звѣзды на другую. Это неправда, а то забавно было бы! Вотъ, если бы мнѣ удалось прыгнуть туда сейчасъ, а тѣло пусть бы полежало тутъ, на ступенькахъ!

Есть вещи, которыя вообще надо высказывать съ опаской, особенно если у тебя на ногахъ колоши Счастья. Вотъ послушайте-ка, что случилось съ ночнымъ сторожемъ!

Всѣ мы, люди, или почти всѣ, имѣемъ понятіе о скорости движенія посредствомъ пара,—кто не ѣзжалъ по желѣзнымъ дорогамъ или на кораблѣ по морю? Но эта скорость все равно, что скорость лѣнивца-тихохода или улитки въ сравненіи съ скоростью свѣта. Свѣтъ бѣжитъ въ девятнадцать милліоновъ разъ быстрѣе самаго рѣзваго рысака, а электричество такъ и

еще быстрѣе. Смерть—электрическій ударъ въ сердце, освобождающій нашу душу, которая и улетаетъ изъ тѣла на крыльяхъ электричества. Солнечный лучъ въ 8 минутъ съ секундами пробѣгаетъ болѣе 20 милліоновъ миль, но электричество мчитъ душу еще быстрѣе, и ей, чтобы облетѣть то же пространство, нужно еще меньше времени.

Разстояніе между различными свѣтилами значатъ для нашей души не больше, чѣмъ для насъ разстояніе между домами нашихъ друзей, даже если послѣдніе живутъ на одной и той же улицѣ. Но такой электрическій ударъ въ сердце стоитъ намъ жизни, если у насъ нѣтъ, какъ у ночного сторожа, на ногахъ калошъ Счастья.

Въ нѣсколько секундъ ночной сторожъ пролетѣлъ 52,000 миль, отдѣляющихъ землю отъ луны, которая, какъ извѣстно, состоитъ изъ менѣе плотнаго вещества, нежели наша земля, и мягка, какъ только что выпавшій снѣгъ. Ночной сторожъ очутился на одной изъ безчисленныхъ лунныхъ горъ, которыя мы знаемъ по луннымъ картамъ доктора Медлера,—ты, вѣдь, тоже знаешь ихъ? Въ котловинѣ, лежавшей на цѣлую датскую милю ниже подошвы горы, виднѣлся городъ съ воздушными, прозрачными башнями, куполами и парусообразными балконами, вѣявшими въ рѣдкомъ воздухѣ; на взглядъ все это было похоже на выпущенный въ стаканъ воды яичный бѣлокъ; надъ головой ночного сторожа плыла наша земля въ видѣ большаго огненно-краснаго шара.

На лунѣ было много жителей, которыхъ по нашему слѣдовало бы назвать людьми, но у нихъ былъ совсѣмъ другой видъ, и свой особый языкъ, и хотя никто не можетъ требовать, чтобы душа ночного сторожа понимала лунный языкъ, она все-таки понимала его.

Лунные жители спорили объ нашей землѣ и сомнѣвались въ ея обитаемости,—воздухъ на землѣ былъ слишкомъ густъ, чтобы на ней могло существовать разумное лунное созданіе. По ихъ мнѣнію, луна была единственною обитаемою планетой, и колыбелью перваго поколѣнія планетныхъ обитателей.

Но вернемся на Восточную улицу и посмотримъ, что было съ тѣломъ ночного сторожа.

Безжизненное тѣло по прежнему сидѣло на ступенькахъ, палка сторожа или, какъ ее зовутъ у насъ, „утренняя звѣзда“ выпала изъ рукъ, а глаза остановились на лунѣ, гдѣ путешествовала душа.

— Который часъ?—спросилъ ночного сторожа какой-то прохожій и, конечно, не дождался отвѣта. Тогда прохожій легонько щелкнулъ сторожа по носу; тѣло потеряло равновѣсіе и растянулось во всю длину,—ночной сторожъ былъ мертвъ. Прохожій перепугался, но мертвый остался мертвымъ; заявили въ полицію, и утромъ тѣло отвезли въ больницу.

Вотъ была бы штука, если бы душа вернулась и стала искать тѣло тамъ, гдѣ оставила его, т. е. на Восточной улицѣ! Она навѣрное бросилась бы въ полицію, а потомъ въ контору объявленій искать его въ отдѣлѣ потерянныхъ вещей и, наконецъ, уже отправилась бы въ больницу. Не стоитъ, однако, безпокоиться, душа поступаетъ куда умнѣе, если дѣйствуетъ самостоятельно,—только тѣло дѣлаетъ ее глупой.

Какъ сказано, тѣло ночного сторожа привезли въ больницу и внесли въ пріемный покой, гдѣ, конечно, первымъ долгомъ сняли съ него калоши, и душѣ пришлось вернуться обратно; она сразу нашла дорогу въ тѣло, и разъ, два — человѣкъ ожилъ! Онъ увѣрялъ потомъ, что пережилъ ужаснѣйшую ночь въ жизни; даже за двѣ серебряныхъ марки не согласился бы онъ пережить такія страсти во второй разъ; но теперь дѣло было, слава Богу, покончено.

Въ тотъ же день его выписали изъ больницы, а калоши остались тамъ.

IV. „Головоломное“ дѣло. Въ высшей степени необычайное путешествіе.

Всякій копенгагенецъ, конечно, знаетъ наружный видъ „Больницы Фридерика“, но, можетъ быть, исторію эту прочтутъ и не копенгагенцы, поэтому нужно дать маленькое описаніе.

Больница отдѣлена отъ улицы довольно высокою рѣшеткой изъ толстыхъ желѣзныхъ прутьевъ, разставленныхъ настолько рѣдко, что, какъ говорятъ, многіе тощіе студенты-медики могли отлично протискиваться между ними, когда имъ нужно было сдѣлать въ неурочный часъ маленькій визитъ по сосѣдству. Труднѣе всего въ такихъ случаяхъ было просунуть голову, такъ что и тутъ, какъ вообще часто въ жизни, малоголовые оказывались счастливцами.

Ну, вотъ, для вступленія и довольно.

Въ этотъ вечеръ въ больницѣ дежурилъ какъ разъ такой

молодой студентъ, о которомъ лишь въ физическомъ смыслѣ сказали бы, что онъ изъ числа толстоголовыхъ. Шелъ проливной дождь, но, несмотря на это неудобство, студенту все-таки понадобилось уйти съ дежурства,—всего на четверть часа, такъ что не стоило, по его мнѣнію, и безпокоить привратника, тѣмъ болѣе, что можно было попросту проскользнуть черезъ рѣшетку. Калоши, забытыя сторожемъ, все еще оставались въ больницѣ; студенту и въ голову не приходило, что это калоши Счастья, но они были какъ разъ кстати въ такую дурную погоду, и онъ надѣлъ ихъ. Теперь оставалось только пролѣзть между желѣзными прутьями, чего ему еще ни разу не случалось пробовать.

— Помоги Богъ только просунуть голову!—сказалъ студентъ, и голова его, несмотря на всю свою величину и толщину, сразу проскочила между прутьями,—это было дѣло калошъ. Теперь очередь была за туловищемъ, но съ нимъ-то и пришлось повозиться.

— Ухъ! Я черезчуръ толстъ!—сказалъ студентъ.—А я думалъ, что труднѣе всего будетъ просунуть голову! Нѣтъ, мнѣ не пролѣзть!

И онъ хотѣлъ было поскорѣе выдернуть голову обратно, но не тутъ-то было. Шею онъ могъ поворачивать, какъ угодно, но на этомъ дѣло и кончалось. Сначала студентъ нашъ разсердился, но потомъ расположеніе его духа быстро упало на нуль. Калоши Счастья поставили его въ ужаснѣйшее положеніе и, къ несчастью, ему не приходило въ голову пожелать освободиться; онъ только неутомимо вертѣлъ шею и—не двигался съ мѣста. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, на улицахъ не было ни души, до колокольчика, висѣвшаго у воротъ, дотянуться было невозможно,—какъ тутъ освободиться! Онъ предвидѣлъ, что ему, пожалуй, придется простоять въ такомъ положеніи до утра, и тогда ужъ послать за кузнецомъ, чтобы онъ перепилилъ прутья. Дѣло, однако, дѣлается не такъ-то скоро, и пока-что — успѣютъ подняться на ноги всѣ школьники, всѣ жители Новой Слободки *); всѣ сбѣгутся и увидятъ его въ этой позорной желѣзной клѣткѣ!

— Уфъ! Кровь такъ и стучитъ въ виски! Я готовъ съ

*) „Новая Слободка"—рядъ домиковъ на окраинѣ Копенгагена, построенныхъ первоначально для матросовъ морского вѣдомства. *Примѣч. перев.*

ума сойти! Да и сойду! Ахъ, если бы мнѣ только удалось освободиться!

Слѣдовало бы ему сказать это пораньше! Въ ту же минуту голова его освободилась, и онъ опрометью кинулся назадъ, совсѣмъ ошалѣвъ отъ страха, который только что испыталъ, благодаря калошамъ Счастья.

Не думайте, однако, что дѣло этимъ и кончилось,—нѣтъ, будетъ еще хуже.

Прошла ночь, прошелъ еще день, а за калошами никто не являлся.

Вечеромъ давалось представленіе въ маленькомъ театрѣ, въ улицѣ Канониковъ. Театръ былъ полонъ; между прочими номерами представленія было продекламировано стихотвореніе „Тетушкины очки“ *); въ немъ говорилось о чудесныхъ очкахъ, въ которыя можно было видѣть будущее.

Стихотвореніе было прочитано превосходно, и чтецъ имѣлъ большой успѣхъ. Среди публики находился и нашъ студентъ-медикъ, который, казалось, успѣлъ уже позабыть приключеніе предыдущаго вечера. Калоши опять были у него на ногахъ,— за ними никто не пришелъ, а на улицахъ было грязно, и они опять сослужили ему службу.

Стихотвореніе очень ему понравилось.

Онъ былъ бы не прочь имѣть такія очки: надѣвъ ихъ, пожалуй, можно было бы, при извѣстномъ искусствѣ, читать въ сердцахъ людей, а это, вѣдь, еще интереснѣе, нежели провидѣть будущее,—послѣднее и безъ того узнается въ свое время.

„Вотъ, напримѣръ“,—думалъ студентъ:—„тутъ, на первой скамейкѣ, цѣлый рядъ зрителей; что, если бы проникнуть въ сердце каждаго? Въ него, вѣроятно, есть же какой-нибудь входъ,— вродѣ, какъ въ лавочку, что ли!.. Ну и насмотрѣлся бы я! Вотъ у этой барыни я, навѣрно, нашелъ бы въ сердцѣ цѣлый модный магазинъ! У этой—лавочка оказалась бы пустой; не мѣшало бы только почистить ее хорошенько! Но, конечно, нашлись бы и солидные магазины! Ахъ! Я даже знаю одинъ такой, но... въ немъ уже есть прикащикъ! Вотъ единственный недостатокъ этого чуднаго магазина! А изъ многихъ, я думаю,

*) Самое стихотвореніе пропускается, какъ не представляющее, благодаря своему чисто-мѣстному характеру, никакого интереса для современныхъ русскихъ читателей. *Примѣч. перев.*

закричали бы: „къ намъ, къ намъ пожалуйте!“ Да, я бы съ удовольствіемъ прогулялся по сердцамъ, въ видѣ маленькой мысли, напримѣръ.“

Калошамъ только того и надо было. Студентъ вдругъ весь съежился и началъ въ высшей степени необычайное путешествіе по сердцамъ зрителей перваго ряда. Первое сердце, куда онъ попалъ, принадлежало дамѣ, но въ первую минуту ему почудилось, что онъ въ ортопедическомъ институтѣ—такъ называется заведеніе, гдѣ доктора лечатъ людей съ разными физическими недостатками и уродливостями—и въ той именно комнатѣ, гдѣ по стѣнамъ развѣшаны гипсовые слѣпки съ уродливыхъ частей человѣческаго тѣла; вся разница была въ томъ, что въ институтѣ слѣпки снимаются, когда паціентъ приходитъ туда, а въ сердцѣ этой дамы они дѣлались уже по уходѣ добрыхъ людей: тутъ хранились слѣпки физическихъ и духовныхъ недостатковъ ея подругъ.

Скоро студентъ перебрался въ другое женское сердце, но это сердце показалось ему просторнымъ, святымъ храмомъ; бѣлый голубь невинности парилъ надъ алтаремъ. Онъ охотно преклонилъ бы здѣсь колѣна, но нужно было продолжать путешествіе. Звуки церковнаго органа еще раздавались у него въ ушахъ, онъ чувствовалъ себя точно обновленнымъ, просвѣтленнымъ и достойнымъ войти въ слѣдующее святилище. Это послѣднее показалось ему бѣдною коморкой, гдѣ лежала больная мать; черезъ открытое окно сіяло теплое солнышко, изъ маленькаго ящичка на крышѣ кивали головками чудесныя розы, а двѣ небесно-голубыя птички пѣли о дѣтской радости, въ то время, какъ больная мать молилась за дочь.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ на четверенькахъ переползъ въ биткомъ набитую мясную лавку, гдѣ всюду натыкался на одно мясо; это было сердце богатаго, всѣми уважаемаго человѣка, имя котораго можно найти въ адресъ-календарѣ.

Оттуда студентъ попалъ въ сердце его супруги; это была старая полуразвалившаяся голубятня; портретъ мужа служилъ флюгеромъ; къ нему была привязана входная дверь, которая то отворялась, то запиралась, смотря по тому, въ которую сторону повертывался супругъ.

Потомъ студентъ очутился въ зеркальной комнатѣ, вродѣ той, что находится въ Розенборгскомъ дворцѣ, но зеркала увеличивали все въ невѣроятной степени, а посреди комнаты сидѣло,

точно какой-то Далай-Лама, ничтожное „я“ данной особы и благоговѣйно созерцало свое собственное величіе.

Затѣмъ ему показалось, что онъ перешелъ въ узкій игольникъ, полный острыхъ иголокъ. Онъ подумалъ было, что попалъ въ сердце какой-нибудь старой дѣвы, но ошибся,—это было сердце молодого военнаго, украшеннаго орденами и слывшаго за „человѣка съ умомъ и сердцемъ“.

Совсѣмъ ошеломленный очутился, наконецъ, несчастный студентъ на своемъ мѣстѣ и долго-долго не могъ опомниться,—нѣтъ, положительно, фантазія его ужъ черезчуръ разыгралась!

„Господи, Боже мой!“—вздыхалъ онъ про себя.—„Я, кажется, въ самомъ дѣлѣ начинаю сходить съ ума. Да и что за непозволительная жара здѣсь! Кровь такъ и стучитъ въ виски!“—Тутъ ему вспомнилось вчерашнее его приключеніе.—„Да, да, вотъ оно, начало всего!“ думалъ онъ.—„Надо во время принять мѣры. Особенно помогаетъ въ такихъ случаяхъ русская баня. Ахъ, если бы я уже лежалъ на полкѣ!“

Въ ту же минуту онъ и лежалъ тамъ, но лежалъ одѣтый, въ сапогахъ и калошахъ; на лицо ему капала съ потолка горячая вода.

— Уфъ!—закричалъ онъ и побѣжалъ взять душъ.

Баньщикъ тоже громко закричалъ, увидавъ въ банѣ одѣтаго человѣка.

Студентъ, однако, не растерялся и шепнулъ ему:

— Это на пари!

Придя домой, онъ, однако, закатилъ себѣ двѣ шпанскихъ мушки, одну на шею, другую на спину, чтобы выгнать помѣшательство.

На утро вся спина у него была въ крови; вотъ и все, что принесли ему калоши счастья.

V. Превращеніе письмоводителя.

Ночной сторожъ, котораго мы, можетъ быть, еще не забыли, вспомнилъ, между тѣмъ, о найденныхъ и затѣмъ оставленныхъ имъ въ больницѣ калошахъ и явился за ними. Ни офицеръ, ни кто другой изъ обывателей той улицы, не призналъ, однако, ихъ за свои, и калоши снесли въ полицію.

— Точь-въ-точь мои!—сказалъ одинъ изъ господъ полицейскихъ письмоводителей, разсматривая находку и свои собствен-

ныя калоши, стоявшія рядомъ,—самъ мастеръ не отличилъ бы ихъ другъ отъ друга!

— Господинъ письмоводитель!—сказалъ вошедшій съ бумагами полицейскій.

Письмоводитель обернулся къ нему и поговорилъ съ нимъ, а когда вновь взглянулъ на калоши, то уже и самъ не зналъ, которыя были его собственными: тѣ-ли, что стояли слѣва или что справа?

„Должно быть, вотъ эти мокрыя—мои!"—подумалъ онъ, да и ошибся: это были какъ разъ калоши Счастья; но почему-жъ бы и служителю полиціи не ошибиться иногда? Онъ надѣлъ ихъ, сунулъ нѣкоторыя бумаги въ карманъ, другія взялъ подъ мышку,—ему надо было просмотрѣть и переписать ихъ дома. День былъ воскресный, погода стояла хорошая, и онъ подумалъ, что недурно будетъ прогуляться въ Фредериксбергскій садъ.

Пожелаемъ же этому тихому, трудолюбивому молодому человѣку пріятной прогулки,—ему вообще полезно было прогуляться послѣ продолжительнаго сидѣнія въ канцеляріи.

Сначала онъ шелъ, не думая ни о чемъ, такъ что калошамъ не было еще случая проявить свою волшебную силу.

Въ аллеѣ письмоводитель встрѣтилъ молодого поэта, который сообщилъ ему, что уѣзжаетъ путешествовать.

— Опять уѣзжаете!—сказалъ письмоводитель.—Счастливый вы народъ, свободный! Порхаете себѣ, куда хотите, не то, что мы! У насъ цѣпи на ногахъ!

— Онѣ приковываютъ васъ къ хлѣбному мѣстечку!—отвѣчалъ поэтъ.—Вамъ не нужно заботиться о завтрашнемъ днѣ, а подъ старость получите пенсію!

— Нѣтъ, все-таки вамъ живется лучше!—сказалъ письмоводитель.—Писать стихи, это—удовольствіе! Всѣ васъ расхваливаютъ, и къ тому же вы сами себѣ господа! А вотъ попробовали бы вы посидѣть въ канцеляріи, да повозиться съ этими пошлыми дѣлами!

Поэтъ покачалъ головой, письмоводитель тоже, каждый остался при своемъ мнѣніи, съ тѣмъ они и распрощались.

„Совсѣмъ особый народъ эти поэты!"—подумалъ письмоводитель.—„Хотѣлось бы мнѣ побывать на ихъ мѣстѣ, самому стать поэтомъ. Ужъ я бы не писалъ такихъ ноющихъ стиховъ, какъ другіе!——Сегодня какъ разъ настоящій весенній день для

поэта! Воздухъ какъ-то необыкновенно прозраченъ, и облака удивительно красивы! А что за запахъ, что за благоуханіе! Да, никогда еще я не чувствовалъ себя такъ, какъ сегодня".

Замѣчаете? Онъ уже сталъ поэтомъ, хотя на видъ и не измѣнился нисколько: нелѣпо, вѣдь, предполагать, что поэты какая-то особая порода людей; и между обыкновенными смертными могутъ встрѣчаться натуры, куда болѣе поэтическія, нежели многіе признанные поэты; вся разница въ томъ, что у поэтовъ болѣе счастливая духовная память, позволяющая имъ крѣпко хранить въ своей душѣ идеи и чувства до тѣхъ поръ, пока они, наконецъ, ясно и точно не выльются въ словахъ и образахъ. Сдѣлаться изъ простого, обыкновеннаго человѣка поэтическою натурой, впрочемъ, все же своего рода превращеніе, и вотъ оно-то и произошло съ письмоводителемъ.

„Какой чудный ароматъ!"—думалъ онъ.—„Мнѣ вспоминаются фіалки тетушки Лоны! Да, я былъ тогда еще ребенкомъ! Господи, сколько лѣтъ я не вспоминалъ о ней! Добрая старая дѣвушка! Она жила тамъ, за Биржей! У нея всегда, даже въ самыя лютыя зимы, стояли въ водѣ какія-нибудь зелененькія вѣточки или отростки. Фіалки такъ и благоухали, а я прикладывалъ къ замерзшимъ оконнымъ стекламъ нагрѣтыя мѣдныя монетки, чтобы оттаять себѣ маленькія кругленькія отверстія для глазъ. Вотъ была панорама! На каналѣ стояли пустые зазимовавшіе корабли, со стаями каркавшихъ воронъ вмѣсто команды. Но вотъ, наступала весна, и на нихъ закипала работа, раздавались пѣсни и дружныя „ура" рабочихъ, подрубавшихъ вокругъ кораблей ледъ; корабли смолились, конопатились и затѣмъ отплывали въ чужія страны. А я оставался! Мнѣ было суждено вѣчно сидѣть въ канцеляріи и только смотрѣть, какъ другіе выправляли себѣ заграничные паспорты! Вотъ моя доля! Увы!"—Тутъ онъ глубоко вздохнулъ и затѣмъ вдругъ пріостановился.

„Что это, право, дѣлается со мной сегодня? Никогда еще не задавался я такими мыслями и чувствами! Это, должно быть, дѣйствіе весенняго воздуха! И жутко, и пріятно на душѣ!"—И онъ схватился за бумаги, бывшія у него въ карманѣ.—„Бумаги дадутъ моимъ мыслямъ другое направленіе."—Но, бросивъ взглядъ на первый же листъ, онъ прочелъ:—„Зигбрита, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ". Что такое?! Почеркъ, однако, мой... Неужели я написалъ трагедію? А это что? „Интрижка на валу, воде-

виль“. Нѣтъ, откуда же все это? Кто это подсунулъ мнѣ? А вотъ еще письмо!“

Письмо было не изъ вѣжливыхъ; авторомъ его была театральная дирекція, забраковавшая обѣ упомянутыя пьесы.

— Гмъ! Гмъ!—произнесъ письмоводитель и присѣлъ на скамейку. Мысли у него такъ и играли, душа была какъ-то особенно мягко и нѣжно настроена; машинально сорвалъ онъ какой-то росшій возлѣ цвѣточекъ и засмотрѣлся на него. Это была простая ромашка, но въ одну минуту она успѣла разсказать ему столько, сколько намъ впору узнать на нѣсколькихъ лекціяхъ ботаники. Она разсказала ему чудесную повѣсть о своемъ появленіи на свѣтъ, о волшебной силѣ солнечнаго свѣта, заставившаго распуститься и благоухать ея нѣжные лепесточки. Поэтъ же въ это время думалъ о жизненной борьбѣ, пробуждающей дремлющія въ груди человѣка силы. Да, воздухъ и свѣтъ—возлюбленные цвѣтка, но свѣтъ является избранникомъ, къ которому постоянно тянется цвѣтокъ; когда же свѣтъ погасаетъ, цвѣтокъ свертываетъ свои лепестки и засыпаетъ въ объятіяхъ воздуха.

— Свѣту я обязана своею красотой!—говорила ромашка.

— А чѣмъ бы ты дышала безъ воздуха?—шепнулъ ей поэтъ.

Неподалеку отъ него стоялъ мальчуганъ и шлепалъ палкой по канавкѣ; брызги мутной воды такъ и летѣли въ зеленую траву, и письмоводитель сталъ думать о милліонахъ невидимыхъ организмовъ, взлетавшихъ вмѣстѣ съ каплями воды на заоблачную для нихъ—въ сравненіи съ ихъ собственною величиной—высоту. Думая объ этомъ и о томъ превращеніи, которое произошло съ нимъ сегодня, письмоводитель улыбнулся.—„Я просто сплю и вижу сонъ! Удивительно, однако, до чего сонъ можетъ быть живымъ! И все-таки я отлично сознаю, что это только сонъ. Хорошо, если бы я вспомнилъ завтра поутру все, что теперь чувствую; теперь я удивительно хорошо настроенъ: смотрю на все какъ-то особенно здраво и ясно, чувствую какой-то особый подъемъ духа. Увы! Я увѣренъ, что къ утру въ воспоминаніи у меня останется одна чепуха! Это уже не разъ бывало! Всѣ эти умныя, дивныя вещи, которыя слышишь и самъ говоришь во снѣ, похожи на золото гномовъ,—при дневномъ свѣтѣ оно оказывается кучею камней и сухихъ листьевъ. Увы!“

Письмоводитель грустно вздохнулъ и поглядѣлъ на весело

распѣвавшихъ и перепархивавшихъ съ вѣтки на вѣтку птичекъ.

„Имъ живется куда лучше нашего! Умѣнье летать—завидный даръ! Счастливъ, кто родился съ нимъ! Если бы я могъ превратиться во что-нибудь, я пожелалъ бы быть этакимъ маленькимъ жаворонкомъ!“

Въ ту же минуту рукава и фалды его сюртука сложились въ крылья, платье стало перышками, а калоши когтями. Онъ отлично замѣтилъ все это и засмѣялся про себя:—„Ну, теперь я вижу, что сплю! Но такихъ смѣшныхъ сновъ мнѣ еще не случалось видѣть!“—Затѣмъ онъ взлетѣлъ на дерево и запѣлъ, но въ его пѣніи уже не было поэзіи,—онъ пересталъ быть поэтомъ: калоши, какъ и всякій, кто относится къ дѣлу серьезно, могли исполнять только одно дѣло заразъ: хотѣлъ онъ стать поэтомъ и сталъ, захотѣлъ превратиться въ птичку и превратился, но зато утратилъ уже прежній свой даръ.—„Недурно!“—подумалъ онъ.—„Днемъ я сижу въ полиціи, занятый самыми важными дѣлами, а ночью мнѣ снится, что я летаю жаворонкомъ въ Фредериксбергскомъ саду! Вотъ сюжетъ для народной комедіи!“

И онъ слетѣлъ на траву, вертѣлъ головкой и пощипывалъ клювомъ гибкіе стебельки, казавшіеся ему теперь огромными пальмовыми вѣтвями.

Вдругъ кругомъ него сдѣлалось темно, какъ ночью,—на него былъ наброшенъ какой-то огромный, какъ ему показалось, предметъ; это мальчуганъ накрылъ его своей фуражкой. Подъ фуражку подлѣзла рука и схватила письмоводителя за хвостъ и за крылья, такъ что онъ запищалъ, а затѣмъ громко крикнулъ:

— Ахъ, ты, безсовѣстный мальчишка! Вѣдь, я полицейскій письмоводитель!

Но мальчуганъ разслышалъ только: „пипъ-пипъ“, щелкнулъ птицу по клюву и пошелъ съ ней своею дорогой.

Въ аллеѣ встрѣтились ему два школьника изъ высшаго класса,—т. е. по положенію въ обществѣ, а не въ школѣ. Они купили птицу за 8 скиллинговъ *), и вотъ, письмоводитель вновь вернулся въ городъ, и попалъ въ одно семейство, жившее на Готской улицѣ.

*) Скиллингъ—мелкая мѣдная датская монета, уже вышедшая изъ употребленія. *Примѣч. перев.*

„Хорошо, что это сонъ“,—думалъ письмоводитель:—„не то бы я, право, разсердился! Сперва я былъ поэтомъ, потомъ сталъ жаворонкомъ! Моя поэтическая натура и заставила меня пожелать превратиться въ это крошечное созданьице! Довольно печальная участь, однако! Особенно, если попадешь въ лапы мальчишекъ. Но любопытно все-таки узнать, чѣмъ все это кончится?“

Мальчики принесли его въ богато убранную гостиную, гдѣ ихъ встрѣтила толстая, улыбающаяся барыня; она не особенно обрадовалась простой полевой птицѣ, какъ она назвала жаворонка, хотя и позволила посадить его на время въ пустую клѣтку, стоявшую на окнѣ.

— Можетъ быть, она позабавитъ попочку!—сказала барыня и улыбнулась большому, зеленому попугаю, важно качавшемуся въ кольцѣ, въ своей великолѣпной металлической клѣткѣ.— Сегодня попочкино рожденье,—продолжала она глупо-наивнымъ тономъ:—и полевая птичка пришла его поздравить!

Попочка не отвѣтилъ ни слова, продолжая качаться взадъ и впередъ, зато громко запѣла хорошенькая канарейка, только прошлымъ лѣтомъ привезенная съ своей теплой, благоухающей родины.

— Крикунья!—сказала барыня и набросила на клѣтку бѣлый носовой платокъ.

— Пипъ, пипъ! Какая ужасная мятель!—вздохнула канарейка и умолкла.

Письмоводитель или, какъ назвала его барыня, полевая птица, былъ посаженъ въ клѣтку, стоявшую рядомъ съ клѣткой канарейки, и не далеко отъ попугая. Единственное, что попугай могъ прокартавить человѣчьимъ голосомъ, была фраза, звучавшая иногда очень комично: „Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ!“ Все остальное выходило у него такъ же непонятно, какъ и щебетанье канарейки; непонятно для людей, а не для письмоводителя, который самъ былъ теперь птицей и отлично понималъ своихъ собратьевъ.

— Я летала подъ тѣнью зеленыхъ пальмъ и цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ!—пѣла канарейка.—Я летала со своими братьями и сестрами надъ роскошными цвѣтами и тихими зеркальными водами озеръ, откуда намъ привѣтливо кивалъ зеленый тростникъ. Я видѣла тамъ прелестныхъ попугаевъ, умѣвшихъ разсказывать забавныя сказки, безъ конца, безъ счета!

— Дикія птицы!—отвѣтилъ попугай.—Безъ всякаго образованія. Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ!.. Что-жъ ты не смѣешься? Если это смѣшитъ госпожу и всѣхъ гостей, то и ты, кажется, могла бы засмѣяться! Это большой недостатокъ—не умѣть цѣнить забавныхъ остротъ. Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ!

— Помнишь-ли ты красивыхъ дѣвушекъ, плясавшихъ подъ сѣнью усыпанныхъ цвѣтами деревьевъ? Помнишь сладкіе плоды и прохладный сокъ дикихъ овощей?

— О, да!—сказалъ попугай.—Но здѣсь мнѣ гораздо лучше! У меня хорошій столъ, и я свой человѣкъ въ домѣ. Я знаю, что я малый съ головой, и этого съ меня довольно. Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ! У тебя, что называется, поэтическая натура, я же обладаю основательными познаніями и къ тому же остроуменъ. Въ тебѣ есть геній, но тебѣ не хватаетъ разсудительности, ты берешь всегда черезчуръ высокія ноты, и тебѣ за это зажимаютъ ротъ. Со мной этого не случится,—я обошелся имъ подороже! Къ тому же я внушаю имъ уваженіе своимъ клювомъ и остеръ на языкъ! Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ!

— О, моя теплая, цвѣтущая родина!—пѣла канарейка.— Я стану воспѣвать твои темно-зеленые лѣса, твои тихіе заливы, гдѣ вѣтви лобызаютъ прозрачныя волны, гдѣ растутъ „водоемы пустыни“ *); стану воспѣвать радость моихъ блестящихъ братьевъ и сестеръ!

— Оставь ты свои ахи и охи! — сказалъ попугай. — Съостри-ка лучше, да посмѣши насъ! Смѣхъ—признакъ высшаго умственнаго развитія. Вѣдь, ни лошадь, ни собака не смѣются, онѣ могутъ только плакать; смѣхъ—это высшій даръ, отличающій человѣка! Хо, хо, хо!—захохоталъ попугай и опять съострилъ:—Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ!

— И ты попалась въ плѣнъ, сѣренькая датская птичка!— сказала канарейка жаворонку.— Въ твоихъ лѣсахъ, конечно, холодно, но все же ты была тамъ свободна! Улетай же! Смотри, они забыли запереть тебя; форточка открыта, улетай, улетай!

Письмоводитель такъ и сдѣлалъ, выпорхнулъ и сѣлъ на клѣтку. Въ эту минуту въ полуоткрытую дверь скользнула изъ сосѣдней комнаты кошка съ зелеными сверкающими глазами и бросилась на него. Канарейка забилась въ клѣткѣ, попугай захлопалъ крыльями и закричалъ:

*) Кактусы. *Примѣч. автора.*

— Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ!

Письмоводителя охватилъ смертельный ужасъ, и онъ вылетѣлъ въ форточку на улицу, летѣлъ, летѣлъ, наконецъ, усталъ и захотѣлъ отдохнуть.

Сосѣднiй домъ показался ему знакомымъ; одно окно было открыто, онъ влетѣлъ въ комнату—это была его собственная комната—и сѣлъ на столъ.

— Нѣтъ, хочу быть человѣкомъ!—сказалъ онъ, безсознательно повторяя остроту попугая, и въ ту же минуту сталъ опять письмоводителемъ, но, оказалось, что онъ сидитъ на столѣ!

— Господи помилуй!—сказалъ онъ.—Какъ это я попалъ сюда, да еще заснулъ! И какой сонъ приснился мнѣ! Вотъ чепуха-то!

VI. Лучшее, что сдѣлали калоши.

На другой день, рано утромъ, когда письмоводитель еще лежалъ въ постели, въ дверь постучали и вошелъ сосѣдъ его, студентъ-богословъ.

— Одолжи мнѣ твои калоши!—сказалъ онъ.—Въ саду еще сыро, но солнышко такъ и сiяетъ,—пойти выкурить на воздухѣ трубочку!

Надѣвъ калоши, онъ живо сошелъ въ садъ, въ которомъ было одно грушевое и одно сливовое дерево, но даже и такой садикъ считается въ Копенгагенѣ *) большою роскошью.

Богословъ ходилъ взадъ и впередъ по дорожкѣ; было всего шесть часовъ утра; съ улицы донесся звукъ почтоваго рога.

— О, путешествовать, путешествовать! Лучше этого нѣтъ ничего въ мiрѣ!—промолвилъ онъ.—Это высшая, завѣтная цѣль моихъ стремленiй! Удастся мнѣ достигнуть ее, и эта внутренняя тревога моего сердца и помысловъ уляжется. Но я такъ и рвусь вдаль! Дальше, дальше... видѣть чудную Швейцарiю, Италiю...

Да, хорошо, что калоши дѣйствовали немедленно, не то онъ забрался бы, пожалуй, черезчуръ далеко и для себя и для насъ! И вотъ онъ уже путешествовалъ по Швейцарiи, упрятанный въ диллижансъ вмѣстѣ съ восьмью другими пассажирами. У него болѣла голова, ныла спина, ноги затекли и распухли,

*) Въ старой части города. *Прим. перев.*

сапоги жали ихъ нестерпимо. Онъ не то спалъ, не то бодрствовалъ. Въ правомъ боковомъ карманѣ у него лежали переводные векселя на банкирскія конторы, въ лѣвомъ паспортъ, а на груди мѣшочекъ съ зашитыми въ немъ золотыми монетами; стоило богослову задремать, и ему чудилось, что та или другая изъ этихъ драгоцѣнностей потеряны; дрожь пробѣгала у него по спинѣ, и рука лихорадочно описывала треугольникъ— справа налѣво и на грудь—чтобы удостовѣриться въ цѣлости всѣхъ своихъ сокровищъ. Въ сѣткѣ подъ потолкомъ диллижанса болтались зонтики и шляпы и порядочно мѣшали ему любоваться дивными окрестностями. Онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, а въ ушахъ его такъ и звучало четверостишіе, которое сложилъ, во время путешествія по Швейцаріи, не предназначая его, однако, для печати, одинъ не безъизвѣстный намъ поэтъ

Да, хорошо здѣсь! И Монбланъ
Я вижу предъ собой, друзья!
Когда-бъ къ тому тугой карманъ,
Вполнѣ счастливымъ былъ бы я!

Окружающая природа была сурово-величава; сосновые лѣса на вершинахъ высокихъ горъ казались какимъ-то верескомъ; началъ порошить снѣгъ, подулъ рѣзкій холодный вѣтеръ.

— Брр! Если бы мы были по ту сторону Альпъ, у насъ было бы уже лѣто, а я получилъ бы деньги по моимъ векселямъ! Изъ страха потерять ихъ я и не могу, какъ слѣдуетъ, наслаждаться Швейцаріей. Ахъ, если-бъ мы уже были по ту сторону Альпъ!

И онъ очутился по ту сторону Альпъ, въ срединѣ Италіи, между Флоренціей и Римомъ. Тразименское озеро было освѣщено вечернимъ солнцемъ; здѣсь, гдѣ нѣкогда Ганнибалъ разбилъ Фламинія, цѣплялись другъ за друга своими зелеными пальчиками виноградныя лозы; прелестныя полунагія дѣти пасли на дорогѣ, подъ тѣнью цвѣтущихъ лавровыхъ деревьевъ, черныхъ, какъ смоль, свиней. Да, если изобразить все это красками на полотнѣ, всѣ заахали бы: „Ахъ, чудная Италія!“ Но ни богословъ, ни его дорожные товарищи, сидѣвшіе въ почтовой каретѣ, не говорили этого.

Въ воздухѣ носились тучи ядовитыхъ мухъ и комаровъ; напрасно путешественники обмахивались миртовыми вѣтками,

насѣкомыя кусали и жалили ихъ немилосердно; въ каретѣ не оставалось ни одного человѣка, у котораго бы не было искусано и не распухло все лицо. Бѣдныя лошади походили на какую-то падаль,—мухи облѣпили ихъ роями; кучеръ иной разъ слѣзалъ съ козелъ и сгонялъ съ несчастныхъ животныхъ ихъ мучителей, но только на минуту. Но вотъ, солнце сѣло, и путниковъ охватилъ леденящій холодъ; это было совсѣмъ непріятно, зато облака и горы окрасились въ чудные блестящіе зеленоватые тоны. Да, надо видѣть все это самому: никакія описанія не могутъ дать объ этомъ настоящаго понятія. Зрѣлище было безподобное, съ этимъ согласились всѣ пассажиры, но... желудокъ былъ пустъ, все тѣло просило отдыха, всѣ мечты неслись къ ночлегу, а каковъ-то еще онъ будетъ? И всѣ больше занимались этими вопросами, нежели красотами природы.

Дорога лежала черезъ оливковую рощу, и богослову казалось, что онъ ѣдетъ между родными узловатыми ивами; наконецъ, добрались до одинокой гостинницы. У входа расположилось съ десятокъ нищихъ калѣкъ; самый бодрый изъ нихъ смотрѣлъ „достигшимъ совершеннолѣтія старшимъ сыномъ голода", другіе были или слѣпы, или съ высохшими ногами и ползали на рукахъ, или съ изуродованными руками безъ пальцевъ. Изъ лохмотьевъ ихъ такъ и глядѣла голая нищета. „Eccellenza, miserabili!" стонали они и выставляли на показъ изуродованные члены. Сама хозяйка гостиницы встрѣтила путешественниковъ босая, съ непричесанною головой и въ какой-то грязной блузѣ. Двери были безъ задвижекъ и связывались попросту веревочками, кирпичный полъ въ комнатахъ былъ весь въ ямахъ, на потолкахъ гнѣздились летучія мыши, а ужъ воздухъ!..

— Пусть накроютъ намъ столъ въ конюшнѣ! —сказалъ одинъ изъ путниковъ.—Тамъ все-таки знаешь, чѣмъ дышешь!

Открыли окна, чтобы впуститъ въ комнаты свѣжаго воздуха, но его опередили изсохшія руки и непрерывное нытье: Eccellenza, miserabili! Всѣ стѣны были покрыты надписями; половина изъ нихъ бранила bella Italia!

Подали обѣдъ: водянистый супъ, приправленный перцемъ и прогорклымъ оливковымъ масломъ, салатъ съ такимъ же масломъ, затѣмъ, какъ главные блюда, протухшія яйца и жареные пѣтушьи гребешки; вино—и то отзывалось микстурой.

На ночь двери были заставлены чемоданами; одинъ изъ путешественниковъ сталъ на караулъ, другіе же заснули. Ка-

раульнымъ пришлось быть богослову. Фу, какая духота была въ комнатахъ! Жара томила, комары кусались, miserabili стонали во снѣ!

— Да, путешествіе вещь хорошая!—вздохнулъ богословъ.— Только бы у насъ не было тѣла! Пусть бы оно себѣ отдыхало, а душа летала повсюду. А то, куда я ни явлюсь, въ душѣ все та же тоска, та же тревога... Я стремлюсь къ чему-то лучшему, высшему, нежели всѣ эти земныя мгновенныя радости. Да, къ лучшему, но гдѣ оно и въ чемъ?.. Нѣтъ, я знаю въ сущности, чего я хочу! Я хочу достигнуть блаженной цѣли земного странствованія!

Слово было сказано, и онъ былъ уже на родинѣ, у себя дома; длинныя бѣлыя занавѣси были спущены, и посреди комнаты стоялъ черный гробъ; въ немъ лежалъ богословъ. Его желаніе было исполнено: тѣло отдыхало, душа странствовала. „Никто не можетъ назваться счастливымъ, пока не сойдетъ въ могилу!“—сказалъ Солонъ, и его слова подтвердились еще разъ.

Каждый умершій представляетъ собой загадку, бросаемую намъ въ лицо вѣчностью, и эта человѣческая загадка въ черномъ гробу не отвѣчала намъ на вопросы, которые задавалъ самъ человѣкъ, какихъ-нибудь за два, за три дня до смерти.

О, смерть всесильная, нѣмая,
Твой слѣдъ—могилы безъ конца!
Увы, ужели жизнь земная
Моя увянетъ, какъ трава?
Ужели мысль, что къ небу смѣло
Стремится, сгинетъ безъ слѣда?
Иль купитъ духъ страданьемъ тѣла
Себѣ безсмертія вѣнецъ?..

Въ комнатѣ появились двѣ женскія фигуры; мы знаемъ обѣихъ, то были фея Печали и посланница Счастья; онѣ склонились надъ умершимъ.

— Ну,—сказала Печаль:—много счастья принесли твои калоши человѣчеству?

— Что-жъ, вотъ этому человѣку, что лежитъ тутъ, онѣ доставили прочное счастье!—отвѣчала Радость.

— Нѣтъ!—сказала Печаль.—Онъ ушелъ изъ міра самовольно, не бывъ отозваннымъ! Его духовныя силы не разви-

лись и не окрѣпли еще настолько, чтобы онъ могъ унаслѣдовать тѣ небесныя сокровища, которыя были ему уготованы. Я окажу ему благодѣяніе!

И она стащила съ ногъ умершаго калоши; смертный сонъ былъ прерванъ, и воскресшій всталъ. Печаль исчезла, а съ ней и калоши; она, должно быть, сочла ихъ своей собственностью.

РОМАШКА.

Вотъ послушайте-ка!

За городомъ, у самой дороги, стояла дача. Вы вѣрно видѣли ее? Передъ ней еще небольшой садикъ, обнесенный крашеною деревянною рѣшеткой.

Неподалеку отъ дачи, у самой канавки, росла въ мягкой зеленой травѣ ромашка. Солнечные лучи грѣли и ласкали ее наравнѣ съ роскошными цвѣтами, которые цвѣли въ саду передъ дачей, и наша ромашка росла не по днямъ, а по часамъ. Въ одно прекрасное утро она распустилась совсѣмъ, — желтое, круглое, какъ солнышко, сердечко ея было окружено сіяніемъ ослѣпительно бѣлыхъ, мелкихъ лучей-лепестковъ. Ромашку ничуть не заботило, что она такой бѣдненькій, простенькій цвѣточекъ, котораго никто не видитъ и не замѣчаетъ въ густой травѣ; нѣтъ, она была довольна всѣмъ, жадно тянулась къ солнышку, любовалась имъ и слушала, какъ поетъ гдѣ-то высоко-высоко въ небѣ жаворонокъ.

Ромашка была такъ весела и счастлива, точно сегодня было воскресенье, а на самомъ-то дѣлѣ былъ простой понедѣльникъ; всѣ дѣти смирно сидѣли на школьныхъ скамейкахъ и учились у своихъ наставниковъ; наша ромашка тоже смирно сидѣла на своемъ стебелькѣ и училась у яснаго солнышка и у всей окружающей природы, училась познавать благость Божію. Ромашка слушала пѣніе жаворонка, и ей казалось, что его громкія, звучныя пѣсни высказываютъ какъ разъ то, что таится у нея на сердцѣ; поэтому ромашка смотрѣла на счастливую порхающую пѣвунью-птичку съ какимъ-то особымъ почтеніемъ, но ничуть не завидовала ей и не печалилась, что сама не можетъ ни летать, ни пѣть. — „Я, вѣдь, вижу и слышу все!“ —думала она. — „Солнышко меня ласкаетъ, вѣтерокъ цѣлуетъ! Какъ я счастлива!“

Въ садикѣ цвѣло множество пышныхъ, гордыхъ цвѣтовъ; самыми гордыми между ними были цвѣты безъ всякаго аромата. Піоны такъ и раздували щеки,—имъ все хотѣлось стать побольше розъ; да развѣ въ величинѣ дѣло? Пестрѣе, нарядкѣе тюльпановъ никого не было, они отлично знали это и старались держаться возможно прямѣе, чтобы больше бросаться въ глаза. Никто изъ гордыхъ цвѣтовъ не замѣчалъ маленькой ромашки, росшей гдѣ-то у канавки. Зато ромашка часто заглядывалась на нихъ и думала: „Какіе они нарядные, красивые! Къ нимъ непремѣнно прилетитъ въ гости прелестная пѣвунья-птичка! Слава Богу, что я стою такъ близко,—увижу все, налюбуюсь вдоволь!“ Вдругъ раздалось „квиръ-квиръвитъ!“ и жаворонокъ спустился... не въ садъ къ піонамъ и тюльпанамъ, а прямехонько въ травку къ скромной ромашкѣ! Ромашка совсѣмъ растерялась отъ радости и просто не знала, что ей думать, какъ быть!

Птичка прыгала вокругъ ромашки и распѣвала: „Ахъ, какая славная, мягкая травка! Какой миленькій цвѣточекъ, въ серебряномъ платьицѣ, съ золотымъ сердечкомъ!“

Желтое сердечко ромашки и въ самомъ дѣлѣ сіяло, какъ золотое, а ослѣпительно бѣлые лепесточки отливали серебромъ.

Ромашка была такъ счастлива, такъ рада, что и сказать нельзя. Птичка поцѣловала ее, спѣла ей пѣсенку и опять взвилась къ синему небу. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка опомнилась отъ такого счастья. Радостно-застѣнчиво глянула она на пышные цвѣты,—они, вѣдь, видѣли, какое счастье выпало ей на долю, кому же и оцѣнить его, какъ не имъ! Но тюльпаны вытянулись, надулись и покраснѣли съ досады, а піоны прямо готовы были лопнуть! Хорошо, что они не умѣли говорить,—досталось бы отъ нихъ ромашкѣ! Бѣдняжка сразу поняла, что они не въ духѣ и отъ души пожалѣла объ этомъ.

Въ это время въ садикѣ показалась дѣвушка съ острымъ, блестящимъ ножемъ въ рукахъ. Она подошла прямо къ тюльпанамъ и піонамъ и принялась срѣзать ихъ одинъ за другимъ. Ромашка такъ и ахнула. „Какой ужасъ! Теперь имъ конецъ!“ Срѣзавъ цвѣты, дѣвушка ушла, а ромашка порадовалась, что росла въ густой травѣ, гдѣ ея никто не видѣлъ и не замѣчалъ. Солнышко сѣло, она свернула лепесточки и заснула, но и во снѣ все видѣла милую птичку и красное солнышко.

Утромъ цвѣточекъ опять расправилъ лепестки и протянулъ

ихъ, какъ дитя рученки, къ свѣтлому солнышку. Въ ту же минуту послышался голосъ жаворонка; птичка пѣла, но какъ грустно! Бѣдняжка попалась въ западню и сидѣла теперь въ клѣткѣ, висѣвшей у раскрытаго окна. Жаворонокъ пѣлъ о свободѣ, о воздушномъ просторѣ неба, о свѣжей зелени полей, о томъ, какъ хорошо и привольно было летать на свободѣ! Тяжело, тяжело было у бѣдной птички на сердцѣ, – она была въ плѣну!

Ромашкѣ всей душой хотѣлось помочь плѣнницѣ, но чѣмъ? И ромашка забыла и думать о томъ, какъ хорошо было вокругъ, какъ славно грѣло солнышко, какъ блестѣли ея серебряные лепесточки; ее мучила мысль, что она ничѣмъ не могла помочь бѣдной птичкѣ.

Вдругъ изъ садика вышли два мальчугана; у одного изъ нихъ въ рукахъ былъ такой же большой и острый ножъ, какъ тотъ, которымъ дѣвушка срѣзала тюльпаны. Мальчики подошли прямо къ ромашкѣ, которая никакъ не могла понять, что имъ было тутъ нужно.

— Вотъ здѣсь можно вырѣзать славный кусочекъ дерна для нашего жаворонка! – сказалъ одинъ изъ мальчиковъ и, глубоко запустивъ ножъ, началъ вырѣзать четырехугольный кусокъ дерна; ромашка очутилась какъ разъ въ серединѣ его.

— Сорвемъ цвѣточекъ!—сказалъ другой мальчикъ, и ромашка затрепетала отъ страха: если ее сорвутъ, она умретъ, а ей такъ хотѣлось жить! Теперь она могла, вѣдь, попасть къ бѣдному плѣннику!

— Нѣтъ, пусть лучше останется!—сказалъ первый изъ мальчиковъ.—Такъ красивѣе!

И ромашка попала въ клѣтку къ жаворонку.

Бѣдняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о желѣзные прутья клѣтки. А бѣдная ромашка не могла утѣшить его ни словечкомъ. А ужъ какъ ей хотѣлось! Такъ прошло все утро.

— Тутъ нѣтъ воды!—жаловался жаворонокъ.—Они забыли дать мнѣ напиться, ушли и не оставили мнѣ ни глоточка воды! У меня совсѣмъ пересохло въ горлышкѣ! Я весь горю и меня знобитъ! Ахъ, какъ мнѣ тяжело дышать! Мнѣ приходится умереть, разстаться съ краснымъ солнышкомъ, съ свѣжей зеленью, со всѣмъ Божіимъ міромъ!

Чтобы хоть сколько-нибудь освѣжиться, жаворонокъ глу-

боко вонзилъ свой клювъ въ свѣжій, прохладный дернъ, увидалъ ромашку, кивнулъ ей головой и сказалъ:

— И ты завянешь здѣсь, бѣдный цвѣтикъ! Тебя, да этотъ клочекъ зеленаго дерна—вотъ что они дали мнѣ взамѣнъ всего Божьяго міра! Каждая травинка должна быть для меня зеленымъ деревцомъ, каждый твой лепесточекъ — благоухающимъ цвѣткомъ. Увы! ты только напоминаешь мнѣ, чего я лишился!

„Ахъ чѣмъ бы мнѣ утѣшить его!“—думала ромашка, но не могла шевельнуть ни листочкомъ и только все сильнѣе и сильнѣе благоухала. Жаворонокъ замѣтилъ это и не тронулъ цвѣтка, хотя повыщипалъ отъ жажды всю травку.

Вотъ и вечеръ пришелъ, а никто такъ и не принесъ бѣдной птичкѣ воды. Тогда она распустила свои коротенькія крылышки, судорожно затрепетала ими и еще нѣсколько разъ жалобно пропищала:

— Пить! пить!

Потомъ головка ея склонилась на бокъ и сердечко разорвалось отъ тоски и муки.

Ромашка также не могла больше свернуть своихъ лепесточковъ и заснуть, какъ бывало; она была совсѣмъ больна и стояла, грустно повѣсивъ головку.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидавъ мертваго жаворонка, горько-горько заплакали, потомъ вырыли ему чудесную могилку и всю изукрасили ее цвѣтами, а самого жаворонка положили въ красивую красненькую коробочку,— его хотѣли похоронить по-царски! Бѣдная птичка! Пока она жила и пѣла, они забывали о ней, оставили ее умирать въ клѣткѣ отъ жажды, а теперь устраивали ей пышныя похороны и проливали надъ ея могилкой горькія слезы!

Дернъ съ ромашкой былъ выброшенъ на пыльную дорогу; никто и не подумалъ о цвѣточкѣ, который все-таки больше всѣхъ любилъ бѣдную птичку и всѣмъ сердцемъ желалъ ее утѣшить.

СТОЙКІЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИКЪ.

Было когда-то двадцать пять оловянныхъ салдатиковъ, родныхъ братьевъ по матери—старой оловянной ложкѣ; ружье на плечѣ, голова прямо, красный съ синимъ мундиръ—ну, прелесть

что за солдаты! Первыя слова, которыя они услышали, когда открыли ихъ домикъ-коробку были: „Ахъ, оловянные солдатики!“ Это закричалъ, хлопая въ ладоши, маленькій мальчикъ, которому подарили оловянныхъ солдатиковъ въ день его рожденія. Онъ сейчасъ же принялся разставлять ихъ на столѣ. Всѣ солдатики были совершенно одинаковы, кромѣ одного, который былъ объ одной ногѣ. Его отливали послѣднимъ, и олова немножко не хватило, но онъ стоялъ на своей одной ногѣ такъ же твердо, какъ другіе на двухъ; и онъ-то какъ разъ и оказался самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ.

На столѣ, гдѣ очутились солдатики, было много разныхъ игрушекъ, но больше всего бросался въ глаза чудесный дворецъ изъ картона. Сквозь маленькія окна можно было видѣть дворцовыя покои; передъ самымъ дворцомъ, вокругъ маленькаго зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали и любовались своимъ отраженіемъ восковые лебеди. Все это было чудо, какъ мило, но милѣе всего была барышня, стоявшая на самомъ порогѣ дворца. Она была вырѣзана изъ бумаги и одѣта въ юбочку изъ тончайшаго батиста; черезъ плечо у нея шла узенькая голубая ленточка въ видѣ шарфа, а на груди сверкала розетка величиною съ лицо самой барышни. Барышня стояла на одной ножкѣ, вытянувъ руки,—она была танцовщицей—а другую ногу подняла такъ высоко, что нашъ солдатикъ совсѣмъ не могъ видѣть ея, и подумалъ, что красавица тоже одноногая, какъ онъ.

„Вотъ бы мнѣ жена!“—подумалъ онъ.—„Только она, какъ видно, изъ знатныхъ, живетъ во дворцѣ, а у меня только и есть, что коробка, да и то въ ней насъ набито двадцать пять штукъ,—ей тамъ не мѣсто! Но познакомиться все же не мѣшаетъ“.

И онъ притаился за табакеркой, которая стояла тутъ же на столѣ; отсюда ему отлично было видно прелестную танцовщицу, которая все стояла на одной ногѣ, не теряя равновѣсія.

Поздно вечеромъ всѣхъ другихъ оловянныхъ солдатиковъ уложили въ коробку, и всѣ люди въ домѣ полегли спать. Теперь игрушки сами стали играть „въ гости“, „въ войну“ и „въ балъ“. Оловянные солдатики принялись стучать въ стѣнки коробки,—они тоже хотѣли играть, да не могли приподнять крышки. Орѣшный щелкунъ кувыркался, грифель плясалъ по

доскѣ; поднялся такой шумъ и гамъ, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да еще стихами! Не трогались съ мѣста только танцовщица и оловянный солдатикъ: она по прежнему держалась на вытянутомъ носкѣ, простирая руки впередъ, онъ бодро стоялъ подъ ружьемъ и не сводилъ съ нея глазъ.

Пробило двѣнадцать. Щелкъ!—табакерка раскрылась.

Тамъ не было табаку, а маленькій, черный бука; вотъ такъ фокусъ!

— Оловянный солдатикъ,—сказалъ бука:—нечего тебѣ заглядываться!

Оловянный солдатикъ будто и не слыхалъ.

— Ну, постой-же!—сказалъ бука.

Утромъ дѣти встали, и оловяннаго солдатика поставили на окно.

Вдругъ—по милости-ли буки или отъ сквозняка—окно распахнулось, и нашъ солдатикъ полетѣлъ головой внизъ съ третьяго этажа,—только въ ушахъ засвистѣло! Минута—и онъ уже стоялъ на мостовой кверху ногой: голова его въ каскѣ и ружье застряли между камнями мостовой.

Мальчикъ и служанка сейчасъ же выбѣжали на поиски, но сколько ни старались, найти солдатика не могли; они чуть не наступали на него ногами, и все-таки не замѣчали его. Закричи онъ имъ: „Я тутъ!“ они, конечно, сейчасъ же нашли бы его, но онъ считалъ неприличнымъ кричать на улицѣ: онъ, вѣдь, носилъ мундиръ!

Началъ накрапывать дождикъ; сильнѣе, сильнѣе, наконецъ, пошелъ настоящій ливень. Когда опять прояснилось, пришли двое уличныхъ мальчишекъ.

— Эй!—сказалъ одинъ.—Вонъ оловянный солдатикъ! Отправимъ его въ плаваніе!

И они сдѣлали изъ газетной бумаги лодочку, посадили туда оловяннаго солдатика и пустили въ канавку. Сами мальчишки бѣжали рядомъ и хлопали въ ладоши. Эхъ-ма! Вотъ такъ волны ходили по канавкѣ! Теченіе такъ и несло,—не мудрено, послѣ такого ливня!

Лодочку бросало и вертѣло во всѣ стороны, такъ что оловянный солдатикъ весь дрожалъ, но онъ держался стойко: ружье на плечѣ, голова прямо, грудь впередъ!

Лодку понесло подъ длинные мостики: стало такъ темно, точно солдатикъ опять попалъ въ коробку.

„Куда меня несетъ?“—думалъ онъ.—„Да, это все штуки гадкаго буки! Ахъ, если бы со мною въ лодкѣ сидѣла та красавица, по мнѣ будь хоть вдвое темнѣе!

Въ эту минуту изъ-подъ мостковъ выскочила большая крыса.

— Паспортъ есть?—спросила она.—Давай паспортъ!

Но оловянный солдатикъ молчалъ и крѣпко держалъ ружье. Лодку несло, а крыса бѣжала за ней въ догонку. У! какъ она скрежетала зубами и кричала плывущимъ на встрѣчу щепкамъ и соломинкамъ:

— Держи, держи его! Онъ не внесъ пошлины, не показалъ паспорта!

Но теченіе несло лодку все быстрѣе и быстрѣе, и оловянный солдатикъ уже видѣлъ впереди свѣтъ, какъ вдругъ услышалъ такой страшный шумъ, что струсилъ бы любой храбрецъ. Представьте себѣ, у конца мостика канавка впадала въ большой каналъ! Это было для солдатика такъ же страшно, какъ для насъ нестись на лодкѣ къ большому водопаду.

Но остановиться уже было нельзя. Лодка съ солдатикомъ скользнула внизъ; бѣдняга держался по прежнему въ струнку и даже глазомъ не сморгнулъ. Лодка завертѣлась... Разъ, два—наполнилась водой до краевъ и стала тонуть. Оловянный солдатикъ очутился по горло въ водѣ; дальше, больше... вода покрыла его съ головой! Тутъ онъ подумалъ о своей красавицѣ: не видать ему ея больше. Въ ушахъ у него звучало:

Впередъ стремись, о, воинъ,
И смерть спокойно встрѣть!

Бумага разорвалась, и оловянный солдатикъ пошелъ было ко дну, но въ ту же минуту его проглотила рыба.

Какая темнота! Хуже, чѣмъ подъ мостками, да еще страхъ какъ узко! Но оловянный солдатикъ держался стойко и лежалъ во всю длину, крѣпко прижимая къ себѣ ружье.

Рыба металась туда и сюда, выдѣлывала самые удивительные скачки, но вдругъ замерла, точно въ нее ударила молнія. Блеснулъ свѣтъ, и кто-то закричалъ: „Оловянный солдатикъ!“ Дѣло въ томъ, что рыбу поймали, свезли на рынокъ, потомъ она попала на кухню, и кухарка распорола ей брюхо большимъ ножомъ. Кухарка взяла оловяннаго солдатика двумя пальцами за талію и понесла въ комнату, куда сбѣжались по-

смотрѣть на замѣчательнаго путешественника всѣ домашніе. Но оловянный солдатикъ не загордился. Его поставили на столъ, и—чего, чего ни бываетъ на свѣтѣ!—онъ увидалъ себя въ той же самой комнатѣ, увидалъ тѣхъ же дѣтей, тѣ же игрушки и чудесный дворецъ съ красавицей-танцовщицей! Она попрежнему стояла на одной ножкѣ, высоко поднявъ другую. Вотъ такъ стойкость! Оловянный солдатикъ былъ тронутъ и чуть не заплакалъ оловомъ, но это было бы неприлично и онъ удержался. Онъ смотрѣлъ на нее, она на него, но они не перемолвились ни словомъ.

Вдругъ одинъ изъ мальчиковъ схватилъ оловяннаго солдатика и ни съ того, ни съ сего швырнулъ его прямо въ печку. Навѣрное это все бука подстроилъ! Оловянный солдатикъ стоялъ въ полномъ освѣщеніи. Ему было ужасно жарко, отъ огня или отъ любви—онъ и самъ не зналъ. Краски съ него совсѣмъ слѣзли, онъ весь полинялъ; кто знаетъ отчего—отъ дороги или отъ горя? Онъ смотрѣлъ на танцовщицу, она на него, и онъ чувствовалъ, что таетъ, но все еще держался стойко, съ ружьемъ на плечѣ. Вдругъ дверь въ комнатѣ распахнулась, вѣтеръ подхватилъ танцовщицу, и она, какъ сильфида, порхнула прямо въ печку къ оловянному солдатику, вспыхнула разомъ, и—конецъ! А оловянный солдатикъ растаялъ и сплавился въ комочекъ. На другой день горничная выбирала изъ печки золу и нашла его въ видѣ маленькаго оловяннаго сердечка; отъ танцовщицы же осталась одна розетка, да и та вся обгорѣла и почернѣла, какъ уголь.

ДИКІЕ ЛЕБЕДИ.

Далеко-далеко, въ той странѣ, куда улетаютъ отъ насъ на зиму ласточки, жилъ король; у него было одиннадцать сыновей и одна дочка Элиза. Одиннадцать братьевъ-принцевъ уже ходили въ школу; на груди у каждаго красовалась звѣзда, а сбоку гремѣла сабля; писали они на золотыхъ доскахъ алмазными грифелями и отлично умѣли читать,—хоть по книжкѣ, хоть наизусть—все равно. Сразу было слышно, что читаютъ настоящіе принцы! Сестрица ихъ Элиза сидѣла на скамеечкѣ изъ зеркальнаго стекла и разсматривала книжку съ картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось дѣтямъ, только не долго!

Отецъ ихъ, король той страны, женился на злой королевѣ, которая не взлюбила бѣдныхъ дѣтокъ. Имъ пришлось испытать это въ первый же день: во дворцѣ шло такое веселье, и дѣти затѣяли игру въ гости, но мачиха, вмѣсто разныхъ пирожныхъ и печеныхъ яблокъ для угощенья, дала имъ чайную чашку песку и сказала, что они могутъ представить себѣ, будто это угощеніе.

Черезъ недѣлю она отдала сестрицу Элизу на воспитаніе въ деревню, къ какимъ-то крестьянамъ, а прошло еще нѣсколько времени, и она успѣла столько насказать королю о бѣдныхъ принцахъ, что онъ не хотѣлъ больше и видѣть ихъ.

— Летите-ка по добру по здорову на всѣ четыре стороны!— сказала злая королева.—Летите большими птицами безъ голоса и промышляйте о себѣ сами! Но она не могла сдѣлать имъ такого зла, какъ бы ей хотѣлось,—они превратились въ одиннадцать прелестныхъ дикихъ лебедей, съ крикомъ вылетѣли изъ дворцовыхъ оконъ и понеслись надъ парками и лѣсами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, гдѣ спала еще крѣпкимъ сномъ ихъ сестрица Элиза. Они принялись летать надъ крышей, вытягивали свои гибкія шеи и хлопали крыльями, но никто не слышалъ и не видѣлъ ихъ; такъ имъ и пришлось улетѣть ни съ чѣмъ. Высоко-высоко взвились они къ самымъ облакамъ и полетѣли въ большой, темный лѣсъ, что тянулся до самаго моря.

Бѣдняжка Элизочка стояла въ крестьянской избѣ и играла зеленымъ листочкомъ,—другихъ игрушекъ у нея не было; она проткнула въ листкѣ дырочку, смотрѣла сквозь нее на солнышко, и ей казалось, что она видитъ ясные глаза своихъ братьевъ; когда же теплые лучи солнышка скользили по ея щечкѣ, она вспоминала ихъ нѣжные поцѣлуи.

Дни шли за днями, одинъ какъ другой. Колыхалъ-ли вѣтеръ розовые кусты, росшіе возлѣ дома, и шепталъ розамъ:— Есть-ли кто-нибудь красивѣе васъ?—розы качали головками и говорили:—Элиза красивѣе. Сидѣла-ли въ воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая псалтирь, а вѣтеръ переворачивалъ листы, говоря книгѣ:—Есть-ли кто набожнѣе тебя?—книга отвѣчала:—Элиза набожнѣе! И розы, и псалтирь говорили сущую правду.

Но вотъ, Элизѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и ее отправили

домой. Увидавъ, какая она хорошенькая, королева разгнѣвалась и возненавидѣла падчерицу. Она съ удовольствіемъ превратила бы и ее въ дикую лебедь, да нельзя было сдѣлать этого сейчасъ же, потому что король хотѣлъ видѣть свою дочь.

И вотъ, рано утромъ королева пошла въ мраморную, всю изукрашенную чудными коврами и мягкими подушками, купальню, взяла трехъ жабъ, поцѣловала каждую и сказала первой:

— Сядь Элизѣ на голову, когда она войдетъ въ купальню; пусть она станетъ такою же тупой и лѣнивой, какъ ты! А ты сядь ей на лобъ!—сказала она другой.—Пусть Элиза будетъ такой же безобразной, какъ ты, и отецъ не узнаетъ ея! Ты же лягъ ей на сердце!—шепнула королева третьей жабѣ.— Пусть она станетъ злонравной и мучится отъ этого!

Затѣмъ, она спустила жабъ въ прозрачную воду, и вода сейчасъ же вся позеленѣла. Позвавъ Элизу, королева раздѣла ее и велѣла ей войти въ воду. Элиза погрузилась, и одна жаба сѣла ей на темя, другая на лобъ, а третья на грудь; но Элиза даже не замѣтила этого и, какъ только вышла изъ воды, по водѣ поплыли три красныхъ мака. Если бы жабы не были отравлены поцѣлуемъ вѣдьмы, онѣ превратились бы, полежавъ у Элизы на головѣ и на сердцѣ, въ красныя розы; дѣвушка была такъ набожна и невинна, что колдовство никакъ не могло подѣйствовать на нее.

Увидавъ это, злая королева натерла Элизу сокомъ грецкаго орѣха, такъ что она стала совсѣмъ коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала ея чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отецъ ея испугался и сказалъ, что это не его дочь. Никто не признавалъ ея, кромѣ цѣпной собаки, да ласточекъ, но кто же бы сталъ слушать бѣдныхъ животныхъ!

Заплакала Элиза и подумала о своихъ выгнанныхъ братьяхъ, тайкомъ ушла изъ дворца и цѣлый день брела по полямъ и болотамъ, пробираясь къ лѣсу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но такъ встосковалась по своимъ братьямъ, которые тоже были изгнаны изъ родного дома, что рѣшилась искать ихъ повсюду, пока не найдетъ.

Недолго пробыла она въ лѣсу, какъ уже настала ночь, и Элиза совсѣмъ сбилась съ дороги; тогда она улеглась на мягкій мохъ, прочла молитву на сонъ грядущій и склонила головку на пень. Въ лѣсу стояла тишина, воздухъ былъ такой мягкій,

въ травѣ тамъ и сямъ мелькали, точно зеленые огоньки, сотни Ивановыхъ червячковъ, а когда Элиза задѣла рукой за какой-то кустикъ, блестящія насѣкомыя посыпались въ траву звѣзднымъ дождемъ.

Всю ночь снились Элизѣ братья: всѣ они опять были дѣтьми, играли вмѣстѣ, писали грифелями на золотыхъ доскахъ и разсматривали чудеснѣйшую книжку съ картинками, которая стоила полкоролевства. Но писали они на доскахъ не черточки и нулики, какъ бывало прежде,—нѣтъ, они описывали все, что видѣли и пережили. Картины же въ книжкѣ были живыя: птицы распѣвали, а люди выскакивали изъ листовъ и разговаривали съ Элизой и ея братьями; но стоило ей захотѣть перевернуть листъ—они впрыгивали обратно; иначе въ картинкахъ вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видѣть его за густою листвой деревьевъ, но отдѣльные лучи его пробирались между вѣтвями и бѣгали золотыми зайчиками по травѣ; отъ зелени шелъ чудный запахъ, а птички чуть не садились Элизѣ на плечи. Невдалекѣ слышалось журчаніе источника; оказалось, что тутъ бѣжало нѣсколько большихъ ручьевъ, вливавшихся въ рѣчку съ чуднымъ песчанымъ дномъ. Рѣчка была окружена живой изгородью кустовъ, но въ одномъ мѣстѣ дикіе олени проломали для себя широкій проходъ, и Элиза могла спуститься къ самой водѣ. Вода въ рѣчкѣ была чистая и прозрачная; не шевели вѣтеръ вѣтвей деревьевъ и кустовъ, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на днѣ, такъ ясно они отражались въ зеркалѣ водъ.

Увидавъ въ водѣ свое лицо, Элиза совсѣмъ перепугалась, такое оно было черное и гадкое; но вотъ, она зачерпнула горстью воды, потерла глаза и лобъ, и опять заблестѣла ея бѣлая нѣжная кожа. Тогда Элиза раздѣлась совсѣмъ и вошла въ свѣжую чистую воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по бѣлу свѣту!

Одѣвшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла къ журчащему источнику, напилась воды прямо изъ горсточки, и потомъ пошла дальше по лѣсу, сама не зная куда. Она думала о своихъ братьяхъ и надѣялась, что Богъ не покинетъ ея; это Онъ, вѣдь, повелѣлъ рости дикимъ лѣснымъ яблокамъ, чтобы напитать ими голодныхъ; Онъ же указалъ ей одну изъ

такихъ яблонь, вѣтви которой гнулись отъ тяжести плодовъ. Утоливъ голодъ, Элиза подперла вѣтви палочками и углубилась въ самую чащу лѣса. Тамъ стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждаго сухого листка, попадавшагося ей подъ ноги. Ни единой птички не залетало въ эту глушь, ни единый солнечный лучъ не проскальзывалъ сквозь сплошную чащу вѣтвей. Высокіе стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатыя стѣны; никогда еще Элиза не бывала въ такой глуши.

Ночью стало еще темнѣе; во мху не свѣтилось ни единаго свѣтлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдругъ ей показалось, что вѣтви надъ ней раздвинулись и на нее глянулъ добрыми очами Самъ Господь Богъ; маленькіе ангелочки выглядывали изъ-за его головы и изъ-подъ рукъ.

Проснувшись утромъ, она и сама не знала, было-ли то во снѣ или на яву.

Отправившись дальше, Элиза встрѣтила старушку съ корзинкой ягодъ; старушка дала дѣвушкѣ горсточку ягодъ, а Элиза спросила ее, не проѣзжали-ли тутъ, по лѣсу, одиннадцать принцевъ?

— Нѣтъ, сказала старушка:—но вчера я видѣла здѣсь на рѣкѣ одиннадцать лебедей въ золотыхъ коронахъ.

И старушка вывела Элизу къ обрыву, подъ которымъ протекала рѣка. По обѣимъ берегамъ росли деревья, простиравшія навстрѣчу другъ другу свои длинныя, густо покрытыя листьями вѣтви. Тѣ изъ деревьевъ, которымъ въ ихъ естественномъ положеніи не удавалось сплести своихъ вѣтвей съ вѣтвями ихъ братьевъ на противоположномъ берегу, такъ вытягивались надъ водой, что корни ихъ вылѣзали изъ земли, и они таки добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла къ устью рѣки, впадавшей въ открытое море.

И вотъ, передъ молодой дѣвушкой открылось чудное безбрежное море, но на всемъ водяномъ пространствѣ не виднѣлось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься въ дальнѣйшій путь. Элиза посмотрѣла на безчисленные валуны, выброшенные на берегъ моремъ: вода отшлифовала ихъ такъ, что они стали совсѣмъ гладкими и круглыми. Всѣ остальные, выброшенные моремъ предметы: стекло, желѣзо и камни—тоже носили слѣды этой шлифовки,

а, между тѣмъ, вода была мягче нѣжныхъ рукъ Элизы, и дѣвушка подумала: „Волны неустанно катятся одна за другой и, наконецъ, шлифуютъ самые твердые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вамъ за науку, свѣтлыя, быстрыя волны! Сердце говоритъ мнѣ, что когда-нибудь вы отнесете меня къ моимъ милымъ братьямъ!“

На выброшенныхъ моремъ сухихъ водоросляхъ лежали одиннадцать бѣлыхъ лебединыхъ перьевъ; Элиза собрала и связала ихъ въ пучекъ; на перьяхъ еще блестѣли капли— росы или слезъ, кто знаетъ? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вѣчное разнообразіе; въ нѣсколько часовъ тутъ можно было насмотрѣться больше, чѣмъ въ цѣлый годъ гдѣ-нибудь на берегахъ прѣсныхъ внутреннихъ озеръ. Если на небо надвигалась большая черная туча, и вѣтеръ крѣпчалъ, море какъ будто говорило: „Я тоже могу почернѣть!“—начинало бурлить, волноваться и „выворачивать бѣлки.“ Если же облака были розоватаго цвѣта, а вѣтеръ спалъ, и море было похоже на лепестокъ розы; иногда становилось оно зеленымъ, иногда бѣлымъ; но какая бы тишь ни стояла въ воздухѣ, и какъ бы спокойно ни было самое море, у берега постоянно было замѣтно легкое волненіе,—вода тихо вздымалась, словно грудь спящаго ребенка.

Когда солнце было близко къ закату, Элиза увидала вереницу летѣвшихъ къ берегу дикихъ лебедей въ золотыхъ коронахъ; всѣхъ лебедей было одиннадцать, и летѣли они одинъ за другимъ, вытянувшись длинною бѣлою лентой. Элиза взобралась на верхъ обрыва и спряталась за кустикъ. Лебеди спустились недалеко отъ нея и захлопали своими большими бѣлыми крыльями.

Въ ту же самую минуту, какъ солнце скрылось подъ водой, опереніе съ лебедей вокругъ спало, и на землѣ очутились одиннадцать красавцевъ-принцевъ, Элизиныхъ братьевъ! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала ихъ, несмотря на то, что они успѣли сильно измѣниться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась въ ихъ объятія, называла ихъ всѣхъ по именамъ, а они-то какъ обрадовались, увидавъ и узнавъ свою сестрицу, которая такъ выросла и похорошѣла. Элиза и ея братья смѣялись и плакали, и скоро узнали другъ отъ друга, какъ дурно поступила съ ними мачиха.

— Мы, братья,—сказалъ самый старшій:—летаемъ въ видѣ

дикихъ лебедей весь день, отъ восхода до самаго заката солнечнаго; когда же солнце заходитъ, мы опять принимаемъ человѣческій образъ. Поэтому ко времени захода солнца, мы всегда должны имѣть подъ ногами твердую землю: случись намъ превратиться въ людей во время нашего полета подъ облаками, мы тотчасъ же упали бы съ такой страшной высоты. Живемъ же мы не тутъ; далеко-далеко за моремъ лежитъ такая-же чудная страна, какъ эта, но дорога туда длинна, приходится перелетѣть черезъ все море, а по пути нѣтъ ни единаго острова, гдѣ бы мы могли провести ночь. Только по самой серединѣ моря торчитъ небольшой одинокій утесъ, на которомъ мы коекакъ и можемъ отдохнуть, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Если море бушуетъ, брызги воды перелетаютъ даже черезъ наши головы, но мы благодаримъ Бога и за такое пристанище: не будь его, намъ вовсе не удалось бы навѣстить нашей милой родины—и теперь-то для этого перелета намъ приходится выбирать два изъ самыхъ длинныхъ дней въ году. Лишь разъ въ годъ позволено намъ прилетать на родину; мы можемъ оставаться здѣсь одиннадцать дней и летать надъ этимъ большимъ лѣсомъ, откуда намъ видно дворецъ, гдѣ мы родились и гдѣ живетъ нашъ отецъ, и колокольню церкви, гдѣ покоится наша мать. Тутъ даже кусты и деревья кажутся намъ родными; тутъ по равнинамъ попрежнему бѣгаютъ дикія лошади, которыхъ мы видѣли въ дни нашего дѣтства, а угольщики попрежнему поютъ тѣ пѣсни, подъ которыя мы плясали дѣтьми. Тутъ наша родина, сюда тянетъ насъ всѣмъ сердцемъ, и здѣсь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня еще можемъ мы пробыть здѣсь, а затѣмъ должны улетѣть за море въ чудную, но не родную намъ страну! Какъ же намъ взять тебя съ собою? У насъ нѣтъ ни корабля, ни лодки!

— Какъ бы мнѣ освободить васъ отъ чаръ?—спросила братьевъ сестра.

Такъ они проговорили почти всю ночь и задремали только на нѣсколько часовъ.

Элиза проснулась отъ шума лебединыхъ крылъ. Братья опять стали птицами и летали въ воздухѣ большими кругами, а потомъ и совсѣмъ скрылись изъ виду. Съ Элизой остался только самый младшій изъ братьевъ; лебедь положилъ свою голову ей на колѣни, а она гладила и перебирала его перышки. Цѣлый день провели они вдвоемъ, къ вечеру же прилетѣли и остальные,

и, когда солнце сѣло, всѣ вновь приняли человѣческій образъ.

— Завтра мы должны улетѣть отсюда и не смѣемъ вернуться раньше будущаго года, но тебя мы не покинемъ здѣсь! Хватитъ-ли у тебя мужества улетѣть съ нами? Моя рука довольно сильна, чтобы пронести тебя черезъ лѣсъ—неужели же всѣ наши крылья не смогутъ перенести тебя черезъ море?

— Да, возьмите меня съ собой!—сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньемъ сѣтки изъ гибкой ивовой коры и тростника; сѣтка вышла большая и прочная; въ нее положили Элизу; превратившись на восходѣ солнца въ лебедей, братья схватили сѣтку клювами и взвились съ милой, спавшей еще сладкимъ сномъ, сестрицей къ облакамъ. Лучи солнца свѣтили ей прямо въ лицо, поэтому одинъ изъ лебедей полетѣлъ надъ ея головой, защищая ее отъ солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко отъ земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видитъ сонъ на яву, такъ странно было ей летѣть по воздуху. Возлѣ нея лежала вѣтка съ чудесными спѣлыми ягодами и пучекъ вкусныхъ кореньевъ; ихъ набралъ и положилъ къ ней самый младшій изъ братьевъ, и она благодарно улыбнулась ему,—она догадалась, что это онъ летѣлъ надъ ней и защищалъ ее отъ солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летѣли они, такъ что первый корабль, который они увидѣли въ морѣ, показался имъ плавающею по водѣ чайкой. Въ небѣ позади ихъ стояло большое облако—настоящая гора!—и на немъ Элиза увидала движущіяся исполинскія тѣни одиннадцати лебедей и свою собственную. Вотъ была картина, какихъ ей еще не приходилось видѣть! Но по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось выше, и облако оставалось все дальше и дальше позади, воздушныя тѣневыя картины мало-по-малу исчезли.

Цѣлый день летѣли лебеди, какъ пущенная изъ лука стрѣла, но все-таки медленнѣе обыкновеннаго; теперь, вѣдь, они несли сестру. День сталъ клониться къ вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхомъ слѣдила за тѣмъ, какъ опускалось солнце,—одинокаго морского утеса все еще не было видно. Вотъ ей показалось, что лебеди какъ-то усиленно машутъ крыльями. Ахъ, это она была виной того, что они не могли летѣть быстрѣе! Зайдетъ солнце, они станутъ людьми, упадутъ въ море и утонутъ! И она отъ всего сердца стала молиться Богу, но

утесъ все не показывался. Черная туча приближалась, сильные порывы вѣтра предвѣщали бурю, облака собрались въ сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молнія сверкала за молніей.

Однимъ своимъ краемъ солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдругъ полетѣли внизъ съ неимовѣрною быстротой, и дѣвушка подумала уже, что всѣ они падаютъ; но нѣтъ, они опять продолжали летѣть. Солнце наполовину скрылось подъ водой, и тогда только Элиза увидала подъ собой утесъ, величиною не больше тюленя, высунувшаго изъ воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звѣздочкой; но вотъ, лебеди ступили ногой на твердую почву, и солнце погасло, какъ послѣдняя искра догорѣвшей бумаги. Элиза увидѣла вокругъ себя братьевъ, стоявшихъ рука объ руку; всѣ они едва умѣщались на крошечномъ утесѣ; море бѣшено билось объ него и окатывало ихъ цѣлымъ дождемъ брызгъ; небо пылало отъ молній, и ежеминутно грохоталъ громъ, но сестра и братья держались за руки и пѣли псаломъ, вливавшій въ ихъ сердца утѣшеніе и мужество.

На зарѣ буря улеглась, въ воздухѣ опять стало ясно и тихо; съ восходомъ солнца лебеди съ Элизой полетѣли дальше. Море еще волновалось, и они видѣли съ высоты, какъ плыла по темно-зеленой водѣ, точно милліоны лебедей, бѣлая пѣна.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидала передъ собой какъ бы плавающую въ воздухѣ гористую страну съ массами блестящаго льда на скалахъ; между скалами возвышался необозримый замокъ, обвитый какими-то смѣлыми воздушными галлереями изъ колоннъ; внизу подъ нимъ качались пальмовые лѣса и роскошные цвѣты, величиною съ мельничныя колеса. Элиза спросила, не это-ли та страна, куда они летятъ, но лебеди покачали головами: она видѣла передъ собой чудный, вѣчно измѣняющійся облачный замокъ Фаты-Морганы *); туда они не смѣли принести ни единой человѣческой души. Элиза опять устремила свой взоръ на замокъ, и вотъ, горы, лѣса и замокъ сдвинулись вмѣстѣ, и изъ нихъ образовались двадцат одинаковыхъ величественныхъ церквей съ колокольнями и остроконечными окнами. Ей показалось даже, что она слышитъ звуки

*) Фата-Моргана—фея, олицетворяющая собою миражъ, марево. *Прим. пер.*

органа, но это шумѣло море. Теперь церкви были совсѣмъ близко, но вдругъ превратились въ цѣлую флотилію кораблей; Элиза вглядѣлась пристальнѣе и увидѣла, что это просто морской туманъ, подымавшійся надъ водой. Да, передъ глазами у нея были вѣчно смѣняющіеся воздушные образы и картины! Но вотъ, наконецъ, показалась и настоящая земля, куда они летѣли. Тамъ возвышались чудныя горы, кедровые лѣса, города и замки. Задолго до захода солнца, Элиза сидѣла на скалѣ передъ большою пещерой, точно обвѣшанной вышитыми зелеными коврами,—такъ обросла она нѣжно-зелеными ползучими растеніями.

— Посмотримъ, что приснится тебѣ тутъ ночью!—сказалъ младшій изъ братьевъ и указалъ сестрѣ ея спальню.

— Ахъ, если бы мнѣ приснилось, какъ освободить васъ отъ чаръ!—сказала она, и эта мысль такъ и не выходила у нея изъ головы.

Элиза стала усердно молиться Богу и продолжала свою молитву даже во снѣ. И вотъ, ей пригрезилось, что она летитъ высоко-высоко, по воздуху, къ замку Фаты-Морганы, и что фея сама выходитъ къ ней на встрѣчу, такая свѣтлая и прекрасная, но въ то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизѣ въ лѣсу ягодъ и разсказала о лебедяхъ въ золотыхъ коронахъ.

— Твоихъ братьевъ можно спасти,—сказала она:—но хватитъ-ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоихъ нѣжныхъ рукъ и все-таки шлифуетъ камни, но она не ощущаетъ боли, которую будутъ ощущать твои пальцы; у воды нѣтъ сердца, которое бы стало изнывать отъ страха и муки, какъ твое. Видишь, у меня въ рукахъ крапива? Такая крапива растетъ здѣсь возлѣ пещеры, и только она, да еще та крапива, что растетъ на кладбищахъ, можетъ тебѣ пригодиться; замѣть же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя руки твои покроются волдырями отъ обжоговъ; потомъ разомнешь ее ногами, ссучишь изъ полученнаго льна длинныя нити, затѣмъ сплетешь изъ нихъ одиннадцать рубашекъ-панцырей съ длинными рукавами и набросишь ихъ на лебедей; тогда колдовство исчезнетъ. Но помни, что съ той минуты, какъ ты начнешь свою работу и до тѣхъ поръ, пока не окончишь ея, хотя бы она длилась цѣлые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя съ языка, пронзитъ

сердца твоихъ братьевъ, какъ кинжаломъ. Ихъ жизнь и смерть будутъ въ твоихъ рукахъ! Помни же все это!

И фея коснулась ея руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, какъ отъ обжога, и проснулась. Былъ уже свѣтлый день, и рядомъ съ ней лежалъ пучекъ крапивы, точь-въ-точь какъ та, которую она видѣла сейчасъ во снѣ. Тогда она упала на колѣни, поблагодарила Бога и вышла изъ пещеры, чтобы сейчасъ же приняться за работу.

Своими нѣжными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ея покрывались крупными волдырями, но она съ радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милыхъ братьевъ! Потомъ она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зеленый ленъ.

Съ заходомъ солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала нѣмой. Они думали, что это новое колдовство ихъ злой мачихи, но взглянувъ на ея руки, поняли, что она стала нѣмой ради ихъ спасенія. Самый младшій изъ братьевъ заплакалъ; слезы его падали ей на руки, и тамъ, гдѣ упадетъ слезинка, исчезали и жгучіе волдыри, утихала и боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдыхъ не шелъ ей на умъ; она думала только о томъ, какъ бы поскорѣе освободить своихъ милыхъ братьевъ. Весь слѣдующій день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не летѣло для нея съ такой быстротой. Одна рубашка-панцырь была готова, и дѣвушка принялась за слѣдующую.

Вдругъ въ горахъ послышались звуки охотничьихъ роговъ; Элиза испугалась; звуки все приближались, затѣмъ раздался лай собакъ. Дѣвушка скрылась въ пещеру, связала всю собранную ею крапиву въ пучекъ и сѣла на него.

Въ ту же минуту изъ-за кустовъ выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; онѣ громко лаяли и бѣгали взадъ и впередъ. Чрезъ нѣсколько минутъ у пещеры собрались всѣ охотники; самый красивый изъ нихъ былъ король той страны; онъ подошелъ къ Элизѣ,—никогда еще не встрѣчалъ онъ такой красавицы!

— Какъ ты попала сюда, прелестное дитя?—спросилъ онъ, но Элиза только покачала головой; она, вѣдь, не смѣла говорить: отъ ея молчанія зависѣла жизнь и спасеніе ея братьевъ.

Руки свои Элиза спрятала подъ передникъ, чтобы король не увидалъ, какъ она страдаетъ.

— Пойдемъ со мной!—сказалъ онъ.—Здѣсь тебѣ нельзя оставаться! Если ты такъ же добра, какъ хороша, я наряжу тебя въ шелкъ и бархатъ, надѣну тебѣ на голову золотую корону, и ты будешь жить въ моемъ великолѣпномъ дворцѣ!—И онъ посадилъ ее на сѣдло передъ собой; Элиза плакала и ломала себѣ руки, но король сказалъ:—Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня!

И повезъ ее черезъ горы, а охотники скакали слѣдомъ.

Къ вечеру передъ ними показалась великолѣпная столица короля, съ церквами и куполами, и король привелъ Элизу въ свой дворецъ, гдѣ въ высокихъ мраморныхъ покояхъ журчали фонтаны, а стѣны и потолки были изукрашены живописью. Но Элиза не смотрѣла ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она въ распоряженіе прислужницъ, и тѣ надѣли на нее королевскія одежды, вплели ей въ волосы жемчужныя нити и натянули на обожженные пальцы тонкія перчатки.

Богатые уборы такъ шли къ ней, она была въ нихъ такъ ослѣпительно хороша, что весь дворъ преклонился передъ ней еще ниже, а король провозгласилъ ее своей невѣстой, хотя архіепископъ и покачивалъ головой, нашептывая королю, что лѣсная красавица, должно быть, вѣдьма, что она отвела имъ всѣмъ глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не сталъ его слушать, подалъ знакъ музыкантамъ, велѣлъ вызвать прелестнѣйшихъ танцовщицъ и подавать на столъ дорогія блюда, а самъ повелъ Элизу черезъ благоухающіе сады въ великолѣпные покои, она же оставалась попрежнему грустною и печальною. Но вотъ король открылъ дверцу въ маленькую комнатку, находившуюся какъ разъ возлѣ ея спальни. Комнатка вся была увѣшана зелеными коврами и напоминала лѣсную пещеру, гдѣ нашли Элизу; на полу лежала связка крапивнаго льна, а на потолкѣ висѣла сплетенная Элизой рубашка-панцырь; все это, какъ диковинку, захватилъ съ собой изъ лѣса одинъ изъ охотниковъ.

— Вотъ тутъ ты можешь вспоминать свое прежнее жилище!—сказалъ король.—Тутъ и работа твоя; можетъ быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься, среди всей окружающей тебя пышности, воспоминаніями о прошломъ!

Увидавъ дорогую ея сердцу работу, Элиза улыбнулась и

покраснѣла; она подумала о спасеніи братьевъ и поцѣловала у короля руку, а онъ прижалъ ее къ сердцу и велѣлъ звонить въ колокола по случаю своей свадьбы. Нѣмая лѣсная красавица стала королевой.

Архіепископъ продолжалъ нашептывать королю злыя рѣчи, но онѣ не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архіепископъ самъ долженъ былъ надѣть на невѣсту корону; съ досады онъ такъ плотно надвинулъ ей на лобъ узкій золотой обручъ, что всякому стало бы больно, но она даже не обратила на это вниманія: что значила для нея тѣлесная боль, если сердце ея изнывало отъ тоски и жалости къ милымъ братьямъ! Губы ея попрежнему были сжаты, ни единаго слова не вылетало изъ нихъ, — она знала, что отъ ея молчанія зависитъ жизнь братьевъ — зато въ глазахъ свѣтилась горячая любовь къ доброму, красивому королю, который дѣлалъ все, чтобы только порадовать ее. Съ каждымъ днемъ она привязывалась къ нему все больше и больше. О! если бы она могла довѣриться ему, высказать ему свои страданія, но увы! она должна была молчать, пока не окончитъ своей работы. По ночамъ она тихонько уходила изъ королевской спальни въ свою потаенную комнатку, похожую на пещеру, и плела тамъ одну рубашку-панцырь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у нея вышелъ весь ленъ.

Она знала, что можетъ найти такую крапиву на кладбищѣ, но, вѣдь, она должна была рвать ее сама; какъ же быть?

„О, что значитъ тѣлесная боль въ сравненіи съ печалью, терзающею мое сердце!“ — думала Элиза. — „Я должна рѣшиться! Господь не оставитъ меня!“

Сердце ея сжималось отъ страха, точно она шла на дурное дѣло, когда пробиралась лунною ночью въ садъ, а оттуда по длиннымъ аллеямъ и пустыннымъ улицамъ на кладбище. На широкихъ могильныхъ плитахъ сидѣли отвратительныя вѣдьмы; онѣ сбросили съ себя лохмотья, точно собирались купаться, разрывали своими костлявыми пальцами свѣжія могилы, вытаскивали оттуда тѣла и пожирали ихъ. Элизѣ пришлось пройти мимо нихъ, и онѣ такъ и таращили на нее свои злые глаза, но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась домой.

Лишь одинъ человѣкъ не спалъ въ ту ночь и видѣлъ ее — архіепископъ; теперь онъ убѣдился, что былъ правъ, подозрѣ-

вая королеву; и такъ, она была вѣдьмой и потому съумѣла околдовать короля и весь народъ.

Когда король пришелъ къ нему въ исповѣдальню, архіепископъ разсказалъ ему о томъ, что видѣлъ и что подозрѣвалъ; злые слова такъ и сыпались у него съ языка, а рѣзныя изображенія святыхъ качали головами, точно хотѣли сказать: „Неправда, Элиза невинна!“ Но архіепископъ перетолковалъ это по своему, говоря, что и святые свидѣтельствуютъ противъ нея, неодобрительно качая головами. Двѣ крупныя слезы покатились по щекамъ короля, сомнѣніе и отчаяніе овладѣли его сердцемъ. Ночью онъ только притворился, что спитъ, на самомъ же дѣлѣ сонъ бѣжалъ у него съ глазъ. И вотъ, онъ увидѣлъ, что Элиза встала и скрылась изъ спальни; въ слѣдующія ночи повторилось то же самое; онъ слѣдилъ за нею и видѣлъ, какъ она исчезала въ своей потаенной комнаткѣ.

Чело короля становилось все мрачнѣе и мрачнѣе; Элиза замѣчала это, но не понимала причины; сердце ея ныло отъ страха и отъ жалости къ братьямъ; на королевскій пурпуръ катились горькія слезы, блестѣвшія, какъ алмазы, а люди, видѣвшіе ея богатые уборы, желали быть на мѣстѣ королевы! Но скоро-скоро конецъ ея работѣ; недоставало всего одной рубашки, и тутъ у Элизы опять не хватило льна. Еще разъ, послѣдній разъ нужно было сходить на кладбище и нарвать нѣсколько горстей крапивы. Она съ ужасомъ подумала о пустынномъ кладбищѣ и о страшныхъ вѣдьмахъ; но рѣшимость ея спасти братьевъ была непоколебима, какъ и вѣра въ Бога.

Элиза отправилась, но король съ архіепископомъ слѣдили за ней и увидали, какъ она скрылась за кладбищенскою оградой; подойдя поближе, они увидѣли сидѣвшихъ на могильныхъ плитахъ вѣдьмъ, и король повернулъ назадъ: между этими вѣдьмами находилась, вѣдь, и та, чья голова только что покоилась на его груди!

— Пусть судитъ ее народъ!—сказалъ онъ.

И народъ присудилъ—сжечь королеву на кострѣ.

Изъ великолѣпныхъ королевскихъ покоевъ Элизу перевели въ мрачное сырое подземелье, съ желѣзными рѣшетками на окнахъ, въ которыя со свистомъ врывался вѣтеръ. Вмѣсто бархата и шелка дали бѣдняжкѣ связку набранной ею на кладбищѣ крапивы; эта жгучая связка должна была служить Элизѣ изголовьемъ, а сплетенныя ею жесткія рубашки-панцыри—

постелью и коврами; но дороже всего этого ей ничего и не могли дать, и она съ молитвой на устахъ вновь принялась за свою работу. Съ улицы доносились до Элизы оскорбительныя пѣсни насмѣхавшихся надъ нею уличныхъ мальчишекъ; ни одна живая душа не обратилась къ ней со словомъ утѣшенія и сочувствія.

Вечеромъ у рѣшетки раздался шумъ лебединыхъ крылъ,— это отыскалъ сестру самый младшій изъ братьевъ, и она громко зарыдала отъ радости, хотя и знала, что ей оставалось жить всего одну ночь; зато работа ея подходила къ концу, и братья были тутъ!

Архіепископъ пришелъ провести съ нею ея послѣднія часы,— такъ обѣщалъ онъ королю—но она покачала головой и взоромъ и знаками попросила его уйти; въ эту ночь ей, вѣдь, нужно было кончить свою работу, иначе пропали бы задаромъ всѣ ея страданія, слезы и безсонныя ночи! Архіепископъ ушелъ, поносяя ее бранными словами, но бѣдняжка Элиза знала свою невинность и продолжала работать.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшія по полу, стали собирать и приносить къ ея ногамъ разбросанные стебли крапивы, а дроздъ, сидѣвшій за рѣшетчатымъ окномъ, утѣшалъ ее своею веселою пѣсенкой.

На зарѣ, незадолго до восхода солнца, у дворцовыхъ воротъ появились одиннадцать братьевъ Элизы и потребовали, чтобы ихъ впустили къ королю. Имъ отвѣчали, что этого никакъ нельзя: король еще спалъ и никто не смѣлъ его безпокоить. Они продолжали просить, потомъ стали угрожать; явилась стража, а затѣмъ и самъ король—узнать въ чемъ дѣло. Но въ эту минуту взошло солнце, и никакихъ братьевъ больше не было,—надъ дворцомъ взвились одиннадцать дикихъ лебедей.

Народъ валомъ повалилъ за городъ посмотрѣть, какъ будутъ жечь вѣдьму. Жалкая кляча везла телѣгу, въ которой сидѣла Элиза; на нее накинули плащъ изъ грубаго мѣшочнаго холста; ея чудные, длинные волосы были распущены по плечамъ, въ лицѣ не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зеленый ленъ. Даже по дорогѣ къ мѣсту казни не выпускала она изъ рукъ начатой работы; десять рубашекъ-панцырей лежали у ея ногъ совсѣмъ готовыя, одиннадцатую она плела. Чернь глумилась надъ нею.

— Посмотрите на вѣдьму! Ишь, бормочетъ! Небось, не

молитвенникъ у нея въ рукахъ—нѣтъ, все возится съ своими колдовскими штуками! Вырвемъ-ка ихъ у нея, да разорвемъ въ клочки.

И они тѣснились вокругъ нея, собираясь вырвать изъ ея рукъ работу, какъ вдругъ прилетѣли одиннадцать бѣлыхъ лебедей, сѣли вокругъ нея по краямъ телѣги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганная чернь отступила.

— Это знаменіе небесное! Она невинна!—шептали многіе, но не смѣли сказать этого вслухъ.

Палачъ схватилъ Элизу за руку, но она поспѣшно набросила на лебедей одиннадцать рубашекъ, и—передъ ней стояли одиннадцать красавцевъ-принцевъ, только у самаго младшаго не хватало одной руки; вмѣсто нея было лебединое крыло: Элиза не успѣла докончить послѣдней рубашки, и въ ней недоставало одного рукава.

— Теперь я могу говорить!—сказала она.—Я невинна!

И народъ, видѣвшій все, что произошло, преклонился передъ ней, какъ передъ святой, но она безъ чувствъ упала въ объятія братьевъ, такъ подѣйствовали на нее неустанное напряженіе силъ, страхъ и боль.

— Да, она невинна!—сказалъ самый старшій братъ и разсказалъ все, какъ было, и пока онъ говорилъ, въ воздухѣ распространилось благоуханіе, точно отъ милліоновъ розъ: это каждое полѣно въ кострѣ пустило корни и ростки, и образовался высокій благоухающій кустъ, покрытый красными розами. На самой же верхушкѣ куста блестѣлъ, какъ звѣзда, ослѣпительно-бѣлый цвѣтокъ. Король сорвалъ его, положилъ на грудь Элизы, и она пришла въ себя на радость и на счастье!

Всѣ церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетѣлись цѣлыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествіе, какого не видалъ еще ни одинъ король!

РАЙСКІЙ САДЪ.

Жилъ-былъ принцъ; ни у кого не было столько хорошихъ книгъ, какъ у него; онъ могъ прочесть въ нихъ обо всемъ на свѣтѣ, обо всѣхъ странахъ и народахъ, и все было изображено въ нихъ на чудесныхъ картинкахъ. Объ одномъ только не было сказано ни слова, о томъ, гдѣ находится Райскій садъ, а вотъ это-то какъ разъ больше всего и интересовало принца.

Когда онъ былъ еще ребенкомъ и только что принимался за азбуку, бабушка разсказывала ему, что каждый цвѣтокъ въ Райскомъ саду—сладкое пирожное, а тычинки налиты тончайшимъ виномъ; въ однихъ цвѣтахъ лежитъ исторія, въ другихъ—географія или таблица умноженія; стоило съѣсть такой цвѣтокъ-пирожное—и урокъ выучивался самъ собой. Чѣмъ больше, значитъ, кто-нибудь ѣлъ пирожныхъ, тѣмъ больше узнавалъ изъ исторіи, географіи и ариѳметики!

Въ то время принцъ еще вѣрилъ всѣмъ такимъ разсказамъ, но по мѣрѣ того, какъ подросталъ, учился и дѣлался умнѣе, сталъ понимать, что въ Райскомъ саду должны быть какія-нибудь другія прелести.

— Ахъ, зачѣмъ Ева послушалась змія! Зачѣмъ Адамъ вкусилъ запрещеннаго плода! Будь на ихъ мѣстѣ я, никогда бы этого не случилось, никогда бы грѣхъ не проникъ въ міръ!

Такъ говорилъ онъ не разъ и повторялъ то же самое теперь, когда ему было уже семнадцать лѣтъ; Райскій садъ наполнялъ всѣ его мысли.

Разъ пошелъ онъ въ лѣсъ одинъ-одинешенекъ,—онъ очень любилъ гулять одинъ; дѣло было къ вечеру; набѣжали облака и полилъ такой дождь, точно небо было одною сплошною плотиной, которую вдругъ прорвало и изъ которой заразъ хлынула вся вода; настала такая тьма, какая бываетъ развѣ только ночью на днѣ самаго глубокаго колодца. Принцъ то скользилъ по мокрой травѣ, то спотыкался о голые камни, торчавшіе изъ скалистой почвы; вода лила съ него ручьями; на немъ не оставалось сухой нитки. То и дѣло приходилось ему перебираться черезъ огромныя каменныя глыбы, обросшія мхомъ, изъ котораго сочилась вода. Онъ уже готовъ былъ упасть отъ усталости, какъ вдругъ услыхалъ какой-то странный свистъ и увидѣлъ передъ собой большую освѣщенную пещеру. Посреди пещеры былъ разведенъ огонь, надъ которымъ можно было бы изжарить цѣлаго оленя; да такъ оно и было: на вертелѣ, укрѣпленномъ между двумя срубленными соснами, жарился чудный олень съ большими вѣтвистыми рогами. У костра сидѣла пожилая женщина, такая сильная и высокая, словно это былъ переодѣтый мущина, и подбрасывала въ огонь одно полѣно за другимъ.

— Ну, подходи!—сказала она.—Присядь къ огню, да обсушись!

— Здѣсь ужасный сквознякъ! —сказалъ принцъ, подсѣвъ къ костру.

— Ужо, какъ вернутся мои сыновья, еще хуже будетъ!— отвѣчала женщина.—Ты, вѣдь, въ пещерѣ вѣтровъ; мои четверо сыновей—вѣтры. Понимаешь?

— А гдѣ твои сыновья?

— На глупые вопросы не легко отвѣчать!—сказала женщина.—Мои сыновья не на помочахъ ходятъ! Играютъ, вѣрно, въ лапту облаками, тамъ, въ большой залѣ!

И она указала пальцемъ на небо.

— Вотъ какъ!—сказалъ принцъ.—Вы выражаетесь нѣсколько рѣзко, не такъ, какъ женщины изъ нашего круга, къ которымъ я привыкъ.

— Да тѣмъ, вѣрно, и дѣлать-то больше нечего! А мнѣ приходится быть рѣзкой и суровой, если хочу держать въ повиновенiи моихъ сыновей! Да я таки и держу ихъ въ рукахъ, даромъ что они у меня упрямыя головы! Видишь, вонъ тѣ четыре мѣшка, что висятъ на стѣнѣ? Сыновья мои боятся ихъ такъ же, какъ ты, бывало, боялся пучка розогъ, заткнутаго за зеркало! Я гну ихъ въ три погибели и сажаю въ мѣшокъ, безъ всякихъ церемонiй! Они и сидятъ тамъ, пока я не смилуюсь! Но вотъ, одинъ ужъ пожаловалъ!

Это былъ Сѣверный вѣтеръ. Онъ внесъ съ собой въ пещеру леденящiй холодъ; поднялась мятель, и по землѣ запрыгалъ градъ. Одѣтъ онъ былъ въ медвѣжьи шаровары и куртку; на уши спускалась шапка изъ тюленьей шкуры; на бородѣ висѣли ледяные сосульки, а съ воротника куртки скатывались градины.

— Не подходите сразу къ огню!—сказалъ принцъ.—Вы отморозите себѣ лицо и руки!

— Отморожу! —сказалъ Сѣверный вѣтеръ и громко захохоталъ.—Отморожу! Да лучше мороза по мнѣ нѣтъ ничего въ свѣтѣ! А ты, что за кислятина? Какъ ты попалъ въ пещеру вѣтровъ?

— Онъ мой гость!—сказала старуха.—А если тебѣ этого объясненiя мало, можешь отправляться въ мѣшокъ! Понимаешь?

Угроза подѣйствовала, и Сѣверный вѣтеръ разсказалъ, откуда онъ явился и гдѣ пробылъ почти цѣлый мѣсяцъ.

— Я прямо съ Ледовитаго океана!—сказалъ онъ.—Былъ на Медвѣжьемъ островѣ, охотился на моржей съ русскими промышленниками. Я сидѣлъ и спалъ на рулѣ, когда они отплывали съ

Нордкапа; просыпаясь время отъ времени, я видѣлъ, какъ подъ ногами у меня шныряли буревѣстники. Презабавная птица! Ударитъ разъ крыльями, а потомъ распластаетъ ихъ, да такъ и держится на нихъ въ воздухѣ долго-долго!..

— Нельзя-ли покороче!—сказала мать.—Ты былъ на Медвѣжьемъ островѣ?

— Да. Тамъ чудесно! Вотъ такъ полъ для пляски! Ровный, гладкій, какъ тарелка! Повсюду рыхлый снѣгъ пополамъ съ мохомъ, острые камни, да остовы моржей и бѣлыхъ медвѣдей, покрытые зеленой плѣсенью,—ну, словно кости великановъ! Солнце, право, туда никогда, кажется, и не заглядывало. Я слегка подулъ и разогналъ туманъ, чтобы разсмотрѣть какой-то сарай; оказалось, что это было жилье, построенное изъ корабельныхъ обломковъ и покрытое моржовыми шкурами, вывернутыми наизнанку; на крышѣ сидѣлъ бѣлый медвѣдь и ворчалъ. Потомъ я пошелъ на берегъ, видѣлъ тамъ птичьи гнѣзда, а въ нихъ голыхъ птенцовъ; они пищали и разѣвали рты; я взялъ, да и дунулъ въ эти безчисленныя глотки,—небось, живо отъучились смотрѣть, разинувъ ротъ! У самаго моря валялись, будто живыя кишки или исполинскіе черви, съ свиными головами и аршинными клыками, моржи!

— Славно разсказываешь, сынокъ!—сказала мать.—Просто слюнки текутъ, какъ послушаешь!

— Ну, а потомъ началась ловля! Какъ всадятъ гарпунъ моржу въ грудь, такъ кровь и брызнетъ фонтаномъ на ледъ! Тогда и я задумалъ себя потѣшить, завелъ свою музыку и велѣлъ моимъ кораблямъ — ледянымъ горамъ — сдавить лодки промышленниковъ. У! Вотъ пошелъ свистъ и крикъ, да меня не пересвистишь! Пришлось имъ выбрасывать убитыхъ моржей, ящики и снасти на льдины! А я вытряхнулъ на нихъ цѣлый ворохъ снѣжныхъ хлопьевъ и погналъ ихъ стиснутые льдами суда къ югу—пусть похлебаютъ солененькой водицы! Не вернуться имъ на Медвѣжій островъ!

— Такъ ты порядкомъ набѣдокурилъ!—сказала мать.

— О добрыхъ дѣлахъ моихъ пусть разскажутъ другіе!—сказалъ онъ.—А вотъ и братъ мой съ запада! Его я люблю больше всѣхъ: онъ отзывается моремъ и дышетъ благодатнымъ холодкомъ.

— Такъ это маленькій зефиръ?—спросилъ принцъ.

— Зефиръ-то зефиръ, только не изъ маленькихъ!—сказала

старуха.—Въ старину и онъ былъ красивымъ мальчуганомъ, ну а теперь не то!

Западный вѣтеръ смотрѣлъ дикаремъ; на немъ была мягкая, толстая, предохраняющая голову отъ ударовъ и ушибовъ шапка, а въ рукахъ палица изъ краснаго дерева, срубленнаго въ американскихъ лѣсахъ,—вонъ какъ!

— Гдѣ былъ?—спросила его мать.

— Въ дѣвственныхъ лѣсахъ, гдѣ между деревьями повисли цѣлые изгороди изъ колючихъ ліанъ, а во влажной травѣ лежатъ огромныя ядовитыя змѣи, и гдѣ, кажется, нѣтъ никакой надобности въ человѣкѣ!—отвѣчалъ онъ.

— Что-жъ ты тамъ дѣлалъ?

— Смотрѣлъ, какъ низвергается со скалы большая, глубокая рѣка, какъ поднимается отъ нея къ облакамъ водяная пыль, служащая подпорой радугѣ. Смотрѣлъ, какъ переплывалъ рѣку дикій буйволъ; теченіе увлекало его съ собой, и онъ плылъ внизъ по рѣкѣ вмѣстѣ со стаей дикихъ утокъ, но тѣ вспорхнули на воздухъ передъ самымъ водопадомъ, а буйволу пришлось полетѣть головой внизъ; это мнѣ понравилось, и я сыгралъ такую бурю, что вѣковыя деревья поплыли по водѣ и превратились въ щепки.

— И это все?—спросила старуха.

— Еще я валялся по саваннамъ, гладилъ дикихъ лошадей и рвалъ кокосовые орѣхи! О, у меня много о чемъ найдется поразсказать, но не все же говорить, что знаешь. Такъ-то, старая!

И онъ такъ поцѣловалъ мать, что та чуть не опрокинулась навзничь; такой ужъ онъ былъ необузданный парень.

Затѣмъ явился Южный вѣтеръ въ чалмѣ и развѣвающемся плащѣ бедуиновъ.

— Экая у васъ тутъ стужа!—сказалъ онъ и подбросилъ въ костеръ дровъ.—Видно, что Сѣверный первымъ успѣлъ пожаловать!

— Здѣсь такая жарища, что можно изжарить бѣлаго медвѣдя!—возразилъ тотъ.

— Самъ-то ты бѣлый медвѣдь!—сказалъ Южный.

— Что, въ мѣшокъ захотѣли?—спросила старуха.— Садись-ка вотъ тутъ, на камень, да разсказывай, откуда ты.

— Изъ Африки, матушка, изъ земли кафровъ!—отвѣчалъ Южный вѣтеръ.—Охотился на львовъ съ готтентотами! Какая

трава растетъ тамъ на равнинахъ! Чудеснаго оливковаго цвѣта! Сколько тамъ антилопъ и страусовъ! Антилопы плясали, а страусы бѣгали со мной на перегонки, да я побыстрѣе ихъ на ногу! Я доходилъ и до желтыхъ песковъ пустыни; она похожа на морское дно. Тамъ настигъ я караванъ. Люди зарѣзали послѣдняго своего верблюда, чтобы изъ его желудка добыть воды для питья, да немногимъ пришлось имъ поживиться! Солнце пекло ихъ сверху, а песокъ поджаривалъ снизу. Конца не было безграничной пустынѣ! А я принялся валяться по мелкому, мягкому песку и крутить его огромными столбами; вотъ такъ пляска пошла! Посмотрѣла бы ты, какъ столпились въ кучу дромадеры, а купцы накинули на головы капюшоны и попадали передо мной ницъ, точно передъ своимъ Аллахомъ. Теперь всѣ они погребены подъ высокой пирамидой изъ песку. Если мнѣ когда-нибудь вздумается смести ее прочь, солнце выбѣлитъ ихъ кости, и другіе путники по крайней мѣрѣ увидятъ, что тутъ бывали люди, а то трудно и повѣрить этому, глядя на голую, нѣмую пустыню!

— Ты, значитъ, только и дѣлалъ одно зло!—сказала мать.— Маршъ въ мѣшокъ!

И не успѣлъ Южный вѣтеръ опомниться, какъ мать схватила его за поясъ и упрятала въ мѣшокъ; онъ было принялся кататься въ мѣшкѣ по полу, но она усѣлась на него, и ему пришлось лежать смирно.

— Бойкіе же у тебя сыновья!—сказалъ принцъ.

— Ничего себѣ!—отвѣчала она.—Да я умѣю управляться съ ними! А вотъ и четвертый!

Это былъ Восточный вѣтеръ, одѣтый китайцемъ.

— А, ты оттуда!—сказала мать.—Я думала, что ты былъ въ Райскомъ саду.

— Туда я полечу только завтра!—сказалъ Восточный вѣтеръ.—Завтра будетъ, вѣдь, ровно сто лѣтъ, какъ я не былъ тамъ! Теперь же я прямо изъ Китая, плясалъ тамъ на фарфоровой башнѣ, такъ что всѣ колокольчики звенѣли! Внизу, на улицѣ, наказывали чиновниковъ; бамбуковыя трости такъ и гуляли у нихъ по плечамъ, а это все были мандарины отъ первой до девятой степени! Они кричали: „Великое спасибо тебѣ, отецъ и благодѣтель!"—про себя же думали совсѣмъ другое. А я въ это время звонилъ въ колокольчики и припѣвалъ: тзингъ, тзангъ, тзу!

— Шалунъ!—сказала старуха.—Я рада, что ты завтра отправляешься въ Райскій садъ, это путешествіе всегда приноситъ тебѣ большую пользу. Напейся тамъ изъ источника Мудрости, зачерпни изъ него полную бутылку водицы и для меня!

— Хорошо!—сказалъ Восточный вѣтеръ.—Но за что ты посадила брата Южнаго въ мѣшокъ? Выпусти его! Онъ мнѣ разскажетъ про птицу-Фениксъ, о которой все спрашиваетъ принцесса Райскаго сада. Развяжи мѣшокъ, милая, дорогая мамаша, и я подарю тебѣ цѣлыхъ два кармана зеленаго, свѣжаго чаю, сорваннаго прямо на мѣстѣ!

— Ну, развѣ за чай, да еще за то, что ты мой любимчикъ, такъ и быть, развяжу его!

И она развязала мѣшокъ; Южный вѣтеръ вылѣзъ оттуда съ видомъ мокрой курицы,—еще бы!—чужой принцъ видѣлъ, какъ его наказали.

— Вотъ тебѣ для твоей принцессы пальмовый листъ!—сказалъ онъ Восточному.—Я получилъ его отъ старой птицы-Фениксъ; она начертила на немъ клювомъ исторію своей столѣтней земной жизни. Теперь принцесса можетъ прочесть обо всемъ, что ей хотѣлось знать. Птица-Фениксъ на моихъ глазахъ сама подожгла свое гнѣздо и была охвачена пламенемъ, какъ индусская вдова! Какъ затрещали сухія вѣтки, какой пошелъ отъ нихъ дымъ и благоуханіе! Наконецъ, пламя пожрало все, и старая птица-Фениксъ превратилась въ пепелъ, но снесенное ею яйцо, горѣвшее въ пламени, какъ жаръ, вдругъ лопнуло съ сильнымъ трескомъ, и оттуда вылетѣлъ молодой Фениксъ. Онъ проклюнулъ на этомъ пальмовомъ листѣ дырочку; это—его поклонъ принцессѣ!

— Ну, теперь пора намъ подкрѣпиться немножко!—сказала мать вѣтровъ.

Всѣ усѣлись и принялись за оленя. Принцъ сидѣлъ рядомъ съ Восточнымъ вѣтромъ, и они скоро стали друзьями.

— Скажи-ка ты мнѣ,—спросилъ принцъ у сосѣда:—что это за принцесса, про которую вы столько говорили, и гдѣ находится Райскій садъ?

— Ого!—сказалъ Восточный вѣтеръ.—Коли хочешь побывать тамъ, полетимъ завтра вмѣстѣ! Но я долженъ тебѣ сказать, что со временъ Адама и Евы тамъ не бывало ни единой человѣческой души! А что было съ ними, ты навѣрное ужъ знаешь?

— Знаю!—сказалъ принцъ.

— Послѣ того, какъ они были изгнаны,—продолжалъ Восточный:—Райскій садъ ушелъ въ землю, но въ немъ царитъ прежнее великолѣпіе, попрежнему свѣтитъ солнце, и въ воздухѣ разлиты необыкновенные свѣжесть и ароматъ! Теперь въ немъ обитаетъ королева фей. Тамъ же находится чудно-прекрасный островъ Блаженства, куда никогда не заглядываетъ смерть! Сядешь мнѣ завтра на спину, я и снесу тебя туда. Я думаю, что это удастся. А теперь не болтай больше,—я хочу спать!

И всѣ заснули.

На зарѣ принцъ проснулся, и ему сразу стало жутко: оказалось, что онъ уже летитъ высоко-высоко подъ облаками! Онъ сидѣлъ на спинѣ у Восточнаго вѣтра, и тотъ добросовѣстно держалъ его, но принцу все-таки было боязно: они неслись такъ высоко надъ землею, что лѣса, поля, рѣки и моря смотрѣли будто нарисованными на огромной раскрашенной картѣ.

— Здравствуй!—сказалъ принцу Восточный вѣтеръ.—Ты могъ бы еще поспать, смотрѣть-то пока не на что! Развѣ церкви вздумаешь считать! Видишь, сколько ихъ? Стоятъ, точно мѣловыя точки на зеленой доскѣ!

Зеленою доской онъ называлъ поля и луга.

— Какъ это вышло невѣжливо, что я не простился съ твоею матерью и твоими братьями!—сказалъ принцъ.

— Сонному приходится извинить!—сказалъ Восточный вѣтеръ, и они полетѣли еще быстрѣе; это было замѣтно по тому, какъ шумѣли подъ ними верхушки лѣсныхъ деревьевъ, какъ вздымались морскія волны, и какъ глубоко ныряли въ нихъ грудью, точно плавающіе лебеди, корабли.

Подъ вечеръ, когда стемнѣло, было очень забавно смотрѣть на большіе города, въ которыхъ то тамъ, то сямъ вспыхивали огоньки,—такъ перебѣгаютъ по зажженной бумагѣ, словно бѣгущіе домой шаловливые школьники, мелкія искорки. И принцъ, глядя на это зрѣлище, захлопалъ въ ладоши, но Восточный вѣтеръ попросилъ его вести себя потише, да держаться покрѣпче,—немудрено, вѣдь, было и свалиться, да повиснуть на какомъ-нибудь башенномъ шпицѣ.

Быстро и легко несся на своихъ могучихъ крыльяхъ дикій орелъ, но Восточный вѣтеръ несся еще легче, еще быстрѣе; по равнинѣ вихремъ мчался казакъ на своей маленькой лошадкѣ, да куда ему было угнаться за принцемъ!

— Ну, вотъ тебѣ и Гималаи!—сказалъ Восточный вѣтеръ.—

Это высочайшая горная цѣпь въ Азіи; скоро мы доберемся и до Райскаго сада!

Они свернули къ югу, и вотъ, въ воздухѣ разлились сильный прянный ароматъ и благоуханіе цвѣтовъ. Финики, гранаты и виноградъ съ синими и красными ягодами росли здѣсь въ дикомъ состояніи. Восточный вѣтеръ спустился съ принцемъ на землю, и оба улеглись отдохнуть въ мягкую траву, гдѣ росла масса цвѣтовъ, кивавшихъ имъ головками, какъ бы говоря: „Милости просимъ!“

— Мы ужъ въ Райскомъ саду?—спросилъ принцъ.

— Какое!—отвѣчалъ Восточный вѣтеръ.—Но скоро попадемъ и туда! Видишь эту отвѣсную, какъ стѣна, скалу и въ ней большую пещеру, надъ входомъ которой свѣсились, будто зеленыя портьеры, виноградныя лозы? Мы должны пройти черезъ эту пещеру! Завернись хорошенько въ плащъ: тутъ палитъ солнце, но одинъ шагъ—и насъ охватитъ морозъ. У птицы, пролетающей мимо пещеры, одно крыло чувствуетъ лѣтнее тепло, а другое зимній холодъ!

— Такъ вотъ она, дорога въ Райскій садъ! — сказалъ принцъ.

И они вошли въ пещеру. Брр... какъ имъ стало холодно! Но къ счастью не надолго.

Восточный вѣтеръ распростеръ свои крылья, и отъ нихъ разлился свѣтъ, точно отъ яркаго пламени. Нѣтъ, что это была за пещера! Надъ головами путниковъ нависали огромныя, имѣвшія самыя причудливыя формы, каменныя глыбы, съ которыхъ капала вода. Порой проходъ такъ съуживался, что имъ приходилось пробираться ползкомъ, иногда же своды пещеры опять поднимались на недосягаемую высоту, и путники шли точно на вольномъ просторѣ подъ открытымъ небомъ. Пещера казалась какою-то гигантскою усыпальницей съ нѣмыми органными трубами и знаменами, выточенными изъ камня.

— Мы идемъ въ Райскій садъ дорогой смерти!—сказалъ принцъ, но Восточный вѣтеръ не отвѣтилъ ни слова, указывая передъ собой рукою: навстрѣчу имъ струился чудный голубой свѣтъ; каменныя глыбы мало-по-малу стали рѣдѣть, таять и превращаться въ какой-то туманъ. Туманъ становился все болѣе и болѣе прозрачнымъ, пока, наконецъ, не сталъ походить на мягкое, бѣлое облачко, сквозь которое просвѣчиваетъ мѣсяцъ. Тутъ они вышли на вольный воздухъ—чудный, мягкій воздухъ, свѣжій,

какъ на горной вершинѣ и благоуханный, какъ въ долинѣ розъ.

Тутъ же струилась рѣка; вода въ ней спорила прозрачностью съ самимъ воздухомъ; рыбки отливали серебромъ и золотомъ; пурпурово-красные угри сверкали при каждомъ движенiи голубоватыми искрами; огромные листья кувшинокъ пестрѣли всѣми цвѣтами радуги, а чашечки ихъ горѣли желто-краснымъ пламенемъ, поддерживаемымъ чистою водой, какъ пламя лампады поддерживается масломъ. Черезъ рѣку былъ переброшенъ мраморный мостъ, такой тонкой и искусной работы, что, казалось, былъ сдѣланъ изъ кружевъ и бусъ; мостъ велъ на островъ Блаженства, на которомъ находился самый Райскiй садъ.

Восточный вѣтеръ взялъ принца на руки и перенесъ его черезъ мостъ. Цвѣты и листья пѣли чудесныя пѣсни, которыя принцъ слышалъ еще въ дѣтствѣ, но теперь онѣ звучали такою дивною полною музыкой, какой не можетъ передать никакой человѣческiй голосъ.

А это что? Пальмы или гигантскiе папоротники? Такихъ сочныхъ могучихъ деревьевъ принцъ никогда еще ни видывалъ. Удивительнѣйшiя ползучiя растенiя обвивали ихъ, спускались внизъ, переплетались и образовывали самыя причудливыя, отливавшiя по краямъ золотомъ и яркими красками, гирлянды; такiя гирлянды можно встрѣтить развѣ только въ заставкахъ и начальныхъ буквахъ старинныхъ святцевъ: тутъ были и яркiе цвѣты, и птицы, и самыя затѣйливыя завитушки. Въ травѣ сидѣла, блестя распущенными хвостами, цѣлая стая павлиновъ. Да павлиновъ-ли? Конечно, павлиновъ! То-то, что, нѣтъ: принцъ потрогалъ ихъ и оказалось, что это вовсе не птицы, а растенiя, огромные кусты репейника, блестѣвшаго самыми яркими красками! Между зелеными благоухающими кустами прыгали, точно гибкiя кошки, львы и тигры; кусты пахли оливками, а звѣри были совсѣмъ ручные; дикая лѣсная голубка, съ жемчужнымъ отливомъ на перьяхъ, хлопала льва крылышками по гривѣ, а антилопа, вообще такая робкая и пугливая, стояла возлѣ нихъ и кивала головой, словно давая знать, что и она не прочь поиграть съ ними.

Но вотъ, появилась сама фея; одежды ея сверкали, какъ солнце, а лицо сiяло такою лаской и привѣтливою улыбкой, какъ лицо матери, радующейся на своего ребенка. Она была молода и чудо какъ хороша собой; ее окружали красавицы дѣвушки съ блестящими звѣздами въ волосахъ.

Восточный вѣтеръ подалъ ей посланіе птицы-Фениксъ, и глаза феи заблистали отъ радости. Она взяла принца за руку и повела его въ свой замокъ; стѣны замка были похожи на лепестки тюльпана, если ихъ держать противъ солнца, а потолокъ былъ блестящимъ цвѣткомъ, опрокинутымъ внизъ чашечкой, углублявшейся тѣмъ больше, чѣмъ дольше въ нее всматривались. Принцъ подошелъ къ одному изъ оконъ, поглядѣлъ въ стекло, и ему показалось, что онъ видитъ дерево познанія добра и зла; въ вѣтвяхъ его пряталась змѣя, а возлѣ стояли Адамъ и Ева.

— Развѣ они не изгнаны?—спросилъ принцъ.

Фея улыбнулась и объяснила ему, что на каждомъ стеклѣ время начертало неизгладимую картину, озаренную жизнью: листья дерева шевелились, а люди двигались,—ну, вотъ, какъ бываетъ съ отраженіями въ зеркалѣ! Принцъ подошелъ къ другому окну и увидалъ на стеклѣ сонъ Іакова: съ неба спускалась лѣстница, а по ней сходили и восходили ангелы съ большими крыльями за плечами. Да, все, что было или совершилось когда-то на свѣтѣ, по прежнему жило и двигалось на оконныхъ стеклахъ замка; такія чудесныя картины могло начертать своимъ неизгладимымъ рѣзцемъ лишь время.

Фея все улыбалась и ввела принца въ огромный, высокій покой, со стѣнами вродѣ прозрачныхъ прорѣзныхъ картинъ,— изъ нихъ повсюду выглядывали головки, одна прелестнѣе другой. Это были сонмы блаженныхъ духовъ; они улыбались и пѣли; голоса ихъ сливались въ одну дивную гармонію; самые верхніе изъ нихъ были меньше бутоновъ розы, если ихъ нарисовать на бумагѣ въ видѣ крошечныхъ точекъ. Посреди этого покоя стояло дерево, покрытое зеленью, въ которой сверкали большія и маленькія золотистыя, какъ апельсины, яблоки. То было дерево познанія добра и зла, плодовъ котораго вкусили когда-то Адамъ и Ева. Съ каждаго листика капала блестящая красная роса,—дерево точно плакало кровавыми слезами.

— Сядемъ теперь въ лодку!—сказала фея.—Насъ ждетъ тамъ такое угощенье, что чудо! Представь, лодка только покачивается на волнахъ, но не двигается, а всѣ страны свѣта сами проходятъ мимо!

И въ самомъ дѣлѣ, это было поразительное зрѣлище: лодка стояла, а берега двигались! Вотъ показались высокіе снѣжные Альпы, съ облаками и темными сосновыми лѣсами на верши-

нахъ: протяжно-жалобно прозвучалъ рогъ и раздалась звучная пѣсня горнаго пастуха. Вотъ надъ лодкой свѣсились длинныя гибкія вѣтви банановъ; вотъ поплыли стаи черныхъ, какъ смоль, лебедей; показались удивительнѣйшія животныя и цвѣты, а вдали встали голубыя горы; это была Новая Голландія, пятая часть Свѣта. Вотъ послышалось пѣніе жрецовъ, и подъ звуки барабановъ и костяныхъ флейтъ, закружились въ бѣшеной пляскѣ толпы дикарей. Вотъ проплыли мимо вздымавшіяся къ облакамъ египетскія пирамиды, низверженныя колонны и сфинксы, наполовину погребенные въ пескѣ; вотъ освѣтились сѣвернымъ сіяніемъ потухшіе вулканы сѣвера. Да, кто бы могъ пустить подобный фейерверкъ? Принцъ былъ внѣ себя отъ восторга,—еще бы! Онъ-то видѣлъ, вѣдь, во сто разъ больше, чѣмъ мы тутъ разсказываемъ.

— И я могу здѣсь остаться навсегда?—спросилъ онъ.

— Это зависитъ отъ тебя самого!—отвѣчала фея.—Если ты не станешь добиваться запрещеннаго, какъ твой прародитель Адамъ, то можешь остаться здѣсь навѣки!

— Я не дотронусь до плодовъ познанія дерева добра и зла!—сказалъ принцъ.—Тутъ, вѣдь, тысячи другихъ прекрасныхъ плодовъ!

— Испытай себя, и если борьба покажется тебѣ слишкомъ тяжелою, улетай обратно съ Восточнымъ вѣтромъ, который вернется сюда опять черезъ сто лѣтъ! Сто лѣтъ пролетятъ для тебя какъ сто часовъ, но и это довольно долгій срокъ, если дѣло идетъ о борьбѣ съ грѣховнымъ соблазномъ. Каждый вечеръ, разставаясь съ тобой, буду я звать тебя: ко мнѣ, ко мнѣ! Стану манить тебя рукой, но ты не трогайся съ мѣста, не иди на мой зовъ: съ каждымъ шагомъ тоска желанія будетъ въ тебѣ усиливаться и, наконецъ, увлечетъ тебя въ тотъ покой, гдѣ дерево познанія добра и зла. Я буду спать подъ его благоухающими пышными вѣтвями, и ты наклонишься, чтобы разсмотрѣть меня поближе; я улыбнусь тебѣ, и ты поцѣлуешь меня... Тогда Райскій садъ уйдетъ въ землю еще глубже и будетъ для тебя потерянъ. Рѣзкій вѣтеръ будетъ пронизывать тебя до костей, холодный дождь мочить твою голову; горе и бѣдствія будутъ твоимъ удѣломъ!

— Я остаюсь!—сказалъ принцъ.

Восточный вѣтеръ поцѣловалъ принца въ лобъ и сказалъ:

— Будь твердъ, и мы свидимся опять черезъ сто лѣтъ! Прощай, прощай!

И Восточный вѣтеръ взмахнулъ своими большими крылами, блеснувшими какъ зарница во тьмѣ осенней ночи или сѣверное сіяніе во мракѣ полярной зимы.

— Прощай! Прощай! – запѣли всѣ цвѣты и растенія. Стаи аистовъ и пеликановъ полетѣли, точно развѣвающіяся ленты, проводить Восточнаго вѣтра до границъ сада.

— Теперь начнутся танцы! — сказала фея. — Но на закатѣ солнца, танцуя съ тобой, я начну манить тебя рукой и звать: ко мнѣ! ко мнѣ! Не слушай же меня! Впродолженіи ста лѣтъ, каждый вечеръ будетъ повторяться то же самое, но ты съ каждымъ днемъ будешь становиться все сильнѣе и сильнѣе, и подъ конецъ перестанешь даже обращать на мой зовъ вниманіе. Сегодня вечеромъ тебѣ предстоитъ выдержать первое испытаніе! Теперь ты предупрежденъ!

И фея повела его въ обширный покой изъ бѣлыхъ прозрачныхъ лилій съ маленькими, игравшими сами собою, золотыми арфами вмѣсто тычинокъ. Прелестныя стройныя дѣвушки понеслись въ воздушной пляскѣ и запѣли о радостяхъ и блаженствѣ безсмертной жизни въ вѣчно-цвѣтущемъ Райскомъ саду.

Но вотъ, солнце сѣло, небо засіяло, какъ расплавленное золото, и лиліи окрасились въ цвѣтъ чудеснѣйшихъ розъ. Принцъ выпилъ пѣнистаго вина, поднесеннаго ему дѣвушками, и почувствовалъ приливъ несказаннаго блаженства. Вдругъ задняя стѣна покоя раскрылась, и принцъ увидѣлъ дерево познанія добра и зла, окруженное ослѣпительнымъ сіяніемъ; изъ-за дерева неслась тихая, ласкающая слухъ пѣсня; ему почудился въ ней голосъ его матери, пѣвшей: „Дитя мое! Мое милое, дорогое дитя!“

И фея стала манить его рукой и звать нѣжнымъ голосомъ: ко мнѣ, ко мнѣ! Онъ двинулся за нею, забывъ свое обѣщаніе въ первый же вечеръ! А она все манила его и улыбалась... Прянный ароматъ, разлитый въ воздухѣ, становился все сильнѣе; арфы звучали все слаще; казалось, что это пѣли хоромъ сами блаженные духи: „Все нужно знать! Все надо извѣдать! Человѣкъ — царь природы!“ Съ дерева уже не капала больше кровь, а сыпались красныя блестящія звѣздочки. „Ко мнѣ! Ко мнѣ!“ — звучала воздушная мелодія, и съ каждымъ шагомъ щеки принца разгорались, а кровь волновалась все сильнѣе и сильнѣе.

— Я долженъ идти! — говорилъ онъ. — Въ этомъ, вѣдь, нѣтъ

и не можетъ еще быть грѣха! Зачѣмъ убѣгать отъ красоты и наслажденія? Я только полюбуюсь, посмотрю на нее спящую! Я, вѣдь, не поцѣлую ея! Я достаточно твердъ и съумѣю совладѣть съ собой!

Сверкающій плащъ упалъ съ плечъ феи; она раздвинула вѣтви дерева и въ одно мгновеніе скрылась за нимъ.

— Я еще не нарушилъ обѣщанія!—сказалъ принцъ.—И не хочу его нарушать!

Съ этими словами онъ раздвинулъ вѣтви... Фея спала такая прелестная, какою можетъ быть только фея Райскаго сада. Улыбка играла на ея устахъ, но на длинныхъ рѣсницахъ дрожали слезинки.

— Ты плачешь изъ-за меня?—прошепталъ онъ. —Не плачь, очаровательная! Теперь только я понялъ райское блаженство; оно течетъ огнемъ въ моей крови, воспламеняетъ мысли, я чувствую неземную силу и мощь во всемъ своемъ существѣ!.. Пусть же настанетъ для меня потомъ вѣчная ночь,—одна такая минута дороже всего въ мірѣ!

И онъ поцѣловалъ слезы, дрожавшія на ея рѣсницахъ, уста его прикоснулись къ ея устамъ.

Раздался страшный ударъ грома, какого не слыхалъ еще никогда никто, и все смѣшалось въ глазахъ принца; фея исчезла, цвѣтущій Райскій садъ ушелъ глубоко въ землю. Принцъ видѣлъ, какъ онъ изчезалъ во тьмѣ непроглядной ночи, и вотъ отъ него осталась только маленькая сверкающая звѣздочка. Смертный холодъ сковалъ его члены, глаза закрылись, и онъ упалъ, какъ мертвый.

Холодный дождь мочилъ ему лицо, острый вѣтеръ леденилъ голову, и онъ очнулся.

— Что я сдѣлалъ!—вздохнулъ онъ.—Я нарушилъ свой обѣтъ, какъ Адамъ, и вотъ Райскій садъ ушелъ глубоко въ землю!

Онъ открылъ глаза; вдали еще сверкала звѣздочка, послѣдній слѣдъ исчезнувшаго рая,—это сіяла на небѣ утренняя звѣзда.

Принцъ всталъ; онъ былъ опять въ томъ же лѣсу, у пещеры вѣтровъ; возлѣ него сидѣла мать вѣтровъ. Она сердито посмотрѣла на него и грозно подняла руку.

— Въ первый же вечеръ!—сказала она.—Такъ я и думала! Да, будь ты моимъ сыномъ, сидѣлъ бы ты теперь въ мѣшкѣ!

— Онъ еще попадетъ туда!—сказала смерть, крѣпкій старикъ съ косой въ рукѣ и большими черными крыльями за спиной.—И онъ уляжется въ гробъ, хоть и не сейчасъ. Я лишь отмѣчу его и дамъ ему время постранствовать по бѣлу свѣту и искупить свой грѣхъ добрыми дѣлами! Потомъ я приду за нимъ въ тотъ часъ, когда онъ меньше всего будетъ ожидать меня, упрячу его въ черный гробъ, поставлю себѣ на голову и отнесу его вонъ на ту звѣзду, гдѣ тоже цвѣтетъ Райскій садъ; если онъ окажется добрымъ и благочестивымъ, онъ вступитъ туда, если же его мысли и сердце будутъ попрежнему полны грѣха, гробъ опустится съ нимъ еще глубже, чѣмъ опустился Райскій садъ. Но каждую тысячу лѣтъ буду я опять приходить за нимъ, для того, чтобы онъ могъ или погрузиться еще глубже или остаться навѣки на сіяющей небесной звѣздѣ!

СУНДУКЪ-САМОЛЕТЪ.

Жилъ-былъ купецъ, такой богачъ, что могъ бы вымостить серебряными деньгами цѣлую улицу, да еще переулокъ въ придачу; этого, однако, онъ не дѣлалъ,—онъ зналъ, куда дѣвать деньги, и ужъ если расходовалъ скиллингъ, то наживалъ цѣлый далеръ *). Такъ вотъ какой былъ купецъ! Но вотъ, онъ умеръ, и всѣ денежки достались его сыну.

Весело зажилъ сынъ купца: каждую ночь—въ маскарадѣ, пускалъ змѣевъ изъ кредитныхъ бумажекъ, а круги по водѣ вмѣсто камешковъ червонцами. Не мудрено, что денежки прошли у него между пальцевъ, и подъ конецъ изъ всего наслѣдства осталось только четыре скиллинга, а изъ платья—старый халатъ да пара туфель. Друзья и знать его больше не хотѣли,—имъ, вѣдь, даже неловко было теперь показаться съ нимъ на улицѣ—но одинъ изъ нихъ, человѣкъ добрый, прислалъ ему старый сундукъ съ совѣтомъ: укладываться! Отлично; одно горе—нечего ему было укладывать; онъ взялъ, да и усѣлся въ сундукъ самъ!

А сундукъ-то былъ не простой. Стоило нажать замокъ—и

*) Далеръ — серебряная датская монета, равнявшаяся 96 скиллингамъ; теперь уже вышла изъ употребленія, какъ и скиллингъ. *Примѣч. перев.*

сундукъ взвивался въ воздухъ. Купеческій сынъ такъ и сдѣлалъ. Фьють!—сундукъ вылетѣлъ съ нимъ въ трубу и понесся высоко-высоко, подъ самыми облаками—только дно потрескивало! Купеческій сынъ поэтому крѣпко побаивался, что вотъ-вотъ сундукъ разлетится въ дребезги; славный прыжокъ пришлось бы тогда совершить ему! Боже упаси! Но вотъ, онъ прилетѣлъ въ Турцію, зарылъ свой сундукъ въ лѣсу въ кучу сухихъ листьевъ, а самъ отправился въ городъ,—тутъ ему нечего было стѣсняться своего наряда: въ Турціи всѣ, вѣдь, ходятъ въ халатахъ и туфляхъ. На улицѣ встрѣтилась ему кормилица съ ребенкомъ, и онъ сказалъ ей:

— Послушай-ка, турецкая мамка! Что это за большой дворецъ тутъ, у самаго города, еще окна такъ высоко отъ земли?

— Тутъ живетъ принцесса!—сказала кормилица.—Ей предсказано, что она будетъ несчастной, по милости своего жениха; вотъ къ ней и не смѣетъ являться никто, иначе какъ въ присутствіи самихъ короля съ королевой.

— Спасибо!—сказалъ купеческій сынъ, пошелъ обратно въ лѣсъ, усѣлся въ свой сундукъ, прилетѣлъ прямо на крышу дворца и влѣзъ къ принцессѣ въ окно.

Принцесса спала на диванѣ, и была такъ хороша собою, что онъ не могъ не поцѣловать ея. Она проснулась и очень испугалась, но купеческій сынъ сказалъ, что онъ—турецкій богъ, прилетѣвшій къ ней по воздуху, и ей это очень понравилось.

Они усѣлись рядышкомъ, и онъ сталъ разсказывать ей сказки объ ея глазахъ: это были два чудныхъ, темныхъ озера, въ которыхъ плавали русалочки-мысли—о ея бѣломъ лбѣ: это была снѣжная гора, скрывавшая въ себѣ чудные покои и картины; наконецъ, объ аистахъ, которые приносятъ людямъ крошечныхъ, миленькихъ дѣтокъ.

Да, чудесныя были сказки! А потомъ онъ посватался за принцессу, и она согласилась.

— Но вы должны прійти сюда въ субботу!—сказала она ему.—Ко мнѣ придутъ на чашку чая король съ королевой! Они будутъ очень польщены тѣмъ, что я выхожу замужъ за турецкаго бога, но вы ужъ постарайтесь разсказать имъ сказку получше,—мои родители очень любятъ сказки. Но мамаша любитъ слушать что-нибудь поучительное и серьезное, а папаша—веселое, чтобы можно было посмѣяться.

— Я и не принесу никакого свадебнаго подарка, кромѣ сказки! — сказалъ купеческій сынъ. Съ тѣмъ они и разстались; зато сама принцесса подарила ему на прощаніи саблю, всю выложенную червонцами, а ихъ-то ему и не доставало.

Сейчасъ же полетѣлъ онъ, купилъ себѣ новый халатъ, а затѣмъ усѣлся въ лѣсу сочинять сказку; надо, вѣдь, было сочинить ее къ субботѣ, а это не такъ-то просто, какъ кажется.

Но вотъ, сказка была готова, и настала суббота.

Король, королева и весь дворъ собрались къ принцессѣ на чашку чая. Купеческаго сына приняли, какъ нельзя лучше.

— Ну-ка, разскажите намъ сказку! — сказала королева. — Только что-нибудь серьезное, поучительное.

— Но чтобы и посмѣяться можно было! — прибавилъ король.

— Хорошо! — отвѣчалъ купеческій сынъ и сталъ разсказывать.

Слушайте же хорошенько!

— Жила-была пачка сѣрныхъ спичекъ, очень гордыхъ своимъ высокимъ происхожденіемъ: глава ихъ семьи, то-есть сосна, была однимъ изъ самыхъ крупныхъ и старѣйшихъ деревьевъ въ лѣсу. Теперь спички лежали на полкѣ между огнивомъ и старымъ желѣзнымъ котелкомъ и разсказывали сосѣдямъ о своемъ дѣтствѣ.

— Да, хорошо намъ жилось, когда мы были еще зелеными вѣточками! — говорили онѣ. — Каждое утро и каждый вечеръ у насъ былъ брилліантовый чай — роса, день-деньской свѣтило на насъ, въ ясные дни, солнышко, а птички должны были разсказывать намъ сказки! Мы отлично понимали, что принадлежимъ къ богатой семьѣ: лиственныя деревья были одѣты только лѣтомъ, а у насъ хватало средствъ и на зимнюю и на лѣтнюю одежду. Но вотъ, явились разъ дровосѣки, и началась великая революція! Погибла и вся наша семья! Глава семьи — стволъ получилъ послѣ того мѣсто гротъ-мачты на великолѣпномъ кораблѣ, который могъ бы объѣхать кругомъ всего свѣта, еслибъ только захотѣлъ; вѣтви же разбрелись кто куда, а намъ вотъ выпало на долю служить свѣточами для черни. Вотъ ради чего очутились на кухнѣ такіе важные господа, какъ мы!

— Ну, со мной не то было! — сказалъ котелокъ, рядомъ съ которымъ лежали спички. — Съ самаго моего появленія на свѣтъ

меня безпрестанно чистятъ, скребутъ и ставятъ на огонь. Я забочусь вообще о существенномъ и, говоря по правдѣ, занимаю здѣсь въ домѣ первое мѣсто. Единственное мое баловство—это вотъ лежать, послѣ обѣда, чистенькимъ на полкѣ и вести пріятную бесѣду съ товарищами. Всѣ мы вообще большіе домосѣды, если не считать ведра, которое бываетъ иногда во дворѣ; новости же намъ приноситъ корзинка для провизіи; она часто ходитъ на рынокъ, но у нея ужъ черезчуръ рѣзкій языкъ. Послушать только, какъ она разсуждаетъ о правительствѣ и о народѣ! На дняхъ, слушая ее, свалился отъ страха съ полки и разбился въ черепки старый горшокъ! Да, немножко легкомысленна она, скажу я вамъ!

— Ужъ больно ты разболтался!—сказало вдругъ огниво, и сталь такъ ударила по кремню, что посыпались искры.— Не устроить-ли намъ лучше вечеринку?

— Да, побесѣдуемъ о томъ, кто изъ насъ всѣхъ важнѣе!— сказали спички.

— Нѣтъ, я не люблю говорить о самой себѣ, —сказала глиняная миска.—Будемъ просто вести бесѣду! Я начну и разскажу кое-что изъ жизни, что будетъ знакомо и понятно всѣмъ и каждому, а это, вѣдь, пріятнѣе всего. Такъ вотъ: на берегу родного моря, подъ тѣнью буковыхъ деревъ...

— Чудесное начало!—сказали тарелки.—Вотъ это будетъ исторія какъ разъ по нашему вкусу!

— Тамъ, въ одной мирной семьѣ провела я свою молодость. Вся мебель была полированная, полъ чисто вымытъ, а занавѣски на окнахъ смѣнялись каждыя двѣ недѣли.

— Какъ вы интересно разсказываете!—сказала половая щетка.—Въ вашемъ разсказѣ такъ и слышна женщина,—чувствуется какая-то особая чистоплотность!

— Да, да!—сказало ведро и отъ удовольствія даже подпрыгнуло, плеснувъ на полъ воду.

Глиняная миска продолжала свой разсказъ, и конецъ былъ не хуже начала.

Тарелки загремѣли отъ восторга, а половая щетка достала изъ ящика съ пескомъ зелень петрушки и увѣнчала ею миску; она знала, что это раздосадуетъ всѣхъ остальныхъ, да къ тому же подумала: „Если я увѣнчаю ее сегодня, она увѣнчаетъ меня завтра!“

— Теперь мы попляшемъ!—сказали угольные щипцы и

пустились въ плясъ. Эхъ, ты, ну! какъ они вскидывали то одну, то другую ногу! Старая обивка на стулѣ, что стоялъ въ углу, не выдержала такого зрѣлища и лопнула!

— А насъ увѣнчаютъ?—спросили щипцы, и ихъ тоже увѣнчали.

— Все это одна чернь!—думали спички.

Теперь была очередь за самоваромъ; онъ долженъ былъ спѣть. Но самоваръ отговорился тѣмъ, что можетъ пѣть лишь тогда, когда внутри его кипитъ,—онъ просто важничалъ и не хотѣлъ пѣть иначе, какъ стоя на столѣ у господъ.

На окнѣ лежало старое гусиное перо, которымъ обыкновенно писала служанка; въ немъ не было ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что оно слишкомъ глубоко было обмокнуто въ чернильницу, но именно этимъ оно и гордилось!

— Что-жъ, если самоваръ не хочетъ пѣть, такъ и не надо!—сказало оно.—За окномъ виситъ въ клѣткѣ соловей,—пусть онъ споетъ! Положимъ, онъ не изъ ученыхъ, но объ этомъ мы сегодня говорить не будемъ.

— По моему, это въ высшей степени неприлично слушать какую-то пришлую птицу!—сказалъ большой мѣдный чайникъ, кухонный пѣвецъ и сводный братъ самовара.—Развѣ это патріотично? Пусть посудитъ корзинка для провизіи!

— Я просто изъ себя выхожу!—сказала корзинка.—Вы не повѣрите, до чего я выхожу изъ себя! Развѣ такъ слѣдуетъ проводить вечера? Неужели нельзя поставить домъ на надлежащую ногу? Каждый бы тогда зналъ свое мѣсто, и я руководила бы всѣмъ! Тогда дѣло пошло бы совсѣмъ иначе!

— Давайте же шумѣть!—закричали всѣ.

Вдругъ дверь отворилась, вошла служанка и — всѣ присмирѣли, никто ни гу-гу; но не было ни единаго горшка, который бы не мечталъ про себя о своей знатности и о томъ, что онъ могъ бы сдѣлать. „Ужъ если бы взялся за дѣло я, пошло бы веселье!"—думалъ про себя каждый.

Служанка взяла спички и зажгла ими свѣчку. Боже ты мой, какъ онѣ зафыркали и загорѣлись!

— Вотъ, теперь всѣ видятъ, что мы здѣсь первыя персоны!—думали онѣ.—Какой отъ насъ блескъ, свѣтъ!

Тутъ онѣ и сгорѣли.

— Чудесная сказка!—сказала королева.—Я точно сама по-

сидѣла въ кухнѣ вмѣстѣ со спичками! Да, ты достоинъ руки нашей дочери.

— Конечно!—сказалъ король.—Свадьба будетъ въ понедѣльникъ!

Теперь они уже говорили ему „ты“,—онъ, вѣдь, скоро долженъ былъ сдѣлаться членомъ ихъ семьи.

Итакъ, день свадьбы былъ объявленъ, и вечеромъ въ городѣ зажгли иллюминацію, а въ народъ бросали пышки и крендели. Уличные мальчишки поднимались на цыпочки, чтобы поймать ихъ, кричали „ура“ и свистѣли въ пальцы; великолѣпіе было несказанное.

„Надо же и мнѣ устроить что-нибудь!“—подумалъ купеческій сынъ, накупилъ ракетъ, хлопушекъ и проч., положилъ все это въ свой сундукъ и взвился на воздухъ.

Пифъ, пафъ! Шш—пшш! Вотъ такъ трескотня пошла, вотъ такъ шипѣнье!

Турки подпрыгивали такъ, что туфли летѣли имъ черезъ головы; никогда еще не видывали они такого фейерверка. Теперь-то всѣ поняли, что на принцессѣ женится самъ турецкій богъ.

Вернувшись въ лѣсъ, купеческій сынъ подумалъ: „Надо пойти въ городъ послушать, что тамъ говорятъ обо мнѣ!“ И немудрено, что ему захотѣлось узнать это.

Ну, и разсказовъ же ходило по городу! Къ кому онъ ни обращался, всякій, оказывалось, видѣлъ и разсказывалъ о видѣнномъ по своему, но всѣ въ одинъ голосъ говорили, что это было дивное зрѣлище.

— Я видѣлъ самого турецкаго бога!—говорилъ одинъ.—Глаза у него, что твои звѣзды, а борода, что пѣна морская!

— Онъ летѣлъ въ огненномъ плащѣ!—разсказывалъ другой.—А изъ складокъ выглядывали прелестнѣйшіе ангельчики.

Да, много чудесъ разсказали ему, а на другой день должна была состояться и свадьба.

Пошелъ онъ назадъ въ лѣсъ, чтобы опять сѣсть въ свой сундукъ, да куда же онъ дѣвался? Сгорѣлъ! Купеческій сынъ заронилъ въ него искру отъ фейерверка, сундукъ тлѣлъ, тлѣлъ да и вспыхнулъ; теперь отъ него оставалась одна зола. Такъ и нельзя было купеческому сыну опять прилетѣть къ своей невѣстѣ.

А она весь день стояла на крышѣ, дожидаясь его, да ждетъ и до сихъ поръ! Онъ же ходитъ по бѣлу свѣту и раз-

сказываетъ сказки, только ужъ не такія веселыя, какъ была его первая сказка о сѣрныхъ спичкахъ!

АИСТЫ.

На крышѣ самого крайняго домика, въ одномъ маленькомъ городкѣ, пріютилось гнѣздо аиста. Въ немъ сидѣла мамаша съ четырьмя птенцами, которые высовывали изъ гнѣзда свои маленькіе черные клювы,—они у нихъ еще не успѣли покраснѣть. Неподалеку отъ гнѣзда, на самомъ конькѣ крыши, стоялъ, вытянувшись въ струнку и поджавъ подъ себя одну ногу, самъ папаша; ногу онъ поджималъ, чтобы не стоять на часахъ безъ дѣла. Можно было подумать, что онъ вырѣзанъ изъ дерева, до того онъ былъ неподвиженъ.

„Вотъ важно, такъ важно!“—думалъ онъ.—„У гнѣзда моей жены стоитъ часовой! Кто же знаетъ, что я ея мужъ? Могутъ подумать, что я нарядженъ сюда на караулъ. То-то важно!“ И онъ продолжалъ стоять на одной ногѣ.

На улицѣ играла толпа ребятишекъ; увидавъ аиста, самый храбрый изъ мальчугановъ затянулъ, какъ умѣлъ и помнилъ, старинную пѣсенку объ аистахъ; за нимъ подхватили всѣ остальные.

„Аистъ, аистъ бѣлый,
Что стоишь день цѣлый,
Словно часовой,
На ногѣ одной?
Или дѣтокъ хочешь
Уберечь своихъ?
Попусту хлопочешь,
Мы изловимъ ихъ!
Одного повѣсимъ,
Въ прудъ швырнемъ другого,
Третьяго заколемъ,
Младшаго-жъ живого
На костеръ мы бросимъ,
И тебя не спросимъ!“

— Послушай-ка, что поютъ мальчики!—сказали птенцы.— Они говорятъ, что насъ повѣсятъ и утопятъ!

— Не нужно обращать на нихъ вниманія!—сказала имъ мать.—Только не слушайте, ничего и не будетъ!

Но мальчуганы не унимались, пѣли и дразнили аистовъ; только одинъ изъ мальчиковъ, по имени Петя, не захотѣлъ пристать къ товарищамъ, говоря, что грѣшно дразнить животныхъ. А мать утѣшала птенцовъ.

— Не обращайте вниманія! — говорила она. — Смотрите, какъ спокойно стоитъ вашъ отецъ, и это на одной-то ногѣ!

— А намъ страшно!—сказали птенцы и глубоко-глубоко запрятали головки въ гнѣздо.

На другой день ребятишки опять высыпали на улицу, увидали аистовъ и опять запѣли:

„Одного повѣсимъ,
Въ прудъ швырнемъ другого...“

— Такъ насъ повѣсятъ и утопятъ?—опять спросили птенцы.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! — отвѣчала мать.—А вотъ скоро мы начнемъ ученье! Вамъ нужно выучиться летать! Когда же выучитесь, мы отправимся съ вами на лугъ въ гости къ лягушкамъ. Онѣ будутъ присѣдать передъ нами въ водѣ и пѣть: „ква-ква-ква!“ А мы съѣдимъ ихъ,—вотъ будетъ веселье!

— А потомъ?—спросили птенцы.

— Потомъ всѣ мы, аисты, соберемся на осенніе маневры. Вотъ ужъ тогда надо умѣть летать, какъ слѣдуетъ! Это очень важно! Того, кто будетъ летать плохо, генералъ проколетъ своимъ острымъ клювомъ! Такъ вотъ, старайтесь изо всѣхъ силъ, когда ученье начнется!

— Такъ насъ все-таки заколютъ, какъ сказали мальчики! Слушай-ка, они опять поютъ!

— Слушайте меня, а не ихъ! — сказала мать. — Послѣ маневровъ мы улетимъ отсюда далеко-далеко за высокія горы, за темныя лѣса, въ теплые края, въ Египетъ! Тамъ есть треугольные каменные дома; верхушки ихъ упираются въ самыя облака, а зовутъ ихъ пирамидами. Онѣ построены давнымъ-давно, такъ давно, что ни одинъ аистъ и представить себѣ не можетъ! Тамъ есть тоже рѣка, которая разливается по берегамъ, и тогда весь берегъ покрывается иломъ! Ходишь себѣ по илу и кушаешь лягушекъ!

— О!—сказали птенцы.

— Да! Вотъ прелесть! Тамъ день-деньской только и дѣ-

лаешь, что ѣшь. А вотъ въ то время, какъ намъ тамъ будетъ такъ хорошо, здѣсь на деревьяхъ не останется ни единаго листика, наступитъ такой холодъ, что облака застынутъ кусками и будутъ падать на землю бѣлыми лоскутками!

Она хотѣла разсказать имъ про снѣгъ, да не умѣла объяснить хорошенько.

— А эти нехорошіе мальчики тоже застынутъ кусками?— спросили птенцы.

— Нѣтъ, прямо кусками они не застынутъ, но померзнуть имъ придется. Будутъ сидѣть и скучать въ темной комнатѣ, и носу не посмѣютъ высунуть на улицу! А вы-то будете себѣ летать въ чужихъ краяхъ, гдѣ цвѣтутъ цвѣты и ярко свѣтитъ теплое солнышко.

Прошло нѣсколько времени, птенцы подросли, могли уже вставать въ гнѣздѣ и озираться кругомъ. Папаша-аистъ каждый день приносилъ имъ славныхъ лягушекъ, маленькихъ ужей и всякія другія лакомства, какія только могъ достать. А какъ потѣшалъ онъ птенцовъ разными забавными штуками! Доставалъ головою свой хвостъ, щелкалъ клювомъ, точно у него въ горлѣ сидѣла трещотка, и разсказывалъ имъ разныя болотныя исторіи.

— Ну, пора теперь и за ученье приняться!—сказала имъ въ одинъ прекрасный день мать, и всѣмъ четверымъ птенцамъ пришлось вылѣзть изъ гнѣзда на крышу. Батюшки мои, какъ они шатались, балансировали крыльями и все-таки чуть-чуть не падали!

— Смотрите на меня!—сказала мать.—Голову вотъ такъ, ноги такъ! Разъ—два! разъ—два! Вотъ что поможетъ вамъ пробить себѣ дорогу въ жизни!—и она сдѣлала нѣсколько взмаховъ крыльями. Птенцы неуклюже подпрыгнули и—бацъ! Всѣ такъ и растянулись! Они были еще тяжелы на подъемъ.

— Я не хочу учиться!—сказалъ одинъ птенецъ и вскарабкался назадъ въ гнѣздо.—Я вовсе не хочу летѣть въ теплые края!

— Такъ ты хочешь замерзнуть тутъ зимой? Хочешь, чтобы мальчишки пришли и повѣсили, утопили или сожгли тебя? Постой, я сейчасъ позову ихъ!

— Ай, нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ птенецъ и опять выпрыгнулъ на крышу.

На третій день они уже кое-какъ летали, и вообразили, что могутъ также держаться въ воздухѣ на распластанныхъ крыльяхъ, но... сейчасъ же шлепнулись на крышу. Пришлось опять работать крыльями.

Въ это время на улицѣ собрались мальчики и запѣли:

„Аистъ, аистъ бѣлый!“

— А что, слетимъ, да выклюемъ имъ глаза? — спросили птенцы.

— Нѣтъ, не надо! — сказала мать. — Слушайте лучше меня, это куда важнѣе! Разъ-два-три! Теперь полетимъ направо; разъ-два-три! Теперь на лѣво, кругомъ трубы! Отлично! Послѣдній взмахъ крыльями удался такъ чудесно, что я позволяю вамъ завтра отправиться со мной на болото. Тамъ соберется много другихъ милыхъ семействъ съ дѣтьми, — вотъ и покажите себя! Я хочу, чтобы вы были самыми миленькими изъ всѣхъ. Держите головы повыше, такъ гораздо красивѣе и внушительнѣе!

— Но неужели мы такъ и не отомстимъ этимъ нехорошимъ мальчикамъ? — спросили птенцы.

— Пусть они себѣ кричатъ, что хотятъ! Вы-то полетите къ облакамъ, увидите страну пирамидъ, а они будутъ мерзнуть здѣсь зимой, не увидятъ ни единаго зеленаго листика, ни сладкаго яблочка!

— А мы все-таки отомстимъ! — шепнули птенцы другъ другу и продолжали ученье.

Задорнѣе всѣхъ изъ ребятишекъ былъ самый маленькій, тотъ, что первый затянулъ пѣсенку объ аистахъ. Ему было не больше шести лѣтъ, хотя птенцы-то и думали, что ему лѣтъ сто, — онъ былъ, вѣдь, куда больше ихъ отца съ матерью, а чтó же знали птенцы о годахъ дѣтей и взрослыхъ людей! И вотъ, вся месть птенцовъ должна была обрушиться на этого мальчика, который былъ зачинщикомъ и самымъ неугомоннымъ изъ насмѣшниковъ. Птенцы были на него ужасно сердиты и чѣмъ больше подростали, тѣмъ меньше хотѣли сносить отъ него обиды. Въ концѣ-концовъ матери пришлось обѣщать имъ какъ-нибудь отомстить мальчугану, но не раньше, какъ передъ самымъ отлетомъ ихъ въ теплые края.

— Посмотримъ сначала, какъ вы будете вести себя на большихъ маневрахъ! Если дѣло пойдетъ плохо, и генералъ проколетъ вамъ грудь своимъ клювомъ, мальчики, вѣдь, будутъ правы. Вотъ увидимъ!

— Увидишь! — сказали птенцы и усердно принялись за упражненія. Съ каждымъ днемъ дѣло шло все лучше, и, наконецъ, они стали летать такъ легко и красиво, что просто любо!

Настали осеннiе маневры; аисты начали приготовляться къ отлету на зиму въ теплые края. Вотъ такъ маневры пошли! Аисты летали взадъ и впередъ надъ лѣсами и озерами: имъ надо было испытать себя,—предстояло, вѣдь, огромное путешествiе! Наши птенцы отличились и получили на испытанiи не по нулю съ хвостомъ, а по двѣнадцати съ лягушкой и ужомъ! Лучше этого балла для нихъ и быть не могло,—лягушекъ и ужей можно, вѣдь, было съѣсть, что они и сдѣлали.

— Теперь будемъ мстить!—сказали они.

— Хорошо!—сказала мать.—Вотъ, что я придумала,—это будетъ лучше всего.—Я знаю, гдѣ лежитъ тотъ прудъ, въ которомъ сидятъ маленькiе дѣти до тѣхъ поръ, пока аистъ не возьметъ ихъ и не отнесетъ къ папѣ съ мамой. Прелестные, крошечные дѣтки спятъ и видятъ чудные сны, какихъ никогда уже не будутъ видѣть послѣ. Всѣмъ родителямъ очень хочется имѣть такого малютку, а всѣмъ дѣтямъ—крошечнаго братца или сестрицу. Полетимъ къ пруду, возьмемъ оттуда малютокъ и отнесемъ въ домъ къ тѣмъ дѣтямъ, которыя не дразнили аистовъ; нехорошiе же насмѣшники не получатъ ничего!

— А тому злому, который первый началъ дразнить насъ, ему что будетъ?—спросили молодые аисты.

— Въ прудѣ лежитъ одинъ мертвый ребенокъ,—онъ заспался до смерти—его-то мы и отнесемъ злому мальчику. Пусть поплачетъ, увидавъ, что мы принесли ему мертваго братца. А вотъ тому доброму мальчику—надѣюсь, вы не забыли его—который сказалъ, что грѣшно дразнить животныхъ, мы принесемъ заразъ и братца и сестрицу. Его зовутъ Петей, будемъ же и мы въ честь его зваться Петрами!

Какъ сказано, такъ и было сдѣлано, и вотъ всѣхъ аистовъ зовутъ съ тѣхъ поръ Петрами.

БРОНЗОВЫЙ КАБАНЪ.

Въ городѣ Флоренцiи, недалеко отъ площади дель-Гранъ-Дука, есть небольшой переулокъ, который зовется, если не ошибаюсь, Порта-Росса. Тутъ, передъ овощнымъ и зеленнымъ рынкомъ, стоитъ бронзовый кабанъ искусной работы; изо рта его бѣжитъ чистая свѣжая вода. Само животное совсѣмъ уже почернѣло отъ времени, одна морда блеститъ, какъ полирован-

ная; ее отполировали сотни рукъ бѣдняковъ, дѣтей и взрослыхъ, обнимавшихъ ее и подставлявшихъ подъ струю воды свои пересохшіе рты. Посмотрѣть только, какъ какой-нибудь хорошенькій полунагой мальчуганъ обнимаетъ красивое животное и приближаетъ свой свѣженькій ротикъ къ его мордѣ—настоящая картина! Всякій, кто попадетъ во Флоренцію, безъ труда найдетъ это мѣсто: стоитъ только спросить любого нищаго, и онъ сейчасъ скажетъ, гдѣ находится бронзовый кабанъ.

Былъ ранній зимній вечеръ; горы лежали всѣ въ снѣгу, но на небѣ сіялъ мѣсяцъ, а мѣсяцъ въ Италіи свѣтитъ такъ, что превращаетъ и ночь въ день, не хуже нашихъ темныхъ зимнихъ дней. Да что я—не хуже!—даже лучше, потому что тутъ свѣтится самый воздухъ, и небо какъ будто подымается выше, тогда какъ у насъ на сѣверѣ эта холодная свинцовая крыша-небо просто гнететъ насъ къ сырой землѣ, которая рано или поздно придавитъ крышку нашего гроба.

Въ герцогскомъ саду, подъ сѣнью пихтъ, гдѣ и зимой цвѣтутъ тысячи розъ, цѣлый день сидѣлъ маленькій оборвышъ. Мальчуганъ могъ бы послужить живымъ изображеніемъ Италіи: онъ такъ и сіялъ красотой и въ то же время былъ такъ жалокъ, такъ несчастенъ... Ему страшно хотѣлось ѣсть и пить, но никто не подалъ ему сегодня ни единой монетки. Между тѣмъ стемнѣло, садъ пора было запирать, и сторожъ выгналъ мальчика вонъ. Долго стоялъ бѣдняжка, задумавшись, на мосту, перекинутомъ черезъ Арно, и смотрѣлъ на блестѣвшія въ водѣ звѣзды.

Потомъ онъ направился къ бронзовому кабану, нагнулся, обхватилъ его ручонкой за шею и, приблизивъ ротикъ къ его блестящей мордѣ, сталъ жадно глотать свѣжую воду. Тутъ же валялись нѣсколько листочковъ салата и пара каштановъ—они пошли ему на ужинъ. На улицѣ не было ни души, мальчикъ былъ одинъ-одинешенекъ, и вотъ, онъ усѣлся на бронзоваго кабана, склонился курчавою головкой на голову животнаго и мигомъ заснулъ.

Въ полночь бронзовый кабанъ шевельнулся, и мальчикъ явственно услышалъ: „Держись крѣпче, малышъ, теперь я побѣгу"! И кабанъ въ самомъ дѣлѣ пустился съ мальчикомъ во всю прыть. Вотъ такъ ѣзда была!

Прежде всего они направились на площадь дель-Гранъ-Дука; бронзовая лошадь на герцогскомъ монументѣ громко заржала;

пестрые гербы на старой ратушѣ засвѣтились, точно транспаранты, а Давидъ Микеля Анджело взмахнулъ пращею; повсюду пробуждалась какая-то странная жизнь. Бронзовыя группы: „Персей“ и „Похищеніе Сабинянокъ“—стояли точно живыя; крикъ смертельнаго ужаса раздавался по великолѣпной безлюдной площади.

Возлѣ палаццо дельи-Уффици, подъ аркой, гдѣ собирается во время карнавала вся флорентійская знать, бронзовый кабанъ остановился.

— Держись крѣпче!—сказалъ онъ мальчику.—Теперь, маршъ вверхъ по лѣстницѣ!

Мальчуганъ за все это время не проронилъ ни словечка, трепеща отъ страха и отъ радости. Вотъ они вступили въ длинную галлерею; мальчикъ хорошо зналъ ее, онъ бывалъ здѣсь и прежде. Стѣны пестрѣли картинами, повсюду стояли бюсты и статуи, озаренные чуднымъ свѣтомъ; казалось, здѣсь царилъ свѣтлый день. Но еще лучше стало, когда растворилась дверь въ боковыя залы! Вся эта роскошь была хорошо памятна мальчику, но на этотъ разъ все являлось ему въ какомъ-то особенномъ чудномъ освѣщеніи.

Вотъ передъ нимъ прелестная нагая женщина; такое совершенство природы могло быть воспроизведено въ мраморѣ только искусствомъ несравненнаго художника. Ея дивныя формы дышали жизнью, у ногъ ея рѣзвились дельфины, безсмертіе сверкало въ ея взорѣ. Люди зовутъ ее Венерой Медицейской. По обѣимъ сторонамъ богини размѣстились мраморныя статуи чудныхъ юношей; одинъ точилъ мечъ—его зовутъ „Точильщикомъ“; на другомъ же пьедесталѣ боролись гладіаторы; и мечъ точился, и борцы сражались—ради богини красоты.

Весь этотъ блескъ почти ослѣплялъ мальчугана; стѣны сіяли разноцвѣтными красками; все было—сама жизнь, само движеніе. Тутъ было еще одно изображеніе Венеры, земной Венеры, полной жизни и огня, какою грезилась она Тиціану. Да, это были два чудныхъ женскихъ образа! Прекрасное, ничѣмъ неприкрытое тѣло Тиціановой Венеры покоилось на мягкомъ ложѣ; грудь ея тихо вздымалась, голова слегка шевелилась, пышные волосы падали на круглыя плечи, а темные глаза горѣли страстью. Ни одна изъ картинъ не смѣла, однако, совсѣмъ выступить изъ рамы. Сама богиня красоты, гладіаторы и точильщикъ тоже оставались на своихъ мѣстахъ: ихъ ско-

вывало сіяніе, лившееся отъ изображеній Мадонны, Іисуса и Іоанна. Святые перестали быть картинами, это были уже сами святые!

Что за красота, что за блескъ царили въ этихъ залахъ! Бронзовый кабанъ обошелъ ихъ шагъ за шагомъ, и мальчикъ увидѣлъ все. Одно зрѣлище вытѣснялось изъ памяти другимъ, но одна картина оставила въ его душѣ неизгладимый слѣдъ, главнымъ образомъ благодаря изображеннымъ на ней радостнымъ, счастливымъ дѣтямъ; мальчикъ уже разъ видѣлъ ихъ днемъ.

Многіе прошли бы, пожалуй, мимо этой картины, а между тѣмъ это истинное сокровище поэзіи. На ней изображенъ Христосъ, сходящій въ преисподнюю, но вокругъ Него толпятся не измученные грѣшники, а язычники. Рисовалъ картину флорентинецъ Анджіоло Бронзино. Лучше всего въ ней—выраженіе на лицахъ дѣтей твердой увѣренности въ томъ, что они взойдутъ на небо. Двое малютокъ уже обнимаются другъ съ другомъ; одинъ, стоящій повыше, протягиваетъ руки стоящему пониже, указывая при этомъ пальцемъ на самого себя, какъ бы говоря: „Я иду на небо!“ На лицахъ же взрослыхъ написаны робкая, неувѣренная надежда и смиренная мольба.

На эту картину мальчикъ смотрѣлъ дольше всего; бронзовый кабанъ стоялъ смирно, и вдругъ послышался тихій вздохъ; откуда онъ вырвался? Изъ картины или изъ груди животнаго? Мальчикъ протянулъ руку къ улыбающимся дѣтямъ, но кабанъ помчался обратно въ аванзалу.

— Спасибо тебѣ, милый, славный кабанчикъ!—сказалъ мальчуганъ и погладилъ животное, которое—тукъ, тукъ!—сбѣгало внизъ по лѣстницѣ.

— Спасибо и тебѣ!—сказалъ кабанъ.—Я помогъ тебѣ, а ты помогъ мнѣ: я могу двигаться лишь, когда на мнѣ сидитъ невинный ребенокъ. Тогда я могу даже проходить подъ лучами лампады, горящей передъ образомъ Мадонны. Всюду могу я входить съ тобой, только не въ церковь! Но смотрѣть туда въ открытыя двери мнѣ не воспрещено! Не слѣзай же съ меня! Если ты слѣзешь, я стану такимъ же мертвымъ, неподвижнымъ, какимъ ты видѣлъ меня днемъ въ переулкѣ Порта-Росса.

— Я не покину тебя, милый кабанъ!—сказалъ мальчикъ, и они вихремъ помчались по улицамъ на площадь, къ церкви Санта-Кроче.

Огромныя входныя двери раскрылись; на алтарѣ горѣли свѣчи, такъ что въ церкви и даже на безлюдной площади было свѣтло.

Съ надгробнаго памятника, помѣщавшагося въ лѣвомъ придѣлѣ церкви, струился какой-то удивительный свѣтъ: вокругъ памятника образовалось точно сіяніе изъ сотни тысячъ движущихся звѣздъ. На памятникѣ красовался гербъ: красная, словно пылающая въ огнѣ, лѣстница на голубомъ полѣ. То была гробница Галилея; она очень проста, гербъ же полонъ глубокаго значенія. Онъ могъ бы послужить гербомъ самого искусства или науки: представителей ихъ, вѣдь, тоже ведетъ къ безсмертію пылающая лѣстница; всѣ пророки искусства и науки, отмѣченные дарами Духа, восходятъ на небо, какъ пророкъ Илія.

Изображенія, помѣщавшіяся на мраморныхъ саркофагахъ въ правомъ придѣлѣ церкви, казалось, всѣ ожили. Тутъ стоялъ Микель Анджело, тамъ Данте съ лавровымъ вѣнкомъ на челѣ, здѣсь Альфіери, Макіавелли—повсюду великіе мужи, гордость Италіи *). Церковь Санта-Кроче великолѣпна, куда красивѣе, хоть и не такъ велика, какъ мраморный Флорентійскій соборъ.

Складки мраморныхъ одѣяній шевелились, а сами изображенія великихъ людей подымали головы и устремляли взоры на блестящій алтарь, откуда слышалось пѣніе и гдѣ кадили золотыми кадилами мальчики въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ; сильное благоуханіе струилось изъ церкви на площадь.

Мальчикъ протянулъ руку къ свѣтлому сіянію, но въ тотъ же мигъ бронзовый кабанъ помчался дальше, и ему пришлось крѣпко прижаться къ шеѣ животнаго. Вѣтеръ такъ и свистѣлъ у него въ ушахъ, двери собора съ визгомъ затворились; тутъ сознаніе оставило мальчика, смертельный холодъ охватилъ его члены и—онъ открылъ глаза.

Было уже утро; онъ полусидѣлъ, полулежалъ, почти совсѣмъ

*) Неподалеку отъ гробницы Галилея находится гробница Микеля Анджело; на ней—его бюстъ и три аллегорическихъ изображенія: скульптура, живопись и архитектура. Рядомъ—гробница Данте (тѣло его покоится въ Равеннѣ); на ней видна фигура Италіи, указывающая на колоссальную статую Данте; тутъ же поэзія оплакиваетъ понесенную ею утрату. Въ двухъ шагахъ—надгробный памятникъ Альфіери, украшенный лаврами, лирой и масками; надъ гробомъ плачетъ Италія. Гробница Макіавелли заканчиваетъ этотъ рядъ памятниковъ великихъ людей Италіи. *Примѣч. авт.*

соскользнувъ со спины кабана, который стоялъ, какъ и всегда, на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Ужасъ охватилъ мальчика при одной мысли о той, кого онъ звалъ матерью. Она послала его вчера собирать милостыню, но никто не подалъ ему ничего; голодъ мучилъ бѣдняжку. Еще разъ обнялъ онъ кабана, поцѣловалъ его въ морду, кивнулъ ему головой и направился въ одну изъ самыхъ узкихъ улицъ, гдѣ едва-едва могъ пройти навьюченный оселъ. Затѣмъ мальчикъ вошелъ въ полуотворенную, окованную желѣзомъ дверь и сталъ подниматься по грязной кирпичной лѣстницѣ со шнурками вмѣсто перилъ. Лѣстница вела на открытую галлерею, всю увѣшанную лохмотьями; съ галлереи во дворъ спускалась другая лѣстница; посреди двора находился колодецъ, отъ котораго во всѣ этажи были проведены толстыя желѣзныя проволоки, а по нимъ то и дѣло двигались ведра съ водой; воротъ скрипѣлъ, а вода изъ ведеръ плескала на мостовую двора. По узенькой, полуразвалившейся кирпичной лѣсенкѣ мальчикъ поднялся еще выше; на встрѣчу ему весело сбѣгали по ступенямъ двое русскихъ матросовъ и чуть не сбили мальчугана съ ногъ. Они возвращались съ веселой ночной пирушки; за ними шла не молодая, но крѣпко-сложенная женщина съ густыми черными волосами.

— Много принесъ?—спросила она мальчика.

— Не сердись! — взмолился онъ. — Никто не далъ мнѣ ничего!

И онъ схватился за край платья матери, какъ бы желая поцѣловать его. Они вошли въ комнату; описывать ее мы не станемъ; довольно будетъ сказать, что тутъ стоялъ глиняный горшокъ съ горячими угольями—грѣлка или *marito*, какъ его зовутъ въ Италіи. Женщина взяла его и стала грѣть свои руки.

— Что-нибудь да ты принесъ, все-таки! — сказала она, толкнувъ мальчика локтемъ.

Ребенокъ заплакалъ; она дала ему пинка ногою; онъ громко завопилъ.

— Замолчи, не то я разобью твою горластую башку!— сказала она и замахнулась на него грѣлкой.

Мальчикъ съ крикомъ припалъ къ землѣ. Дверь отворилась, и вошла сосѣдка, тоже съ грѣлкой въ рукахъ.

— Феличита! Что ты дѣлаешь съ ребенкомъ?

— Ребенокъ мой!—отвѣчала Филичита.—Я могу убить его, если захочу, да и тебя вмѣстѣ, Джіанина!

И она замахнулась грѣлкой. Сосѣдка подняла на защиту свою, и горшки столкнулись,—черепки, уголья и зола разлетѣлись по всей комнатѣ, а мальчикъ—за дверь, на дворъ, да на улицу! Бѣдный ребенокъ бѣжалъ, пока у него не захватило духъ, и онъ поневолѣ не остановился у церкви Санта-Кроче, у той самой, въ которой побывалъ сегодня ночью. Церковь вся сіяла въ огняхъ; онъ вошелъ, опустился на колѣни возлѣ первой гробницы направо—это была гробница Микеля Анджело—и громко зарыдалъ. Народъ приходилъ и уходилъ, обѣдня кончилась, никому не было дѣла до мальчика; пріостановился было и посмотрѣлъ на него только какой-то пожилой горожанинъ, но потомъ и тотъ пошелъ своею дорогой, какъ другіе.

Ребенокъ совсѣмъ обезсилѣлъ отъ голода и жажды, заползъ въ уголъ между стѣной и мраморной гробницей и заснулъ. Проснулся онъ только подъ вечеръ, — кто-то растолкалъ его; онъ всталъ и увидалъ передъ собою того же самаго старика.

— Тебѣ нездоровится? Гдѣ ты живешь? Ты цѣлый день здѣсь?—осыпалъ онъ мальчика вопросами.

Мальчикъ отвѣтилъ, и старикъ повелъ его въ маленькій домикъ, лежавшій въ одной изъ боковыхъ улицъ неподалеку отъ церкви. Они вошли въ перчаточную мастерскую: пожилая женщина прилежно шила, а по столу передъ ней прыгала маленькая бѣленькая болонка, остриженная такъ коротко, что сквозь шерстку просвѣчивало розовое тѣльце. Болонка кинулась къ мальчику.

— Невинныя души живо признаютъ другъ друга!—сказала женщина и погладила собачку и ребенка.

Добрые люди накормили и напоили мальчика, и позволили ему переночевать у нихъ, а на другой день дядюшка Джузеппе хотѣлъ поговорить съ матерью мальчугана.

Ребенка уложили на маленькую бѣдную постель, но она показалась ему княжеской,—онъ привыкъ, вѣдь, проводить ночи на жесткихъ камняхъ мостовой. Спокойно заснулъ онъ и видѣлъ во снѣ роскошныя картины и бронзоваго кабана.

Утромъ дядюшка Джузеппе ушелъ, а бѣдный мальчуганъ пригорюнился: дѣло кончится тѣмъ, что его отведутъ къ матери! И онъ плакалъ, цѣлуя бѣленькую рѣзвую собачку, а добрая женщина ласково кивала имъ головой.

Ну, съ чѣмъ-то вернулся дядюшка Джузеппе? Онъ долго бесѣдовалъ съ женой; та одобрительно покачивала головой и гладила мальчика по головкѣ, говоря:

— Такой милый мальчикъ! Изъ него выйдетъ славный перчаточникъ, не хуже тебя! У него такіе тонкіе, гибкіе пальцы! Онъ самою Мадонной назначенъ въ перчаточники!

И мальчикъ остался у нихъ. Жена перчаточника учила его шить; кормили его хорошо, спалъ онъ отлично и сдѣлался веселымъ, рѣзвымъ мальчикомъ, который не прочь былъ иногда и пошалить, и подразнить Беллисиму—такъ звали собачку; но хозяйка грозила ему пальцемъ, бранилась и сердилась, что очень огорчало мальчика. Разъ какъ-то онъ сидѣлъ, задумавшись, въ своей коморкѣ, въ которой сушились и кожи; окна, выходившія на улицу, были огорожены толстыми рѣшетками; мальчикъ не могъ спать, бронзовый кабанъ не выходилъ у него изъ головы, и, вдругъ, онъ услышалъ на улицѣ: тукъ! тукъ! Это навѣрное кабанъ! Мальчикъ бросился къ окну, но улица была уже пуста.

— Помоги-ка синьору, возьми ящикъ съ красками! — сказала разъ утромъ хозяйка при видѣ молодого сосѣда-художника, тащившаго ящикъ и еще накатанный на палку холстъ.

Мальчикъ взялъ ящикъ и пошелъ за художникомъ. Они отправились въ картинную галлерею и поднялись по той самой лѣстницѣ, которую мальчикъ такъ хорошо помнилъ съ той ночи, когда ѣздилъ на кабанѣ; онъ узналъ всѣ статуи и картины, чудную мраморную Венеру, Мадонну, Іисуса и Іоанна.

Вотъ они остановились передъ картиной Бронзино, на которой изображенъ Христосъ, нисходящій въ преисподнюю и окруженный улыбающимися и крѣпко вѣрящими въ свое спасеніе дѣтьми; бѣдный мальчикъ тоже весь просіялъ улыбкой,— онъ самъ чувствовалъ себя на небѣ.

— Ну, ступай себѣ!—сказалъ ему художникъ, успѣвшій уже установить свой мольбертъ.

— Нельзя-ли мнѣ посмотрѣть, какъ вы перенесете картину сюда, на этотъ бѣлый холстъ?—сказалъ мальчикъ.

— Теперь я еще не буду писать красками!—отвѣчалъ художникъ и взялъ углевый карандашъ.

Быстро задвигалась его рука, глаза впились въ большую картину, и, несмотря на то, что онъ дѣлалъ лишь одни тонкіе

штрихи, на холстѣ у него появился тотъ же воздушный образъ Христа, что и на картинѣ, писанной масляными красками.

— Ну, ступай же! — сказалъ опять художникъ, и мальчикъ тихонько побрелъ домой, сѣлъ за столъ и сталъ учиться... шить перчатки.

Но мысли его неслись къ картинной галлереѣ, онъ кололъ себѣ иголкою пальцы, работа не спорилась, зато и Беллисиму онъ больше не дразнилъ. Вечеромъ мальчикъ скользнулъ въ отворенную дверь на улицу; было холодно, но на небѣ сіяли чудныя, ясныя звѣздочки. Онъ побѣжалъ по безмолвнымъ улицамъ прямо къ бронзовому кабану, наклонился къ нему, поцѣловалъ его въ блестящую морду, потомъ усѣлся ему на спину и сказалъ:

— Какъ я соскучился по тебѣ, милый кабанъ! Надо намъ опять прокатиться сегодня ночью!

Бронзовый кабанъ не шевельнулся, изо рта его попрежнему бѣжала струя чистой, свѣжей воды. Мальчикъ сидѣлъ на немъ, точно всадникъ на конѣ, какъ вдругъ кто-то потянулъ его за край платья. Онъ взглянулъ и увидалъ Беллисиму, маленькую, голенькую Беллисиму! Собачка тоже незамѣтно шмыгнула въ дверь и увязалась за мальчикомъ. Беллисима тяфкала, словно хотѣла сказать мальчику: „И я тутъ! А ты куда это забрался?“ Явись передъ мальчикомъ огненный драконъ, бѣдняжка не испугался бы его больше Беллисимы. Беллисима на улицѣ и „не одѣта!“—какъ сказала бы хозяйка—что же теперь будетъ?! Зимою собачку никогда не выпускали изъ дома безъ теплой, нарочно для нея сшитой, овчинной попонки. Овчинка была украшена бубенчиками и бантиками, привязывалась же къ шейкѣ и подъ брюшкомъ красными ленточками. Сопровождая въ такомъ нарядѣ свою госпожу на прогулку, собачка была похожа на маленькаго, сѣменившаго ножками, барашка.

„Беллисима тутъ, и неодѣтая! Что теперь будетъ?“ Всѣ мечты разлетѣлись, мальчикъ поцѣловалъ бронзоваго кабана, подхватилъ Беллисиму — бѣдняжка дрожала отъ холода — и побѣжалъ домой, что было мочи.

— Что это у тебя? Куда бѣжишь?—закричали два попавшихся ему по дорогѣ жандарма; Беллисима залаяла.

— Гдѣ ты стащилъ такую хорошенькую собачку?—спросили они, и отняли ее у мальчика.

— Ахъ, отдайте мнѣ собачку!—умолялъ мальчуганъ.

— Если ты не укралъ ея, скажи дома, чтобы кто-нибудь пришелъ за ней на гауптвахту.

И они ушли съ Беллисимой.

Вотъ такъ горе! Что было ему дѣлать: броситься въ Арно или идти домой съ повинною? Хозяева, конечно, изобьютъ его до смерти! „Ну и пусть, я самъ хочу умереть; я пойду тогда къ Іисусу и Мадоннѣ!“ И онъ пошелъ домой главнымъ образомъ для того, чтобы умереть.

Дверь была заперта; онъ не могъ достать до дверного молотка; на улицѣ не было ни души, но на мостовой валялся булыжникъ, и мальчикъ принялся колотить имъ въ дверь.

— Кто тамъ?—послышался окликъ.

— Я!—сказалъ онъ.—Беллисимы нѣтъ! Отворите мнѣ и убейте меня до смерти.

Поднялась суматоха; особенно испугалась за бѣдную собачку хозяйка; она сейчасъ же взглянула на стѣну, гдѣ висѣла собачкина попонка,—овчинка была на мѣстѣ.

— Беллисима на гауптвахтѣ! —завопила она.—Ахъ, ты, негодный мальчишка! Какъ это ты выманилъ ее? Она замерзнетъ! Такое нѣжное созданьице въ рукахъ грубыхъ солдатъ!

И дядюшкѣ Джузеппе пришлось отправиться за собачкой. Хозяйка охала, а мальчикъ плакалъ; сбѣжались всѣ сосѣди, пришелъ и художникъ. Онъ притянулъ къ себѣ мальчугана, сталъ разспрашивать, какъ было дѣло и кое-какъ, клочками и отрывками, узналъ всю исторію о бронзовомъ кабанѣ и о картинной галлереѣ. Не сразу-то можно было понять мальчугана.

Художникъ утѣшалъ мальчика и заступался за него передъ старухой, но она успокоилась только тогда, когда дядюшка Джузеппе вернулся съ Беллисимой, побывавшей у солдатъ. То-то была радость! Художникъ приласкалъ бѣднаго мальчугана и далъ ему цѣлую горсть картинокъ.

Картинки были чудесныя, пресмѣшныя! Особенно хорошъ былъ бронзовый кабанъ,—ну, совсѣмъ какъ живой! Лучше его и быть ничего не могло! Художникъ сдѣлалъ нѣсколько штриховъ карандашемъ, и на бумагѣ появился бронзовый кабанъ; да не только онъ, а и домъ, находившійся позади него!

„Вотъ бы умѣть такъ рисовать и писать красками! Весь міръ сталъ бы моимъ! Все можно было бы перенести къ себѣ на бумагу“!

На другой день, улучивъ минуту, когда остался одинъ, мальчикъ схватилъ карандашъ и попробовалъ срисовать кабана на оборотной сторонѣ одной изъ картинокъ. Удалось! Немножко криво, немножко косо, одна нога толще другой, но все-таки можно было догадаться, что это—бронзовый кабанъ.

Мальчикъ ликовалъ! Правда, карандашъ еще плохо слушался его, — онъ отлично замѣчалъ это — но на слѣдующій день рядомъ съ первымъ бронзовымъ кабаномъ стоялъ другой; этотъ былъ уже во сто разъ лучше, третій же такъ хорошъ, что всякій сразу узналъ бы, съ кого онъ былъ срисованъ.

Зато плохо шло шитье перчатокъ, плохо и медленно исполнялись разныя маленькія порученія хозяевъ; благодаря бронзовому кабану, мальчикъ узналъ, что на бумагу можно перенести любую картину, а городъ Флоренція настоящій альбомъ— знай себѣ перелистывай! На площади делла-Тринита стоитъ стройная колонна; на самой вершинѣ ея—богиня правосудія съ завязанными глазами и вѣсами въ рукахъ; скоро и она попала на бумагу, перенесъ же ее туда ученикъ перчаточника. Коллекція рисунковъ у него все росла, но все это были пока изображенія предметовъ неодушевленныхъ. Разъ запрыгала передъ нимъ Беллисима, и онъ сказалъ ей:

— Стой смирно! Увидишь, какою ты выйдешь хорошенькою на картинкѣ!

Беллисима, однако, не хотѣла стоять смирно и пришлось ее привязать. Но и привязанная за хвостъ и за голову, она все-таки продолжала прыгать и лаять; понадобилось хорошенько затянуть шнурокъ. Вдругъ вошла синьора.

— Безбожный мальчишка! Бѣдная собачка!—вотъ все, что она могла вымолвить.

Потомъ она оттолкнула мальчика, дала ему пинка ногой и выгнала неблагодарнаго безбожника изъ дома, покрывая поцѣлуями и слезами бѣдную, полузадохшуюся Беллисиму.

Въ это время по лѣстницѣ подымался художникъ, и—тутъ поворотный пунктъ нашей исторіи.

Въ 1834 году во Флорентійской академіи художествъ была выставка. Двѣ картины, стоявшія рядомъ, привлекали толпы зрителей. На картинѣ поменьше былъ изображенъ веселый мальчуганъ, который срисовывалъ маленькую, бѣленькую, коротко обстриженную собачку.

Модель, видно, не хотѣла стоять смирно и потому была

прикручена къ столу за хвостъ и за голову шнуркомъ. Жизнь такъ и била въ этой картинѣ ключемъ, и всѣ были отъ нея въ восторгѣ. Картина принадлежала, какъ говорили, кисти молодого флорентинца, найденнаго гдѣ-то на улицѣ еще ребенкомъ, воспитаннаго старикомъ-перчаточникомъ и самоучкою выучившагося рисовать. Одинъ знаменитый теперь художникъ случайно открылъ его талантъ, когда мальчугана выгоняли вонъ изъ дома за то, что онъ, желая срисовать хозяйкину любимицу-собачку, связалъ и чуть-чуть не задушилъ ея.

Изъ ученика-перчаточника вышелъ великій художникъ,— объ этомъ свидѣтельствовала и упомянутая картина, въ особенности же та, большая, что находилась рядомъ. На ней была всего одна фигура: прелестный оборванный мальчуганъ крѣпко спалъ, сидя на бронзовомъ кабанѣ изъ переулка Порта-Росса [1]).

Всѣмъ зрителямъ было хорошо знакомо это мѣсто. Руки мальчика покоились на головѣ кабана. Милое, блѣдное дѣтское личико было ярко освѣщено лучами отъ лампады, висѣвшей передъ образомъ Мадонны. Картина была чудная! На уголъ великолѣпной золотой рамы былъ повѣшенъ лавровый вѣнокъ, но между зелеными листьями вилась черная лента и черный флеръ.

Молодой художникъ незадолго передъ тѣмъ умеръ.

ПОБРАТИМЫ.

Мы только что сдѣлали маленькое путешествіе и опять пустились въ новое, еще болѣе далекое. Куда? Въ Спарту! Въ Микены! Въ Дельфы! Тамъ тысячи мѣстъ, при одномъ названіи которыхъ сердце вспыхиваетъ желаніемъ путешествовать. Тамъ приходится пробираться верхомъ, взбираться по горнымъ тропинкамъ, продираться сквозь кустарники и ѣздить не иначе, какъ цѣлымъ караваномъ. Самъ ѣдешь верхомъ рядомъ съ проводникомъ, затѣмъ идетъ вьючная лошадь съ чемоданомъ, палаткой и провизіей и, наконецъ, въ видѣ прикрытія, двое солдатъ. Тамъ ужъ нечего надѣяться отдохнуть, послѣ утомительнаго дневного переѣзда, въ гостиницѣ; кровомъ путнику должна

[1]) Бронзовый кабанъ—копія; оригиналъ же—мраморный и стоитъ у входа въ галлерею паллацо degli Uffize. *Примѣч. авт.*

служитъ его собственная палатка; проводникъ готовитъ къ ужину пилавъ; тысячи комаровъ жужжатъ вокругъ палатки; какой ужъ тутъ сонъ! А на утро предстоитъ переѣзжать въ бродъ широко-разлившіяся рѣчки; тогда крѣпче держись въ сѣдлѣ—какъ разъ снесетъ!

Какая же награда за всѣ эти мытарства? Самая огромная, самая богатая! Природа предстаетъ здѣсь передъ человѣкомъ во всемъ своемъ величіи; съ каждымъ мѣстечкомъ связаны безсмертныя историческія воспоминанія, — глазамъ и мыслямъ полное раздолье! Поэтъ можетъ воспѣть эти чудныя картины природы, художникъ — перенести ихъ на полотно, но самаго букета дѣйствительности, который навѣки запечатлѣвается въ душѣ всякаго, видѣвшаго ихъ воочію, не въ силахъ передать ни тотъ, ни другой.

Одинокій пастухъ, обитатель дикихъ горъ, разскажетъ путешественнику что-нибудь изъ своей жизни, и его простой безхитростный разсказъ представитъ, пожалуй, въ нѣсколькихъ живыхъ штрихахъ, страну эллиновъ куда живѣе и лучше любого книжнаго описанія ея.

Такъ пусть же онъ разсказываетъ! Пусть разскажетъ намъ о прекрасномъ обычаѣ—побратимства.

„Нашимъ жильемъ была глиняная мазанка; вмѣсто дверныхъ косяковъ служили рубчатыя мраморныя колонны, случайно найденныя отцомъ. Покатая крыша спускалась чуть не до земли; я помню ее уже некрасивою, почернѣвшею, но когда жилье крыли, для нея были взяты цвѣтущія олеандры и свѣжія лавровыя деревья. Мазанка была затиснута между голыми сѣрыми отвѣсными, какъ стѣна, скалами. На вершинахъ скалъ зачастую покоились, словно какія-то живыя бѣлыя фигуры, облака. Никогда не слыхалъ я здѣсь пѣнія птичекъ, ни музыкальныхъ звуковъ волынки, не видалъ веселыхъ плясокъ молодежи; зато самое мѣсто было освящено преданіями старины; имя его само говоритъ за себя: Дельфы! Темныя, угрюмыя горы покрыты снѣгами; самая высокая гора, вершина которой дольше всѣхъ блеститъ подъ лучами заходящаго солнца, зовется Парнасомъ. Источникъ, журчавшій какъ разъ позади нашей хижины, тоже слылъ въ старину священнымъ; теперь его мутитъ своими ногами оселъ, но быстрая струя мчится безъ отдыха и опять становится прозрачной. Какъ знакомо мнѣ тутъ каждое мѣстечко, какъ сжился я съ этимъ глубокимъ священнымъ уединеніемъ!

Посреди мазанки разводился огонь, и когда отъ костра оставалась только горячая зола, въ ней пекли хлѣбы. Если мазанку нашу заносило снѣгомъ, мать моя становилась веселѣе, брала меня за голову обѣими руками, цѣловала въ лобъ и пѣла тѣ пѣсни, которыхъ въ другое время пѣть не смѣла: ихъ не любили наши властители—турки. Она пѣла: „На вершинѣ Олимпа, въ сосновомъ лѣсу, старый плакалъ олень, плакалъ горько, рыдалъ неутѣшно, и зеленыя, синія, красныя слезы лилися на землю ручьями, а мимо тутъ лань проходила. „—Что плачешь, олень, что роняешь зеленыя, синія, красныя слезы?—Въ нашъ городъ нагрянули турки толпой, а съ ними собакъ кровожадныя стаи! — Я ихъ погоню по лѣсамъ, по горамъ, прямо въ синяго моря бездонную глубь! — Такъ лань говорила, но вечеръ насталъ — ахъ, лань ужъ убита, и загнанъ олень!"

Тутъ на глазахъ матери навертывались слезы и повисали на длинныхъ рѣсницахъ, но она смахивала ихъ и повертывала пекшіеся въ золѣ черные хлѣбы на другую сторону. Тогда я сжималъ кулаки и говорилъ: „Мы убьемъ турокъ до смерти!" Но мать повторяла слова пѣсни: „Я ихъ погоню по лѣсамъ, по горамъ, прямо въ синяго моря бездонную глубь! — Такъ лань говорила, но вечеръ насталъ—ахъ, лань ужъ убита и загнанъ олень!"

Много ночей и дней проводили мы одни-одинешеньки съ матерью, но вотъ, приходилъ отецъ. Я зналъ, что онъ принесетъ мнѣ раковинъ изъ залива Лепанто или, можетъ быть, острый, блестящій ножъ. Но разъ онъ принесъ намъ ребенка, маленькую, нагую дѣвочку, которую несъ завернутою въ козью шкуру подъ своимъ овчиннымъ тулупомъ. Когда ее развернули, оказалось, что на ней не надѣто ничего, кромѣ трехъ серебряныхъ монетъ, вплетенныхъ въ ея черныя волосы. Отецъ разсказалъ намъ, что турки убили родителей дѣвочки, разсказалъ и еще много другого, такъ что я цѣлую ночь бредилъ этимъ во снѣ. Мой отецъ и самъ былъ раненъ; мать перевязала ему плечо; рана была глубока, толстая овчина вся пропиталась кровью. Дѣвочка должна была стать моею сестрой. Она была премиленькая, съ нѣжною, прозрачною кожей, и даже глаза моей матери не были кротче и нѣжнѣе глазъ Анастасіи,— такъ звали дѣвочку. Она должна была стать моею сестрой, потому что отецъ ея былъ побратимомъ моего; они побрата-

лись еще въ юности, согласно древнему, сохраняющемуся у насъ, обычаю. Мнѣ много разъ разсказывали объ этомъ прекрасномъ обычаѣ; покровительницей такого братскаго союза избирается всегда самая прекрасная и добродѣтельная дѣвушка окрестности.

И вотъ, малютка стала моею сестрой; я качалъ ее на своихъ колѣняхъ, приносилъ ей цвѣты и птичьи перышки; мы пили вмѣстѣ съ ней изъ Парнасскаго источника, спали рядышкомъ подъ лавровой крышей нашей мазанки и много зимъ подъ рядъ слушали пѣсню матери объ оленѣ, плакавшемъ зелеными, синими и красными слезами; но тогда я еще не понималъ, что въ этихъ слезахъ отражались скорби моего народа.

Разъ пришли къ намъ трое иноземцевъ, одѣтыхъ совсѣмъ не такъ, какъ мы; они привезли съ собою на лошадяхъ палатки и постели. Ихъ сопровождало болѣе двадцати турокъ, вооруженныхъ саблями и ружьями,—иноземцы были друзьями паши и имѣли отъ него письма. Они прибыли только для того, чтобы посмотрѣть на наши горы, потомъ взобраться къ снѣгамъ и облакамъ на вершину Парнаса и, наконецъ, увидать причудливыя, черныя, отвѣсныя скалы вокругъ нашей мазанки. Всѣмъ имъ нельзя было умѣститься въ ней на ночь, да они и не переносили дыма, подымавшагося отъ костра къ потолку и медленно пробиравшагося въ низенькую дверь. Они раскинули свои палатки на узкой площадкѣ передъ мазанкой стали жарить барановъ и птицъ и пили сладкое крѣпкое вино; турки же не смѣли его пить.

Когда они уѣзжали, я проводилъ ихъ недалеко; сестричка Анастасія висѣла у меня за спиной въ мѣшкѣ изъ козлиной шкуры. Одинъ изъ иноземныхъ гостей поставилъ меня къ скалѣ и срисовалъ меня и сестричку; мы вышли, какъ живые, и казались однимъ существомъ. Мнѣ-то этого и въ голову не приходило, а оно и въ самомъ дѣлѣ выходило такъ, что мы съ Анастасіей были какъ бы однимъ существомъ,—вѣчно лежала она у меня на колѣняхъ или висѣла за спиной, а если я спалъ, такъ снилась мнѣ во снѣ.

Двѣ ночи спустя въ нашей хижинѣ появились другіе гости. Они были вооружены ножами и ружьями; то были албанцы, храбрый народъ, какъ говорила мать. Не долго они пробыли у насъ. Сестрица Анастасія сидѣла у одного изъ нихъ на колѣняхъ, и когда онъ ушелъ, въ волосахъ у нея остались только двѣ серебряныхъ монетки. Албанцы свертывали изъ бумаги

трубочки, наполняли ихъ табакомъ и курили; самый старшій все толковалъ о томъ, по какой дорогѣ имъ лучше отправиться, и ни на что не могъ рѣшиться.

— Плюну туда—угожу себѣ въ лицо,—говорилъ онъ:— плюну сюда—угожу себѣ въ бороду!

Но какъ—ни какъ, а надо было выбрать какую-нибудь дорогу!

Они ушли и мой отецъ съ ними. Немного спустя, мы услышали выстрѣлы, потомъ еще и еще; въ мазанку къ намъ явились солдаты и забрали насъ всѣхъ: и мать, и Анастасію и меня. Разбойники нашли въ нашемъ домѣ пристанище,—говорили солдаты—мой отецъ былъ съ ними заодно, поэтому надо было забрать и насъ.

Я увидалъ трупы разбойниковъ, трупъ моего отца, и плакалъ, пока не уснулъ. Проснулся я уже въ темницѣ, но тюремное помѣщеніе наше было не хуже родной мазанки; мнѣ дали луку и налили отзывавшагося смолой вина, но и оно было не хуже домашняго, тоже хранившагося въ осмоленныхъ мѣшкахъ.

Какъ долго пробыли мы въ темницѣ—не знаю, помню только, что прошло много дней и ночей. Когда мы вышли оттуда, былъ праздникъ Св. Пасхи; я тащилъ на спинѣ Анастасію,—мать была больна и еле-еле двигалась. Не скоро дошли мы до моря; это былъ заливъ Лепанто. Мы вошли въ церковь, всю сіявшую образами, написанными на золотомъ фонѣ. Святые лики были ангельски прекрасны, но мнѣ все-таки казалось, что моя малютка-сестрица не хуже ихъ. Посреди церкви стояла гробница, наполненная розами; въ образѣ чудесныхъ цвѣтовъ лежалъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ—такъ сказала мнѣ мать. Священникъ провозгласилъ:—Христосъ воскресе!—и всѣ стали цѣловаться другъ съ другомъ. У всѣхъ были въ рукахъ зажженныя свѣчи; дали по свѣчкѣ и намъ съ малюткой Анастасіей. Потомъ загудѣли волынки, люди взялись за руки и, приплясывая, вышли изъ церкви. Женщины жарили подъ открытымъ небомъ пасхальныхъ агнцевъ; насъ тоже пригласили присѣсть къ огню, и я сѣлъ рядомъ съ мальчикомъ постарше меня, который меня обнялъ и поцѣловалъ со словами: „Христосъ воскресе!“ Такъ встрѣтились мы съ Афтанидомъ.

Мать умѣла плести рыболовныя сѣти; тутъ, возлѣ моря это давало хорошій заработокъ, и мы долго жили на берегу чуднаго моря, которое отзывалось на вкусъ слезами, а игрою красокъ напоминало слезы оленя: то оно было красное, то зеленое, то снова синее.

Афтанидъ умѣлъ грести, и мы съ Анастасіей часто садились къ нему въ лодку, которая скользила по заливу, какъ облачко по небу. При закатѣ солнца горы окрашивались въ темно-голубой цвѣтъ; съ залива было видно много горныхъ цѣпей, выглядывавшихъ одна изъ-за другой; видѣнъ былъ вдали и Парнасъ съ его снѣгами. Вершина его горѣла, какъ раскаленное желѣзо, и казалось, что весь этотъ блескъ и свѣтъ исходитъ извнутри ея самой, такъ какъ она продолжала блестѣть въ голубомъ сіяющемъ воздухѣ еще долго послѣ того, какъ солнце скрывалось. Бѣлыя чайки задѣвали крыльями за поверхность воды; на водѣ же обыкновенно стояла такая тишь, какая бывала въ Дельфахъ на площадкѣ между темными скалами. Я лежалъ въ лодкѣ на спинѣ, Анастасія сидѣла у меня на груди, а звѣзды надъ нами блестѣли ярче церковныхъ лампадъ. Это были тѣ же звѣзды, и стояли онѣ надъ моей головой какъ разъ такъ же, какъ тогда, когда я, бывало, сидѣлъ подъ открытымъ небомъ возлѣ нашей мазанки въ Дельфахъ. Подъ конецъ мнѣ стало грезиться, что я все еще тамъ... Вдругъ набѣжала волна, и лодку сильно качнуло. Я громко вскрикнулъ—Анастасія упала въ воду! Но Афтанидъ, быстрый, какъ молнія, вытащилъ ее и передалъ мнѣ. Мы сняли съ нея платье, выжали изъ него воду и потомъ опять одѣли ее. То же сдѣлалъ Афтанидъ, и мы оставались на водѣ до тѣхъ поръ, пока мокрыя платья не высохли. Никто и не узналъ, какого страха мы натерпѣлись, Афтанидъ же съ этихъ поръ тоже получилъ нѣкоторыя права на жизнь Анастасіи.

Настало лѣто! Солнце такъ и пекло, лиственныя деревья поблекли отъ жары, и я вспоминалъ о нашихъ прохладныхъ горахъ, о свѣжемъ источникѣ. Мать тоже томилась, и вотъ, однажды вечеромъ мы пустились въ обратный путь. Что за тишина была вокругъ! Мы шли по полямъ, заросшимъ тминомъ, который все еще благоухалъ, хотя солнце почти совсѣмъ спалило его. Намъ не попадалось навстрѣчу ни пастуха, ни мазанки. Безлюдно, мертвенно-тихо было вокругъ, только падучія звѣзды говорили, что тамъ, въ высотѣ, была жизнь. Не знаю, самъ-ли свѣтился прозрачный голубой воздухъ, или это сіяніе шло отъ звѣздъ, но мы хорошо различали всѣ очертанія горъ. Мать развела огонь, поджарила лукъ, которымъ запаслась въ дорогу, и мы съ сестрицей Анастасіей заснули на тминѣ,

ни мало не боясь ни гадкаго Смидраки *), изъ пасти котораго пышетъ огонь, ни волковъ, ни шакаловъ: мать была съ нами, и для меня этого было довольно.

Наконецъ, мы добрались до нашего стараго жилья, но отъ мазанки оставалась только куча мусору; пришлось дѣлать новую. Нѣсколько женщинъ помогли матери, и скоро новыя стѣны были подведены подъ крышу изъ вѣтвей олеандровъ. Мать стала плести изъ ремешковъ и коры плетенки для бутылокъ, а я взялся пасти маленькое стадо священника **); товарищами моими были Анастасія, да маленькія черепахи.

Разъ навѣстилъ насъ милый Афтанидъ. Онъ сильно соскучился по насъ, сказалъ онъ, и пришелъ повидаться съ нами. Цѣлыхъ два дня пробылъ онъ у насъ и потомъ простился.

Черезъ мѣсяцъ онъ пришелъ опять и разсказалъ намъ, что поступаетъ на корабль и уѣзжаетъ на острова Патросъ и Корфу, оттого и пришелъ проститься съ нами. Матери онъ принесъ въ подарокъ большую рыбу. Онъ зналъ столько разныхъ исторій, такъ много разсказывалъ намъ, и не только о рыбахъ, что водятся въ заливѣ Лепанто, но и о короляхъ, и о герояхъ, господствовавшихъ въ Греціи въ былыя времена, какъ турки теперь.

Я не разъ видѣлъ, какъ на розовомъ кустѣ появляется бутонъ, и какъ онъ черезъ нѣсколько дней или недѣль распускается въ чудный цвѣтокъ; но бутонъ обыкновенно становился цвѣткомъ прежде, чѣмъ я успѣвалъ подумать о томъ, какъ хорошъ, великъ и зрѣлъ самый бутонъ. То же самое вышло и съ Анастасіей. И вотъ она стала взрослой дѣвушкой; я давно былъ сильнымъ парнемъ. Постели моей матери и Анастасіи были покрыты волчьими шкурами, которыя я содралъ собственными руками съ убитыхъ мною звѣрей. Года шли за годами.

Разъ вечеромъ явился Афтанидъ, стройный, крѣпкій и загорѣлый. Онъ расцѣловалъ насъ и принялся разсказывать о морѣ, объ укрѣпленіяхъ Мальты, о диковинныхъ гробницахъ Египта. Разсказы его были такъ чудесны, точно легенды, что мы слышали отъ священника. Я смотрѣлъ на Афтанида съ какимъ-то почтеніемъ.

*) Смидраки, по повѣрію грековъ, чудовище, образующееся изъ неразрѣзанныхъ и брошенныхъ въ полѣ желудковъ убитыхъ овецъ. *Прим. автора.*

**) Священникомъ зачастую становится первый грамотный крестьянинъ, но простолюдины зовутъ его „святѣйшимъ отцомъ“ и падаютъ при встрѣчѣ съ нимъ ницъ. *Прим. автора.*

— Какъ много ты всего знаешь, сколько у тебя разсказовъ!—сказалъ я ему.

— Ты однажды разсказалъ мнѣ кое-что получше!—отвѣчалъ онъ.—И разсказъ твой не идетъ у меня изъ головы. Ты разсказывалъ мнѣ какъ-то о прекрасномъ старомъ обычаѣ побратимства! Вотъ этому-то обычаю я хотѣлъ бы послѣдовать! Станемъ же братьями, какъ твой отецъ съ отцемъ Анастасіи! Пойдемъ въ церковь и пусть прекраснѣйшая и добродѣтельнѣйшая изъ дѣвушекъ—Анастасія скрѣпитъ нашъ союзъ и будетъ сестрой намъ обоимъ! Ни у одного народа нѣтъ болѣе прекраснаго обычая, чѣмъ у насъ, грековъ, побратимство!

Анастасія покраснѣла, какъ свѣжій розовый лепестокъ, а мать моя поцѣловала Афтанида.

Въ разстояніи часа отъ нашего жилья, тамъ, гдѣ скалы покрыты черноземомъ, лежитъ, въ тѣни небольшой группы деревъ, маленькая церковь; передъ алтаремъ виситъ серебряная лампада.

Я надѣлъ самое лучшее свое платье: вокругъ бедеръ богатыми складками легла фустанелла; станъ плотно охватила красная куртка; на фескѣ красовалась серебряная кисть, а за поясомъ ножъ и пистолеты. На Афтанидѣ былъ голубой нарядъ греческихъ моряковъ; на груди у него висѣлъ серебряный образокъ Божіей Матери, станъ былъ опоясанъ драгоцѣннымъ шарфомъ, какіе носятъ знатные господа. Всякій сразу увидалъ бы, что мы готовились къ какому-то торжеству. Мы отправились въ маленькую уединенную церковь, всю залитую лучами вечерняго солнца, игравшими на лампадѣ и на золотомъ фонѣ образовъ. Мы преклонили колѣни на ступеняхъ передъ алтаремъ; Анастасія стала повыше, обернувшись къ намъ лицомъ. Длинное, бѣлое платье легко и свободно облегало ея стройный станъ; на бѣлой шеѣ и груди красовались мониста изъ древнихъ и новыхъ монетъ. Черные волосы ея были связаны на затылкѣ въ узелъ и придерживались уборомъ изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, найденныхъ при раскопкахъ старыхъ храмовъ; богатѣйшаго убора не могло быть ни у одной гречанки. Лицо ея сіяло, глаза горѣли какъ звѣзды.

Всѣ мы сотворили про себя молитву, и Анастасія спросила насъ:

— Хотите ли вы быть друзьями на жизнь и на смерть?

— Да!—отвѣтили мы.

— Будетъ-ли каждый изъ васъ помнить всегда и всюду, что бы съ нимъ ни случилось: „братъ мой—часть меня самого; моя святыня—его святыня, мое счастье—его счастье, я долженъ жертвовать и стоять за него, какъ за самого себя“.

И мы повторили: „Да!“

Тогда она соединила наши руки, поцѣловала каждаго изъ насъ въ лобъ, и всѣ мы опять прошептали молитву. Изъ алтаря вышелъ священникъ и благословилъ насъ, а въ самомъ алтарѣ раздалось пѣніе другихъ „святѣйшихъ отцовъ“. Вѣчный братскій союзъ былъ заключенъ. Когда мы вышли изъ церкви, я увидалъ мою мать, плакавшую отъ умиленія.

Какъ стало весело въ нашей мазанкѣ у Дельфійскаго источника! Вечеромъ, наканунѣ того дня, какъ Афтанидъ долженъ былъ оставить насъ, мы задумчиво сидѣли съ нимъ на склонѣ горы. Его рука обвивала мой станъ, моя—его шею. Мы говорили о бѣдствіяхъ Греціи и о людяхъ, на которыхъ она могла бы опереться. Наши мысли и сердца были открыты другъ другу. И вотъ, я схватилъ его за руку.

— Одного еще не знаешь ты—того, что было извѣстно до сихъ поръ лишь Богу, да мнѣ! Моя душа горитъ любовью! И эта любовь сильнѣе моей любви къ матери, сильнѣе любви къ тебѣ!..

— Кого же любишь ты?—спросилъ Афтанидъ, краснѣя.

— Анастасію!—сказалъ я.

И рука друга задрожала въ моей, а лицо его покрылось смертною блѣдностью. Я замѣтилъ это и понялъ все! Я думаю, что и моя рука задрожала, когда я нагнулся къ нему, поцѣловалъ его въ лобъ и прошепталъ:

— Я еще не говорилъ ей объ этомъ! Можетъ быть, она и не любитъ меня!.. Братъ, вспомни, я видѣлъ ее ежедневно, она выросла на моихъ глазахъ и вросла въ мою душу!

— И она будетъ твоей!—сказалъ онъ.—Твоей! Я не могу и не хочу украсть ее у тебя! Я тоже люблю ее, но... завтра я уйду отсюда! Увидимся черезъ годъ, когда вы будете уже мужемъ и женою, не правда-ли?.. У меня есть кое-какія деньги—они твои! Ты долженъ взять, ты возьмешь ихъ!

Тихо поднялись мы на гору; уже свечерѣло, когда мы остановились у дверей мазанки.

Анастасія посвѣтила намъ при входѣ; матери моей не было дома. Анастасія печально посмотрѣла на Афтанида и сказала:

— Завтра ты покинешь насъ! Какъ это огорчаетъ меня!

— Огорчаетъ тебя! — сказалъ онъ, и мнѣ послышалась въ его голосѣ такая же боль, какая жгла и мое сердце. Я не могъ вымолвить ни слова, но онъ взялъ Анастасію за руку и сказалъ:

— Братъ нашъ любитъ тебя, а ты его? Въ его молчаніи— его любовь!

И Анастасія затрепетала и залилась слезами. Тогда всѣ мои мысли обратились къ ней, я видѣлъ и помнилъ одну ее, рука моя обняла ея станъ, и я сказалъ ей:

— Да, я люблю тебя!

И уста ея прижались къ моимъ устамъ, а руки обвились вокругъ моей шеи... Но тутъ лампа упала на полъ, и въ хижинѣ воцарилась такая же темнота, какъ въ сердцѣ бѣднаго Афтанида.

На зарѣ онъ крѣпко поцѣловалъ насъ всѣхъ и ушелъ. Матери моей онъ оставилъ для меня всѣ свои деньги. Анастасія сдѣлалась моею невѣстой, а нѣсколько дней спустя —и женой".

РОЗА СЪ МОГИЛЫ ГОМЕРА.

Всѣ восточныя сказанія говорятъ о любви соловья къ розѣ: въ тихія звѣздныя ночи несется къ благоухающему цвѣтку серенада крылатаго пѣвца.

Недалеко отъ Смирны, возлѣ дороги, окаймленной высокими платанами, видѣлъ я цвѣтущій розовый кустъ. Мимо него проходятъ, гордо выпрямляя свои длинныя шеи и неуклюже ступая по священной землѣ тонкими ногами, навьюченные верблюды. Въ вѣтвяхъ платановъ гнѣздятся дикіе голуби, и крылья ихъ блещутъ на солнцѣ перламутромъ.

На этомъ розовомъ кустѣ особенно хороша была одна роза; къ ней-то неслась пѣсня соловья, но роза молчала; ни капли росы не блестѣло на ея лепесткахъ слезою состраданія; она клонилась вмѣстѣ съ вѣтвями къ лежавшему подъ кустомъ большому камню.

— Тутъ покоится величайшій изъ пѣвцовъ земныхъ!—говорила роза. — Лишь надъ его могилой буду я благоухать, на нее буду ронять свои лепестки, оборванные вѣтромъ! Прахъ творца Иліады смѣшался съ землею, и изъ этой земли выросла

я! Я — роза съ могилы Гомера слишкомъ священна, чтобы цвѣсти для какого-то бѣднаго соловья!

И соловей пѣлъ, пѣлъ, пока не умеръ.

Проходилъ караванъ; за начальникомъ каравана шли навьюченные верблюды и черные рабы. Маленькій сынъ его нашелъ мертвую птицу, и крошечнаго пѣвца зарыли въ могилѣ великаго Гомера, надъ которою качалась отъ дуновенья вѣтра роза.

Насталъ вечеръ; роза плотнѣе свернула лепестки и заснула. И снился ей чудный солнечный день; на поклоненіе къ могилѣ Гомера пришла толпа чужеземцевъ-франковъ; между ними былъ пѣвецъ изъ страны тумановъ и сѣвернаго сіянія. Онъ сорвалъ розу, вложилъ ее въ книгу и увезъ съ собою въ другую часть свѣта, на свою далекую родину. И роза увяла отъ тоски, а пѣвецъ, вернувшись домой, открылъ книгу и сказалъ:

— Вотъ роза съ могилы Гомера!

Вотъ что снилось розѣ; проснувшись, она вся затрепетала отъ сильнаго порыва вѣтра. Капля росы упала съ ея лепестковъ на могилу пѣвца, но вотъ встало солнце, и роза расцвѣла пышнѣе прежняго, — она все еще была, вѣдь, въ своей теплой Азіи.

Послышались шаги, явились чужеземцы-франки, которыхъ видѣла роза во снѣ, и между ними былъ одинъ сѣверный поэтъ. Онъ сорвалъ розу, запечатлѣлъ на ея свѣжемъ сердечкѣ свой поцѣлуй и увезъ ее съ собой въ страну тумановъ и сѣвернаго сіянія.

Какъ мумія, покоится она теперь въ его Иліадѣ и словно сквозь сонъ слышитъ, какъ онъ говоритъ, открывая книгу:

— Вотъ роза съ могилы Гомера!

ОЛЕ-ЗАКРОЙ ГЛАЗКИ.

Никто въ свѣтѣ не знаетъ столько сказокъ, сколько знаетъ ихъ Оле-Закрой Глазки. Вотъ мастеръ-то разсказывать!

Вечеромъ, когда дѣти преспокойно сидятъ за столомъ или на своихъ скамеечкахъ, является Оле-Закрой Глазки. Онъ обутъ въ однѣ чулки и тихо-тихо подымается по лѣстницѣ; потомъ осторожно пріотворитъ дверь, неслышно шагнетъ въ комнату и слегка прыснетъ дѣтямъ въ глаза сладкимъ моло-

комъ. Въ рукахъ у него маленькая спринцовка, и молоко брызжетъ изъ нея тоненькой-тоненькой струйкой. Тогда вѣки у дѣтей начинаютъ слипаться, и они ужъ не могутъ разглядѣть Оле, а онъ подкрадывается къ нимъ сзади и начинаетъ легонько дуть имъ въ затылки. Подуетъ, и головки у нихъ сейчасъ отяжелѣютъ. Боли при этомъ никакой, —у Оле-Закрой Глазки нѣтъ, вѣдь, злого умысла; онъ хочетъ только, чтобы дѣти угомонились, а для этого ихъ непремѣнно надо уложить въ постель! Ну, вотъ, онъ и уложитъ ихъ, а потомъ ужъ начинаетъ разсказывать сказки.

Когда дѣти заснутъ, Оле-Закрой Глазки присаживается къ нимъ на постель; одѣтъ онъ чудесно; на немъ шелковый кафтанъ, только нельзя сказать, какого цвѣта: онъ отливаетъ то голубымъ, то зеленымъ, то краснымъ, смотря по тому, въ какую сторону повернется Оле. Подъ мышками у него по зонтику: одинъ съ картинками, который онъ раскрываетъ надъ хорошими дѣтьми, и тогда имъ всю ночь снятся чудеснѣйшія сказки, а другой совсѣмъ простой, гладкій, который онъ развертываетъ надъ нехорошими дѣтьми; эти спятъ всю ночь, какъ чурбаны, и поутру оказывается, что они ровно ничего не видали во снѣ!

Послушаемъ же о томъ, какъ Оле-Закрой Глазки навѣщалъ каждый вечеръ одного маленькаго мальчика Яльмара и разсказывалъ ему сказки! Это будетъ цѣлыхъ семь сказокъ, — въ недѣлѣ, вѣдь, семь дней.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

— Ну, вотъ, —сказалъ Оле-Закрой Глазки, уложивъ Яльмара въ постель: —теперь разуберемъ комнату!

И въ одинъ мигъ всѣ комнатные цвѣты и растенія выросли въ большія дерева, которыя протянули свои длинныя вѣтви вдоль стѣнъ къ самому потолку; вся комната превратилась въ чудеснѣйшую бесѣдку. Вѣтки деревъ были усѣяны цвѣтами; каждый цвѣтокъ по красотѣ и запаху былъ лучше розы, а вкусомъ слаще варенья; плоды же блестѣли, какъ золотые. Еще на деревьяхъ были пышки, которыя чуть не лопались отъ изюмной начинки. Просто чудо что такое! Вдругъ поднялись ужасные стоны въ ящикѣ стола, гдѣ лежали учебныя принадлежности Яльмара.

— Что тамъ такое!—сказалъ Оле-Закрой Глазки, пошелъ и выдвинулъ ящикъ.

Оказалось, что это рвала и метала аспидная доска: въ рѣшеніе написанной на ней задачи вкралась ошибка, и всѣ вычисленія готовы были распасться; грифель скакалъ и прыгалъ на своей веревочкѣ, точно собачка; онъ очень желалъ помочь дѣлу, да не могъ. Громко стонала и тетрадь Яльмара; просто ужасъ бралъ, слушая ее! На каждой страницѣ, въ началѣ каждой строки, стояли чудесныя большія и рядомъ съ ними маленькія буквы, — это была пропись; возлѣ же шли другія, воображавшія, что держатся такъ же твердо. Ихъ писалъ самъ Яльмаръ, и они, казалось, спотыкались объ линейки, на которыхъ должны были бы стоять.

— Вотъ какъ надо держаться!—говорила пропись.—Вотъ такъ, съ легкимъ наклономъ направо!

— Ахъ, мы бы и рады,—отвѣчали буквы Яльмара:—да не можемъ! Мы такія плохонькія!

— Такъ я угощу васъ дѣтскимъ порошкомъ!—сказалъ Оле-Закрой Глазки.

— Ай, нѣтъ, нѣтъ!—закричали они и выпрямились такъ, что любо!

— Ну, теперь намъ не до сказокъ! — сказалъ Оле-Закрой Глазки.—Будемъ-ка упражняться! Разъ-два! разъ-два!

И онъ довелъ буквы Яльмара до того, что онѣ стояли ровно и бодро, какъ любая пропись. Но когда Оле-Закрой Глазки ушелъ, и Яльмаръ утромъ проснулся, они смотрѣли такими же жалкими, какъ прежде.

ВТОРНИКЪ.

Какъ только Яльмаръ улегся, Оле-Закрой Глазки дотронулся своею волшебною спринцовкой до комнатной мебели, и всѣ вещи сейчасъ же начали болтать между собою; всѣ, кромѣ плевальницы; эта молчала и сердилась про себя на ихъ суетность: говорить только о себѣ, да о себѣ и даже не подумать о той, что такъ скромно стоитъ въ углу и позволяетъ въ себя плевать!

Надъ комодомъ висѣла большая картина въ золоченой рамѣ; на ней была изображена красивая мѣстность: высокія, старыя деревья, трава, цвѣты и большая рѣка, убѣгавшая мимо чудныхъ дворцовъ, за лѣсъ, въ далекое море.

Оле-Закрой Глазки дотронулся волшебною спринцовкой до картины, и нарисованныя на ней птицы запѣли, вѣтви деревьевъ

зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, какъ скользила по картинѣ ихъ тѣнь.

Затѣмъ Оле приподнялъ Яльмара къ рамѣ, и мальчикъ сталъ ногами прямо въ высокую траву. Солнышко свѣтило на него сквозь вѣтви деревьевъ, онъ побѣжалъ къ водѣ и усѣлся въ лодочку, которая колыхалась у берега. Лодочка была выкрашена красною и бѣлою краской, паруса блестѣли, какъ серебряные, и шесть лебедей, въ золотыхъ коронахъ, съ сіяющими голубыми звѣздами на головахъ, повлекли лодочку вдоль зеленыхъ лѣсовъ, гдѣ деревья разсказывали о разбойникахъ и вѣдьмахъ, а цвѣты—о прелестныхъ маленькихъ эльфахъ и о томъ, что разсказывали имъ бабочки.

Чудеснѣйшія рыбы съ серебристою и золотистою чешуей плыли за лодкой, ныряли и плескали въ водѣ хвостами; красныя, голубыя, большія и маленькія птицы летѣли за Яльмаромъ двумя длинными вереницами; комары танцовали, а майскіе жуки гудѣли; всѣмъ хотѣлось провожать Яльмара, и у каждаго была для него наготовѣ сказка.

Да, вотъ такъ было плаванье!

Лѣса то густѣли и темнѣли, то становились похожими на чудеснѣйшіе сады, освѣщенные солнцемъ и усѣянные цвѣтами. По берегамъ рѣки лежали большіе хрустальные и мраморные дворцы; на балконахъ ихъ стояли принцессы, и все это были знакомыя Яльмару дѣвочки, съ которыми онъ часто игралъ.

Всѣ онѣ протягивали ему руки, и каждая держала въ правой рукѣ славнаго обсахареннаго пряничнаго поросенка. Яльмаръ, проплывая мимо, схватывался за одинъ конецъ пряника, принцесса крѣпко держалась за другой, и пряникъ разламывался пополамъ; каждый получалъ свою долю, но Яльмаръ побольше, принцесса поменьше. У всѣхъ дворцовъ стояли на часахъ маленькіе принцы; они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его дождемъ изюма и оловянныхъ солдатиковъ,—вотъ что значитъ настоящіе-то принцы!

Яльмаръ плылъ черезъ лѣса, черезъ какіе-то огромные залы и города... Проплылъ онъ и черезъ тотъ городъ, гдѣ жила его старая няня, которая нянчила его, когда онъ былъ еще малюткой и очень любила его. И вотъ онъ увидалъ ее; она кланялась, посылала ему рукою воздушные поцѣлуи и пѣла хорошенькую пѣсенку, которую сама сложила и прислала Яльмару:

Мой Яльмаръ, тебя вспоминаю
Почти каждый день, каждый часъ!
Сказать не могу, какъ желаю
Тебя увидать вновь, хоть разъ!
Тебя, вѣдь, я въ люлькѣ качала,
Учила ходить, говорить,
И въ щечки, и въ лобъ цѣловала,
Такъ—какъ мнѣ тебя не любить!
Люблю тебя, ангелъ ты мой дорогой!
Да будетъ вовѣки Господь Богъ съ тобой!

И птички подпѣвали ей, цвѣты приплясывали, а старыя ивы кивали головами, какъ будто Оле-Закрой Глазки и имъ разсказывалъ сказку.

СРЕДА.

Ну и дождь лилъ! Яльмаръ слышалъ этотъ страшный шумъ даже во снѣ; когда же Оле-Закрой Глазки открылъ окно, оказалось, что вода стояла вровень съ окномъ. Цѣлое озеро! Зато къ самому дому причалилъ великолѣпнѣйшій корабль.

— Хочешь прокатиться, Яльмаръ?—спросилъ Оле.—Побываешь ночью въ чужихъ земляхъ, а къ утру—опять дома!

И вотъ Яльмаръ, разодѣтый по праздничному, очутился на кораблѣ. Погода сейчасъ же прояснилась, и они поплыли по улицамъ, мимо церкви,—кругомъ было одно сплошное огромное озеро. Наконецъ, они уплыли такъ далеко, что земля совсѣмъ скрылась у нихъ съ глазъ. По поднебесью неслась стая аистовъ; они тоже собрались въ чужіе теплые края и летѣли длинною вереницей, одинъ за другимъ. Они были въ пути уже много, много дней, и одинъ изъ нихъ такъ усталъ, что крылья почти отказывались ему служить. Онъ летѣлъ позади всѣхъ, потомъ отсталъ и началъ опускаться на своихъ распущенныхъ крыльяхъ все ниже и ниже, вотъ взмахнулъ ими еще раза два, но все напрасно! Скоро онъ задѣлъ за мачту корабля, скользнулъ по снастямъ и—бухъ!—сталъ прямо на палубу.

Юнга подхватилъ его и посадилъ въ птичникъ къ курамъ, уткамъ и индѣйкамъ. Бѣдняга аистъ стоялъ и уныло озирался кругомъ.

— Ишь, какой!—сказали куры.

А индѣйскій пѣтухъ надулся, какъ только могъ, и спросилъ

у аиста, кто онъ таковъ; утки же пятились, подталкивали другъ друга и крякали.

И аистъ разсказалъ имъ о жаркой Африкѣ, о пирамидахъ и о страусахъ, которые носятся по пустынѣ съ быстротой дикихъ лошадей, но утки ничего этого не поняли и опять стали подталкивать одна другую:

— Ну, не глупъ-ли онъ?

— Конечно, глупъ!—сказалъ индѣйскій пѣтухъ и сердито забормоталъ. Аистъ замолчалъ и сталъ думать о своей Африкѣ про себя.

— Какія у васъ чудесныя, тонкія ноги!—сказалъ индѣйскій пѣтухъ.—Почемъ аршинъ?

— Крякъ! крякъ! крякъ!—закрякали смѣшливыя утки, но аистъ какъ будто и не слыхалъ.

— Могли бы и вы посмѣяться съ нами!—сказалъ аисту индѣйскій пѣтухъ.—Очень забавно было сказано! Да куда, это, вѣрно, слишкомъ низменно для него! Вообще нельзя сказать, чтобы онъ отличался понятливостью! Что-жъ, будемъ забавлять самихъ себя!

И курицы кудахтали, утки крякали, и это ихъ ужасно забавляло.

Но Яльмаръ подошелъ къ птичнику, открылъ дверцу, поманилъ аиста, и тотъ выпрыгнулъ къ нему на палубу,—теперь онъ успѣлъ отдохнуть. И вотъ, аистъ какъ будто поклонился Яльмару въ знакъ благодарности, взмахнулъ широкими крыльями и полетѣлъ въ теплые края. А курицы закудахтали, утки закрякали, индѣйскій же пѣтухъ такъ надулся, что гребешокъ у него весь налился кровью.

— Завтра изъ васъ сварятъ супъ!—сказалъ Яльмаръ и проснулся опять въ своей маленькой кроваткѣ.

Славное путешествіе сдѣлали они ночью съ Оле-Закрой Глазки!

ЧЕТВЕРГЪ.

— Знаешь что?—сказалъ Оле-Закрой Глазки.—Только не испугайся! Я сейчасъ покажу тебѣ мышку!—И правда, въ рукѣ у него была прехорошенькая мышка.—Она явилась пригласить тебя на свадьбу! Двѣ мышки собираются сегодня ночью вступить въ бракъ. Живутъ онѣ подъ поломъ мамашиной кладовой. Чудесное помѣщеніе, говорятъ!

— А какъ же я пройду сквозь маленькую дырочку въ полу?— спросилъ Яльмаръ.

— Ужъ положись на меня!—сказалъ Оле-Закрой Глазки.— Ты у меня сдѣлаешься маленькимъ.

И онъ дотронулся до мальчика своею волшебною спринцовкой. Яльмаръ вдругъ сталъ уменьшаться, уменьшаться и, наконецъ, сдѣлался величиною всего съ пальчикъ.

— Теперь можно будетъ одолжиться мундиромъ у оловяннаго солдатика. Я думаю, этотъ нарядъ будетъ вполнѣ подходящимъ: мундиръ, вѣдь, такъ краситъ, ты же идешь въ гости!

— Ну, хорошо!—согласился Яльмаръ и былъ нряженъ чудеснѣйшимъ оловяннымъ солдатикомъ.

— Не угодно-ли вамъ сѣсть въ наперстокъ вашей матушки!— сказала Яльмару мышка.—Я буду имѣть честь отвезти васъ.

— Ахъ, неужели вы сами будете безпокоиться, барышня!— сказалъ Яльмаръ, и вотъ они поѣхали на мышиную свадьбу.

Проскользнувъ въ дырочку, прогрызенную мышами въ полу, они попали сначала въ длинный, узкій проходъ-корридоръ, въ которомъ какъ разъ только и можно было проѣхать въ наперсткѣ. Корридоръ былъ иллюминованъ гнилушками.

— Вѣдь, чудный запахъ?—спросила мышка-возница.— Весь корридоръ смазанъ саломъ! Что можетъ быть лучше?

Наконецъ, добрались и до самой залы, гдѣ праздновалась свадьба. Направо, перешептываясь и пересмѣиваясь между собой, стояли все мышки-дамы, а налѣво, покручивая лапками усы, мышки-кавалеры. По самой же серединѣ, на выдолбленной коркѣ сыра, возвышались сами женихъ съ невѣстой и страшно цѣловались на глазахъ у всѣхъ. Что-жъ, они были, вѣдь, обручены и готовились вступить въ бракъ.

А гости все прибывали, да прибывали; мыши чуть не давили другъ друга на смерть, и вотъ, счастливая парочка помѣстилась въ самыхъ дверяхъ, такъ что никому больше нельзя было ни войти, ни выйти. Зала, какъ и корридоръ, вся была смазана саломъ; другого угощенья и не было; въ видѣ же дессерта гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачныхъ выгрызла ихъ имена, т. е., конечно, всего-на-всего двѣ первыя буквы. Диво, да и только!

Всѣ мыши объявили, что свадьба была великолѣпная, и что время проведено очень пріятно.

Яльмаръ поѣхалъ домой. Довелось и ему побывать въ знат-

ной компаніи; зато пришлось порядкомъ съежиться и облечься въ мундиръ оловяннаго солдатика.

ПЯТНИЦА.

— Просто не вѣрится, сколько есть пожилыхъ людей, которымъ страхъ какъ хочется залучить меня къ себѣ! — сказалъ Оле-Закрой Глазки. — Особенно желаютъ этого тѣ, кто сдѣлалъ что-нибудь дурное. „Добренькій, миленькій Оле“, говорятъ они мнѣ: „мы просто не можемъ сомкнуть глазъ, лежимъ безъ сна всю ночь напролетъ и видимъ вокругъ себя всѣ свои дурныя дѣла. Они, точно гадкіе, маленькіе тролли, сидятъ по краямъ постели и брызжутъ на насъ кипяткомъ. Мы бы съ удовольствіемъ заплатили тебѣ, Оле!“ добавляютъ они съ глубокимъ вздохомъ. „Спокойной же ночи, Оле! Деньги на окнѣ!“ Да что мнѣ деньги! Я ни къ кому не прихожу за деньги!

— За что бы намъ взяться сегодня ночью? — спросилъ Яльмаръ.

— Не хочешь-ли опять побывать на свадьбѣ? Только не на такой, какъ вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одѣта мальчикомъ и зовется Германомъ, хочетъ повѣнчаться съ куклой Бертой; кромѣ того, сегодня день рожденія куклы и потому готовится много подарковъ!

— Знаю, знаю! — сказалъ Яльмаръ. — Какъ только кукламъ понадобится новое платье, сестра сейчасъ празднуетъ ихъ рожденіе или свадьбу. Это ужъ было сто разъ!

— Да, а сегодня ночью будетъ сто первый и, значитъ, послѣдній! Оттого и готовится нѣчто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмаръ взглянулъ на столъ. Тамъ стоялъ домикъ изъ картона; окна были освѣщены и всѣ оловянные солдатики держали ружья на караулъ. Женихъ съ невѣстой задумчиво сидѣли на полу, прислонившись къ ножкѣ стола; да, имъ таки было о чемъ задуматься! Оле-Закрой Глазки, наряженный въ бабушкину черную юбку, обвѣнчалъ ихъ, и вотъ, вся комнатная мебель запѣла, на мотивъ марша, забавную пѣсенку, которую написалъ карандашъ.

Затянемъ пѣсенку дружнѣй,
Какъ вѣтеръ пусть несется!
Хотя чета наша ей-ей
Ничѣмъ не отзовется.

Изъ лайки оба и торчатъ
На палкахъ безъ движенья,
Зато роскошенъ ихъ нарядъ—
Глазамъ на заглядѣнье!
Итакъ, прославимъ пѣсней ихъ:
Ура! невѣста и женихъ!

Затѣмъ молодые получили подарки, но отказались отъ всего съѣдобнаго; они были сыты своей любовью.

— Что-жъ, поѣхать намъ теперь на дачу или отправиться за-границу?—спросилъ молодой.

На совѣтъ пригласили ласточку и старую курицу, которая уже пять разъ была насѣдкой. Ласточка разсказала о теплыхъ краяхъ, гдѣ зрѣютъ сочныя, тяжелыя виноградныя кисти, гдѣ воздухъ такъ мягокъ, а горы расцвѣчены такими красками, о какихъ здѣсь не имѣютъ и понятія.

— Тамъ нѣтъ зато нашей зеленой капусты!—сказала курица.—Разъ я со всѣми своими цыплятами провела лѣто въ деревнѣ; тамъ была цѣлая куча песку, въ которомъ мы могли рыться и копаться сколько угодно! Кромѣ того, намъ былъ открытъ входъ въ огородъ съ капустой! Ахъ, какая она была зеленая! Не знаю, что можетъ быть красивѣе!

— Да, вѣдь, одинъ кочанъ похожъ на другой, какъ двѣ капли воды!—сказала ласточка.—Къ тому же здѣсь такъ часто бываетъ дурная погода.

— Ну, къ этому можно привыкнуть!—сказала курица.

— А какой тутъ холодъ! Того и гляди замерзнешь! Ужасно холодно!

— То-то и хорошо для капусты!—сказала курица.—Да, наконецъ, и у насъ бываетъ тепло! Вѣдь, четыре года тому назадъ лѣто стояло у насъ цѣлыхъ пять недѣль! Да какая жарища-то была! Всѣ задыхались! Кстати сказать, у насъ нѣтъ тѣхъ ядовитыхъ животныхъ, какъ у васъ тамъ! Нѣтъ и разбойниковъ! Надо быть никуда негоднымъ созданьемъ, чтобы не находить нашу страну самою лучшею въ мірѣ! Такое созданье не достойно и жить въ ней!—Тутъ курица заплакала.—Я, вѣдь, тоже путешествовала, какъ же! Цѣлыхъ двѣнадцать миль проѣхала въ боченкѣ! И никакого удовольствія нѣтъ въ путешествіи!

— Да, курица особа вполнѣ достойная!—сказала кукла Берта.—Мнѣ тоже вовсе не нравится ѣздить по горамъ,—то

вверхъ, то внизъ, то вверхъ, то внизъ! Нѣтъ, мы переѣдемъ на дачу въ деревню, гдѣ есть песочная куча, и будемъ гулять въ огородѣ съ капустой.

На томъ и порѣшили.

СУББОТА.

— А сегодня будешь разсказывать? — спросилъ Яльмаръ, какъ только Оле-Закрой Глазки уложилъ его въ постель.

— Сегодня некогда!—отвѣтилъ Оле и раскрылъ надъ мальчикомъ свой красивый зонтикъ. — Погляди-ка вотъ на этихъ китайцевъ!

Зонтикъ былъ похожъ на большую китайскую чашу, росписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которыхъ стояли, кивая головами, маленькіе китайцы.

— Сегодня надо будетъ принарядить къ завтрашнему дню весь міръ!—продолжалъ Оле.—Завтра, вѣдь, святой день, воскресенье! Мнѣ надо пойти на колокольню, посмотрѣть, вычистили - ли церковные карлики всѣ колокола,—не то они плохо будутъ звонить завтра; потомъ надо въ поле, посмотрѣть, смелъ-ли вѣтеръ пыль съ травы и листьевъ. Самая же трудная работа еще впереди: надо снять съ неба и перечистить всѣ звѣздочки. Я собираю ихъ въ свой передникъ, но приходится, вѣдь, нумеровать каждую звѣздочку и каждую дырочку, гдѣ она сидѣла, чтобы потомъ размѣстить ихъ, какъ слѣдуетъ, иначе онѣ плохо будутъ держаться и посыпятся съ неба одна за другой!

– Послушайте-ка вы, господинъ Оле-Закрой Глазки!— сказалъ вдругъ висѣвшій на стѣнѣ старый портретъ.—Я прадѣдушка Яльмара и очень вамъ благодаренъ за то, что вы разсказываете мальчику сказки; но вы не должны извращать его понятій. Звѣзды нельзя снимать съ неба и чистить. Звѣзды такія же свѣтила, какъ наша земля, тѣмъ-то онѣ и хороши!

— Спасибо тебѣ, прадѣдушка! — отвѣчалъ Оле-Закрой Глазки.—Спасибо! Ты—глава фамиліи, „старая голова", но я все-таки постарше тебя! Я старый язычникъ; римляне и греки звали меня богомъ сновидѣній! Я имѣлъ и имѣю входъ въ знатнѣйшіе дома, и знаю, какъ обходиться и съ большими и съ малыми! Можешь теперь разсказывать самъ!

— И Оле-Закрой Глазки ушелъ, взявъ подъ мышку свой зонтикъ.

— Ну, ужъ нельзя и высказать своего мнѣнія! — сказалъ старый портретъ.

Тутъ Яльмаръ проснулся.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

— Добрый вечеръ! — сказалъ Оле-Закрой Глазки.

Яльмаръ кивнулъ ему головкой, вскочилъ и повернулъ прадѣдушкинъ портретъ лицомъ къ стѣнѣ, чтобы онъ опять не вмѣшался въ разговоръ.

— А теперь ты разскажи мнѣ сказки про пять зеленыхъ горошинъ, родившихся въ одной шелухѣ, про пѣтушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, что воображала себя швейной иголкой.

— Ну, хорошенькаго понемножку! — сказалъ Оле-Закрой Глазки. — Я лучше покажу тебѣ кое-что. Я покажу тебѣ своего брата, его тоже зовутъ Оле-Закрой Глазки, но онъ ни къ кому не является больше одного раза въ жизни. Когда же явится, беретъ человѣка, сажаетъ къ себѣ на лошадь и разсказываетъ ему сказки. Онъ знаетъ только двѣ: одна такъ безподобно хороша, что никто и представить себѣ не можетъ, а другая такъ ужасна, что... да нѣтъ, невозможно даже и сказать — какъ!

Тутъ Оле-Закрой Глазки приподнялъ Яльмара, поднесъ его къ окну и сказалъ:

— Сейчасъ увидишь моего брата, другого Оле - Закрой Глазки. Люди зовутъ его также смертью. Видишь, онъ вовсе не такой страшный, какимъ рисуютъ его на картинкахъ! Кафтанъ на немъ весь вышитъ серебромъ, что твой гусарскій мундиръ; за плечами развѣвается черный бархатный плащъ! Гляди, какъ онъ скачетъ въ галопъ!

И Яльмаръ увидалъ какъ мчался во весь опоръ другой Оле-Закрой Глазки и сажалъ къ себѣ на лошадь и старыхъ и малыхъ. Однихъ онъ сажалъ передъ собою, другихъ позади; но сначала всегда спрашивалъ:

— Какія у тебя отмѣтки за поведеніе?

— Хорошія! — отвѣчали всѣ.

— Покажите-ка! — говорилъ онъ.

Приходилось показать, и вотъ, тѣхъ, у кого были отличныя, или хорошія отмѣтки, онъ сажалъ впереди себя и разсказывалъ имъ чудную сказку, а тѣхъ, у кого были посред-

ственныя или плохія—позади себя, и эти должны были слушать ужасную сказку. Они тряслись отъ страха, плакали и хотѣли спрыгнуть съ лошади, да не могли—они сразу крѣпко приростали къ сѣдлу.

— Но, вѣдь, смерть—чудеснѣйшій Оле-Закрой Глазки!—сказалъ Яльмаръ.—И я ничуть не боюсь его!

— Да и нечего бояться!—сказалъ Оле.—Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошія отмѣтки за поведеніе!

— Да, вотъ это поучительно!—пробормоталъ прадѣдушкинъ портретъ.—Все-таки, значитъ, не мѣшаетъ иногда высказать свое мнѣніе!

И онъ былъ очень доволенъ.

Вотъ тебѣ и вся исторія объ Оле-Закрой Глазки! А вечеромъ пусть онъ самъ разскажетъ тебѣ еще что-нибудь.

ЭЛЬФЪ.

Въ саду красовался розовый кустъ, весь усыпанный чудными розами. Въ одной изъ нихъ, самой прекрасной межъ всѣми, жилъ эльфъ, такой крошечный, что человѣческимъ глазомъ его и не разглядѣть было. За каждымъ лепесткомъ розы у него было по спальнѣ; самъ онъ былъ удивительно нѣженъ и милъ, ну, точь-въ-точь хорошенькій ребенокъ, только съ большими крыльями за плечами. Ахъ, какой ароматъ стоялъ въ его комнатахъ, какъ красивы и прозрачны были ихъ стѣнки! То были, вѣдь, нѣжные лепестки розы.

Весь день игралъ эльфъ на солнышкѣ, порхалъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, плясалъ на крыльяхъ у рѣзвыхъ мотыльковъ и измѣрялъ, сколько шаговъ пришлось бы ему сдѣлать, чтобы обѣжать всѣ дорожки и тропинки на одномъ липовомъ листѣ. За дорожки и тропинки онъ принималъ жилки листка, да онѣ и были для него безконечными дорогами! Разъ, не успѣлъ онъ обойти и половины ихъ, глядь — солнышко ужъ закатилось; онъ и началъ-то, впрочемъ, не рано.

Стало холодно, пала роса, подулъ вѣтеръ, эльфъ разсудилъ, что пора домой, и заторопился изо всѣхъ силъ, но когда добрался до своей розы, оказалось, что она уже закрылась и ему нельзя было попасть въ нее; успѣли закрыться и всѣ остальныя розы. Бѣдный крошка-эльфъ перепугался: ни-

когда еще не оставался онъ на ночь безъ прiюта, всегда сладко спалъ между розовыми лепестками, а теперь!... Ахъ, вѣрно, не миновать ему смерти!

Вдругъ онъ вспомнилъ, что на другомъ концѣ сада есть бесѣдка, вся увитая чудеснѣйшими каприфолiями; въ одномъ изъ этихъ большихъ, пестрыхъ цвѣтковъ, похожихъ на рога, онъ и рѣшилъ проспать до утра.

И вотъ, онъ полетѣлъ туда. Тссъ! Тутъ были люди: красивый молодой человѣкъ и премиленькая дѣвушка. Они сидѣли рядышкомъ и хотѣли бы вѣкъ не разставаться: они такъ горячо любили другъ друга, куда горячѣе, нежели самый добрый ребенокъ любитъ своихъ маму и папу.

— Увы! мы должны разстаться!—сказалъ молодой человѣкъ.—Твой братъ не хочетъ нашего счастья и потому отсылаетъ меня съ порученiемъ далеко-далеко за море! Прощай-же, дорогая моя невѣста! Я все-таки имѣю право назвать тебя такъ!

И они поцѣловались. Молодая дѣвушка заплакала и дала ему на память о себѣ розу, но сначала запечатлѣла на ней такой крѣпкiй и горячiй поцѣлуй, что цвѣтокъ раскрылся. Эльфъ сейчасъ же влетѣлъ въ него и прислонился головкой къ нѣжнымъ, душистымъ стѣнкамъ.

Вотъ раздалось послѣднее: „прощай“, и эльфъ почувствовалъ, что роза заняла мѣсто на груди молодого человѣка. О, какъ билось его сердце! Крошка-эльфъ просто не могъ заснуть отъ этой стукотни.

Не долго, однако, пришлось розѣ покоиться на груди. Молодой человѣкъ вынулъ ее и, проходя по большой, темной рощѣ, цѣловалъ цвѣтокъ такъ часто и такъ крѣпко, что крошка-эльфъ чуть не задохся. Онъ ощущалъ сквозь лепестки цвѣтка, какъ горѣли губы молодого человѣка; сама роза раскрылась, словно подъ лучами полуденнаго солнца.

Тутъ появился другой человѣкъ, мрачный и злой братъ красивой молодой дѣвушки. Онъ вытащилъ большой, острый ножъ и убилъ молодого человѣка, цѣловавшаго цвѣтокъ, затѣмъ отрѣзалъ ему голову и зарылъ ее вмѣстѣ съ туловищемъ въ рыхлую землю подъ липой.

„Теперь о немъ не будетъ и номина!“ —подумалъ злой братъ.—„Небось, не вернется больше. Ему предстоялъ далекiй путь за море, а въ такомъ пути не трудно проститься съ

жизнью, — ну, вотъ, такъ оно и случилось! Вернуться онъ больше не вернется, и спрашивать о немъ сестра меня не посмѣетъ".

И онъ нашвырялъ ногами на то мѣсто, гдѣ схоронилъ убитаго, сухихъ листьевъ, и пошелъ себѣ домой. Но шелъ онъ во тьмѣ ночной не одинъ: съ нимъ былъ крошка-эльфъ. Эльфъ сидѣлъ въ сухомъ, свернувшемся въ трубочку, липовомъ листкѣ, упавшемъ злодѣю на голову въ то время, какъ тотъ зарывалъ яму. Окончивъ работу, убійца надѣлъ на голову шляпу; подъ ней было страхъ какъ темно, и крошка-эльфъ весь дрожалъ отъ ужаса и отъ негодованія на злодѣя.

На зарѣ злой человѣкъ пришелъ домой, снялъ шляпу и прошелъ въ спальню сестры. Молодая, цвѣтущая красавица спала и видѣла во снѣ того, кого она такъ любила и кто уѣхалъ теперь, какъ она думала, за море. Злой братъ наклонился надъ ней и засмѣялся злобнымъ, дьявольскимъ смѣхомъ; сухой листокъ выпалъ изъ его волосъ на одѣяло сестры, но онъ не замѣтилъ этого и ушелъ къ себѣ соснуть до утра. Эльфъ выкарабкался изъ сухого листка, приблизился къ самому уху молодой дѣвушки и разсказалъ ей во снѣ объ ужасномъ убійствѣ, описалъ мѣсто, гдѣ оно произошло, цвѣтущую липу, подъ которой убійца зарылъ тѣло, и, наконецъ, добавилъ: „А чтобы ты не приняла всего этого за простой сонъ, я оставлю на твоей постели сухой листокъ". — И она нашла этотъ листокъ, когда проснулась.

О, какъ горько она плакала! Но никому не смѣла бѣдняжка довѣрить своего горя. Окно стояло отвореннымъ цѣлый день, крошка-эльфъ легко могъ выпорхнуть въ садъ и летѣть къ розамъ и другимъ цвѣтамъ, но ему не хотѣлось оставить бѣдняжку одну. На окнѣ стояла въ цвѣточномъ горшкѣ мѣсячная роза; онъ усѣлся въ одинъ изъ ея цвѣтовъ и глазъ не сводилъ съ убитой горемъ дѣвушки. Братъ ея нѣсколько разъ входилъ въ комнату и былъ злобно-веселъ; она же не смѣла и заикнуться ему о своемъ сердечномъ горѣ.

Какъ только настала ночь, дѣвушка потихоньку вышла изъ дома, отправилась въ рощу, прямо къ липовому дереву, разбросала сухія листья, разрыла землю и нашла убитаго. Ахъ, какъ она плакала и молила Бога, чтобы онъ послалъ смерть и ей.

Она бы охотно унесла съ собой дорогое тѣло, да нельзя было, и вотъ она взяла блѣдную голову съ закрытыми гла-

зами, поцѣловала холодныя губы и отряхнула землю съ прекрасныхъ волосъ.

— Оставлю же себѣ хоть это! — сказала она, зарыла тѣло и опять набросала на то мѣсто сухихъ листьевъ, а голову унесла съ собой, вмѣстѣ съ небольшою вѣточкой жасмина.

Придя домой, она отыскала самый большой цвѣточный горшокъ, положила туда голову убитаго, засыпала ее землей и посадила въ землю жасминовую вѣточку.

— Прощай! Прощай! — прошепталъ крошка-эльфъ: онъ не могъ вынести такого печальнаго зрѣлища и улетѣлъ въ садъ къ своей розѣ, но она уже отцвѣла, и вокругъ зелененькаго плода держалось всего два-три поблекшихъ лепестка.

— Ахъ, какъ скоро приходитъ конецъ всему хорошему и прекрасному! — вздохнулъ эльфъ.

Наконецъ, онъ отыскалъ себѣ другую розу и уютно зажилъ между ея благоухающими лепестками. Но каждое утро леталъ онъ къ окну несчастной дѣвушки и вѣчно находилъ ее, всю въ слезахъ, подлѣ цвѣточнаго горшка. Горькія слезы ручьями лились на жасминовую вѣточку, и по мѣрѣ того, какъ сама дѣвушка день-ото-дня блѣднѣла и худѣла, вѣточка все росла, да зеленѣла, пуская одинъ отростокъ за другимъ. Скоро появились и маленькіе бутончинки; дѣвушка цѣловала ихъ, а злой братъ сердился и спрашивалъ, не сошла-ли она съ ума: иначе онъ ничѣмъ и не могъ объяснить себѣ эти вѣчныя слезы, которыя она проливала надъ цвѣткомъ. Онъ, вѣдь, не зналъ, чьи закрытые глаза, чьи розовыя губы превратились въ землю въ этомъ горшкѣ. А бѣдная сестра его склонила разъ головку къ цвѣтку, да такъ и задремала; какъ разъ въ это время прилетѣлъ крошка-эльфъ, прильнулъ къ ея уху и сталъ разсказывать ей о послѣднемъ ея свиданіи съ милымъ въ бесѣдкѣ, о благоуханіи розъ, о любви эльфовъ... Дѣвушка спала такъ сладко, и среди этихъ чудныхъ грёзъ незамѣтно отлетѣла отъ нея жизнь. Она умерла и соединилась на небѣ съ тѣмъ, кого такъ любила.

По всей комнатѣ разлился чудный, нѣжный запахъ бѣлыхъ колокольчиковъ жасмина, — это они оплакивали усопшую.

Злой братъ посмотрѣлъ на красивый цвѣтущій кустъ, взялъ его себѣ въ наслѣдство послѣ умершей сестры и поставилъ его у себя въ спальнѣ, возлѣ самой кровати. Крошка-эльфъ послѣдовалъ за нимъ и сталъ летать отъ одного колокольчика

къ другому: въ каждомъ жилъ маленькій духъ, и эльфъ разсказалъ имъ всѣмъ объ убитомъ молодомъ человѣкѣ, о зломъ братѣ и о бѣдной сестрѣ.

— Знаемъ! Знаемъ! Вѣдь, мы же выросли изъ глазъ и изъ губъ убитаго!—отвѣтили духи цвѣтовъ и при этомъ какъ-то странно покачали головками.

Эльфъ не могъ понять, какъ могутъ они оставаться такими равнодушными, полетѣлъ къ пчеламъ, которыя собирали медъ, и тоже разсказалъ имъ о зломъ братѣ. Пчелы пересказали это своей царицѣ, и та рѣшила, что всѣ онѣ на слѣдующее же утро накажутъ убійцу.

Но ночью,—это была первая ночь послѣ смерти сестры—когда братъ спалъ близь благоухающаго жасминоваго куста, каждый колокольчикъ раскрылся, и оттуда вылетѣлъ невидимый, но вооруженный ядовитымъ копьемъ, духъ цвѣтка. Всѣ они подлетѣли къ уху спящаго и стали нашептывать ему дурные сны, потомъ сѣли на его губы и вонзили ему въ языкъ свои ядовитыя копья.

— Теперь мы отомстили за убитаго!—сказали они и опять спрятались въ бѣлые колокольчики жасмина.

Утромъ окно въ спальнѣ вдругъ распахнулось, и влетѣли эльфъ и царица пчелъ съ своимъ роемъ; они явились убить злого брата.

Но онъ уже умеръ. Вокругъ постели толпились люди и говорили:

— Его убилъ сильный запахъ цвѣтовъ.

Тогда эльфъ понялъ, что то была месть цвѣтовъ и разсказалъ объ этомъ царицѣ пчелъ, а она со всѣмъ своимъ роемъ принялась летать и жужжать вокругъ благоухающаго куста. Нельзя было отогнать пчелъ, и одинъ изъ присутствовавшихъ хотѣлъ унести кустъ въ другую комнату, но одна пчела ужалила его въ руку, онъ уронилъ цвѣточный горшокъ, и тотъ разбился въ дребезги.

Тутъ всѣ увидали черепъ убитаго и поняли, кто былъ убійца.

А царица пчелъ съ шумомъ полетѣла по воздуху и жужжала о мести цвѣтовъ, объ эльфѣ, и о томъ, что даже за самымъ крошечнымъ лепесткомъ скрывается кто-то, кто можетъ разсказать о всякомъ преступленіи и наказать самого преступника.

СВИНОПАСЪ.

Жилъ-былъ бѣдный принцъ. Королевство у него было маленькое-премаленькое, но жениться все-таки было можно, а жениться-то принцу хотѣлось.

Разумѣется, съ его стороны было нѣсколько смѣло заявить дочери императора: —Хочешь за меня? —Впрочемъ, онъ носилъ славное имя и зналъ, что сотни принцессъ съ благодарностью отвѣтили бы на его предложеніе согласіемъ. Да вотъ, ждите-ка этого отъ императорской дочки!

Послушаемъ же, какъ было дѣло.

На могилѣ покойнаго отца принца выросъ розовый кустъ несказанной красоты; цвѣлъ онъ только разъ въ пять лѣтъ и распускалась на немъ всего одна единственная роза. Зато она разливала такой сладкій ароматъ, что, впивая его, можно было забыть всѣ свои горести и заботы. Еще былъ у принца соловей, который пѣлъ такъ дивно, словно у него въ горлышкѣ были собраны всѣ чудеснѣйшія мелодіи, какія только есть въ свѣтѣ. И роза, и соловей назначены были въ даръ принцессѣ; ихъ положили въ большіе серебряные ларцы и отослали къ ней.

Императоръ велѣлъ принести ларцы прямо въ большую залу, гдѣ принцесса играла со своими фрейлинами „въ гости"; другихъ занятій у нихъ не было. Увидавъ большіе ларцы съ подарками, принцесса захлопала отъ радости въ ладоши.

— Ахъ, если бы тутъ была маленькая киска! —сказала она, но—появилась прелестная роза.

— Ахъ, какъ это мило сдѣлано! —сказали всѣ фрейлины.

— Больше, чѣмъ мило! —сказалъ императоръ. —Это прямо недурно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая!

— Фи! —сказали и всѣ придворные. —Настоящая!

— Погодимъ сердиться! Посмотримъ сначала, что въ другомъ ларцѣ! —возразилъ императоръ, и вотъ изъ ларца появился соловей и запѣлъ такъ чудесно, что нельзя было сейчасъ же найти въ немъ какого-нибудь недостатка.

— Superbe! Charmant! — сказали фрейлины; всѣ онѣ болтали по-французски, одна хуже другой.

— Какъ эта птичка напоминаетъ мнѣ органчикъ покойной

императрицы!—сказалъ одинъ старый придворный.—Да, тотъ же тонъ, та же манера давать звукъ!

— Да!—сказалъ императоръ, и заплакалъ какъ ребенокъ.

— Надѣюсь, что птица не настоящая!—сказала принцесса.

— Настоящая!—отвѣтили ей доставившіе подарки послы.

— Такъ пусть себѣ летитъ!—сказала принцесса, и такъ и не позволила принцу явиться къ ней самому.

Но принцъ не унывалъ, вымазалъ себѣ все лицо черной и бурой краской, нахлобучилъ шапку и постучался.

— Здравствуйте, императоръ! — сказалъ онъ. — Не найдется-ли у васъ для меня во дворцѣ какого-нибудь мѣстечка?

— Много васъ тутъ ходитъ, да ищетъ!—отвѣтилъ императоръ.—Впрочемъ, постой, мнѣ надо свинопаса! У насъ пропасть свиней!

И вотъ принца утвердили придворнымъ свинопасомъ и отвели ему жалкую крошечную коморку, рядомъ съ свиными закутками. Весь день просидѣлъ онъ за работой и къ вечеру смастерилъ чудесный горшочекъ. Горшочекъ былъ весь увѣшанъ бубенчиками, и когда въ немъ что-нибудь варили, бубенчики названивали старую пѣсенку:

Ахъ, мой милый Августинъ,
Все прошло, прошло, прошло!

Занимательнѣе же всего было то, что, держа надъ подымавшимся изъ горшочка паромъ руку, можно было узнать какое у кого въ городѣ готовилось кушанье. Да, ужъ горшочекъ не чета былъ какой-нибудь розѣ!

Вотъ принцесса отправилась со своими фрейлинами на прогулку и вдругъ услыхала мелодическій звонъ бубенчиковъ. Она сразу остановилась и вся просіяла: она тоже умѣла наигрывать на фортепіано „Ахъ мой милый Августинъ“. Только одну эту мелодію она и наигрывала, зато однимъ пальцемъ.

— Ахъ, вѣдь, и я это играю!—сказала она.—Такъ свинопасъ-то у насъ образованный! Слушайте, пусть кто-нибудь изъ васъ пойдетъ и спроситъ у него, что стоитъ этотъ инструментъ.

Одной изъ фрейлинъ пришлось надѣть деревянные башмаки и пойти на задній дворъ.

— Что возьмешь за горшочекъ?—спросила она.

— Десять принцессиныхъ поцѣлуевъ!—отвѣчалъ свинопасъ.

— Боже избави!—сказала фрейлина.

— А дешевле нельзя!—отвѣчалъ свинопасъ.

— Ну, что онъ сказалъ?—спросила принцесса.

— Право и передать нельзя! — отвѣчала фрейлина. — Это ужасно!

— Такъ шепни мнѣ на ухо!

И фрейлина шепнула принцессѣ.

— Вотъ невѣжа!—сказала принцесса и пошла было, но... бубенчики зазвенѣли такъ мило:

Ахъ, мой милый Августинъ,
Все прошло, прошло, прошло!

— Послушай! — сказала принцесса фрейлинѣ. — Пойди, спроси, не возьметъ-ли онъ десять поцѣлуевъ моихъ фрейлинъ?

— Нѣтъ, спасибо!—отвѣтилъ свинопасъ.—Десять поцѣлуевъ принцессы или горшочекъ останется у меня.

— Какъ это скучно!—сказала принцесса.—Ну, придется вамъ стать вокругъ меня, чтобы никто не увидалъ насъ!

Фрейлины обступили ее и растопырили свои юбки; свинопасъ получилъ десять принцессиныхъ поцѣлуевъ, а принцесса—горшочекъ.

Вотъ была радость! Цѣлый вечеръ и весь слѣдующій день горшочекъ не сходилъ съ очага, и въ городѣ не осталось ни одной кухни, отъ камергерской до кухни простого сапожника, о которой бы онѣ не знали, чтó въ ней стряпалось. Фрейлины прыгали и хлопали въ ладоши.

— Мы знаемъ, у кого сегодня сладкій супъ и блинчики! Мы знаемъ, у кого каша и свиныя котлеты! Какъ интересно!

— Еще бы!—подтвердила оберъ-гофмейстерина.

— Да, но держите языкъ за зубами, я, вѣдь, императорская дочка!

— Помилуйте!—сказали всѣ.

А свинопасъ (то-есть принцъ, но для нихъ-то онъ былъ, вѣдь, свинопасомъ) даромъ времени не терялъ и смастерилъ трещотку; когда ею начинали вертѣть по воздуху, раздавались звуки всѣхъ вальсовъ и полекъ, какіе только есть на бѣломъ свѣтѣ.

— Но это superbe!—сказала принцесса, проходя мимо.— Вотъ такъ попурри! Лучше этого я ничего не слыхала! По-

слушайте, спросите, что онъ хочетъ за этотъ инструментъ. Но цѣловаться я больше не стану!

— Онъ требуетъ сто принцессиныхъ поцѣлуевъ!—доложила фрейлина, побывавъ у свинопаса.

— Да что онъ, въ умѣ?—сказала принцесса и пошла своею дорогой, но сдѣлала шага два и остановилась.

— Надо поощрять искусство!—сказала она.—Я, вѣдь, императорская дочь! Скажите ему, что я дамъ ему по вчерашнему десять поцѣлуевъ, а остальные пусть дополучитъ съ моихъ фрейлинъ!

— Ну, намъ это вовсе не по вкусу!—сказали фрейлины.

— Пустяки!—сказала принцесса.—Ужъ если я могу цѣловать его, то вы и подавно! Не забывайте, что я кормлю васъ и плачу вамъ жалованье!

И фрейлинѣ пришлось еще разъ отправиться къ свинопасу.

— Сто принцессиныхъ поцѣлуевъ!—повторилъ онъ.—А нѣтъ—каждый останется при своемъ.

— Становитесь вокругъ!—скомандовала принцесса, и фрейлины обступили ее, а свинопасъ сталъ ее цѣловать.

— Что это за сборище у свиныхъ закутокъ?—спросилъ, выйдя на балконъ, императоръ, протеръ глаза и надѣлъ очки.—Э, да это фрейлины опять что-то затѣяли! Надо пойти посмотрѣть.

И онъ расправилъ задки своихъ туфель. Туфлями служили ему старые, стоптанные башмаки. Эхъ ты ну, какъ онъ зашлепалъ въ нихъ!

Придя на заднiй дворъ, онъ потихоньку подкрался къ фрейлинамъ, а тѣ всѣ были ужасно заняты счетомъ поцѣлуевъ,—надо же было слѣдить за тѣмъ, чтобы расплата была честной, и свинопасъ не получилъ ни больше, ни меньше, чѣмъ ему слѣдовало. Никто поэтому не замѣтилъ императора, а онъ привсталъ на цыпочки.

— Это еще что за штуки!—сказалъ онъ, увидавъ цѣлующихся, и швырнулъ въ нихъ туфлей какъ разъ въ ту минуту, когда свинопасъ получалъ отъ принцессы восемьдесятъ шестой поцѣлуй.—Вонъ!—закричалъ разсерженный императоръ и выгналъ изъ своего государства и принцессу и свинопаса.

Она стояла и плакала, свинопасъ бранился, а дождикъ такъ и поливалъ на нихъ.

— Ахъ, я несчастная!—сказала принцесса.—Чтó бы мнѣ выйти за прекраснаго принца! Ахъ, какая я несчастная!

А свинопасъ зашелъ за дерево, стеръ съ лица черную и бурую краску, сбросилъ грязную одежду и явился передъ ней во всемъ своемъ королевскомъ величіи и красѣ, такъ что принцесса невольно преклонилась передъ нимъ.

— Теперь я только презираю тебя!—сказалъ онъ.—Ты не захотѣла выйти за честнаго принца! Ты не поняла толку въ соловьѣ и розѣ, а свинопаса цѣловала за игрушки! Подѣломъ же тебѣ!

И онъ ушелъ къ себѣ въ королевство, крѣпко захлопнувъ за собой дверь. А ей оставалось стоять, да пѣть:

Ахъ, мой милый Августинъ,
Все прошло, прошло, прошло!

ГРЕЧИХА.

Часто, послѣ грозы видишь, что гречиха въ полѣ спалена до-черна, будто по ней пробѣжалъ огонь; крестьяне въ такихъ случаяхъ говорятъ: „Это ее опалило молніей!“ Но почему?

А вотъ что я слышалъ отъ воробья, которому разсказывала объ этомъ старая ива, растущая возлѣ гречишнаго поля,—дерево такое большое, почтенное и старое-престарое, все корявое, съ трещиною посрединѣ. Изъ трещины ростетъ трава и ежевика; вѣтви дерева, словно длинныя зеленыя кудри, свѣшиваются до самой земли.

Другія поля вокругъ ивы были засѣяны рожью, ячменемъ и овсомъ—чудеснымъ овсомъ, похожимъ, когда созрѣетъ, на вѣточки, усѣянныя маленькими, желтенькими канарейками. Хлѣба стояли прекрасные, и чѣмъ полнѣе были колосья, тѣмъ ниже склоняли они, въ благочестивомъ смиреніи, свои головы къ землѣ.

Тутъ же, возлѣ самой ивы, было поле съ гречихой; гречиха не склоняла головы, какъ другіе хлѣба, а держалась гордо и прямо.

— Я не бѣднѣе хлѣбныхъ колосьевъ!—говорила она.—Да къ тому же еще красивѣе. Мои цвѣты не уступятъ цвѣтамъ яблони. Любо-дорого посмотрѣть! Знаешь ты, старая ива, когонибудь красивѣе меня?

Но ива только качала головой, какъ бы желая сказать: „Конечно, знаю!“ А гречиха надменно говорила:

— Глупое дерево, у него отъ старости изъ желудка трава растетъ!

Вдругъ поднялась страшная непогода; всѣ полевые цвѣты свернули лепесточки и склонили головки долу; одна гречиха красовалась попрежнему.

— Склони голову!—сказали ей цвѣты.

— Незачѣмъ!—отвѣчала гречиха.

— Склони голову, какъ мы!—закричали ей колосья.—Сейчасъ промчится подъ облаками ангелъ бури! Крылья его доходятъ до самой земли! Онъ снесетъ тебѣ голову прежде, чѣмъ ты успѣешь взмолиться о пощадѣ!

— Ну, а я все-таки не склоню головы!—сказала гречиха.

— Сверни лепестки и склони голову!—сказала ей и старая ива.—Не гляди на молнію, когда она раздираетъ облака! Самъ человѣкъ не дерзаетъ этого: въ это время можно заглянуть въ самое небо Господне, но за такой грѣхъ Господь караетъ человѣка слѣпотой. Что же ожидаетъ тогда насъ? Мы, бѣдные полевые злаки, вѣдь, куда ниже, ничтожнѣе человѣка!

— Ниже?—сказала гречиха.—Такъ вотъ же я загляну въ небо Господне!

И она въ самомъ дѣлѣ рѣшилась на это въ своемъ горделивомъ упорствѣ.

Весь міръ словно загорѣлся отъ молній, когда же снова прояснилось, цвѣты и хлѣба, освѣженные и омытые дождемъ, радостно вдыхали въ себя мягкій, чистый воздухъ. А гречиха была вся опалена молніей и никуда больше не годилась.

Старая ива тихо шевелила вѣтвями по вѣтру; съ зеленыхъ листьевъ падали крупныя дождевыя капли; дерево будто плакало, и воробьи спросили его:

— О чемъ ты? Посмотри, какъ славно кругомъ, какъ свѣтитъ солнышко, какъ бѣгутъ облака! А что за ароматъ несется отъ цвѣтовъ и кустовъ! О чемъ же ты плачешь, старая ива?

Тогда ива разсказала имъ о высокомѣрной гордости и казни гречихи; гордость всегда, вѣдь, бываетъ наказана. Отъ воробьевъ же услышалъ эту исторію и я: они прощебетали мнѣ ее какъ-то разъ вечеромъ, когда я просилъ ихъ разсказать мнѣ сказку.

АНГЕЛЪ.

Каждый разъ, какъ умираетъ доброе, хорошее дитя, съ неба является Божій ангелъ, беретъ дитя на руки и облетаетъ съ нимъ, на своихъ большихъ бѣлыхъ крыльяхъ, всѣ его любимыя мѣстечки. По пути ангелъ съ ребенкомъ набираютъ цѣлый букетъ разныхъ цвѣтовъ и берутъ ихъ съ собою на небо, гдѣ они расцвѣтаютъ еще пышнѣе, чѣмъ на землѣ. Богъ прижимаетъ всѣ цвѣты къ своему сердцу, а одинъ цвѣточекъ, который покажется ему милѣе всѣхъ, цѣлуетъ въ самое сердечко; цвѣтокъ получаетъ тогда голосъ и можетъ присоединиться къ хору блаженныхъ духовъ.

Все это разсказывалъ Божій ангелъ умершему ребенку, неся его въ своихъ объятіяхъ на небо; дитя слушало ангела, какъ сквозь сонъ. Они пролетали надъ тѣми лѣсами, гдѣ такъ часто играло дитя при жизни; пролетали надъ зелеными садами, гдѣ росло множество чудесныхъ цвѣтовъ.

— Какіе же взять намъ съ собою на небо?—спросилъ ангелъ.

Въ саду стоялъ прекрасный, стройный розовый кустъ, но чья-то злая рука надломила его, такъ что вѣтви, усыпанныя большими, полураспустившимися бутонами, почти совсѣмъ завяли и печально повисли.

— Бѣдный кустъ!—сказало дитя.—Возьмемъ его, чтобы онъ опять расцвѣлъ тамъ у Боженьки!

Ангелъ взялъ кустъ и такъ крѣпко поцѣловалъ дитя, что оно слегка пріоткрыло глазки. Потомъ они нарвали еще много пышныхъ цвѣтовъ, но кромѣ нихъ взяли и скромный златоцвѣтъ и простенькіе анютины глазки.

— Ну вотъ, теперь и довольно!—сказалъ ребенокъ, но ангелъ покачалъ головой и полетѣлъ съ нимъ дальше.

Ночь была тихая, свѣтлая; весь городъ спалъ; они пролетали надъ одной изъ самыхъ узкихъ улицъ. На мостовой валялась солома, зола и всякій хламъ: черепки, обломки алебастра, тряпки, старыя донышки отъ шляпъ, словомъ, все, что уже отслужило свой вѣкъ или потеряло всякій видъ; наканунѣ какъ разъ былъ день переѣзда съ квартиръ *).

*) Въ Копенгагенѣ квартиры нанимаются обыкновенно на полугодовой срокъ, съ 1-го марта по 1-е сентября и съ 1-го сентября по 1-е марта; эти-то два дня въ году и служатъ днями общаго переѣзда съ квартиръ на квартиры. *Прим. перев.*

И ангелъ указалъ на валявшійся въ этомъ хламѣ разбитый цвѣточный горшокъ, изъ котораго торчалъ комъ земли, весь оплетенный корнями большого, полевого цвѣтка; цвѣтокъ завялъ и никуда больше не годился, его и выбросили.

— Возьмемъ его съ собою!—сказалъ ангелъ.—Я разскажу тебѣ про этотъ цвѣтокъ, пока мы летимъ!

И ангелъ сталъ разсказывать.

„Въ этой самой узкой улицѣ, въ низкомъ подвалѣ, жилъ бѣдный больной мальчикъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ вѣчно лежалъ въ постели; когда же чувствовалъ себя особенно хорошо, то проходилъ на костыляхъ по своей коморкѣ раза два взадъ и впередъ, вотъ и все. Иногда лѣтомъ солнышко заглядывало на полчаса и въ подвалъ; тогда мальчикъ садился на солнышко и, держа руки противъ свѣта, любовался просвѣчивавшею въ его тонкихъ пальцахъ алою кровью; такое сидѣнье на солнышкѣ замѣняло ему прогулку. О богатомъ весеннемъ уборѣ лѣсовъ онъ зналъ только потому, что сынъ сосѣда приносилъ ему весною первую распустившуюся буковую вѣточку; бѣдняжка держалъ ее надъ головой и переносился мыслью подъ зеленые буки, гдѣ сіяло солнышко и распѣвали птички. Разъ сынъ сосѣда принесъ мальчику и полевыхъ цвѣтовъ; между ними былъ одинъ съ корнемъ; мальчикъ посадилъ его въ цвѣточный горшокъ и поставилъ на окно близь своей кроватки. Видно легкая рука посадила цвѣтокъ: онъ принялся, сталъ рости, пускать новые отростки, каждый годъ цвѣлъ и былъ для мальчика цѣлымъ садомъ, его маленькимъ земнымъ сокровищемъ. Мальчикъ поливалъ его, ухаживалъ за нимъ и заботился о томъ, чтобы его не миновалъ ни одинъ лучъ, который только пробирался въ коморку. Ребенокъ жилъ и дышалъ своимъ любимцемъ, и тотъ, вѣдь, цвѣлъ, благоухалъ и хорошѣлъ для него одного. И къ цвѣтку повернулся мальчикъ даже въ ту послѣднюю минуту, когда его отзывалъ къ себѣ Господь Богъ... Вотъ уже цѣлый годъ, какъ мальчикъ у Бога; цѣлый годъ стоялъ цвѣтокъ, всѣми забытый на окнѣ, завялъ, засохъ и былъ выброшенъ на улицу вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ. Этотъ-то бѣдный, увядшій цвѣточекъ мы и взяли съ собой: онъ доставилъ собою куда больше радости, чѣмъ самый пышный цвѣтокъ въ саду королевы.

— Откуда же ты знаешь все это?—спросило дитя.

— Знаю!—отвѣчалъ ангелъ.—Вѣдь, я самъ былъ тѣмъ бѣднымъ калѣкою-мальчикомъ! Я узналъ свой цвѣтокъ!

И дитя широко-широко открыло глазки, вглядываясь въ прелестное, радостное лицо ангела. Въ ту же самую минуту они очутились на небѣ у Бога, гдѣ царятъ вѣчныя радость и блаженство. И Богъ прижалъ къ своему сердцу умершее дитя,—у него выросли крылья, какъ у другихъ ангеловъ, и онъ полетѣлъ рука объ руку съ ними. Богъ прижалъ къ сердцу и всѣ цвѣты, поцѣловалъ же только бѣдный увядшій полевой цвѣтокъ, и тотъ присоединилъ свой голосъ къ хору ангеловъ, которые окружали Бога; одни летали возлѣ Него, другіе подальше, третьи еще дальше и такъ до безконечности, но всѣ были равно блаженны. Всѣ они пѣли и славили Бога: и малые, и большіе, и доброе только что умершее дитя, и бѣдный полевой цвѣточекъ, выброшенный на мостовую вмѣстѣ съ соромъ и хламомъ.

СОЛОВЕЙ.

Въ Китаѣ, какъ ты знаешь, и самъ императоръ, и всѣ окружающіе его—китайцы. Дѣло было давно, но потому-то и стоитъ о немъ послушать, пока оно не забудется совсѣмъ! Въ цѣломъ мірѣ не нашлось бы дворца лучше императорскаго; онъ весь былъ изъ драгоцѣннѣйшаго фарфора, зато такой хрупкій, что страшно было до него и дотронуться. Въ саду росли чудеснѣйшіе цвѣты; къ самымъ лучшимъ изъ нихъ привязывались серебряные колокольчики; звонъ ихъ долженъ былъ обращать на цвѣты вниманіе каждаго прохожаго. Ишь, какъ тонко было придумано! Садъ тянулся далеко-далеко, такъ далеко, что и самъ садовникъ не зналъ, гдѣ онъ кончается. Изъ сада можно было попасть прямо въ густой лѣсъ; въ чащѣ его таились глубокія озера, и доходилъ онъ до самаго синяго моря. Корабли проплывали подъ нависшими надъ водой вершинами деревьевъ, а въ вѣтвяхъ ихъ жилъ соловей, который пѣлъ такъ чудесно, что его заслушивался, забывая о своемъ неводѣ, даже бѣдный, удрученный заботами, рыбакъ. „Господи, какъ хорошо!“ вырывалось, наконецъ, у рыбака, но потомъ бѣднякъ опять принимался за свое дѣло и забывалъ соловья, на слѣдующую же ночь снова заслушивался его и снова повторялъ тоже самое: „Господи, какъ хорошо!“

Со всѣхъ концовъ свѣта стекались въ столицу императора путешественники; всѣ они дивились на великолѣпный дворецъ и на садъ, но, услышавъ соловья, говорили: „Вотъ это лучше всего!“

Возвращаясь домой, путешественники разсказывали обо всемъ видѣнномъ; ученые описывали столицу, дворецъ и садъ императора, но не забывали упомянуть и о соловьѣ, и даже ставили его выше всего; поэты слагали въ честь крылатаго пѣвца, жившаго въ лѣсу, на берегу синяго моря, чудеснѣйшіе стихи.

Книги расходились по всему свѣту, и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ дошли и до самого императора. Онъ возсѣдалъ на своемъ золотомъ креслѣ, читалъ, читалъ и поминутно кивалъ головою,—ему очень пріятно было читать похвалы своей столицѣ, дворцу и саду. „Но соловей лучше всего!“—стояло въ книгѣ.

— Что такое?—сказалъ императоръ.—Соловей? А я, вѣдь, и не знаю его! Какъ? Въ моемъ государствѣ и даже въ моемъ собственномъ саду живетъ такая удивительная птица, а я ни разу и не слыхалъ ея! Приходится вычитать о ней изъ книгъ!

И онъ позвалъ къ себѣ перваго изъ своихъ приближенныхъ; этотъ напускалъ на себя такую важность, что если кто-нибудь изъ людей попроще осмѣливался заговорить съ нимъ или спросить его о чемъ нибудь, отвѣчалъ только: „пф“! а это, вѣдь, ровно ничего не означаетъ.

— Оказывается, что у насъ здѣсь есть замѣчательная птица, по имени соловей. Ее считаютъ первою достопримѣчательностью моего государства!—сказалъ императоръ.—Почему же мнѣ ни разу не доложили о ней?

— Я даже и не слыхалъ о ней!—отвѣчалъ первый приближенный.—Она никогда не была представлена ко двору!

— Я желаю, чтобы она была здѣсь и пѣла предо мною сегодня же вечеромъ!—сказалъ императоръ.—Весь свѣтъ знаетъ, чтó у меня есть, а самъ я не знаю!

— И не слыхивалъ о такой птицѣ!—повторилъ первый приближенный.—Но я постараюсь розыскать ее!

Легко сказать! А гдѣ ее розыщешь?

Первый приближенный императора бѣгалъ вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, по заламъ и корридорамъ, но никто изъ встрѣчныхъ, къ кому онъ ни обращался съ разспросами, и не слыхивалъ о соловьѣ. Первый приближенный вернулся къ импе-

ратору и доложилъ, что соловья-де вѣрно выдумали книжные сочинители.

— Ваше величество не должны вѣрить всему, что пишутъ въ книгахъ; все это однѣ выдумки, такъ сказать, черная магія!..

— Но, вѣдь, эта книга прислана мнѣ самимъ могущественнѣйшимъ повелителемъ Японіи, и въ ней не можетъ быть неправды! Я хочу слышать соловья! Онъ долженъ быть здѣсь сегодня же вечеромъ! Я объявляю ему мое высочайшее благоволеніе! Если же его не будетъ здѣсь въ назначенное время, я прикажу послѣ ужина надавать всѣмъ придворнымъ палочныхъ ударовъ по животу!

— Тзингъ-пе! — сказалъ первый приближенный и опять забѣгалъ вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, по корридорамъ и заламъ; съ нимъ бѣгала и добрая половина придворныхъ,— никому не хотѣлось отвѣдать палокъ. У всѣхъ на языкѣ былъ одинъ вопросъ: что это за соловей, котораго зналъ весь свѣтъ, но—ни одна душа при дворѣ.

Наконецъ, на кухнѣ нашли одну бѣдненькую дѣвочку, которая сказала:

— Господи! Какъ не знать соловья! Вотъ ужъ поетъ-то! Мнѣ позволено относить по вечерамъ моей бѣдной больной матушкѣ остатки отъ обѣда. Живетъ матушка у самаго моря, и вотъ, когда я иду назадъ и сяду отдохнуть въ лѣсу, я каждый разъ слышу пѣніе соловья! Слезы такъ и потекутъ у меня изъ глазъ, а на душѣ станетъ такъ радостно, словно матушка цѣлуетъ меня!...

— Кухарочка! — сказалъ первый приближенный императора.—Я опредѣлю тебя на штатную должность при кухнѣ и выхлопочу тебѣ позволеніе посмотрѣть, какъ кушаетъ императоръ, если ты сведешь насъ къ соловью! Онъ приглашенъ сегодня вечеромъ ко двору!

И вотъ, всѣ отправились въ лѣсъ, гдѣ обыкновенно распѣвалъ соловей; отправилась туда чуть не половина всѣхъ придворныхъ. Шли, шли, вдругъ замычала корова.

— О!—сказали молодые придворные.—Вотъ онъ! Какая, однако, сила! И это у такого маленькаго созданьица! Но мы положительно слышали его раньше!

— Это мычитъ корова! — сказала дѣвочка. — Намъ еще далеко до мѣста.

Въ пруду заквакали лягушки.

— Чудесно!—сказалъ придворный бонза.—Теперь я слышу! Точь-въ-точь наши колокольчики въ молельнѣ!

— Нѣтъ, это лягушки!—сказала опять дѣвочка.—Но теперь, я думаю, скоро услышимъ и его!

И вотъ запѣлъ соловей.

— Вотъ это соловей!—сказала дѣвочка.—Слушайте, слушайте! А вотъ и онъ самъ!—И она указала пальцемъ на маленькую, сѣренькую птичку, сидѣвшую въ вѣтвяхъ.

— Неужели!—сказалъ первый приближенный императора.—Никакъ не воображалъ себѣ его такимъ! Самая простая наружность!—Вѣрно онъ потерялъ всѣ свои краски при видѣ стольких знатныхъ особъ!

— Соловушка!—громко закричала дѣвочка.—Нашъ милостивый императоръ желаетъ послушать тебя!

— Очень радъ!—отвѣтилъ соловей, и запѣлъ такъ, что просто чудо.

— Словно стеклянные колокольчики звенятъ!—сказалъ первый приближенный.—Глядите, какъ работаетъ это маленькое горлышко! Удивительно, что мы ни разу не слыхали его раньше! Онъ будетъ имѣть огромный успѣхъ при дворѣ!

— Спѣть-ли мнѣ императору еще?—спросилъ соловей,—онъ думалъ, что тутъ былъ и самъ императоръ.

— Несравненный соловушка!—сказалъ первый приближенный императора.—На меня возложено пріятное порученіе пригласить васъ на имѣющій быть сегодня вечеромъ придворный праздникъ. Не сомнѣваюсь, что вы очаруете его величество своимъ дивнымъ пѣніемъ!

— Пѣніе мое гораздо лучше слушать въ зеленомъ лѣсу!—сказалъ соловей.—Но я охотно отправлюсь съ вами, если такъ угодно императору.

При дворѣ шла суетня и приготовленія къ празднику. Въ фарфоровыхъ стѣнахъ и въ полу сіяли отраженія сотенъ тысячъ золотыхъ фонариковъ; въ корридорахъ рядами были разставлены чудеснѣйшіе цвѣты съ колокольчиками, которые отъ всей этой бѣготни, стукотни и сквозняка звенѣли такъ, что не слышно было человѣческаго голоса.

Посреди огромной залы, гдѣ сидѣлъ императоръ, возвышался золотой шестъ для соловья. Всѣ придворные были въ полномъ сборѣ; позволили стоять въ дверяхъ и кухарочкѣ,—теперь,

вѣдь, она получила званіе лейбъ-поварихи. Всѣ были разодѣты въ пухъ и прахъ и глазъ не сводили съ маленькой сѣренькой птички, которой императоръ милостиво кивнулъ головой.

И соловей запѣлъ такъ дивно, что у императора выступили на глазахъ слезы и покатились по щекамъ. Тогда соловей залился еще громче, еще слаще; пѣніе его такъ и хватало за сердце. Императоръ былъ очень доволенъ и сказалъ, что жалуетъ соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарилъ и отказался, говоря, что довольно награжденъ и безъ того.

— Я видѣлъ на глазахъ императора слезы—какой еще награды желать мнѣ! Въ слезахъ императора дивная сила! Богъ видитъ—я награжденъ съ избыткомъ!

И опять зазвучалъ его чудный, сладкій голосъ.

— Вотъ самое очаровательное кокетство!—сказали придворныя дамы и стали набирать въ ротъ воды, чтобы она булькала у нихъ въ горлѣ, когда онѣ будутъ съ кѣмъ-нибудь разговаривать. Этимъ онѣ думали походить на соловья. Даже лакеи и горничныя объявили, что очень довольны, а это, вѣдь, много значитъ: извѣстно, что труднѣе всего угодить этимъ особамъ. Да, соловей имѣлъ положительный успѣхъ.

Его оставили при дворѣ, отвели ему особую комнатку, разрѣшили гулять на свободѣ два раза въ день и разъ ночью и приставили къ нему двѣнадцать лакеевъ; каждый держалъ его за привязанную къ его ножкѣ шелковую ленточку. Большое удовольствіе было отъ такой прогулки!

Весь городъ заговорилъ объ удивительной птицѣ, и, если встрѣчались на улицѣ двое знакомыхъ, одинъ сейчасъ же говорилъ: „соло“, а другой подхватывалъ: „вей!“ послѣ чего оба вздыхали, сразу понявъ другъ друга.

Одиннадцать сыновей мелочныхъ лавочниковъ получили имена въ честь соловья, но ни у одного изъ нихъ не было и признака голоса.

Разъ императору доставили большой пакетъ съ надписью: „соловей“.

— Ну вотъ еще новая книга о нашей знаменитой птицѣ!—сказалъ императоръ.

Но то была не книга, а затѣйливая штучка: въ ящичкѣ лежалъ искусственный соловей, похожій на настоящаго, но весь осыпанный бриллiантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести

птицу—и она начинала пѣть одну изъ мелодій настоящаго соловья и поводить хвостикомъ, который отливалъ золотомъ и серебромъ. На шейкѣ у птицы была ленточка съ надписью: „Соловей императора Японскаго жалокъ въ сравненіи съ соловьемъ императора Китайскаго“.

— Какая прелесть!—сказали всѣ, и явившагося съ птицей посланца императора Японскаго сейчасъ же утвердили въ званіи „чрезвычайнаго императорскаго поставщика соловьевъ“.

— Теперь пусть-ка споютъ вмѣстѣ, вотъ будетъ дуэтъ!

Но дѣло не пошло на ладъ: настоящій соловей пѣлъ посвоему, а искусственный, какъ заведенная шарманка.

— Это не его вина!—сказалъ придворный капельмейстеръ. Онъ безукоризненно держитъ тактъ и поетъ совсѣмъ по моей методѣ.

Искусственнаго соловья заставили пѣть одного. Онъ имѣлъ такой же успѣхъ, какъ настоящій, но былъ куда красивѣе, весь такъ и блестѣлъ драгоцѣнностями!

Тридцать три раза пропѣлъ онъ одно и то же и не усталъ. Окружающіе охотно послушали бы его еще разъ, да императоръ нашелъ, что надо заставить спѣть и настоящаго соловья. Но куда-жъ онъ дѣвался?

Никто и не замѣтилъ, какъ онъ вылетѣлъ въ открытое окно и унесся въ свой зеленый лѣсъ.

— Что же это, однако, такое!—сказалъ императоръ, а придворные назвали соловья неблагодарною тварью.

— Лучшая-то птица у насъ все-таки осталась!—сказали они, и искусственному соловью пришлось пѣть то же самое въ тридцать четвертый разъ.

Никто, однако, не успѣлъ еще выучить мелодіи наизусть, такая она была трудная. Капельмейстеръ расхваливалъ искусственную птицу и увѣрялъ, что она даже выше настоящей, не только по платью и бриллiантамъ, но и по внутреннимъ своимъ достоинствамъ.

— Что касается настоящаго соловья, высокій повелитель мой, и вы, милостивые господа, то никогда, вѣдь, нельзя знать заранѣе, чтó именно споетъ онъ, у искусственнаго же все извѣстно напередъ! Можно даже отдать себѣ полный отчетъ въ его искусствѣ, можно разобрать его и показать все его внутреннее устройство—плодъ человѣческаго ума, расположеніе и дѣйствіе валиковъ, все, все!

— Я какъ разъ того же мнѣнія!—сказалъ каждый изъ присутствовавшихъ, и капельмейстеръ получилъ разрѣшеніе показать птицу въ слѣдующее же воскресенье народу.

— Надо и народу послушать ее!—сказалъ императоръ.

Народъ послушалъ и былъ очень доволенъ, какъ будто напился до-весела чаемъ,—это, вѣдь, совершенно по-китайски. Отъ восторга всѣ въ одинъ голосъ восклицали: „О!“ поднимали вверхъ указательные пальцы и кивали головами. Но бѣдные рыбаки, слышавшіе настоящаго соловья, говорили:

— Недурно и даже похоже, но все-таки не то! Чего-то недостаетъ въ его пѣніи, а чего—мы и сами не знаемъ!

Настоящаго соловья объявили изгнаннымъ изъ предѣловъ государства.

Искусственная птица заняла мѣсто на шелковой подушкѣ, возлѣ императорской постели. Кругомъ нея были разложены всѣ пожалованныя ей драгоцѣнности. Величали же ее теперь „императорскаго ночного столика первымъ пѣвцомъ съ лѣвой стороны“,—императоръ считалъ болѣе важною именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слѣва даже у императора. Капельмейстеръ написалъ объ искусственномъ соловьѣ двадцать пять томовъ книгъ, ученыхъ-преученыхъ и полныхъ самыхъ мудреныхъ китайскихъ словъ.

Придворные, однако, говорили, что читали и поняли все, иначе, вѣдь, ихъ прозвали бы дураками и отколотили палками по животу.

Такъ прошелъ цѣлый годъ; императоръ, весь дворъ и даже весь народъ знали наизусть каждую нотку искусственнаго соловья, но потому-то пѣніе его имъ такъ и нравилось: они сами могли теперь подпѣвать птицѣ. Уличные мальчишки пѣли: „Ци—ци—ци! Клюкъ—клюкъ—клюкъ!“ Самъ императоръ напѣвалъ тоже самое. Ну, что за прелесть!

Но разъ вечеромъ, искусственная птица только что распѣлась передъ императоромъ, лежавшимъ въ постели, какъ вдругъ внутри ея зашипѣло, зажужжало, колеса завертѣлись, и музыка смолкла.

Императоръ вскочилъ и послалъ за своимъ лейбъ-медикомъ, но что же могъ тотъ подѣлать! Призвали часовщика, и этотъ послѣ долгихъ разговоровъ и осмотровъ кое-какъ исправилъ птицу, но сказалъ, что съ ней надо обходиться крайне бережно: зубчики поистерлись, а поставить новые такъ, чтобы музыка шла

попрежнему вѣрно, было нельзя. Вотъ такъ горе! Только разъ въ годъ, да и то едва-едва, позволили заводить птицу. Но капельмейстеръ произнесъ краткую, зато полную мудреныхъ словъ, рѣчь, въ которой доказывалъ, что птица ничуть не сдѣлалась хуже. Ну, значитъ такъ оно и было.

Прошло еще пять лѣтъ, и страну постигло большое горе: всѣ такъ любили императора, а онъ былъ, какъ говорили, при смерти. Провозгласили уже новаго императора, но народъ толпился на улицѣ и спрашивалъ перваго приближеннаго императора о здоровьи своего стараго повелителя.

— Пф!—отвѣчалъ приближенный и покачивалъ головой.

Блѣдный, похолодѣвшій лежалъ императоръ на своемъ великолѣпномъ ложѣ; всѣ придворные считали его умершимъ и каждый спѣшилъ поклониться новому императору. Лакеи бѣгали взадъ и впередъ, перебрасываясь новостями, а горничныя проводили пріятные часы въ болтовнѣ за чашкой кофе. По всѣмъ заламъ и корридорамъ были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шаговъ, и во дворцѣ стояла мертвая тишина. Но императоръ еще не умеръ, хотя и лежалъ на своемъ великолѣпномъ ложѣ, подъ бархатнымъ балдахиномъ съ золотыми кистями, совсѣмъ недвижнымъ и мертвенно-блѣднымъ. Сквозь раскрытое окно глядѣлъ на императора и искусственнаго соловья ясный мѣсяцъ.

Бѣдный императоръ почти не могъ вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидитъ у него на груди. Онъ пріоткрылъ глаза и увидѣлъ, что на груди у него сидѣла смерть. Она надѣла на себя корону императора, забрала въ одну руку его золотую саблю, а въ другую богатое знамя. Кругомъ, изъ складокъ бархатнаго балдахина, выглядывали какія-то странныя головы: однѣ гадкія и злыя, другія добрыя и милыя на видъ. То были злыя и добрыя дѣла императора, смотрѣвшія на него въ то время, какъ смерть сидѣла у него на груди.

— Помнишь это?—шептали головы одна за другой.—Помнишь это?—и разсказывали ему такъ много, что на лбу у него выступалъ холодный потъ.

— Я и не зналъ объ этомъ!—говорилъ императоръ.— Музыку сюда, музыку! Большіе китайскіе барабаны! Я не хочу слышать ихъ рѣчей!

Но онѣ все продолжали, а смерть, какъ китаецъ, кивала на ихъ рѣчи головой.

— Музыку сюда, музыку! — кричалъ императоръ. — Пой хоть ты, милая, славная золотая птичка! Я одарилъ тебя золотомъ и драгоцѣнностями, я повѣсилъ тебѣ на шею свою золотую туфлю, пой же, пой!

Но птица молчала, — некому было завести ее, а иначе она пѣть не могла. Смерть продолжала смотрѣть на императора своими большими, пустыми глазными впадинами. Въ комнатѣ было тихо-тихо.

Вдругъ за окномъ раздалось чудное пѣніе. То прилетѣлъ, узнавъ о болѣзни императора, утѣшить и ободрить его живой соловей. Онъ пѣлъ, и призраки все блѣднѣли, кровь приливала и отливала къ сердцу императора все живѣе и живѣе; сама смерть заслушалась соловья и все повторяла: „пой, пой еще, соловушка!“

— А ты отдашь мнѣ за это драгоцѣнную саблю? А дорогое знамя? А корону? — спрашивалъ соловей.

И смерть отдавала одну драгоцѣнность за другою, а соловей продолжалъ пѣть. Вотъ онъ запѣлъ, наконецъ, о тихомъ кладбищѣ, гдѣ цвѣтутъ бѣлыя розы, благоухаетъ бузина и свѣжая трава орошается слезами живыхъ, оплакивающихъ усопшихъ... Смерть вдругъ охватила такая тоска по своемъ садѣ, что она свилась въ бѣлый холодный туманъ и вылетѣла въ окно.

— Спасибо, спасибо тебѣ, милая птичка! — сказалъ императоръ. — Я узналъ тебя! Я изгналъ тебя изъ моего государства, а ты отогнала отъ моей постели ужасные призраки, отогнала самую смерть! Чѣмъ мнѣ вознаградить тебя?

— Ты уже вознаградилъ меня разъ навсегда! — сказалъ соловей. — Я видѣлъ слезы въ твоихъ глазахъ въ первый же разъ, какъ пѣлъ передъ тобою, — этого я не забуду никогда! Слезы — вотъ драгоцѣннѣйшая награда для сердца пѣвца. Но засни теперь и просыпайся здоровымъ и бодрымъ! А я буду баюкать тебя своею пѣсней!

И онъ запѣлъ опять, а императоръ заснулъ здоровымъ, благодатнымъ сномъ.

Когда онъ проснулся, въ окна уже свѣтило солнце. Никто изъ его слугъ еще не заглядывалъ къ нему; всѣ думали, что онъ умеръ, одинъ соловей сидѣлъ у окна и пѣлъ.

— Ты долженъ остаться у меня навсегда! — сказалъ императоръ. — Ты будешь пѣть только, когда самъ захочешь, а искусственную птицу я разобью въ дребезги!

— Не надо!—сказалъ соловей.—Она принесла столько пользы, сколько могла! Пусть она остается у тебя попрежнему! Я же не могу жить во дворцѣ. Позволь мнѣ только прилетать къ тебѣ, когда захочу. Тогда я каждый вечеръ буду садиться у твоего окна и пѣть тебѣ; моя пѣсня и порадуетъ тебя и заставитъ задуматься. Я буду пѣть тебѣ о счастливыхъ и о несчастныхъ, о добрѣ и о злѣ, что таятся вокругъ тебя. Маленькая пѣвчая птичка летаетъ повсюду, залетаетъ и подъ крышу бѣднаго рыбака и поселянина, которые живутъ вдали отъ тебя. Я люблю тебя за твое сердце больше, чѣмъ за твою корону, и все же корона окружена какимъ-то особымъ священнымъ обаяніемъ! Я буду прилетать и пѣть тебѣ! Но обѣщай мнѣ одно!..

— Все!—сказалъ императоръ и всталъ во всемъ своемъ царственномъ величіи,—онъ успѣлъ надѣть на себя свое царское одѣяніе и прижималъ къ сердцу тяжелую золотую саблю.

— Объ одномъ прошу я тебя—не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая разсказываетъ тебѣ обо всемъ. Такъ дѣло пойдетъ лучше!

И соловей улетѣлъ.

Слуги вошли поглядѣть на мертваго императора и застыли на порогѣ, а императоръ сказалъ имъ:

— Здравствуйте!

БЕЗОБРАЗНЫЙ УТЕНОКЪ.

Хорошо было за-городомъ! Стояло лѣто, рожь уже зажелтѣлась, овсы зеленѣли, сѣно было сметано въ стоги; по зеленому лугу расхаживалъ длинноногій аистъ и болталъ по-египетски,—онъ выучился этому языку отъ матери. За полями и лугами шли большіе лѣса съ глубокими озерами въ чащѣ. Да, хорошо было за-городомъ! Прямо на солнышкѣ лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами съ водой; отъ самого строенія вплоть до воды росъ лопухъ, да такой большой, что маленькіе ребятишки могли стоять подъ самыми крупными изъ его листьевъ во весь ростъ. Въ самой чащѣ лопуха было такъ же глухо и дико, какъ въ густомъ лѣсу, и вотъ тамъ-то сидѣла на яицахъ утка. Сидѣла она уже давно, и ей порядкомъ надоѣло это сидѣнье,—ее мало навѣщали: другимъ уткамъ

больше нравилось плавать по канавкамъ, чѣмъ сидѣть въ лопухѣ, да крякать съ нею.

Наконецъ, яичныя скорлупки затрещали.—Пи! пи!—послышалось изъ нихъ,—яичные желтки ожили и повысунули изъ скорлупокъ носики.

— Живо! живо!—закрякала утка, и утята заторопились, кое-какъ выкарабкались и начали озираться кругомъ, разглядывая зеленыя листья лопуха; мать не мѣшала имъ,—зеленый свѣтъ полезенъ для глазъ.

— Какъ міръ великъ!—сказали утята; еще бы! теперь у нихъ было куда больше мѣста, чѣмъ тогда, когда они лежали въ яицахъ.

— А вы думаете, что тутъ и весь міръ!—сказала мать.— Нѣтъ! Онъ идетъ далеко-далеко, туда, за садъ, въ поле священника, но тамъ я отъ роду не бывала!.. Ну, всѣ что-ли вы тутъ?—И она встала.—Ахъ, нѣтъ, не всѣ! Самое большое яйцо цѣлехонько! Да скоро-ли этому будетъ конецъ! Право, мнѣ ужъ надоѣло.

И она усѣлась опять.

— Ну, какъ дѣла?—заглянула къ ней старая утка.

— Да вотъ, еще одно яйцо остается!—сказала молодая утка.—Сижу, сижу, а все толку нѣтъ! Но посмотри-ка на другихъ! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А онъ-то, негодный, и не навѣстилъ меня ни разу!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо!—сказала старая утка.— Можетъ статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули разъ! Ну и маялась же я, какъ вывела индюшатъ! Они, вѣдь, страсть боятся воды; ужъ я и крякала, и звала, и толкала ихъ въ воду—не идутъ, да и конецъ! Дай мнѣ взглянуть на яйцо! Ну, такъ и есть! Индюшечье! Брось-ка его, да ступай, учи другихъ плавать!

— Посижу ужъ еще!—сказала молодая утка.—Сидѣла столько, что можно посидѣть и еще немножко.

— Какъ угодно!—сказала старая утка и ушла.

Наконецъ, затрещала скорлупка и самого большого яйца.— Пи! Пи!—и оттуда вывалился огромный, некрасивый птенецъ. Утка оглядѣла его.—Ужасно великъ!—сказала она.—И совсѣмъ не похожъ на остальныхъ! Неужели это индюшенокъ? Ну, да въ водѣ-то онъ у меня побываетъ, хоть бы мнѣ пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопухъ весь былъ залитъ солнцемъ. Утка со всею своею семьей отправилась къ канавѣ. Бултыхъ!—и утка очутилась въ водѣ.

— За мной! Живо!—позвала она утятъ, и тѣ одинъ за другимъ тоже бултыхнулись въ воду.

Сначала вода покрыла ихъ съ головками, но затѣмъ они вынырнули и поплыли такъ, что любо. Лапки у нихъ такъ и работали; некрасивый сѣрый утенокъ не отставалъ отъ другихъ.

— Какой же это индюшенокъ?—сказала утка.—Ишь, какъ славно гребетъ лапками, какъ прямо держится! Нѣтъ, это мой собственный сынъ! Да онъ вовсе и не дуренъ, какъ посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчасъ введу васъ въ общество,—мы отправимся на птичій дворъ. Но держитесь ко мнѣ поближе, чтобы кто-нибудь не наступилъ на васъ, да берегитесь кошекъ!

Скоро добрались и до птичьяго двора. Батюшки! что тутъ былъ за шумъ и гамъ! Двѣ семьи дрались изъ-за одной угриной головки, и въ концѣ концовъ она досталась кошкѣ.

— Вотъ, какъ идутъ дѣла на бѣломъ свѣтѣ!—сказала утка и облизнула язычкомъ клювъ,—ей тоже хотѣлось отвѣдать угриной головки.—Ну, ну, шевелите лапками!—сказала она утятамъ.— Крякните и поклонитесь вонъ той старой уткѣ! Она здѣсь знатнѣе всѣхъ! Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нея на лапкѣ красный лоскутокъ? Какъ красиво! Это знакъ высшаго отличія, какого только можетъ удостоиться утка. Люди даютъ этимъ понять, что не желаютъ потерять ея; по этому лоскутку ее узнаютъ и люди и животныя. Ну, живо! Да не держите лапки вмѣстѣ! Благовоспитанный утенокъ долженъ держать лапки врозь и выворачивать ихъ наружу, какъ папаша съ мамашей! Вотъ такъ! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Они такъ и сдѣлали; но другія утки оглядывали ихъ и громко говорили:

— Ну, вотъ, еще цѣлая орава! Точно насъ мало было! А одинъ-то, какой безобразный! Его ужъ мы не потерпимъ!

И сейчасъ же одна утка подскочила и клюнула его въ шею.

— Оставьте его!—сказала утка-мать.—Онъ вамъ, вѣдь, ничего не сдѣлалъ!

— Положимъ, но онъ такой большой и странный!—отвѣчала забіяка.—Ему и надо задать хорошенько!

— Славныя у тебя дѣтки!—сказала старая утка съ крас-

нымъ лоскуткомъ на лапкѣ.—Всѣ очень милы, кромѣ одного... Этотъ не удался! Хорошо бы его передѣлать!

— Никакъ нельзя, ваша милость!—отвѣтила утка-мать.— Онъ некрасивъ, но у него доброе сердце, и плаваетъ онъ не хуже, смѣю даже сказать, лучше другихъ. Я думаю, что онъ выростетъ—похорошѣетъ, или станетъ современемъ поменьше. Онъ залежался въ яйцѣ, оттого и несовсѣмъ удался.—И она провела носикомъ по перышкамъ большого утенка.—Кромѣ того, онъ селезень, а тогда красота не такъ, вѣдь, нужна. Я думаю, что онъ возмужаетъ и пробьетъ себѣ дорогу!

— Остальные утята очень, очень милы!—сказала старая утка.—Ну, будьте же какъ дома, а найдете угриную головку, можете принести ее мнѣ.

Вотъ они и стали вести себя, какъ дома. Только бѣднаго утенка, который вылупился позже всѣхъ и былъ такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмѣшками рѣшительно всѣ—и утки, и куры.

— Онъ больно великъ!—говорили всѣ, а индѣйскій пѣтухъ, который родился со шпорами на ногахъ и потому воображалъ себя императоромъ, надулся и, словно корабль на всѣхъ парусахъ, подлетѣлъ къ утенку, поглядѣлъ на него и пресердито залопоталъ; гребешокъ у него такъ весь и налился кровью. Бѣдный утенокъ просто не зналъ, что ему дѣлать, какъ быть. И надо же ему было уродиться такимъ безобразнымъ, посмѣшищемъ для всего птичьяго двора!

Такъ прошелъ первый день, затѣмъ пошло еще хуже. Всѣ гнали бѣдняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему: „Хоть бы кошка утащила тебя, несноснаго урода!"—а мать прибавляла: „Глаза бы мои тебя не видали!" Утки клевали его, куры щипали, а дѣвушка, которая давала птицамъ кормъ, толкала ногою.

Не выдержалъ утенокъ, перебѣжалъ дворъ и — черезъ изгородь! Маленькія птички испуганно вспорхнули изъ кустовъ.

„Онѣ испугались меня,—такой я безобразный!" подумалъ утенокъ и пустился съ закрытыми глазами дальше, пока не очутился въ болотѣ, гдѣ жили дикія утки. Усталый и печальный онъ просидѣлъ тутъ всю ночь.

Утромъ утки вылетѣли изъ гнѣздъ и увидали новаго товарища.

— Ты кто такой?—спросили онѣ, а утенокъ вертѣлся, раскланиваясь на всѣ стороны, какъ умѣлъ.

— Ты пребезобразный!—сказали дикія утки.—Но намъ до этого нѣтъ дѣла, только не вздумай породниться съ нами!

Бѣдняжка! Гдѣ ужъ ему было и думать объ этомъ! Лишь бы позволили ему посидѣть тутъ въ камышахъ, да попить болотной водицы.

Два дня провелъ онъ въ болотѣ, на третій явились два дикихъ гусака. Они недавно вылупились изъ яицъ и потому выступали съ большимъ форсомъ.

— Слушай, дружище!—сказали они.—Ты такой уродъ, что право нравишься намъ! Хочешь бродить съ нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, въ другомъ болотѣ, живутъ премиленькія дикія гусыни-барышни. Онѣ умѣютъ говорить: „рапъ, рапъ!“ Ты такой уродъ, что — чего добраго — будешь имѣть у нихъ большой успѣхъ!

Пифъ! пафъ!—раздалось вдругъ надъ болотомъ, и оба гусака упали въ камыши мертвыми; вода окрасилась кровью. Пифъ! пафъ!—раздалось опять, и изъ камышей поднялась цѣлая стая дикихъ гусей. Пошла пальба. Охотники облегли болото со всѣхъ сторонъ; нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ нависшихъ надъ болотомъ вѣтвяхъ деревьевъ. Голубой дымъ облаками окутывалъ деревья и стлался надъ водой. По болоту шлепали охотничьи собаки; камышъ качался изъ стороны въ сторону. Бѣдный утенокъ былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха и только что хотѣлъ спрятать голову подъ крыло, какъ глядь—передъ нимъ охотничья собака съ высунутымъ языкомъ и сверкающими злыми глазами. Она приблизила къ утенку свою пасть, оскалила острые зубы и—шлепъ, шлепъ, побѣжала дальше.

— Слава Богу!—перевелъ духъ утенокъ.—Слава Богу! Я такъ безобразенъ, что даже собакѣ не хочется укусить меня!

И онъ притаился въ камышахъ; надъ головою его то и дѣло летали дробинки, раздавались выстрѣлы.

Пальба стихла только къ вечеру, но утенокъ долго еще боялся пошевелиться. Прошло еще нѣсколько часовъ, пока онъ осмѣлился встать, оглядѣться и пуститься бѣжать дальше по полямъ и лугамъ. Дулъ такой сильный вѣтеръ, что утенокъ еле-еле могъ двигаться.

Къ ночи онъ добѣжалъ до бѣдной избушки. Избушка такъ уже обветшала, что готова была упасть, да не знала на какой

бокъ, оттого и держалась. Вѣтеръ такъ и подхватывалъ утенка,—приходилось упираться въ землю хвостомъ!

Вѣтеръ, однако, все крѣпчалъ; что было дѣлать утенку? Къ счастью, онъ замѣтилъ, что дверь избушки соскочила съ одной петли и виситъ совсѣмъ криво; можно было свободно проскользнуть черезъ эту щель въ избушку. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Въ избушкѣ жила старушка съ котомъ и курицей. Кота она звала „сыночкомъ"; онъ умѣлъ выгибать спинку, мурлыкать и даже испускать искры, если его гладили противъ шерсти. У курицы были маленькія, коротенькія ножки, ее и прозвали „коротконожкой"; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее какъ дочку.

Утромъ пришлеца замѣтили; котъ началъ мурлыкать, а курица клохтать.

— Что тамъ?—спросила старушка, осмотрѣлась кругомъ и замѣтила утенка, но по слѣпотѣ своей приняла его за жирную утку, которая отбилась отъ дому.

— Вотъ такъ находка!—сказала старушка.—Теперь у меня будутъ утиныя яйца, если только это не селезень. Ну, да увидимъ, испытаемъ!

И утенка приняли на испытаніе, но прошло недѣли три, а яицъ все не было. Господиномъ въ домѣ былъ котъ, а госпожею курица, и оба всегда говорили: „Мы и свѣтъ!" Они считали самихъ себя половиной всего свѣта, притомъ—лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этотъ счетъ быть и другого мнѣнія. Курица, однако, этого не потерпѣла.

— Умѣешъ ты нести яйца?—спросила она утенка.

— Нѣтъ!

— Такъ и держи языкъ на привязи!

А котъ спросилъ:

— Умѣешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нѣтъ!

— Такъ и не суйся съ своимъ мнѣніемъ, когда говорятъ умные люди!

И утенокъ сидѣлъ въ углу нахохлившись. Вдругъ, вспомнились ему свѣжій воздухъ и солнышко, и ему страшно захотѣлось поплавать. Онъ не выдержалъ и сказалъ объ этомъ курицѣ.

— Да что съ тобой?!—спросила она.—Бездѣльничаешь,

вотъ тебѣ блажь въ голову и лѣзетъ! Неси-ка яйца, или мурлычь, дурь-то и пройдетъ!

— Ахъ, плавать по водѣ такъ пріятно! — сказалъ утенокъ. — А что за наслажденіе нырять въ самую глубь съ головой!

— Хорошо наслажденіе! — сказала курица. — Ты совсѣмъ рехнулся! Спроси у кота, онъ умнѣе всѣхъ, кого я знаю, нравится-ли ему плавать или нырять! О себѣ самой я ужъ не говорю! Спроси, наконецъ, у нашей старушки-госпожи, умнѣе ея нѣтъ никого въ свѣтѣ! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять съ головой?

— Вы меня не понимаете! — сказалъ утенокъ.

— Если ужъ мы не понимаемъ, такъ кто тебя и пойметъ! Что-жъ, ты хочешь быть умнѣе кота и госпожи, не говоря уже обо мнѣ? Не дури, а благодари-ка лучше Создателя за все, что для тебя сдѣлали! Тебя пріютили, пригрѣли, тебя окружаетъ такое общество, въ которомъ ты можешь чему-нибудь научиться, но ты пустая голова, и говорить-то съ тобой не стоитъ! Ужъ повѣрь мнѣ! Я желаю тебѣ добра, потому и браню тебя; по этому всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать, да пускать искры!

— Я думаю, мнѣ лучше уйти отсюда, куда глаза глядятъ! — сказалъ утенокъ.

— И съ Богомъ! — отвѣчала курица.

И утенокъ ушелъ, плавалъ и нырялъ съ головой, но всѣ животныя попрежнему презирали его за безобразіе.

Настала осень; листья на деревьяхъ пожелтѣли и побурѣли; вѣтеръ подхватывалъ и кружилъ ихъ по воздуху; наверху, въ небѣ, стало такъ холодно, что тяжелыя облака сѣяли градомъ и снѣгомъ, а на изгороди сидѣлъ воронъ и каркалъ отъ холода во все горло. Брр! замерзнешь при одной мысли о такомъ холодѣ! Плохо приходилось бѣдному утенку.

Разъ вечеромъ, когда солнышко еще такъ славно сіяло на небѣ, изъ-за кустовъ поднялась цѣлая стая чудныхъ, большихъ птицъ; утенокъ сроду не видалъ такихъ красавцевъ: всѣ они были бѣлы, какъ снѣгъ, съ длинными, гибкими шеями! То были лебеди. Они испустили какой-то странный крикъ, взмахнули великолѣпными, большими крыльями и полетѣли съ холодныхъ луговъ въ теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бѣднаго утенка охватило какое-то странное волненіе. Онъ завертѣлся въ водѣ, какъ волчокъ, вытянулъ

шею и тоже испустилъ такой громкій и странный крикъ, что и самъ испугался. Чудныя птицы не шли у него изъ головы, и когда онѣ окончательно скрылись изъ виду, онъ нырнулъ на самое дно, вынырнулъ опять и былъ словно внѣ себя. Утенокъ не зналъ, какъ зовутъ этихъ птицъ, куда онѣ летѣли, но полюбилъ ихъ, какъ не любилъ до сихъ поръ никого. Онъ не завидовалъ ихъ красотѣ; ему и въ голову не могло придти пожелать походить на нихъ; онъ радъ бы былъ и тому, чтобъ хоть утки-то его отъ себя не отталкивали. Бѣдный безобразный утенокъ!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать по водѣ безъ отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсѣмъ, но съ каждою ночью свободное ото льда пространство становилось все меньше и меньше. Морозило такъ, что ледяная кора трещала. Утенокъ безъ устали работалъ лапками, но подъ конецъ обезсилѣлъ, пріостановился и весь обмерзъ.

Рано утромъ мимо проходилъ крестьянинъ, увидалъ примерзшаго утенка, разбилъ ледъ своимъ деревяннымъ башмакомъ и принесъ птицу домой къ женѣ. Утенка отогрѣли.

Но вотъ дѣти вздумали поиграть съ нимъ, а онъ вообразилъ, что они хотятъ обидѣть его и шарахнулся со страха прямо въ подойникъ съ молокомъ—молоко все расплескалось. Женщина вскрикнула и всплеснула руками; утенокъ, между тѣмъ, влетѣлъ въ кадку съ масломъ, а оттуда въ боченокъ съ мукой. Батюшки, на что онъ былъ похожъ! Женщина вопила и гонялась за нимъ съ угольными щипцами, дѣти бѣгали, сшибая другъ друга съ ногъ, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь стояла отворенной, утенокъ выбѣжалъ, кинулся въ кусты, прямо на свѣже-выпавшій снѣгъ и долго-долго лежалъ тамъ почти безъ чувствъ.

Было бы черезчуръ печально описывать всѣ злоключенія утенка во время суровой зимы. Когда же солнышко опять пригрѣло землю своими теплыми лучами, онъ лежалъ въ болотѣ, въ камышахъ. Запѣли жаворонки, пришла весна-красна.

Утенокъ взмахнулъ крыльями и полетѣлъ; теперь крылья его шумѣли и были куда крѣпче прежняго. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ уже очутился въ большомъ саду. Яблони стояли всѣ въ цвѣту; душистая сирень склоняла свои длинныя зеленыя вѣтви надъ извилистымъ каналомъ.

Ахъ, какъ тутъ было хорошо, какъ пахло весною! Вдругъ изъ чащи тростника выплыли три чудныхъ бѣлыхъ лебедя. Они плыли такъ легко и плавно, точно скользили по водѣ. Утенокъ узналъ красивыхъ птицъ, и его охватила какая-то странная грусть.

„Полечу-ка я къ этимъ царственнымъ птицамъ; онѣ навѣрное убьютъ меня за мою дерзость, за то, что я, такой безобразный, осмѣлился приблизиться къ нимъ, но пусть! Лучше быть убитымъ ими, чѣмъ сносить щипки утокъ и куръ, толчки птичницы, да терпѣть холодъ и голодъ зимою!"

И онъ слетѣлъ въ воду и поплылъ навстрѣчу красавцамъ-лебедямъ, которые, завидя его, тоже устремились къ нему.

— Убейте меня! — сказалъ бѣдняжка и опустилъ голову, ожидая смерти, но что же увидалъ онъ въ чистой, какъ зеркало, водѣ? Свое собственное изображеніе, но онъ былъ уже не безобразною темно-сѣрою птицей, а—лебедемъ!

Не бѣда появиться на свѣтъ въ утиномъ гнѣздѣ, если вылупился изъ лебединаго яйца!

Теперь онъ былъ радъ, что перенесъ столько горя и бѣдствій,—онъ лучше могъ теперь оцѣнить свое счастье и все окружавшее его великолѣпіе. Большіе лебеди плавали вокругъ него и ласкали его, гладя клювами по перышкамъ.

Въ садъ прибѣжали маленькіе дѣти; они стали бросать лебедямъ хлѣбныя крошки и зерна, а самый меньшой изъ нихъ закричалъ:

— Новый, новый!

И всѣ остальные подхватили:—Да, новый, новый!—хлопали въ ладоши и приплясывали отъ радости; потомъ побѣжали за отцомъ съ матерью, и опять бросали въ воду крошки хлѣба и пирожнаго. Всѣ говорили, что новый красивѣе всѣхъ. Такой молоденькій, прелестный!

И старые лебеди склонили передъ нимъ головы.

А онъ совсѣмъ смутился и спряталъ голову подъ крыло, самъ не зная зачѣмъ. Онъ былъ черезчуръ счастливъ, но нисколько не возгордился,—доброе сердце не знаетъ гордости— помня то время, когда всѣ его презирали и гнали. А теперь всѣ говорятъ, что онъ прекраснѣйшій между прекрасными птицами! Сирень склоняла къ нему въ воду свои душистыя вѣтви, солнышко свѣтило такъ славно... И вотъ, крылья его

зашумѣли, стройная шея выпрямилась, а изъ груди вырвался ликующій крикъ:

— Нѣтъ, о такомъ счастьи я и не мечталъ, когда былъ еще безобразнымъ утенкомъ!

ЕЛЬ.

Въ лѣсу стояла чудесная елочка. Мѣсто у нея было хорошее, воздуха и свѣта вдоволь; кругомъ же росли подруги постарше—и ели, и сосны. Елочкѣ ужасно хотѣлось поскорѣе вырости; она не думала ни о тепломъ солнышкѣ, ни о свѣжемъ воздухѣ, не было ей дѣла и до болтливыхъ крестьянскихъ ребятишекъ, что сбирали по лѣсу зелянику и малину; набравъ полныя корзиночки или нанизавъ ягоды, словно бусы, на тонкіе прутики, они присаживались подъ елочку отдохнуть и всегда говорили:

— Вотъ славная елочка! Хорошенькая, маленькая!

Такихъ рѣчей деревцо и слушать не хотѣло.

Прошелъ годъ, и у елочки прибавилось одно колѣнцо, прошелъ еще годъ, прибавилось еще одно; такъ по числу коленцевъ и можно узнать, сколько дереву лѣтъ.

— Ахъ, если бы я была такой же большой, какъ другія деревья!—вздыхала елочка.—Тогда бы и я широко раскинула свои вѣтви, высоко подняла голову, и мнѣ бы видно было далеко-далеко вокругъ! Птицы свили бы въ моихъ вѣтвяхъ гнѣзда, и я при вѣтрѣ такъ же важно кивала бы головой, какъ другія!

И ни солнышко, ни пѣніе птичекъ, ни розовыя утреннія и вечернія облака не доставляли ей ни малѣйшаго удовольствія.

Стояла зима; земля была устлана сверкающимъ снѣжнымъ ковромъ; по снѣгу нѣтъ-нѣтъ, да пробѣгалъ заяцъ и иногда даже перепрыгивалъ черезъ елочку—вотъ обида! Но прошло еще двѣ зимы, и къ третьей деревцо подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его кругомъ.

„Да, рости, рости и поскорѣе сдѣлаться большимъ, старымъ деревомъ—что можетъ быть лучше этого!“—думалось елочкѣ.

Каждую осень въ лѣсу появлялись дровосѣки и рубили самыя большія деревья. Елочка каждый разъ дрожала отъ страха при видѣ падавшихъ на землю съ шумомъ и трескомъ огромныхъ деревьевъ. Ихъ очищали отъ вѣтвей, и они валялись

на землѣ такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать ихъ! Потомъ ихъ укладывали на дровни и увозили изъ лѣса.

Куда? Зачѣмъ?

Весною, когда прилетѣли ласточки и аисты, деревцо спросило у нихъ:

— Не знаете-ли, куда повезли тѣ деревья? Не встрѣчали-ли вы ихъ?

Ласточки ничего не знали, но одинъ изъ аистовъ подумалъ, кивнулъ головой и сказалъ:

— Да, пожалуй! Я встрѣчалъ на морѣ, по пути изъ Египта, много новыхъ кораблей съ великолѣпными, высокими мачтами. Отъ нихъ пахло елью и сосной. Вотъ гдѣ они!

— Ахъ, поскорѣй бы и мнѣ выросги, да пуститься въ море! А каково это море, на что оно похоже?

— Ну, это долго разсказывать!—отвѣчалъ аистъ и улетѣлъ.

— Радуйся своей юности! — говорили елочкѣ солнечные лучи.— Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненнымъ силамъ!

И вѣтеръ цѣловалъ дерево, роса проливала надъ нимъ слезы, но ель ничего этого не цѣнила.

Около Рождества срубили нѣсколько совсѣмъ молоденькихъ елокъ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже меньше нашей елочки, которой такъ хотѣлось поскорѣе выросги. Всѣ срубленныя деревца были прехорошенькія; ихъ не очищали отъ вѣтвей, а прямо уложили на дровни и увезли изъ лѣса.

— Куда?—спросила ель.—Онѣ не больше меня, одна даже меньше. И почему на нихъ оставили всѣ вѣтви? Куда ихъ повезли?

— Мы знаемъ! Мы знаемъ!—прочирикали воробьи.—Мы были въ городѣ и заглядывали въ окна! Мы знаемъ, куда ихъ повезли! Онѣ попадутъ въ такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали въ окна и видѣли! Ихъ ставятъ посреди теплой комнаты и украшаютъ чудеснѣйшими вещами, золоченными яблоками, медовыми пряниками и тысячами свѣчей!

— А потомъ?..—спросила ель, дрожа всѣми вѣтвями.—А потомъ?.. Что было съ ними потомъ?

— А больше мы ничего не видали! Но это было безподобно!

— Можетъ быть, и я пойду такою же блестящею дорогой!—радовалась ель.—Это получше, чѣмъ плавать по морю! Ахъ,

я просто изнываю отъ тоски и нетерпѣнія! Хоть бы поскорѣе пришло Рождество! Теперь и я стала такою же высокою и раскидистою, какъ тѣ, что были срублены прошлый годъ! Ахъ, если-бъ я уже лежала на дровняхъ! Ахъ, если-бъ я уже стояла разубранною всѣми этими прелестями, въ теплой комнатѣ! А потомъ что?.. Потомъ, вѣрно, будетъ еще лучше, иначе зачѣмъ бы и наряжать меня!.. Только, что именно? Ахъ, какъ я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!

— Радуйся намъ! — сказали ей воздухъ и солнечный свѣтъ.—Радуйся своей юности и лѣсному приволью!

Но она и не думала радоваться, а все росла, да росла. И зиму, и лѣто стояла она въ своемъ зеленомъ уборѣ, и всѣ, кто ни видѣлъ ее, говорили: „Вотъ чудесное деревцо!“ Подошло, наконецъ, и Рождество, и елочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже и подумать о будущемъ счастьи; грустно было разставаться съ роднымъ лѣсомъ, съ тѣмъ уголкомъ, гдѣ она выросла,—она, вѣдь, знала, что никогда больше не увидитъ своихъ милыхъ подругъ—елей и сосенъ, кустовъ, цвѣтовъ, а можетъ быть даже и птичекъ! Какъ тяжело, какъ грустно!..

Деревцо пришло въ себя только тогда, когда очутилось вмѣстѣ съ другими деревьями на дворѣ и услышало возлѣ себя чей-то голосъ:

— Чудесная елка! Такую-то намъ и нужно!

Явились двое разодѣтыхъ слугъ, взяли елку и внесли ее въ огромную, великолѣпную залу. По стѣнамъ висѣли портреты, а на большой кафельной печкѣ стояли китайскія вазы съ львами на крышкахъ; повсюду были разставлены кресла-качалки, шелковые диваны и большіе столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на нѣсколько сотъ далеровъ—такъ, по крайней мѣрѣ, говорили дѣти. Елку посадили въ большую кадку съ пескомъ, обернули кадку зеленою матеріей и поставили на пестрый коверъ. Какъ трепетала елочка! Что-то теперь будетъ? Явились слуги и молодыя дѣвушки и стали наряжать ее. Вотъ на вѣтвяхъ повисли полныя сластей маленькія сѣтки, вырѣзанныя изъ цвѣтной бумаги, выросли золоченные яблоки и орѣхи, и закачались куклы—ни дать, ни взять, живые человѣчки; такихъ елка еще и не видывала. Наконецъ, къ вѣтвямъ прикрѣпили сотни разноцвѣтныхъ маленькихъ свѣчекъ, а къ самой

верхушкѣ елки—большую звѣзду изъ сусальнаго золота. Ну, просто глаза разбѣгались, глядя на все это великолѣпіе!

— Какъ заблеститъ, засіяетъ елка вечеромъ, когда зажгутся свѣчки!—сказали всѣ.

„Ахъ!“ подумала елка: „хоть бы поскорѣе насталъ вечеръ и зажгли свѣчки! А что же будетъ потомъ? Не явятся-ли сюда изъ лѣсу, чтобы полюбоваться на меня, другія деревья? Не прилетятъ-ли къ окошкамъ воробьи? Или, можетъ быть, я вросту въ эту кадку и буду стоять тутъ такою нарядной и зиму и лѣто?“

Да, много она знала!... Отъ напряженнаго ожиданія у нея даже заболѣла кора, а это для дерева такъ же непріятно, какъ для насъ головная боль.

Но вотъ зажгли свѣчи. Что за блескъ, что за роскошь! Елка задрожала всѣми вѣтвями, одна изъ свѣчекъ подпалила зеленыя иглы, и елочка пребольно обожглась.

— Ай-ай! — закричали барышни и поспѣшно затушили огонь.

Больше елка дрожать не смѣла. И напугалась же она! Особенно потому, что боялась лишиться хоть малѣйшаго изъ своихъ украшеній. Но весь этотъ блескъ просто ошеломлялъ ее... Вдругъ обѣ половинки дверей распахнулись, и ворвалась цѣлая толпа дѣтей; можно было подумать, что они намѣревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшіе. Малыши остановились, какъ вкопанные, но лишь на минуту, а тамъ поднялся такой шумъ и гамъ, что просто въ ушахъ звенѣло. Дѣти плясали вокругъ елки, и мало-по-малу всѣ подарки съ нея были посорваны.

„Что же это они дѣлаютъ!“—думала елка.—„Что это значитъ?“

Свѣчки догорѣли, ихъ потушили, а дѣтямъ позволили обобрать дерево. Какъ они набросились на него! Только вѣтви затрещали! Не будь елка крѣпко привязана верхушкою съ золотой звѣздой къ потолку, они бы повалили ее.

Потомъ дѣти опять принялись плясать, не выпуская изъ рукъ своихъ чудесныхъ игрушекъ. Никто больше не глядѣлъ на елку, кромѣ старой няни, да и та высматривала только, не осталось-ли гдѣ въ вѣтвяхъ яблочка или финика.

— Сказку! Сказку!—закричали дѣти и подтащили къ елкѣ маленькаго, толстенькаго господина.

Онъ усѣлся подъ деревомъ и сказалъ:

— Вотъ мы и въ лѣсу! Да и елка кстати послушаетъ! Но я разскажу только одну сказку! Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился съ лѣстницы, все-таки вошелъ въ честь и добылъ себѣ принцессу?

— Про Иведе-Аведе!—закричали одни.

— Про Клумпе-Думпе!—кричали другіе.

Поднялся крикъ и шумъ; одна елка стояла смирно и думала: „А мнѣ, развѣ, нечего больше дѣлать?“

Она ужъ сдѣлала свое дѣло!

И толстенькій господинъ разсказалъ про Клумпе-Думпе, который хоть и свалился съ лѣстницы, все-таки вошелъ въ честь и добылъ себѣ принцессу.

Дѣти захлопали въ ладоши и закричали:—Еще, еще!— Они хотѣли послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одномъ Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла елка, — лѣсныя птицы никогда не разсказывали ничего подобнаго. „Клумпе-Думпе свалился съ лѣстницы, и все же ему досталась принцесса! Да, вотъ что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!“ думала елка; она вполнѣ вѣрила всему, что сейчасъ слышала,—разсказывалъ, вѣдь, такой почтенный господинъ. „Да, да, кто знаетъ! Можетъ быть, и мнѣ придется свалиться съ лѣстницы, а потомъ и мнѣ достанется принцесса!“ И она съ радостью думала о завтрашнемъ днѣ: ее опять украсятъ свѣчками, игрушками, золотомъ и фруктами! „Завтра ужъ я не задрожу!“ думала она. „Я хочу, какъ слѣдуетъ, насладиться своимъ великолѣпіемъ! И завтра я опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а, можетъ статься, и про Иведе-Аведе“. И деревцо смирно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнемъ днѣ.

Поутру явились слуга и горничная. „Сейчасъ опять начнутъ меня украшать!“ подумала елка, но они вытащили ее изъ комнаты, поволокли по лѣстницѣ и сунули въ самый темный уголъ чердака, куда даже не проникалъ дневной свѣтъ.

„Что же это значитъ?“ думалось елкѣ. „Что мнѣ здѣсь дѣлать? Что я тутъ увижу и услышу?“ И она прислонилась къ стѣнѣ и все думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи—никто не заглядывалъ къ ней. Разъ только пришли люди поставить на чердакъ какіе-то ящики. Дерево стояло совсѣмъ въ сторонѣ и о немъ, казалось, забыли.

„На дворѣ зима!“ думала елка. „Земля затвердѣла и покрыта снѣгомъ; нельзя, значитъ, снова посадить меня въ землю, вотъ и приходится постоять подъ крышей до весны! Какъ это умно придумано! Какіе люди добрые! Не будь только здѣсь такъ темно и такъ ужасно пусто!.. Нѣтъ даже ни единаго зайчика!.. А въ лѣсу-то какъ было весело! Кругомъ снѣгъ, а по снѣгу скачутъ зайчики! Хорошо было... Даже, когда они прыгали черезъ меня, хоть меня это и сердило! А тутъ какъ пусто!

— Пи-пи!—пискнулъ вдругъ мышенокъ и выскочилъ изъ норки, за нимъ еще нѣсколько. Они принялись обнюхивать дерево и шмыгать межъ его вѣтвями.

— Ужасно холодно здѣсь!—сказали мышенята.—А то совсѣмъ бы хорошо было! Правда, старая елка?

— Я вовсе не стара!—отвѣчала ель.—Есть много деревьевъ постарше меня!

— Откуда ты и что ты знаешь?—спросили мышенята; они были ужасно любопытны. — Разскажи намъ, гдѣ самое лучшее мѣсто на землѣ? Ты была тамъ? Была ты когда-нибудь въ кладовой, гдѣ на полкахъ лежатъ сыры, а подъ потолкомъ висятъ окорока и гдѣ можно плясать по сальнымъ свѣчкамъ? Туда войдешь тощимъ, а выйдешь оттуда толстымъ!

— Нѣтъ, такого мѣста я не знаю!—сказало дерево.—Но я знаю лѣсъ, гдѣ свѣтитъ солнышко и поютъ птички!

И она разсказала имъ о своей юности; мышенята никогда не слыхали ничего подобнаго, выслушали разсказъ елки и потомъ сказали:

— Какъ же ты много видѣла! Какъ ты была счастлива!

— Счастлива?—сказала ель и задумалась о томъ времени, о которомъ только что разсказывала.—Да, пожалуй, тогда мнѣ жилось недурно!

Затѣмъ она разсказала имъ про тотъ вечеръ, когда была разубрана пряниками и свѣчками.

— О!—сказали мышенята.—Какъ же ты была счастлива, старая елка!

— Я совсѣмъ еще не стара!—возразила ель.—Я взята изъ лѣсу только нынѣшнею зимой! Я въ самой порѣ! Только что вошла въ ростъ!

— Какъ ты чудесно разсказываешь!—сказали мышинята и на слѣдующую ночь привели съ собой еще четырехъ, кото-

рымъ тоже надо было послушать разсказы елки. А сама ель чѣмъ больше разсказывала, тѣмъ яснѣе припоминала свое прошлое, и ей казалось, что она пережила много хорошихъ дней.

— Но они же вернутся! Вернутся! И Клумпе-Думпе упалъ съ лѣстницы, а все-таки ему досталась принцесса! Можетъ быть, и мнѣ тоже достанется принцесса!

При этомъ дерево вспомнило хорошенькую березку, что росла въ лѣсной чащѣ неподалеку отъ него,—она казалась ему настоящей принцессой.

— Кто это Клумпе-Думпе?—спросили мышенята, и ель разсказала имъ всю сказку; она запомнила ее слово въ слово. Мышенята отъ удовольствія чуть не прыгали до самой верхушки дерева. На слѣдующую ночь явилось еще нѣсколько мышей, а въ воскресенье пришли даже двѣ крысы. Этимъ сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышенятъ, но теперь и они перестали уже такъ восхищаться сказкою, какъ прежде.

— Вы только одну эту исторію и знаете?—спросили крысы.

— Только! —отвѣчала ель.—Я слышала ее въ счастливѣйшій вечеръ въ моей жизни; тогда-то я, впрочемъ, еще не сознавала этого!

— Въ высшей степени жалкая исторія! Не знаете-ли вы чего-нибудь про жиръ или сальныя свѣчки? Про кладовую?

— Нѣтъ!—отвѣтило дерево.

— Такъ счастливо оставаться!—сказали крысы и ушли.

Мышенята тоже разбѣжались, и ель вздохнула:

— А, вѣдь, славно было, когда эти рѣзвые мышенята сидѣли вокругъ меня и слушали мои разсказы! Теперь и этому конецъ... Но ужъ теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда наконецъ снова выйду на бѣлый свѣтъ!

Не такъ-то скоро это случилось!

Однажды утромъ явились люди прибрать чердакъ. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала ее довольно грубо бросили на полъ, потомъ слуга поволокъ ее по лѣстницѣ внизъ.

„Ну, теперь для меня начнется новая жизнь!“ —подумала елка.

Вотъ на нее повѣяло свѣжимъ воздухомъ, блеснулъ лучъ солнца—ель очутилась на дворѣ. Все это произошло такъ быстро, вокругъ было столько новаго и интереснаго для нея, что она не успѣла и поглядѣть на самое себя. Дворъ примы-

калъ къ саду; въ саду все зеленѣло и цвѣло. Черезъ изгородь перевѣшивались свѣжія благоухающія розы, липы были покрыты цвѣтомъ, ласточки летали взадъ и впередъ и щебетали:

— Квиръ-виръ-витъ! Мой мужъ вернулся!

Но это не относилось къ ели.

— Теперь и я заживу!—радовалась ель и расправила свои вѣтви. Ахъ, какъ онѣ поблекли и пожелтѣли!

Дерево лежало въ углу двора, на крапивѣ и сорной травѣ; на верхушкѣ его все еще сіяла золотая звѣзда.

На дворѣ весело играли тѣ самые ребятишки, что прыгали и плясали вокругъ разубранной елки въ сочельникъ. Самый младшій увидѣлъ дерево и сорвалъ съ него звѣзду.

— Поглядите-ка, что осталось на этой гадкой, старой елкѣ!—сказалъ онъ и наступилъ ногами на ея вѣтви; вѣтви захрустѣли.

Ель посмотрѣла на молодую, цвѣтущую жизнь вокругъ, потомъ поглядѣла на самое себя и пожелала вернуться въ свой темный уголъ на чердакъ. Вспомнились ей и молодость, и лѣсъ, и веселый сочельникъ, и мышенята, радостно слушавшіе сказку про Клумпе-Думпе...

— Все прошло, прошло!—сказала бѣдное дерево.—И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... все прошло, прошло!

Пришелъ слуга и изрубилъ елку въ куски,—вышла цѣлая связка растопокъ. Какъ славно запылали онѣ подъ большимъ котломъ! Дерево глубоко, глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрѣлы. Прибѣжали дѣти, усѣлись передъ огнемъ и встрѣчали каждый выстрѣлъ веселымъ: „пифъ! пафъ!“ А ель, испуская тяжелыя вздохи, вспоминала ясные лѣтніе дни и звѣздныя зимнія ночи въ лѣсу, веселый сочельникъ и сказку про Клумпе-Думпе, единственную, слышанную ею сказку!.. Такъ она вся и сгорѣла.

Мальчики опять играли на дворѣ; у младшаго на груди сіяла та самая золотая звѣзда, которая украшала елку въ счастливѣйшій вечеръ ея жизни. Теперь онъ прошелъ, канулъ въ вѣчность, елкѣ тоже пришелъ конецъ, а съ нею и нашей исторіи. Конецъ, конецъ! Все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ!

ПАРОЧКА.

Молодчикъ-кубарь и барышня-мячикъ лежали рядкомъ въ ящикѣ съ игрушками, и кубарь сказалъ сосѣдкѣ:

— Не пожениться-ли намъ, мы, вѣдь, лежимъ въ одномъ ящикѣ?

Но мячикъ—сафьяноваго происхожденія и воображавшій о себѣ не менѣе любой барышни—гордо промолчалъ.

На другой день пришелъ мальчикъ, хозяинъ игрушекъ, и выкрасилъ кубарь въ красный съ желтымъ цвѣтъ, а въ самую серединку вбилъ мѣдный гвоздикъ. Вотъ-то красиво было, когда кубарь завертѣлся!

— Посмотрите-ка на меня!—сказалъ онъ мячику.—Что вы скажете теперь? Не пожениться-ли намъ? Чѣмъ мы не пара? Вы прыгаете, а я танцую. Поискать такой славной парочки!

— Вы думаете?—сказалъ мячикъ.—Вы, должно быть, не знаете, что я веду свое происхожденіе отъ сафьяновыхъ туфель и что внутри у меня пробка?

— А я изъ краснаго дерева,—сказалъ кубарь:—и меня выточилъ самъ городской голова! У него свой собственный токарный станокъ, и онъ съ такимъ удовольствіемъ занимался мной!

— Такъ-ли?—усомнился мячикъ.

— Пусть больше не коснется меня кнутикъ, если я лгу!—сказалъ кубарь.

— Вы очень краснорѣчивы,—сказалъ мячикъ:—но я все-таки не могу. Я ужъ почти невѣста! Стоитъ мнѣ взлетѣть на воздухъ, какъ изъ гнѣзда высовывается стрижъ и все спрашиваетъ: „Хотите? Хотите?“ Мысленно я всякій разъ говорю: „да“, значитъ дѣло почти слажено. Но я обѣщаю вамъ никогда васъ не забывать!

— Вотъ еще! Очень нужно!—сказалъ кубарь, и они перестали говорить другъ съ другомъ.

На другой день мячикъ взяли. Кубарь смотрѣлъ, какъ онъ, точно птица, взвивался въ воздухъ все выше, выше... и, наконецъ, совсѣмъ исчезалъ изъ глазъ, потомъ опять падалъ назадъ и, коснувшись земли, снова взлеталъ кверху; потому-ли, что его влекло туда, или потому, что внутри у него сидѣла пробка — неизвѣстно. Въ девятый разъ мячикъ взлетѣлъ и — поминай, какъ звали! Мальчикъ искалъ, искалъ—нѣтъ нигдѣ, да и только!

„Я знаю, гдѣ она!“ —вздохнулъ кубарь.—„Въ стрижиномъ гнѣздѣ, замужемъ за стрижомъ!“

И чѣмъ больше думалъ кубарь о мячикѣ, тѣмъ больше влюблялся. Сказать правду, такъ онъ потому больше и влюблялся, что не могъ жениться на своей возлюбленной,—подумать только, она предпочла ему другого!

Кубарь плясалъ и пѣлъ, но не переставалъ думать о мячикѣ, который представлялся ему все прекраснѣе и прекраснѣе.

Такъ прошло много лѣтъ; любовь кубаря стала уже старой любовью.

Да и самъ кубарь былъ не молодъ... Разъ его взяли и вызолотили сверху до низу. То-то было великолѣпіе! Онъ весь сталъ золотой и кружился и жужжалъ, такъ что любо! Да, ужъ нечего сказать! Вдругъ онъ подпрыгнулъ повыше и—пропалъ!

Искали, искали, даже въ погребъ слазили,—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Куда же онъ попалъ?

Въ помойное ведро! Оно стояло какъ разъ подъ водосточнымъ жолобомъ и было полно разной дряни: обгрызанныхъ кочерыжекъ, щепокъ, сора.

— Угодилъ, нечего сказать!—вздохнулъ кубарь.—Тутъ вся позолота разомъ сойдетъ! И что за дрянь тутъ валяется?

И онъ покосился на длинную обгрызанную кочерыжку и еще на какую-то странную, круглую вещь, вродѣ стараго промозглаго яблока. Но это было не яблоко, а старая барышня-мячикъ, который застрялъ когда-то въ водосточномъ жолобѣ, пролежалъ тамъ много, много лѣтъ, весь промозгъ и, наконецъ, упалъ въ ведро.

— Слава Богу! Наконецъ-то хоть кто-нибудь изъ нашего круга, съ кѣмъ можно поговорить!—сказалъ мячикъ, посмотрѣвъ на вызолоченный кубарь.—Я, вѣдь, въ сущности изъ сафьяна и сшита дѣвичьими ручками, а внутри у меня пробка! А кто это скажетъ, глядя на меня? Я чуть не вышла замужъ за стрижа, да вотъ попала въ водосточный жолобъ и пролежала тамъ цѣлыхъ пять лѣтъ! Это не шутка! Особенно для дѣвицы!

Кубарь молчалъ,—онъ думалъ о своей старой возлюбленной и все больше и больше убѣждался, что это она.

Пришла служанка, чтобы опорожнить ведро.

— А, вотъ гдѣ нашъ кубарь!—сказала она.

И кубарь опять попалъ въ комнаты и въ честь, а о мячикѣ не было и помину. Самъ кубарь никогда больше и не заикался о своей старой любви: любовь какъ рукой сниметъ, если предметъ ея пролежитъ пять лѣтъ въ водосточномъ жолобѣ, да еще встрѣтится вамъ въ помойномъ ведрѣ! Тутъ его и не узнаютъ!

СНѢЖНАЯ КОРОЛЕВА.

СКАЗКА ВЪ СЕМИ РАЗСКАЗАХЪ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Зеркало и его осколки.

Ну, начнемъ! Дойдя до конца нашей исторіи, мы будемъ знать больше, чѣмъ теперь. Такъ вотъ, жилъ-былъ тролль, злющій-презлющій; то былъ самъ дьяволъ. Разъ онъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа: онъ смастерилъ такое зеркало, въ которомъ все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротивъ, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнѣйшіе ландшафты выглядѣли въ немъ вареныйъ шпинатомъ, а лучшіе изъ людей—уродами или казались стоящими кверху ногами и безъ животовъ! Лица искажались до того, что нельзя было и узнать ихъ; случись же у кого на лицѣ веснушка или родинка, она расплывалась во все лицо. Дьявола все это ужасно потѣшало. Добрая, благочестивая человѣческая мысль отражалась въ зеркалѣ невообразимой гримасой, такъ что тролль не могъ не хохотать, радуясь своей выдумкѣ. Всѣ ученики тролля—у него была своя школа — разсказывали о зеркалѣ, какъ о какомъ-то чудѣ.

— Теперь только,—говорили они,—можно увидѣть весь міръ и людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ!

И вотъ, они бѣгали съ зеркаломъ повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человѣка, которые бы не отразились въ немъ въ искаженномъ видѣ. Напослѣдокъ захотѣлось имъ добраться и до неба, чтобы посмѣяться надъ ангелами и самимъ Творцомъ. Чѣмъ выше поднимались они, тѣмъ сильнѣе кривлялось и корчилось зеркало отъ гримасъ; они елееле удерживали его въ рукахъ. Но вотъ они поднялись еще, и вдругъ зеркало такъ перекосило, что оно вырвалось у нихъ

изъ рукъ, полетѣло на землю и разбилось въ дребезги. Милліоны, билліоны его осколковъ надѣлали, однако, еще больше бѣдъ, чѣмъ самое зеркало. Нѣкоторые изъ нихъ были не больше песчинки, разлетѣлись по бѣлу-свѣту, попадáли, случалось, людямъ въ глаза и такъ тамъ и оставались. Человѣкъ же съ такимъ осколкомъ въ глазу начиналъ видѣть все навыворотъ или замѣчать въ каждой вещи однѣ лишь дурныя ея стороны,— вѣдь, каждый осколокъ сохранялъ свойство, которымъ отличалось самое зеркало. Нѣкоторымъ людямъ осколки попадáли прямо въ сердце, и это было хуже всего: сердце превращалась въ кусокъ льда. Были между этими осколками и большіе, такіе, что ихъ можно было вставить въ оконныя рамы, но ужъ въ эти окна не стоило смотрѣть на своихъ добрыхъ друзей. Наконецъ, были и такіе осколки, которые пошли на очки, только бѣда была, если люди надѣвали ихъ, съ цѣлью смотрѣть на вещи и судить о нихъ вѣрнѣе! А злой тролль хохоталъ до коликъ, такъ пріятно щекоталъ его успѣхъ его выдумки. Но по свѣту летало еще много осколковъ зеркала. Послушаемъ же!

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

Мальчикъ и дѣвочка.

Въ большомъ городѣ, гдѣ столько домовъ и людей, что не всѣмъ и каждому удается отгородить себѣ хоть маленькое мѣстечко для садика, и гдѣ, поэтому, большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цвѣтами въ горшкахъ— жили двое бѣдныхъ дѣтей, но у нихъ былъ садикъ побольше цвѣточнаго горшка. Они не были въ родствѣ, но любили другъ друга, какъ братъ и сестра. Родители ихъ жили въ мансардахъ смежныхъ домовъ. Кровли домовъ почти сходились, а подъ выступами кровель шло по водосточному жолобу, приходившемуся какъ разъ подъ окошкомъ каждой мансарды. Стоило, такимъ образомъ, шагнуть изъ какого-нибудь окошка на жолобъ и можно было очутиться у окна сосѣдей.

У родителей было по большому деревянному ящику; въ нихъ росли коренья и небольшіе кусты розъ,—въ каждомъ по одному—осыпанные чудными цвѣтами. Родителямъ пришло въ голову поставить эти ящики поперекъ жолобовъ; такимъ образомъ, отъ одного окна къ другому тянулись словно двѣ цвѣточныя грядки. Горохъ спускался изъ ящиковъ зелеными гирляндами, розовые кусты заглядывали въ окна и сплетались вѣтвями; обра-

зовалось нѣчто вродѣ тріумфальныхъ воротъ изъ зелени и цвѣтовъ. Такъ какъ ящики были очень высоки, и дѣти твердо знали, что имъ нельзя карабкаться на нихъ, то родители часто позволяли мальчику съ дѣвочкой ходить другъ къ другу по крышѣ въ гости и сидѣть на скамеечкѣ подъ розами. И что за веселыя игры устраивались у нихъ тутъ!

Зимою это удовольствіе прекращалось, окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дѣти нагрѣвали на печкѣ мѣдныя монеты и прикладывали ихъ къ замерзшимъ стекламъ— сейчасъ же оттаивало чудесное кругленькое отверстіе, а въ него выглядывалъ веселый, ласковый глазокъ,—это смотрѣли каждый изъ своего окна мальчикъ и дѣвочка: Кай и Герда. Лѣтомъ они въ одинъ прыжокъ могли очутиться въ гостяхъ другъ у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много, много ступеней внизъ, а затѣмъ подняться на столько же вверхъ. На дворѣ перепархивалъ снѣжокъ.

— Это роятся бѣлыя пчелки!—сказала старушка-бабушка.

— А у нихъ тоже есть королева?—спросилъ мальчикъ; онъ зналъ, что у настоящихъ пчелъ есть такая.

— Есть!—отвѣчала бабушка.—Снѣжинки окружаютъ ее густымъ роемъ, но она больше ихъ всѣхъ и никогда не остается на землѣ—вѣчно носится на черномъ облакѣ. Часто по ночамъ пролетаетъ она по городскимъ улицамъ и заглядываетъ въ окошки; вотъ оттого-то они и покрываются ледяными узорами, словно цвѣтами!

— Видѣли, видѣли!—сказали дѣти и повѣрили, что все это сущая правда.

— А Снѣжная королева не можетъ войти сюда?—спросила дѣвочка.

— Пусть-ка попробуетъ!—сказалъ мальчикъ.—Я посажу ее на теплую печку, вотъ она и растаетъ!

Но бабушка погладила его по головкѣ и завела разговоръ о другомъ.

Вечеромъ, когда Кай былъ уже дома и почти совсѣмъ раздѣлся, собираясь лечь спать, онъ вскарабкался на стулъ у окна и поглядѣлъ въ маленькій оттаявшій на оконномъ стеклѣ кружочекъ. За окномъ порхали снѣжинки; одна изъ нихъ, побольше, упала на край цвѣточнаго ящика и начала рости, рости, пока, наконецъ, не превратилась въ женщину, укутанную въ тончайшій бѣлый тюль, сотканный, казалось, изъ миліоновъ снѣж-

ныхъ звѣздочекъ. Она была такъ прелестна, такъ нѣжна, вся изъ ослѣпительно-бѣлаго льда и все же живая! Глаза ея сверкали, какъ звѣзды, но въ нихъ не было ни теплоты, ни кротости. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуганъ испугался и спрыгнулъ со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день былъ славный морозецъ, но затѣмъ сдѣлалась оттепель, а тамъ пришла и весна-красна. Солнышко свѣтило, цвѣточные ящики опять были всѣ въ зелени, ласточки вили подъ крышей гнѣзда, окна растворили, и дѣтямъ опять можно было сидѣть въ своемъ маленькомъ садикѣ на крышѣ.

Розы цвѣли все лѣто восхитительно. Дѣвочка выучила псаломъ, въ которомъ тоже говорилось о розахъ; дѣвочка пѣла его мальчику, думая при этомъ о своихъ розахъ, и онъ подпѣвалъ ей:

„Ужъ розы въ долинахъ цвѣтутъ,
Младенецъ-Христосъ съ нами тутъ!“

Дѣти пѣли, взявшись за руки, цѣловали розы, смотрѣли на ясное солнышко и разговаривали съ нимъ,—имъ чудилось, что съ него глядѣлъ на нихъ самъ Младенецъ-Христосъ. Что за чудное было лѣто и какъ хорошо было подъ кустами благоухающихъ розъ, которыя, казалось, должны были цвѣсти вѣчно!

Кай и Герда сидѣли и разсматривали книжку съ картинками—звѣрями и птицами; на большихъ башенныхъ часахъ пробило пять.

— Ай! —вскрикнулъ вдругъ мальчикъ: —Мнѣ кольнуло прямо въ сердце, и что-то попало въ глазъ!

Дѣвочка обвила ручонкой его шею, онъ мигалъ глазами, но ни въ одномъ ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило!—сказалъ онъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Въ сердце и въ глазъ ему попали два осколка дьявольскаго зеркала, въ которомъ, какъ мы, конечно, помнимъ, все великое и доброе казалось ничтожнымъ и гадкимъ, а злое и дурное отражалось еще ярче, дурныя стороны каждой вещи выступали еще рѣзче. Бѣдняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться въ кусокъ льда! Боль въ глазу и въ сердцѣ уже прошла, но самые осколки въ нихъ остались.

— О чемъ же ты плачешь? — спросилъ онъ Герду. — У!

Какая ты теперь безобразная! Мнѣ совсѣмъ не больно! Фуй!— закричалъ онъ затѣмъ:—Эту розу точитъ червь! А та совсѣмъ кривая! Какія гадкія розы! Не лучше ящиковъ, въ которыхъ торчатъ!

И онъ, толкнувъ ящикъ ногою, вырвалъ двѣ розы.

— Кай, что ты дѣлаешь?— закричала дѣвочка, а онъ, увидя ея испугъ, вырвалъ еще одну и убѣжалъ отъ миленькой, маленькой Герды въ свое окно.

Приносила-ли послѣ того ему дѣвочка книжку съ картинками, онъ говорилъ, что эти картинки хороши только для грудныхъ ребятъ; разсказывала-ли что-нибудь старушка-бабушка, онъ придирался къ словамъ. Да хоть бы одно это! А то онъ дошелъ до того, что сталъ передразнивать ея походку, надѣвать ея очки и подражать ея голосу! Выходило очень похоже и смѣшило людей. Скоро мальчикъ выучился передразнивать и всѣхъ сосѣдей,—онъ отлично умѣлъ выставить напоказъ всѣ ихъ странности и недостатки—и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему въ глазъ и въ сердце. Потому-то онъ передразнивалъ даже миленькую, маленькую Герду, которая любила его всѣмъ сердцемъ.

И забавы его стали теперь совсѣмъ иными, такими мудреными. Разъ зимою, когда перепархивалъ снѣжокъ, онъ явился съ большимъ зажигательнымъ стекломъ и подставилъ подъ снѣгъ полу своей синей куртки.

— Погляди въ стекло, Герда!—сказалъ онъ.

Каждая снѣжинка казалась подъ стекломъ куда больше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, и походила на роскошный цвѣтокъ или десятиугольную звѣзду. Чудо, что такое!

— Видишь, какъ искусно сдѣлано!—сказалъ Кай.—Это куда интереснѣе настоящихъ цвѣтовъ! И какая точность! Ни единой неправильной линіи! Ахъ, если бы онѣ только не таяли!

Немного спустя, Кай явился въ большихъ рукавицахъ, съ санками за спиною, крикнулъ Гердѣ въ самое ухо:—Мнѣ позволили покататься на большой площади съ другими мальчиками!—и убѣжалъ.

На площади каталось множество дѣтей. Тѣ, что были посмѣлѣе, привязывали свои санки къ крестьянскимъ санямъ и прокатывались, такимъ образомъ, довольно далеко. Веселье такъ и кипѣло. Въ самый разгаръ его, на площади появились боль-

шія сани, выкрашенныя въ бѣлый цвѣтъ. Въ нихъ сидѣлъ человѣкъ, весь ушедшій въ бѣлую мѣховую шубу и такую же шапку. Сани объѣхали кругомъ площади два раза; Кай живо привязалъ къ нимъ свои санки и покатился. Большія сани понеслись быстрѣе и затѣмъ свернули съ площади въ переулокъ. Сидѣвшій въ нихъ человѣкъ обернулся и дружески кивнулъ Каю, точно знакомому. Кай нѣсколько разъ порывался отвязать свои санки, но человѣкъ въ шубѣ кивалъ ему, и онъ продолжалъ ѣхать. Вотъ они выѣхали за городскія ворота. Снѣгъ повалилъ вдругъ хлопьями, стемнѣло такъ, что кругомъ не было видно ни зги. Мальчикъ поспѣшилъ отпустить веревку, которою зацѣпился за большія сани, но санки его точно приросли къ большимъ санямъ и продолжали нестись вихремъ. Кай громко закричалъ—никто не услышалъ его! Снѣгъ валилъ, санки мчались, ныряя въ сугробахъ, прыгая черезъ изгороди и канавы. Кай весь дрожалъ, хотѣлъ прочесть „Отче Нашъ", но въ умѣ у него вертѣлась одна таблица умноженія.

Снѣжные хлопья все росли и обратились подъ конецъ въ большихъ бѣлыхъ курицъ. Вдругъ они разлетѣлись въ стороны, большія сани остановились, и сидѣвшій въ нихъ человѣкъ всталъ. Это была высокая, стройная, ослѣпительно-бѣлая женщина—Снѣжная королева; и шуба и шапка на ней были изъ снѣга.

— Славно проѣхались! — сказала она. — Но ты совсѣмъ замерзъ? Полѣзай ко мнѣ въ шубу!

И, посадивъ мальчика къ себѣ въ сани, она завернула его въ свою шубу; Кай словно опустился въ снѣжный сугробъ.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцѣловала его въ лобъ.

У! поцѣлуй ея былъ холоднѣе льда, пронизалъ его холодомъ насквозь и дошелъ до самаго сердца, а оно и безъ того уже было наполовину ледянымъ. Одну минуту Каю казалось, что вотъ-вотъ онъ умретъ, но нѣтъ, напротивъ, стало легче, онъ даже совсѣмъ пересталъ зябнуть.

— Мои санки! Не забудь моихъ санокъ! — спохватился онъ прежде всего о санкахъ.

И санки были привязаны на спину одной изъ бѣлыхъ курицъ, которая и полетѣла съ ними за большими санями. Снѣжная королева поцѣловала Кая еще разъ, и онъ позабылъ и Герду, и бабушку, и всѣхъ домашнихъ.

— Больше я не буду цѣловать тебя! — сказала она. — А не то зацѣлую до смерти!

Кай взглянулъ на нее; она была такъ хороша! Болѣе умнаго, прелестнаго лица онъ не могъ себѣ и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, какъ въ тотъ разъ, когда она сидѣла за окномъ и кивала ему головой; теперь она казалась ему совершенствомъ. Онъ совсѣмъ не боялся ея и разсказалъ ей, что знаетъ всѣ четыре дѣйствія ариѳметики, да еще съ дробями, знаетъ, сколько въ каждой странѣ квадратныхъ миль и жителей, а она только улыбалась въ отвѣтъ. И тогда ему показалось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ знаетъ мало, и онъ устремилъ взоръ въ безконечное, воздушное пространство. Въ тотъ же мигъ Снѣжная королева взвилась съ нимъ на темное свинцовое облако, и они понеслись. Буря выла и стонала, словно распѣвала старинныя пѣсни; они летѣли надъ лѣсами и озерами, надъ морями и твердой землей; подъ ними дули холодные вѣтры, выли волки, сверкалъ снѣгъ, летали съ крикомъ черные вóроны, а надъ ними сіялъ большой, ясный мѣсяцъ. На него смотрѣлъ Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь,—днемъ онъ спалъ у ногъ Снѣжной королевы.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Цвѣтникъ женщины, умѣвшей колдовать.

А что же было съ Гердой, когда Кай не вернулся? И куда онъ дѣвался? Никто не зналъ этого, никто не могъ сообщить о немъ ничего. Мальчики разсказали только, что видѣли, какъ онъ привязалъ свои санки къ большимъ, великолѣпнымъ санямъ, которыя потомъ свернули въ переулокъ и выѣхали за городскія ворота. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Много было пролито о немъ слезъ; горько и долго плакала Герда. Наконецъ порѣшили, что онъ умеръ, утонулъ въ рѣкѣ, протекавшей за городомъ. Долго тянулись мрачные зимніе дни.

Но вотъ настала весна, выглянуло солнышко.

— Кай умеръ и больше не вернется!—сказала Герда.

— Не вѣрю!—отвѣчалъ солнечный свѣтъ.

— Онъ умеръ и больше не вернется! повторила она ласточкамъ.

— Не вѣримъ!—отвѣтили онѣ.

Подъ конецъ и сама Герда перестала этому вѣрить.

— Надѣну-ка я свои новые, красные башмачки,—Кай ни

разу еще не видалъ ихъ,—сказала она однажды утромъ:—да пойду къ рѣкѣ спросить про него.

Было еще очень рано; она поцѣловала спящую бабушку, надѣла красные башмачки и побѣжала одна-одинешенька загородъ, прямо къ рѣкѣ.

— Правда, что ты взяла моего названнаго братца? Я подарю тебѣ свои красные башмачки, если ты отдашь мнѣ его назадъ!

И дѣвочкѣ почудилось, что волны какъ-то странно киваютъ ей; тогда она сняла свои красные башмачки, первую свою драгоцѣнность, и бросила ихъ въ рѣку. Но они упали какъ разъ у берега, и волны сейчасъ же вынесли ихъ на сушу, — рѣка какъ будто не хотѣла брать у дѣвочки лучшую ея драгоцѣнность, такъ какъ не могла вернуть ей Кая. Дѣвочка же подумала, что бросила башмачки не довольно далеко, влѣзла въ лодку, качавшуюся въ тростникѣ, стала на самый краешекъ кормы и опять бросила башмаки въ воду. Лодка не была привязана и оттолкнулась отъ берега. Дѣвочка хотѣла поскорѣе выпрыгнуть на сушу, но пока пробиралась съ кормы на носъ, лодка уже отошла отъ берега на цѣлый аршинъ и быстро понеслась по теченію.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кромѣ воробьевъ, не слышалъ ея криковъ; воробьи же не могли перенести ея на сушу и только летѣли за ней вдоль берега, да щебетали, словно желая ее утѣшить:

„Мы здѣсь! Мы здѣсь!“

Лодку уносило все дальше; Герда сидѣла смирно, въ однѣхъ чулкахъ; красные башмачки ея плыли за лодкой, но не могли догнать ея.

Берега рѣки были очень красивы; повсюду виднѣлись чудеснѣйшіе цвѣты, высокія, раскидистыя деревья, луга, на которыхъ паслись овцы и коровы, но нигдѣ не было видно ни души человѣческой.

„Можетъ быть, рѣка несетъ меня къ Каю!“—подумала Герда, повеселѣла, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Но вотъ, она приплыла къ большому вишневому саду, въ которомъ пріютился домикъ съ цвѣтными стеклами въ окошкахъ и соломенной крышей. У дверей стояли два деревянныхъ солдата и отдавали ружьями честь всѣмъ, кто проплывалъ мимо.

Герда закричала имъ, — она приняла ихъ за живыхъ—но они, понятно, не отвѣтили ей. Вотъ она подплыла къ нимъ еще ближе, лодка подошла чуть не къ самому берегу, и дѣвочка закричала еще громче. Изъ домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка, въ большой соломенной шляпѣ, расписанной чудесными цвѣтами.

— Ахъ, ты, бѣдная крошка! — сказала старушка. — Какъ это ты попала на такую большую, быструю рѣку, да забралась такъ далеко?

Съ этими словами старушка вошла въ воду, зацѣпила лодку своею клюкой, притянула ее къ берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась, наконецъ, на сушѣ, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдемъ, да разскажи мнѣ, кто ты и какъ сюда попала?—сказала старушка.

Герда стала разсказывать ей обо всемъ, а старушка покачивала головой и повторяла: „гмъ! гмъ!“ Но вотъ дѣвочка кончила и спросила старуху не видала-ли она Кая. Та отвѣтила, что онъ еще не проходилъ тутъ, но вѣрно пройдетъ, такъ что дѣвочкѣ пока не о чемъ горевать—пусть лучше попробуетъ вишень, да полюбуется цвѣтами, что растутъ въ саду: они красивѣе нарисованныхъ въ любой книжкѣ съ картинками, и всѣ умѣютъ разсказывать сказки! Тутъ старушка взяла Герду за руку, увела къ себѣ въ домикъ и заперла дверь на ключъ.

Окна были высоко отъ полу и всѣ изъ разноцвѣтныхъ: красныхъ, голубыхъ и желтыхъ стеклышекъ; сообразно этому, и самая комната была освѣщена какимъ-то удивительнымъ яркимъ, радужнымъ свѣтомъ. На столѣ стояла корзинка съ чудесными вишнями, и Герда могла ѣсть ихъ сколько душѣ угодно; пока же она ѣла, старушка расчесывала ей волосы золотымъ гребешкомъ. Волосы вились кудрями и окружали свѣженькое, круглое, словно роза, личико дѣвочки золотымъ сіяніемъ.

— Давно мнѣ хотѣлось имѣть такую миленькую дѣвочку! — сказала старушка. — Вотъ увидишь, какъ ладно мы заживемъ съ тобою!

И она продолжала расчесывать кудри дѣвочки и чѣмъ дольше чесала, тѣмъ больше Герда забывала своего названнаго братца Кая,—старушка умѣла колдовать. Она не была

злою колдуньей и колдовала только изрѣдка, для своего удовольствія; теперь же ей очень захотѣлось оставить у себя Герду. И вотъ она пошла въ садъ, дотронулась своей клюкой до всѣхъ розовыхъ кустовъ, и тѣ, какъ стояли въ полномъ цвѣту, такъ всѣ и ушли глубоко-глубоко въ землю, и слѣда отъ нихъ не осталось. Старушка боялась, что Герда, при видѣ розъ, вспомнитъ о своихъ, а тамъ и о Каѣ, да и убѣжитъ отъ нея.

Сдѣлавъ свое дѣло, старушка повела Герду въ цвѣтникъ. У дѣвочки и глаза разбѣжались: тутъ были цвѣты всѣхъ родовъ и всѣхъ временъ года. Что за красота, что за благоуханіе! Во всемъ свѣтѣ не сыскать было книжки съ картинками пестрѣе, красивѣе этого цвѣтника. Герда прыгала отъ радости и играла среди цвѣтовъ, пока солнце не сѣло за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили въ чудесную постельку съ красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фіалками; дѣвочка заснула, и ей снились такіе сны, какіе видитъ развѣ королева въ день своей свадьбы.

На другой день Гердѣ опять позволили играть на солнышкѣ. Такъ прошло много дней. Герда знала каждый цвѣточекъ въ саду, но какъ ни много ихъ было, ей все-таки казалось, что какого-то недостаетъ, только какого же? Разъ она сидѣла и разсматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цвѣтами; самымъ красивымъ изъ нихъ была какъ разъ роза,— старушка забыла ее стереть. Вотъ что значитъ разсѣянность!

— Какъ! Тутъ нѣтъ розъ?—сказала Герда и сейчасъ же побѣжала искать ихъ по всему саду—нѣтъ ни одной!

Тогда дѣвочка опустилась на землю и заплакала. Теплыя слезы упали какъ разъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ прежде одинъ изъ розовыхъ кустовъ, и какъ только онѣ смочили землю— кустъ мгновенно выросъ изъ нея, такой же свѣжій, цвѣтущій, какъ прежде. Герда обвила его ручонками, принялась цѣловать розы и вспомнила о тѣхъ чудныхъ розахъ, что цвѣли у нея дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Каѣ.

— Какъ же я замѣшкалась!—сказала дѣвочка.—Мнѣ, вѣдь, надо искать Кая!.. Не знаете-ли вы, гдѣ онъ? — спросила она у розъ. — Вѣрите-ли вы тому, что онъ умеръ и не вернется больше?

— Онъ не умеръ!—сказали розы.—Мы, вѣдь, были подъ землею, гдѣ всѣ умершіе, но Кая межъ ними не было.

— Спасибо вамъ! — сказала Герда и пошла къ другимъ

цвѣтамъ, заглядывала въ ихъ чашечки и спрашивала: — Не знаете-ли вы, гдѣ Кай?

Но каждый цвѣтокъ грѣлся на солнышкѣ и думалъ только о собственной своей сказкѣ или исторіи; ихъ наслушалась Герда много, но ни одинъ изъ цвѣтовъ не сказалъ ни слова о Каѣ.

Что же разсказала ей огненная лилія?

— Слышишь, какъ бьетъ барабанъ? Бумъ! бумъ! Звуки очень однообразны: бумъ! бумъ! Слушай же заунывное пѣніе женщинъ! Слушай крики жрецовъ!.. Въ длинномъ красномъ одѣяніи, стоитъ на кострѣ индусская вдова. Пламя охватываетъ ее и тѣло ея умершаго мужа, но она думаетъ о немъ живомъ — о немъ, чьи взоры жгли ея сердце сильнѣе пламени, которое сейчасъ испепелитъ ея тѣло. Развѣ пламя сердца можетъ погаснуть въ пламени костра!

— Ничего не понимаю! — сказала Герда.

— Это моя сказка! — отвѣчала огненная лилія.

Что разсказалъ вьюнокъ?

— Узкая горная тропинка ведетъ къ гордо возвышающемуся на скалѣ старинному рыцарскому замку. Старыя кирпичныя стѣны густо увиты плющемъ. Листья его цѣпляются за балконъ, а на балконѣ стоитъ прелестная дѣвушка; она перевѣсилась черезъ перила и смотритъ на дорогу. Дѣвушка свѣжѣе розы, воздушнѣе колеблемаго вѣтромъ цвѣтка яблони. Какъ шелеститъ ея шелковое платье! „Неужели же онъ не придетъ?“

— Ты говоришь про Кая? — спросила Герда.

— Я разсказываю свою сказку, свои грезы! — отвѣчалъ вьюнокъ.

Что разсказалъ крошка-подснѣжникъ?

— Между деревьями качается длинная доска, — это качели. На доскѣ сидятъ двѣ миленькія дѣвочки; платьица на нихъ бѣлыя, какъ снѣгъ, а на шляпахъ развѣваются длинныя, зеленыя шелковыя ленты. Братишка, постарше ихъ, стоитъ позади сестеръ, держась за веревки сгибами локтей; въ рукахъ же у него: въ одной — маленькая чашечка съ мыльной водой, въ другой — глиняная трубочка. Онъ пускаетъ пузыри, доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Вотъ одинъ повисъ на концѣ трубочки и колышется отъ дуновенія вѣтра. Черненькая собаченка, легкая, какъ мыльный пузырь, встаетъ на заднія лапки, а переднія

кладетъ на доску, но доска взлетаетъ кверху, собаченка падаетъ, тяфкаетъ и сердится. Дѣти поддразниваютъ ее, пузыри лопаются... Качающаяся доска, разлетающаяся по воздуху пѣна—вотъ моя пѣсенка!

— Она, можетъ быть, и хороша, да ты говоришь все это такимъ печальнымъ тономъ! И опять ни слова о Каѣ! Что скажутъ гіацинты?

— Жили-были три стройныя, воздушныя красавицы-сестрицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей совсѣмъ бѣлое. Рука объ руку танцовали онѣ при ясномъ лунномъ свѣтѣ у тихаго озера. То не были эльфы, но настоящія дѣвушки. Въ воздухѣ разлился сладкій ароматъ, и дѣвушки скрылись въ лѣсу. Вотъ ароматъ сталъ еще сильнѣе, еще слаще—изъ чащи лѣса выплыли три гроба; въ нихъ лежали красавицы-сестрицы, а вокругъ нихъ порхали, словно живые огоньки, свѣтящіеся жучки. Спятъ-ли дѣвушки, или умерли? Ароматъ цвѣтовъ говоритъ, что умерли. Вечерній колоколъ звонитъ по усопшимъ!

— Вы навели на меня грусть!—сказала Герда.—Ваши колокольчики тоже пахнутъ такъ сильно!.. Теперь у меня изъ головы не идутъ умершія дѣвушки! Ахъ, неужели и Кай умеръ? Но розы были подъ землей и говорятъ, что его нѣтъ тамъ!

— Дингъ-дангъ! — зазвенѣли колокольчики гіацинтовъ.— Мы звонимъ не надъ Каемъ! Мы и не знаемъ его! Мы звонимъ свою собственную пѣсенку; другой мы не знаемъ!

И Герда пошла къ золотому одуванчику, сіявшему въ блестящей, зеленой травѣ.

— Ты, маленькое, ясное солнышко!—сказала ему Герда.— Скажи, не знаешь-ли ты, гдѣ мнѣ искать моего названнаго братца?

Одуванчикъ засіялъ еще ярче и взглянулъ на дѣвочку. Какую же пѣсенку спѣлъ онъ ей? Увы! и въ этой пѣсенкѣ ни слова не говорилось о Каѣ!

— Ранняя весна; на маленькій дворикъ привѣтливо свѣтитъ ясное Божье солнышко. Ласточки вьются возлѣ бѣлой стѣны, примыкающей ко двору сосѣдей. Изъ зеленой травки выглядываютъ первые желтенькіе цвѣточки, сверкающіе на солнышкѣ, словно золотые. На дворъ вышла посидѣть старушка-бабушка; вотъ пришла изъ гостей ея внучка, бѣдная служанка, и крѣпко цѣлуетъ старушку. Поцѣлуй дѣвушки дороже золота,—

онъ идетъ прямо отъ сердца. Золото на ея губахъ, золото въ сердечкѣ, золото и на небѣ въ утренній часъ! Вотъ и все!— сказалъ одуванчикъ.

— Бѣдная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Какъ она скучаетъ обо мнѣ, какъ горюетъ! Не меньше, чѣмъ горевала о Каѣ! Но я скоро вернусь и приведу его съ собой. Нечего больше и разспрашивать цвѣты,—у нихъ ничего не добьешься, они знаютъ только свои пѣсенки!

И она подвязала юбочку повыше, чтобы удобнѣе было бѣжать, но когда хотѣла перепрыгнуть черезъ желтую лилію, та хлестнула ее по ногамъ. Герда остановилась, посмотрѣла на длинный цвѣтокъ и спросила:

— Ты, можетъ быть, знаешь что-нибудь?

И она наклонилась къ нему, ожидая отвѣта.

Что же сказала желтая лилія?

— Я вижу себя самое! Я вижу себя самое! О, какъ я благоухаю!.. Высоко, высоко въ маленькой коморкѣ, подъ самой крышей, стоитъ полуодѣтая танцовщица. Она то балансируетъ на одной ножкѣ, то опять твердо стоитъ на обѣихъ и попираетъ ими весь свѣтъ,—она, вѣдь, одинъ обманъ глазъ. Вотъ она льетъ изъ чайника воду на какой-то бѣлый кусокъ матеріи, который держитъ въ рукахъ. Это ея корсажъ. Чистота— лучшая красота! Бѣлая юбочка виситъ на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну; юбка тоже выстирана водою изъ чайника и высушена на крышѣ! Вотъ дѣвушка одѣвается и повязываетъ на шею ярко-желтый платочекъ, еще рѣзче оттѣняющій бѣлизну платьица. Опять одна ножка взвивается въ воздухъ! Гляди, какъ прямо она стоитъ на другой, точно цвѣтокъ на своемъ стебелькѣ! Я вижу самое себя, я вижу самое себя!

— Да мнѣ мало до этого дѣла!—сказала Герда.—Нечего мнѣ объ этомъ и разсказывать!

И она побѣжала изъ сада.

Дверь была заперта лишь на задвижку; Герда дернула ржавый засовъ, онъ подался, дверь отворилась, и дѣвочка такъ босоножкой и пустилась бѣжать по дорогѣ! Раза три оглядывалась она назадъ, но никто не гнался за нею. Наконецъ, она устала, присѣла на камень и оглядѣлась кругомъ: лѣто уже прошло, на дворѣ стояла поздняя осень, а въ чудесномъ саду старушки, гдѣ вѣчно сіяло солнышко, и цвѣли цвѣты всѣхъ временъ года, этого и не было замѣтно!

— Господи! Какъ же я замѣшкалась! Вѣдь, ужь осень на дворѣ! Тутъ не до отдыха!—сказала Герда и опять пустилась въ путь.

Ахъ, какъ болѣли ея бѣдныя, усталыя ножки! Какъ холодно, сыро было въ воздухѣ! Листья на ивахъ совсѣмъ пожелтѣли, туманъ осѣдалъ на нихъ крупными каплями и стекалъ на землю; листья такъ и сыпались. Одинъ терновникъ стоялъ весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Какимъ сѣрымъ, унылымъ глядѣлъ весь бѣлый свѣтъ!

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Принцъ и принцесса.

Пришлось Гердѣ опять присѣсть отдохнуть. На снѣгу прямо передъ ней прыгалъ большой воронъ; онъ долго-долго смотрѣлъ на дѣвочку, кивая ей головою, и наконецъ заговорилъ:

— Каръ-каръ! Здррравствуй!

Чище этого онъ выговаривать по-человѣчески не могъ, но видимо желалъ дѣвочкѣ добра и спросилъ ее, куда это она бредетъ по бѣлу-свѣту одна-одинешенька? Слова „одна-одинешенька“ Герда поняла отлично и сразу почувствовала все ихъ значеніе. Разсказавъ ворону всю свою жизнь, дѣвочка спросила, не видалъ-ли онъ Кая?

Воронъ задумчиво покачалъ головою и сказалъ:

— Можетъ быть, можетъ быть!

— Какъ? Правда?—воскликнула дѣвочка и чуть не задушила ворона поцѣлуями.

— Потише, потише!—сказалъ воронъ.—Я думаю, что это былъ твой Кай! Но теперь онъ вѣрно забылъ тебя со своей принцессой!

— Развѣ онъ живетъ у принцессы?—спросила Герда.

— А вотъ послушай!—сказалъ воронъ.—Только мнѣ ужасно трудно говорить по вашему! Вотъ, если бы ты понимала поворонья, я разсказалъ бы тебѣ обо всемъ куда лучше.

— Нѣтъ, этому меня не учили!—сказала Герда.—Бабушка, та понимаетъ! Хорошо бы и мнѣ умѣть!

— Ну, ничего!—сказалъ воронъ.—Разскажу, какъ съумѣю, хоть и плохо.

И онъ разсказалъ обо всемъ, что только самъ зналъ.

— Въ королевствѣ, гдѣ мы съ тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла

всѣ газеты въ свѣтѣ и ужъ позабыла все, что прочла,—вотъ какая умница! Разъ какъ-то сидѣла она на тронѣ,—а веселья-то въ этомъ, вѣдь, немного, какъ говорятъ люди—и напѣвала пѣсенку: „Отчего жъ бы мнѣ не выйти замужъ?“ „А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ!“ подумала она, и ей захотѣлось замужъ. Но въ мужья она хотѣла выбрать себѣ такого человѣка, который бы съумѣлъ отвѣчать, когда съ нимъ заговорятъ, а не такого, что умѣлъ бы только важничать,—это, вѣдь, куда скучно! И вотъ созвали по барабану всѣхъ придворныхъ дамъ и объявили имъ волю принцессы. Всѣ онѣ были очень довольны и сказали: „Вотъ это намъ нравится! Мы и сами недавно объ этомъ думали!“ Все это истинная правда!—прибавилъ воронъ.—У меня при дворѣ есть невѣста,—она ручная—отъ нея-то я и знаю все это.

Невѣстою его была ворона.

— На другой день всѣ газеты вышли съ каймой изъ сердецъ и съ вензелями принцессы. Въ газетахъ было объявлено, что каждый молодой человѣкъ, пріятной наружности, можетъ явиться во дворецъ и побесѣдовать съ принцессой; того же, кто будетъ держать себя вполнѣ свободно, какъ дома, и окажется всѣхъ краснорѣчивѣе, принцесса изберетъ себѣ въ мужья! Да, да!—повторилъ воронъ.—Все это такъ же вѣрно, какъ то, что я сижу здѣсь передъ тобою! Народъ повалилъ во дворецъ валомъ, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни въ первый, ни на второй день. На улицѣ всѣ женихи говорили отлично, но стоило имъ перешагнуть дворцовый порогъ, увидѣть гвардію, всю въ серебрѣ, а лакеевъ въ золотѣ и вступить въ огромныя, залитыя свѣтомъ залы, какъ ихъ брала оторопь. Подступятъ къ трону, гдѣ сидитъ принцесса, да и повторяютъ только ея же послѣднія слова, а ей вовсе не этого было нужно! Право, ихъ всѣхъ точно опаивали дурманомъ! А вотъ, выйдя за ворота, они опять обрѣтали даръ слова. Отъ самыхъ воротъ до дверей дворца тянулся длинный-длинный хвостъ жениховъ. Я самъ былъ тамъ и видѣлъ! Женихамъ хотѣлось ѣсть и пить, но изъ дворца имъ не давали даже стакана воды. Правда, кто былъ поумнѣе, запасся бутербродами, но запасливые ужъ не дѣлились съ сосѣдями, думая про себя: „Пусть себѣ поголодаютъ, отощаютъ—принцесса и не возьметъ ихъ!“

— Ну, а Кай-то, Кай?—спросила Герда.—Когда же онъ явился? И онъ пришелъ свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы какъ разъ дошли и до него! На третій день явился небольшой человѣчекъ ни въ каретѣ, ни верхомъ, а просто пѣшкомъ и прямо вошелъ во дворецъ. Глаза его блестѣли, какъ твои; волосы у него были длинные, но одѣтъ онъ былъ бѣдно.

— Это Кай!—обрадовалась Герда.—Такъ я нашла его!—и она захлопала въ ладоши.

— За спиной у него была котомка!—продолжалъ воронъ.

— Нѣтъ, это, вѣрно, были его саночки!—сказала Герда.—Онъ ушелъ изъ дома съ санками!

— Очень возможно!—сказалъ воронъ.—Я не разглядѣлъ хорошенько. Такъ вотъ, моя невѣста разсказывала мнѣ, что, войдя въ дворцовыя ворота и увидавъ гвардію въ серебрѣ, а на лѣстницахъ лакеевъ въ золотѣ, онъ ни капельки не смутился, кивнулъ головою и сказалъ: „Скучненько, должно быть, стоять тутъ на лѣстницѣ, я лучше войду въ комнаты!“ Залы всѣ были залиты свѣтомъ; вельможи расхаживали безъ сапогъ, разнося золотыя блюда,—торжественнѣе ужъ нельзя было! А его сапоги такъ и скрипѣли, но онъ и этимъ не смущался.

— Это навѣрно Кай!—воскликнула Герда.—Я знаю, что на немъ были новые сапоги! Я сама слышала, какъ они скрипѣли, когда онъ приходилъ къ бабушкѣ!

— Да, они таки скрипѣли порядкомъ!—продолжалъ воронъ.—Но онъ смѣло подошелъ къ принцессѣ; она сидѣла на жемчужинѣ, величиною съ веретено, а кругомъ стояли придворные дамы и кавалеры со своими горничными, служанками горничныхъ, камердинерами, слугами камердинеровъ и прислужникомъ камердинерскихъ слугъ. Чѣмъ дальше кто стоялъ отъ принцессы и ближе къ дверямъ, тѣмъ важнѣе, надменнѣе держалъ себя. На прислужника камердинерскихъ слугъ, стоявшаго въ самыхъ дверяхъ, нельзя было и взглянуть безъ страха, такой онъ былъ важный!

— Вотъ страхъ-то!—сказала Герда.—А Кай все-таки женился на принцессѣ?

— Не будь я ворономъ, я бы самъ женился на ней, хоть я и помолвленъ. Онъ вступилъ съ принцессой въ бесѣду и говорилъ такъ же хорошо, какъ я, когда говорю по-вороньи,—такъ, по крайней мѣрѣ, сказала мнѣ моя невѣста. Держался онъ вообще очень свободно и мило, и заявилъ, что пришелъ

не свататься, а только послушать умныя рѣчи принцессы. Ну, и вотъ, она ему понравилась, онъ ей тоже!

— Да, да, это Кай!—сказала Герда.—Онъ, вѣдь, такой умный! Онъ зналъ всѣ четыре дѣйствія ариѳметики, да еще съ дробями! Ахъ, проводи же меня во дворецъ!

— Легко сказать, — отвѣчалъ воронъ:—да какъ это сдѣлать? Постой, я поговорю съ моею невѣстой, она что-нибудь придумаетъ и посовѣтуетъ намъ. Ты думаешь, что тебя вотъ такъ прямо и впустятъ во дворецъ? Какъ же, не очень-то впускаютъ такихъ дѣвочекъ!

— Меня впустятъ!—сказала Герда.—Только бы Кай услышалъ, что я тутъ, сейчасъ бы прибѣжалъ за мною!

— Подожди меня тутъ у рѣшетки!—сказалъ воронъ, тряхнулъ головой и улетѣлъ.

Вернулся онъ уже совсѣмъ подъ вечеръ и закаркалъ:

— Каръ, каръ! Моя невѣста шлетъ тебѣ тысячу поклоновъ и вотъ этотъ маленькій хлѣбецъ. Она стащила его въ кухнѣ,—тамъ ихъ много, а ты, вѣрно, голодна!.. Ну, во дворецъ тебѣ не попасть: ты, вѣдь, босая — гвардія въ серебрѣ и лакеи въ золотѣ ни за что не пропустятъ тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невѣста моя знаетъ, какъ пройти въ спальню принцессы съ чернаго хода, и знаетъ, гдѣ достать ключъ.

И вотъ они вошли въ садъ, пошли по длиннымъ аллеямъ, усыпаннымъ пожелтѣвшими осенними листьями, и когда всѣ огоньки въ дворцовыхъ окнахъ погасли одинъ за другимъ, воронъ провелъ дѣвочку въ маленькую полуотворенную дверцу.

О, какъ билось сердечко Герды отъ страха и радостнаго нетерпѣнія! Она точно собиралась сдѣлать что-то дурное, а, вѣдь, она только хотѣла узнать, не здѣсь-ли ея Кай! Да, да, онъ, вѣрно, здѣсь! Она такъ живо представляла себѣ его умные глаза, длинные волосы, улыбку... Какъ онъ улыбался ей, когда они, бывало, сидѣли рядышкомъ подъ кустами розъ! А какъ обрадуется онъ теперь, когда увидитъ ее, услышитъ, на какой длинный путь рѣшилась она ради него, узнаетъ, какъ горевали о немъ всѣ домашніе! Ахъ, она была просто внѣ себя отъ страха и радости.

Но вотъ они и на площадкѣ лѣстницы; на шкафу горѣла лампочка, а на полу сидѣла ручная ворона и осматривалась по сторонамъ. Герда присѣла и поклонилась, какъ учила ее бабушка.

— Мой женихъ разсказывалъ мнѣ о васъ столько хорошаго, барышня!—сказала ручная ворона.—„Повѣсть вашей жизни“ — какъ это принято выражаться — также очень трогательна! Не угодно-ли вамъ взять лампу, а я пойду впередъ. Мы пойдемъ прямою дорогой, тутъ мы никого не встрѣтимъ!

— А мнѣ кажется, кто-то идетъ за нами!—сказала Герда, и въ ту же минуту мимо нея съ легкимъ шумомъ промчались какія-то тѣни: лошади съ развѣвающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны!—сказала ручная ворона.—Они являются унести мысли высокихъ особъ на охоту. Тѣмъ лучше для насъ, — удобнѣе будетъ разсмотрѣть спящихъ! Надѣюсь, однако, что войдя въ честь, вы покажете, что у васъ благодарное сердце!

— Есть о чемъ тутъ и говорить! Само собою разумѣется!— сказалъ лѣсной воронъ.

Тутъ они вошли въ первую залу, всю обтянутую розовымъ атласомъ, затканнымъ цвѣтами. Мимо дѣвочки опять пронеслись сны, но такъ быстро, что она не успѣла и разсмотрѣть всадниковъ. Одна зала была великолѣпнѣе другой — просто оторопь брала. Наконецъ, они дошли до спальни: потолокъ напоминалъ верхушку огромной пальмы съ драгоцѣнными хрустальными листьями; съ середины его спускался толстый золотой стебель, на которомъ висѣли двѣ кровати въ видѣ лилій. Одна была бѣлая, въ ней спала принцесса, другая—красная, и въ ней Герда надѣялась найти Кая. Дѣвочка слегка отогнула одинъ изъ красныхъ лепестковъ и увидала темно-русый затылокъ. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу къ самому его лицу. Сны съ шумомъ умчались прочь; принцъ проснулся и повернулъ голову... Ахъ, это былъ не Кай!

Принцъ походилъ на него только съ затылка, но былъ такъ же молодъ и красивъ. Изъ бѣлой лиліи выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и разсказала всю свою исторію, упомянувъ и о томъ, что сдѣлали для нея вороны.

— Ахъ, ты, бѣдняжка!—сказали принцъ и принцесса, похвалили воронъ, объявили, что ничуть не гнѣваются на нихъ,— только пусть они не дѣлаютъ этого впредь—и захотѣли даже наградить ихъ.

— Хотите быть вольными птицами?—спросила принцесса.—

Или желаете занять должность придворныхъ воронъ, на полномъ содержанiи изъ кухонныхъ остатковъ?

Вóронъ съ вороной поклонились и попросили должности при дворѣ,—они подумали о старости и сказали:

— Хорошо, вѣдь, имѣть вѣрный кусокъ хлѣба на старости лѣтъ!

Принцъ всталъ и уступилъ свою постель Гердѣ; больше онъ пока ничего не могъ для нея сдѣлать. А она сложила ручонки и подумала: „Какъ добры всѣ люди и животныя!“ — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетѣли въ спальню, но теперь они были похожи на Божьихъ ангеловъ и везли на маленькихъ саночкахъ Кая, который кивалъ Гердѣ головою. Увы! все это было лишь во снѣ и исчезло, какъ только дѣвочка проснулась.

На другой день ее одѣли съ ногъ до головы въ шелкъ и бархатъ и позволили ей оставаться во дворцѣ, сколько она пожелаетъ. Дѣвочка могла жить да поживать тутъ припѣваючи, но она прогостила всего нѣсколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку съ лошадью и пару башмаковъ,—она опять хотѣла пуститься розыскивать по бѣлу-свѣту своего названнаго братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всѣми, къ воротамъ подъѣхала золотая карета съ сiяющими, какъ звѣзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеевъ и форейторовъ—ей дали и форейторовъ—красовались на головахъ маленькiя золотыя короны. Принцъ и принцесса сами усадили Герду въ карету и пожелали ей счастливаго пути. Лѣсной воронъ, который уже успѣлъ жениться, провожалъ дѣвочку первыя три мили и сидѣлъ въ каретѣ рядомъ съ нею,—онъ не могъ ѣхать къ лошадямъ спиною. Ручная ворона сидѣла на воротахъ и хлопала крыльями. Она не ѣхала провожать Герду, потому что страдала головными болями съ тѣхъ поръ, какъ получила должность при дворѣ и слишкомъ много ѣла. Карета биткомъ была набита сахарными крендельками, а ящикъ подъ сидѣньемъ—фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай!—закричали принцъ и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Такъ проѣхали они первыя три мили. Тутъ простился съ дѣвочкой и воронъ. Тяжелое было разставанье! Воронъ взлетѣлъ на дерево и махалъ черными крыльями до тѣхъ поръ, пока карета, сiявшая, какъ солнце, не скрылась изъ виду.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

Маленькая разбойница.

Вотъ Герда въѣхала въ темный лѣсъ, но карета блестѣла, какъ солнце, и сразу бросилась въ глаза разбойникамъ. Они не выдержали и налетѣли на нее съ криками: „Золото! Золото!“ схватили лошадей подъ уздцы, убили маленькихъ жокеевъ, кучера и слугъ и вытащили изъ кареты Герду.

— Ишь, какая славненькая, жирненькая! Орѣшками откормлена!—сказала старуха-разбойница съ длинной, жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями.—Жирненькая, что твой барашекъ! Ну-ка, какова на вкусъ будетъ?

И она вытащила острый, сверкающій ножъ. Вотъ ужасъ!

— Ай!—закричала она вдругъ: ее укусила за ухо ея собственная дочка, которая сидѣла у нея за спиной и была такая необузданная и своевольная, что любо!

— Ахъ, ты, дрянная дѣвчонка!—закричала мать, но убить Герду не успѣла.

— Она будетъ играть со мной!—сказала маленькая разбойница.—Она отдастъ мнѣ свою муфту, свое хорошенькое платьице и будетъ спать со мной въ моей постелькѣ.

И дѣвочка опять такъ укусила мать, что та подпрыгнула и завертѣлась на одномъ мѣстѣ. Разбойники захохотали:

— Ишь, какъ скачетъ со своей дѣвчонкой!

— Я хочу сѣсть въ карету!—закричала маленькая разбойница и настояла на своемъ,—она была ужасно избалована и упряма.

Онѣ усѣлись съ Гердой въ карету и помчались по пнямъ и по кочкамъ въ чащу лѣса. Маленькая разбойница была ростомъ съ Герду, но сильнѣе, шире въ плечахъ и гораздо смуглѣе. Глаза у нея были совсѣмъ черные, но какіе-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьютъ, пока я не разсержусь на тебя! Ты, вѣрно, принцесса?

— Нѣтъ!—отвѣчала дѣвочка и разсказала, что пришлось ей переиспытать и какъ она любитъ Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядѣла на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьютъ, даже если я разсержусь на тебя,—я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Гердѣ, а потомъ спрятала обѣ руки въ ея хорошенькую, мягкую и теплую муфточку.

Вотъ карета остановилась; онѣ въѣхали во дворъ разбойничьяго замка. Онъ весь былъ въ огромныхъ трещинахъ; изъ нихъ вылетали вóроны и ворóны; откуда-то выскочили огромные бульдоги и смотрѣли такъ свирѣпо, точно хотѣли всѣхъ съѣсть, но лаять не лаяли,—это было запрещено.

Посреди огромной залы, съ полуразвалившимися, покрытыми копотью стѣнами и каменнымъ поломъ, пылалъ огонь; дымъ подымался къ потолку и самъ долженъ былъ искать себѣ выхода; надъ огнемъ кипѣлъ въ огромномъ котлѣ супъ, а на вертѣлахъ жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вмѣстѣ со мной вотъ тутъ, возлѣ моего маленькаго звѣринца!—сказала Гердѣ маленькая разбойница.

Дѣвочекъ накормили, напоили, и онѣ ушли въ свой уголъ, гдѣ была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидѣло на жердочкахъ больше сотни голубей; всѣ они, казалось, спали, но когда дѣвочки подошли, слегка зашевелились.

— Всѣ мои!—сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и такъ тряхнула его, что тотъ забилъ крыльями.—На, поцѣлуй его!—крикнула она, ткнувъ голубя Гердѣ прямо въ лицо.—А вотъ тутъ сидятъ лѣсные плутишки!—продолжала она, указывая на двухъ голубей, сидѣвшихъ въ небольшомъ углубленіи въ стѣнѣ, за деревянною рѣшеткой.—Эти двое—лѣсные плутишки! Ихъ надо держать взаперти, не то живо улетятъ! А вотъ и мой милый старичина-бяшка!—И дѣвочка потянула за рога привязаннаго къ стѣнѣ сѣвернаго оленя, въ блестящемъ мѣдномъ ошейникѣ.—Его тоже нужно держать на-привязи, иначе удеретъ! Каждый вечеръ я щекочу его подъ шеей своимъ острымъ ножомъ,—онъ смерть этого боится!

Съ этими словами маленькая разбойница вытащила изъ расщелины въ стѣнѣ длинный ножъ и провела имъ по шеѣ оленя. Бѣдное животное забрыкалось, а дѣвочка захохотала и потащила Герду къ постели.

— Развѣ ты спишь съ ножомъ?—спросила ее Герда, покосившись на острый ножъ.

— Всегда!—отвѣчала маленькая разбойница.—Какъ знать, что можетъ случиться! Но разскажи мнѣ еще разъ о Каѣ и о томъ, какъ ты пустилась странствовать по бѣлу-свѣту!

Герда разсказала. Лѣсные голуби въ клѣткѣ тихо ворковали; другіе голуби уже спали; маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды,—въ другой у нея былъ ножъ—и захрапѣла, но Герда не могла сомкнуть глазъ, не зная, убьютъ ее или оставятъ въ живыхъ. Разбойники сидѣли вокругъ огня, пѣли пѣсни и пили, а старуха-разбойница кувыркалась. Страшно было глядѣть на это бѣдной дѣвочкѣ.

Вдругъ лѣсные голуби проворковали:

— Курръ! Курръ! Мы видѣли Кая! Бѣлая курица несла на спинѣ его санки, а онъ сидѣлъ въ саняхъ Снѣжной королевы. Они летѣли надъ лѣсомъ, когда мы, птенчики, еще лежали въ гнѣздѣ; она дохнула на насъ, и всѣ умерли, кромѣ насъ двоихъ! Курръ! Курръ!

— Что вы говорите!—воскликнула Герда.—Куда же полетѣла Снѣжная королева? Знаете?

— Она полетѣла, навѣрно, въ Лапландію,—тамъ, вѣдь, вѣчный снѣгъ и ледъ! Спроси у сѣвернаго оленя, что стоитъ тутъ на привязи!

— Да, тамъ вѣчный снѣгъ и ледъ,—чудо какъ хорошо!—сказалъ сѣверный олень. Тамъ прыгаешь себѣ на волѣ по огромнымъ, блестящимъ ледянымъ равнинамъ! Тамъ раскинутъ лѣтній шатеръ Снѣжной королевы, а постоянные ея чертоги у сѣвернаго полюса, на островѣ Шпицбергенѣ!

— О, Кай, мой милый Кай!—вздохнула Герда.

— Лежи же смирно!—сказала маленькая разбойница.—Не то я пырну тебя ножомъ!

Утромъ Герда разсказала ей, что слышала отъ лѣсныхъ голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрѣла на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, такъ и быть!... А ты знаешь, гдѣ Лапландія?—спросила она затѣмъ у сѣвернаго оленя.

— Кому же и знать, какъ не мнѣ!—отвѣчалъ олень, и глаза его заблестѣли.—Тамъ я родился и выросъ, тамъ прыгалъ по снѣжнымъ равнинамъ!

— Такъ слушай!—сказала Гердѣ маленькая разбойница.—Видишь, всѣ наши ушли; дома одна мать; немного погодя, она хлебнетъ изъ большой бутылки и вздремнетъ—тогда я кое-что сдѣлаю для тебя!

Тутъ дѣвочка вскочила съ постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

— Здравствуй, мой миленькій козликъ!

А мать надавала ей по носу щелчковъ, такъ что носъ у дѣвочки покраснѣлъ и посинѣлъ, но все это дѣлалось любя.

Потомъ, когда старуха хлебнула изъ своей бутылки и захрапѣла, маленькая разбойница подошла къ сѣверному оленю и сказала:

— Еще долго-долго можно было бы потѣшаться надъ тобой! Ужъ больно ты бываешь уморительнымъ, когда тебя щекочутъ острымъ ножомъ! Ну, да такъ и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убѣжать въ свою Лапландію, но долженъ за это отнести ко дворцу Снѣжной королевы вотъ эту дѣвочку,—тамъ ея названный братецъ. Ты, вѣдь, конечно, слышалъ, что̀ она разсказывала? Она говорила довольно громко, а у тебя вѣчно ушки на макушкѣ.

Сѣверный олень подпрыгнулъ отъ радости. Маленькая разбойница подсадила на него Герду, крѣпко привязала ее, ради осторожности, и подсунула подъ нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнѣе было сидѣть.

— Такъ и быть,—сказала она затѣмъ: — возьми назадъ свои мѣховые сапожки,—будетъ, вѣдь, холодно! А муфту ужъ я оставлю себѣ, больно она хороша! Но мерзнуть я тебѣ не дамъ; вотъ, огромныя матушкины рукавицы, онѣ дойдутъ тебѣ до самыхъ локтей! Сунь въ нихъ руки! Ну, вотъ, теперь руками ты похожа на мою безобразную матушку!

Герда плакала отъ радости.

— Терпѣть не могу, когда хнычутъ!—сказала маленькая разбойница. — Теперь тебѣ надо смотрѣть весело! Вотъ тебѣ еще два хлѣба и окорокъ! Что? Небось, не будешь голодать!

И то, и другое было привязано къ оленю. Затѣмъ, маленькая разбойница отворила дверь, заманила собакъ въ домъ, перерѣзала своимъ острымъ ножемъ веревку, которою былъ привязанъ олень и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги, смотри, дѣвочку.

Герда протянула маленькой разбойницѣ обѣ руки въ огромныхъ рукавицахъ и попрощалась съ нею. Сѣверный олень пустился во всю прыть черезъ пни и кочки, по лѣсу, по болотамъ и степямъ. Волки выли, вороны каркали, а небо вдругъ зафукало и выбросило столбы огня.

— Вотъ мое родное сѣверное сіяніе! — сказалъ олень.— Гляди, какъ горитъ!

И онъ побѣжалъ дальше, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью. Хлѣбы были съѣдены, ветчина тоже, и вотъ Герда очутилась въ Лапландіи.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.

Лапландка и Финнка.

Олень остановился у жалкой избушки; крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людямъ приходилось проползать въ нее на четверенькахъ. Дома была одна старуха-лапландка, жарившая, при свѣтѣ жировой лампы, рыбу. Сѣверный олень разсказалъ лапландкѣ всю исторію Герды, но сначала разсказалъ свою собственную, — она казалась ему гораздо важнѣе. Герда же такъ окоченѣла отъ холода, что и говорить не могла.

-- Ахъ вы, бѣдняги!—сказала лапландка. — Долгій же вамъ еще предстоитъ путь! Придется сдѣлать сто миль слишкомъ, пока доберетесь до Финляндіи, гдѣ Снѣжная королева живетъ на дачѣ и каждый вечеръ зажигаетъ голубые бенгальскіе огни. Я напишу пару словъ на сушеной трескѣ,—бумаги у меня нѣтъ—а вы снесете ее финнкѣ, которая живетъ въ тѣхъ мѣстахъ и лучше моего съумѣетъ научить васъ, что надо дѣлать.

Когда Герда согрѣлась, поѣла и попила, лапландка написала пару словъ на сушеной трескѣ, велѣла Гердѣ хорошенько беречь ее, потомъ привязала дѣвочку къ спинѣ оленя, и тотъ снова помчался. Небо опять фукало и выбрасывало столбы чудеснаго голубого пламени. Такъ добѣжалъ олень съ Гердой и до Финляндіи и постучался въ дымовую трубу финнки,—у нея и дверей-то не было.

Ну, и жара стояла въ ея жильѣ! Сама финнка, низенькая, грязная женщина, ходила полуголая. Живо стащила она съ Герды все платье, рукавицы и сапоги,—иначе дѣвочкѣ было бы черезчуръ жарко -- положила оленю на голову кусокъ льда и затѣмъ принялась читать то, что было написано на сушеной трескѣ. Она прочла все отъ слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потомъ сунула треску въ суповый котелъ,—рыба, вѣдь, еще годилась въ пищу, а у финнки ничего даромъ не пропадало.

Тутъ олень разсказалъ сначала свою исторію, а потомъ исторію Герды. Финнка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина!—сказалъ олень.—Я знаю, что ты можешь связать одной ниткой всѣ четыре вѣтра; когда шкиперъ развяжетъ одинъ—подуетъ попутный вѣтеръ, развяжетъ другой—погода разыграется, а развяжетъ третій и четвертый—подымется такая буря, что поломаетъ въ щепки деревья. Не изготовишь-ли ты для дѣвочки такого питья, которое бы дало ей силу двѣнадцати богатырей? Тогда бы она одолѣла Снѣжную королеву!

— Силу двѣнадцати богатырей! — сказала финнка.—Да, много въ этомъ толку!

Съ этими словами она взяла съ полки большой кожанный свитокъ и развернула его: на немъ стояли какія-то удивительныя письмена; финнка принялась читать ихъ и читала до того, что ее потъ прошибъ.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрѣла на финнку такими умоляющими, полными слезъ глазами, что та опять заморгала, отвела оленя въ сторону и, перемѣняя ему на головѣ ледъ, шепнула:

— Кай въ самомъ дѣлѣ у Снѣжной королевы, но онъ вполнѣ доволенъ и думаетъ, что лучше ему нигдѣ и быть не можетъ. Причиной же всему осколки зеркала, что сидятъ у него въ сердцѣ и въ глазу. Ихъ надо удалить, иначе онъ никогда не будетъ человѣкомъ, и Снѣжная королева сохранитъ надъ нимъ свою власть.

— Но не поможешь-ли ты Гердѣ какъ-нибудь уничтожить эту власть?

— Сильнѣе, чѣмъ она есть, я не могу ее и сдѣлать. Не видишь, развѣ, какъ велика ея сила? Не видишь, что ей служатъ и люди, и животныя? Вѣдь, она босая обошла полсвѣта! Не у насъ занимать ей силу! Сила—въ ея миломъ, невинномъ дѣтскомъ сердечкѣ. Если она сама не сможетъ проникнуть въ чертоги Снѣжной королевы и извлечь изъ сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможемъ! Въ двухъ миляхъ отсюда начинается садъ Снѣжной королевы. Отнеси туда дѣвочку, спусти у большого куста, покрытаго красными ягодами, и, не мѣшкая, возвращайся обратно!

Съ этими словами финнка подсадила Герду на спину оленя, и тотъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Ай, я безъ теплыхъ сапогъ! Ай, я безъ рукавицъ!—закричала Герда, очутившись на морозѣ.

Но олень не смѣлъ остановиться, пока не добѣжалъ до куста съ красными ягодами; тутъ онъ спустилъ дѣвочку, поцѣловалъ ее въ самыя губы, и по щекамъ его покатились крупныя, блестящія слезы. Затѣмъ онъ стрѣлой пустился назадъ. Бѣдная дѣвочка осталась одна-одинешенька, на трескучемъ морозѣ, безъ башмаковъ, безъ рукавицъ.

Она побѣжала впередъ что было мочи; на встрѣчу ей несся цѣлый полкъ снѣжныхъ хлопьевъ, но они не падали съ неба,— небо было совсѣмъ ясное, и на немъ пылало сѣверное сіяніе— нѣтъ, они бѣжали по землѣ прямо на Герду и, по мѣрѣ приближенія, становились все крупнѣе и крупнѣе. Герда вспомнила большіе, красивые хлопья подъ зажигательнымъ стекломъ, но эти были куда больше, страшнѣе, самыхъ удивительныхъ видовъ и формъ, и всѣ живые. Это были передовые отряды войска Снѣжной королевы. Одни напоминали собой большихъ безобразныхъ ежей, другіе стоголовыхъ змѣй, третьи толстыхъ медвѣжатъ съ взъерошенною шерстью. Но всѣ они одинаково сверкали бѣлизной, всѣ были живыми снѣжными хлопьями.

Герда принялась творить „Отче нашъ"; было такъ холодно, что дыханіе дѣвочки сейчасъ же превращалось въ густой туманъ. Туманъ этотъ все сгущался и сгущался, но вотъ изъ него начали выдѣляться маленькіе, свѣтлые ангелочки, которые, ступивъ на землю, выростали въ большихъ грозныхъ ангеловъ со шлемами на головахъ и копьями и щитами въ рукахъ. Число ихъ все прибывало, и, когда Герда окончила молитву, вокругъ нея образовался уже цѣлый легіонъ. Ангелы приняли снѣжныхъ страшилищъ на копья, и тѣ разсыпались на тысячу кусковъ. Герда могла теперь смѣло идти впередъ; ангелы гладили ея руки и ноги, и ей не было уже такъ холодно. Наконецъ, дѣвочка добралась до чертоговъ Снѣжной королевы.

Посмотримъ же, что было въ это время съ Каемъ. Онъ и не думалъ о Гердѣ, а ужъ меньше всего о томъ, что она готова войти къ нему.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.

Что случилось въ чертогахъ Снѣжной королевы и что случилось потомъ.

Стѣны чертоговъ Снѣжной королевы создала мятель, окна и двери были продѣланы буйными вѣтрами. Сотни огромныхъ,

освѣщенныхъ сѣвернымъ сіяніемъ, залъ тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Какъ холодно, какъ пустынно было въ этихъ бѣлыхъ, ярко сверкающихъ чертогахъ! Веселье никогда и не заглядывало сюда! Хоть бы рѣдкій разъ устроилась медвѣжья вечеринка, съ танцами подъ музыку бури, въ которыхъ могли бы отличиться граціей и умѣньемъ ходить на заднихъ лапахъ бѣлые медвѣди, или составилась партія въ карты, съ ссорами и дракою, или, наконецъ, сошлись на бесѣду, за чашкой кофе, бѣленькія кумушки-лисички — нѣтъ, никогда и ничего! Холодно, пустынно, мертво! Сѣверное сіяніе вспыхивало и горѣло такъ правильно, что можно было съ точностью разсчитать, въ какую минуту свѣтъ усилится и въ какую ослабѣетъ. Посреди самой большой, пустынной снѣжной залы находилось замерзшее озеро. Ледъ треснулъ на немъ на тысячи кусковъ, ровныхъ и правильныхъ, одинъ, какъ другой, на диво. Посреди озера стоялъ тронъ Снѣжной королевы; на немъ она возсѣдала, когда бывала дома, говоря, что сидитъ на зеркалѣ разума; по ея мнѣнію, это было единственное и лучшее зеркало въ свѣтѣ.

Кай совсѣмъ посинѣлъ, почти почернѣлъ отъ холода, но не замѣчалъ этого,— поцѣлуи Снѣжной королевы сдѣлали его нечувствительнымъ къ холоду, да и самое сердце его было кускомъ льда. Кай возился съ плоскими остроконечными льдинами, укладывая ихъ на всевозможные лады. Есть, вѣдь, такая игра—складыванье фигуръ изъ деревянныхъ дощечекъ, которая называется „китайскою головоломкой". Кай тоже складывалъ разныя затѣйливыя фигуры, но изъ льдинъ, и это называлось „ледяной игрой разума". Въ его глазахъ эти фигуры были чудомъ искусства, а складываніе ихъ — занятіемъ первой важности. Это происходило оттого, что въ глазу у него сидѣлъ осколокъ волшебнаго зеркала! Онъ складывалъ изъ льдинъ и цѣлыя слова, но никакъ не могъ сложить того, что ему особенно хотѣлось, слова „вѣчность". Снѣжная королева сказала ему: „Если ты сложишь это слово, ты будешь самъ себѣ господиномъ, и я подарю тебѣ весь свѣтъ и пару новыхъ коньковъ". Но онъ никакъ не могъ его сложить.

— Теперь я полечу въ теплые края! — сказала Снѣжная королева.—Загляну въ черные котлы!

Котлами она называла кратеры огнедышащихъ горъ — Везувія и Этны.

— Я побѣлю ихъ немножко! Это хорошо послѣ лимоновъ и винограда!

И она улетѣла, а Кай остался одинъ въ необозримой, пустынной залѣ, смотрѣлъ на льдины и все думалъ, думалъ, такъ что въ головѣ у него трещало. Онъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ такой блѣдный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что онъ замерзъ.

Въ это-то время въ огромныя ворота, продѣланныя буйными вѣтрами, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и вѣтры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла въ огромную, пустынную ледяную залу и увидала Кая. Дѣвочка сейчасъ же узнала его, бросилась ему на шею, крѣпко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконецъ-то я нашла тебя!

Но онъ сидѣлъ все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячія слезы ея упали ему на грудь, проникли въ сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколокъ. Кай взглянулъ на Герду, а она запѣла:

„Ужъ розы въ долинахъ цвѣтутъ,
Младенецъ-Христосъ съ нами тутъ!“

Кай вдругъ залился слезами и плакалъ такъ долго и такъ сильно, что осколокъ вытекъ изъ глаза вмѣстѣ со слезами. Тогда онъ узналъ Герду и обрадовался.

— Герда! Милая моя Герда!.. Гдѣ же это ты была такъ долго? Гдѣ былъ я самъ? И онъ оглянулся вокругъ. — Какъ здѣсь холодно, пустынно!

И онъ крѣпко прижался къ Гердѣ. Она смѣялась и плакала отъ радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились въ плясъ, а, когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снѣжная королева; сложивъ его, онъ могъ сдѣлаться самъ себѣ господиномъ, да еще получить отъ нея въ даръ весь свѣтъ и пару новыхъ коньковъ.

Герда поцѣловала Кая въ обѣ щеки, и онѣ опять зацвѣли розами, поцѣловала его въ глаза, и они заблистали, какъ ея; поцѣловала его руки и ноги, и онъ опять сталъ бодрымъ и здоровымъ. Снѣжная королева могла вернуться когда угодно, — его отпускная лежала тутъ, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай съ Гердой рука объ руку вышли изъ пустынныхъ ледяныхъ чертоговъ; они шли и говорили о бабушкѣ, о своихъ розахъ, и на пути ихъ стихали буйные вѣтры, проглядывало солнышко. Когда же они дошли до куста съ красными ягодами, тамъ уже ждалъ ихъ сѣверный олень. Онъ привелъ съ собою молодую оленью матку; вымя ея было полно молока; она напоила имъ Кая и Герду и поцѣловала ихъ прямо въ губы. Затѣмъ, Кай и Герда отправились сначала къ финнкѣ, отогрѣлись у нея и узнали дорогу домой, а потомъ къ лапландкѣ; та сшила имъ новое платье, починила свои сани и поѣхала ихъ провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодыхъ путниковъ вплоть до самой границы Лапландіи, гдѣ уже пробивалась первая зелень. Тутъ Кай и Герда простились съ оленями и съ лапландкой.

Вотъ передъ ними и лѣсъ. Запѣли первыя птички, деревья покрылись зелеными почками. Изъ лѣса, на встрѣчу путникамъ, выѣхала верхомъ на великолѣпной лошади молодая дѣвушка, въ ярко-красной шапочкѣ и съ пистолетами за поясомъ. Герда сразу узнала и лошадь—она была когда-то впряжена въ золотую карету—и дѣвушку. Это была маленькая разбойница; ей наскучило жить дома, и она захотѣла побывать на сѣверѣ, а если тамъ не понравится—и въ другихъ частяхъ свѣта. Она тоже узнала Герду. Вотъ была радость!

— Ишь ты, бродяга!—сказала она Каю.—Хотѣла бы я знать, стоишь-ли ты того, чтобы за тобой бѣгали на край свѣта!

Но Герда потрепала ее по щекѣ и спросила о принцѣ и принцессѣ.

— Они уѣхали въ чужіе края!—отвѣчала молодая разбойница.

— А вóронъ съ вороной?—спросила Герда.

— Лѣсной воронъ умеръ; ручная ворона осталась вдовой, ходитъ съ черной шерстинкой на ножкѣ и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вотъ разскажи-ка лучше, что съ тобой было и какъ ты нашла его.

Герда и Кай разсказали ей обо всемъ.

— Ну, вотъ и сказкѣ конецъ!—сказала молодая разбойница, пожала имъ руки и обѣщала навѣстить ихъ, если когда-нибудь заѣдетъ въ ихъ городъ. Затѣмъ она отправилась своей

дорогой, а Кай и Герда своей. Они шли, и по дорогѣ расцвѣтали весенніе цвѣты, зеленѣла травка. Вотъ раздался колокольный звонъ, и они узнали колокольни своего родного городка. Они поднялись по знакомой лѣстницѣ и вошли въ комнату, гдѣ все было по старому: такъ же тикали часы, такъ же двигалась часовая стрѣлка. Но, проходя въ низенькую дверь, они замѣтили, что успѣли за это время сдѣлаться взрослыми людьми. Цвѣтущіе розовые кусты заглядывали съ крыши въ открытое окошко; тутъ же стояли ихъ дѣтскіе стульчики. Кай съ Гердой сѣли каждый на свой и взяли другъ друга за руки. Холодное, пустынное великолѣпіе чертоговъ Снѣжной королевы было забыто ими, какъ тяжелый сонъ. Бабушка сидѣла на солнышкѣ и громко читала Евангеліе: „Если не будете какъ дѣти, не войдете въ царствіе небесное!“

Кай и Герда взглянули другъ на друга и тутъ только поняли смыслъ стараго псалма:

„Ужъ розы въ долинахъ цвѣтутъ,
Младенецъ-Христосъ съ нами тутъ!“

Такъ сидѣли они рядышкомъ, оба уже взрослые, но дѣти сердцемъ и душою, а на дворѣ стояло теплое, благодатное лѣто!

БУЗИННАЯ МАТУШКА.

Одинъ маленькій мальчикъ разъ простудился; гдѣ онъ промочилъ себѣ ноги — никто и понять не могъ: погода стояла совсѣмъ сухая. Мать раздѣла его, уложила въ постель и велѣла принести самоваръ *), чтобы заварить бузиннаго чая, — отличное потогонное! Въ это самое время въ комнату вошелъ славный, веселый старичекъ, жившій въ верхнемъ этажѣ того же дома. Онъ былъ совсѣмъ одинокъ, не было у него ни жены, ни дѣтокъ, а онъ такъ любилъ дѣтей, умѣлъ разсказывать имъ такія чудесныя сказки и исторіи, что просто чудо.

— Ну, вотъ, выпьешь свой чай, а потомъ, можетъ быть, услышишь сказку! — сказала мать.

*) По-датски „Temaskine“, т. е. собственно — „чайная машина“, соотвѣтствующая нашему самовару и похожая на него формой. Разница лишь въ томъ, что у нея нѣтъ трубы, и для того, чтобы вскипятить въ ней воду, подъ нее ставится жаровня съ горящими углями. *Примѣч. перев.*

— То-то вотъ, если-бъ зналъ какую-нибудь новенькую!— отвѣчалъ старичокъ, ласково кивая головой.—Но гдѣ же это нашъ мальчуганъ промочилъ себѣ ноги?

— Да, вотъ, гдѣ?—сказала мать:—Никто и понять не можетъ!

— А сказка будетъ?—спросилъ мальчикъ.

— Сначала мнѣ нужно знать, глубока-ли водосточная канавка въ переулкѣ, гдѣ ваше училище? Можешь ты мнѣ сказать это?

— Какъ разъ мнѣ по голенище!—отвѣчалъ мальчикъ.— Но это въ самомъ глубокомъ мѣстѣ!

— Вотъ отчего у насъ и мокрыя ноги! — сказалъ старичокъ. — Теперь слѣдовало бы разсказать тебѣ сказку, да ни одной новой не знаю!

— Вы сейчасъ же можете сочинить ее!—сказалъ мальчикъ.—Мама говоритъ, что вы на что ни взглянете, до чего ни дотронетесь, изъ всего у васъ выходитъ сказка или исторія.

— Да, но такія сказки и исторіи никуда не годятся. Настоящія, тѣ приходятъ сами! Придутъ и постучатся мнѣ въ лобъ: „вотъ я!“

— А скоро какая-нибудь постучится?—спросилъ мальчикъ.

Мать засмѣялась, засыпала въ чайникъ бузиннаго чая и заварила.

— Ну, разскажите же! Разскажите какую-нибудь!

— Да вотъ, если бы пришла сама! Но онѣ важныя, приходятъ только, когда имъ самимъ вздумается! Стой!—сказалъ онъ вдругъ.—Вотъ она! Гляди на чайникъ!

Мальчикъ посмотрѣлъ; крышка чайника начала приподыматься, и изъ-подъ нея выглянули свѣжіе бѣленькіе цвѣточки бузины, затѣмъ выросли и длинныя зеленыя вѣтви. Онѣ росли даже изъ носика чайника, и скоро образовался цѣлый кустъ; вѣтви доходили до самой постели и раздвинули занавѣски. Какъ славно цвѣла и благоухала бузина! Изъ зелени ея выглядывало ласковое, славное лицо старушки, одѣтой въ какое-то удивительное платье, зеленое, какъ листья бузины и все усѣянное бѣлыми цвѣточками. Сразу даже не разобрать было—платье-ли это, или просто зелень и живые цвѣточки бузины.

— Что это за старушка?—спросилъ мальчикъ.

— Римляне и греки звали ее Дріадой!—сказалъ старичокъ.— Но для насъ это слишкомъ мудреное имя, и въ „Новой сло-

бодкѣ“ ей дали прозвище получше: „Бузинная матушка“. Смотри же на нее хорошенько, да слушай, что я буду разсказывать!

Такой же точно большой, покрытый цвѣтами, кустъ росъ въ углу одного бѣднаго дворика въ „Новой слободкѣ“. Подъ кустомъ сидѣли въ послѣобѣденный часъ и грѣлись на солнышкѣ старичокъ со старушкой: старый отставной матросъ и его жена. Старички были богаты дѣтьми, внуками и правнуками и скоро должны были отпраздновать свою золотую свадьбу, да только не помнили хорошенько дня и числа. Изъ зелени глядѣла на нихъ Бузинная матушка, такая же славная и привѣтливая, какъ вотъ эта, и говорила: „Я-то знаю день вашей золотой свадьбы!“ Но старики были заняты разговоромъ, — они вспоминали старину—и не слышали ея.

— Да, помнишь,—сказалъ старый матросъ:—какъ мы бѣгали и играли съ тобой дѣтьми! Вотъ тутъ, на этомъ самомъ дворѣ, мы разводили себѣ садикъ! Помнишь, втыкали въ землю прутики и вѣточки?

— Да, да!—подхватила старушка.—Помню, помню! Мы усердно поливали эти вѣточки; одна изъ нихъ была бузинная, пустила корни, ростки и вотъ какъ разрослась! Мы, старички, можемъ теперь сидѣть въ ея тѣни!

— Правда!—продолжалъ мужъ.—А вонъ въ томъ углу стоялъ чанъ съ водою. Тамъ мы спускали въ воду мой корабликъ, который я самъ вырѣзалъ изъ дерева. Какъ онъ плавалъ! А скоро мнѣ пришлось пуститься и въ настоящее плаванье.

— Да, но прежде еще мы ходили въ школу и кое-чему научились!—перебила старушка.—Наконецъ, насъ конфирмовали. Мы оба прослезились тогда!.. А потомъ взялись за руки и пошли осматривать „Круглую башню“, взбирались на самый верхъ и любовались оттуда городомъ и моремъ. Послѣ же мы отправились въ Фредериксбергъ и смотрѣли, какъ катались по каналамъ въ своей великолѣпной лодкѣ король съ королевой.

— Да, и скоро мнѣ пришлось пуститься въ настоящее плаваніе! Много, много лѣтъ провелъ я вдали отъ родины!

— Сколько слезъ я пролила! Мнѣ ужъ думалось, что ты умеръ и лежишь на днѣ морскомъ! Сколько разъ вставала я по ночамъ посмотрѣть, вертится-ли флюгеръ. Флюгеръ-то вертѣлся, а ты все не пріѣзжалъ! Я отлично помню, какъ разъ, въ самый ливень, во дворъ къ намъ пріѣхалъ мусорщикъ. Я жила тамъ въ прислугахъ и вышла съ мусорнымъ ящикомъ, да

остановилась въ дверяхъ. Вотъ погода-то была! Въ это самое время пришелъ почтальонъ и подалъ мнѣ письмо отъ тебя! Пришлось же этому письму прогуляться по бѣлу-свѣту! Какъ я схватила его!.. И сейчасъ же принялась читать. Я смѣялась и плакала заразъ... Я была такъ рада! Въ письмѣ говорилось, что ты теперь въ теплыхъ краяхъ, гдѣ растетъ кофе! Вотъ-то, должно быть, благословенная страна! Ты много еще о чемъ разсказывалъ въ своемъ письмѣ, и я все это словно видѣла передъ собою. Дождь такъ и поливалъ, а я все стояла въ дверяхъ съ мусорнымъ ящикомъ. Вдругъ, кто-то обнялъ меня за талію...

— Да, и ты закатила ему такую звонкую пощечину, что любо!

— Вѣдь, я же не знала, что это ты! Ты догналъ свое письмо! Какой ты былъ бравый, красивый, да ты и теперь все такой же! Изъ кармана у тебя торчалъ желтый шелковый платокъ, а на головѣ красовалась клеенчатая шляпа. Такой щеголь! Но что за погодка стояла, и на что была похожа наша улица!

— Потомъ мы женились!—продолжалъ старый матросъ.— Помнишь? А тамъ пошли у насъ дѣтки: первый мальчуганъ, потомъ Марія, Нильсъ, Петръ и Гансъ-Христіанъ!

— Какъ они всѣ повыросли и какими стали славными людьми! Всѣ ихъ любятъ!

— Теперь ужъ и у ихъ дѣтей есть дѣти!—сказалъ старичокъ.—И какіе крѣпыши наши правнучки!... Сдается мнѣ, что наша свадьба была какъ разъ въ эту пору.

— Какъ разъ сегодня!—сказала Бузинная матушка и просунула голову между старичками, но тѣ подумали, что это киваетъ имъ головой сосѣдка. Они сидѣли рука въ руку и любовно смотрѣли другъ на друга. Немного погодя, пришли къ нимъ дѣти и внучата. Они-то отлично знали, что сегодня день золотой свадьбы стариковъ и уже поздравляли ихъ утромъ, но старички успѣли позабыть объ этомъ, хотя отлично помнили все, что случилось много, много лѣтъ тому назадъ. Бузина такъ и благоухала, солнышко садилось и свѣтило на прощанье старичкамъ прямо въ лицо, разрумянивая ихъ щеки. Младшій изъ внуковъ плясалъ вокругъ дѣдушки съ бабушкой и радостно кричалъ, что сегодня вечеромъ у нихъ будетъ пиръ: за ужиномъ подадутъ горячій картофель! Бузинная матушка кивала головой и кричала „ура!“ вмѣстѣ со всѣми.

— Да, вѣдь, это вовсе не сказка!—сказалъ мальчуганъ, когда разсказчикъ остановился.

— Это ты говоришь,—отвѣчалъ старичокъ,—а вотъ спросимъ-ка Бузинную матушку!

— Это не сказка!—отвѣчала Бузинная матушка.—Но сейчасъ начнется и сказка! Изъ дѣйствительности-то и выростаютъ чудеснѣйшія сказки. Иначе бы мой благоухающій кустъ не выросъ изъ чайника.

Съ этими словами она взяла мальчика къ себѣ на руки; вѣтви бузины, покрытыя цвѣтами, вдругъ сдвинулись, и мальчикъ со старушкой очутились словно въ густой бесѣдкѣ, которая понеслась съ ними по воздуху. Вотъ было хорошо! Бузинная матушка превратилась въ маленькую, прелестную дѣвочку, но платьице на ней осталось то же—зеленое, все усѣянное бѣлыми цвѣточками. На груди дѣвочки красовался живой бузинный цвѣточекъ, а на свѣтло-русыхъ кудряхъ—цѣлый вѣнокъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ. Глаза у нея были большіе, голубые. Ахъ, она была такая хорошенькая, что просто заглядѣнье! Мальчикъ поцѣловался съ дѣвочкой, и оба стали одного возраста, однихъ мыслей и чувствъ.

Рука объ руку вышли они изъ бесѣдки и очутились въ саду передъ домомъ. На зеленой лужайкѣ стояла прислоненная къ дереву тросточка отца. Для дѣтей и тросточка была живая; они усѣлись на нее верхомъ—блестящій набалдашникъ сталъ великолѣпною лошадиною головой, съ длинною, развѣвающеюся гривой; затѣмъ выросли четыре тонкія, крѣпкія ноги, и горячій конь помчалъ дѣтей вокругъ лужайки. Эхъ ты ну!

— Теперь мы поскачемъ далеко-далеко! — сказалъ мальчикъ.—Въ барскую усадьбу, гдѣ мы разъ были!

И дѣти скакали вокругъ лужайки, а дѣвочка,—мы, вѣдь, знаемъ, что это была сама Бузинная матушка—приговаривала:

— Ну, вотъ мы и за-городомъ! Видишь крестьянскіе домики? Огромныя хлѣбныя печи выступаютъ изъ стѣнъ, словно какія-то исполинскія яйца! Надъ домиками раскинула свои вѣтви бузина. Вонъ бродитъ по двору пѣтухъ! Знай себѣ разгребаетъ соръ и выискиваетъ для куръ червячковъ! Гляди, какъ онъ важно выступаетъ!.. А вотъ мы и на высокомъ холмѣ, у церкви! Какіе славные, развѣсистые дубы растутъ вокругъ нея! Одинъ изъ нихъ наполовину вылѣзъ изъ земли съ корнями!.. Вотъ мы у кузницы! Гляди, какъ ярко пылаетъ огонь, какъ

работаютъ тяжелыми молотами полунагіе люди! Искры сыплются дождемъ!.. Но дальше, дальше, въ барскую усадьбу!

И все, что ни называла дѣвочка, сидѣвшая верхомъ на палкѣ позади мальчика, мелькало передъ ихъ глазами. Мальчикъ видѣлъ все это, а между тѣмъ, они только кружились по лужайкѣ. Потомъ они отправились въ боковую аллею и стали тамъ устраивать себѣ маленькій садикъ. Дѣвочка вынула изъ своего вѣнка одинъ бузинный цвѣточекъ и посадила его въ землю; онъ пустилъ корни и ростки, и скоро выросъ большой кустъ бузины, точь-въ-точь, какъ у старичковъ въ „Новой слободкѣ", когда они были еще дѣтьми. Мальчикъ съ дѣвочкой взялись за руки и тоже пошли гулять, но отправились не на Круглую башню и не въ Фредериксбергскій садъ; нѣтъ, дѣвочка крѣпко обняла мальчика, поднялась съ нимъ на воздухъ, и они облетѣли всю Данію. Весна смѣнялась лѣтомъ, лѣто—осенью и осень—зимою; тысячи картинъ отражались въ глазахъ и запечатлѣвались въ сердцѣ мальчика, а дѣвочка все приговаривала:

— Этого ты не забудешь никогда!

А бузина благоухала такъ сладко, такъ чудно! Мальчикъ вдыхалъ и ароматъ розъ, и запахъ свѣжихъ буковъ, но бузина пахла всего сильнѣе,—ея цвѣточки красовались, вѣдь, у дѣвочки на груди, а къ ней онъ такъ часто склонялся головою.

— Какъ чудесно здѣсь весною!—говорила дѣвочка, и—они очутились въ свѣжемъ, зеленомъ буковомъ лѣсу; у ихъ ногъ благоухала бѣлая буквица, изъ травки выглядывали прелестные блѣдно-розовые анемоны.—О, если бы вѣчно царила весна въ благоухающихъ датскихъ лѣсахъ!

— Какъ хорошо здѣсь лѣтомъ!—продолжала она затѣмъ, и—они проносились мимо старой барской усадьбы съ древнимъ рыцарскимъ замкомъ; красныя стѣны и фронтоны отражались въ прудахъ; по нимъ плавали лебеди, заглядывая въ темныя, прохладныя аллеи сада. Хлѣбныя нивы волновались отъ вѣтра, точно море, во рвахъ пестрѣли красненькіе и желтенькіе полевые цвѣточки, по изгородямъ вился дикій хмѣль и цвѣтущій вьюнокъ. Вечеромъ же на небѣ всплылъ круглый, ясный мѣсяцъ, а съ луговъ понесся сладкій ароматъ свѣжаго сѣна!—Это не забудется никогда!

— Какъ чудно здѣсь осенью!—снова говорила дѣвочка, и—сводъ небесный вдругъ сталъ вдвое выше и синѣе. Лѣса запе-

стрѣли красноватыми, желтыми и еще зелеными листьями. Охотничьи собаки вырвались на волю! Цѣлыя стаи дичи съ крикомъ полетѣли надъ курганами, гдѣ лежатъ старые камни, обросшіе ежевикой. На темно-синемъ морѣ забѣлѣли паруса, а риги были биткомъ набиты старухами, дѣвушками и дѣтьми: всѣ они чистили хмѣль и бросали его въ большіе чаны. Молодежь распѣвала старинныя пѣсни, а старухи разсказывали сказки про троллей и домовыхъ.—Лучше не можетъ быть нигдѣ!

— А какъ хорошо здѣсь зимою!—говорила она затѣмъ, и—всѣ деревья покрылись инеемъ; вѣтви ихъ превратились въ бѣлые кораллы. Снѣгъ захрустѣлъ подъ ногами, точно у всѣхъ были надѣты новые сапоги, а съ неба посыпались, одна за другою, падучія звѣздочки. Въ домахъ зажглись елки, обвѣшанныя подарками; всѣ люди радовались и веселились. Въ деревняхъ, въ крестьянскихъ домикахъ, не умолкали скрипки, летѣли въ воздухъ яблочныя пышки*). Даже бѣднѣйшія дѣти говорили: „Какъ хорошо у насъ зимою!“

Да, хорошо! Дѣвочка показывала все это мальчику, и повсюду благоухала бузина, повсюду развѣвался красный флагъ съ бѣлымъ крестомъ**), флагъ, подъ которымъ плавалъ старый матросъ изъ „Новой слободки“. И вотъ, мальчикъ сталъ юношею, и ему тоже пришлось отправиться въ дальнее плаваніе въ теплые края, гдѣ растетъ кофе. На прощанье дѣвочка дала ему цвѣтокъ съ своей груди, и онъ спряталъ его въ псалтирь. Часто вспоминалъ онъ на чужбинѣ свою родину и раскрывалъ книгу—всегда на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ цвѣточекъ, данный ему на память! И чѣмъ больше юноша смотрѣлъ на цвѣтокъ, тѣмъ свѣжѣе тотъ становился и сильнѣе пахнулъ, а юношѣ казалось, что до него доносится ароматъ датскихъ лѣсовъ. Въ лепесткахъ же цвѣтка ему чудилось личико голубоглазой дѣвочки; онъ какъ будто слышалъ ея шопотъ: „Какъ хорошо тутъ весною, лѣтомъ, осенью и зимою!“ И сотни картинъ проносились въ его памяти.

Такъ прошло много лѣтъ; онъ состарился и сидѣлъ со своею старушкой-женой подъ цвѣтущимъ кустомъ бузины. Они сидѣли рука въ руку и говорили о былыхъ дняхъ и о своей

*) Зажиточные крестьяне, устраивая у себя пиръ, бросаютъ въ народъ яблочныя пышки, которыя и ловятся на перебой.

**) Датскій національный флагъ „Данеброгъ“. *Примѣч. перев.*

золотой свадьбѣ, точь-въ-точь, какъ прадѣдъ и прабабушка изъ „Новой слободки“. Голубоглазая дѣвочка съ бузинными цвѣточками въ волосахъ и на груди сидѣла въ вѣтвяхъ бузины, кивала имъ головой и говорила: „Сегодня ваша золотая свадьба!“ Потомъ она вынула изъ своего вѣнка два цвѣточка, поцѣловала ихъ, и они заблестѣли сначала какъ серебряные, а потомъ какъ золотые. Когда же дѣвочка возложила ихъ на головы старичковъ, цвѣты превратились въ короны, и мужъ съ женой сидѣли подъ цвѣтущимъ, благоухающимъ кустомъ, словно король съ королевой.

И вотъ, старикъ пересказалъ женѣ исторію о Бузинной матушкѣ, какъ самъ слышалъ ее въ дѣтствѣ, и обоимъ казалось, что въ той исторіи было такъ много похожаго на исторію ихъ собственной жизни. И какъ разъ то, что было въ ней похожаго, больше всего и нравилось имъ.

— Да, такъ-то!—сказала дѣвочка, сидѣвшая въ зелени.— Кто зоветъ меня Бузинной матушкой, кто Дріадой, а настоящее то мое имя Воспоминаніе. Я сижу на деревѣ, которое все растетъ и растетъ; я помню все и умѣю разсказывать обо всемъ! Покажи-ка, цѣлъ-ли еще у тебя мой цвѣтокъ!

И старикъ раскрылъ псалтирь: бузинный цвѣточекъ лежалъ такой свѣжій, точно его сейчасъ только вложили туда! Воспоминаніе дружески кивало старичкамъ, а тѣ оба сидѣли въ золотыхъ коронахъ, освѣщенные пурпурнымъ вечернимъ солнцемъ. Глаза ихъ закрылись и, и... да тутъ и сказкѣ конецъ!

Мальчикъ лежалъ въ постели и самъ не зналъ, видѣлъ-ли онъ все это во снѣ или только слышалъ въ сказкѣ. Чайникъ стоялъ на столѣ, но изъ него не росло никакого куста, а старичокъ уже собирался уходить, и скоро ушелъ.

— Какая прелесть!—сказалъ мальчикъ.—Мама, я побывалъ въ теплыхъ краяхъ!

— Вѣрю, вѣрю!—сказала мать.—Послѣ двухъ такихъ чашекъ крѣпкаго бузиннаго чаю немудрено побывать въ теплыхъ краяхъ!—И она хорошенько укутала его, чтобы онъ не простудился.—Ты таки славно поспалъ, пока мы со старичкомъ сидѣли, да спорили о томъ, сказка это или быль!

— А гдѣ же Бузинная матушка?—спросилъ мальчикъ.

— Въ чайникѣ!—отвѣтила мать.—И пусть себѣ тамъ останется!

ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА.

Жила-была штопальная игла; она задавала такого тону, точно была настоящею швейною иголкой.

— Смотрите, смотрите, что̀ вы держите!—сказала она пальцамъ, которые вынимали ее.—Не уроните меня! Если я упаду на полъ, я, пожалуй, затеряюсь: я слишкомъ тонка!

— Будто ужъ!—отвѣтили пальцы и крѣпко обхватили ее за талію.

— Вотъ видите, я иду съ цѣлой свитой! — сказала штопальная игла и потянула за собой длинную нитку, только безъ узелка.

Пальцы ткнули иглу прямо въ кухаркину туфлю, — кожа лопнула, и надо было зашить дыру.

— Фу, какая черная работа!—сказала штопальная игла.— Я не выдержу! Я сломаюсь!

И вправду сломалась.

— Что, не говорила я?— сказала она.— Я слишкомъ тонка!

„Теперь она никуда не годится“,—подумали пальцы, но имъ все-таки пришлось крѣпко держать ее: кухарка накапала на сломанный конецъ иглы сургучу и потомъ заколола ею свой шейный платокъ.

— Вотъ теперь я — брошка!—сказала штопальная игла.— Я, вѣдь, знала, что войду въ честь: въ комъ есть толкъ, изъ того и выйдетъ толкъ.

И она засмѣялась про себя,—никто, вѣдь, не видалъ, чтобы штопальныя иглы смѣялись громко—и самодовольно поглядывала по сторонамъ, точно ѣхала въ каретѣ.

— Позвольте спросить, вы изъ золота? — обратилась она къ сосѣдкѣ-булавкѣ. — Вы очень милы, и у васъ собственная головка... Только маловата она! Постарайтесь отростить ее,— не всякому, вѣдь, достается сургучная головка!

При этомъ штопальная игла такъ гордо выпрямилась, что вылетѣла изъ платка прямо въ трубу водостока, куда кухарка въ это время выливала помои.

— Отправляюсь въ плаванье!—сказала штопальная игла.— Только бы мнѣ не затеряться!

Но она затерялась.

— Я слишкомъ тонка, я не создана для этого міра!—ска-

зала она, сидя въ уличной канавкѣ.—Но у меня совѣсть чиста, а, вѣдь, это что-нибудь да значитъ.

И штопальная игла держалась въ струнку, не теряя хорошаго расположенія духа.

Надъ ней проплывала всякая всячина: щепки, соломинки, клочки газетной бумаги...

— Ишь, какъ плывутъ!—говорила штопальная игла.—Они и понятія не имѣютъ о томъ, что скрывается тутъ, подъ ними. *Я* скрываюсь, *я* тутъ сижу. Вонъ плыветъ щепка: у нея только и мыслей, что о щепкѣ, ну, щепкой она вѣкъ и останется! Вонъ соломинка несется... Вертится-то, вертится-то какъ! Не задирай такъ носа! Смотри, какъ бы не наткнуться на камень! А вонъ газетный обрывокъ плыветъ. Давно ужъ забыть успѣли, что и напечатано-то на немъ, а онъ, гляди, какъ расплылся!.. А я сижу себѣ тихо, смирно. Я знаю себѣ цѣну, и этого у меня не отнимутъ!

Разъ возлѣ нея что-то заблестѣло, и штопальная игла вообразила, что это брилліантъ. Это былъ бутылочный осколокъ, но онъ блестѣлъ, и штопальная игла заговорила съ нимъ. Она назвала себя брошкой и спросила его:

— Вы, должно быть, брилліантъ?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

И оба думали другъ про друга, и про самихъ себя, что они необыкновенно драгоцѣнны, и говорили между собой о невѣжественности и надменности свѣта.

— Да, я жила въ коробкѣ у одной дѣвицы!—разсказывала штопальная игла.—Дѣвица эта была кухаркой. У нея на каждой рукѣ было по пяти пальцевъ, и вы представить себѣ не можете, до чего доходило ихъ чванство! А, вѣдь, и все-то ихъ дѣло было—вынимать меня и обратно прятать въ коробку!

— Что-жъ, они блестѣли?—спросилъ бутылочный осколокъ.

— Блестѣли?—отвѣчала штопальная игла.—Нѣтъ, блеску-то въ нихъ не было, зато высокомѣрія..! Ихъ было пять братьевъ, всѣ—урожденные „пальцы"; они шли всегда въ рядъ, хотя были различной величины. Крайній—„Толстопузый", впрочемъ, выдавался изъ ряда; у него былъ всего одинъ сгибъ въ спинѣ, такъ что онъ могъ кланяться только разъ; зато онъ говорилъ, что если его отрубятъ у человѣка, то весь человѣкъ не годится больше для военной службы. Второй—„Тычокъ-Лакомка", тыкалъ свой носъ всюду: и въ сладкое, и

въ кислое, тыкалъ и въ небо, и въ землю; онъ же нажималъ перо при письмѣ. Слѣдующій—„Долговязый“ смотрѣлъ на всѣхъ свысока, „Златоперстъ“ носилъ вокругъ пояса золотое кольцо и, наконецъ, самый маленькій—„Петрушка-Бездѣльникъ“ ничего не дѣлалъ и этимъ чванился. Да, чванство, чванство... и вотъ—я вылетѣла въ трубу!

— А теперь сидимъ и блестимъ!—сказалъ бутылочный осколокъ.

Въ это время воды въ канавѣ прибыло, такъ что она хлынула черезъ край и унесла съ собой осколокъ.

— Онъ пошелъ въ ходъ!—вздохнула штопальная игла.—А я осталась сидѣть! Я слишкомъ тонка, слишкомъ деликатна, но я горжусь этимъ, и это благородная гордость!

И она сидѣла, вытянувшись въ струнку и много, много думала.

— Я просто готова думать, что родилась отъ солнечнаго луча,—такъ я тонка! Право, кажется, солнце ищетъ меня подъ водой! Ахъ, я такъ тонка, что даже отецъ мой не можетъ меня найти! Не лопни тогда мой старый глазокъ*), я бы, кажется, заплакала отъ жалости! Впрочемъ, нѣтъ, я бы этого не сдѣлала: это не принято!

Разъ пришли уличные мальчишки и стали копаться въ канавкѣ, выискивая старыя гвозди, монетки и пр. Пачкотня была страшная, но это-то и доставляло имъ удовольствіе!

— Ай!—закричалъ вдругъ одинъ изъ нихъ; онъ укололся о штопальную иглу.—Ишь, штука какая!

— Я не штука, а барышня!— заявила штопальная игла, но ея никто не разслышалъ. Сургучъ сошелъ съ нея, и она вся почернѣла, но въ черномъ платьѣ кажешься еще тоньше, и игла воображала, что стала еще тоньше прежняго.

— Вонъ плыветъ яичная скорлупа!—закричали мальчишки, взяли штопальную иглу и воткнули ее въ скорлупу.

— Бѣлое идетъ къ черному!—сказала штопальная игла.—Теперь, по крайней мѣрѣ, можно разглядѣть меня! Только бы мнѣ не схватить морской болѣзни, тогда я не выдержу: я такая хрупкая!

Но она не схватила морской болѣзни—выдержала.

*) Игольное *ушко* по датски „Naaleöje“, т. е. игольный *глазъ*.
Примѣч. перев.

— Противъ морской болѣзни хорошо имѣть стальной желудокъ и притомъ всегда помнить, что ты—нѣчто повыше простого смертнаго! Теперь я совсѣмъ оправилась. Чѣмъ тоньше, деликатнѣе созданъ, тѣмъ больше можешь перенести!

— Кракъ!—сказала яичная скорлупа: ее переѣхала ломовая телѣга.

— Ухъ, какъ давитъ!—завопила штопальная игла. — Теперь ужъ я схвачу морскую болѣзнь! Не выдержу! Не выдержу!

Но она выдержала, хотя ее и переѣхала ломовая телѣга; она лежала на мостовой въ растяжку, и—пусть себѣ лежитъ!

КОЛОКОЛЪ.

По вечерамъ, на закатѣ солнца, когда вечернія облака блестѣли между трубами домовъ, точно золотыя, въ узкихъ улицахъ большого города слышенъ былъ по временамъ какой-то удивительный звонъ,—казалось, звонили въ большой церковный колоколъ. Звонъ прорывался сквозь уличный шумъ и грохотъ экипажей всего на минуту,—все это, вѣдь, страшно заглушаетъ— и люди, услышавъ его, говорили:

— Ну, вотъ, звонитъ вечерній колоколъ! Значитъ, солнышко садится!

За городомъ, гдѣ домики расположены порѣже и окружены садами и небольшими полями, вечернее небо смотрѣло еще красивѣе, а колоколъ звучалъ куда громче, явственнѣе.

Казалось, что это звонятъ на колокольнѣ церкви, схоронившейся гдѣ-то въ самой глубинѣ тихаго, душистаго лѣса. Люди невольно устремляли туда свои взоры, и душой ихъ овладѣвало тихое, торжественное настроеніе.

Время шло, и люди стали поговаривать:

— Развѣ въ чащѣ лѣса есть церковь? А, вѣдь, звонъ этотъ такъ гармониченъ, что слѣдовало бы отправиться въ лѣсъ послушать его вблизи!

И вотъ, богатые люди потянулись туда въ экипажахъ, бѣдные пѣшкомъ; но дорогѣ, казалось, не было конца и, достигнувъ до опушки лѣса, всѣ дѣлали приваль въ тѣни росшихъ тутъ ивъ и воображали себя въ настоящемъ лѣсу. Сюда же понаѣхали изъ города кондитеры и разбили здѣсь свои палатки; одинъ

изъ нихъ повѣсилъ надъ входомъ въ свою небольшой колоколъ; онъ былъ безъ язычка, но зато смазанъ въ защиту отъ дождя дегтемъ. Вернувшись домой, люди восторгались романтичностью всей обстановки, — сдѣлать такую прогулку, дескать, не то, что просто пойти куда-нибудь за-городъ напиться чаю! Трое увѣряли, что проходили весь лѣсъ насквозь и все продолжали слышать чудный звонъ, но имъ казалось уже, что онъ исходитъ изъ города. Одинъ написалъ даже цѣлую пѣсню, въ которой говорилось, что колоколъ звучитъ, какъ голосъ матери, призывающей своего милаго, умнаго ребенка; никакая музыка не могла сравниться съ этимъ звономъ!

Обратилъ свое вниманіе на колоколъ и самъ императоръ и даже обѣщалъ пожаловать того, кто разузнаетъ, откуда исходитъ звонъ, во „всемірные звонари", хотя бы и оказалось, что никакого колокола не было.

Тогда масса народу стала ходить въ лѣсъ ради того, что бы добиться обѣщаннаго хлѣбнаго мѣстечка, но лишь одинъ изъ всѣхъ принесъ домой хоть какое-нибудь объясненіе. Никто не проникалъ въ самую чащу лѣса, да и онъ тоже, но все-таки онъ утверждалъ, что звонъ производила большая сова, ударяясь головой о дуплистое дерево. Птица эта, какъ извѣстно, считается эмблемой мудрости, но исходилъ-ли звонъ изъ ея головы или изъ дупла дерева, этого онъ навѣрное сказать не могъ. И вотъ, его произвели во всемірные звонари, и онъ сталъ ежегодно писать о совѣ по небольшой статейкѣ. О колоколѣ же знали не больше прежняго.

Былъ разъ день конфирмаціи; священникъ сказалъ дѣтямъ теплое слово, и они всѣ были очень растроганы. Это былъ для нихъ важный день, — изъ дѣтей они сразу стали взрослыми, болѣе разумными существами, и въ дѣтской душѣ ихъ должно было произойти соотвѣтствующее измѣненіе. Погода стояла чудесная, солнечная, и молодежь отправилась прогуляться за городъ. Изъ лѣса доносились могучіе, полные звуки невѣдомаго колокола. Дѣвушекъ и юношей охватило неудержимое желаніе пойти розыскать его, и вотъ всѣ, кромѣ троихъ, отправились по дорогѣ къ лѣсу. Одна изъ оставшихся торопилась домой примѣрять бальное платье; вѣдь, только ради этого платья и бала, для котораго его сшили, она и конфирмовалось въ этотъ именно разъ, — иначе ей можно было бы и не торопиться конфирмаціей! Другой, бѣдный юноша, долженъ

былъ возвратить въ назначенный часъ праздничную куртку и сапоги хозяйскому сыну, у котораго онъ взялъ ихъ для этого торжественнаго случая. Третій же просто сказалъ, что никуда не ходитъ безъ родителей, — особенно по незнакомымъ мѣстамъ — что онъ всегда былъ послушнымъ сыномъ, останется такимъ же и послѣ конфирмаціи, и надъ этимъ нечего смѣяться, — а другіе все-таки смѣялись.

Итакъ, всѣ остальные отправились въ путь. Солнце сіяло, птички распѣвали, а молодежь вторила имъ. Всѣ шли, взявшись за руки; они еще не занимали никакихъ должностей и всѣ были равны, всѣ были только дѣтьми Божіими.

Но скоро двое самыхъ младшихъ устали и повернули назадъ; двѣ дѣвочки усѣлись на травкѣ плести вѣнки, а остальные, добравшись до самой опушки лѣса, гдѣ были раскинуты палатки кондитеровъ, сказали:

— Ну, вотъ и добрались до мѣста, а колокола, вѣдь, никакого на самомъ дѣлѣ и нѣтъ! Одно воображеніе!

Но въ ту же минуту изъ глубины лѣса донесся такой гармоничный, торжественный звонъ, что четверо-пятеро изъ нихъ рѣшились углубиться въ лѣсъ. А лѣсъ былъ густой-прегустой, трудно было и пробираться сквозь чащу деревьевъ и кустовъ. Ноги путались въ высокихъ стебляхъ дикаго ясмина и анемоновъ, дорогу преграждали цѣпи цвѣтущаго вьюнка и ежевики, перекинутыя съ одного дерева на другое. Зато въ этой чащѣ пѣлъ соловей, бѣгали солнечные зайчики. Ахъ, здѣсь было чудо какъ хорошо! Но не дѣвочкамъ было пробираться по этой дорогѣ, онѣ бы разорвали тутъ свои платья въ клочки. На пути попадались и большія каменныя глыбы, обросшія разноцвѣтнымъ мхомъ; изъ подъ нихъ, журча, пробивались свѣжія, болтливыя струйки источниковъ. Повсюду слышалось ихъ мелодичное „клюкъ-клюкъ!“

— Да не колоколъ-ли это? — сказалъ одинъ изъ путниковъ, легъ на землю и сталъ прислушиваться. — Надо это разслѣдовать хорошенько!

И онъ остался; другіе пошли дальше.

Вотъ передъ ними домикъ, выстроенный изъ древесной коры и вѣтвей. Высокая лѣсная яблоня осѣняла его своей зеленью и словно собиралась высыпать ему на крышу всю свою благодать плодовъ. Крыша была обвита цвѣтущимъ шиповникомъ, подъ самымъ же угломъ ея висѣлъ маленькій колоколъ.

Не его-ли это звонъ доносился до города? Всѣ, кромѣ одного изъ путниковъ, такъ и подумали; этотъ же юноша сказалъ, что колоколъ слишкомъ малъ, тонокъ и не можетъ быть слышнымъ на такомъ разстояніи. Кромѣ того, невѣдомый колоколъ имѣлъ совсѣмъ иной звукъ, хватавшій прямо за сердце! Но юноша былъ королевичъ, и другіе сказали:

— Ну, этотъ вѣчно хочетъ быть умнѣе всѣхъ!

И они предоставили ему продолжать путь одному. Онъ пошелъ и чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ сильнѣе проникался торжественнымъ уединеніемъ лѣса. Издали слышался звонъ колокольчика, которому такъ обрадовались его товарищи, а время отъ времени вѣтеръ доносилъ до него и пѣсни и говоръ компаніи, распивавшей чай въ палаткѣ кондитера, но глубокій, полный звонъ большого колокола покрывалъ всѣ эти звуки. Казалось, что это играетъ церковный органъ; музыка слышалась слѣва, съ той стороны, которая ближе къ сердцу.

Вдругъ въ кустахъ послышался шорохъ, и передъ королевичемъ появился юноша въ деревянныхъ башмакахъ и въ такой тѣсной и короткой курткѣ, что рукава едва заходили ему за локти. Оба узнали другъ друга; бѣдный юноша былъ тотъ самый, которому надо было торопиться возвратить хозяйскому сыну праздничную куртку и сапоги. Покончивъ съ этимъ и надѣвъ свою собственную плохонькую куртку и деревянные башмаки, онъ отправился въ лѣсъ одинъ: колоколъ звучалъ такъ дивно, что онъ не могъ не пойти!

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ! — сказалъ королевичъ.

Но бѣдный юноша былъ совсѣмъ смущенъ, дергалъ свои рукава и сказалъ, что боится не поспѣть за королевичемъ, да и кромѣ того, по его мнѣнію, колоколъ надо искать направо,— все великое и прекрасное всегда, вѣдь, держится этой стороны.

— Ну, въ такомъ случаѣ дороги наши расходятся!—сказалъ королевичъ и кивнулъ бѣдному юношѣ, который направлялся въ самую чащу лѣса; терновыя колючки рвали его бѣдную одежду, царапали до крови лицо, руки и ноги. Королевичъ тоже не миновалъ нѣсколькихъ добрыхъ царапинъ, но его дорога все-таки освѣщалась солнышкомъ, и за нимъ-то мы и пойдемъ,—онъ былъ бравый малый!

— Я хочу найти и найду колоколъ! — говорилъ онъ. — Хоть бы мнѣ пришлось идти на край свѣта!

Гадкія обезьяны сидѣли въ вѣтвяхъ деревьевъ и скалили зубы.

— Забросаемъ его чѣмъ попало!—говорили онѣ.—Забросаемъ его: онъ, вѣдь, королевичъ!

Но онъ продолжалъ свой путь, не останавливаясь, и углубился въ самую чащу. Сколько росло тутъ чудныхъ цвѣтовъ! Бѣлыя чашечки лилій съ ярко-красными тычинками, небесно-голубые тюльпаны, колеблемые вѣтромъ, яблони, отягченныя плодами, похожими на большіе, блестящіе мыльные пузыри. Подумать только, какъ все это блестѣло на солнцѣ! Попадались тутъ и чудесныя, зеленыя лужайки, окруженныя великолѣпными дубами и буками. На лужайкахъ рѣзвились олени и лани. Нѣкоторыя изъ деревьевъ были съ трещинами, и изъ нихъ росла трава и длинные, цѣпкіе стебли вьющихся растеній. Были тутъ и тихіе озера; по нимъ плавали, хлопая бѣлыми крыльями, дикіе лебеди. Королевичъ часто останавливался и прислушивался,—ему казалось порою, что звонъ раздается изъ этихъ глубокихъ, тихихъ озеръ. Но скоро онъ замѣчалъ, что ошибся,—звонъ раздавался откуда-то изъ глубины лѣса.

Солнце стало садиться, небо казалось совсѣмъ огненнымъ, въ лѣсу воцарилась торжественная тишина. Королевичъ упалъ на колѣни, пропѣлъ вечерній псаломъ и сказалъ:

— Никогда мнѣ не найти того, чего ищу! Вотъ и солнце заходитъ, скоро наступитъ темная ночь. Но мнѣ, можетъ быть, удастся еще разъ взглянуть на красное солнышко, прежде чѣмъ оно зайдетъ, если я взберусь вонъ на тѣ скалы,—онѣ выше самыхъ высокихъ деревьевъ!

И, цѣпляясь за стебли и корни, онъ сталъ карабкаться по мокрымъ камнямъ, изъ-подъ которыхъ выползали ужи и точно собирались залаять на него гадкія жабы. Онъ все-таки достигъ вершины раньше, чѣмъ солнце успѣло закатиться, и бросилъ взоръ на открывшееся передъ нимъ пространство. Что за красота, что за великолѣпіе! Передъ нимъ волновалось безпредѣльное, чудное море, а тамъ, гдѣ море сливалось съ небомъ, стояло, словно большой сіяющій алтарь, солнце. Все сливалось, все тонуло въ чудномъ сіяніи красокъ. Лѣсъ и море пѣли, сердце королевича вторило имъ. Вся природа была однимъ обширнымъ чуднымъ храмомъ; деревья и воздушные облака — стройными колоннами, цвѣты и трава—богатыми коврами, самое небо— куполомъ. Яркія блестящія краски потухали вмѣстѣ съ солнцемъ, зато вверху зажигались милліоны звѣздъ, милліоны брилліантовыхъ огоньковъ, и королевичъ простеръ руки къ небу,

морю и лѣсу... Въ ту же минуту справа появился бѣдный юноша въ курткѣ съ короткими рукавами и въ деревянныхъ башмакахъ. Онъ шелъ своею дорогой, и она привела его сюда же и такъ же скоро. Юноши бросились другъ къ другу и обнялись въ этомъ обширномъ храмѣ природы и поэзіи, а надъ ними все звучалъ невидимый, священный колоколъ, хоры блаженныхъ духовъ сливались въ одномъ ликующемъ „Аллилуія!“

БАБУШКА.

Бабушка такая старенькая, лицо все въ морщинахъ, волосы бѣлые-бѣлые, но глаза, что твои звѣзды, такіе свѣтлые, красивые и ласковые! И какихъ только чудныхъ исторій не знаетъ она! А платье на ней изъ толстой шелковой матеріи крупными цвѣтами,—такъ и шуршитъ! Бабушка много-много чего знаетъ; она живетъ, вѣдь, на свѣтѣ давнымъ-давно, куда дольше папы и мамы,—право! У бабушки есть псалтирь—толстая книга въ переплетѣ съ серебряными застежками, и она часто читаетъ ее. Между листами книги лежитъ сплюснутая высохшая роза. Она совсѣмъ не такая красивая, какъ тѣ розы, что стоятъ у бабушки въ стаканѣ съ водою, а бабушка все-таки ласковѣе всего улыбается именно этой розѣ и смотритъ на нее со слезами на глазахъ. Отчего это бабушка такъ смотритъ на высохшую розу? Знаешь?

Всякій разъ, какъ слезы бабушки падаютъ на цвѣтокъ, краски его вновь оживляются, онъ опять становится пышною розой, вся комната наполняется благоуханіемъ, стѣны таютъ, какъ туманъ, и бабушка—въ зеленомъ, залитомъ солнцемъ лѣсу! Сама бабушка уже не дряхлая старушка, а молодая, прелестная дѣвушка съ золотыми локонами и розовыми кругленькими щечками, которыя поспорятъ съ самими розами. Глаза же ея... да, вотъ по милымъ, кроткимъ глазамъ она все та же бабушка! Рядомъ съ нею сидитъ красивый, мужественный молодой человѣкъ. Онъ даетъ дѣвушкѣ розу, и она улыбается ему... Такъ бабушка, вѣдь, не улыбается? А нѣтъ, вотъ и улыбается! Онъ уѣхалъ... Проносится еще много думъ, мелькаетъ много образовъ; молодого человѣка больше нѣтъ, роза лежитъ въ старой книгѣ, а сама бабушка... сидитъ опять на своемъ креслѣ, такая же старенькая, и смотритъ на высохшую розу.

А теперь бабушка умерла! Она сидѣла, какъ всегда, въ своемъ креслѣ и разсказывала длинную-длинную чудесную исторію, а потомъ сказала:

— Ну, вотъ и конецъ! Теперь дайте мнѣ отдохнуть; я устала и сосну немножко.

И она откинулась назадъ, вздохнула и заснула. Но дыханіе ея становилось все тише и тише, а лицо стало такимъ спокойнымъ и радостнымъ, словно было освѣщено яснымъ солнышкомъ! И вотъ, сказали, что она умерла.

Бабушку завернули въ бѣлый саванъ и положили въ черный гробъ; она была такъ хороша даже съ закрытыми глазами! Всѣ морщины исчезли, на устахъ застыла улыбка, серебряная сѣдина внушала почтеніе. Нисколько и не страшно было взглянуть на мертвую,—это была, вѣдь, та же милая, добрая бабушка! Псалтирь положили ей подъ голову,—такъ она велѣла; роза осталась въ книгѣ. И вотъ, бабушку похоронили.

На могилѣ ея, возлѣ самой кладбищенской ограды, посадили розовый кустъ. Каждый годъ онъ покрывался цвѣтами; надъ нимъ распѣвалъ соловей, а изъ церкви доносились чудные звуки органа и напѣвы тѣхъ самыхъ псалмовъ, что стояли въ книгѣ, на которой покоилась голова умершей. Ясный мѣсяцъ обливалъ могилу своимъ кроткимъ свѣтомъ, но на могилѣ никогда не появлялось тѣни усопшей. Любой ребенокъ могъ бы преспокойно отправиться туда ночью и сорвать розу, просунувъ ручонку за рѣшетку. Мертвые знаютъ больше насъ, живыхъ; они знаютъ, какъ бы мы испугались, если-бъ вдругъ увидѣли ихъ передъ собою. Мертвые лучше насъ и потому не являются намъ. Гробъ зарытъ въ землю, и внутри его тоже одна земля. Листы священной книги стали прахомъ, роза, съ которой было связано столько воспоминаній—тоже. Но надъ могилой цвѣтутъ новыя розы, надъ ней поетъ соловей, къ ней несутся звуки органа, и жива еще память о старой бабушкѣ съ милымъ, вѣчно юнымъ взоромъ! Взоръ не умираетъ никогда! И мы когда нибудь узримъ бабушку такою же юною и прекрасною, какъ тогда, когда она впервые прижала къ устамъ свѣжую алую розу, которая теперь истлѣла въ могилѣ.

ЛѢСНОЙ ХОЛМЪ.

Юркія ящерицы бѣгали по истрескавшемуся корявому стволу стараго дерева; онѣ отлично понимали другъ друга, потому что всѣ говорили по-ящеричьи.

— Нѣтъ, какъ шумитъ и гудитъ въ лѣсномъ холмѣ! — сказала одна ящерица. — Я изъ-за этой музыки вотъ ужъ двѣ ночи къ ряду глазъ сомкнуть не могу! Точно у меня зубы болятъ, — тогда я тоже не сплю!

— Тамъ что-то затѣвается! — сказала другая. — Холмъ, какъ подымется на своихъ четырехъ красныхъ столбахъ, такъ и стоитъ, пока не запоютъ пѣтухи, — вѣрно хотятъ его хорошенько провѣтрить — а дочери лѣсного царя выучились новымъ танцамъ, то и дѣло вертятся! Да, что-то затѣвается!

— Я говорила съ однимъ моимъ знакомымъ дождевымъ червякомъ, — сказала третья: — онъ много ночей и дней рылся тамъ, въ холмѣ, и подслушалъ кое-что. Видѣть эта жалкая тварь ничего не видитъ, зато бродитъ ощупью, да подслушивать — мастеръ. Въ лѣсномъ холмѣ ожидаютъ чужеземныхъ гостей! Важныхъ-преважныхъ! Кого именно — дождевой червякъ сказать не хотѣлъ, да, пожалуй, и самъ не зналъ. Всѣ блуждающіе огоньки приглашены участвовать въ факельномъ шествіи, — какъ это у нихъ называется! И все золото и серебро, — а этого добра у нихъ въ лѣсномъ холмѣ довольно — полируютъ и выставляютъ на лунный свѣтъ!

— Какихъ же это такихъ гостей ждутъ? — толковали ящерицы. — Что тамъ затѣвается? Слышите, слышите, какъ тамъ шумитъ и гудитъ?

Въ эту самую минуту лѣсной холмъ раскрылся и оттуда, сѣменя ножками, выскочила старая лѣсная дѣвушка; у нея не было спины, но одѣта она была очень прилично. Это была ключница и дальняя родственница самого лѣсного царя, а потому носила на лбу янтарное сердце. Ножки у нея такъ и работали: топъ! топъ! и она живо очутилась въ болотѣ у ночного ворона *).

*) Привидѣніе въ видѣ ворона съ пробитымъ лѣвымъ крыломъ. Происхожденіе его, по народному повѣрью, слѣдующее: въ старину, при появленіи какого-нибудь человѣческаго привидѣнія, прибѣгали къ помощи священника; тотъ вгонялъ его заклинаніями въ землю и затѣмъ втыкалъ на томъ мѣстѣ осиновый колъ. Въ полночь раздавался крикъ: „Освободи!“ Колъ вынимали, и привидѣніе навсегда оставляло мѣстность, улетѣвъ въ видѣ ворона. *Примѣч. перев.*

— Васъ приглашаютъ въ лѣсной холмъ сегодня же ночью!— сказала она.—Но сначала я попросила бы васъ оказать намъ большую услугу—оповѣстить остальныхъ приглашенныхъ. Надо же быть чѣмъ-нибудь полезнымъ,—своего хозяйства у васъ, вѣдь, нѣтъ! Мы ждемъ очень важныхъ чужеземцевъ, троллей съ большимъ вѣсомъ, и нашъ лѣсной царь не хочетъ ударить лицомъ въ грязь.

— Кого же приглашать?—спросилъ ночной воронъ.

— На большой балъ могутъ явиться всѣ и каждый, даже люди, если только они ходятъ или говорятъ во снѣ—вообще отличаются чѣмъ-нибудь въ нашемъ родѣ. Званый обѣдъ—дѣло другое, тутъ надо выбирать, да выбирать. Общество должно быть самое избранное! Я ужъ и то спорила съ лѣснымъ царемъ насчетъ привидѣній:—по моему, и ихъ нельзя допускать! Прежде всего придется, конечно, позвать морского царя съ дочерьми; они не очень-то любятъ выходить на сушу, ну, да ничего, мы посадимъ ихъ на мокрый камень, или еще что-нибудь придумаемъ—надѣюсь не откажутся! Потомъ надо позвать всѣхъ старыхъ троллей перваго класса, съ хвостами, затѣмъ водяныхъ и домовыхъ, и наконецъ, я думаю, нельзя обойти приглашеніемъ могильную свинью, мертвую лошадь*) и церковнаго карлика: они все-таки въ близкомъ родствѣ съ нами и часто навѣщаютъ насъ.

— Карръ! — крикнулъ ночной воронъ и полетѣлъ приглашать.

Дочери лѣсного царя уже плясали на лѣсномъ холмѣ съ длинными прозрачными шарфами въ рукахъ. Шарфы были сотканы изъ тумана и луннаго свѣта,—это очень красиво по мнѣнію тѣхъ, кому такія вещи нравятся. Парадная зала лѣсного холма была разубрана на славу: полъ вымытъ луннымъ свѣтомъ, а стѣны натерты вѣдьминымъ саломъ, такъ что блестѣли при свѣчахъ не хуже лепестковъ тюльпана. Въ кухнѣ жарились на вертѣлахъ сотни жирныхъ лягушекъ, готовились ужиныя шкурки съ начинкой изъ дѣтскихъ пальчиковъ и салатъ изъ мухоморовъ, сырыхъ мышиныхъ мордочекъ и бѣлены. Пиво

*) По народному датскому повѣрью, подъ каждою вновь строющеюся церковью слѣдовало зарывать живую лошадь или свинью. Привидѣнія этихъ животныхъ, бродящія по ночамъ вокругъ человѣческихъ жилищъ и предвѣщающія смерть кого-либо изъ живущихъ въ нихъ, и называются мертвою лошадью и могильною свиньей. *Примѣч. перев.*

было взято съ завода самой бабы-болотницы*), а искрометное селитряное вино добыто изъ могильныхъ склеповъ; словомъ, все было какъ слѣдуетъ. Къ дессерту готовились груды ржавыхъ гвоздей и осколковъ церковныхъ стеколъ.

Старый лѣсной царь велѣлъ вычистить свою золотую корону толченымъ грифелемъ; для этого нужно было добыть грифеля первыхъ учениковъ, а это для лѣсного царя очень трудно! Въ спальнѣ повѣсили занавѣски и прикрѣпили ихъ слюной ужа. Вотъ возня-то была!

— Теперь остается только покурить здѣсь волосомъ и щетиной, и—мое дѣло сдѣлано!—сказала старая лѣсная дѣва.

— Папаша!—заговорила самая младшая дочка.—Скажи же, наконецъ, кто такіе эти важные гости!

— Такъ и быть,—отвѣчалъ лѣсной царь:—скажу! Двѣ изъ моихъ дочерей должны быть наготовѣ! Двѣ ужъ непремѣнно выйдутъ замужъ. Старый норвежскій тролль, тотъ, что живетъ въ скалѣ Доврэ, владѣлецъ множества гранитныхъ дворцовъ и золотыхъ розсыпей — они у него лучше, чѣмъ думаютъ — ѣдетъ сюда женить двухъ своихъ сыновей. Старый тролль — настоящій норвежецъ, веселый и прямой! Я давно его знаю, мы даже пили съ нимъ на „ты", когда онъ пріѣзжалъ сюда жениться. Жена его ужъ умерла; она была дочь короля мѣловыхъ утесовъ на Мэнѣ. Ахъ, какъ мнѣ хочется поскорѣе увидать стараго тролля! Сыновья-то у него, какъ слышно, не задались, задиры какіе-то, неотесанные. Ну, да это, можетъ быть, такъ, пустые слухи; къ тому же они еще поисправятся съ годами! Надѣюсь, что вы сумѣете вышколить ихъ!

— А когда они будутъ здѣсь?—спросила одна изъ дочерей.

— Смотря по погодѣ и по вѣтру!—сказалъ лѣсной царь.— Они очень разсчетливы и ѣдутъ моремъ съ оказіей. Я было совѣтовалъ имъ ѣхать черезъ Швецію, но старикъ до сихъ поръ еще косится на ту сторону. Онъ немножко отсталъ отъ вѣка, и вотъ это мнѣ не нравится!

Вдругъ къ нимъ припустились во всю прыть два сторожевыхъ блуждающихъ огонька,—одинъ былъ попроворнѣе и прибѣжалъ первымъ.

— Ѣдутъ, ѣдутъ!—кричали они.

*) „Баба-болотница варитъ пиво"— говорятъ датчане при видѣ подымающагося надъ болотами тумана. *Примѣч. перев.*

— Подайте мнѣ мою корону и пустите меня на лунный свѣтъ!—сказалъ лѣсной царь.

Дочери высоко подняли свои шарфы и присѣли чуть не до земли.

Старый тролль былъ въ коронѣ изъ ледяныхъ сосулекъ и полированныхъ еловыхъ шишекъ, въ медвѣжьей шубѣ и мѣховыхъ сапогахъ. А сыновья его, здоровенные малые, ходили, напротивъ, на распашку, съ голыми шеями и безъ подтяжекъ.

— Развѣ это холмъ?—спросилъ младшій, указывая пальцемъ на лѣсной холмъ.—По нашему, по-норвежски, это—дыра!

— Вотъ такъ молодцы!—сказалъ старый тролль.—Дыра идетъ внизъ, а холмъ вверхъ! Что-жъ вы ослѣпли, что-ли?

Особенно удивляло молодцовъ, по ихъ словамъ, то, что они такъ скоро выучились понимать здѣшній языкъ.

— Ну, ну, только не представляйтесь, пожалуйста!—сказалъ имъ отецъ.—Право, можно подумать, что вы малолѣтки!

Потомъ всѣ вошли въ лѣсной холмъ, гдѣ, грѣхъ пожаловаться, собралось самое избранное общество, да еще собралось такъ скоро, точно ихъ всѣхъ вѣтромъ намело! Каждому было приготовлено особое удобное мѣстечко; морскіе гости сидѣли за столомъ въ большихъ чанахъ съ водой и чувствовали себя совсѣмъ какъ дома. Всѣ вели себя за столомъ очень прилично, кромѣ молодыхъ норвежцевъ-троллей. Они положили ноги на столъ, думая, что у нихъ все выходитъ мило.

— Ноги долой!—сказалъ старый тролль, и они послушались, хоть и не сразу.

Своихъ сосѣдокъ за столомъ они щекотали еловыми шишками,—у нихъ были полные карманы этихъ шишекъ—потомъ сняли съ себя, для удобства, сапоги и дали ихъ держать дамамъ. Старый тролль велъ себя совсѣмъ не такъ: онъ разсказывалъ чудеснѣйшія исторіи о величественныхъ норвежскихъ скалахъ, о пѣнящихся водопадахъ, которые, съ гуломъ и ревомъ, подобными раскатамъ грома и звукамъ органа, низвергаются въ пучину; разсказывалъ о лососяхъ, что прыгаютъ и борются съ теченіемъ подъ звуки золотой арфы духа водопада; разсказывалъ о звѣздныхъ зимнихъ ночахъ, когда весело звенятъ упряжные бубенчики, а молодые парни бѣгаютъ съ горящими смоляными факелами по гладкому льду, до того прозрачному, что видно, какъ подъ нимъ мечутся испуганныя рыбы. Да, умѣлъ таки онъ разска-

зывать! Слушатели словно видѣли и слышали все сами: водопады и водяныя мельницы шумѣли, деревенскіе парни и дѣвушки пѣли и плясали... Тра-ла-ла! И старый тролль такъ расходился, что вдругъ чмокнулъ старую лѣсную дѣвушку, точно старый дядюшка, а они вовсе и родственниками-то не были!

Потомъ дочерей лѣсного царя заставили танцовать. Онѣ прекрасно исполнили нѣсколько танцевъ и простыхъ, и съ притопываньемъ и, наконецъ, должны были протанцовать новый, самый мудреный, подъ названіемъ „танецъ безъ танцевъ“.

Эхъ ты ну! какъ онѣ пошли вытягивать ножки и вертѣться! Гдѣ начало, гдѣ конецъ, гдѣ рука, гдѣ нога—ничего не разберешь, точно снѣжинки вихремъ закрутило! Подъ конецъ онѣ такъ закружились, что мертвую лошадь стошнило, и она принуждена была выйти изъ-за стола.

— Брръ!—сказалъ старый тролль.—Вотъ такъ работа ножками! А что онѣ умѣютъ дѣлать еще, кромѣ пляски, вытягиванья ножекъ и головокруженья?

— А вотъ сейчасъ узнаешь!—сказалъ лѣсной царь и вызвалъ самую младшую дочь; она была тонка и прозрачна, какъ лунный свѣтъ; это была самая нѣжная и изящная изъ всѣхъ сестеръ; о взяла въ ротъ бѣлый прутикъ и — глядь-поглядь— нѣтъ ея, исчезла безъ слѣда! Вотъ было и все ея искусство.

Но старый тролль сказалъ, что такое искусство въ женѣ ему вовсе не по вкусу, да и сыновьямъ его наврядъ-ли.

Вторая умѣла ходить сбоку самой себя,—выходило точно у нея была своя тѣнь, а у троллей и духовъ ея, вѣдь, не бываетъ!

Третья сестра была совсѣмъ иного склада: она обучалась варить пиво у самой бабы-болотницы и отлично умѣла шпиговать болотныя кочки свѣтляками.

— Изъ нея выйдетъ отличная хозяйка!—сказалъ старый тролль и чокнулся взглядомъ,—онъ не хотѣлъ больше пить.

Четвертая вышла съ золотою арфой въ рукахъ, ударила по одной струнѣ, и всѣ должны были поднять лѣвую ногу,— тролли и духи всѣ, вѣдь, лѣвши — ударила по другой, и всѣ должны были плясать подъ ея музыку.

— Опасная особа!—сказалъ старый тролль, а молодые тролли взяли да ушли изъ зала,—имъ ужъ надоѣло все это.

— А слѣдующая, что умѣетъ?—спросилъ старый тролль.

— Любить все норвежское!—сказала та.—Я выйду замужъ только за норвежца.

А самая младшая сестрица шепнула въ это время старому троллю на ухо:

— Это она узнала изъ одной норвежской пѣсни, что при свѣтопредставленіи, когда все рушится, уцѣлѣютъ будто бы однѣ норвежскія скалы. Вотъ ей и хочется попасть въ Норвегію; она страсть боится погибнуть.

— Эге!—сказалъ старый тролль.—Вотъ оно что! А седьмая и послѣдняя что умѣетъ?

— Передъ седьмой есть еще шестая!—сказалъ старый лѣсной царь,—онъ умѣлъ считать.

Но шестая не хотѣла даже показаться.

— Я умѣю только говорить правду въ глаза!—сказала она.—Поэтому я никому не нужна, да и дѣла у меня по горло: я шью себѣ погребальный саванъ!

Теперь дошла очередь и до седьмой. Что же она умѣла? Да она умѣла разсказывать сказки о чемъ угодно и сколько угодно.

— Вотъ тебѣ мои пять пальцевъ!—сказалъ старикъ-тролль.—Раскажи мнѣ сказку о каждомъ!

И она взяла его руку и принялась разсказывать, а онъ смѣялся до коликъ. Когда же она дошла до „Златоперста", украшеннаго золотымъ кольцомъ, словно въ ожиданіи обрученія, старикъ сказалъ:

— Стой! Держи его крѣпче! Рука эта—твоя! На тебѣ я самъ женюсь!

Сказочница возразила, что онъ еще не дослушалъ о „Златоперстѣ" и о „Петрушкѣ-Бездѣльникѣ!"

— Зимой дослушаемъ!—сказалъ старый тролль.—Послушаемъ тогда и о нихъ, и объ елкѣ, и о березкѣ, и о трескучихъ морозахъ! Тебѣ предстоитъ отличиться у насъ; тамъ, въ Норвегіи, никто не умѣетъ такъ разсказывать! Мы будемъ сидѣть въ горной пещерѣ, при свѣтѣ сосновыхъ лучинъ, и пить медъ изъ золотыхъ роговъ викинговъ. Рѣчной духъ подарилъ мнѣ парочку такихъ роговъ. И самъ онъ придетъ къ намъ въ гости и споетъ тебѣ всѣ пѣсни горныхъ пастушекъ. Вотъ веселье-то пойдетъ у насъ! Лососи запрыгаютъ въ струяхъ водопада и будутъ биться о стѣны; только не попасть имъ къ намъ! Эхъ! Хорошо въ нашей старой, славной Норвегіи!.. А гдѣ-же мои молодцы?

Да, куда же они дѣвались? Они бѣгали по полю и заду-

вали блуждающіе огоньки, которые такъ любезно явились участвовать въ факельномъ шествіи.

— Что вы шляетесь? — сказалъ старый тролль. — Я вотъ взялъ вамъ мать, а вы можете взять за себя которую нибудь изъ тетокъ.

Но молодцы сказали, что имъ больше нравится пить на „ты“ и говорить рѣчи, а жениться вовсе не хочется. И вотъ, они говорили рѣчи, пили на „ты“ и потомъ опрокидывали кубки себѣ на ноготь,—это значило, что въ нихъ не осталось ни капли. Наконецъ, они сняли съ себя кафтаны и растянулись на столѣ отдыхать; они нисколько не стѣснялись. А старый тролль пустился съ своею молодою невѣстой въ плясъ, и потомъ помѣнялся съ ней сапогами, — это, поновѣе, чѣмъ мѣняться кольцами!

— Чу! Запѣлъ пѣтухъ! — сказала старая ключница. — Пора закрыться, чтобы солнце не испекло насъ.

И холмъ закрылся.

А по стволу гнилого дерева бѣгали взадъ и впередъ ящерицы и тараторили:

— Ахъ, какъ мнѣ понравился старый норвежскій тролль!

— По моему, молодежь лучше!—сказалъ дождевой червякъ, но, вѣдь, онъ былъ слѣпъ, жалкая тварь!

КРАСНЫЕ БАШМАКИ.

Жила-была дѣвочка, премиленькая, прехорошенькая, но очень бѣдная, и лѣтомъ ей приходилось ходить босикомъ, а зимою въ грубыхъ деревянныхъ башмакахъ, которые ужасно натирали ей ножки.

Въ деревнѣ жила старушка-башмачница. Вотъ она взяла да и сшила, какъ умѣла, изъ обрѣзковъ краснаго сукна пару башмачковъ. Башмаки вышли очень неуклюжіе, но сшиты были съ добрымъ намѣреніемъ,—башмачница подарила ихъ бѣдной дѣвочкѣ. Дѣвочку звали Каренъ.

Она получила и обновила красные башмаки какъ разъ въ день похоронъ своей матери. Нельзя сказать, чтобы они годились для траура, но другихъ у дѣвочки не было; она надѣла ихъ прямо на голыя ножки и пошла за убогимъ соломеннымъ гробомъ.

Въ это время по деревнѣ проѣзжала большая старинная карета и въ ней важная старая барыня. Она увидала дѣвочку, пожалѣла ее и сказала священнику:

— Послушайте, отдайте мнѣ дѣвочку, я позабочусь о ней.

Каренъ подумала, что все это вышло, благодаря ея краснымъ башмакамъ, но старая барыня нашла ихъ ужасными и велѣла ихъ сжечь. Каренъ пріодѣли и стали учить читать и шить. Всѣ люди говорили, что она очень мила, зеркало же твердило: „Ты больше, чѣмъ мила, ты прелестна".

Въ это время по странѣ путешествовала королева съ своею маленькою дочерью, принцессой. Народъ сбѣжался ко дворцу; была тутъ и Каренъ. Принцесса, въ бѣломъ платьѣ, стояла у окошка, чтобы дать людямъ посмотрѣть на себя. У нея не было ни шлейфа, ни короны, зато на ножкахъ красовались чудесные, красные сафьяновые башмачки; нельзя было и сравнить ихъ съ тѣми, что сшила для Каренъ башмачница. Въ свѣтѣ не могло быть ничего лучше этихъ красныхъ башмачковъ!

Каренъ подросла и пора было ей конфирмоваться; ей сшили новое платье и собирались купить новые башмаки. Лучшій городской башмачникъ снялъ мѣрку съ ея маленькой ножки. Каренъ съ барыней сидѣли у него въ мастерской; тутъ же стоялъ большой шкафъ со стеклами, за которыми красовались прелестные башмачки и лакированные сапожки. Можно было залюбоваться на нихъ, только не старой барынѣ: она очень плохо видѣла. Между башмаками была и пара красныхъ, точь-въ-точь какъ тѣ, что красовались на ножкахъ принцессы. Ахъ, что за прелесть! Башмачникъ сказалъ, что они были заказаны для графской дочки, да не пришлись по ногѣ.

— Это, вѣдь, лакированная кожа?—спросила старая барыня.—Они блестятъ!

— Да, блестятъ!—отвѣтила Каренъ.

Башмачки были примѣрены, оказались впору, и ихъ купили. Но старая барыня не знала, что они красные,—она бы никогда не позволила Каренъ идти конфирмоваться въ красныхъ башмакахъ, а Каренъ какъ разъ такъ и сдѣлала.

Всѣ люди въ церкви смотрѣли на ея ноги, когда она проходила на свое мѣсто. Ей же казалось, что и старые портреты умершихъ пасторовъ и пасторшъ, въ длинныхъ черныхъ одѣяніяхъ и плоеныхъ круглыхъ воротничкахъ, тоже уставились на ея красные башмаки. Сама она только о нихъ ду-

мала, даже въ то время, когда священникъ возложилъ ей на голову руки и сталъ говорить о святомъ крещеніи, о союзѣ съ Богомъ и о томъ, что она становится теперь взрослой христіанкой. Торжественные звуки церковнаго органа и мелодичное пѣніе чистыхъ дѣтскихъ голосовъ наполняли церковь, старый регентъ подтягивалъ дѣтямъ, но Каренъ думала только о своихъ красныхъ башмакахъ.

Послѣ обѣдни старая барыня узнала отъ другихъ людей, что башмаки были красные, объяснила Каренъ, какъ это гадко и неприлично, и велѣла ей ходить въ церковь всегда въ черныхъ башмакахъ, хотя бы и въ старыхъ.

Въ слѣдующее воскресенье надо было идти къ причастію. Каренъ взглянула на красные башмаки, взглянула на черные, опять на красные и—надѣла ихъ.

Погода была чудная, солнечная; Каренъ со старой барыней прошли по тропинкѣ черезъ поле; было немного пыльно.

У церковныхъ дверей стоялъ, опираясь на костыль, старый солдатъ съ длинною, странною бородой: она была скорѣе рыжая, чѣмъ сѣдая. Онъ поклонился имъ чуть не до земли и попросилъ старую барыню позволить ему смахнуть пыль съ ея башмаковъ. Каренъ тоже протянула ему свою маленькую ножку.

— Ишь, какіе славные бальные башмачки!—сказалъ солдатъ.—Сидите крѣпко, когда запляшете!

И онъ хлопнулъ рукой по подошвамъ.

Старая барыня дала солдату скиллингъ и вошла вмѣстѣ съ Каренъ въ церковь.

Всѣ люди въ церкви опять глядѣли на ея красные башмаки, всѣ портреты тоже. Каренъ преклонила колѣни передъ алтаремъ, и золотая чаша приблизилась къ ея устамъ, а она думала только о своихъ красныхъ башмакахъ,—они словно плавали передъ ней въ самой чашѣ. И Каренъ забыла пропѣть псаломъ, забыла прочесть „Отче Нашъ“.

Народъ сталъ выходить изъ церкви; старая барыня сѣла въ карету, Каренъ тоже поставила было ногу на подножку, какъ вдругъ возлѣ нея очутился старый солдатъ и сказалъ:

— Ишь, какіе славные бальные башмачки!

Каренъ не удержалась и сдѣлала нѣсколько па, а тутъ ужъ ноги ея пошли плясать сами собою, точно башмаки имѣли какую-то волшебную силу. Каренъ неслась все дальше и дальше, обогнула церковь и все не могла остановиться. Кучеру

пришлось бѣжать за нею въ догонку, взять ее на руки и посадить въ карету. Каренъ сѣла, а ноги ея все продолжали приплясывать, такъ что доброй старой барынѣ досталось не мало пинковъ. Пришлось, наконецъ, снять башмаки, и ноги успокоились.

Пріѣхали домой; Каренъ поставила башмаки въ шкафъ, но не могла не любоваться на нихъ.

Старая барыня захворала, и сказали, что она не проживетъ долго. За ней надо было ходить, а кого же это дѣло касалось ближе, чѣмъ Каренъ. Но въ городѣ давался большой балъ, и Каренъ пригласили. Она посмотрѣла на старую барыню, которой все равно было не жить, посмотрѣла на красные башмаки—развѣ это грѣхъ?—потомъ надѣла ихъ—и это, вѣдь, не бѣда—а потомъ... отправилась на балъ и пошла танцовать.

Но вотъ она хочетъ повернуть вправо — ноги несутъ ее влѣво, хочетъ сдѣлать кругъ по залѣ—ноги несутъ ее вонъ изъ залы, внизъ по лѣстницѣ, на улицу и за-городъ. Такъ доплясала она вплоть до темнаго лѣса.

Что-то засвѣтилось между верхушками деревьевъ. Каренъ подумала, что это мѣсяцъ, такъ какъ виднѣлось что-то похожее на лицо, но это было лицо стараго солдата съ рыжею бородой. Онъ кивнулъ ей и сказалъ:

— Ишь, какіе славные бальные башмачки!

Она испугалась, хотѣла сбросить съ себя башмаки, но они сидѣли крѣпко; она только изорвала въ клочья чулки; башмаки точно приросли къ ногамъ, и ей пришлось плясать, плясать по полямъ и лугамъ, въ дождь и въ солнечную погоду, и ночь, и день. Ужаснѣе всего было ночью!

Вотъ она очутилась на кладбищѣ; но всѣ мертвые спокойно спали въ своихъ могилахъ. У мертвыхъ найдется дѣло получше, чѣмъ пляска. Она хотѣла присѣсть на одной бѣдной могилѣ, поросшей дикою рябинкой, но не тутъ-то было! Ни отдыха, ни покоя! Она все плясала и плясала... Вотъ въ открытыхъ дверяхъ церкви стоитъ ангелъ въ длинномъ бѣломъ одѣяніи; за плечами у него были большія, спускавшіяся до самой земли, крылья. Лицо ангела было строго и серьезно, въ рукѣ онъ держалъ широкій блестящій мечъ.

— Ты будешь плясать!—сказалъ онъ.—Плясать, въ своихъ красныхъ башмакахъ, пока не поблѣднѣешь, не похоло-

дѣешь, не высохнешь какъ мумія! Ты будешь плясать отъ воротъ до воротъ и стучаться въ двери тѣхъ домовъ, гдѣ живутъ гордыя, тщеславныя дѣти; твой стукъ будетъ пугать ихъ! Будешь плясать, плясать!..

— Смилуйся!—вскричала Каренъ.

Но она уже не слышала отвѣта ангела,—башмаки повлекли ее въ калитку, за ограду кладбища, въ поле, по дорогамъ и тропинкамъ.

Разъ утромъ она пронеслась въ пляскѣ мимо знакомой двери; оттуда съ пѣніемъ псалмовъ выносили гробъ, украшенный цвѣтами. Тутъ она узнала, что старая барыня умерла, и ей показалось, что теперь она оставлена всѣми, проклята ангеломъ Господнимъ.

И она все плясала, плясала, даже темною ночью. Башмаки несли ее по камнямъ, сквозь лѣсную чащу и терновые кусты, колючки которыхъ царапали ее до крови. Такъ доплясала она до маленькаго уединеннаго домика, стоявшаго въ открытомъ полѣ. Она знала, что здѣсь живетъ палачъ, постучала пальцемъ въ оконное стекло и сказала:

— Выйди ко мнѣ! Сама я не могу войти къ тебѣ, я пляшу!

И палачъ отвѣчалъ:

— Ты, вѣрно, не знаешь, кто я? Я рублю головы дурнымъ людямъ, и топоръ мой, какъ вижу, дрожитъ!

— Не руби мнѣ головы!—сказала Каренъ.—Тогда я не успѣю покаяться въ своемъ грѣхѣ. Отруби мнѣ лучше ноги съ красными башмаками.

И она исповѣдала весь свой грѣхъ. Палачъ отрубилъ ей ноги съ красными башмаками,—пляшущія ножки понеслись по полю и скрылись въ чащѣ лѣса.

Потомъ палачъ придѣлалъ ей вмѣсто ногъ деревяшки, далъ костыли и выучилъ ее псалму, который всегда поютъ грѣшники. Каренъ поцѣловала руку, державшую топоръ, и пошла по полю.

— Ну, довольно я настрадалась изъ-за красныхъ башмаковъ!—сказала она.—Пойду теперь въ церковь, пусть люди увидятъ меня!

И она быстро направилась къ церковнымъ дверямъ; вдругъ передъ нею заплясали ея ноги въ красныхъ башмакахъ; она испугалась и повернула прочь.

Цѣлую недѣлю тосковала и плакала Каренъ горькими слезами; но вотъ настало воскресенье, и она сказала:

— Ну, довольно я страдала и мучилась! Право же я не хуже многихъ изъ тѣхъ, что сидятъ и величаются въ церкви!

И она смѣло пошла туда же, но дошла только до калитки,— тутъ передъ нею опять заплясали красные башмаки. Она опять испугалась, повернула обратно и отъ всего сердца покаялась въ своемъ грѣхѣ.

Потомъ она пошла въ домъ священника и попросилась въ услуженіе, обѣщая быть прилежной и дѣлать все, что сможетъ, безъ всякаго жалованья, изъ-за куска хлѣба и пріюта у добрыхъ людей. Жена священника сжалилась надъ ней и взяла ее къ себѣ въ домъ. Каренъ работала, не покладая рукъ, но была очень тиха и задумчива. Съ какимъ вниманіемъ слушала она по вечерамъ священника, читавшаго вслухъ Библію! Дѣти очень полюбили ее, но когда дѣвочки заговаривали при ней о нарядахъ и высказывали желаніе быть на мѣстѣ королевы, Каренъ печально качала головой.

Въ слѣдующее воскресенье всѣ собрались идти въ церковь; ее спросили, не пойдетъ-ли и она съ ними, но она только со слезами посмотрѣла на свои костыли. Всѣ отправились слушать слово Божіе, а она ушла въ свою коморку. Тамъ умѣщались только кровать, да стулъ; она сѣла и набожно стала читать псалтирь. Вдругъ вѣтеръ донесъ до нея звуки церковнаго органа. Она подняла отъ книги свое омоченное слезами лицо и воскликнула:

— Помоги мнѣ, Господи!

И вдругъ ее всю осіяло, какъ солнцемъ—передъ ней очутился ангелъ Господень въ бѣломъ одѣяніи, тотъ самый, котораго она видѣла въ ту страшную ночь у церковныхъ дверей. Но теперь въ рукахъ онъ держалъ не острый мечъ, а чудесную зеленую вѣтвь, усѣянную розами. Онъ коснулся ею потолка, и потолокъ поднялся высоко-высоко, а на томъ мѣстѣ, до котораго дотронулся ангелъ, заблистала золотая звѣзда. Затѣмъ ангелъ коснулся стѣнъ—онѣ раздались, и Каренъ увидѣла церковный органъ, старые портреты пасторовъ и пасторшъ и весь народъ; всѣ сидѣли на своихъ стульяхъ и пѣли псалмы. Что это, преобразилась-ли въ церковь узкая коморка бѣдной дѣвушки, или сама дѣвушка какимъ-то чудомъ перенеслась въ церковь?.. Каренъ сидѣла на своемъ стулѣ рядомъ съ домашними священника, и когда тѣ окончили псаломъ и увидали ее, то ласково кивнули ей, говоря:

— Ты хорошо сдѣлала, что тоже пришла сюда, Каренъ!

— По милости Божіей!—отвѣчала она.

Торжественные звуки органа сливались съ нѣжными дѣтскими голосами хора. Лучи яснаго солнышка струились въ окно прямо на Каренъ. Сердце ея такъ переполнилось всѣмъ этимъ свѣтомъ, миромъ и радостью, что разорвалось. Душа ея полетѣла вмѣстѣ съ лучами солнца къ Богу, и тамъ никто не спросилъ ее о красныхъ башмакахъ.

ПРЫГУНЫ.

Блоха, кузнечикъ и гусекъ-скакунокъ*) хотѣли разъ посмотрѣть, кто изъ нихъ выше прыгаетъ, и пригласили придти полюбоваться на такое диво весь свѣтъ и—кто тамъ еще захочетъ. Да, вотъ такъ прыгуны выступили передъ собраніемъ! Настоящіе прыгуны-молодцы!

— Я выдамъ свою дочку за того, кто прыгнетъ выше всѣхъ!—сказалъ король.—Обидно было бы такимъ молодцамъ прыгать задаромъ!

Сначала вышла блоха; она держала себя въ высшей степени мило и раскланялась на всѣ стороны: въ жилахъ ея текла дѣвичья кровь, и вообще она привыкла имѣть дѣло съ людьми, а это, вѣдь, что-нибудь да значитъ!

Потомъ вышелъ кузнечикъ; онъ былъ, конечно, потяжеловѣснѣе, но тоже очень приличенъ на видъ и одѣтъ въ зеленый мундиръ,—онъ и родился въ мундирѣ. Кузнечикъ говорилъ, что происходитъ изъ очень древняго рода, изъ Египта, и поэтому въ большой чести въ здѣшнихъ мѣстахъ: его взяли прямо съ поля и посадили въ трехъэтажный карточный домикъ, который былъ сдѣланъ изъ однѣхъ фигуръ, обращенныхъ лицевою стороной во внутрь; окна же и двери въ немъ были прорѣзаны въ туловищѣ червонной дамы.

— Я пою,—прибавилъ кузнечикъ:—да такъ, что шестнадцать здѣшнихъ сверчковъ, которые трещатъ съ самаго рожденья и все-таки не удостоились карточнаго домика, послушавъ меня, съ досады похудѣли больше прежняго!

*) Игрушка изъ грудной кости гуся. *Примѣч перев.*

И блоха и кузнечикъ полагали, такимъ образомъ, что достаточно зарекомендовали себя въ качествѣ приличной партіи для принцессы.

Гусекъ-скакунокъ не сказалъ ничего, но о немъ говорили, что онъ зато много думаетъ. А придворный песъ, какъ только обнюхалъ его, такъ и сказалъ, что гусекъ-скакунокъ изъ очень хорошаго семейства. Старый же придворный совѣтникъ, который получилъ три ордена за умѣніе молчать, увѣрялъ, что гусекъ-скакунокъ отличается пророческимъ даромъ: по его спинѣ можно узнать, мягкая или суровая будетъ зима, а этого нельзя узнать даже по спинѣ самого составителя календарей!

— Я пока ничего не скажу!—сказалъ старый король.— Но у меня свои соображенія!

Теперь оставалось только прыгать.

Блоха прыгнула, да такъ высоко, что никто и не видалъ — какъ, и потому стали говорить, что она вовсе не прыгала; но это было нечестно. Кузнечикъ прыгнулъ вдвое ниже и угодилъ королю прямо въ лицо, и тотъ сказалъ, что это очень гадко.

Гусекъ-скакунокъ долго стоялъ и думалъ; въ концѣ-концовъ подумали, что онъ вовсе не умѣетъ прыгать.

— Только бы ему не сдѣлалось дурно!—сказалъ придворный песъ и принялся опять обнюхивать его.

Прыгъ! и гусекъ-скакунокъ маленькимъ косымъ прыжкомъ очутился прямо на колѣняхъ у принцессы, которая сидѣла на низенькой золотой скамеечкѣ.

Тогда король сказалъ:

— Выше всего допрыгнуть до моей дочери,—въ этомъ, вѣдь, вся суть; но чтобы додуматься до этого, нужно быть головой, и гусекъ-скакунокъ доказалъ, что онъ—голова. И голова съ мозгами!

И гуську-скакунку досталась принцесса.

— Я все-таки выше всѣхъ прыгнула!—сказала блоха.— Но все равно, пусть остается при своемъ дурацкомъ гуськѣ съ палочкой и смолой! Я прыгнула выше всѣхъ, но на этомъ свѣтѣ надо имѣть крупное тѣло, чтобы тебя замѣтили!

И блоха поступила волонтеромъ въ чужеземное войско и, говорятъ, нашла тамъ смерть.

Кузнечикъ расположился въ канавкѣ и принялся пѣть о томъ, какъ идутъ дѣла на бѣломъ свѣтѣ. И онъ тоже говорилъ:

— Да, прежде всего тѣло! Одно тѣло!

И онъ затянулъ пѣсенку о своей печальной долѣ. Изъ его-то пѣсни мы и взяли эту исторію. Впрочемъ, она, пожалуй, и выдумана, хоть и напечатана.

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТЪ.

Видали-ли вы когда-нибудь старинный-старинный шкафъ, почернѣвшій отъ времени и весь изукрашенный рѣзьбою въ видѣ разныхъ завитушекъ, цвѣтовъ и листьевъ? Такой вотъ точно шкафъ—наслѣдство послѣ прабабушки—и стоялъ въ комнатѣ. Онъ былъ весь покрытъ рѣзьбой—розами, тюльпанами и самыми причудливыми завитушками. Между ними высовывались маленькія оленьи головы съ вѣтвистыми рогами, а по самой серединѣ былъ вырѣзанъ цѣлый человѣчекъ. На него невозможно было глядѣть безъ смѣха, да и самъ онъ преуморительно скалилъ зубы,—такую гримасу ужъ никакъ не назовешь улыбкою! У него были козлиныя ноги, маленькіе рожки на лбу и длинная борода. Дѣти звали его „оберъ-унтеръ-генералъ-комиссаръ-сержантъ Козлоногъ!“ Трудно и выговорить такое имя, и немногіе-то удостаиваются подобнаго титула, зато и вырѣзать такую фигуру стоило немалаго труда. Ну, да все-таки вырѣзали! Онъ вѣчно глядѣлъ на подзеркальный столикъ, гдѣ стояла прелестная фарфоровая пастушка. Башмачки на ней были вызолоченные, платьице слегка приподнято и подколото алой розой, на головкѣ красовалась золотая шляпа, а въ рукахъ пастушій посохъ. Ну, просто прелесть! Рядомъ съ нею стоялъ трубочистикъ, черный какъ уголь, но, впрочемъ, тоже изъ фарфора и самъ по себѣ такой же чистенькій и миленькій, какъ всякая фарфоровая статуетка; онъ, вѣдь, только представлялъ трубочиста, и мастеръ точно также могъ бы сдѣлать изъ него принца,—все равно!

Онъ премило держалъ въ рукахъ свою лѣстницу; личико у него было бѣлое, а щеки розовыя, какъ у барышни, и это было немножко неправильно, слѣдовало бы ему быть почернѣе. Онъ стоялъ рядомъ съ пастушкой; такъ ихъ поставили, такъ они и стояли; стояли, стояли, да и обручились: они были отличною парочкой, оба молоды, оба изъ одинаковаго фарфора, и оба одинаково хрупки.

Тутъ же стояла и еще одна кукла, въ три раза больше ихъ. Это былъ старый китаецъ съ кивающею головой. Онъ былъ

тоже фарфоровый и называлъ себя дѣдушкой маленькой пастушки, но доказать этого, кажется, не могъ. Онъ утверждалъ, что имѣетъ надъ ней власть и потому кивалъ головою оберъ-унтеръ-генералъ-комиссаръ-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Вотъ такъ мужъ у тебя будетъ!—сказалъ старый китаецъ пастушкѣ.—Я думаю даже, что онъ изъ краснаго дерева! Онъ сдѣлаетъ тебя оберъ-унтеръ-генералъ-комиссаръ-сержантшей! И у него цѣлый шкафъ серебра, не говоря уже о томъ, что лежитъ въ потаенныхъ ящичкахъ!

— Я не хочу въ темный шкафъ!—сказала пастушка.—Говорятъ, у него тамъ одиннадцать фарфоровыхъ женъ!

— Такъ ты будешь двѣнадцатой!—отвѣчалъ китаецъ.—Ночью, какъ только въ старомъ шкафу треснетъ, мы сыграемъ вашу свадьбу! Да, да, не будь я китайцемъ!

Тутъ онъ кивнулъ головой и заснулъ.

Пастушка плакала и смотрѣла на своего милаго.

— Право, я попрошу тебя,—сказала она:—бѣжать со мной, куда глаза глядятъ. Тутъ намъ нельзя оставаться!

— Твои желанія—мои!—отвѣтилъ трубочистикъ. Пойдемъ же скорѣе! Я думаю, что смогу прокормить тебя своимъ ремесломъ!

— Только бы намъ удалось спуститься со столика!—сказала она.—Я не успокоюсь, пока мы не будемъ далеко-далеко отсюда!

— Трубочистикъ успокоивалъ ее и указывалъ, куда лучше ступать ножкой, на какой выступъ или золоченую завитушку рѣзныхъ ножекъ стола. Лѣстница его тоже сослужила имъ немалую службу; такимъ образомъ, они благополучно спустились на полъ. Но, взглянувъ на старый шкафъ, они увидѣли тамъ страшный переполохъ. Рѣзные олени далеко-далеко вытянули впередъ головы съ рогами и мотали ими, а оберъ-унтеръ-генералъ-комиссаръ-сержантъ Козлоногъ высоко подпрыгнулъ и закричалъ старому китайцу:

— Бѣгутъ! Бѣгутъ!

Бѣглецы испугались немножко и поскорѣе шмыгнули въ ящикъ передоконнаго возвышенія*).

*) Въ Даніи окна обыкновенно помѣщаются довольно высоко отъ пола, поэтому передъ однимъ изъ нихъ устраивается иногда, для любителей смотрѣть на уличное движеніе, невысокій деревянный помостъ, на который и ставится стулъ. *Примѣч. перев.*

Тутъ лежали три-четыре неполныя колоды картъ и кукольный театръ; онъ былъ кое-какъ уставленъ и на сценѣ шло представленіе. Всѣ дамы: и бубновыя, и червонныя, и трефовыя, и пиковыя сидѣли въ первомъ ряду и обмахивались своими тюльпанами. Позади ихъ стояли валеты и старались показать, что они о двухъ головахъ—какъ и всѣ карты. Въ пьесѣ изображались страданія влюбленной парочки, которую разлучали. Пастушка заплакала: это была, вѣдь, точь-въ-точь ихъ собственная исторія.

— Нѣтъ, я не вынесу!—сказала она трубочисту.—Уйдемъ отсюда!

Но очутившись опять на полу, они увидали, что старый китаецъ проснулся и весь качался изъ стороны въ сторону,—внутри его катался свинцовый шарикъ.

— Ай, старый китаецъ идетъ къ намъ!—закричала пастушка и въ отчаяніи упала на свои тонкія фарфоровыя колѣнки.

— Стой, мнѣ пришла въ голову мысль!—сказалъ трубочистъ.—Видишь вонъ тамъ, въ углу, большую вазу съ сушеными душистыми травами и цвѣтами? Влѣземъ въ нее! Тамъ мы будемъ лежать на розахъ и лавандѣ, а если китаецъ подойдетъ къ намъ, засыплемъ ему глаза солью.

— Нѣтъ, это не годится!—сказала она.—Я знаю, что старый китаецъ и ваза были когда-то помолвлены, а въ такихъ случаяхъ всегда, вѣдь, сохраняются добрыя отношенія! Нѣтъ, намъ остается только пуститься по бѣлу-свѣту, куда глаза глядятъ!

— А хватитъ-ли у тебя мужества идти за мною всюду?—спросилъ трубочистъ.—Подумала-ли ты, какъ великъ свѣтъ? Подумала-ли о томъ, что намъ уже нельзя будетъ вернуться назадъ?

— Да, да!—отвѣчала она.

Трубочистъ пристально посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Моя дорога идетъ черезъ дымовую трубу! Хватитъ-ли у тебя мужества вскарабкаться со мной въ печку и пробраться по колѣнчатымъ переходамъ трубы? Тамъ-то ужъ я знаю, что мнѣ дѣлать! Мы заберемся такъ высоко, что насъ не достанутъ! Въ самомъ же верху есть дыра, черезъ нее можно выбраться на бѣлый свѣтъ!

И онъ повелъ ее къ печкѣ.

— Какъ тутъ черно!—сказала она, но все-таки полѣзла за нимъ въ печку и въ трубу, гдѣ было темно, какъ ночью.

— Ну, вотъ мы и въ трубѣ! — сказалъ онъ. — Смотри, смотри! Прямо надъ нами сіяетъ чудесная звѣздочка!

На небѣ и въ самомъ дѣлѣ сіяла звѣзда, точно указывая имъ дорогу. А они все лѣзли и лѣзли, выше да выше! Дорога была ужасная! Но трубочистъ поддерживалъ пастушку и указывалъ, куда ей удобнѣе и лучше ставить фарфоровыя ножки. Наконецъ, они достигли края трубы и усѣлись на нее,—они очень устали, и было отъ чего!

Небо, усѣянное звѣздами, было надъ ними, а всѣ домовыя крыши подъ ними. Съ этой высоты глазамъ ихъ открывалось огромное пространство. Бѣдная пастушка никакъ не думала, чтобы свѣтъ былъ такъ великъ. Она склонилась головкою къ плечу трубочистика и заплакала; слезы катились ей на грудь и разомъ смыли всю позолоту съ ея пояса.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!—сказала она.—Я не вынесу! Свѣтъ слишкомъ великъ! Ахъ, если бы я опять стояла на подзеркальномъ столикѣ! Я не успокоюсь, пока не вернусь туда! Я пошла за тобой, куда глаза глядятъ, теперь проводи же меня обратно, если любишь меня!

Трубочистъ сталъ ее уговаривать, напоминалъ ей о старомъ китайцѣ и объ оберъ-унтеръ-генералъ-комиссаръ-сержантѣ Козлоногѣ, но она только рыдала и крѣпко цѣловала своего милаго. Что ему оставалось дѣлать? Пришлось уступить, хотя и не слѣдовало.

И вотъ, они съ большимъ трудомъ спустились по трубѣ обратно внизъ; не легко это было! Очутившись опять въ темной печкѣ, они сначала постояли нѣсколько минутъ за дверцами, желая услышать, что творится въ комнатѣ. Тамъ было тихо, и они выглянули—ахъ! На полу валялся старый китаецъ: онъ свалился со стола, собираясь пуститься за ними въ догонку, и разбился на три части; спина такъ вся и отлетѣла прочь, а голова закатилась въ уголъ. Оберъ-унтеръ-генералъ-комиссаръ-сержантъ Козлоногъ стоялъ, какъ всегда, на своемъ мѣстѣ и раздумывалъ.

— Ахъ, какой ужасъ! — воскликнула пастушка.— Старый дѣдушка разбился въ куски, и мы всему виною! Ахъ, я не переживу этого!

И она заломила свои крошечныя ручки.

— Его можно починить!—сказалъ трубочистъ.—Его отлично можно починить! Только не горячись! Ему приклеятъ спину, а въ затылокъ забьютъ хорошую заклепку—онъ будетъ совсѣмъ какъ новый и успѣетъ еще надѣлать намъ много непріятностей.

— Ты думаешь?—спросила она.

И они опять вскарабкались на столикъ, гдѣ стояли прежде.

— Вотъ куда мы ушли! — сказалъ трубочистъ. — Стоило безпокоиться!

— Только бы дѣдушку починили!—сказала пастушка.—Или это очень дорого обойдется?

И дѣдушку починили: приклеили ему спину и забили хорошую заклепку въ шею; онъ сталъ какъ новый, только кивать головой больше не могъ.

— Вы что-то загордились съ тѣхъ поръ, какъ разбились!— сказалъ ему оберъ-унтеръ-генералъ-комиссаръ-сержантъ Козлоногъ.—А мнѣ кажется, тутъ нечѣмъ особенно гордиться! Что же, отдадутъ ее за меня или нѣтъ?

Трубочистъ и пастушка съ мольбой взглянули на стараго китайца,—они такъ боялись, что онъ кивнетъ, но онъ не могъ, хоть и не хотѣлъ въ этомъ признаться: не очень-то пріятно разсказывать всѣмъ и каждому, что у тебя въ затылкѣ заклепка! Такъ фарфоровая парочка и осталась стоять рядышкомъ. Пастушка и трубочистъ благословляли дѣдушкину заклепку и любили другъ друга, пока не разбились.

ГОЛЬГЕРЪ-ДАНСКЕ.

— Есть въ Даніи старинный замокъ—Кронборгъ; лежитъ онъ на самомъ берегу Зунда, и мимо него ежедневно проходятъ сотни кораблей: и англійскіе, и русскіе, и прусскіе. Всѣ они привѣтствуютъ старый замокъ пушечными выстрѣлами: бумъ! Изъ замка тоже отвѣчаютъ: бумъ! Это пушки говорятъ: „Здравія желаемъ!“ — „Спасибо!“ Зимой карабли не ходятъ, море замерзаетъ вплоть до самаго шведскаго берега, и устанавливается настоящая дорога. По ней развѣваются датскіе и шведскіе флаги, и шведы съ датчанами тоже говорятъ другъ другу: „Здравія желаемъ!“ и „Спасибо!“ но уже не пушечными выстрѣлами, а просто, дружески пожимая другъ другу руки, и одни посылаютъ на берегъ къ другимъ за булками и кренделями,—чужая ѣда всегда, вѣдь, слаще! Но лучше всего здѣсь это все-таки старинный Кронборгъ. Въ его глубокомъ, мрачномъ подземельѣ, куда никто не заглядываетъ, сидитъ Гольгеръ-Данске. Онъ весь закованъ въ желѣзо и сталь и подпираетъ голову могучими руками. Длин-

ная борода его крѣпко приросла къ мраморной доскѣ стола. Онъ спитъ и видитъ во снѣ все, что дѣлается въ Даніи. Каждый сочельникъ является къ нему ангелъ Господень и говоритъ, что все видѣнное имъ во снѣ—правда, и что онъ еще можетъ пока спать спокойно: Даніи не угрожаетъ никакая серьезная опасность. А настань эта грозная минута—старый Гольгеръ-Данске воспрянетъ, такъ что мраморная доска стола треснетъ, когда онъ потянетъ свою бороду. Онъ выйдетъ на волю и такъ ударитъ мечемъ, что громъ раздастся по всему свѣту.

Такъ разсказывалъ старый дѣдъ своему маленькому внуку, и мальчикъ зналъ, что все это правда,—разсказывалъ, вѣдь, самъ дѣдушка. Старикъ же, разсказывая, вырѣзывалъ изъ дерева большую фигуру самого Гольгера-Данске. Старый дѣдъ занимался вырѣзываніемъ фигуръ для украшенія кораблей, соотвѣтственно ихъ названіямъ. Теперь вотъ онъ вырѣзалъ Гольгера-Данске; герой съ длинною, сѣдою бородой стоялъ такъ прямо и гордо, держа въ одной рукѣ мечъ, а другою опираясь на датскій гербъ. Много еще разсказалъ старый дѣдъ о другихъ замѣчательныхъ мужахъ и женахъ Даніи, и подъ конецъ внуку стало казаться, будто и онъ знаетъ теперь не меньше самого Гольгера-Данске, который, вѣдь, видѣлъ все это только во снѣ. Головка мальчика была переполнена всѣми этими разсказами, и, улегшись въ постель, онъ крѣпко прижалъ свой подбородокъ къ подушкѣ, вообразивъ, что это у него борода, которая крѣпко приросла къ постели.

А старый дѣдъ все еще сидѣлъ за своею работой, вырѣзывая послѣднюю часть фигуры—датскій гербъ. Наконецъ, работа была кончена, онъ взглянулъ на нее и сталъ припоминать все, что когда-то читалъ, слышалъ и сейчасъ самъ разсказывалъ внуку; потомъ тряхнулъ головой, снялъ и протеръ очки, опять надѣлъ ихъ и промолвилъ:

— Да, въ мое время Гольгеръ-Данске, пожалуй, и не придетъ, но мальчуганъ, можетъ быть, увидитъ его и будетъ биться съ нимъ рядомъ, когда дѣло дойдетъ до серьезнаго!

Тутъ дѣдушка опять кивнулъ головой, не сводя глазъ съ фигуры; чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на своего Гольгера-Данске, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что работа ему очень удалась. Ему стало даже казаться, что фигура вдругъ покрылась красками, броня заблестѣла, сердца на датскомъ гербѣ стали больше и заалѣли, а львы съ золотыми коронами на головахъ запрыгали.

— Да, у насъ, датчанъ, лучшій гербъ въ мірѣ!—сказалъ старикъ.—Львы—эмблема силы, а сердца—кротости и любви!

Онъ взглянулъ на крайняго льва, и ему вспомнился Канутъ Великій, который приковалъ къ датскому трону великую Англію; взглянулъ на другого—вспомнился Вальдемаръ, который вновь собралъ Данію и покорилъ вендовъ; взглянулъ на третьяго—вспомнилась Маргарита, объединившая Данію, Швецію и Норвегію. И алыя сердца на гербѣ вдругъ стали еще ярче, каждое обратилось подъ конецъ въ движущееся пламя, и мысль старика послѣдовала за каждымъ.

Первое пламя привело его въ узкую, мрачную темницу, гдѣ сидѣла прекрасная плѣнница, дочь Христіана Четвертаго, Элеонора Ульфельдтъ*); пламя расцвѣло на ея груди розой и слилось съ сердцемъ этой лучшей, благороднѣйшей между датскими женами.

— Да, это сердце изъ датскаго герба!—проговорилъ старикъ.

И его мысли понеслись за пламенемъ второго сердца. Оно привело его къ морю. Пушки палили, корабли исчезали въ облакахъ дыма, и пламя обвило, какъ орденскою лентой, грудь адмирала Витфельда, который, ради спасенія датскаго флота, взорвалъ себя и свой корабль на воздухъ.

Третье пламя привело его къ жалкимъ хижинамъ Гренландіи. Тамъ проповѣдывалъ любовь и словомъ и дѣломъ миссіонеръ Гансъ Эгеде; пламя превратилось въ звѣзду на его груди, въ которой билось еще одно сердце изъ датскаго герба.

И мысли старика забѣжали впередъ четвертаго пламени,—онъ зналъ, куда оно приведетъ. Въ жалкой хижинѣ бѣдной крестьянки стоялъ Фредерикъ Шестой и чертилъ мѣломъ на балкѣ свое имя; пламя заколебалось на его груди, слилось съ его сердцемъ. Въ крестьянской хижинѣ его сердце стало однимъ изъ сердецъ датскаго герба. И старый дѣдъ отеръ глаза: онъ лично зналъ этого добраго короля Фредерика, съ серебристыми сѣдыми волосами и честными, голубыми глазами, и служилъ ему.

*) Любимая дочь короля Христіана IV; была замужемъ за однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства—Корфицемъ Ульфельдтомъ. Въ царствованіе брата Элеоноры, Фредерика III, Корфицъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и приговоренъ къ смертной казни, но успѣлъ бѣжать за-границу. За это пришлось поплатиться невинной женѣ его: ее заключили въ темницу, гдѣ она и провела 22 года, пока, наконецъ, не умерла ненавидѣвшая ее невѣстка, супруга короля, Софія-Амалія. *Примѣч. перев.*

Старикъ скрестилъ руки и задумался, молча глядя передъ собою. Тутъ подошла къ нему невѣстка и сказала, что уже поздно,—пора ему отдохнуть, да и ужинъ на столѣ.

— Но что за прелесть у тебя вышла, дѣдушка!—сказала она.—Гольгеръ-Данске и весь нашъ гербъ! Право, я какъ будто гдѣ-то видѣла это лицо!

— Нѣтъ, ты-то не видала!—отвѣтилъ старый дѣдъ.—А вотъ я такъ видѣлъ, по памяти и вырѣзалъ его. Это было, когда англичане стояли у насъ на рейдѣ, второго апрѣля 1801 г., и когда мы всѣ опять почувствовали себя прежними молодцами-датчанами! Я былъ на „Даніи", въ эскадрѣ Стенъ Билля, и рядомъ со мною стоялъ матросъ. Право, ядра словно боялись его! Онъ весело распѣвалъ старинныя пѣсни, безъ устали заряжалъ орудія и стрѣлялъ. Нѣтъ, что тамъ ни говори—это былъ не простой смертный! Я еще вижу передъ собою его лицо, но откуда онъ былъ, куда дѣвался потомъ—никто не зналъ. Мнѣ часто приходило въ голову, что это былъ самъ старикъ Гольгеръ-Данске, который приплылъ къ намъ изъ Кронборга и помогъ въ часъ опасности. Вотъ я и вырѣзалъ его изображеніе.

Фигура бросала огромную тѣнь на стѣны и даже на потолокъ; казалось, что за нею стоялъ живой Гольгеръ-Данске,—тѣнь шевелилась, но это могло быть и оттого, что свѣча горѣла не совсѣмъ ровно. Невѣстка поцѣловала старика и повела его къ большому креслу; старикъ сѣлъ за столъ, сѣли и невѣстка съ мужемъ—сыномъ старика и отцомъ мальчугана, который былъ уже въ постели. Дѣдъ и за ужиномъ говорилъ о датскихъ львахъ и сердцахъ, о силѣ и кротости, объясняя, что есть и другая сила кромѣ той, что опирается на мечъ. При этомъ онъ указалъ на полку, гдѣ лежали старыя книги, между прочимъ всѣ комедіи Гольберга *). Какъ видно, ими тутъ зачитывались; онѣ, вѣдь, такія забавныя, а выведенныя въ нихъ лица и типы давней старины кажутся живыми и до сихъ поръ.

— Вотъ онъ тоже умѣлъ наносить удары!—сказалъ дѣдушка.—Онъ старался обрубать всѣ уродливости и угловатости людскія.—Затѣмъ старикъ кивнулъ на зеркало, за которымъ

*) Гольбергъ—„отецъ датской литературы"—геніальный датскій писатель; род. 1685 г. † 1754 г. *Примѣч. перев.*

былъ заткнутъ календарь и сказалъ: — Тихо-Браге*) тоже владѣлъ мечемъ, но онъ употреблялъ его не для того, чтобы проливать кровь, а чтобы проложить вѣрную дорогу между звѣздами небесными!.. А Торвальдсенъ, сынъ такого же простого рѣзчика, какъ *я*, Торвальдсенъ, котораго мы видѣли сами, сѣдой, широкоплечій старецъ, чье имя извѣстно всему свѣту! Вотъ онъ владѣлъ рѣзцомъ, умѣлъ рубить, а я только строгаю! Да, Гольгеръ-Данске является въ различныхъ видахъ, и слава Даніи гремитъ по всему свѣту! Выпьемъ же за здоровье Бертеля! **)

А мальчуганъ въ это время такъ ясно видѣлъ во снѣ старинный Кронборгъ, подземелье и самого Гольгера-Данске, сидящаго съ приросшею къ столу бородою. Онъ спитъ и видитъ во снѣ все, что совершается въ Даніи, видитъ и то, что дѣлается въ бѣдной комнаткѣ рѣзчика, слышитъ все, что тамъ говорится и киваетъ во снѣ головой:

— Да, только помните обо мнѣ, датчане! Только помните обо мнѣ! Я явлюсь въ часъ опасности!

А надъ Кронборгомъ сіяетъ ясный день; вѣтеръ доноситъ съ сосѣдней земли звуки охотничьихъ роговъ; мимо плывутъ корабли и здороваются: бумъ! бумъ! И изъ Кронборга отвѣчаютъ: бумъ! бумъ! Но Гольгеръ-Данске не просыпается, какъ громко ни палятъ пушки, — это, вѣдь, только „Здравія желаемъ!“ и „Спасибо!“ Не такая должна пойти пальба, чтобы разбудить его, но тогда ужъ онъ пробудится непремѣнно, — Гольгеръ-Данске еще силенъ!

ДѢВОЧКА СО СПИЧКАМИ.

Морозило, шелъ снѣгъ, на улицѣ становилось все темнѣе и темнѣе. Это было какъ разъ въ вечеръ подъ Новый Годъ. Въ этотъ-то холодъ и тьму по улицамъ пробиралась бѣдная дѣвочка съ непокрытою головой и босая. Она, правда, вышла изъ дома въ туфляхъ, но куда онѣ годились! Огромныя-преогромныя! Послѣднею ихъ носила мать дѣвочки, и онѣ слетѣли у малютки съ ногъ, когда она перебѣгала черезъ улицу,

*) Знаменитый датскій астрономъ; род. 1546 г. † 1601 г.
**) Имя Торвальдсена, славнаго датскаго скульптора, род. 1770 г. † 1844 г.
Примѣч. перев.

испугавшись двухъ мчавшихся мимо каретъ. Одной туфли она такъ и не нашла, другую же подхватилъ какой-то мальчишка и убѣжалъ съ ней, говоря, что изъ нея выйдетъ отличная колыбель для его дѣтей, когда они у него будутъ.

И вотъ, дѣвочка побрела дальше босая; ножонки ея совсѣмъ покраснѣли и посинѣли отъ холода. Въ старенькомъ передничкѣ у нея лежало нѣсколько пачекъ сѣрныхъ спичекъ; одну пачку она держала въ рукѣ. За цѣлый день никто не купилъ у нея ни спички; она не выручила ни гроша. Голодная, иззябшая, шла она все дальше, дальше... Жалко было и взглянуть на бѣдняжку! Снѣжныя хлопья падали на ея прекрасные, вьющіеся, бѣлокурые волосы, но она и не думала объ этой красотѣ. Во всѣхъ окнахъ свѣтились огоньки, по улицамъ пахло жареными гусями; сегодня, вѣдь, былъ канунъ Новаго года— вотъ объ этомъ она думала.

Наконецъ, она усѣлась въ уголкѣ, за выступомъ одного дома, съежилась и поджала подъ себя ножки, чтобы хоть немножко согрѣться. Но нѣтъ, стало еще холоднѣе, а домой она вернуться не смѣла: она, вѣдь, не продала ни одной спички, не выручила ни гроша—отецъ прибьетъ ее! Да и не теплѣе у нихъ дома! Только что крыша-то надъ головой, а то вѣтеръ такъ и гуляетъ по всему жилью, несмотря на то, что всѣ щели и дыры тщательно заткнуты соломой и тряпками. Ручонки ея совсѣмъ окоченѣли. Ахъ! одна крошечная спичка могла бы согрѣть ее! Если бы только она смѣла взять изъ пачки хоть одну, чиркнуть ею о стѣну и погрѣть пальчики! Наконецъ, она вытащила одну. Чиркъ! Какъ она зашипѣла и загорѣлась! Пламя было такое теплое, ясное, и когда дѣвочка прикрыла его отъ вѣтра горсточкой, ей показалось, что передъ нею горитъ свѣчка. Странная это была свѣчка: дѣвочкѣ чудилось, будто она сидитъ передъ большою желѣзною печкой съ блестящими мѣдными ножками и дверцами. Какъ славно пылалъ въ ней огонь, какъ тепло стало малюткѣ! Она вытянула было и ножки, но... огонь погасъ. Печка исчезла, въ рукахъ дѣвочки остался лишь обгорѣлый конецъ спички.

Вотъ она чиркнула другою; спичка загорѣлась, пламя ея упало прямо на стѣну, и стѣна стала вдругъ прозрачною, какъ кисейная. Дѣвочка увидѣла всю комнату, накрытый бѣлоснѣжною скатертью и уставленный дорогимъ фарфоромъ столъ, а на немъ жаренаго гуся, начиненнаго черносливомъ и яблоками.

Что за запахъ шелъ отъ него! Лучше же всего было то, что гусь вдругъ спрыгнулъ со стола и, какъ былъ съ вилкою и ножомъ въ спинѣ, такъ и побѣжалъ въ перевалку прямо къ дѣвочкѣ. Тутъ спичка погасла, и передъ дѣвочкой опять стояла одна толстая, холодная стѣна.

Она зажгла еще спичку и очутилась подъ великолѣпнѣйшею елкой, куда больше и нарядиѣе, чѣмъ та, которую дѣвочка видѣла въ сочельникъ, заглянувъ въ окошко дома одного богатаго купца. Елка горѣла тысячами огоньковъ, а изъ зелени вѣтвей выглядывали на дѣвочку пестрыя картинки, какія она видывала раньше въ окнахъ магазиновъ. Малютка протянула къ елкѣ обѣ ручонки, но спичка потухла, огоньки стали подыматься все выше и выше, и превратились въ ясныя звѣздочки; одна изъ нихъ вдругъ покатилась по небу, оставляя за собою длинный огненный слѣдъ.

— Вотъ, кто-то умираетъ! — сказала малютка.

Покойная бабушка, единственное любившее ее существо въ мірѣ, говорила ей: „Падаетъ звѣздочка—чья-нибудь душа идетъ къ Богу“.

Дѣвочка чиркнула объ стѣну новою спичкой; яркій свѣтъ озарилъ пространство, и передъ малюткой стояла вся окруженная сіяніемъ, такая ясная, блестящая, и въ то же время такая кроткая и ласковая, ея бабушка.

— Бабушка! — вскричала малютка: — Возьми меня съ собой! Я знаю, что ты уйдешь, какъ только погаснетъ спичка, уйдешь, какъ теплая печка, чудесный жареный гусь и большая, славная елка!

И она поспѣшно чиркнула всѣмъ остаткомъ спичекъ, которыя были у нея въ рукахъ, — такъ ей хотѣлось удержать бабушку. И спички вспыхнули такимъ яркимъ пламенемъ, что стало свѣтлѣе чѣмъ днемъ. Никогда еще бабушка не была такою красивою, такою величественною! Она взяла дѣвочку на руки, и онѣ полетѣли вмѣстѣ, въ сіяніи и въ блескѣ, высоко-высоко, туда, гдѣ нѣтъ ни холода, ни голода, ни страха—къ Богу!

Въ холодный утренній часъ, въ углу за домомъ, попрежнему сидѣла дѣвочка съ розовыми щечками и улыбкой на устахъ, но мертвая. Она замерзла въ послѣдній вечеръ стараго года; новогоднее солнце освѣтило маленькій трупъ. Дѣвочка сидѣла со спичками; одна пачка почти совсѣмъ обгорѣла.

— Она хотѣла погрѣться, бѣдняжка!—говорили люди.

Но никто и не зналъ, что̀ она видѣла, въ какомъ блескѣ вознеслась, вмѣстѣ съ бабушкой, къ новогоднимъ радостямъ на небо!

СЪ КРѢПОСТНОГО ВАЛА.

Осень; стоимъ на валу, устремивъ взоръ на волнующуюся синеву моря. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ паруса кораблей; вдали виднѣется высокій, весь облитый лучами вечерняго солнца, берегъ Швеціи. Позади насъ валъ круто обрывается; онъ обсаженъ великолѣпными раскидистыми деревьями; пожелтѣвшіе листья кружатся по вѣтру и усыпаютъ землю. У подножія вала мрачное строеніе, обнесенное деревяннымъ частоколомъ, за которымъ ходитъ часовой. Какъ тамъ темно и мрачно за этимъ частоколомъ! Но еще мрачнѣе въ самомъ зданіи, въ камерахъ съ рѣшетчатыми окнами. Тамъ сидятъ заключенные, тяжкіе преступники.

Лучъ заходящаго солнца падаетъ на голыя стѣны камеры. Солнце свѣтитъ и на злыхъ, и на добрыхъ! Угрюмый, суровый заключенный злобно смотритъ на этотъ холодный солнечный лучъ. Вдругъ на оконную рѣшетку садится птичка. И птичка поетъ для злыхъ и для добрыхъ! Пѣсня ея коротка: „квивитъ!"—вотъ и все! Но сама птичка еще не улетаетъ; вотъ она машетъ крылышками, чиститъ перышки, топорщится и взъерошиваетъ хохолокъ... Закованный въ цѣпи преступникъ смотритъ на нее, и — злобное выраженіе его лица мало-помалу смягчается, какое-то новое чувство, въ которомъ онъ и самъ хорошенько не отдаетъ себѣ отчета, наполняетъ его душу. Это чувство сродни солнечному лучу и аромату фіалокъ, которыхъ такъ много растетъ тамъ, на волѣ, весною!.. Чу! раздались жизнерадостные, мощные звуки охотничьихъ роговъ. Птичка улетаетъ, солнечный лучъ потухаетъ, и въ камерѣ опять темно; темно и въ сердцѣ преступника, но все же по этому сердцу скользнулъ солнечный лучъ, оно отозвалось на пѣніе птички. Не умолкайте же чудные звуки роговъ, раздавайтесь громче! Въ мягкомъ вечернемъ воздухѣ такая тишь; море недвижно, словно зеркальное.

ИЗЪ ОКНА БОГАДѢЛЬНИ.

Противъ зеленаго вала, огибающаго весь городъ*), находится большое красное зданіе; въ окнахъ его виднѣются цвѣточные горшки съ бальзаминами и мускусомъ. Обстановка въ домѣ самая неказистая, бѣдная, да и бѣдные люди живутъ тутъ. Это женская богадѣльня Вартоу.

Смотри, вотъ къ окну подходитъ старая дѣва, обрываетъ у бальзамина засохшіе листики и смотритъ на зеленый валъ, гдѣ рѣзвятся ребятишки. О чемъ она думаетъ? Прочесть ея мысли—передъ вами развернется цѣлая житейская драма.

Бѣдныя малютки! Какъ они рѣзвятся! Какія у нихъ розовенькія щечки, славные веселые глазки, хоть нѣтъ ни чулокъ, ни башмаковъ! Они пляшутъ по зеленому валу на томъ самомъ мѣстѣ, которое, по преданію, прежде все обваливалось, такъ что образовывалась яма. Въ эту-то яму заманили игрушками и цвѣтами невинное дитя и засыпали ее, пока дитя забавлялось. Съ тѣхъ поръ валъ пересталъ обваливаться и покрылся чудеснымъ дерномъ. Ребятишки не знаютъ объ этомъ преданіи, а то они, пожалуй, услыхали бы плачъ ребенка подъ землей, и роса на травѣ показалась бы имъ горючими слезами. Они не знаютъ и исторіи про короля Даніи**), который, проѣзжая по валу въ виду подступившаго непріятеля, клялся не покидать столицы и „умереть въ своемъ гнѣздѣ“. Тогда на валъ сбѣжались всѣ горожане—и мужчины, и женщины и принялись лить кипятокъ на головы враговъ, одѣтыхъ въ бѣлое и потому незамѣтно подкравшихся по снѣгу къ самому валу.

Весело ребятишкамъ!

Рѣзвись дѣвочка! Скоро придетъ время... счастливое время, настанетъ день конфирмаціи, и ты придешь сюда рука объ руку со сверстницами. На тебѣ бѣлое платье; не дешево обошлось оно твоей матери, хоть и перешито изъ стараго! На плечахъ у тебя красная шаль, которая спускается чуть не до полу,—зато видно, какая она большая... слишкомъ даже большая. Ты въ восторгѣ отъ своего наряда, и сердечко твое переполнено чувствомъ благодарности къ Творцу. А какъ хорошо

*) Прежде валъ дѣйствительно шелъ вокругъ всего Копенгагена, теперь же его почти весь срыли; на мѣстѣ прежняго вала разведены сады и бульвары.

**) Фредерикъ III. *Примѣч. перев.*

тутъ, на валу!.. Годы идутъ за годами; не мало приходится пережить и тяжелыхъ, мрачныхъ дней, но молодость, беретъ свое, и вотъ—у тебя уже есть женихъ. Ты и сама не знаешь, какъ это случилось! Вы встрѣчаетесь, ходите раннею весною на валъ и гуляете тутъ, прислушиваясь къ праздничному звону колоколовъ. Еще нѣтъ ни одной фіалки, но въ Розенборгскомъ саду одно дерево уже покрыто зелеными почками; передъ нимъ вы останавливаетесь... Дерево каждый годъ покрывается свѣжею листвой; не то съ сердцемъ человѣческимъ: его заволакиваютъ облака, куда больше и темнѣе тѣхъ, что покрываютъ сѣверное небо. Бѣдное дитя! Брачнымъ ложемъ твоего жениха становится гробъ, и ты остаешься старою дѣвой!

Теперь ты смотришь изъ окна богадѣльни на игры дѣтей и видишь, какъ повторяется твоя исторія!

Вотъ какая драма развертывается передъ умственнымъ взоромъ старой дѣвы, которая смотритъ на зеленый валъ, гдѣ сіяетъ солнышко, а краснощекіе ребятишки безъ чулокъ и башмаковъ рѣзвятся и ликуютъ, какъ птички небесныя.

СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ.

Слышали вы исторію о старомъ уличномъ фонарѣ? Она не то чтобы ужъ очень была забавна, но разокъ все-таки ее послушать можно. Такъ вотъ, былъ одинъ такой старый уличный фонарь; онъ честно несъ службу впродолженіи многихъ лѣтъ, но теперь его хотѣли уволить. Онъ зналъ, что сидитъ на столбѣ и освѣщаетъ улицу послѣдній вечеръ, и чувства его можно было сравнить съ чувствомъ старой балетной фигурантки, которая танцуетъ на сценѣ въ послѣдній разъ и знаетъ, что завтра ее сдадутъ въ архивъ. Фонарь съ ужасомъ ждалъ завтрашняго дня, — завтра онъ долженъ былъ явиться на смотръ въ ратушу и представиться „тридцати шести отцамъ города“, которые рѣшатъ, годенъ онъ еще къ службѣ или нѣтъ. Да, завтра рѣшится вопросъ: отправятъ-ли его свѣтить куда-нибудь въ предмѣстье на мостъ, или въ деревню на фабрику, или же прямо въ переплавку. Изъ него могло, вѣдь, выйти что угодно, но его ужасно мучила неизвѣстность: сохранитъ-ли онъ воспоминаніе о томъ, что былъ нѣкогда уличнымъ фонаремъ, или нѣтъ? Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, ему, во всякомъ случаѣ, придется раз-

статься съ ночнымъ сторожемъ и его женою, на которыхъ онъ смотрѣлъ какъ на родныхъ. Оба они — и фонарь и сторожъ поступили на службу въ одинъ день. Жена сторожа была таки въ тѣ времена горденька: проходя мимо фонаря, она удостаивала его взглядомъ только по вечерамъ; днемъ — никогда. А вотъ въ послѣдніе годы, когда они всѣ трое—и сторожъ, и жена его, и самъ фонарь уже состарились, она тоже стала ухаживать за нимъ, чистить лампу и наливать въ нее ворвань. Честные люди были эти старики, ни разу не обсчитали фонарь ни на одну капельку!

Такъ вотъ, фонарь освѣщалъ улицу послѣдній вечеръ, а завтра долженъ былъ отправиться въ ратушу. Эти двѣ мрачныя мысли не давали ему покоя, и можно поэтому судить, какъ онъ горѣлъ. Порою у него мелькали и другія мысли: онъ, вѣдь, многое видѣлъ, на многое пришлось ему пролить свѣтъ; въ этомъ отношеніи онъ стоялъ, пожалуй, выше самихъ „тридцати шести отцовъ города“; но онъ и не заговаривалъ объ этомъ: старый фонарь не хотѣлъ оскорблять никого, а тѣмъ болѣе своего высшаго начальства. Много-много чего помнилъ фонарь, и время-отъ-времени пламя его какъ-то порывисто вспыхивало, словно въ немъ шевелились такія мысли: „Да, и меня вспомнитъ кое-кто! Вотъ хоть бы тотъ красивый молодой человѣкъ... Много ужъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ! Онъ подошелъ ко мнѣ съ исписаннымъ листочкомъ розовой, тоненькой - претоненькой, золотообрѣзной бумажки. Письмо было написано такъ мило, какъ видно дамскою ручкой! Онъ прочелъ его два раза, поцѣловалъ и поднялъ на меня глаза, которые такъ и говорили: „Я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ!“ Да, только онъ, да я знали, что написала въ этомъ первомъ письмецѣ его возлюбленная. Я помню и еще одни глаза... Удивительно, какъ это мысли перескакиваютъ! По нашей улицѣ двигалась великолѣпная похоронная процессія; на бархатной колесницѣ везли въ гробу тѣло молодой, прекрасной женщины. Сколько тутъ было цвѣтовъ и вѣнковъ! Горѣла такая масса факеловъ, что мой свѣтъ совсѣмъ потерялся. За гробомъ шла масса людей, они заняли всю мостовую. Когда же факелы скрылись изъ виду, и я могъ оглядѣться вокругъ, я увидалъ еще одного человѣка. Онъ стоялъ у моего столба и плакалъ; никогда я не забуду того скорбнаго взгляда, который онъ вскинулъ на меня!“ И много еще о чемъ вспоминалъ старый уличный фонарь въ этотъ послѣдній вечеръ.

Часовой, смѣняющійся съ поста, все-таки знаетъ своего преемника, можетъ сказать ему слово-другое, фонарь же не зналъ своего, а то онъ тоже могъ бы дать ему кое-какія указанія насчетъ ненастной погоды, насчетъ того, какъ далеко заходятъ лучи мѣсяца на тротуаръ, и съ какой стороны, обыкновенно, дуетъ вѣтеръ.

На мостикѣ, перекинутомъ черезъ водосточную канавку, находились въ это время три особы, претендовавшія замѣстить фонарь; онѣ думали, что выборъ преемника зависитъ отъ самого фонаря. Одною изъ этихъ особъ была селедочная головка, свѣтящаяся въ темнотѣ. Она полагала, что ея появленіе на фонарномъ столбѣ поведетъ къ большой экономіи въ ворвани. Второю была гнилушка, которая тоже свѣтится и, по ея собственнымъ словамъ, даже ярче, чѣмъ сушеная треска; къ тому же она являлась послѣднимъ остаткомъ дерева, которое было когда-то красой всего лѣса. Третьимъ былъ Ивановъ червячекъ. Откуда онъ взялся—фонарь и понять не могъ, но червякъ былъ тутъ и тоже свѣтился, хотя гнилушка и селедочная головка клялись въ одинъ голосъ, что онъ свѣтитъ только въ извѣстное время, почему его и не слѣдовало имѣть въ виду.

Старый фонарь отвѣтилъ, что никто изъ нихъ не свѣтится настолько ярко, чтобы занять его мѣсто, но, конечно, они этому не повѣрили. Узнавъ же, что передача должности зависитъ не отъ самого фонаря, всѣ трое выразили живѣйшее удовольствіе,—онъ былъ, вѣдь, слишкомъ старъ, чтобы сумѣть сдѣлать вѣрный выборъ.

Въ это время изъ-за угла подулъ вѣтеръ и сказалъ фонарю:

— Что я слышу? Ты уходишь завтра? Это послѣдній вечеръ, что мы встрѣчаемся съ тобою здѣсь? Ну, такъ вотъ же тебѣ отъ меня подарокъ! Я провѣтрю твое мозговое помѣщеніе, такъ что ты не только будешь ясно и точно помнить все, что когда-либо слышалъ и видѣлъ самъ, но и видѣть воочію все, о чемъ будутъ разсказывать или читать при тебѣ другіе. Вотъ какъ свѣтло будетъ внутри тебя!

— Нѣтъ, право это ужъ черезчуръ много!—сказалъ старый фонарь.—Большое спасибо! Только бы меня не переплавили!

— До этого еще долго!—отвѣчалъ вѣтеръ.—Ну, сейчасъ я продую твою память! Если ты получишь много такихъ подарковъ, какъ мой, то проведешь старость еще очень и очень пріятно!

— Только бы меня не переплавили!—повторилъ фонарь.— Или ты и въ такомъ случаѣ ручаешься за мою память?

— Старый фонарь, будь же благоразуменъ!—сказалъ вѣтеръ и подулъ.—Въ эту минуту выглянулъ мѣсяцъ.—А вы что дадите?—спросилъ его вѣтеръ.

— Ничего!— отвѣчалъ мѣсяцъ.— Я, вѣдь, въ ущербѣ, да и фонари никогда не свѣтили за меня, а я всегда за нихъ.

И мѣсяцъ опять спрятался за тучи,—онъ не хотѣлъ, чтобы ему надоѣдали. Вдругъ на желѣзный колпачекъ фонаря упала дождевая капля, какъ будто бы съ крыши, но сама капля сказала, что явилась съ сѣраго облака и тоже была подаркомъ, да, пожалуй, даже самымъ лучшимъ.

— Я проточу тебя, и ты получишь способность проржавѣть, если пожелаешь, и разсыпаться прахомъ въ одну ночь!

Фонарю это показалось плохимъ подаркомъ, вѣтру тоже.

— Что же, никто не подаритъ ничего получше?—зашумѣлъ онъ изо всей мочи, и въ ту же минуту съ неба скатилась звѣздочка, оставивъ за собой длинный свѣтящійся слѣдъ.

— Это что?—вскричала селедочная головка.—Какъ будто звѣзда съ неба упала? И, кажется, прямо въ фонарь! Ну, если этой должности домогаются такія высокопоставленныя особы, намъ остается только раскланяться!

Такъ всѣ трое и сдѣлали. Старый же фонарь вдругъ вспыхнулъ какъ-то особенно ярко.

— Вотъ это чудесный подарокъ!— сказалъ онъ.— Ясныя звѣздочки, чуднымъ свѣтомъ которыхъ я всегда такъ любовался,—самъ я никогда не могъ свѣтить какъ онѣ, хоть это и было моимъ завѣтнымъ желаніемъ и стремленіемъ—эти чудныя звѣздочки замѣтили меня, бѣдный старый фонарь, и послали ко мнѣ одну изъ своихъ сестрицъ съ подаркомъ. Онѣ одарили меня способностью показывать все, что я помню и вижу самъ, тѣмъ, кого я люблю. А, вѣдь, всякое удовольствіе только тогда и бываетъ истиннымъ, полнымъ, когда можешь имъ подѣлиться съ другими!

— Весьма почтенная мысль!—сказалъ вѣтеръ.—Но ты не знаешь, что этотъ даръ въ тебѣ зависитъ отъ восковой свѣчки. Ты не можешь показать никому и ничего, если въ тебѣ не будетъ горѣть восковой свѣчки! Объ этомъ-то звѣзды и не подумали. По ихъ мнѣнію, все, что свѣтитъ, ужъ по крайней

мѣрѣ имѣетъ въ себѣ восковую свѣчку! Но теперь я усталъ, пора улечься! — прибавилъ вѣтеръ и улегся.

На другой день, — нѣтъ, черезъ него мы перескочимъ — въ слѣдующій вечеръ фонарь лежалъ въ креслѣ и гдѣ? — Въ комнатѣ стараго ночного сторожа. Старикъ попросилъ у „тридцати шести отцовъ города" въ награду за свою долгую, вѣрную службу... старый фонарь. Тѣ посмѣялись надъ его просьбой, но фонарь отдали, и вотъ, фонарь преважно лежалъ теперь въ креслѣ, возлѣ теплой печки и, право, точно выросъ, такъ что занималъ собою почти все кресло. Старички уже сидѣли за ужиномъ и ласково поглядывали на старый фонарь, который охотно посадили бы съ собой и за столъ. Конечно, они жили въ подвалѣ, аршина на два подъ землей, и, чтобы попасть въ ихъ коморку, надо было пройти черезъ вымощенный кирпичами корридоръ; зато въ самой коморкѣ было очень чисто, уютно и мило. Двери были обиты по краямъ полосками сукна, кровать пряталась за пологомъ, на окнахъ красовались занавѣски, а на подоконникахъ два диковинныхъ цвѣточныхъ горшка. Ихъ привезъ матросъ Христіанъ изъ Остъ или Вестъ-Индіи. Они были глиняные и изображали слоновъ безъ спины; вмѣсто спины изъ земли, которою слоны были наполнены, росли: въ одномъ — чудеснѣйшій лукъ-порей, а въ другомъ — цвѣтущая герань; первый слонъ былъ огородомъ старичковъ, второй — садомъ. На стѣнѣ висѣла большая раскрашенная картина; на ней былъ изображенъ „Вѣнскій Конгресъ"; тутъ передъ старичками красовались всѣ короли и государи заразъ. Старинные часы съ тяжелыми свинцовыми гирями тикали безъ умолку и вѣчно забѣгали впередъ, но „лучше идти впередъ, чѣмъ назадъ", говорили старички.

Они ужинали, а старый уличный фонарь лежалъ, какъ мы знаемъ, въ креслѣ, возлѣ теплой печки, и ему казалось, что весь свѣтъ перевернулся вверхъ дномъ. Но вотъ старый сторожъ взглянулъ на него и сталъ припоминать все, что они пережили вмѣстѣ въ дождь и въ непогоду, въ ясныя и короткія лѣтнія ночи, и въ снѣжныя мятели, когда такъ и тянетъ къ себѣ въ подвальчикъ, — фонарь пришелъ въ себя и увидалъ все это, какъ на яву.

Да, вѣтеръ таки славно вывѣтрилъ его мозговое помѣщеніе!

Старички были такіе работящіе, трудолюбивые: ни одинъ часъ не пропадалъ у нихъ задаромъ. По воскресеньямъ, послѣ обѣда, на столѣ появлялась какая-нибудь книжка, чаще всего

описаніе путешествія, и старикъ читалъ вслухъ объ Африкѣ, объ огромныхъ лѣсахъ и дикихъ слонахъ, которые бродили тамъ. Старушка слушала, поглядывая на глиняныхъ слоновъ, служившихъ цвѣточными горшками.

— Могу себѣ представить все это!—говорила она.

А фонарь отъ души желалъ, чтобы въ него вставили восковую свѣчку; тогда бы старушка воочію увидала все, какъ и самъ фонарь: и высокія деревья, перепутавшіяся густыми вѣтвями, и голыхъ черныхъ людей верхомъ на лошадяхъ, и цѣлыя стада слоновъ, мявшихъ своими толстыми, неуклюжими ногами высокій тростникъ и цѣлые кусты, какъ тоненькія былинки.

— Что проку въ моихъ способностяхъ, если во мнѣ нѣтъ восковой свѣчки!—вздыхалъ фонарь.—У моихъ хозяевъ только и есть, что ворвань, да сальныя свѣчи, а этого мало.

Разъ у старичковъ появилась и цѣлая куча восковыхъ огарковъ; самые большіе изъ нихъ были сожжены, а маленькими старушка вощила нитки, когда шила. Восковыя свѣчки теперь у стариковъ были, но имъ и въ голову не приходило вставить хоть одинъ огарочекъ въ фонарь.

— Ну, вотъ, я и лежу тутъ со всѣми моими рѣдкими способностями!—сказалъ фонарь.—Внутри у меня цѣлое богатство, а я не могу подѣлиться имъ! Ахъ, вы не знаете, что я могу превратить эти голыя стѣны въ роскошнѣйшіе обои, въ густые лѣса, во все, чего пожелаете! Да и гдѣ вамъ знать это!

Фонарь, впрочемъ, всегда лежалъ такой вымытый и вычищенный въ углу, на самомъ видномъ мѣстѣ. Люди, правда, называли его старымъ хламомъ, но старики не обращали на это вниманія,—они любили фонарь.

Разъ, въ день рожденія старика, старушка подошла къ фонарю, лукаво улыбнулась и сказала:

— Постой-ка, я сейчасъ устрою ему иллюминацію!

Фонарь задребезжалъ отъ радости, думая: „Наконецъ-то ихъ озарило!“ Но его налили ворванью, а о восковой свѣчкѣ не было и помину. Онъ горѣлъ весь вечеръ, но зналъ теперь, что самый лучшій даръ его останется въ немъ при такой жизни мертвымъ капиталомъ. И вотъ, пригрезилось ему,—съ такими способностями немудрено и грезить—будто бы старики умерли, а онъ попалъ въ переплавку. Фонарю было такъ же страшно, какъ въ тотъ разъ, когда ему предстояло явиться на смотръ въ ратушу. Но хотя онъ и обладалъ способностью

прожавѣть и разсыпаться впрахъ, когда пожелаетъ, онъ не сдѣлалъ этого, попалъ въ плавильную печь и превратился въ чудеснѣйшій желѣзный подсвѣчникъ въ видѣ ангела. Ангелъ держалъ въ одной рукѣ букетъ, и въ этотъ-то букетъ вставили восковую свѣчку, а самъ подсвѣчникъ занялъ мѣсто на зеленомъ сукнѣ письменнаго стола. Комната была очень уютна; всѣ полки были уставлены книгами, а стѣны увѣшаны роскошными картинами. Здѣсь жилъ поэтъ, и все, о чемъ онъ думалъ и писалъ, развертывалось передъ нимъ, какъ въ панорамѣ. Комната становилась то дремучимъ лѣсомъ, освѣщеннымъ солнцемъ, то лугами, гдѣ расхаживалъ аистъ, то палубой корабля, плывущаго по бурному морю...

— Ахъ, какія во мнѣ способности!—сказалъ старый фонарь, очнувшись отъ грезъ.—Право, мнѣ даже хочется попасть въ переплавку! Впрочемъ, нѣтъ! Пока живы старички— не надо! Они любятъ меня, каковъ я есть! Я имъ замѣняю ребенка. Они чистили меня, давали мнѣ ворвани, и мнѣ здѣсь живется не хуже, чѣмъ самому „конгрессу“ —а это, вѣдь, нѣчто очень важное!

И съ тѣхъ поръ фонарь обрѣлъ внутреннее спокойствіе; да старый, честный фонарь и заслуживалъ этого.

СОСѢДИ.

Право, можно было подумать, что въ пруду что-то случилось, а на самомъ-то дѣлѣ ровно ничего! Но всѣ утки, какъ тѣ, что преспокойно дремали на водѣ, такъ и тѣ, что опрокидывались на головы, хвостами кверху —онѣ, вѣдь, и это умѣютъ—вдругъ заспѣшили на берегъ; на влажной глинѣ отпечатались слѣды ихъ лапокъ, и вдали долго-долго еще слышалось ихъ кряканье. Вода тоже взволновалась, а всего за минуту передъ тѣмъ она стояла недвижно, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, каждое деревцо, каждый кустикъ, старый крестьянскій домикъ съ слуховыми оконцами и ласточкинымъ гнѣздомъ и большой розовый кустъ, въ полномъ цвѣту, росшій надъ водой у самой стѣны домика. Но все это стояло въ водѣ кверху ногами, какъ перевернутая картина. Когда же вода взволновалась, одно набѣжало на другое, и вся картина пропала. На водѣ тихо колыхались два перышка, оброненныхъ

утками, и вдругъ ихъ словно погнало и закрутило вѣтромъ. Но вѣтра не было, и скоро они опять спокойно улеглись на водѣ. Самая вода тоже мало-по-малу успокоилась, и въ ней опять ясно отразились домикъ съ ласточкинымъ гнѣздомъ подъ крышей и розовый кустъ со всѣми розами. Онѣ были чудо какъ хороши, но и сами того не знали, — никто, вѣдь, не говорилъ имъ этого. Солнышко просвѣчивало сквозь ихъ нѣжные, ароматные лепестки, и на сердечкѣ у розъ было такъ же хорошо, какъ бываетъ иногда въ минуты тихаго, счастливаго раздумья у насъ.

— Какъ хороша жизнь! — говорили розы. — Одного только хотѣлось бы намъ еще — поцѣловать теплое красное солнышко, да вонъ тѣ розы въ водѣ! Онѣ такъ похожи на насъ! Хотѣлось бы, впрочемъ, расцѣловать и тѣхъ миленькихъ нижнихъ птенчиковъ въ гнѣздѣ! Наверху надъ нами тоже сидятъ птенчики! Эти верхніе высовываютъ изъ гнѣзда головки и попискиваютъ! На нихъ нѣтъ еще перышекъ, какъ у ихъ отца съ матерью. Да, славные у насъ сосѣди и вверху, и внизу. Ахъ, какъ хороша жизнь!

Верхніе и нижніе птенчики — нижніе-то являлись только отраженіемъ верхнихъ — были воробьи; мать и отецъ ихъ — тоже. Они завладѣли прошлогоднимъ ласточкинымъ гнѣздомъ и расположились въ немъ, какъ у себя дома.

— Это утиныя дѣти плаваютъ по водѣ? — спросили воробышки, увидавъ утиныя перья.

— Ужъ коли спрашивать, такъ спрашивайте поумнѣе! — отвѣчала воробьиха-мать. — Не видите развѣ, что это — перья, живое платье, какое и я ношу, какое будетъ и у васъ, — только наше-то потоньше! Хорошо бы, впрочемъ, заполучить эти перышки въ гнѣздо, — они славно грѣютъ!.. А хотѣлось бы мнѣ знать, чего испугались утки? Что-нибудь да случилось тамъ, подъ водой: не меня же, вѣдь, онѣ испугались... хотя, положимъ, я сказала вамъ „пипъ“ довольно громко!.. Толстоголовыя розы должны были бы знать это, но онѣ никогда ничего не знаютъ, только глядятся на себя въ прудъ, да пахнутъ. Надоѣли мнѣ эти сосѣдки!

— Послушайте-ка этихъ милыхъ верхнихъ птенчиковъ! — сказали розы. — Они тоже начинаютъ пробовать голосъ! Они еще не умѣютъ, но скоро выучатся щебетать! Вотъ-то должно быть удовольствіе! Пріятно имѣть такихъ веселыхъ сосѣдей!

Въ это время къ пруду подскакала въ галопъ пара лоша-

дей; ихъ надо было поить. На одной изъ нихъ сидѣлъ верхомъ деревенскій парнишка; онъ поснималъ съ себя все, что было на немъ надѣто, кромѣ черной широкополой шляпы. Парнишка свисталъ, какъ птица, и въѣхалъ съ лошадьми въ самое глубокое мѣсто пруда. Проѣзжая мимо розоваго куста, онъ сорвалъ одну розу и заткнулъ за ленточку своей шляпы; теперь онъ воображалъ себя страсть какимъ нарияднымъ! Напоивъ лошадей, парнишка уѣхалъ. Остальныя розы глядѣли вслѣдъ уѣхавшей и спрашивали другъ друга:

— Куда это она отправилась?

Но никто не зналъ куда.

— Хотѣлось бы и мнѣ пуститься по бѣлу-свѣту! —сказали розы одна другой.—Но и тутъ у насъ тоже прекрасно! Днемъ грѣетъ солнышко, а ночью небо свѣтится еще ярче! Это видно сквозь маленькія дырочки, что на немъ!

Дырочками онѣ считали звѣзды,—розы, вѣдь, могли и не знать, что такое звѣзды.

— Мы оживляемъ весь домъ! —сказала воробьиха.—Кромѣ того, ласточкино гнѣздо приноситъ счастье, какъ говорятъ люди; поэтому они очень рады намъ! Но вотъ такой розовый кустище возлѣ самого дома только осаждаетъ на стѣны сырость. Надѣюсь, что его уберутъ отсюда, тогда на его мѣстѣ можетъ хоть вырости зерно! Розы служатъ, вѣдь, только для вида, да для запаха, много-много для украшенія шляпы! Я слыхала отъ моей матери, что онѣ каждый годъ опадаютъ, и тогда жена крестьянина собираетъ ихъ и пересыпаетъ солью, причемъ онѣ получаютъ уже какое-то французское имя,—я не могу его выговорить, да и не нуждаюсь въ этомъ! Потомъ ихъ кладутъ на горящіе уголья, чтобы онѣ хорошенько пахли. Вотъ и все; онѣ годны только для услажденія глазъ, да носа. Такъ-то!

Насталъ вечеръ; въ тепломъ воздухѣ заплясали комары и мошки, легкія облака окрасились пурпуромъ, и запѣлъ соловей. Пѣснь его неслась къ розамъ, и въ ней говорилось, что красота—солнечный лучъ, оживляющій весь міръ! Но розы думали, что соловей воспѣваетъ себя самого,—и почему бы имъ не думать этого? Имъ, вѣдь, и въ голову не приходило, что пѣсня могла относиться къ нимъ. Онѣ только простодушно радовались ей и думали: „А не могутъ-ли и всѣ воробышки стать соловьями?“

— Мы отлично понимаемъ, что̀ поетъ эта птица! — сказали

воробышки.—Только вотъ одно слово непонятно. Что такое „красота“?

— Такъ, пустое! Только для вида! — отвѣчала мать. — Тамъ, въ барской усадьбѣ, гдѣ у голубей свой домъ и гдѣ ихъ каждый день угощаютъ горохомъ и зернами—я ѣдала съ ними и вы тоже будете: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ, кто ты самъ—такъ вотъ, тамъ, во дворѣ, есть двѣ птицы съ зелеными шеями и съ хохолкомъ на головѣ. Хвостъ у нихъ можетъ раскрываться, и какъ раскроется—ну, что твое колесо, да еще весь переливается разными красками, просто глазамъ невтерпежъ. Зовутъ этихъ птицъ павлинами, и вотъ это-то и есть красота. Пообщипать бы ихъ немножко, такъ выглядѣли бы не лучше насъ! Ухъ! Я бы ихъ заклевала, не будь только онѣ такія огромныя!

— Я ихъ заклюю!—сказалъ самый маленькій, совсѣмъ еще голенькій, воробышекъ.

Въ домикѣ жила молодая чета—мужъ съ женою. Они очень любили другъ друга, оба были такіе бодрые, работящіе и въ домикѣ у нихъ было премило и преуютно. Каждое воскресное утро молодая женщина набирала цѣлый букетъ прекраснѣйшихъ розъ и ставила его, въ стаканѣ съ водою, на большой деревянный сундукъ.

— Вотъ я и вижу, что сегодня воскресенье!—говорилъ мужъ, цѣловалъ свою миленькую женку, потомъ оба усаживались рядышкомъ и, держа другъ друга за руки, читали вмѣстѣ утренній псаломъ. Солнышко свѣтило въ окошко на свѣжія розы въ водѣ и на молодую чету.

— Тошно и глядѣть-то на нихъ!—сказала воробьиха, заглянувъ изъ гнѣзда въ комнату, и улетѣла.

То же повторилось и въ слѣдующее воскресенье,—свѣжія розы, вѣдь, появлялись въ стаканѣ каждое воскресное утро: розовый кустъ цвѣлъ все также пышно. Воробышкамъ, которые уже успѣли опериться, тоже хотѣлось было полетѣть съ матерью, но воробьиха сказала имъ:

— Сидите дома!—и они остались сидѣть.

А она летѣла, летѣла, да какъ-то и попала ножкой въ силокъ изъ конскихъ волосъ, который прикрѣпили къ вѣткѣ мальчишки-птицеловы. Петля такъ и впилась воробьихѣ въ ногу, словно хотѣла перерѣзать ее. Вотъ была боль! А страхъ-то! Мальчишки подскочили и грубо схватили птицу.

— Простой воробей!—сказали они, но все-таки не выпустили птицы, а понесли ее къ себѣ во дворъ, угощая по носу щелчками всякій разъ, какъ она попискивала.

На дворѣ у нихъ стоялъ въ это время старичокъ, который занимался выдѣлкой мыла для бороды и для рукъ, въ шарикахъ и въ кускахъ. Старичокъ былъ такой веселый, вѣчно переходилъ съ мѣста на мѣсто, нигдѣ не жилъ подолгу. Онъ увидѣлъ у мальчишекъ птицу и услышалъ, что они собирались выпустить ее на волю,—на что имъ былъ простой воробей!

— Постойте!—сказалъ онъ.—Мы съ ней кое-что сдѣлаемъ. Вотъ будетъ красота!

Услыхавъ это, воробьиха задрожала всѣмъ тѣломъ, а старичокъ вынулъ изъ своего ящика, гдѣ хранились чудеснѣйшія краски, цѣлую пачку сусальнаго золота въ листочкахъ, велѣлъ мальчишкамъ принести ему яйцо, смазалъ бѣлкомъ всю птицу и потомъ обклеилъ ее золотомъ. Воробьиха стала вся золотая, но она и не думала о такомъ великолѣпіи, а дрожала всѣмъ тѣломъ. Старичокъ, между тѣмъ, оторвалъ отъ красной подкладки своей старой куртки лоскутокъ, вырѣзалъ его зубчиками, какъ пѣтушій гребешокъ, и приклеилъ птицѣ на голову.

— Поглядимъ теперь, какъ полетитъ золотая птичка!—сказалъ старичокъ и выпустилъ воробьиху, которая въ ужасѣ понеслась прочь. Вотъ блескъ-то былъ! Всѣ птицы переполошились—и воробьи, и даже ворона, да не какой-нибудь годовалый птенецъ, а большая! Всѣ они пустились вслѣдъ за воробьихой, желая узнать, что это за важная птица.

— Прраво диво! Прраво диво!—каркала ворона.

— Подожди! Подожди!—чирикали воробьи.

Но она не хотѣла ждать; въ ужасѣ летѣла она домой, но силы все болѣе и болѣе измѣняли ей; она ежеминутно готова была упасть на землю, а птичья стая все росла, да росла. Тутъ были и большія и малыя птицы; нѣкоторыя подлетали къ ней вплотную, чтобы клюнуть ее.

— Ишь ты! Ишь ты!—щебетали и чирикали онѣ.

— Ишь ты! Ишь ты!—зачирикали и птенцы, когда она подлетѣла къ своему гнѣзду.—Это, вѣрно, павлинъ! Ишь какой разноцвѣтный! Глазамъ невтерпежъ, какъ говорила мать. Пипъ! Вотъ она, красота!

И они всѣ принялись клевать ее своими носиками, такъ что ей никакъ нельзя было попасть въ гнѣздо, а отъ ужаса

она не могла даже сказать: „пипъ“, не то что: „я — ваша мать!“ Остальныя птицы тоже принялись клевать воробьиху и повыщипали у нея всѣ перья. Вся въ крови, упала она въ самую середину розоваго куста.

— Бѣдная пташка!—сказали розы.—Мы укроемъ тебя! Склони къ намъ свою головку!

Воробьиха еще разъ распустила крылья, потомъ плотно прижала ихъ къ тѣлу и умерла у своихъ сосѣдокъ, свѣжихъ, прекрасныхъ розъ.

— Пипъ! — сказали воробышки.—Куда же это дѣвалась мамаша? Или она нарочно выкинула такую штуку? Вѣрно пора намъ жить своимъ умомъ! Гнѣздо она оставила намъ въ наслѣдство, но владѣть имъ надо кому-нибудь одному! Вѣдь, у каждаго изъ насъ будетъ своя семья! Кому же?

— Да ужъ вамъ здѣсь не мѣсто, когда я обзаведусь женой и дѣтьми!—сказалъ самый младшій.

— У меня побольше твоего будетъ и женъ и дѣтей!—сказалъ другой.

— А я старше васъ всѣхъ!—сказала третья.

Воробышки поссорились, хлопали крылышками, клевали другъ друга и—бухъ! попадали изъ гнѣзда одинъ за другимъ. Но и лежа на землѣ въ растяжку, они не переставали злиться, кривили головки на бокъ и мигали глазомъ, обращеннымъ кверху. У нихъ была своя манера дуться.

Летать они кое-какъ уже умѣли, поупражнялись еще немножко и порѣшили разстаться, а чтобы узнавать другъ друга при встрѣчахъ, уговорились шаркать три раза лѣвою ножкой и говорить: „пипъ!“

Младшій, который завладѣлъ гнѣздомъ, постарался разсѣсться въ немъ какъ можно пошире; теперь онъ былъ тутъ полнымъ хозяиномъ, только недолго. Ночью изъ оконъ домика показалось пламя и охватило крышу; сухая солома вспыхнула, домъ сгорѣлъ, а съ нимъ и воробей; молодые же супруги счастливо спаслись.

На утро взошло солнышко,—вся природа смотрѣла такою освѣженною, словно подкрѣпившеюся за ночь здоровымъ сномъ; но на мѣстѣ домика торчали только обгорѣлыя балки, опиравшіяся на дымовую кирпичную трубу, которая теперь была сама себѣ госпожею. Развалины еще сильно дымились, а розовый кустъ стоялъ все такой же свѣжій, цвѣтущій; каждая

вѣточка, каждая роза отражались въ тихой водѣ пруда, какъ въ зеркалѣ.

— Ахъ, что за прелесть! Эти розы—и рядомъ обгорѣвшія развалины строенія!—сказалъ какой-то прохожій.—Прелестнѣйшая картинка! Надо ею воспользоваться!

И онъ вынулъ изъ кармана книжку съ чистыми бѣлыми страницами и карандашъ,—это былъ художникъ. Живо набросалъ онъ карандашомъ дымившіяся развалины, обгорѣлыя балки, покривившуюся трубу—она кривилась все больше и больше—и на самомъ первомъ планѣ цвѣтущій розовый кустъ. Кустъ въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасенъ, и ради него-то и срисовали всю картину.

Днемъ пролетали мимо два воробья, родившихся здѣсь.

— Гдѣ же домъ-то?—сказали они.—Гдѣ гнѣздо? Пипъ! Все сгорѣло и нашъ братецъ вмѣстѣ! Это ему за то, что онъ забралъ себѣ гнѣздо! А розы таки уцѣлѣли! Попрежнему выставляютъ свои красныя щеки! Небось, не горюютъ о несчастьи сосѣдей! Несносныя! И говорить-то съ ними не хочется! Да и вообще здѣсь стало прескверно! Одно безобразіе!

И они улетѣли.

Разъ осенью выдался чудесный солнечный денекъ,—право, можно было подумать, что стоитъ лѣто. На дворѣ передъ крыльцомъ барской усадьбы было такъ сухо и чисто; тутъ расхаживали голуби — и черные, и бѣлые, и сизые; перья ихъ такъ и блестѣли на солнышкѣ; старыя голубки-матушки топорщили перышки и говорили молоденькимъ голубкамъ:

— Въ грруппы! Въ грруппы!

Такъ, вѣдь, было красивѣе и виднѣе.

— Кто эти сѣренькія крошки, что шмыгаютъ тутъ между нами?—спросила старая голубка съ зеленовато-красными глазками.—Сѣррыя крошки! Сѣррыя крошки!

— Это ворробышки! Славныя птички! А мы, вѣдь, всегда славились своею кротостью—пусть же они поклюютъ съ нами! Они не вмѣшиваются въ разговоръ и такъ мило шаркаютъ ножкой.

Воробьи въ самомъ дѣлѣ шаркали; каждый изъ нихъ шаркнулъ три раза лѣвою ножкой, и сказалъ: „пипъ!“ По этому всѣ сейчасъ же узнали другъ друга,— это были три воробья изъ сгорѣвшаго дома.

— Славно тутъ ѣдятъ!—сказали воробьи.

А голуби увивались вокругъ голубокъ, самодовольно топорщили перышки, выпячивали зобы, судили и рядили.

— Глядите, глядите вонъ на ту зобастую голубку! Глядите, какъ она глотаетъ горрохъ! Ишь, все хватаетъ самыя ккрупныя, самыя лучшія горрошины! Куррь! Куррь! Глядите, какъ она выпячиваетъ зобъ! Глядите на это милое, злющее животное! Куррь! Куррь! И глаза у нихъ налились отъ злости кровью. Въ грруппы! Въ грруппы! Сѣррыя ккрошки! Сѣррыя ккрошки! Куррь! Куррь! — такъ это у нихъ шло, идетъ и будетъ идти тысячи лѣтъ.

Воробьи кушали и слушали и тоже становились было въ группы, но это къ нимъ совсѣмъ не шло. Насытившись, они ушли отъ голубей и стали пересуживать ихъ между собою, потомъ шмыгнули подъ рѣшетку прямо въ садъ. Дверь въ комнату, выходившую въ садъ, была отворена, и одинъ изъ воробьевъ вспрыгнулъ на порогъ, —онъ плотно покушалъ и потому набрался храбрости.

— Пипъ!—сказалъ онъ.—Какой я смѣлый!

— Пипъ!—сказалъ другой.—Я посмѣлѣе тебя!

И онъ прыгнулъ за порогъ. Тамъ никого не было, это отлично замѣтилъ третій воробышекъ и очутился на серединѣ комнаты, говоря:

— Войти—такъ ужъ войти, или вовсе не входить! Презабавное тутъ, однако, человѣчье гнѣздо! А это что здѣсь поставлено? Да что же это такое?

Какъ разъ передъ воробьями цвѣли розы, отражаясь въ прозрачной водѣ, а рядомъ торчали обгорѣлыя балки, опиравшіяся на готовую упасть дымовую трубу.

— Да что же это? Какъ попало все это въ барскую усадьбу?

И всѣ три воробья захотѣли перелетѣть черезъ розы и трубу, но ударились прямо объ стѣну. И розы, и труба были только нарисованныя, а не настоящія: художникъ написалъ по сдѣланному имъ маленькому наброску цѣлую картину.

— Пипъ!—сказали воробьи другъ другу.—Это такъ, пустое! Только для вида! Пипъ! Вотъ она, красота! Понимаете вы въ этомъ хоть что-нибудь? Я—ровно ничего!

Тутъ въ комнату вошли люди, и воробьи улетѣли.

Шли дни и годы, голуби продолжали ворковать, чтобы не сказать ворчать,—злющія птицы! Воробьи мерзли и голодали зимой, а лѣтомъ жили во всю. Всѣ они обзавелись семьями

или поженились, или какъ тамъ еще назвать это! У нихъ были уже птенцы, и каждый птенецъ, разумѣется, былъ прекраснѣе и умнѣе всѣхъ птенцовъ на свѣтѣ. Они всѣ разлетѣлись въ разныя стороны, а если встрѣчались, то узнавали другъ друга по троекратному шарканью лѣвою ножкой и по звуку: „пипъ!“ Самою старшею изъ воробьевъ, родившихся въ ласточкиномъ гнѣздѣ, была воробьиха; она осталась въ дѣвицахъ, и у нея не было ни своего гнѣзда, ни птенцовъ. Ей вздумалось отправиться въ какой-нибудь большой городъ, и вотъ она полетѣла въ Копенгагенъ.

Близь королевскаго дворца, на самомъ берегу канала, гдѣ стояли лодки съ яблоками и глиняною посудой, увидала она большой разноцвѣтный домъ. Окна, широкія внизу, суживались кверху. Воробьиха посмотрѣла въ одно, посмотрѣла въ другое, и ей показалось, что она заглянула въ чашечки тюльпановъ: всѣ стѣны такъ и пестрѣли разными рисунками и завитушками, а въ серединѣ каждаго тюльпана стояли бѣлые люди—одни изъ мрамора, другіе изъ гипса, но для воробьихи что мраморъ, что гипсъ было все едино. На крышѣ зданія стояла бронзовая колесница съ бронзовыми же конями, которыми правила богиня побѣды. Это былъ музей Торвальдсена.

— Блеску-то, блеску-то!—сказала воробьиха.—Это, вѣрно, красота! Пипъ! Но тутъ что-то побольше павлина!

Она еще помнила объясненіе величайшей красоты, которое слышала въ дѣтствѣ отъ матери. Затѣмъ она слетѣла внизъ во дворъ. Тамъ тоже было чудесно. На стѣнахъ были нарисованы пальмы и разныя вѣтви, а посреди двора стоялъ большой цвѣтущій розовый кустъ. Онъ склонялъ свои свѣжія вѣтви, усыпанныя розами, къ могильной плитѣ. Воробьиха подлетѣла къ ней, увидавъ тамъ еще нѣсколькихъ воробьевъ. „Пипъ!“ и она три раза шаркнула лѣвою ножкой. Этимъ привѣтствіемъ воробьиха встрѣчала изъ года въ годъ всѣхъ воробьевъ, но никто не понималъ его, — разставшіеся не встрѣчаются, вѣдь, каждый день—и теперь она повторила его просто по привычкѣ. Глядь, два старыхъ воробья и одинъ молоденькій тоже шаркнули три раза лѣвою ножкой и сказали: „пипъ“!

— А, здравствуйте! Здравствуйте!

Оказалось, что это были два старыхъ воробья изъ ласточкинаго гнѣзда и одинъ молодой отпрыскъ семейства.

— Такъ вотъ гдѣ мы встрѣтились!—сказали они.—Тутъ важное мѣсто, только нечѣмъ поживиться! Вотъ она, красота-то! Пипъ!

Изъ боковыхъ комнатъ, гдѣ стояли великолѣпныя статуи, вышло на дворъ много народу; всѣ подошли къ каменной плитѣ, подъ которою покоился великій мастеръ, изваявшій всѣ эти мраморныя статуи, и долго-долго стояли возлѣ нея, молча, съ задумчивымъ, но свѣтлымъ выраженіемъ на лицахъ. Нѣкоторые собирали опавшіе розовые лепестки и прятали ихъ на память. Среди посѣтителей были и прибывшіе издалека—изъ великой Англіи, изъ Германіи, изъ Франціи. Самая красивая изъ дамъ взяла одну розу и спрятала ее у себя на груди. Видя все это, воробьи подумали, что розы царствуютъ здѣсь и что все зданіе построено собственно для нихъ. По мнѣнію воробьевъ, это было ужъ слишкомъ большою честью для розъ, но такъ какъ всѣ люди ухаживали за ними, то и воробьи не захотѣли отстать.

— Пипъ!—сказали они и принялись мести полъ хвостами и коситься на розы однимъ глазомъ. Не долго они смотрѣли, живо признали своихъ старыхъ сосѣдокъ. Это были, вѣдь, онѣ самыя. Художникъ, срисовавшій розовый кустъ и обгорѣлыя развалины дома, выпросилъ затѣмъ у хозяевъ позволеніе выкопать кустъ и подарилъ его строителю музея. Въ свѣтѣ не могло быть ничего прекраснѣе этихъ розъ, и строитель посадилъ весь кустъ на могилѣ Торвальдсена. Теперь онъ цвѣлъ надъ ней, какъ живое изображеніе красоты, и отдавалъ свои розовые, душистые лепестки на память людямъ, являвшимся сюда изъ далекихъ странъ.

— Васъ опредѣлили на должность здѣсь, въ городѣ?—спросили воробьи.

И розы кивнули имъ; онѣ тоже узнали сѣрыхъ сосѣдей и очень обрадовались встрѣчѣ съ ними.

— Какъ хороша жизнь!—сказали онѣ.—Жить, цвѣсти, встрѣчаться со старыми друзьями, ежедневно видѣть вокругъ себя милыя, радостныя лица!.. Тутъ каждый день точно великій праздникъ!

— Пипъ!—сказали воробьи одинъ другому.—Да, это наши старыя сосѣдки! Мы помнимъ ихъ происхожденіе. Какъ же! Прямо отъ пруда, да сюда! Пипъ! Ишь, въ какую честь попали! Право, счастье приходитъ къ инымъ во снѣ! И что хо-

рошаго въ такихъ красныхъ кляксахъ? Понять нельзя!.. А вонъ торчитъ увядшій лепестокъ! Вижу! Вижу!

И каждый принялся клевать его; лепестокъ упалъ, но кустъ стоялъ все такой же свѣжій и зеленый; розы благоухали на солнышкѣ надъ могилой Торвальдсена и склонялись къ самой плитѣ, какъ бы вѣнчая его безсмертное имя.

МАЛЕНЬКІЙ ТУКЪ.

Да, такъ вотъ, жилъ-былъ маленькій Тукъ. Звали-то его, собственно, не Тукомъ, но такъ онъ прозвалъ себя самъ, когда еще не умѣлъ хорошенько говорить; „Тукъ“ должно было обозначать на его языкѣ Карла, и хорошо, если кто зналъ это! Туку приходилось няньчить свою сестренку Густаву, которая была гораздо моложе его, и въ то же время учить уроки, а эти два дѣла никакъ не ладились заразъ. Бѣдный мальчикъ держалъ сестрицу на колѣняхъ и пѣлъ ей одну пѣсенку за другою, заглядывая въ то же время въ лежавшій передъ нимъ учебникъ географіи. Къ завтрашнему дню задано было выучить наизусть всѣ города въ Зеландіи и знать о нихъ все, что только можно знать.

Наконецъ, вернулась его мать, которая уходила куда-то по дѣлу, и взяла Густаву. Тукъ—живо къ окну, да за книгу, и читалъ, читалъ чуть не до слѣпоты,—въ комнатѣ становилось темно, а матери не на что было купить свѣчку.

— Вонъ идетъ старая прачка изъ переулка! — сказала мать, поглядѣвъ въ окно.—Она и сама-то еле двигается, а тутъ еще приходится нести ведро съ водой. Будь умникомъ, милый Тукъ, выбѣги, да помоги старушкѣ!

Тукъ сейчасъ же выбѣжалъ и помогъ, но когда вернулся въ комнату, было уже совсѣмъ темно; о свѣчкѣ нечего было и толковать, пришлось ему ложиться спать. Постелью Туку служила старая деревянная скамья со спинкой и съ ящикомъ подъ сидѣньемъ. Онъ легъ, но все не переставалъ думать о своемъ урокѣ: о городахъ Зеландіи и обо всемъ, что разсказывалъ о нихъ учитель. Слѣдовало бы ему прочесть урокъ, да было уже поздно, и мальчикъ сунулъ книгу себѣ подъ подушку: онъ слышалъ, что это отличное средство для того, чтобы запомнить урокъ,—но особенно-то полагаться на него, конечно, нельзя.

И вотъ, Тукъ лежалъ въ постели и все думалъ, думалъ. Вдругъ кто-то поцѣловалъ его въ глаза и въ губы—онъ въ это время и спалъ и какъ будто бы не спалъ—и онъ увидалъ передъ собою старушку-прачку. Она ласково поглядѣла на него и сказала:

— Грѣшно было бы, если бы ты не зналъ завтра своего урока. Ты помогъ мнѣ, теперь и я помогу тебѣ, Господь же не оставитъ тебя своею помощью никогда!

Въ ту же минуту страницы книжки, что лежала подъ головой Тука, зашелестѣли и стали перевертываться. Затѣмъ раздалось:

— Кокъ-кокъ-кудакъ!

Это была курица, да еще изъ города Кьёге! *)

— Я курица изъ Кьёге!—и она сказала Туку, сколько въ Кьёге жителей, а потомъ разсказала про битву, которая тутъ происходила,—это было даже лишнее: Тукъ и безъ того зналъ объ этомъ.

— Пшютъ, пшютъ, бумъ!—и что-то свалилось; это упалъ на постель деревянный попугай, служившій мишенью въ обществѣ стрѣлковъ города Прэстё. Птица сказала мальчику, что въ этомъ городѣ столько же жителей, сколько у нея въ животѣ гвоздей, и похвалилась, что Торвальдсенъ былъ одно время ея сосѣдомъ **). Бумъ! Я славлюсь чудеснѣйшимъ мѣстоположеніемъ!

Но маленькій Тукъ уже не лежалъ въ постели, а вдругъ очутился верхомъ на лошади и поскакалъ въ галопъ. Онъ сидѣлъ позади разодѣтаго рыцаря въ блестящемъ шлемѣ, съ развѣвающимся султаномъ. Они проѣхали лѣсъ и очутились въ старинномъ городѣ Вордингборгѣ. Это былъ большой, оживленный городъ; на холмѣ гордо возвышался королевскій замокъ; въ окнахъ высокихъ башенъ ярко свѣтились огни. Въ замкѣ шло веселье, пѣніе и танцы. Король Вальдемаръ танцовалъ въ кругу разодѣтыхъ молодыхъ фрейлинъ.

*) Кьёге—небольшой городокъ у залива того же имени. У датчанъ существуетъ шутливое выраженіе „показать курицу изъ Кьёге", т. е. приподнять любопытнаго, пожелавшаго увидать ее, отъ полу за уши (русское выраженіе „показать Москву").

**) Близь Прэстё, незначительнаго датскаго городка, находится имѣніе бар. Стампе, въ которомъ Торвальдсенъ подолгу гостилъ и работалъ во время пребыванія своего на родинѣ. *Примѣч. перев.*

Но вотъ настало утро, и едва взошло солнце, городъ съ королевскимъ замкомъ провалился, башни исчезли одна за другою, и подъ конецъ на холмѣ осталась всего одна; самый городокъ сталъ маленькимъ, бѣднымъ; школьники, бѣжавшіе въ школу съ книжками подъ мышками, говорили: „У насъ въ городѣ 2000 жителей!“—но неправда, и того не было.

Маленькій Тукъ опять очутился въ постели; ему казалось, что онъ грезитъ на яву; кто-то опять стоялъ возлѣ него.

— Маленькій Тукъ! Маленькій Тукъ!—послышалось ему. Это говорилъ маленькій морячокъ, какъ будто бы кадетъ, а все-таки не кадетъ.—Я привезъ тебѣ поклоны изъ Корсёра. Вотъ городъ съ будущимъ! Оживленный городъ! У него свои почтовыя кареты и пароходы. Когда-то его звали жалкимъ городишкой, но это мнѣніе уже устарѣло. „Я лежу на морѣ!“ говоритъ Корсёръ. „У меня есть шоссейныя дороги и паркъ! Я произвелъ на свѣтъ поэта*), да еще какого забавнаго, а, вѣдь, не всѣ поэты забавны! Я даже собирался послать одинъ изъ своихъ кораблей въ кругосвѣтное плаванье!.. Я, положимъ, не послалъ, но могъ бы послать. И какъ чудно я благоухаю, отъ самыхъ городскихъ воротъ! Всюду цвѣтутъ чудеснѣйшія розы!“

Маленькій Тукъ взглянулъ на нихъ, и въ глазахъ у него зарябило краснымъ и зеленымъ. Когда же волны красокъ улеглись, онъ увидалъ поросшій лѣсомъ обрывъ надъ прозрачнымъ фіордомъ. Надъ обрывомъ возвышался великолѣпный старый соборъ съ высокими стрѣльчатыми башнями и шпицами. Внизъ съ журчаньемъ сбѣгали струи источниковъ. Возлѣ источника сидѣлъ старый король; сѣдая голова его съ длинными кудрями была увѣнчана золотою короной. Это былъ король Роаръ, по имени котораго названъ источникъ, а по источнику и близь лежащій городъ „Роскильде“**). По тропинкѣ, ведущей къ собору, шли рука объ руку всѣ короли и королевы Даніи, увѣнчанные золотыми коронами. Органъ игралъ, струйки источника журчали. Маленькій Тукъ смотрѣлъ и слушалъ.

*) Баггесенъ, выдающійся датскій поэтъ-юмористъ и сатирикъ, род. 1764 г. † 1826 г.

**) „Roeskilde“, т. е. „источникъ Роара“. Городъ Роскильде—древняя столица Даніи; въ немъ находится старинный соборъ, служащій уже въ теченіи многихъ вѣковъ усыпальницей датскихъ королей и королевъ. Въ Роскильде же происходили въ прежнее время „Собранія представителей сословій“.

Примѣч. перев.

— Не забудь сословій!—сказалъ король Роаръ.

Вдругъ все исчезло. Да куда же это все дѣвалось? Словно перевернули страницу въ книжкѣ! Передъ мальчикомъ стояла старушка полольщица; она пришла изъ города Сорё, — тамъ трава растетъ даже на площади. Она накинула на голову и на спину свой сѣрый холщевый передникъ; передникъ былъ весь мокрый, должно быть шелъ дождь.

— Да! — сказала она, и разсказала ему о забавныхъ комедіяхъ Гольберга, о королѣ Вальдемарѣ и епископѣ Абсалонѣ *), потомъ вдругъ вся съежилась, замотала головой, точно собираясь прыгнуть, и заквакала: — Ква! Ква! Какъ сыро, мокро и тихо въ Сорё! Ква! — она превратилась въ лягушку. — Ква! — и она опять стала женщиной. — Надо одѣваться по погодѣ! — сказала она. — Тутъ сыро, сыро! Мой городъ похожъ на бутылку, — войдешь въ горлышко, оттуда же надо и выйти. Прежде онъ славился чудеснѣйшими рыбами, а теперь на днѣ „бутылки“ — краснощекіе юноши; они учатся тутъ разной премудрости: греческому, еврейскому... **) Ква!

Мальчику слышалось не то кваканье лягушекъ, не то шлепанье сапогами по болоту: все тотъ же самый звукъ, однообразный и скучный, подъ который Тукъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ, да и хорошо сдѣлалъ.

Но и тутъ ему приснился сонъ, — иначе, что же все это было? Голубоглазая, бѣлокурая и кудрявая сестрица его, Густава, вдругъ стала взрослою, прелестною дѣвушкой, и хотя ни у нея, ни у него не было крыльевъ, они понеслись вмѣстѣ по воздуху надъ Зеландіей, надъ зелеными лѣсами и голубыми водами.

— Слышишь ты крикъ пѣтуха, маленькій Тукъ? Кукареку! Вотъ изъ бухты Кьёге полетѣли курицы! У тебя будетъ птичій дворъ, огромный-преогромный! Тебѣ не придется терпѣть нужды! Ты, какъ говорится, убьешь попугая***), и станешь богатымъ, счастливымъ человѣкомъ! Твой домъ будетъ возвышаться,

*) Другъ и сподвижникъ короля Вальдемара I, основавшій нынѣшнюю столицу Даніи, Копенгагенъ.

**) Въ городѣ Сорё (недалеко отъ Копенгагена) находится „Государственная Академія“—закрытое высшее учебное заведеніе, обязанное нынѣшнимъ своимъ устройствомъ и блестящимъ положеніемъ знаменитому Гольбергу, который пожертвовалъ для этой цѣли почти все свое состояніе.

***) «Убить попугая»—датское выраженіе, равносильное русскому «убить бобра», взятому въ положительномъ смыслѣ. *Примѣч. перев.*

какъ башня короля Вальдемара, будетъ богато изукрашенъ такими же мраморными статуями, какъ тѣ, что изваяны близъ Прэстё. Ты понимаешь меня! Твое имя облетитъ весь міръ, какъ корабль, который хотѣли отправить изъ Корсёра, а въ Роскильде—„Помни сословія!" сказалъ король Роаръ--ты будешь говорить хорошо и умно, маленькій Тукъ! Когда же, наконецъ, сойдешь въ могилу, будешь спать въ ней тихо...

— Какъ въ Сорё!—добавилъ Тукъ и проснулся. Было ясное утро, онъ ровно ничего не помнилъ изъ своихъ сновъ, да и не нужно было,—нечего загадывать впередъ.

Онъ вскочилъ съ постели, взялся за книгу и живо выучилъ свой урокъ. А старая прачка просунула въ дверь голову, кивнула ему и сказала:

— Спасибо за вчерашнее, голубчикъ! Господь да исполнитъ лучшій твой сонъ!

А маленькій Тукъ и не зналъ, что ему снилось, зато знаетъ это Господь Богъ!

ТѢНЬ.

Вотъ гдѣ жжетъ солнце—въ жаркихъ странахъ! Люди загораютъ тамъ до того, что кожа ихъ принимаетъ оттѣнокъ краснаго дерева; въ самыхъ же жаркихъ странахъ люди превращаются прямо въ негровъ. Но мы поговоримъ пока только о жаркихъ странахъ; сюда пріѣхалъ изъ холодныхъ странъ одинъ ученый. Онъ было думалъ и тутъ бѣгать по городу, какъ у себя на родинѣ, да скоро отучился отъ этого и, какъ всѣ благоразумные люди, сталъ сидѣть весь день дома съ плотно закрытыми ставнями и дверями. Можно было подумать, что весь домъ спитъ, или что никого нѣтъ дома. Узкія улицы, застроенныя высокими домами, жарились на солнцѣ съ утра до вечера; просто силъ никакихъ не было терпѣть эту жару! Ученому, пріѣхавшему изъ холодныхъ странъ,—онъ былъ человѣкъ умный и молодой еще—казалось, будто онъ сидитъ въ раскаленной печкѣ. Жара сильно вліяла на его здоровье; онъ исхудалъ, и даже тѣнь его какъ-то вся съежилась, стала куда меньше, чѣмъ была въ холодныхъ странахъ; жара повліяла и на нее. Оба они—и ученый и тѣнь—оживали только съ наступленіемъ вечера.

И, право, любо было посмотрѣть на нихъ! Какъ только въ комнатѣ зажигался огонь, тѣнь растягивалась во всю стѣну, захватывала даже часть потолка,—ей, вѣдь, надо было потянуться хорошенько, чтобы расправить члены и вновь набраться силъ. Ученый выходилъ на балконъ и тоже потягивался, чтобы порасправить члены, любовался яснымъ вечернимъ небомъ, въ которомъ зажигались золотыя звѣздочки, и чувствовалъ, что вновь возрождается къ жизни. На всѣхъ другихъ балконахъ—а въ жаркихъ странахъ передъ каждымъ окномъ балконъ—тоже виднѣлись люди; дышать воздухомъ все же необходимо—даже тѣмъ, кто привыкъ загорать до оттѣнка краснаго дерева! Оживленіе царило и внизу, на тротуарахъ улицы, и вверху, на балконахъ. Башмачники, портные и другой рабочій людъ—всѣ высыпали на улицу, выносили туда столы и стулья и зажигали свѣчи. Жизнь закипала всюду; улицы освѣщались тысячами огней, люди—кто пѣлъ, кто разговаривалъ съ сосѣдомъ, по тротуарамъ двигалась масса гуляющихъ, по мостовой катились экипажи, тутъ пробирались, позванивая колокольчиками, вьючные ослы, тамъ тянулась, съ пѣніемъ псалмовъ, похоронная процессія, слышался трескъ хлопушекъ, бросаемыхъ о мостовую уличными мальчишками, раздавался звонъ колоколовъ... Да, жизнь такъ и била ключомъ повсюду! Тихо было лишь въ одномъ домѣ, стоявшемъ какъ-разъ напротивъ того, гдѣ жилъ ученый. Домъ не былъ, однако, нежилымъ: на балконѣ красовались чудесные цвѣты; безъ поливки они не могли бы цвѣсти такъ пышно, кто-нибудь да поливалъ ихъ—стало быть въ домѣ кто-нибудь жилъ. Выходившая на балконъ дверь тоже отворялась по вечерамъ, но въ самыхъ комнатахъ было всегда темно, по крайней мѣрѣ въ первой. Изъ заднихъ же комнатъ слышалась музыка. Ученый находилъ ее дивно-прекрасною, но, вѣдь, можетъ статься, что ему это только такъ казалось: по его мнѣнію, здѣсь, въ жаркихъ странахъ и все было прекрасно; одна бѣда—солнце!

Хозяинъ дома, гдѣ жилъ ученый, сказалъ, что и онъ не знаетъ, кто живетъ въ сосѣднемъ домѣ: тамъ никогда не показывалось ни единой живой души; что же до музыки, то онъ находилъ ее страшно скучною.

— Словно кто сидитъ и долбитъ все одну и ту же пьесу. Дѣло не идетъ на ладъ, а онъ продолжаетъ,—дескать, „добьюсь своего!“ Напрасно, однако, старается, ничего не выходитъ!

Разъ ночью ученый проснулся; дверь на балконъ стояла отворенною, и вѣтеръ распахнулъ портьеры; ученый взглянулъ на противоположный домъ, и ему показалось, что балконъ озаренъ какимъ-то диковиннымъ сіяніемъ; цвѣты горѣли чудными разноцвѣтными огнями, а между цвѣтами стояла стройная, прелестная дѣвушка, тоже, казалось, окруженная сіяніемъ. Весь этотъ блескъ и свѣтъ такъ и рѣзнулъ широко раскрытые со сна глаза ученаго. Онъ вскочилъ и тихонько подошелъ къ двери, но дѣвушка уже исчезла, блескъ и свѣтъ тоже. Цвѣты больше не горѣли огнями, а стояли себѣ преспокойно, какъ всегда. Дверь изъ передней комнаты на балконъ была полуотворена, и изъ глубины дома неслись нѣжные, чарующіе звуки музыки, которые хоть кого могли унести въ царство сладкихъ грезъ и мечтаній!..

Все это было похоже на какое-то колдовство! Кто же тамъ жилъ? Гдѣ, собственно, былъ входъ въ домъ? Весь нижній этажъ былъ занятъ магазинами—не черезъ нихъ же постоянно бѣгали жильцы!

Однажды вечеромъ ученый сидѣлъ на своемъ балконѣ; въ комнатѣ позади него горѣла свѣчка, и вполнѣ естественно, что тѣнь его расположилась на стѣнѣ противоположнаго дома; она даже помѣстилась на самомъ балконѣ, какъ разъ между цвѣтами; стоило шевельнуться ученому--шевелилась и тѣнь,—это она умѣетъ.

— Право, моя тѣнь—единственное видимое существо въ томъ домѣ!—сказалъ ученый.—Ишь, какъ славно усѣлась между цвѣтами! А дверь-то, вѣдь, полуотворена; вотъ бы тѣни догадаться войти туда, высмотрѣть все, потомъ вернуться и разсказать обо всемъ мнѣ! Да, слѣдовало бы и тебѣ быть полезною!—сказалъ онъ, шутя, и затѣмъ добавилъ:—Ну-съ, не угодно-ли пойти туда! Ну? Идешь?—И онъ кивнулъ своей тѣни головой, тѣнь тоже отвѣтила кивкомъ.—Ну, и ступай! Только, смотри, не пропади тамъ!

Съ этими словами ученый всталъ, тѣнь его, сидѣвшая на противоположномъ балконѣ—тоже; ученый двинулся—двинулась и тѣнь, и, если бы кто-нибудь внимательно наблюдалъ за ними въ это время, то увидѣлъ бы, какъ тѣнь скользнула въ полуотворенную балконную дверь загадочнаго дома, когда ученый ушелъ съ балкона въ комнату и спустилъ за собою портьеры.

Утромъ ученый пошелъ въ кондитерскую напиться кофе и почитать газеты.

— Что это значитъ?—сказалъ онъ, выйдя на солнце.—У меня нѣтъ тѣни! Такъ она въ самомъ дѣлѣ ушла вчера вечеромъ и не вернулась? Довольно таки непріятная исторія!

И онъ разсердился, не столько потому, что тѣнь ушла, сколько потому, что вспомнилъ извѣстную исторію о человѣкѣ безъ тѣни, которую знали всѣ и каждый на его родинѣ, въ холодныхъ странахъ; вернись онъ теперь туда и разскажи свою исторію, всѣ сказали бы, что онъ пустился подражать другимъ, а онъ вовсе въ этомъ не нуждался. Поэтому онъ рѣшилъ даже не заикаться о происшествіи съ тѣнью, и умно сдѣлалъ.

Вечеромъ онъ опять вышелъ на балконъ и поставилъ свѣчку позади себя, зная, что тѣнь всегда старается загородиться отъ свѣта своимъ господиномъ; выманить этимъ маневромъ тѣнь ему, однако, не удалось. Онъ и садился, и выпрямлялся во весь ростъ—тѣнь все не являлась. Онъ испустилъ задумчивое: „гмъ-гмъ!“—но и это не помогло.

Досадно было, но, къ счастью, въ жаркихъ странахъ все растетъ и созрѣваетъ необыкновенно быстро, и вотъ, дней черезъ восемь ученый, выйдя на солнце, замѣтилъ къ своему величайшему удовольствію, что отъ ногъ его начала расти новая тѣнь,—должно быть, корни-то старой остались. Черезъ три недѣли у него была уже довольно сносная тѣнь, которая во время обратнаго путешествія ученаго на родину подросла еще и подъ конецъ стала уже такою большою и длинною, что хоть убавляй.

Ученый вернулся домой и сталъ писать книги, въ которыхъ говорилось объ истинѣ, добрѣ и красотѣ. Такъ шли дни и годы, прошло много лѣтъ. Разъ вечеромъ, когда онъ сидѣлъ у себя дома, послышался тихій стукъ въ дверь.

— Войдите!—сказалъ онъ, но никто не входилъ; тогда онъ отворилъ дверь самъ—передъ нимъ стоялъ невѣроятно худощавый человѣкъ; одѣтъ онъ былъ, впрочемъ, очень элегантно, какъ знатный господинъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?—спросилъ ученый.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ элегантный господинъ:—что вы не узнаете меня! Я такъ вошелъ въ тѣло, обзавелся мясомъ и платьемъ! Вы, конечно, и не предполагали встрѣтить меня когда-нибудь такимъ благоденствующимъ. Но неужели вы все еще не узнаете свою бывшую тѣнь? Да, вы, пожалуй, ду-

мали, что я уже не вернусь больше? Мнѣ очень повезло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами. Я во всѣхъ отношеніяхъ завоевалъ себѣ прочное положеніе въ свѣтѣ и могу откупиться отъ службы, когда пожелаю!

При этихъ словахъ онъ забренчалъ цѣлою связкой дорогихъ часовыхъ брелоковъ, а потомъ началъ играть толстою золотою шейною цѣпочкой. Пальцы его такъ и блестѣли брилліантовыми перстнями! И золото, и камни были настоящіе, а не поддѣльные!

— Я просто въ себя не могу придти отъ удивленія!—сказалъ ученый.—Что это такое?

— Да, явленіе не совсѣмъ обыкновенное, это правда!—сказала тѣнь.—Но вы, вѣдь, сами не принадлежите къ числу обыкновенныхъ людей, а я, какъ вы знаете, съ дѣтства ходилъ по вашимъ стопамъ. Какъ только вы нашли, что я достаточно созрѣлъ для того, чтобы зажить самостоятельно, я и пошелъ своею дорогой, добился, какъ видите, полнаго благосостоянія, да вотъ взгрустнулось что-то по васъ, захотѣлось повидаться съ вами, пока вы еще не умерли—вы, вѣдь, должны же умереть!—и кстати взглянуть еще разокъ на эти края. Всегда, вѣдь, сохраняешь любовь къ своей родинѣ!.. Я знаю, что у васъ теперь новая тѣнь; скажите, не долженъ-ли я что-нибудь ей или вамъ? Только скажите слово—и я заплачу.

— Нѣтъ, такъ это въ самомъ дѣлѣ ты?!—вскричалъ ученый.—Вотъ диво, такъ диво! Никогда бы я не повѣрилъ, что моя старая тѣнь вернется ко мнѣ, да еще человѣкомъ!

— Скажите же мнѣ, не долженъ-ли я вамъ? —спросила опять тѣнь.—Мнѣ не хотѣлось бы быть у кого нибудь въ долгу!

— Что за разговоры!—сказалъ ученый.—Какой тамъ долгъ! Ты вполнѣ свободенъ! Я несказанно радъ твоему счастью! Садись же, старый дружище, и разскажи мнѣ, какъ все это вышло, и что ты увидалъ въ томъ домѣ, напротивъ?

— Сейчасъ разскажу!—сказала тѣнь и усѣлась.—Но съ условіемъ, что вы дадите мнѣ слово не говорить никому здѣсь, въ городѣ,—гдѣ бы вы меня ни встрѣтили—что я былъ когда-то вашею тѣнью! Я, вѣдь, могу вздумать жениться! Я въ состояніи содержать и не одну семью!

— Будь спокоенъ! — сказалъ ученый. — Никто не будетъ

знать, кто ты собственно такой! Вотъ моя рука! Даю тебѣ слово! А человѣкъ, вѣдь, слово...*)

— Слово же тѣнь!—докончила тѣнь,—иначе, вѣдь, она не могла выразиться.

Вообще же ученому оставалось только удивляться, какъ много было въ ней человѣческаго, начиная съ самаго платья: черная пара изъ тонкаго сукна, на ногахъ лакированные сапоги, а въ рукахъ цилиндръ, который могъ складываться, такъ что отъ него оставалось только донышко, да поля; о брелокахъ, золотой цѣпочкѣ и брилліантовыхъ перстняхъ мы уже говорили. Да, тѣнь была одѣта превосходно, и это-то собственно и придавало ей видъ настоящаго человѣка.

— Теперь я разскажу!—сказала тѣнь и придавила ногами, въ лакированныхъ сапогахъ, рукавъ новой тѣни ученаго, которая, какъ собачка, лежала у его ногъ.

Зачѣмъ она это сдѣлала, изъ высокомѣрія-ли, или, можетъ быть, въ надеждѣ приклеить ее къ своимъ ногамъ—неизвѣстно. Тѣнь же, лежавшая на полу, даже не шевельнулась, вся превратившись въ слухъ: ей очень хотѣлось знать, какъ это можно добиться свободы и сдѣлаться самой себѣ госпожею.

— Знаете, кто жилъ въ томъ домѣ?—спросила бывшая тѣнь.—Нѣчто прекраснѣйшее въ мірѣ—сама поэзія! Я провела тамъ три недѣли, а это все равно, что прожить на свѣтѣ три тысячи лѣтъ и прочесть все, что сочинено и написано поэтами,—*я* вамъ говорю, и это вѣрно. Я видѣлъ все и знаю все.

— Поэзія!—вскричалъ ученый.—Да, да! она часто живетъ отшельницей въ большихъ городахъ! Поэзія! Я видѣлъ ее только мелькомъ, да и то заспанными глазами! Она стояла на балконѣ и сверкала, какъ сѣверное сіяніе! Разсказывай же, разсказывай! Ты былъ на балконѣ, вошелъ въ дверь и...?

— И попалъ въ переднюю!—подхватила тѣнь.—Вы, вѣдь, всегда сидѣли и смотрѣли на переднюю. Она не была освѣщена, и въ ней стоялъ какой-то полумракъ, но въ отворенную дверь виднѣлась цѣлая амфилада освѣщенныхъ покоевъ. Меня бы этотъ свѣтъ уничтожилъ въ конецъ, если бы я сейчасъ же

*) Сокращеніе датской поговорки: „En Mand er en Mand, et Ord er et Ord", т. е. „Человѣкъ—человѣкъ, слово—слово". Тѣнь измѣняетъ вторую часть поговорки сообразно своему положенію, вслѣдствіе чего фраза, конечно, принимаетъ сатирическій оттѣнокъ. *Примѣч. перев.*

вошелъ къ дѣвѣ, но я былъ благоразуменъ и выждалъ время. Такъ и слѣдуетъ поступать всегда!

— И что же ты тамъ видѣлъ?—спросилъ ученый.

— Все, и я разскажу вамъ обо всемъ, но... Видите-ли, я не изъ гордости, а... въ виду той свободы и знаній, которыми я располагаю, не говоря уже о моемъ положеніи въ свѣтѣ... я очень бы желалъ, чтобы вы обращались со мной на „вы“.

— Ахъ, прошу извинить меня!—сказалъ ученый.—Это я по старой привычкѣ!.. Вы совершенно правы! И я постараюсь помнить это! Но раскажите же мнѣ, что̀ вы тамъ видѣли?

— Все!—отвѣчала тѣнь.—Я видѣлъ все и знаю все!

— Что же напоминали эти внутренніе покои?—спросилъ ученый.—Свѣжій-ли зеленый лѣсъ? Или святой храмъ? Или взору вашему открылось звѣздное небо, видимое лишь съ нагорныхъ высотъ?

— Все тамъ было!—сказала тѣнь.—Я, однако, не входилъ въ самые покои, я оставался въ передней, въ полумракѣ, но тамъ мнѣ было отлично, я видѣлъ все и я знаю все! Я, вѣдь, провелъ столько времени въ передней при дворѣ поэзіи.

— Но что же вы видѣли тамъ? Величавыя шествія древнихъ боговъ? Борьбу героевъ сѣдой старины? Игры милыхъ дѣтей, лепечущихъ о своихъ чудныхъ грезахъ?..

— Говорю же вамъ, я былъ тамъ, слѣдовательно и видѣлъ все, что только можно было видѣть! Явись вы туда, вы бы не сдѣлались человѣкомъ, а я сдѣлался имъ! Я позналъ тамъ мою собственную натуру, мое природное сродство съ поэзіей. Да, въ тѣ времена, когда я былъ при васъ, я еще и не думалъ ни о чемъ такомъ. Но припомните только, какъ я всегда удивительно выросталъ на восходѣ и при закатѣ солнца! При лунномъ же свѣтѣ я былъ чуть-ли не замѣтнѣе васъ самихъ! Но тогда еще я не понималъ своей натуры, меня озарило только въ передней! Тамъ я сталъ человѣкомъ, вполнѣ созрѣлъ. Но васъ уже не было въ жаркихъ странахъ; между тѣмъ, я, въ качествѣ человѣка, стѣснялся уже показываться въ своемъ прежнемъ видѣ: мнѣ нужны были сапоги, приличное платье, словомъ, я нуждался во всемъ этомъ внѣшнемъ человѣческомъ лоскѣ, по которому признаютъ васъ человѣкомъ. И вотъ, я нашелъ себѣ убѣжище... да, вамъ я признаюсь въ этомъ: вы, вѣдь, не напечатаете этого—я нашелъ себѣ убѣжище подъ юбкой торговки сластями! Женщина и не подозрѣвала, *что̀*

она скрывала! Выходилъ я только по вечерамъ, бѣгалъ при лунномъ свѣтѣ по улицамъ, растягивался во всю длину на стѣнахъ,—это такъ пріятно щекочетъ спину! Вбѣгалъ вверхъ по стѣнамъ, сбѣгалъ внизъ, заглядывалъ въ окна самыхъ верхнихъ этажей, заглядывалъ и въ залы, и на чердакъ, заглядывалъ и туда, куда никто не могъ заглядывать, видѣлъ то, чего никто не долженъ былъ видѣть! И я узналъ, какъ въ сущности низокъ свѣтъ! Право, я не хотѣлъ бы даже быть человѣкомъ, если бы только не было разъ навсегда принято считать это чѣмъ-то особеннымъ! Я подмѣтилъ самыя невѣротныя вещи у женщинъ, у мужчинъ, у родителей, даже у милыхъ, безподобныхъ дѣтокъ. Я видѣлъ то,—добавила тѣнь:—чего никто не долженъ былъ, но что всѣмъ такъ хотѣлось увидать—тайные пороки и грѣхи людскіе. Пиши я въ газетахъ—меня бы читали! Но я писалъ прямо самимъ заинтересованнымъ лицамъ и нагонялъ на всѣхъ и повсюду, гдѣ ни появлялся, такой страхъ! Всѣ такъ боялись меня и такъ любили! Профессора признавали меня своимъ коллегой, портные одѣвали меня,—платья у меня теперь вдоволь—монетчики выбивали для меня монету, а женщины восхищались моею красотой! И вотъ, я сталъ тѣмъ, что я есть. А теперь я прощусь въ вами; вотъ моя карточка. Живу я на солнечной сторонѣ и въ дождливую погоду всегда дома!

Съ этими словами тѣнь ушла.

— Замѣчательно!—сказалъ ученый.

Шли дни и годы; вдругъ тѣнь опять явилась къ ученому.

— Ну, какъ дѣла?—спросила она.

— Увы!—отвѣчалъ ученый.—Я пишу объ истинѣ, добрѣ и красотѣ, а никому до этого нѣтъ и дѣла. Я просто въ отчаяніи; меня это такъ огорчаетъ!

— А вотъ меня нѣтъ! — сказала тѣнь. — Поэтому я все толстѣю, а это-то и нужно! Да, не умѣете вы жить на свѣтѣ! Еще заболѣете, пожалуй. Вамъ надо попутешествовать немножко. Я какъ-разъ собираюсь лѣтомъ сдѣлать небольшую поѣздку,—хотите ѣхать со мной? Мнѣ нужно общество въ дорогѣ, такъ не поѣдете-ли вы... въ качествѣ моей тѣни? Право, ваше общество доставило бы мнѣ большое удовольствіе; всѣ издержки я, конечно, возьму на себя!

— Нѣтъ, это слишкомъ!—отвѣчалъ ученый.

— Да, вѣдь, какъ взглянуть на дѣло! — сказала тѣнь. —

Поѣздка принесла бы вамъ большую пользу! А стоитъ вамъ согласиться быть моею тѣнью—и вы поѣдете на всемъ готовомъ!

— Это ужъ изъ рукъ вонъ!—вскричалъ ученый.

— Да, таковъ свѣтъ,—сказала тѣнь:—такимъ онъ и останется!

И тѣнь ушла.

Ученый чувствовалъ себя плохо, а горе и заботы попрежнему преслѣдовали его: онъ писалъ объ истинѣ, добрѣ и красотѣ, а люди понимали во всемъ этомъ столько же, сколько коровы въ розахъ. Наконецъ, онъ заболѣлъ.

— Вы неузнаваемы, вы стали просто тѣнью!—говорили ученому люди, и по его тѣлу пробѣгала дрожь,—ему кое-что думалось при этомъ.

— Вамъ слѣдуетъ ѣхать куда-нибудь на воды!—сказала тѣнь, которая опять завернула къ нему.—Ничего другого вамъ не остается! Я готовъ взять васъ съ собою ради стараго знакомства. Я беру на себя всѣ издержки по путешествію, а вы опишете нашу поѣздку и будете пріятно развлекать меня въ дорогѣ. Я собираюсь на воды; моя борода не растетъ, какъ бы слѣдовало, и это, вѣдь, своего рода болѣзнь,—бороду надо же имѣть! Ну, будьте благоразумны, принимайте мое предложеніе; вѣдь, мы же поѣдемъ, какъ товарищи.

И они поѣхали. Тѣнь стала господиномъ, а господинъ тѣнью. Они были неразлучны: и ѣхали, и бесѣдовали, и ходили всегда вмѣстѣ—то бокъ-о-бокъ, то тѣнь впереди ученаго, то позади, смотря по положенію солнца. Но тѣнь отлично умѣла держаться господиномъ, а ученый, по добротѣ сердца, даже и не замѣчалъ этого. Онъ былъ вообще такой славный, сердечный человѣкъ, и разъ какъ-то и скажи тѣни:

— Мы, вѣдь, теперь товарищи, да и выросли вмѣстѣ — выпьемъ же на „ты“, это будетъ по-пріятельски!

— Въ вашихъ словахъ дѣйствительно много искренняго доброжелательства!—сказала тѣнь,—господиномъ-то теперь была собственно она.—И я тоже хочу быть съ вами откровеннымъ. Вы, какъ человѣкъ ученый, знаете, вѣроятно, какими странностями отличается натура человѣческая! Нѣкоторымъ, напримѣръ, непріятно дотрогиваться до сѣрой бумаги, другіе вздрагиваютъ всѣмъ тѣломъ, если при нихъ провести гвоздемъ по стеклу. Вотъ такое же чувство овладѣваетъ и мною, когда вы говорите мнѣ „ты“. Я чувствую себя совсѣмъ подавленнымъ, какъ бы

низведеннымъ до прежняго моего положенія. Вы видите, что это просто болѣзненное чувство, а не гордость съ моей стороны. Я не могу позволить вамъ говорить мнѣ „ты“, но самъ охотно буду говорить вамъ „ты“; такимъ образомъ, ваше желаніе будетъ исполнено хоть на половину.

И вотъ, тѣнь стала говорить своему прежнему господину „ты“.

„Это, однако, изъ рукъ вонъ“, подумалъ ученый: „я долженъ обращаться съ нимъ на „вы“, а онъ меня „тыкаетъ“.

Но дѣлать было нечего.

Наконецъ, они прибыли на воды. На водахъ былъ большой съѣздъ иностранцевъ. Въ числѣ пріѣзжихъ находилась и одна красавица-королевна, которая страдала черезчуръ зоркимъ взглядомъ, а это, вѣдь, не шутка, хоть кого будетъ безпокоить!

Она сразу замѣтила, что вновь прибывшій иностранецъ совсѣмъ не похожъ на всѣхъ другихъ людей.

— Хоть и говорятъ, что онъ пріѣхалъ сюда ради того, чтобы отростить себѣ бороду, но меня-то не проведешь; я вижу, что онъ просто-напросто не можетъ отбрасывать тѣни!

Любопытство ея было подзадорено, и она, не долго думая, подошла къ незнакомцу на прогулкѣ и вступила съ нимъ въ разговоръ. Въ качествѣ королевны она, безъ дальнѣйшихъ церемоній, сказала ему:

— Ваша болѣзнь заключается въ томъ, что вы не можете отбрасывать отъ себя тѣни!

— Ваше королевское высочество, должно быть, уже близки къ выздоровленію!—сказала тѣнь.—Я знаю, что вы страдали слишкомъ зоркимъ взглядомъ,—теперь, какъ видно, вы исцѣлились отъ своего недуга! У меня какъ-разъ весьма необыкновенная тѣнь. Или вы не замѣтили особу, которая постоянно слѣдуетъ за мной? У всѣхъ другихъ людей—обыкновенныя тѣни, но я вообще врагъ всего обыкновеннаго и, какъ другіе одѣваютъ своихъ слугъ въ ливреи изъ болѣе тонкаго сукна, чѣмъ носятъ сами, такъ я нарядилъ свою тѣнь настоящимъ человѣкомъ и даже приставилъ, какъ видите, и къ ней свою тѣнь! Все это обходится мнѣ, конечно, не дешево, но ужъ я въ такихъ случаяхъ за расходами не стою!

„Вотъ какъ!“ подумала королевна. „Такъ я въ самомъ дѣлѣ выздоровѣла? Да, эти воды лучшія въ мірѣ! Надо признаться, что воды обладаютъ въ наше время поистинѣ удивительною силой. Но я пока не уѣду,—теперь здѣсь будетъ еще интерес-

нѣе. Мнѣ ужасно нравится этотъ иностранецъ. Только бы борода его не выросла, а то онъ уѣдетъ!

Вечеромъ былъ балъ, и королевна танцовала съ тѣнью. Королевна танцовала легко, но тѣнь еще легче; такого танцора королевна и не встрѣчала. Она сказала ему, изъ какой страны прибыла, и оказалось, что онъ зналъ эту страну, и даже былъ тамъ, но королевна въ то время уѣзжала. Онъ заглядывалъ въ окна повсюду, видѣлъ кое-что и потому могъ отвѣчать королевнѣ на всѣ вопросы и даже дѣлать такіе намеки, отъ которыхъ она пришла въ полное изумленіе и стала считать его умнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Знанія его просто поражали ее, и она прониклась къ нему глубочайшимъ уваженіемъ. Протанцовавъ съ нимъ еще разъ, она окончательно влюбилась въ него, и тѣнь это отлично замѣтила: королевна такъ и пронизывала своего кавалера глазами насквозь. Протанцовавъ же съ тѣнью еще разъ, королевна готова была признаться ей въ своей любви, но разсудокъ все-таки одержалъ верхъ, она подумала о своей странѣ, государствѣ и народѣ, которымъ ей приходилось управлять. „Уменъ-то онъ уменъ", сказала она самой себѣ: „и это прекрасно; танцуетъ онъ восхитительно, и это тоже хорошо, но обладаетъ-ли онъ основательными познаніями, что тоже очень важно! Надо его проэкзаменовать. И она опять завела съ нимъ разговоръ и назадавала ему труднѣйшихъ вопросовъ, на которые и сама не смогла бы отвѣтить.

Тѣнь скорчила удивленную мину.

— Такъ вы не можете отвѣтить мнѣ!— сказала королевна.

— Все это я прошелъ еще въ дѣтствѣ!—отвѣчала тѣнь.— Я думаю, даже тѣнь моя, что стоитъ у дверей, сумѣетъ отвѣтить вамъ.

— Ваша тѣнь?!—удивилась королевна.—Это было бы просто поразительно!

— Я, видите-ли, не утверждаю,—сказала тѣнь:—но думаю, что она можетъ,—она, вѣдь, столько лѣтъ неразлучна со мной и кое-чего наслушалась отъ меня! Но ваше королевское высочество позволите мнѣ обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство. Тѣнь моя очень гордится тѣмъ, что слыветъ человѣкомъ, и, если вы не желаете привести ее въ дурное расположеніе духа, вамъ слѣдуетъ обращаться съ нею, какъ съ

человѣкомъ! Иначе, она, пожалуй, не будетъ въ состояніи отвѣчать, какъ слѣдуетъ!

— Что-жъ, это мнѣ нравится!—отвѣтила королевна и, подойдя къ ученому, стоявшему у дверей, заговорила съ нимъ о солнцѣ, о лунѣ, о внѣшнихъ и внутреннихъ сторонахъ и свойствахъ человѣческой природы.

Ученый отвѣчалъ на всѣ ея вопросы хорошо и умно.

„Что это долженъ быть за человѣкъ“, подумала королевна: „если даже тѣнь его такъ умна! Для моего народа и государства будетъ сущимъ благодѣяніемъ, если я выберу его себѣ въ супруги. Да я такъ и сдѣлаю!“

И скоро они порѣшили между собою этотъ вопросъ. Никто, однако, не долженъ былъ знать ничего, пока королевна не вернется домой въ свое государство.

— Никто, никто, даже моя собственная тѣнь!—настаивала тѣнь, имѣвшая на то свои причины.

Наконецъ, они прибыли въ страну, которою управляла королевна, когда бывала дома.

— Послушай, дружище!—сказала тутъ тѣнь ученому.— Теперь я достигъ высшаго счастья и могущества человѣческаго и хочу сдѣлать кое-что и для тебя! Ты останешься при мнѣ, будешь жить въ моемъ дворцѣ, разъѣзжать со мною въ королевской каретѣ и получать сто тысячъ риксдалеровъ въ годъ. Но за то ты долженъ позволить назвать тебя тѣнью всѣмъ и каждому. Ты не долженъ и заикаться, что былъ когда-нибудь человѣкомъ! А разъ въ годъ, въ солнечный день, когда я буду возсѣдать на балконѣ передъ всѣмъ народомъ, долженъ будешь лежать у моихъ ногъ, какъ и подобаетъ тѣни. Надо тебѣ сказать, что я женюсь на королевнѣ; свадьба—сегодня вечеромъ.

— Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ!—вскричалъ ученый.— Не хочу я этого и не сдѣлаю! Это значило бы обманывать всю страну и королевну! Я скажу все! Скажу, что я человѣкъ, а ты только переодѣтая тѣнь—все, все!

— Никто не повѣритъ тебѣ!—сказала тѣнь.—Ну, будь же благоразуменъ, не то я кликну стражу!

— Я пойду прямо къ королевнѣ!—сказалъ ученый.

— Ну, я-то попаду къ ней прежде тебя!—сказала тѣнь.— А ты отправишься подъ арестъ.

Такъ и вышло,—стража повиновалась тому, за кого, какъ всѣ знали, выходила замужъ королевна.

— Ты дрожишь!—сказала королевна, когда тѣнь вошла къ ней.—Что-нибудь случилось? Не захворай, смотри! Вѣдь, сегодня вечеромъ наша свадьба!

— Ахъ, я пережилъ сейчасъ ужаснѣйшую минуту!—сказала тѣнь.—Подумай... Да много-ли, въ сущности, нужно мозгамъ какой-нибудь несчастной тѣни!.. Подумай, моя тѣнь сошла съ ума, вообразила себя человѣкомъ, а меня называетъ—подумай только—своею тѣнью!

— Какой ужасъ!—сказала королевна.—Надѣюсь, ее заперли?

— Да! И я боюсь, что она никогда не придетъ въ себя!

— Бѣдная тѣнь!—вздохнула королевна.—Она очень несчастна! Было бы сущимъ благодѣяніемъ избавить ее отъ той частицы жизни, которая еще есть въ ней. А какъ подумать хорошенько, то, по моему, даже необходимо покончить съ нею поскорѣе и безъ шума!

— Все-таки это жестоко!—сказала тѣнь.—Она была мнѣ вѣрнымъ слугой!—и тѣнь притворно вздохнула.

— У тебя благородная душа!—сказала королевна.

Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, гремѣли пушечные выстрѣлы, солдаты отдавали честь ружьями. Вотъ была свадьба! И королевна съ тѣнью вышли на балконъ показаться народу, который еще разъ прокричалъ имъ „ура!“

Ученый не слыхалъ этого ликованья—съ нимъ уже покончили.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Въ одной улицѣ стоялъ старинный-старинный домъ, выстроенный еще около трехсотъ лѣтъ тому назадъ,—годъ былъ вырѣзанъ на одномъ изъ оконныхъ карнизовъ, по которымъ вилась затѣйливая рѣзьба: тюльпаны и побѣги хмѣля; тутъ же было вырѣзано старинными буквами, и съ соблюденіемъ старинной орѳографіи цѣлое стихотвореніе. На другихъ карнизахъ красовались уморительныя рожи, корчившія гримасы. Верхній этажъ дома образовывалъ надъ нижнимъ большой выступъ; подъ самою крышей шла водосточная труба, оканчивавшаяся драконовою головой. Дождевая вода должна была вытекать у дракона изъ пасти, но текла изъ живота,—труба была дырявая.

Всѣ остальные дома въ улицѣ были такіе новенькіе, чис-

теньkіе, съ большими окнами и прямыми ровными стѣнами; по всему видно было, что они не желали имѣть со старымъ домомъ ничего общаго и даже думали: „Долго-ли онъ будетъ торчать тутъ на позоръ всей улицѣ? Изъ-за этого выступа намъ не видно, что дѣлается на улицѣ по ту сторону его! А лѣстница-то, лѣстница-то! Широкая, будто во дворцѣ, и высокая, словно ведетъ на колокольню! Желѣзныя перила напоминаютъ входъ въ могильный склепъ, а на дверяхъ блестятъ большія мѣдныя бляхи! Просто неприлично!“

Противъ стараго дома, на другой сторонѣ улицы, стояли такіе же новенькіе, чистенькіе домики и думали то же, что ихъ собратья; но въ одномъ изъ нихъ сидѣлъ у окна маленькій краснощекій мальчикъ, съ ясными сіяющими глазками; ему старый домъ и при солнечномъ, и при лунномъ свѣтѣ нравился куда больше всѣхъ остальныхъ домовъ. Глядя на стѣну стараго дома съ истрескавшеюся и мѣстами пообвалившеюся штукатуркою, онъ рисовалъ себѣ самыя причудливыя картины прошлаго, воображалъ всю улицу застроенною такими же домами съ широкими лѣстницами, выступами и остроконечными крышами, видѣлъ передъ собою солдатъ съ аллебардами и водосточныя трубы въ видѣ драконовъ и зміевъ... Да, можно таки было заглядѣться на старый домъ! Жилъ въ немъ одинъ старичокъ, носившій короткія панталоны до колѣнъ, кафтанъ съ большими металлическими пуговицами и парикъ, про который сразу можно было сказать: вотъ это настоящій парикъ! По утрамъ къ старику приходилъ старый слуга, который прибиралъ все въ домѣ и исполнялъ порученія старичка-хозяина; остальное время дня старикъ оставался въ домѣ одинъ-одинешенекъ. Иногда онъ подходилъ къ окну взглянуть на улицу и на сосѣдніе дома; мальчикъ, сидѣвшій у окна, кивалъ старику головой и получалъ въ отвѣтъ такой же дружескій кивокъ. Такъ они познакомились и подружились, хоть и ни разу не говорили другъ съ другомъ,—это ничуть имъ не помѣшало!

Разъ мальчикъ услышалъ, какъ родители его говорили:

— Старику живется вообще недурно, но онъ такъ одинокъ, бѣдный!

Въ слѣдующее же воскресенье мальчикъ завернулъ что-то въ бумажку, вышелъ за ворота и остановилъ проходившаго мимо слугу старика.

— Послушай! Снеси-ка это отъ меня старому господину!

У меня два оловянныхъ солдатика, такъ вотъ ему одинъ! Старый господинъ, вѣдь, такъ одинокъ, бѣдный!

Слуга, видимо, обрадовался, кивнулъ головой и отнесъ солдатика въ старый домъ. Потомъ тотъ же слуга явился къ мальчику спросить, не пожелаетъ-ли онъ самъ навѣстить стараго господина. Родители позволили, и мальчикъ отправился въ гости.

Мѣдныя бляхи на перилахъ лѣстницы блестѣли ярче обыкновеннаго, точно ихъ вычистили въ ожиданіи гостя, а рѣзные трубачи—на дверяхъ были, вѣдь, вырѣзаны трубачи, выглядывавшіе изъ тюльпановъ,—казалось, трубили изо всѣхъ силъ, и щеки ихъ раздувались сильнѣе, чѣмъ всегда. Они трубили: „Тра-та-та-та! Мальчикъ идетъ! Тра-та-та-та!“—Двери отворились, и мальчикъ вошелъ въ корридоръ. Всѣ стѣны были увѣшаны старыми портретами рыцарей въ латахъ и дамъ въ шелковыхъ платьяхъ; рыцарскіе доспѣхи бряцали, а платья шуршали... Потомъ мальчикъ прошелъ лѣстницу, которая сначала шла высоко вверхъ, а потомъ опять внизъ, и очутился на довольно таки ветхой террасѣ съ большими дырами и широкими щелями въ полу, изъ которыхъ выглядывала зеленая трава и листья. Вся терраса, весь дворъ и даже вся стѣна дома были увиты зеленью, такъ что терраса смотрѣла настоящимъ садомъ, а на самомъ-то дѣлѣ это была только терраса! Тутъ стояли старинные цвѣточные горшки въ видѣ головъ съ ослиными ушами; цвѣты росли въ нихъ какъ хотѣли. Въ одномъ горшкѣ такъ и лѣзла черезъ край гвоздика: зеленые побѣги ея разбѣгались во всѣ стороны, и гвоздика какъ будто говорила: „Вѣтерокъ ласкаетъ меня, солнышко цѣлуетъ и обѣщаетъ подарить мнѣ въ воскресенье еще цвѣточекъ!“

Съ террасы мальчика провели въ комнату, обитую свиною кожей съ золотымъ тисненіемъ.

Да, позолота-то сотрется,
Свиная-жъ кожа остается!

говорили стѣны.

Въ той же комнатѣ стояли разукрашенныя рѣзьбою кресла съ высокими спинками.

— Садись! Садись!—приглашали они, а потомъ жалобно скрипѣли.—Охъ, какой ломъ въ костяхъ! И мы схватили ревматизмъ, какъ старый шкафъ. Ревматизмъ въ спинѣ! Охъ!

Затѣмъ мальчикъ вошелъ въ комнату съ большимъ выступомъ на улицу. Тутъ сидѣлъ самъ старичокъ-хозяинъ.

— Спасибо за оловяннаго солдатика, дружокъ!—сказалъ онъ мальчику.—И спасибо, что самъ зашелъ ко мнѣ!

„Такъ, такъ“ или, скорѣе, „кхакъ, кхакъ!“—закряхтѣла и заскрипѣла комнатная мебель. Стулья, столы и кресла просто лѣзли другъ на друга, чтобы взглянуть на мальчика, но ихъ было такъ много, что они только мѣшали одинъ другому.

На стѣнѣ висѣлъ портретъ прелестной молодой дамы съ живымъ веселымъ лицомъ, но причесаной и одѣтой по старинной модѣ: волосы ея были напудрены, а платье стояло коломъ. Она не сказала ни „такъ“, ни „кхакъ“, но ласково смотрѣла на мальчика, и онъ сейчасъ же спросилъ старика:

— Гдѣ ты ее досталъ?

— Въ лавкѣ старьевщика!—отвѣчалъ тотъ.—Тамъ много такихъ портретовъ, но никому до нихъ нѣтъ и дѣла: никто не знаетъ, съ кого они писаны,—всѣ эти лица давнымъ-давно умерли и похоронены. Вотъ и этой дамы нѣтъ на свѣтѣ лѣтъ пятьдесятъ, но я знавалъ ее въ старину.

Подъ картиной висѣлъ за стекломъ букетикъ сушеныхъ цвѣтовъ; имъ, вѣрно, тоже было лѣтъ подъ пятьдесятъ,—такія они были старые! Маятникъ большихъ старинныхъ часовъ качался взадъ и впередъ, стрѣлка, двигалась и все въ комнатѣ старѣло съ каждою минутой, само того не замѣчая.

— У насъ дома говорятъ, что ты ужасно одинокъ!—сказалъ мальчикъ.

— О! меня постоянно навѣщаютъ воспоминанія прошлаго... Они приводятъ съ собой столько знакомыхъ лицъ и образовъ!.. А теперь вотъ и ты навѣстилъ меня! Нѣтъ, мнѣ хорошо!

И старичокъ снялъ съ полки книгу съ картинками. Тутъ были цѣлыя процессіи, диковинныя кареты, которыхъ теперь ужъ не увидишь, солдаты, похожіе на трефовыхъ валетовъ, городскіе ремесленники съ развѣвающимися знаменами. У портныхъ на знаменахъ красовались ножницы, поддерживаемыя двумя львами, у сапожниковъ же не сапоги, а орелъ о двухъ головахъ; сапожники, вѣдь, дѣлаютъ все парныя вещи. Да, вотъ такъ картинки были!

Старичокъ-хозяинъ пошелъ въ другую комнату за вареньемъ, яблоками и орѣхами. Нѣтъ, въ старомъ домѣ, право, было прелесть какъ хорошо!

— А мнѣ просто не въ мочь оставаться здѣсь!—сказалъ оловянный солдатикъ, стоявшій на сундукѣ.—Тутъ такъ пусто и печально. Нѣтъ, кто привыкъ къ семейной жизни, тому здѣсь не житье. Силъ моихъ больше нѣтъ! День тянется здѣсь безъ конца, а вечеръ и того дольше! Тутъ не услышишь ни пріятныхъ бесѣдъ по душѣ, какія вели, бывало, между собою твои папаша съ мамашей, ни веселой возни ребятишекъ, какъ у васъ! Старый хозяинъ такъ одинокъ! Ты думаешь, его кто-нибудь цѣлуетъ? Глядитъ на него кто-нибудь ласково? Бываетъ у него елка? Получаетъ онъ подарки? Ничего! Вотъ развѣ гробъ онъ получитъ!.. Нѣтъ, право, я не выдержу такого житья!

— Ну, ну, полно!—сказалъ мальчикъ.—По моему, здѣсь чудесно; сюда, вѣдь, заглядываютъ воспоминанія и приводятъ съ собою столько знакомыхъ лицъ!

— Что-то не видалъ ихъ, да они мнѣ и незнакомы!—отвѣчалъ оловянный солдатикъ.—Нѣтъ, мнѣ просто не подъ силу оставаться здѣсь!

— А надо!—сказалъ мальчикъ.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ съ веселою улыбкой на лицѣ старичокъ, и чего-чего онъ только ни принесъ! И варенья, и яблокъ, и орѣховъ! Мальчикъ пересталъ и думать объ оловянномъ солдатикѣ.

Веселый и довольный вернулся онъ домой. Дни шли за днями; въ старый домъ попрежнему посылались, а оттуда получались поклоны, и вотъ, мальчикъ опять отправился туда въ гости.

Рѣзные трубачи опять затрубили: „Тра-та-та! Мальчикъ пришелъ! Тра-та-та!“ Рыцари и дамы на портретахъ бряцали доспѣхами и шуршали шелковыми платьями, свиная кожа говорила, а старыя кресла скрипѣли и кряхтѣли отъ ревматизма въ спинѣ: „Охъ!“ Словомъ, все было какъ и въ первый разъ,—въ старомъ домѣ часы и дни шли одинъ какъ другой, безъ всякой перемѣны.

— Нѣтъ, я не выдержу!—сказалъ оловянный солдатикъ.—Я ужъ плакалъ оловомъ! Тутъ слишкомъ печально! Пусть лучше пошлютъ меня на войну, отрубятъ тамъ руку или ногу! Все-таки хоть перемѣна будетъ! Силъ моихъ больше нѣтъ!.. Теперь и я знаю, что это за воспоминанія, которыя приводятъ съ собою знакомыхъ лицъ! Меня они тоже посѣтили, и повѣрь, имъ не обрадуешься! По крайней мѣрѣ не надолго. Подъ конецъ я готовъ былъ спрыгнуть съ сундука!.. Я видѣлъ тебя и

всѣхъ твоихъ!.. Вы всѣ стояли передо мною, какъ живые!.. Это было утромъ въ воскресенье... Всѣ вы, ребятишки, стояли въ столовой, такіе серьезные, набожно сложивъ руки, и пѣли утренній псаломъ... Папа и мама стояли тутъ же. Вдругъ дверь отворилась, и вошла незванная двухгодовалая сестренка ваша Маня. А ей стоитъ только услыхать музыку или пѣніе—все равно какое—сейчасъ начинаетъ плясать. Вотъ она и принялась приплясывать, но никакъ не могла попасть въ тактъ,—вы пѣли такъ протяжно... Она поднимала то одну ножку, то другую и вытягивала шейку, но дѣло не ладилось. Никто изъ васъ даже не улыбнулся, хоть и трудно было удержаться. Я таки и не удержался, засмѣялся про себя, да и слетѣлъ со стола! На лбу у меня вскочила большая шишка—она и теперь еще не прошла—и подѣломъ мнѣ было!.. Много и еще чего вспоминается мнѣ... Все, что я видѣлъ, слышалъ и пережилъ въ вашей семьѣ такъ и всплываетъ у меня передъ глазами! Вотъ каковы они, эти воспоминанія, и вотъ что они приводятъ съ собой!.. Скажи, вы и теперь еще поете по утрамъ? Разскажи мнѣ что-нибудь про малютку Маню! А товарищъ мой, оловянный солдатикъ, какъ поживаетъ? Вотъ счастливецъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, я просто не выдержу!..

— Ты подаренъ!—сказалъ мальчикъ.—И долженъ оставаться тутъ! Развѣ ты не понимаешь этого?

Старичокъ-хозяинъ явился съ ящикомъ, въ которомъ было много разныхъ диковинокъ: какія-то шкатулочки, флакончики и колоды старинныхъ картъ; такихъ большихъ, расписанныхъ золотомъ, теперь ужъ не увидишь! Старичокъ отперъ для гостя и большіе ящики стариннаго бюро и даже клавикорды, на крышкѣ которыхъ былъ нарисованъ ландшафтъ. Иструментъ издавалъ подъ рукой хозяина тихіе дребезжащіе звуки, а самъ старичокъ напѣвалъ при этомъ какую-то заунывную пѣсенку.

— Эту пѣсню пѣвала когда-то она!—сказалъ онъ, кивая на портретъ, купленный у старьевщика, и глаза его заблестѣли.

— Я хочу на войну! Хочу на войну!—завопилъ вдругъ оловянный солдатикъ и бросился съ сундука.

Куда же онъ дѣвался? Искалъ его и самъ старичокъ-хозяинъ, искалъ и мальчикъ—нѣтъ нигдѣ, да и только.

— Ну, я найду его послѣ!—сказалъ старичокъ, но такъ и не нашелъ. Полъ весь былъ въ щеляхъ, солдатикъ упалъ въ одну изъ нихъ и лежалъ тамъ, какъ въ открытой могилѣ.

Вечеромъ мальчикъ вернулся домой. Время шло; наступила зима; окна замерзли, и мальчику приходилось дышать на нихъ, чтобы оттаяло хоть маленькое отверстіе, въ которое бы можно было взглянуть на улицу. Снѣгъ запорошилъ всѣ завитушки и надпись на карнизахъ стараго дома и завалилъ лѣстницу,— домъ стоялъ словно нежилой. Да такъ оно и было: старичокъ, хозяинъ его, умеръ.

Вечеромъ къ старому дому подъѣхала колесница, на нее поставили гробъ и повезли старичка за-городъ въ фамильный склепъ. Никто не шелъ за гробомъ,—всѣ друзья старика давнымъ-давно умерли. Мальчикъ послалъ вслѣдъ гробу воздушный поцѣлуй.

Нѣсколько дней спустя въ старомъ домѣ назначенъ былъ аукціонъ. Мальчикъ видѣлъ изъ окошка, какъ уносили старинные портреты рыцарей и дамъ, цвѣточные горшки съ длинными ушами, старые стулья и шкафы. Одно пошло сюда, другое туда; портретъ дамы, купленный въ лавкѣ старьевщика, вернулся туда же, да такъ тамъ и остался: никто, вѣдь, не зналъ этой дамы, никому и ненуженъ былъ ея портретъ.

Весною приступили къ сломкѣ стараго дома—этотъ жалкій сарай давно уже мозолилъ всѣмъ глаза—и съ улицы можно было заглянуть въ самыя комнаты съ обоями изъ свиной кожи, висѣвшей клочьями; зелень на террасѣ разрослась еще пышнѣе и густо обвивала упавшія балки. Наконецъ, мѣсто очистили совсѣмъ.

— Вотъ и отлично!—сказали сосѣдніе дома.

Вмѣсто стараго дома на улицѣ появился новый, съ большими окнами и бѣлыми, ровными стѣнами. Передъ нимъ, то-есть собственно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде старый домъ, разбили садикъ, и виноградныя лозы потянулись оттуда къ стѣнѣ сосѣдняго дома. Садикъ былъ обнесенъ желѣзною рѣшеткой, и вела въ него желѣзная же калитка. Все это выглядѣло такъ нарядно, что прохожіе останавливались и глядѣли сквозь рѣшетку. Виноградныя лозы были усѣяны десятками воробьевъ, которые чирикали на перебой, но не о старомъ домѣ,— они, вѣдь, не могли его помнить; съ тѣхъ поръ прошло столько лѣтъ, что мальчикъ успѣлъ сдѣлаться мужчиною. Изъ него вышелъ дѣльный человѣкъ на радость своимъ родителямъ. Онъ только что женился и переѣхалъ съ своею молодою женой какъ-разъ въ этотъ новый домъ съ садомъ. Оба они были въ саду; мужъ

смотрѣлъ, какъ жена сажала въ клумбу какой-то приглянувшійся ей полевой цвѣтокъ. Вдругъ молодая женщина вскрикнула:

— Ай! Что это?

Она укололась,—изъ мягкой рыхлой земли торчало что-то острое. Это былъ—да, подумайте!—оловянный солдатикъ, тотъ самый, что пропалъ у старика, валялся въ мусорѣ и, наконецъ, много-много лѣтъ пролежалъ въ землѣ.

Молодая женщина обтерла солдатика сначала зеленымъ листкомъ, а затѣмъ своимъ тонкимъ носовымъ платкомъ. Какъ чудесно пахло отъ него духами! Оловянный солдатикъ словно очнулся отъ обморока.

— Дай-ка мнѣ посмотрѣть! — сказалъ молодой человѣкъ, засмѣялся и покачалъ головой.—Ну, это, конечно, не тотъ самый, но онъ напоминаетъ мнѣ одну исторію изъ моего дѣтства!

И онъ разсказалъ женѣ о старомъ домѣ, о хозяинѣ его и объ оловянномъ солдатикѣ, котораго послалъ бѣдному одинокому старичку. Словомъ, онъ разсказалъ все, какъ было въ дѣйствительности, и молодая женщина даже прослезилась, слушая его.

— А, можетъ быть, это и тотъ самый оловянный солдатикъ!—сказала она.—Я спрячу его на память. Но ты непремѣнно покажи мнѣ могилу старика!

— Я и самъ не знаю, гдѣ она!—отвѣчалъ онъ.—Да и никто не знаетъ! Всѣ его друзья умерли раньше его, никому не было и дѣла до его могилы, я же въ тѣ времена былъ еще совсѣмъ маленькимъ мальчуганомъ.

— Какъ ужасно быть такимъ одинокимъ!—сказала она.

— Ужасно быть одинокимъ! — сказалъ оловянный солдатикъ.—Но какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

— Счастье! — повторилъ чей-то голосъ возлѣ, но никто не разслышалъ его, кромѣ оловяннаго солдатика.

Оказалось, что это говорилъ лоскутокъ свиной кожи, которою когда-то были обиты комнаты стараго дома. Позолота съ него вся сошла, и онъ былъ похожъ скорѣе на грязный комокъ земли, но у него былъ свой взглядъ, и онъ высказалъ его:

Да, позолота-то сотрется,
Свиная-жъ кожа остается!

Оловянный солдатикъ, однако, съ этимъ не согласился.

КАПЛЯ ВОДЫ.

Вы, конечно, видали увеличительное стекло—круглое, выпуклое, черезъ которое всѣ вещи кажутся во сто разъ больше, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ? Если черезъ него поглядѣть на каплю воды, взятой гдѣ-нибудь изъ пруда, то увидишь цѣлыя тысячи диковинныхъ звѣрьковъ, которыхъ вообще никогда не видно въ водѣ, хотя они тамъ и есть. Смотришь на каплю такой воды, а передъ тобой ни дать—ни взять цѣлая тарелка живыхъ креветокъ, которыя прыгаютъ, копошатся, хлопочутъ, откусываютъ другъ у друга то переднюю ножку, то заднюю, то тутъ уголокъ, то тамъ кончикъ, и радуются и веселятся посвоему!

Жилъ-былъ одинъ старикъ, котораго всѣ звали „Копуномъ-Хлопотуномъ“,—такое ужъ у него было имя. Онъ вѣчно копался и хлопоталъ надъ всякою вещью, желая извлечь изъ нея все, что только вообще можно, а нельзя было достигнуть этого простымъ путемъ—прибѣгалъ къ колдовству.

Вотъ сидитъ онъ разъ, да смотритъ черезъ увеличительное стекло на каплю воды, взятой прямо изъ лужи. Батюшки мои, какъ эти звѣрьки копошились и хлопотали тутъ! Ихъ были тысячи, и всѣ они прыгали, скакали, кусались, щипались и пожирали другъ друга.

— Но, вѣдь, это отвратительно!—вскричалъ старый Копунъ-Хлопотунъ.—Нельзя-ли ихъ какъ-нибудь умиротворить, ввести у нихъ порядокъ, чтобы всякій зналъ свое мѣсто и свои права?

Думалъ, думалъ старикъ, а все ничего придумать не могъ. Пришлось прибѣгнуть къ колдовству.

— Надо ихъ окрасить, чтобы они больше бросались въ глаза!—сказалъ онъ и чуть капнулъ на нихъ какою-то жидкостью, вродѣ краснаго вина; но это было не вино, а вѣдьмина кровь, самаго перваго сорта. Всѣ диковинные звѣрьки вдругъ приняли красноватый оттѣнокъ, и каплю воды можно было теперь принять за цѣлый городъ, кишѣвшій голыми индійцами-дикарями.

— Что у тебя тутъ?—спросилъ старика другой колдунъ безъ имени,—этимъ-то онъ какъ-разъ и отличался.

— А вотъ, угадай!—отозвался Копунъ-Хлопотунъ.—Угадаешь—я подарю тебѣ эту штуку. Но угадать не такъ-то легко, если не знаешь, въ чемъ дѣло!

Колдунъ безъ имени поглядѣлъ въ увеличительное стекло. Право, передъ нимъ былъ цѣлый городъ, кишѣвшій людьми, но всѣ они бѣгали нагишомъ! Ужасъ, что такое! А еще ужаснѣе было то, что они немилосердно толкались, щипались, кусались и рвали другъ друга въ клочья! Кто былъ внизу—непремѣнно выбивался наверхъ, кто былъ наверху—попадалъ внизъ.

— Гляди, гляди! Вонъ у того нога длиннѣе моей! Долой ее! А вотъ у этого крошечная шишка за ухомъ, крошечная, невинная шишка, но ему отъ нея больно, такъ пусть будетъ еще больнѣе!

И они кусали бѣднягу, рвали на части и пожирали за то, что у него была крошечная шишка. Смотрятъ, кто-нибудь сидитъ себѣ смирно, какъ красная дѣвица, никого не трогаетъ, лишь бы и его не трогали, такъ нѣтъ, давай его тормошить, таскать, теребить, пока отъ него не останется и слѣда!

— Ужасно забавно!—сказалъ колдунъ безъ имени.

— Ну, а что это такое, по твоему? Можешь угадать?—спросилъ Копунъ-Хлопотунъ.

— Тутъ и угадывать нечего! Сразу видно!—отвѣчалъ тотъ.—Это—Копенгагенъ или другой какой-нибудь большой городъ; они всѣ, вѣдь, похожи одинъ на другой!.. Одинъ изъ большихъ городовъ!

— Капля воды изъ лужи!—промолвилъ Копунъ-Хлопотунъ.

СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ.

Самый большой листъ у насъ, конечно, листъ лопуха: надѣнешь его на животикъ—точно передникъ, а положишь въ дождикъ на головку—зонтикъ! Такой большущій этотъ лопухъ! И онъ никогда не растетъ въ одиночку, а всегда ужъ гдѣ одинъ, тамъ и много,—такая роскошь! И вся эта роскошь—кушанье для улитокъ! А самихъ улитокъ, бѣлыхъ, большихъ, кушали въ старину важные господа; изъ улитокъ приготовлялось фрикассе, и господа, кушая его, приговаривали: „Ахъ, какъ вкусно!“ Они и вправду воображали себѣ, что это ужасно вкусно. Такъ вотъ, эти большія, бѣлыя улитки ѣли лопухъ, потому и стали сѣять лопухъ.

Была одна старая барская усадьба, гдѣ ужъ давно не ѣли улитокъ, и онѣ всѣ повымерли. А лопухъ не вымеръ; онъ себѣ

все росъ да росъ,—его ничѣмъ нельзя было заглушить; всѣ аллеи, всѣ грядки заросли лопухомъ, такъ что и садъ сталъ не садъ, а лопушиный лѣсъ; никто бы и не догадался, что тутъ былъ прежде садъ, если бы кое-гдѣ не торчали еще то яблонька, то сливовое деревцо. Вотъ въ этомъ-то лопушиномъ лѣсу и жила послѣдняя пара старыхъ-престарыхъ улитокъ.

Онѣ и сами не знали, сколько имъ лѣтъ, но отлично помнили, что прежде ихъ было много, что онѣ очень старинной иностранной породы, и что весь этотъ лѣсъ былъ насаженъ собственно для нихъ и ихъ родичей. Старыя улитки ни разу не выходили изъ своего лѣса, но знали, что *гдѣ-то* есть *что-то*, называющееся „барскою усадьбой"; тамъ улитокъ варятъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не почернѣютъ, а потомъ кладутъ на серебряное блюдо. Что было дальше, онѣ не знали. Не знали онѣ тоже и даже представить себѣ не могли, что такое значитъ свариться и лежать на серебряномъ блюдѣ; знали только, что это было чудесно и главное аристократично! И ни майскій жукъ, ни жаба, ни дождевой червякъ — никто изъ тѣхъ, кого онѣ спрашивали, ничего не могъ сказать объ этомъ: никому еще не приходилось быть свареннымъ и лежать на серебряномъ блюдѣ!

Что же касается самихъ себя, то улитки отлично знали, что онѣ первыя въ свѣтѣ, что весь лѣсъ растетъ только для нихъ, а усадьба существуетъ лишь для того, чтобы онѣ могли свариться и лежать на серебряномъ блюдѣ.

Жили улитки тихо, мирно и очень счастливо. Дѣтей у нихъ не было, и они взяли на воспитаніе улитку изъ простыхъ. Пріемышъ ихъ ни за что не хотѣлъ рости,—онъ былъ, вѣдь, обыкновенной, простой породы—но старикамъ, особенно улиткѣ-мамашѣ, все казалось, что онъ замѣтно увеличивается, и она просила улитку-папашу, если онъ не видитъ этого такъ, ощупать раковину малютки! Папаша щупалъ и соглашался съ мамашей.

Разъ шелъ сильный дождь.

— Ишь, какъ барабанитъ по лопуху!—сказалъ улитка-папаша.

— Такъ и льетъ!—сказала улитка-мамаша.—Вонъ какъ потекло внизъ по стебелькамъ! Увидишь, какъ здѣсь будетъ сыро! Какъ я рада, что у насъ и у сынка нашего такіе прочные домики! Нѣтъ, что ни говори, а, вѣдь, намъ дано больше, чѣмъ кому другому въ свѣтѣ! Сейчасъ видно, что мы первыя въ мірѣ! У насъ съ самаго рожденія есть уже свои дома, для

насъ насаженъ цѣлый лопушиный лѣсъ! А хотѣлось бы знать, какъ далеко онъ тянется и что тамъ за нимъ?

— Ничего!—сказалъ улитка-папаша.—Ужъ лучше, чѣмъ у насъ тутъ, и быть нигдѣ не можетъ; я, по крайней мѣрѣ, лучшаго не ищу.

— А мнѣ,—сказала улитка-мамаша:—хотѣлось бы попасть въ усадьбу, свариться и лежать на серебряномъ блюдѣ. Этого удостаивались всѣ наши предки, и ужъ повѣрь, въ этомъ есть что-нибудь особенное!

— Усадьба, пожалуй, давно разрушилась,—сказалъ улитка-папаша:—или вся заросла лопухомъ, такъ что людямъ и не выбраться оттуда. Да и къ чему такъ спѣшить? А ты вотъ вѣчно спѣшишь, и сынокъ нашъ туда же за тобой. Вѣдь, онъ ужъ третій день все ползетъ вверхъ по стебельку; просто голова кружится, какъ поглядишь!

— Ну, не ворчи на него!—сказала улитка-мамаша.—Онъ ползетъ осторожно. Онъ навѣрно утѣшитъ насъ на старости лѣтъ, а, вѣдь, намъ, старикамъ, больше и жить не для чего. Только подумалъ-ли ты, откуда намъ взять ему жену? Что, по твоему, тамъ, дальше, въ лопухѣ, не найдется кого-нибудь изъ нашего рода?

— Черныя улитки безъ домовъ есть, конечно,—сказалъ улитка-папаша:—но, вѣдь, это же простонародіе! Да и много онѣ о себѣ думаютъ! Можно, впрочемъ, поручить это дѣло муравьямъ; они вѣчно шныряютъ взадъ да впередъ, точно за дѣломъ, и ужъ вѣрно знаютъ, гдѣ надо искать жену для нашего сынка.

— Знаемъ, знаемъ одну красавицу изъ красавицъ!—сказали муравьи.—Только наврядъ-ли она подойдетъ вамъ,—она, вѣдь, королева!

— Это не бѣда!—сказали старики.—А есть-ли у нея домъ?

— Даже дворецъ!—сказали муравьи.—Чудеснѣйшій муравейникъ съ семьюстами ходовъ!

— Благодаримъ покорно!—сказала улитка-мамаша.—Сыну нашему не съ чего лѣзть въ муравейникъ! Если у васъ нѣтъ на примѣтѣ никого получше, то мы поручимъ дѣло комарамъ; они летаютъ и въ дождь и въ солнышко и знаютъ лопушиный лѣсъ вдоль и поперекъ.

— У насъ есть невѣста для вашего сына!—сказали комары.—Шагахъ во ста отсюда, на кустикѣ крыжовника сидитъ,

въ своемъ домикѣ, одна маленькая улитка. Она живетъ одна-одинешенька и какъ-разъ въ такомъ возрастѣ, что можетъ выйти замужъ. Всего во ста шагахъ отсюда!

— Такъ пусть она явится къ нему!—сказали старики.—У него цѣлый лопушиный лѣсъ, а у нея всего на всего одинъ кустикъ!

За улиткой-невѣстой послали. Она отправилась въ путь и благополучно добралась до лопуховъ на восьмой день путешествія. Вотъ что значитъ чистота породы!

Отпраздновали свадьбу. Шесть червяковъ-свѣтляковъ свѣтили изо всѣхъ силъ; вообще же свадьба была очень тихая: старики не любили шума. Зато улитка-мамаша сказала чудеснѣйшую рѣчь. Папаша не могъ, онъ былъ такъ растроганъ! И вотъ, старики отдали молодымъ во владѣніе весь лопушиный лѣсъ, сказавъ при этомъ, какъ они и всю жизнь свою говорили, что лучше этого лѣса нѣтъ ничего на свѣтѣ и что, если молодые будутъ честно и благородно жить и плодиться, то когда-нибудь имъ, или ихъ дѣтямъ, доведется попасть въ усадьбу: тамъ ихъ сварятъ до-черна и положатъ на серебряное блюдо!

Затѣмъ, старики вползли въ свои домики и больше ужъ не показывались,—они заснули.

А молодыя улитки стали царствовать въ лѣсу и оставили послѣ себя большое потомство. Попасть же въ усадьбу и лежать на серебряномъ блюдѣ имъ такъ и не удалось! Поэтому онѣ рѣшили, что усадьба совсѣмъ разрушилась, а всѣ люди на свѣтѣ повымерли. Никто имъ не противорѣчилъ,—значитъ, такъ оно и было. И вотъ, дождь барабанилъ по лопуху, чтобы позабавить улитокъ, а солнце сіяло, чтобы зеленѣлъ ихъ лопухъ, и онѣ были счастливы, счастливы! И вся ихъ семья была счастлива,—такъ-то!

МАТЬ.

Мать сидѣла у колыбели своего ребенка; какъ она горевала, какъ боялась, что онъ умретъ! Личико его совсѣмъ поблѣднѣло, глазки были закрыты, дышалъ онъ такъ слабо, а по временамъ тяжело-тяжело переводилъ духъ, точно вздыхалъ...

И сердце матери сжималось еще больнѣе при взглядѣ на маленькое созданьице.

Вдругъ въ дверь постучали, и вошелъ бѣдный старикъ, закутанный во что-то вродѣ лошадиной попоны,—попона, вѣдь, грѣетъ, а ему того и надо было: стояла холодная зима, на дворѣ все было покрыто снѣгомъ и льдомъ, а вѣтеръ такъ и рѣзалъ лицо.

Видя, что старикъ дрожитъ отъ холода, а дитя задремало на минуту, мать отошла отъ колыбели, чтобы налить для гостя въ кружку пива и поставить его погрѣться въ печку. Старикъ же въ это время подсѣлъ къ колыбели и сталъ покачивать ребенка. Мать опустилась на стулъ рядомъ, взглянула на больного ребенка, прислушалась къ его тяжелому дыханію и взяла его за ручку.

— Вѣдь, я не лишусь его, не правда-ли?—сказала она.— Господь не отниметъ его у меня!

Старикъ—это была сама Смерть—какъ-то странно кивнулъ головою; кивокъ этотъ могъ означать и „да“, и „нѣтъ“. Мать опустила голову, и слезы потекли по ея щекамъ... Скоро голова ея отяжелѣла,—бѣдная не смыкала глазъ вотъ уже три дня и три ночи... Она забылась сномъ, но всего лишь на минуту; тутъ она опять встрепенулась и задрожала отъ холода.

— Что это!?—воскликнула она, озираясь вокругъ: старикъ исчезъ, а съ нимъ и дитя; старикъ унесъ его.

Въ углу глухо шипѣли старые часы; тяжелая свинцовая гиря дошла до полу... Бумъ! и часы остановились.

Бѣдная мать выбѣжала изъ дома, громко призывая своего ребенка.

На снѣгу сидѣла женщина въ длинномъ черномъ одѣяніи и сказала матери:

— Смерть посѣтила твой домъ, и я видѣла, какъ она скрылась съ твоимъ малюткой. Она носится быстрѣе вѣтра и никогда не возвращаетъ, что̀ разъ взяла!

— Скажи мнѣ только, какою дорогой она пошла!—сказала мать.—Только укажи мнѣ путь, и я найду ее!

— Я знаю, куда она пошла, но не скажу, пока ты не споешь мнѣ всѣхъ пѣсенокъ, которыя пѣвала своему малюткѣ!— сказала женщина въ черномъ.—Я очень люблю ихъ. Я уже слышала ихъ не разъ,—я, вѣдь, Ночь—и видѣла, какъ ты плакала, напѣвая ихъ!..

— Я спою тебѣ ихъ всѣ, всѣ!—отвѣчала мать.—Но не

задерживай меня теперь, мнѣ надо догнать Смерть, найти моего ребенка!

Ночь молчала, и мать, ломая руки и заливаясь слезами, запѣла. Много было спѣто пѣсенъ—еще больше пролито слезъ. И вотъ, Ночь промолвила:

— Ступай направо, прямо въ темный сосновый боръ; туда направилась Смерть съ твоимъ ребенкомъ.

Дойдя до перекрестка въ глубинѣ бора, мать остановилась. Куда идти теперь? У самаго перекрестка стоялъ голый терновый кустъ, безъ листьевъ, безъ цвѣтовъ; была, вѣдь, холодная зима, и онъ почти весь обледенѣлъ.

— Не проходила-ли тутъ Смерть съ моимъ ребенкомъ?

— Проходила!—сказалъ терновый кустъ.—Но я не скажу, куда она пошла, пока ты не отогрѣешь меня на своей груди, у своего сердца. Я мерзну, и скоро весь обледенѣю.

И она крѣпко прижала его къ своей груди. Острые шипы глубоко вонзились ей въ тѣло, и на груди ея выступили крупныя капли крови... Зато терновый кустъ зазеленѣлъ и весь покрылся цвѣтами, несмотря на холодъ зимней ночи, — такъ тепло у сердца скорбящей матери! И терновый кустъ указалъ ей дорогу.

Она привела мать къ большому озеру; нигдѣ не было видно ни корабля, ни лодки. Озеро было слегка затянуто льдомъ; ледъ этотъ не сдержалъ бы ея и въ то же время не позволялъ ей пуститься черезъ озеро въ бродъ; да и глубоко было! А ей все-таки надо было переправиться черезъ него, если она хотѣла найти своего ребенка. И вотъ, мать приникла къ озеру, чтобы выпить его все до дна; это невозможно для человѣка, но несчастная мать вѣрила въ чудо.

— Нѣтъ, изъ этого толку не будетъ!—сказало озеро.— Давай-ка лучше сговоримся! Я собираю жемчужины, а такихъ ясныхъ и чистыхъ, какъ твои глаза, я еще и не видывало. Если ты согласна выплакать ихъ въ меня, я перенесу тебя на тотъ берегъ, къ большой теплицѣ, гдѣ Смерть роститъ свои цвѣты и деревья: каждое растеніе—человѣческая жизнь!

— О, чего я ни отдамъ, чтобы только найти моего ребенка!—сказала плачущая мать, залилась слезами еще сильнѣе, и вотъ, глаза ея упали на дно озера и превратились въ двѣ драгоцѣнныя жемчужины. Озеро же подхватило мать, и она однимъ взмахомъ, какъ на качеляхъ, перенеслась на другой берегъ,

гдѣ стоялъ огромный диковинный домъ. И не разобрать было — гора-ли это, обросшая кустарникомъ и вся изрытая пещерами, или зданіе; бѣдная мать, впрочемъ, и вовсе не видѣла его, — она, вѣдь, выплакала свои глаза.

— Гдѣ же мнѣ найти Смерть, похитившую моего ребенка? — проговорила она.

— Она еще не возвращалась! — отвѣчала старая садовница, присматривавшая за теплицей Смерти. — Но какъ ты нашла сюда дорогу, кто помогъ тебѣ?

— Господь Богъ! — отвѣчала мать. — Онъ сжалился надо мною, сжалься же и ты! Скажи, гдѣ мнѣ искать моего ребенка?

— Да я, вѣдь, не знаю его! — сказала женщина. — А ты — слѣпая! Сегодня въ ночь завяло много цвѣтовъ и деревьевъ, и Смерть скоро придетъ пересаживать ихъ. Ты, вѣдь, знаешь, что у каждаго человѣка есть свое дерево жизни или свой цвѣтокъ, смотря по тому, каковъ онъ самъ. Съ виду они совсѣмъ обыкновенныя растенія, но въ каждомъ бьется сердце. Дѣтское сердечко тоже бьется; обойди же всѣ растенія — можетъ быть, ты и узнаешь сердце своего ребенка. А теперь, что-жъ ты мнѣ дашь, если я скажу тебѣ, какъ поступить дальше?

— Мнѣ нечего дать тебѣ! — отвѣчала несчастная мать. — Но я готова пойти для тебя на край свѣта!

— Ну, тамъ мнѣ нечего искать! — сказала женщина. — А ты, вотъ, отдай-ка мнѣ свои длинные, черные волосы. Ты сама знаешь, какъ они хороши, а я люблю хорошіе волосы. Я дамъ тебѣ въ обмѣнъ свои сѣдые; это все же лучше, чѣмъ ничего!

— Только-то? — сказала мать. — Да я съ радостью отдамъ тебѣ свои волосы!

И она отдала старухѣ свои прекрасные, черные волосы, получивъ въ обмѣнъ сѣдые.

Потомъ она вошла въ огромную теплицу Смерти, гдѣ росли въ перемежку цвѣты и деревья: здѣсь цвѣли, подъ стеклянными колпаками, нѣжные гіацинты, тамъ росли большіе, пышные піоны, тутъ — водяныя растенія, одни свѣжія и здоровыя, другія полузачахшія, обвитыя водяными змѣями, стиснутые клешнями черныхъ раковъ. Были здѣсь и великолѣпныя пальмы, и дубы, и платаны; росли и петрушка, и душистый тминъ. У каждаго дерева, у каждаго цвѣтка было свое имя; каждый цвѣтокъ, каждое деревцо было человѣческою жизнью, а сами-то люди были разбросаны по всему свѣту; кто жилъ въ Китаѣ,

кто въ Гренландіи, кто гдѣ. Попадались тутъ и большія деревья, росшія въ маленькихъ горшкахъ; имъ было страшно тѣсно, и горшки чуть-чуть не лопались; зато было много и маленькихъ, жалкихъ цвѣточковъ, росшихъ въ черноземѣ и обложенныхъ мхомъ; за ними, какъ видно, заботливо ухаживали, лелѣяли ихъ. Несчастная мать наклонялась ко всякому, даже самому маленькому, цвѣточку, прислушиваясь къ біенію его сердечка, и между милліонами узнала сердце своего ребенка!

— Вотъ онъ!—сказала она, протягивая руку къ маленькому, голубому крокусу, который печально свѣсилъ головку.

— Не трогай цвѣтка!—сказала старуха.—Но стань возлѣ него и, когда Смерть придетъ,—я жду ее съ минуты на минуту—не давай ей высадить его, пригрози вырвать какія-нибудь другія цвѣты. Этого она испугается,—она, вѣдь, отвѣчаетъ за нихъ Богу; ни одинъ цвѣтокъ не долженъ быть вырванъ безъ Его воли.

Вдругъ пахнуло леденящимъ холодомъ, и слѣпая мать догадалась, что явилась Смерть.

— Какъ ты нашла сюда дорогу?—спросила Смерть.—Какъ ты могла опередить меня?

— Я—мать!—отвѣчала та.

И Смерть протянула было свою длинную руку къ маленькому, нѣжному цвѣточку, но мать быстро защитила его руками, стараясь не помять при этомъ ни единаго лепестка. Тогда Смерть дохнула на ея руки; дыханіе Смерти было холоднѣе сѣвернаго вѣтра, и руки матери безсильно опустились.

— Не тебѣ тягаться со мною!—промолвила Смерть.

— Но Богъ сильнѣе тебя!—сказала мать.

— Я, вѣдь, только исполняю Его волю!—отвѣчала Смерть.—Я—его садовникъ, беру Его цвѣты и деревья и пересаживаю ихъ въ великій райскій садъ, въ невѣдомую страну, но какъ они тамъ растутъ, что дѣлается въ томъ саду—я не смѣю сказать тебѣ!

— Отдай мнѣ моего ребенка!—взмолилась мать, заливаясь слезами, а потомъ вдругъ захватила руками два великолѣпныхъ цвѣтка и закричала:—Я повырву всѣ твои цвѣты,—я въ отчаяніи!

— Не трогай ихъ!—сказала Смерть.—Ты говоришь, что ты несчастна, а сама хочешь сдѣлать несчастною другую мать!..

— Другую мать!—повторила бѣдная женщина и сейчасъ же выпустила изъ рукъ цвѣты.

— Вотъ тебѣ твои глаза!—сказала Смерть.—Я выловила ихъ изъ озера; они такъ ярко блестѣли тамъ, но я и не знала, что это твои. Возьми ихъ—они стали яснѣе прежняго—и взгляни вотъ сюда, въ этотъ глубокій колодезь! Я назову имена тѣхъ цвѣтковъ, что ты хотѣла вырвать, и ты увидишь все ихъ будущее, всю ихъ земную жизнь. Посмотри же, что̀ ты хотѣла уничтожить!

И мать взглянула въ колодезь: отрадно было видѣть, какимъ благодѣяніемъ была для міра жизнь одного, сколько счастія и радости разливалъ онъ вокругъ себя! Взглянула она и на жизнь другого—одно горе, нужда, отчаяніе и бѣдствія!

— Обѣ доли—Божья воля!—сказала Смерть.

— Который же изъ двухъ—цвѣтокъ несчастья и который—счастья?—спросила мать.

— Этого я не скажу!—отвѣчала Смерть.—Но знай, что въ судьбѣ одного изъ нихъ ты видѣла судьбу своего собственнаго ребенка, все его будущее!

У матери вырвался крикъ ужаса.

— Какая же судьба ожидала моего ребенка? Скажи мнѣ! Спаси невиннаго! Спаси мое дитя отъ всѣхъ этихъ бѣдствій! Возьми его лучше! Унеси въ царство Божіе! Забудь мои слезы, мои мольбы, все, что я говорила и дѣлала!

— Я не пойму тебя!—сказала Смерть.—Хочешь ты, чтобы я отдала тебѣ твое дитя или унесла его въ невѣдомую страну?

Мать заломила руки, упала на колѣни и взмолилась Творцу:

— Не внемли мнѣ, когда я прошу о чемъ-либо, несогласномъ съ Твоею всеблагою волей! Не внемли мнѣ! Не внемли мнѣ!

И она поникла головою...

А Смерть понесла ея ребенка въ невѣдомую страну.

ВОРОТНИЧОКЪ.

Жилъ-былъ щеголь; у него только и было за душой, что сапожная подножка, гребенка, да еще чудеснѣйшій щегольской воротничокъ. Вотъ о воротничкѣ-то и пойдетъ рѣчь.

Воротничокъ уже довольно пожилъ на свѣтѣ и, наконецъ, сталъ подумывать о женитьбѣ. Случилось ему разъ попасть въ стирку вмѣстѣ съ чулочною подвязкой.

— Ахъ!—сказалъ воротничокъ.—Что за грація, что за нѣжность и миловидность! Никогда не видалъ ничего подобнаго! Позвольте узнать ваше имя?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчала подвязка.

— А гдѣ вы, собственно, изволите пребывать?

Но подвязка была очень застѣнчива, вопросъ показался ей нескромнымъ, и она молчала.

— Вы, вѣроятно, повязка?—продолжалъ воротничокъ.— Вродѣ пояса, потайного пояса, такъ сказать? Да, да, я вижу, что вы служите и для красы, и для пользы.

— Пожалуйста, не заводите со мной разговоровъ!—сказала подвязка.—Я, кажется, не подала вамъ никакого повода!

— Ваша красота—достаточный поводъ!—сказалъ воротничокъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, подальше!—вскричала подвязка.—Вы на видъ настоящій мужчина!

— Какже, я, вѣдь, щеголь!—сказалъ воротничокъ.—У меня есть сапожная подножка и гребенка!

И совсѣмъ неправда. Эти вещи принадлежали не ему, а его господину; воротничокъ же только хвастался.

— Подальше, подальше!—сказала подвязка. —Я не привыкла къ такому обращенію!

— Недотрога!—сказалъ воротничокъ.

Тутъ его взяли, накрахмалили, высушили на солнцѣ и положили на гладильную доску.

Появился горячій утюгъ.

— Сударыня! — сказалъ воротничокъ утюжной плиткѣ. — Прелестная вдовушка! Я пылаю! Со мной происходитъ какое-то превращеніе! Я сгораю! Вы прожигаете меня насквозь! Ухъ!.. Вашу руку и сердце!

— Ахъ, ты, рвань!--сказала утюжная плитка и гордо проѣхалась по воротничку. Она воображала себя локомотивомъ, который тащитъ за собой по рельсамъ вагоны.

Воротничокъ немножко пообтрепался по краямъ, и явились ножницы подравнять ихъ.

— О!—воскликнулъ воротничокъ.—Вы, должно быть, первая танцовщица? Вы такъ чудесно вытягиваете ножки! Ничего подобнаго не видывалъ! Кто изъ людей можетъ сравниться съ вами? Вы безподобны!

— Знаемъ!—сказали ножницы.

— Вы достойны быть графиней! — продолжалъ воротничокъ. — Я владѣю только бариномъ-щеголемъ, сапожною подножкой и гребенкой... Ахъ, будь у меня графство...

— Онъ сватается?! — вскричали ножницы и, осердясь, съ розмаху такъ рѣзнули воротничокъ, что совершенно искалѣчили его.

Пришлось его бросить.

— Остается присвататься къ гребенкѣ! — сказалъ воротничокъ. — Удивительно, какъ сохранились ваши зубки, барышня!.. А вы никогда не думали о замужествѣ?

— Какъ же! — сказала гребенка. — Я уже невѣста! Выхожу за сапожную подножку!

— Невѣста! — воскликнулъ воротничокъ.

Теперь ему не за кого было свататься, и онъ сталъ презирать всякое сватовство.

Время шло, и воротничокъ попалъ, наконецъ, съ прочимъ тряпьемъ, на писчебумажную фабрику. Тутъ было настоящее тряпичное царство; тонкія тряпки держались, какъ и подобаетъ, особо, грубыя тоже особо. У каждой нашлось о чемъ поразсказать, у воротничка, конечно, больше всѣхъ: онъ былъ страшный хвастунъ.

— У меня было пропасть невѣстъ! — тараторилъ онъ. — Такъ и бѣгали за мной. Еще бы! Подкрахмаленный я выглядѣлъ такимъ франтомъ! У меня даже были собственныя сапожная подножка и гребенка, хотя я никогда и не пользовался ими. Посмотрѣли бы вы на меня, когда я лежалъ, бывало, на боку! Никогда не забыть мнѣ моей первой невѣсты — повязки! Она была такая тонкая, нѣжная, мягкая! Она бросилась изъ за меня въ лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до бѣлаго каленія!.. Но я оставилъ ее чернѣть съ горя, сколько угодно! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня, — видите? Бѣдовая была! Моя собственная гребенка тоже любила меня до того, что порастеряла всѣ свои зубы! Вообще не мало у меня было разныхъ приключеній!.. Но больше всего жаль мнѣ подвязку, то-бишь — повязку, которая бросилась изъ-за меня въ лохань. Да, много у меня кое-чего на совѣсти!.. Пора, пора мнѣ стать бѣлою бумагой!

Желаніе его сбылось: все тряпье стало бѣлою бумагой, а воротничокъ — какъ-разъ вотъ этимъ самымъ листомъ, на которомъ напечатана его исторія, — такъ онъ былъ наказанъ за

свое хвастовство. И намъ тоже не мѣшаетъ быть осторожнѣе: какъ знать? можетъ быть, и намъ придется въ концѣ-концовъ попасть въ тряпье, да стать бѣлою бумагой, на которой напечатаютъ нашу собственную исторію, и вотъ — пойдешь разносить по бѣлу-свѣту всю подноготную о самомъ себѣ!

ЛЕНЪ.

Ленъ цвѣлъ чудесными голубенькими цвѣточками, мягкими и нѣжными, какъ крылья мотыльковъ, а, пожалуй, и того нѣжнѣе! Солнышко свѣтило на ленъ, тучки поливали его дождичкомъ, и это ему было такъ же полезно и пріятно, какъ ребенку купанье и поцѣлуй матери, —дѣтишки расцвѣтаютъ отъ того еще пуще; такъ и ленъ.

— Всѣ говорятъ, что я уродился на славу! —сказалъ ленъ. — Говорятъ, что я еще вытянусь въ длину, и потомъ изъ меня выйдетъ отличный кусокъ холста! Ахъ, какой я счастливый! Право, я счастливѣе всѣхъ! Мнѣ такъ хорошо, и я пригожусь на что-нибудь! Солнышко меня веселитъ и оживляетъ, дождичекъ питаетъ и освѣжаетъ! Ахъ, я такъ счастливъ, такъ счастливъ! Я счастливѣе всѣхъ!

— Да, да, да! —сказали колья изгороди. —Ты еще не знаешь свѣта, а мы такъ, вотъ, знаемъ, —вишь какіе мы сучковатые!

И они жалобно заскрипѣли:

Оглянуться не успѣешь,
Какъ ужъ пѣсенкѣ конецъ!

— Вовсе не конецъ! —сказалъ ленъ. —И завтра опять будетъ грѣть солнышко, опять пойдетъ освѣжающій дождикъ! Я чувствую, что расту и цвѣту! Я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ!

Но вотъ, разъ явились люди, схватили ленъ за макушку и вырвали съ корнемъ. Больно было! Потомъ его положили въ воду, словно собирались утопить, а послѣ того держали надъ огнемъ, будто хотѣли изжарить. Ужасъ, что такое!

— Не вѣчно же жить въ свое удовольствіе! — сказалъ ленъ. — Приходится и испытать кое-что. Зато поумнѣешь!

Но льну приходилось ужъ очень плохо. Чего-чего только съ нимъ ни дѣлали: и мяли, и тискали, и трепали, и чесали — да просто и названій всему не приберешь! Наконецъ, онъ очу-

тился на прялкѣ. Жжж! Тутъ ужъ поневолѣ всѣ мысли въ разбродъ пошли!

— Я, вѣдь, такъ долго былъ несказанно счастливъ!—думалъ онъ во время этихъ мученій.—Что-жъ, надо быть благодарнымъ и за то хорошее, что выпало намъ на долю! Да, надо, надо!.. Охъ!

И онъ повторялъ то же самое, даже попавъ на ткацкій станокъ. Но вотъ, наконецъ, изъ него вышелъ великолѣпный, большой кусокъ холста. Весь ленъ до послѣдняго стебелька пошелъ на этотъ кусокъ.

— Но, вѣдь, это же безподобно! Вотъ ужъ ни думалъ, ни гадалъ-то! Какъ мнѣ, однако, везетъ! А колья-то все твердили: „оглянуться не успѣешь, какъ ужъ пѣсенкѣ конецъ!“ Много они смыслили, нечего сказать! Пѣсенкѣ вовсе не конецъ! Она только теперь и начинается. Вотъ счастье-то! Да, если мнѣ и пришлось пострадать немножко, то зато теперь изъ меня и вышло кое-что. Нѣтъ, я счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ! Какой я теперь крѣпкій, мягкій, бѣлый и длинный! Это, небось, получше, чѣмъ просто расти или даже цвѣсти въ полѣ! Тамъ никто за мною не ухаживалъ, воду я только и видалъ, что въ дождикъ, а теперь ко мнѣ приставили прислугу, всякое утро меня переворачиваютъ на другой бокъ, всякій вечеръ поливаютъ изъ лейки! Сама пасторша держала надо мною рѣчь и сказала, что во всемъ околоткѣ не найдется лучшаго куска! Ну, можно-ли быть счастливѣе меня!

Холстъ взяли въ домъ, и онъ попалъ подъ ножницы. Ну, и досталось же ему! Его и рѣзали, и кроили, и кололи иголками,—да, да! Нельзя сказать, чтобы это было пріятно! Зато изъ холста вышло двѣнадцать паръ... такихъ принадлежностей туалета, которыхъ не принято называть въ обществѣ, но въ которыхъ всѣ нуждаются. Цѣлыхъ двѣнадцать паръ вышло!

— Такъ вотъ когда только изъ меня вышло кое-что! Вотъ каково было мое назначеніе! Да, вѣдь, это же просто благодать! Теперь и я приношу пользу міру, а въ этомъ, вѣдь, вся и суть, въ этомъ-то вся и радость жизни! Насъ двѣнадцать паръ, но все же мы одно цѣлое, мы—дюжина! Вотъ такъ счастье!

Прошли года, и бѣлье износилось.

— Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ!—сказало оно.—Я бы и радо было послужить еще, но невозможное—невозможно!

И вотъ, бѣлье разорвали на тряпки. Онѣ было ужъ думали, что имъ совсѣмъ пришелъ конецъ—такъ ихъ принялись

рубить, мять, варить, тискать... анъ глядь—онѣ превратились въ тонкую бѣлую бумагу!

— Нѣтъ, вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ!—сказала бумага.— Теперь я тоньше прежняго, и на мнѣ можно писать! Вотъ такъ счастье!

И на ней написали чудеснѣйшіе разсказы. Слушая ихъ, люди становились добрѣе и умнѣе,—такъ хорошо и умно они были написаны.

— Ну, этого мнѣ и во снѣ не снилось, когда я цвѣла въ полѣ голубенькими цвѣточками! И могла-ли я въ то время думать, что мнѣ выпадетъ на долю счастье распространять между людьми радость и знаніе! Я все еще не могу придти въ себя отъ счастья! Самой себѣ не вѣрю! Но, вѣдь, это такъ! Господь Богъ знаетъ, что сама я тутъ не причемъ, я старалась только по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ не даромъ занимать мѣсто! И вотъ, Онъ ведетъ меня отъ одной радости и почести къ другой! Всякій разъ, какъ я подумаю: „ну, вотъ и пѣсенкѣ конецъ“, тутъ-то какъ-разъ и начинается для меня новая, еще высшая, лучшая жизнь! Теперь я думаю отправиться въ путь-дорогу, обойти весь свѣтъ, чтобы всѣ люди могли прочесть написанное на мнѣ! Такъ, вѣдь, и должно быть! Прежде у меня были голубенькіе цвѣточки, теперь каждый цвѣточекъ расцвѣлъ прекраснѣйшею мыслью! Счастливѣе меня нѣтъ никого на свѣтѣ!

Но бумага не отправилась въ путешествіе, а попала въ типографію, и все, что на ней было написано, перепечатали въ книгу, да не въ одну, а въ сотни, тысячи книгъ. Онѣ могли принести пользу и доставить удовольствіе безконечно бòльшему числу людей, нежели одна та бумага, на которой были написаны разсказы: бѣгая по бѣлу-свѣту, она бы истрепалась на полпути.

— Да, конечно, такъ дѣло-то будетъ вѣрнѣе!—подумала исписанная бумага.—Этого мнѣ и въ голову не приходило! Я останусь дома отдыхать, и меня будутъ почитать, какъ старую бабушку! На мнѣ, вѣдь, все написано, слова стекали съ пера прямо на меня! Я останусь, а книги будутъ бѣгать по бѣлу-свѣту! Вотъ это дѣло! Нѣтъ, какъ я счастлива, какъ я счастлива!

Тутъ всѣ отдѣльные листы бумаги собрали, связали вмѣстѣ и положили на полку.

— Ну, можно теперь и опочить на лаврахъ!—сказала бумага. Не мѣшаетъ тоже собраться съ мыслями и сосредото-

чится! Теперь только я поняла, какъ слѣдуетъ, что во мнѣ есть! А познать себя самое—большой шагъ впередъ. Но что же будетъ со мной потомъ? Одно я знаю—что непремѣнно двинусь впередъ! Все на свѣтѣ постоянно идетъ впередъ!

Въ одинъ прекрасный день бумагу взяли, да и сунули подъ плиту; ее рѣшили сжечь, такъ какъ ея нельзя было продать въ мелочную лавочку на обертку масла и сахару.

Дѣти обступили плиту; имъ хотѣлось посмотрѣть, какъ бумага вспыхнетъ и какъ потомъ по золѣ начнутъ перебѣгать и потухать одна за другою шаловливыя, блестящія искорки! Точь-въ-точь ребятишки бѣгутъ домой изъ школы! Послѣ всѣхъ выходитъ учитель,—это послѣдняя искра. Но иногда думаютъ, что онъ уже вышелъ—анъ нѣтъ! Онъ выходитъ еще долго-долго спустя послѣ самаго послѣдняго школьника!

И вотъ, огонь охватилъ бумагу. Какъ она вспыхнула!

— Уфъ!—сказала она и въ ту же минуту превратилась въ столбъ пламени, которое взвилось въ воздухъ такъ высоко, какъ никогда не могъ поднять своихъ голубенькихъ цвѣточныхъ головокъ ленъ, и сіяло такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, какимъ никогда не сіялъ бѣлый холстъ. Написанныя на бумагѣ буквы въ одно мгновеніе раскалились до-красна, и всѣ слова и мысли обратились въ пламя!

— Теперь я взовьюсь прямо къ солнцу!—сказало пламя, словно тысячами голосовъ заразъ, и взвилось въ трубу. А въ воздухѣ запорхали крошечныя незримыя существа, легче, воздушнѣе пламени, изъ котораго родились. Ихъ было столько же, сколько когда-то было цвѣточковъ на льнѣ. Когда пламя погасло, они еще разъ проплясали по черной золѣ, оставляя на ней блестящіе слѣды въ видѣ золотыхъ искорокъ. Ребятишки выбѣжали изъ школы, за ними вышелъ и учитель; любо было поглядѣть на нихъ! И дѣти запѣли надъ мертвою золой:

Оглянуться не успѣешь,
Какъ ужъ пѣсенкѣ конецъ!

Но незримыя крошечныя существа говорили:

— Пѣсенка никогда не кончается, вотъ что самое чудесное! Мы знаемъ это и потому мы счастливѣе всѣхъ!

Но дѣти не разслышали ни одного слова, а если-бъ и разслышали—не поняли бы. Да и не надо! Не все же знать дѣтямъ!

ПТИЦА-ФЕНИКСЪ.

Въ райскомъ саду, подъ древомъ познанія, цвѣлъ розовый кустъ; въ первой же распустившейся на немъ розѣ родилась птица; перья ея отливали чудными красками, полетъ ея былъ—сіяніемъ, пѣніе—дивной гармоніей.

Но когда Ева вкусила отъ древа познанія, и когда ее вмѣстѣ съ Адамомъ изгнали изъ рая, отъ пламеннаго меча херувима упала въ гнѣздо одна искра. Гнѣздо вспыхнуло, и птица сгорѣла, но изъ раскаленнаго яйца вылетѣла новая, единственная, всегда единственная въ мірѣ, птица-Фениксъ. Миѳы говорятъ, что она свиваетъ себѣ гнѣздо въ Аравіи и каждые сто лѣтъ сама сожигаетъ себя въ гнѣздѣ, но изъ раскаленнаго яйца вылетаетъ новый Фениксъ, опять единственный въ мірѣ.

Быстрая, какъ лучъ свѣта, блистая чудною окраской перьевъ, чаруя своимъ дивнымъ пѣніемъ, летаетъ вокругъ насъ дивная птица.

Мать сидитъ у колыбели ребенка, а птица витаетъ надъ его изголовьемъ, и отъ вѣянія ея крылъ вокругъ головки ребенка образуется сіяніе. Залетаетъ птица и въ скромную хижину труженика, и—лучъ солнца озаряетъ хижину, фіалки, стоящія на жалкомъ деревянномъ сундукѣ, начинаютъ благоухать еще сильнѣе.

Птица Фениксъ не вѣчно остается въ Аравіи. Она паритъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ сіяніемъ и надъ ледяными равнинами Лапландіи, порхаетъ между желтыми цвѣтами, питомцами короткаго лѣта, и въ Гренландіи. Въ глубинѣ Фалунскихъ рудниковъ и въ угольныхъ шахтахъ Англіи вьется она напудренною молью надъ молитвенникомъ въ рукахъ благочестиваго рабочаго; въ цвѣткѣ лотоса плаваетъ по священнымъ водамъ Ганга, и глаза молодой индусской дѣвушки загораются, при видѣ ея, огнемъ восторга!

Птица-Фениксъ! Развѣ ты не знаешь ея, этой райской птицы, священнаго лебедя пѣснопѣній? На колесницѣ Ѳесписа *) сидѣла она болтливымъ ворономъ, хлопая черными крыльями; по струнамъ арфы исландскаго скальда **) звонко ударяла краснымъ клювомъ лебедя; на плечо Шекспира опускалась ворономъ

*) Ѳеспись (жилъ въ Аттикѣ около 550 г. до Р. Х.), согласно преданіямъ, былъ „отцомъ классической трагедіи“ и разъѣзжалъ по странѣ во главѣ странствующей труппы актеровъ; сценой имъ служила ихъ же повозка.

**) Древне-сѣверный пѣвецъ. *Примѣч. перев.*

Одина и шептала ему на ухо: „Тебя ждетъ безсмертіе“; въ праздникъ пѣвцовъ порхала въ рыцарской залѣ Вартбурга.

Птица-Фениксъ! Развѣ ты не знаешь ея? Это она, вѣдь, пропѣла тебѣ Марсельезу, и ты цѣловалъ перо, выпавшее изъ ея крыла; она являлась тебѣ въ небесномъ сіяніи, а ты, можетъ быть, отворачивался отъ нея къ воробьямъ съ крыльями, раззолочеными сусальнымъ золотомъ!..

Райская птица, каждое столѣтіе погибающая въ пламени и вновь возрождающаяся изъ пепла, твои золотыя изображенія висятъ въ роскошныхъ чертогахъ богачей, сама же ты часто блуждаешь безпріютная, одинокая!.. Птица-Фениксъ, обитающая въ Аравіи—только миѳъ!

Въ райскомъ саду родилась ты подъ древомъ познанія, въ первой распустившейся розѣ, и Творецъ отмѣтилъ тебя Своимъ поцѣлуемъ и далъ тебѣ настоящее имя—*поэзія!*

СОНЪ.

Всѣ яблони въ саду покрылись бутонами,—цвѣточкамъ хотѣлось опередить зеленыя листья. По двору разгуливали утята; на солнышкѣ потягивалась и нѣжилась кошка, облизывая свою собственную лапку. Хлѣба въ поляхъ стояли превосходные; птички пѣли и щебетали безъ умолку, словно въ день великаго праздника. Въ сущности оно такъ и было, — день-то былъ воскресный. Слышался благовѣстъ, и люди, разодѣтые по праздничному, съ веселыми, довольными лицами, шли въ церковь. Да, право, и вся природа вокругъ какъ будто сіяла! Денекъ выдался такой теплый, благодатный, что такъ вотъ и хотѣлось воскликнуть: „Велика милость Божья къ намъ, людямъ!“

Но съ церковной каѳедры раздавались не такія рѣчи; пасторъ громко и сурово доказывалъ слушателямъ, что всѣ люди—безбожники, что Богъ накажетъ ихъ, ввергнетъ по смерти въ геенну огненную, гдѣ огнь неугасающій и червь неумирающій! Вѣчно будутъ они мучиться тамъ, безъ конца, безъ отдыха! Просто ужасъ бралъ, слушая его! Онъ говорилъ, вѣдь, такъ увѣренно, такъ подробно описывалъ преисподнюю, эту смрадную яму, куда стекаются нечистоты со всего міра, и гдѣ грѣшники задыхаются въ сѣрномъ удушливомъ воздухѣ, погружаясь, среди вѣчнаго безмолвія, въ бездонную трясину все глубже и

глубже!.. Да, страшно было даже слушать, тѣмъ болѣе, что пасторъ говорилъ съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ; всѣ бывшіе въ церкви просто трепетали отъ ужаса.

А за церковными дверями такъ весело распѣвали птички, такъ славно сіяло солнышко, и каждый цвѣточекъ какъ будто говорилъ: „Велика милость Божья къ намъ всѣмъ!“ Все это было такъ непохоже на то, о чемъ говорилъ пасторъ.

Вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, пасторъ замѣтилъ, что жена его сидитъ въ какомъ-то грустномъ раздумьи.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ ее.

— Что со мной? — проговорила она. — Да вотъ, я все не могу хорошенько разобраться въ своихъ мысляхъ. Не могу взять въ толкъ того, что ты говорилъ сегодня утромъ... Неужели и въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ такъ много безбожниковъ, и всѣ они будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно?.. Подумать только, такъ долго— вѣчно! Нѣтъ, я только слабая, грѣшная душа, какъ и всѣ, но если и у меня не хватило бы духа осудить на вѣчныя муки даже самаго злѣйшаго грѣшника, то какъ же можетъ рѣшиться на это Господь Богъ?! Онъ, вѣдь, безконечно милосердъ и знаетъ, что грѣхъ бываетъ и вольный, и невольный! Нѣтъ, что ты тамъ ни говори, а я не пойму этого никогда!

Настала осень; вся листва съ деревьевъ пооблетѣла; серьезный, суровый пасторъ сидѣлъ у постели умирающей. Благочестивая, вѣрующая душа отходила въ другой міръ. Это была жена пастора. И вотъ, очи ея смежилъ вѣчный сонъ.

— Если кого ждетъ за гробомъ вѣчный покой и милость Божія, такъ это тебя!—промолвилъ пасторъ, сложилъ умершей руки и прочелъ надъ ней молитву.

Ее схоронили; двѣ крупныя слезы скатились по щекамъ суроваго пастора. Въ пасторскомъ домѣ стало тихо, пусто, — закатилось его ясное солнышко, умерла его хозяйка.

Ночью надъ головою пастора пронеслась вдругъ холодная струя вѣтра. Онъ открылъ глаза. Комната была словно залита луннымъ свѣтомъ, хотя ночь была не лунная. Свѣтъ этотъ разливала стоявшая у постели прозрачная фигура. Пасторъ увидалъ передъ собою тѣнь своей покойной жены. Она устремила на него скорбный взглядъ и какъ будто хотѣла сказать что-то.

Пасторъ слегка приподнялся, простеръ руки къ призраку и сказалъ:

— Неужели и ты не обрѣла вѣчнаго покоя? И ты страдаешь? Ты, добродѣтельнѣйшая, благочестивѣйшая душа?!

Тѣнь утвердительно кивнула головой и прижала руку къ сердцу.

— И отъ меня зависитъ доставить тебѣ этотъ покой?

— Да! — донеслось до него.

— Какимъ образомъ?

— Дай мнѣ волосъ, одинъ единственный волосъ съ головы того грѣшника, который будетъ осужденъ на вѣчныя муки, ввергнутъ Богомъ въ геенну огненную.

— Такъ мнѣ легко будетъ освободить тебя, чистая, благочестивая душа! — сказалъ онъ.

— Слѣдуй же за мною! — сказала тѣнь. — Намъ разрѣшено летѣть съ тобой всюду, куда бы ни повлекли тебя твои мысли! Незримые ни для кого заглянемъ мы въ самые тайники человѣческихъ душъ, и ты твердою рукой долженъ указать мнѣ осужденнаго на вѣчныя муки. Онъ долженъ быть найденъ прежде, чѣмъ пропоетъ пѣтухъ.

И вотъ, они мгновенно, словно перенесенные однимъ движеніемъ мысли, очутились въ большомъ городѣ. На стѣнахъ домовъ начертаны были огненными буквами названія смертныхъ грѣховъ: высокомѣріе, скупость, пьянство, сладострастіе... Словомъ, тутъ сіяла вся семицвѣтная радуга грѣховъ.

— Такъ я и думалъ, такъ и зналъ! Вотъ гдѣ обитаютъ обреченные вѣчно горѣть въ огнѣ преисподней! — сказалъ пасторъ.

Они остановились передъ великолѣпно освѣщеннымъ подъѣздомъ. Широкія лѣстницы, устланныя коврами, уставленныя цвѣтами, вели въ покои, гдѣ гремѣла бальная музыка. У подъѣзда стоялъ швейцаръ, разодѣтый въ шелкъ и бархатъ, съ большою серебряною булавой въ рукахъ.

— Нашъ балъ поспоритъ съ королевскимъ! — сказалъ онъ, оборачиваясь къ уличной толпѣ, а вся его фигура такъ и говорила: „Весь этотъ жалкій сбродъ, что глазѣетъ въ двери, мразь въ сравненіи со мною!“

— Высокомѣріе! — сказала тѣнь усопшей. — Замѣтилъ ты его?

— Его! — повторилъ пасторъ. — Да, вѣдь, онъ просто глупецъ, шутъ! Кто же осудитъ его на вѣчную муку?

— Шутъ! — пронеслось эхомъ по всему жилищу высокомѣрія; всѣ обитатели его были таковы!

Пасторъ и призракъ понеслись дальше и очутились въ жалкой коморкѣ, съ голыми стѣнами. Тутъ обитала Скупость. Исхудалый, дрожащій отъ холода, голодный и изнывающій отъ жажды старикъ цѣплялся всею душой, всѣми помыслами за свое золото. Они видѣли, какъ онъ, словно въ лихорадкѣ, вскакивалъ съ жалкаго ложа и вынималъ изъ стѣны кирпичъ,—за нимъ лежало въ старомъ чулкѣ его золото—потомъ ощупывалъ дрожащими влажными пальцами свой изношенный кафтанъ, въ которомъ тоже были зашиты золотыя монеты.

— Онъ боленъ! Это—жалкій безумецъ, не знающій ни покоя, ни сна!—сказалъ пасторъ.

Они поспѣшно унеслись прочь и очутились въ тюрьмѣ у наръ, на которыхъ спали въ повалку преступники. Вдругъ одинъ изъ нихъ испустилъ ужасный крикъ, вскочилъ со сна, какъ дикій звѣрь, и принялся толкать своими костлявыми локтями спящаго рядомъ сосѣда. Тотъ повернулся и проговорилъ съ просонья:

— Замолчи, скотъ, и спи! И это каждую ночь!..

— Каждую ночь!—повторилъ первый.—Онъ каждую ночь и приходитъ ко мнѣ, воетъ и душитъ меня... Сгоряча я много дѣлалъ злого, такимъ ужъ я уродился! Оттого я опять и угодилъ сюда! Но коли я грѣшилъ, такъ теперь и несу наказаніе! Въ одномъ только я не повинился еще. Когда меня въ послѣдній разъ выпустили отсюда на волю, и я проходилъ мимо двора моего хозяина, сердце во мнѣ вдругъ такъ вотъ и закипѣло... Я чиркнулъ о стѣнку спичкою, огонекъ слегка лизнулъ соломенную крышу и—все вспыхнуло разомъ. Пошла тутъ кутерьма не хуже, чѣмъ была у меня въ душѣ!.. Я помогалъ спасать скотъ и имущество. Не сгорѣло ни одной живой души, кромѣ стаи голубей, которые влетѣли прямо въ огонь, да цѣпного пса. О немъ-то я и не вспомнилъ. Слышно было, какъ онъ вылъ въ пламени... Вой этотъ и до сихъ поръ отдается у меня въ ушахъ, какъ только я начну засыпать, а засну—песъ самъ тутъ, какъ тутъ, большущій, лохматый!... Онъ наваливается на меня, воетъ, давитъ меня, душитъ... Да ты слушай, что я тебѣ разсказываю! Успѣешь выспаться! Небось храпишь всю ночь, а я не могу забыться и на четверть часа!

И глаза безумца налились кровью, онъ бросился на сосѣда и сталъ бить его по лицу кулаками.

— Злой Масъ опять взбѣсился!—послышались голоса, и другіе преступники бросились на него, повалили, перегнули

такъ, что голова его очутилась между ногами, и крѣпко-накрѣпко связали его. Кровь готова была брызнуть у него изъ глазъ и изо всѣхъ поръ кожи.

— Вы убьете несчастнаго!—вскричалъ пасторъ и протянулъ руку на защиту грѣшника, который такъ жестоко страдалъ еще при жизни, но обстановка вдругъ опять измѣнилась.

И вотъ, они пролетали черезъ богатые дворцы, черезъ бѣдныя хижины; сладострастіе, зависть—всѣ смертные грѣхи проходили передъ ними. Ангелъ Возмездія громко перечислялъ грѣхи людей и затѣмъ все, что могло послужить въ ихъ оправданіе. Немногое можно было сказать въ защиту людей, но Богъ читаетъ въ сердцахъ, видитъ всѣ смягчающія обстоятельства, знаетъ, что грѣхъ бываетъ вольный и невольный, да и велика милость Его, Всемилосердаго, Всеблагого! И рука пастора дрожала, онъ не смѣлъ протянуть ее, чтобы сорвать волосъ съ головы грѣшника. Слезы ручьемъ полились изъ его глазъ, слезы милости и любви, которыя могутъ залить даже огонь преисподней.

Запѣлъ пѣтухъ.

— Милосердый Боже! Даруй же Ты ей тотъ покой, котораго не въ силахъ былъ доставить я!

— Я уже обрѣла его!—сказала тѣнь.—Меня привели къ тебѣ твои жестокія слова, мрачное недовѣріе къ Богу и къ Его творенію! Познай же душу людей! Узнай, что даже въ самыхъ злыхъ грѣшникахъ жива Божья искра! Она теплится въ ихъ душѣ, и ея благодатное пламя сильнѣе огня преисподней!..

Тутъ пасторъ почувствовалъ на своихъ губахъ крѣпкій поцѣлуй; было совсѣмъ свѣтло; ясное солнышко свѣтило въ окошки; жена его, живая, ласковая и любящая, разбудила его отъ сна, ниспосланнаго ему самимъ Богомъ.

НѢМАЯ КНИГА.

У проселочной дороги, въ лѣсу, стоитъ одинокій крестьянскій домъ. Проходимъ прямо во дворъ; солнышко такъ и сіяетъ, всѣ окошки отворены, жизнь кипитъ кругомъ, но въ бесѣдкѣ изъ цвѣтущей сирени стоитъ открытый гробъ. Въ немъ лежитъ покойникъ; его будутъ хоронить сегодня утромъ,

а пока поставили въ бесѣдку. Никто не стоитъ возлѣ гроба, никто не скорбитъ объ умершемъ, никто не плачетъ надъ нимъ. На лицо его наброшенъ бѣлый покровъ, а голова покоится на большой, толстой книгѣ; листы ея изъ простой сѣрой бумаги; между ними скрыты и забыты засушеные цвѣты. Книга эта цѣлый гербаріумъ, собранный по разнымъ мѣстамъ, и должна быть зарыта вмѣстѣ съ умершимъ: такъ онъ велѣлъ; съ каждымъ цвѣткомъ связана была, вѣдь, цѣлая глава изъ его жизни.

— Кто онъ?—спросили мы, и намъ отвѣтили:

— Старый студентъ изъ Упсалы! Когда-то онъ былъ способнымъ малымъ, изучалъ древніе языки, пѣлъ и даже писалъ стихи—какъ разсказываютъ. Но потомъ съ нимъ что-то приключилось, и онъ сталъ топить свои мысли и душу въ водкѣ; въ ней же потонуло и его здоровье, и вотъ онъ поселился здѣсь, въ деревнѣ; кто-то платилъ за его помѣщеніе и столъ. Онъ былъ кротокъ и набоженъ, какъ дитя, но иногда на него находили минуты мрачнаго отчаянія; тогда съ нимъ трудно было справиться, и онъ убѣгалъ въ лѣсъ, какъ гонимый звѣрь. Стоило, однако, залучить его домой, да подсунуть ему книгу съ высушенными растеніями, и онъ сидитъ, бывало, по цѣлымъ днямъ, разсматривая то тотъ, то другой цвѣтокъ. Иной разъ по его щекамъ бѣжали при этомъ крупныя слезы. Богъ знаетъ, о чемъ онъ думалъ въ такія минуты! И вотъ, онъ просилъ положить эту книгу ему въ гробъ; теперь она лежитъ у него подъ головой. Сейчасъ гробъ забьютъ, и бѣдняга успокоится въ могилѣ навѣки!

Мы приподняли покровъ. Миромъ и спокойствіемъ вѣяло отъ лица покойнаго; солнечный лучъ озарялъ его чело; стрѣлой влетѣла въ бесѣдку ласточка, быстро повернулась на лету надъ головой покойника, прощебетала что-то и скрылась.

Какое-то странное чувство, знакомое, вѣроятно, всѣмъ, овладѣваетъ душой, когда начнешь перечитывать старыя письма, относящіяся къ днямъ нашей юности. Передъ взоромъ словно всплываетъ цѣлая жизнь со всѣми ея надеждами и печалями. Сколько изъ тѣхъ людей, съ которыми мы когда-то жили душа въ душу, умерло съ тѣхъ поръ для насъ! Правда, они живы и до сихъ поръ, но мы столько лѣтъ уже не вспоминали

о нихъ! А, вѣдь, когда-то мы думали, что вѣчно будемъ дѣлить съ ними и горе, и радость.

Вотъ засушеный дубовый листокъ. Невольно приходитъ на умъ другъ, товарищъ школьныхъ лѣтъ, другъ на всю жизнь! Онъ самъ воткнулъ этотъ листокъ въ фуражку студента, сорвавъ его въ зеленомъ лѣсу, гдѣ былъ заключенъ товарищескій союзъ на всю жизнь! Гдѣ же этотъ другъ теперь?.. Листокъ былъ спрятанъ, другъ забытъ! А вотъ вѣточка какого-то чужеземнаго тепличнаго растенія, слишкомъ нѣжнаго, чтобы рости въ садахъ сѣвера. Сухіе листики какъ будто еще сохранили свой ароматъ! *Она* дала ему эту вѣточку... она—цвѣтокъ, взлелѣянный въ дворянской теплицѣ! Вотъ бѣлая кувшинка; онъ самъ сорвалъ и оросилъ горькими слезами этотъ цвѣтокъ—дитя тихихъ стоячихъ водъ. Вотъ крапива! О чемъ говорятъ ея листья? О чемъ думалъ онъ самъ, срывая и пряча ее? Вотъ лѣсной ландышъ; вотъ вѣточка козьей жимолости изъ цвѣточнаго горшка, стоявшаго на окнѣ постоялаго двора, а вотъ голые, острые травяные стебли!

Душистыя, усыпанныя цвѣтами вѣтви сирени склоняются къ челу усопшаго; снова пролетаетъ ласточка: „кви-витъ, кви-витъ!..“ Приходятъ люди съ молоткомъ и гвоздями; покойникъ скрывается подъ крышкой навѣки; голова его покоится на *нѣмой* книгѣ. Скрыто—забыто!

„ЕСТЬ ЖЕ РАЗНИЦА!“

Стоялъ май мѣсяцъ; въ воздухѣ было еще довольно холодно, но все въ природѣ—и кусты, и деревья, и поля, и луга говорили уже о наступленіи весны. Луга пестрѣли цвѣтами; распускались цвѣты и на живой изгороди, а возлѣ какъ-разъ красовалось наглядное изображеніе самой весны—маленькая яблонька вся въ цвѣту. Особенно хороша была на ней одна вѣточка, молоденькая, свѣженькая, вся осыпанная нѣжными полураспустившимися розовыми бутонами. Она сама знала, какъ она хороша; сознаніе красоты было у нея въ соку. Вѣтка, поэтому, ничуть не удивилась, когда проѣзжавшая по дорогѣ коляска остановилась прямо передъ яблонькой, и молодая графиня сказала, что прелестнѣе этой вѣточки трудно и сыскать, что она—

живое воплощеніе юной красавицы-весны. Вѣточку отломили, графиня взяла ее своими нѣжными пальчиками и бережно повезла домой, защищая отъ солнца шелковымъ зонтикомъ. Пріѣхали въ замокъ, вѣточку понесли по высокимъ, роскошно убраннымъ покоямъ. На открытыхъ окнахъ развѣвались бѣлыя занавѣси, въ блестящихъ, прозрачныхъ вазахъ стояли букеты чудесныхъ цвѣтовъ. Въ одну изъ вазъ, словно вылѣпленную изъ свѣже-выпавшаго снѣга, поставили и вѣтку яблони, окруживъ ее свѣжими свѣтло-зелеными буковыми вѣтвями. Прелесть, какъ красиво было! Вѣтка возгордилась, и что же? это было, вѣдь, въ порядкѣ вещей!

Черезъ комнату проходило много разнаго народа; каждый посѣтитель смѣлъ высказать свое мнѣніе лишь въ такой мѣрѣ, въ какой за нимъ самимъ признавали извѣстное значеніе. И вотъ, нѣкоторые не говорили совсѣмъ ничего, нѣкоторые же черезчуръ много; вѣтка смекнула, что и между людьми, какъ между растеніями, есть разница.

„Одни служатъ для красоты, другіе только для пользы, а безъ третьихъ и вовсе можно обойтись“, думала вѣтка.

Ее поставили какъ-разъ противъ открытаго окна, откуда ей были видны весь садъ и поле, такъ что она вдоволь могла наглядѣться на разные цвѣты и растенія и размышлять о разницѣ между ними: тамъ было много всякихъ—и роскошныхъ, и простыхъ, даже слишкомъ простыхъ.

— Бѣдныя отверженныя растенія!—сказала вѣтка.—Большая, въ самомъ дѣлѣ, разница между нами! Какими несчастными должны они себя чувствовать, если только они вообще способны чувствовать, какъ я и мнѣ подобныя! Да, большая между нами разница! Но такъ и должно быть,—иначе всѣ были бы равны!

И вѣтка смотрѣла на полевыя растенія съ какимъ-то состраданіемъ; особенно жалкимъ казался ей одинъ сортъ цвѣтовъ, которыми кишмя кишѣли всѣ поля и даже канавы. Никто не собиралъ ихъ въ букеты,—они были слишкомъ просты, обыкновенны; ихъ можно было найти даже между камнями мостовой, они пробивались отовсюду, какъ самая послѣдняя сорная трава. И имя-то у нихъ было прегадкое: „Чортовы подойники“*).

*) Датское названіе „одуванчиковъ“. Прозваны они такъ за молочную жидкость, которою наполнены ихъ стебли. *Примѣч. перев.*

— Бѣдное, презрѣнное растеніе!—сказала вѣтка.—Ты не виновато, что принадлежишь къ такому сорту и что у тебя такое гадкое имя! Но и между растеніями, какъ между людьми, должна быть разница!

— Разница!—сказалъ солнечный лучъ и поцѣловалъ цвѣтущую вѣтку, но поцѣловалъ и желтые „Чортовы подойники“, росшіе въ полѣ; другіе братья его — солнечные лучи тоже цѣловали бѣдные цвѣточки наравнѣ съ самыми пышными.

Вѣтка яблони никогда не задумывалась о безконечной любви Господа ко всему живому на землѣ, никогда не думала о томъ, сколько красоты и добра можетъ быть скрыто въ каждомъ Божьемъ созданьи, скрыто, но не забыто. Ничего такого ей и въ голову не приходило, и что-же? Собственно говоря, это было въ порядкѣ вещей!

Солнечный лучъ, лучъ свѣта, понималъ дѣло лучше.

— Какъ же ты близорука, слѣпа!—сказалъ онъ вѣточкѣ.— Какое это отверженное растеніе ты такъ жалѣешь?

— Чортовы подойники!—сказала вѣтка.—Никогда изъ нихъ не дѣлаютъ букетовъ, ихъ топчутъ ногами,—слишкомъ ужъ ихъ много! Сѣмена же ихъ летаютъ надъ дорогой, какъ стриженая шерсть, и пристаютъ къ платью прохожихъ. Сорная трава и больше ничего! Но кому-нибудь да надо быть и сорною травой! Ахъ, я такъ благодарна судьбѣ, что я не изъ ихъ числа!

На полѣ появилась цѣлая толпа дѣтей. Самаго младшаго крошку принесли на рукахъ и посадили на травку посреди желтыхъ цвѣтовъ. Малютка весело смѣялся, шалилъ, колотилъ по травѣ ножками, валялся, рвалъ желтые цвѣты и даже цѣловалъ ихъ въ простотѣ невинной дѣтской души. Дѣти постарше обрывали цвѣты прочь, а пустые внутри стебельки сгибали и вкладывали одинъ конецъ въ другой, потомъ дѣлали изъ такихъ отдѣльныхъ колецъ длинныя цѣпочки и цѣпи и украшали ими шею, плечи, талію, грудь и голову. То-то было великолѣпіе! Самые же старшіе изъ дѣтей осторожно срывали уже отцвѣтшія растенія, увѣнчанныя перистыми коронками, подносили эти воздушныя шерстяные цвѣточки—своего рода чудо природы ко рту и старались сдуть разомъ весь пушокъ. Кому это удастся, тотъ получитъ новое платье еще до Новаго года,— такъ сказала бабушка.

Презрѣнный цвѣтокъ оказывался въ данномъ случаѣ настоящимъ пророкомъ.

— Видишь?—спросилъ солнечный лучъ.—Видишь его красоту, его великое значеніе?

— Да, для дѣтей!—отвѣчала вѣтка.

Приплелась на поле и старушка-бабушка и стала выкапывать кривымъ обломкомъ ножа корни желтыхъ цвѣтовъ. Нѣкоторые изъ корней она собиралась употребить на кофе, другіе—продать въ аптеку на лекарство.

— Красота все же куда выше!—сказала вѣтка.—Только избранные войдутъ въ царство прекраснаго! Есть же разница и между растеніями, какъ между людьми!

Солнечный лучъ заговорилъ о безконечной любви Божьей ко всякому земному созданію: все, что только одарено жизнью, имѣетъ свою часть во всемъ—и во времени, и въ вѣчности!

— Да, по вашему!—сказала вѣтка.

Въ комнату вошли люди; между ними была и молодая графиня, поставившая вѣтку въ прозрачную, красивую вазу, черезъ которую просвѣчивало солнышко. Графиня несла въ рукахъ цвѣтокъ,—иначе что же?—обвернутый крупными зелеными листьями; цвѣтокъ лежалъ въ нихъ, какъ въ футлярѣ, защищенный отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра. И несла его графиня въ высшей степени бережно, какъ не несла даже нѣжную вѣтку яблони. Осторожно отогнула она зеленые листья, и изъ-за нихъ выглянула воздушная, перистая сѣмянная корона презрѣннаго желтаго цвѣтка. Его-то графиня такъ осторожно сорвала и такъ бережно несла, чтобы вѣтеръ не сдулъ ни единаго изъ тончайшихъ перышекъ его пушистаго шарика. Она донесла его цѣлымъ и невредимымъ, и не могла налюбоваться красотой, прозрачностью, всѣмъ своеобразнымъ построеніемъ этого чудо-цвѣтка, вся прелесть котораго—до перваго дуновенія вѣтра.

— Посмотрите же, что за чудо создалъ Господь Богъ!—сказала графиня.—Я срисую его вмѣстѣ съ вѣткой яблони. Всѣ любуются ею, но милостью Творца и этотъ бѣдненькій цвѣточекъ надѣленъ не меньшею красотой. Какъ ни различны они оба, все же оба—дѣти одного царства прекраснаго!

И солнечный лучъ поцѣловалъ бѣдный цвѣточекъ, а потомъ поцѣловалъ цвѣтущую вѣтку, и лепестки ея какъ будто слегка покраснѣли.

СТАРАЯ МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА.

Всѣ домашніе одного почтеннаго горожанина, имѣвшаго въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ собственный домъ, собрались вечеромъ въ кружокъ и вели пріятную бесѣду. Дѣло было какъ-разъ въ ту пору года, когда, по поговоркѣ, „*вечера вытягиваются*", но погода стояла еще мягкая и теплая. Въ комнатѣ горѣла лампа, длинныя оконныя занавѣси спускались до самаго пола, закрывая собою стоявшіе на окнахъ цвѣты. На дворѣ ярко сіялъ мѣсяцъ, но разговоръ шелъ не о немъ, а о большомъ старомъ камнѣ, что лежалъ во дворѣ у самаго кухоннаго порога; на него опрокидывала прислуга вычищенную мѣдную посуду, чтобы она пообсохла на солнышкѣ, на немъ любили играть и ребятишки, по настоящему же камень былъ старою могильною плитой.

— Я думаю,—сказалъ хозяинъ дома:—что она со стараго монастырскаго кладбища. Когда монастырь упразднили, все, вѣдь, пошло въ продажу—и каѳедры, и доски съ эпитафіями, и могильныя плиты. Покойный отецъ мой купилъ много такихъ плитъ; ихъ разбивали въ мелкіе куски и мостили ими улицу, а эта, вотъ, одна уцѣлѣла, да такъ и осталась лежать на дворѣ.

— Вѣдь, сразу видно, что это могильная плита!—сказалъ старшій изъ дѣтей.—На ней еще можно разглядѣть песочные часы и часть фигуры ангела; зато надпись почти совсѣмъ стерлась, и можно разобрать только имя „Пребенъ", затѣмъ большую букву С, а пониже имя „Марта",—да и то лишь послѣ дождя или послѣ того, какъ плиту хорошенько вымоютъ.

— Ахъ, Господи! Такъ это плита съ могилы Пребена Сване и его жены!—сказалъ одинъ старичокъ, который по годамъ могъ быть дѣдушкой всѣхъ присутствовавшихъ въ комнатѣ.—Да, они чуть-ли не послѣдними были погребены на старомъ монастырскомъ кладбищѣ. Славные, почтенные были старички! Я помню ихъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Всѣ въ городѣ знали и любили ихъ; они были у насъ тутъ старѣйшею супружескою четой—королемъ съ королевой. Говорили, будто у нихъ сундуки ломятся отъ золота, а они одѣвались всегда такъ просто, въ платье изъ самой грубой матеріи, и только бѣлье на нихъ всегда отличалось ослѣпительною бѣлизной. Славною парочкой были ста-

рички Пребенъ и Марта! Любо было посмотрѣть на нихъ, когда они, бывало, сидятъ подъ тѣнью старой липы на скамеечкѣ, стявшей на площадкѣ высокой каменной лѣстницы ихъ дома, и такъ ласково, привѣтливо киваютъ всѣмъ прохожимъ! Они дѣлали много добра и дѣлали его съ толкомъ и по-христіански, кормили и одѣвали десятки честныхъ бѣдняковъ.

Первою умерла жена. Я такъ живо помню этотъ день! Я былъ тогда еще мальчуганомъ, и мы съ отцомъ зашли къ старому Пребену какъ-разъ въ самый день ея смерти. Старикъ былъ въ такомъ горѣ, плакалъ, какъ ребенокъ. Тѣло умершей лежало въ спальнѣ, рядомъ съ той комнатой, гдѣ мы сидѣли. Кромѣ насъ съ отцомъ пришли еще двое-трое сосѣдей, и старикъ сталъ говорить намъ о томъ, какъ пусто, одиноко будетъ теперь въ домѣ, — она, вѣдь, была душою его — какъ счастливо жили они съ нею столько лѣтъ, а потомъ перешелъ къ воспоминаніямъ о томъ времени, когда они только что познакомились и полюбили другъ друга... Я, какъ сказано, былъ тогда еще очень малъ, но все же слушалъ съ большимъ вниніемъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то удивленіемъ. И не мудрено: старикъ съ такимъ жаромъ разсказывалъ о блаженныхъ дняхъ помолвки, о красотѣ своей невѣсты, о томъ, къ какимъ невиннымъ хитростямъ онъ прибѣгалъ, чтобы встрѣтить ее, и лицо его оживлялось все больше и больше, щеки зарумянились! Затѣмъ онъ сталъ разсказывать о свадьбѣ, и глаза его заблистали еще ярче. Онъ словно опять переживалъ счастливѣйшіе годы своей жизни... А подруга-то его уже лежала въ это время въ сосѣдней комнатѣ мертвая, и самъ онъ былъ дряхлымъ-дряхлымъ старикомъ!..

Да, такъ-то оно бываетъ на свѣтѣ! Вотъ и я въ тѣ времена былъ мальчуганомъ, а теперь—такой же старикъ, какимъ помню .Пребена Сване! Время идетъ, и все на свѣтѣ понемножку измѣняется!.. Я такъ живо помню день похоронъ старушки! Пребенъ шелъ за гробомъ. Еще года за два до того, старички заказали себѣ могильную плиту; на ней были уже вырѣзаны и надпись, и имена, недоставало только года смерти. Вечеромъ, въ тотъ же день, плиту свезли на кладбище и положили на могилу старушки. Черезъ годъ плиту приподняли,— старикъ Пребенъ легъ рядомъ съ женою.

Послѣ нихъ не осталось никакихъ богатствъ, о которыхъ болтали люди. То же, что осталось, отошло къ какой-то даль-

ней роднѣ, про которую тутъ ничего и не знали. Домикъ старичковъ, со скамеечкой на площадкѣ лѣстницы, подъ тѣнью липы, былъ снесенъ по распоряженію магистрата,—больно ужъ онъ былъ ветхъ. Позже, когда пришелъ въ ветхость и старый монастырь, кладбище упразднили, и могильная плита Пребена и Марты пошла въ продажу вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ. Ну, и случилось вотъ ей уцѣлѣть! Теперь на ней играютъ дѣти, а прислуга сушитъ кухонную посуду! Новая же улица идетъ какъ-разъ надъ мѣстомъ вѣчнаго успокоенія стараго Пребена и его супруги. И никто больше и не вспомнитъ ихъ!..

Тутъ старикъ-разсказчикъ грустно покачалъ головой.

— Забыты! Все на свѣтѣ предается забвенію!—добавилъ онъ.

Разговоръ перешелъ на другое, но самый младшій мальчикъ, съ большими серьезными глазами, вскарабкался на стулъ, откинулъ занавѣси и сталъ смотрѣть на дворъ, гдѣ лежала, вся облитая яснымъ луннымъ свѣтомъ, большая каменная плита. Прежде она казалась ему простымъ гладкимъ камнемъ, теперь же стала для него какъ бы страницею, вырванною изъ старой хроники. Старый камень хранилъ въ себѣ все, что слышалъ сейчасъ мальчикъ о Пребенѣ и Мартѣ. И мальчуганъ смотрѣлъ на него, смотрѣлъ на ясный, свѣтлый мѣсяцъ, на чистый прозрачный воздухъ, и ему казалось, что съ мѣсяца смотритъ на землю ликъ Самого Творца.

— Забыты! Все на свѣтѣ предается забвенію!—раздалось въ комнатѣ, и въ ту же минуту незримый ангелъ поцѣловалъ ребенка въ грудь и въ лобъ, и тихо прошепталъ: „Сохрани въ душѣ зароненныя туда сѣмена. Храни ихъ, пока они не созрѣютъ. Знай, дитя, что, благодаря тебѣ, стертая надпись старой могильной плиты вновь засіяетъ передъ грядущими поколѣніями золотыми буквами! Старые супруги опять побредутъ рука объ руку по улицѣ, опять будутъ сидѣть на скамеечкѣ подъ тѣнью липы, такіе же бодрые, свѣжіе, съ румянцемъ на щекахъ, и ласково кивать головою и бѣдному, и богатому. Пройдутъ года, и зароненныя въ твою душу сѣмена взойдутъ поэтическимъ твореніемъ. *Доброе* и *прекрасное* не предается забвенію, но вѣчно живетъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ!“

ПРЕКРАСНѢЙШАЯ РОЗА МІРА.

Въ саду могущественной королевы были собраны цвѣты всѣхъ временъ года, всѣхъ частей свѣта; особенно же много было розъ, любимыхъ цвѣтовъ королевы, розъ всѣхъ родовъ и видовъ—отъ дикаго шиповника съ зелеными, душистыми листьями до прекраснѣйшихъ розъ Прованса. Онѣ вились по стѣнамъ дворца, обвивали колонны и окна, пробивались въ корридоры и тянулись къ самымъ потолкамъ дворцовыхъ покоевъ. Что за дивное разнообразіе запаховъ, формъ и красокъ было въ саду королевы!

Но въ самомъ дворцѣ царила печаль и горе. Королева лежала на смертномъ одрѣ; врачи объявили, что часъ ея кончины близокъ.

— Единственное средство спасти королеву,—сказалъ мудрѣйшій изъ врачей:—принести ей прекраснѣйшую розу міра, эмблему высшей, чистѣйшей любви. Королева не умретъ, если узритъ эту розу прежде, нежели сомкнетъ глаза навѣки.

И вотъ, старъ и младъ потянулись къ одру королевы съ самыми прекраснѣйшими розами, какія только цвѣли въ странѣ, но между ними не было той розы! Та роза цвѣла въ саду любви! Но какая же именно была эмблемой высшей, чистѣйшей любви?

И скальды пѣли о прекраснѣйшей розѣ міра, но каждый воспѣвалъ свою. Тогда кликнули кличъ по всей странѣ, воззвали ко всѣмъ сердцамъ, бьющимся любовью, обратились ко всѣмъ сословіямъ, всѣмъ возрастамъ!

— Никто еще не назвалъ настоящей розы!—сказалъ мудрецъ.—Никто не указалъ, гдѣ она цвѣтетъ во всей своей красѣ. Не изъ гроба Ромео и Юліи, не изъ могилы Вальборги*) выросла она,—хотя розы съ ихъ могилъ и вѣчно будутъ благоухать въ преданіяхъ и пѣсняхъ—не изъ окровавленныхъ копій Винкельрида, не изъ священной крови, брызнувшей изъ груди героя, умершаго за отечество,—хотя и нѣтъ смерти слаще этой, нѣтъ розы краснѣе пролитой за отечество крови! И не ей посвящаетъ свою молодую жизнь человѣкъ, проводящій, годы за

*) Героиня трагедіи Эленшлегера „Аксель и Вальборга", сюжетъ которой заимствованъ изъ старинной народной пѣсни о несчастной любви Акселя и Вальборги. *Примѣч. перев.*

годами, цѣлые дни и долгія, безсонныя ночи, ухаживая за магическою розой науки!

— Я знаю, гдѣ цвѣтетъ та роза!—сказала счастливая мать, явившаяся къ одру королевы съ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ.—Я знаю, гдѣ надо искать прекраснѣйшую розу міра—эмблему высшей, чистѣйшей любви. Она цвѣтетъ на румяныхъ щечкахъ моего милаго крошки, когда онъ, подкрѣпившись сномъ, открываетъ веселые глазки и любовно улыбается мнѣ!

— Прекрасна эта роза, но есть еще прекраснѣе!—сказалъ мудрецъ.

— Да, куда прекраснѣе!—сказала одна изъ женщинъ. — Я видѣла ее. Священнѣе этой розы нѣтъ на свѣтѣ, но она была блѣдна, какъ лепестки чайной розы. Я видѣла ее на щекахъ королевы; она сняла свою королевскую корону и ходила всю долгую, томительную ночь, баюкая свое больное дитя, плача надъ нимъ, цѣлуя его и молясь за него, какъ только можетъ молиться мать въ часы смертельнаго страха за дорогого ребенка!

— Священна бѣлая роза скорби, велико могущество ея, но все же это не та роза!

— Я видѣлъ ее, прекраснѣйшую розу міра, видѣлъ передъ алтаремъ Господнимъ! — сказалъ благочестивый старикъ-епископъ.—Она сіяла, какъ свѣтлый ликъ ангела. Молодыя дѣвушки шли къ причастію, возобновить обѣтъ, данный при крещеніи, и на ихъ свѣжихъ щечкахъ цвѣли алыя и бѣлыя розы. И вотъ, передъ алтаремъ стояла одна молодая дѣвушка; всею душою, полною небесной чистоты и любви, возносилась она къ Богу. Вотъ она—чистѣйшая, высшая любовь!

— Благословенна такая любовь, но все же никто не назвалъ еще прекраснѣйшей розы міра!—сказалъ мудрецъ.

Вдругъ въ комнату вошелъ маленькій сынокъ королевы; въ глазахъ его стояли слезы, щеки были влажны; онъ несъ въ рукахъ большую раскрытую книгу въ бархатномъ переплетѣ съ серебряными застежками.

— Мама!—сказалъ ребенокъ. — Послушай, что я сейчасъ прочелъ!

И дитя присѣло у постели больной и прочло изъ книги о Томъ, Кто добровольно умеръ на крестѣ ради спасенія всѣхъ людей, даже ради не родившихся еще поколѣній!

— Нѣтъ выше этой любви!

И щеки королевы окрасились румянцемъ, глаза широко раскрылись: она увидѣла, что изъ листовъ книги выросла вдругъ прекраснѣйшая роза міра, живое подобіе той, что выросла изъ крови Христа, пролитой на крестѣ!

— Я вижу ее!—сказала она.—И вовѣки не умретъ тотъ, кто узрѣлъ передъ собою эту розу, прекраснѣйшую розу міра!

ИСТОРІЯ ГОДА.

Дѣло было въ концѣ января; бушевала страшная мятель; снѣжные вихри носились по улицамъ и переулкамъ; снѣгъ залѣплялъ окна домовъ, валился съ крышъ цѣлыми комьями, а вѣтеръ такъ и подгонялъ прохожихъ. Они бѣжали, летѣли стремглавъ, пока не попадали другъ другу въ объятія и не останавливались на минуту, крѣпко держась одинъ за другого. Экипажи и лошади были точно напудрены; лакеи стояли на запяткахъ спиною къ экипажамъ и къ вѣтру, а пѣшеходы старались держаться за вѣтромъ подъ прикрытіемъ каретъ, двигавшихся по глубокому снѣгу шагомъ. Когда же, наконецъ, мятель утихла и вдоль тротуаровъ прочистили узенькія дорожки, прохожіе безпрестанно сталкивались и останавливались другъ передъ другомъ въ выжидательныхъ позахъ: никому не хотѣлось первому шагнуть въ снѣжный сугробъ, уступая дорогу другому. Но вотъ, словно по безмолвному, внутреннему соглашенію, каждый жертвовалъ одною ногой, опуская ее въ снѣгъ.

Къ вечеру погода совсѣмъ стихла; небо стало такимъ яснымъ, чистымъ, точно его вымели, и казалось даже какъ-то выше и прозрачнѣе, а звѣздочки, словно вычищенныя заново, сіяли и искрились голубоватыми огоньками. Морозъ такъ и трещалъ, и къ утру верхній слой снѣга настолько окрѣпъ, что воробьи прыгали по нему, не проваливаясь. Они шмыгали изъ сугроба въ сугробъ, прыгали и по прочищеннымъ тропинкамъ, но ни тутъ, ни тамъ не попадалось ничего съѣдобнаго. Воробышки порядкомъ иззябли.

— Пипъ!—говорили они между собою.—И это Новый Годъ!? Да онъ хуже стараго! Не стоило и мѣнять! Нѣтъ, мы недовольны,—и не безъ причины!

— А люди-то, люди-то, что шуму надѣлали, встрѣчая Новый Годъ!—сказалъ маленькій иззябшій воробышекъ.—И стрѣ-

ляли, и глиняные горшки о двери разбивали, ну, словомъ, себя не помнили отъ радости—и все оттого, что старому году пришелъ конецъ! Я было тоже радовался, думалъ, что вотъ теперь наступитъ тепло—не тутъ-то было! Морозитъ еще пуще прежняго! Люди, видно, сбились съ толку и перепутали времена года!

— И впрямь!—подхватилъ третій, старый воробей съ сѣдымъ хохолкомъ.—У нихъ, вѣдь, имѣется такая штука—собственнаго ихъ изобрѣтенія—календарь, какъ они зовутъ ее, и вотъ, они воображаютъ, что все на свѣтѣ должно идти по этому календарю! Какъ бы не такъ! Вотъ придетъ весна, тогда и наступитъ Новый Годъ, а никакъ не раньше, такъ ужъ разъ навсегда заведено въ природѣ, и я придерживаюсь этого счисленія.

— А когда же придетъ весна?—спросили другіе воробьи.

— Она придетъ, когда прилетитъ первый аистъ. Но онъ не особенно-то аккуратенъ, и трудно разсчитать заранѣе, когда именно онъ прилетитъ! Впрочемъ, ужъ если вообще разузнавать объ этомъ, то не здѣсь, въ городѣ,—тутъ никто ничего не знаетъ толкомъ — а въ деревнѣ! Полетимъ-ка туда дожидаться весны! Туда она все-таки скорѣе придетъ!

— Все это прекрасно!—сказала воробьиха, которая давно вертѣлась тутъ же и чирикала, не говоря настоящаго слова.—Одно вотъ только: здѣсь, въ городѣ, я уже имѣю нѣкоторыя удобства, а найду-ли я ихъ въ деревнѣ — не знаю! Тутъ есть одна человѣчья семья; ей пришла разумная мысль—прибить къ стѣнѣ три-четыре пустыхъ горшка изъ-подъ цвѣтовъ. Верхними краями они плотно прилегаютъ къ стѣнѣ, дно же обращено наружу, и въ немъ есть маленькое отверстіе, черезъ которое я свободно влетаю и вылетаю. Тамъ-то мы съ мужемъ и устроили себѣ гнѣздо, оттуда повылетѣли и всѣ наши птенчики. Понятное дѣло, люди устроили все это для собственнаго удовольствія, чтобы полюбоваться нами; иначе бы они и пальцемъ не шевельнули! Они бросаютъ намъ хлѣбныя крошки,—тоже ради своего удовольствія—ну, а намъ-то все-таки кормъ! Такимъ образомъ, мы здѣсь до нѣкоторой степени обезпечены, и я думаю, что мы съ мужемъ останемся здѣсь! Мы тоже очень недовольны, но все-таки останемся.

— А мы полетимъ въ деревню — поглядѣть, не идетъ-ли весна!—сказали другіе и улетѣли.

Въ деревнѣ стояла настоящая зима, и было, пожалуй, еще

холоднѣе, чѣмъ въ городѣ. Рѣзкій вѣтеръ носился надъ снѣжными полянами. Крестьянинъ въ большихъ, теплыхъ рукавицахъ ѣхалъ на саняхъ, похлопывая руки одна о другую, чтобы выколотить изъ нихъ морозъ; кнутъ лежалъ у него на колѣняхъ, но исхудалыя лошади бѣжали рысью; паръ такъ и валилъ отъ нихъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ полозьями, а воробьи прыгали по саннымъ колеямъ и мерзли.

— Пипъ! Когда же придетъ весна? Зима тянется что-то ужъ больно долго!

— Больно долго!—послышалось съ высокаго холма, занесеннаго снѣгомъ, и эхомъ прокатилось по полямъ. Можетъ статься, это и было только эхо, а можетъ быть и голосъ диковиннаго старика, сидѣвшаго на холмѣ на кучѣ снѣга. Старикъ былъ бѣлъ, какъ лунь, съ бѣлыми волосами и бородою, и одѣтъ во что-то вродѣ бѣлаго крестьянскаго тулупа. На блѣдномъ лицѣ его такъ и горѣли большіе, свѣтлые глаза.

— Что это за старикъ?—спросили воробьи.

— Я знаю его!—сказалъ старый воронъ, сидѣвшій на плетнѣ; онъ снисходительно сознавалъ, что „всѣ мы — мелкія пташки передъ Творцомъ“, и потому благосклонно взялся разъяснить воробьямъ ихъ недоумѣніе.—Я знаю, кто онъ. Это—Зима, старый прошлогодній повелитель. Онъ вовсе не умеръ еще, какъ говоритъ календарь и назначенъ регентомъ до появленія молодого принца, Весны. Да, Зима еще правитъ у насъ царствомъ! У! Что, дрогнете, небось, малыши?

— Ну, не говорилъ-ли я,—сказалъ самый маленькій воробышекъ:—что календарь—пустая человѣчья выдумка! Онъ совсѣмъ не приноровленъ къ природѣ. Да и развѣ у людей есть какое-нибудь чутье? Ужъ предоставили бы они распредѣлять времена года намъ,—мы потоньше, почувствительнѣе ихъ созданы!

Прошла недѣля, другая. Лѣсъ уже почернѣлъ, ледъ на озерѣ сталъ походить на застывшій свинецъ, облака... нѣтъ, какія тамъ облака?—сплошной туманъ окуталъ всю землю. Большія черныя вороны летали стаями, но молча; все въ природѣ словно погрузилось въ тяжелый сонъ. Но вотъ, по озеру скользнулъ солнечный лучъ, и ледъ заблестѣлъ, какъ расплавленное олово. Снѣжный покровъ на поляхъ и на холмахъ уже потерялъ свой блескъ, но бѣлая фигура старика-Зимы сидѣла еще на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ взоръ къ югу. Онъ и не замѣчалъ, что

снѣжная пелена словно все уходила въ землю, что тамъ и сямъ проглянули клочки зеленаго дерна, на которыхъ толклись кучи воробьевъ.

— Кви-витъ! Кви-витъ! Ужъ не весна-ли?

— Весна! — прокатилось эхомъ надъ полями и лугами, пробѣжало по темно-бурымъ лѣсамъ, гдѣ стволы старыхъ деревъ одѣлись уже свѣжимъ, зеленымъ мхомъ. И вотъ, съ юга показалась первая пара аистовъ. У каждаго на спинѣ сидѣло по прелестному ребенку; у одного—мальчикъ, у другого—дѣвочка. Ступивъ на землю, дѣти поцѣловали ее и пошли рука объ руку, а по слѣдамъ ихъ расцвѣтали прямо изъ-подъ снѣга бѣлые цвѣточки. Дѣти подошли къ старику-Зимѣ и прильнули къ его груди. Въ то же мгновеніе всѣ трое, а съ ними и вся мѣстность, исчезли въ облакѣ густого, влажнаго тумана. Немного погодя, подулъ вѣтеръ и разомъ разогналъ туманъ; просіяло солнышко — Зима исчезла, и на тронѣ природы сидѣли прелестныя дѣти Весны.

— Вотъ это такъ Новый Годъ! —сказали воробьи. —Теперь, надо полагать, насъ вознаградятъ за всѣ зимнія невзгоды!

Куда ни оборачивались дѣти—всюду кусты и деревья покрывались зелеными почками, трава росла все выше и выше, хлѣба́ зеленѣли ярче. Дѣвочка такъ и сыпала на землю цвѣтами; у нея въ передникѣ было такое изобиліе цвѣтовъ, что какъ она ни торопилась разбрасывать ихъ, передникъ все былъ полнехонекъ. Въ порывѣ рѣзвости, дѣвочка брызнула на яблони и персиковыя деревья настоящимъ цвѣточнымъ дождемъ, и— деревца стояли въ полномъ цвѣту, даже не успѣвъ еще, какъ слѣдуетъ, одѣться зеленью.

Дѣвочка захлопала въ ладоши, захлопалъ и мальчикъ, и вотъ, откуда ни возьмись, налетѣли, съ пѣньемъ и щебетаньемъ, стаи птичекъ: „Весна пришла!“

Любо было посмотрѣть кругомъ! То изъ одной, то изъ другой избушки выползали за порогъ старыя бабушки, поразмять на солнышкѣ свои косточки и полюбоваться на желтые цвѣточки, золотившіе лугъ, точь-въ-точь какъ и въ дни далекой юности старушекъ. Да, міръ вновь помолодѣлъ, и онѣ говорили: „Что за благодатный денекъ сегодня!“

Но лѣсъ все еще смотрѣлъ буро-зеленымъ, на деревьяхъ не было еще листьевъ, а однѣ почки; зато на лѣсныхъ полянахъ благоухалъ уже молоденькій дикій ясминъ, цвѣли фіалки,

анемоны и скороспѣлки. Всѣ былинки налились живительнымъ сокомъ; по землѣ раскинулся пышный, зеленый травяной коверъ, и на немъ сидѣла молодая парочка, держась за руки. Дѣти Весны пѣли, улыбались и все росли, да росли.

Теплый дождичекъ накрапывалъ на нихъ съ неба, но они и не замѣчали его: дождевыя капли смѣшивались со слезами радости жениха и невѣсты. Юная парочка поцѣловалась, и въ ту же минуту лѣсъ одѣлся зеленью. Встало солнышко—всѣ деревья стояли въ роскошномъ лиственномъ уборѣ.

Рука объ руку двинулись женихъ съ невѣстой подъ этотъ свѣжій густой навѣсъ, гдѣ зелень отливала, благодаря игрѣ свѣта и тѣней, тысячами различныхъ тоновъ. Дѣвственно-чистая, нѣжная листва распространяла живительный ароматъ, звонко и жизнерадостно журчали ручейки и рѣчки, пробираясь между бархатисто-зеленою осокой и пестрыми камушками. „Такъ было, есть и будетъ, вовѣки вѣковъ!“ говорила вся природа. Чу! раздалось протяжное кукованіе кукушки, зазвенѣла пѣсня жаворонка! Весна была въ полномъ разгарѣ; только ивы все еще не снимали съ своихъ цвѣточковъ пуховыхъ рукавичекъ; такія ужъ онѣ осторожныя,—просто скучно!

Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, землю такъ и обдавало тепломъ; волны горячаго воздуха проникали въ хлѣбныя колосья, и они стали желтѣть. Бѣлый лотосъ Сѣвера раскинулъ по зеркальной глади лѣсныхъ озеръ свои широкіе зеленые листья, и рыбки прятались подъ ихъ тѣнью. На солнечной сторонѣ лѣса, за вѣтромъ, возлѣ облитой солнцемъ стѣны крестьянскаго домика, гдѣ пышно расцвѣтали подъ жгучими ласками солнечныхъ лучей роскошныя розы и росли вишневыя деревья, осыпанныя сочными, черными, горячими ягодами, сидѣла прекрасная жена Лѣта, которую мы видѣли сначала дѣвочкой, а потомъ невѣстой. Она смотрѣла на темные облака, громоздившіяся другъ на друга высокими, черно-синими, угрюмыми горами; они надвигались съ трехъ сторонъ и, наконецъ, нависли надъ лѣсомъ, какъ окаменѣлое, опрокинутое вверхъ дномъ море. Въ лѣсу все затихло, словно по мановенію волшебнаго жезла; прилегли вѣтерки, замолкли пташки, вся природа замерла въ торжественномъ ожиданіи, а по дорогѣ и по тропинкамъ неслись, сломя голову, люди въ телѣгахъ, верхомъ и пѣшкомъ,—всѣ спѣшили укрыться отъ грозы. Вдругъ блеснулъ ослѣпительный лучъ свѣта, словно солнце на мигъ прорвало тучи,

затѣмъ вновь воцарилась тьма, и прокатился глухой раскатъ грома. Вода хлынула съ неба потоками. Тьма и свѣтъ, тишина и громовые раскаты смѣняли другъ друга. По молодому тростнику, съ коричневыми султанами на головкахъ, такъ и ходили отъ вѣтра волны за волнами; вѣтви деревьевъ совсѣмъ скрывались за частою дождевою сѣткою; свѣтъ и тьма, тишина и громовые удары чередовались ежеминутно. Трава и колосья лежали пластомъ; казалось, они уже никогда не въ силахъ будутъ подняться. Но вотъ ливень перешелъ въ крупныя, рѣдкія капли, выглянуло солнышко, и на былинкахъ и листьяхъ засверкали крупные перлы; запѣли птички, заплескались въ водѣ рыбки, заплясали комары. На камнѣ, что высовывался у самаго берега изъ соленой морской пѣны, сидѣло и грѣлось на солнышкѣ Лѣто, могучій, крѣпкій, мускулистый мужъ. Съ кудрей его стекали цѣлые потоки воды, и онъ смотрѣлъ такимъ освѣженнымъ, словно помолодѣвшимъ послѣ холоднаго купанья. Помолодѣла, освѣжилась и вся природа, растительность развернулась съ небывалою пышностью, силой и красотой! Стояло лѣто, теплое, благодатное лѣто!

Отъ густо взошедшаго на полѣ клевера струился сладкій живительный ароматъ. Надъ кругомъ изъ камней, посреди котораго лежалъ древній жертвенный камень, носились съ жужжаніемъ пчелы. Жертвенный камень, омытый дождемъ, ярко блестѣлъ на солнцѣ; цѣпкіе побѣги ежевики одѣли его густою бахрамой. Къ нему подлетѣла царица пчелъ съ своимъ роемъ; онѣ возложили на жертвенникъ плоды отъ трудовъ своихъ — воскъ и медъ. Никто не видалъ жертвоприношенія, кромѣ самого Лѣта и его полной жизненныхъ силъ подруги; для нихъ-то и были уготованы жертвенные дары природы.

Вечернее небо сіяло золотомъ; никакой церковный куполъ не могъ сравниться съ нимъ; отъ самой вечерней и вплоть до утренней зари сіялъ мѣсяцъ. На дворѣ стояло лѣто.

И дни шли за днями, недѣли за недѣлями. На поляхъ засверкали блестящія косы и серпы, вѣтви яблонь согнулись подъ тяжестью красныхъ и золотистыхъ плодовъ. Душистый хмѣль висѣлъ крупными кистями. Въ тѣни орѣшника, осыпаннаго орѣхами, сидѣвшими въ зеленыхъ гнѣздышкахъ, отдыхали мужъ съ женою—Лѣто съ своею серьезною, задумчивою подругою.

— Что за роскошь! — сказала она. — Что за благодать,

куда ни поглядишь! Какъ хорошо, какъ уютно на землѣ, и все-таки—сама не знаю почему—я жажду... покоя, отдыха... Другихъ словъ подобрать не могу! А люди ужъ снова вспахиваютъ поля! Они вѣчно стремятся добыть себѣ больше и больше!.. Вонъ аисты ходятъ по бороздамъ вслѣдъ за плугомъ... Это они принесли насъ сюда! Помнишь, какъ мы прибыли сюда, на сѣверъ, дѣтьми?.. Мы принесли съ собою цвѣты, солнечный свѣтъ и зеленую листву! А теперь... вѣтеръ почти всю ее оборвалъ, деревья побурѣли, потемнѣли и стали похожи на деревья юга; только нѣтъ на нихъ золотыхъ плодовъ, какіе ростутъ тамъ!

— Тебѣ хочется видѣть золотые плоды?—сказало Лѣто.— Любуйся!—Онъ махнулъ рукою—и лѣса запестрѣли красноватыми и золотистыми листьями. Вотъ было великолѣпіе! На кустахъ шиповника засіяли огненно-красные плоды, вѣтви бузины покрылись крупными темно-красными ягодами, спѣлые дикіе каштаны сами выпадали изъ темно-зеленыхъ гнѣздъ, а въ лѣсу вторично зацвѣли фіалки.

Но царица года становилась все молчаливѣе и блѣднѣе.

— Повѣяло холодомъ!—говорила она.—По ночамъ встаютъ сырые туманы. Я тоскую по нашей родинѣ!

И она смотрѣла вслѣдъ улетавшимъ на югъ аистамъ и протягивала къ нимъ руки. Потомъ она заглянула въ ихъ опустѣвшія гнѣзда; въ одномъ выросъ стройный василекъ, въ другомъ—желтое рѣпное сѣмя, словно гнѣзда только для того и были свиты, чтобы служить имъ оградою! Залетѣли туда и воробьи.

— Пипъ! А куда же дѣвались хозяева? Ишь, подуло на нихъ вѣтеркомъ—они и прочь сейчасъ! Скатертью дорога!

Листья на деревьяхъ все желтѣли и желтѣли, начался листопадъ, зашумѣли осенніе вѣтры—настала поздняя осень. Царица года лежала на землѣ, усыпанной пожелтѣвшими листьями; кроткій взоръ ея былъ устремленъ на сіяющія звѣзды небесныя; рядомъ съ нею стоялъ ея мужъ. Вдругъ поднялся вихрь и закрутилъ сухія листья столбомъ. Когда вихрь утихъ—царицы года уже не было; въ холодномъ воздухѣ кружилась только бабочка, послѣдняя въ этомъ году.

Землю окутали густые туманы, подули холодные вѣтры, потянулись долгія, темныя ночи. Царь года стоялъ съ убѣленною сѣдиною головой; но самъ онъ не зналъ, что посѣдѣлъ,—

онъ думалъ, что кудри его только запушило снѣгомъ! Зеленыя поля покрылись тонкою снѣжною пеленой.

И вотъ, колокола возвѣстили наступленіе сочельника.

— Рождественскій звонъ! — сказалъ царь года. — Скоро народится новая царственная чета, а я обрѣту покой, унесусь вслѣдъ за *нею* на сіяющія звѣзды!

Въ свѣжемъ, зеленомъ сосновомъ лѣсу, занесенномъ снѣгомъ, появился Рождественскій ангелъ и освятилъ молодыя деревца, предназначенныя служить символомъ праздника.

— Радость въ жилищахъ людей и въ зеленомъ лѣсу! — сказалъ престарѣлый царь года; въ нѣсколько недѣль онъ превратился въ бѣлаго, какъ лунь, старика.—Приближается часъ моего отдыха! Корона и скипетръ переходятъ къ юной четѣ.

— И все же власть пока въ твоихъ рукахъ! — сказалъ ангелъ. — Власть, но не покой! Укрой снѣжнымъ покровомъ молодые ростки! Перенеси терпѣливо торжественное провозглашеніе новаго повелителя, хотя власть еще и въ твоихъ рукахъ! Терпѣливо перенеси забвеніе, хотя ты и живъ еще! Часъ твоего успокоенія придетъ, когда настанетъ весна!

— Когда же настанетъ весна?—спросила Зима.

— Когда прилетятъ съ юга аисты!

И вотъ, сѣдоволосая, сѣдобородая, обледенѣвшая, старая, согбенная, но все еще сильная и могущественная, какъ снѣжныя бури и мятели, сидѣла Зима на высокомъ холмѣ, на кучѣ снѣга, и не сводила глазъ съ юга, какъ прошлогодняя Зима. Ледъ трещалъ, снѣгъ скрипѣлъ, конькобѣжцы стрѣлой скользили по блестящему льду озеръ, воро́ны и во́роны чернѣли на бѣломъ фонѣ; не было ни малѣйшаго вѣтерка. Среди этой тишины Зима сжала кулаки, и — толстый ледъ сковалъ всѣ проливы.

Изъ города опять прилетѣли воробьи и спросили:

— Что это за старикъ тамъ?

На плетнѣ опять сидѣлъ тотъ же воронъ или сынъ его — все едино—и отвѣчалъ имъ:

— Это Зима! Прошлогодній повелитель! Онъ не умеръ еще, какъ говоритъ календарь, а состоитъ регентомъ до прихода молодого принца—Весны!

— Когда же придетъ Весна? —спросили воробьи.—Можетъ быть, у насъ настанутъ лучшія времена, какъ перемѣнится начальство! Старое никуда не годится!

А Зима задумчиво кивала голому черному лѣсу, гдѣ такъ ясно, отчетливо вырисовывались каждая вѣточка, каждый кустикъ. И землю окутали облака холодныхъ тумановъ; природа погрузилась въ зимнюю спячку. Повелитель года грезилъ о дняхъ своей юности и возмужалости, и къ утру всѣ лѣса одѣлись сверкающею бахрамой изъ инея,—это былъ лѣтній сонъ Зимы; взошло солнышко, и бахрома осыпалась.

— Когда же придетъ Весна?—опять спросили воробьи.

— Весна!—раздалось эхомъ съ снѣжнаго холма.

И вотъ, солнышко стало пригрѣвать все теплѣе и теплѣе, снѣгъ стаялъ, птички защебетали: „Весна идетъ"!

Высоко-высоко по поднебесью несся первый аистъ, за нимъ другой; у каждаго на спинѣ сидѣло по прелестному ребенку. Дѣти ступили на поля, поцѣловали землю, поцѣловали и безмолвнаго старика — Зиму, и онъ исчезъ въ туманѣ.

Исторія года кончена.

— Все это прекрасно и совершенно вѣрно, — замѣтили воробьи:—но не по календарю, а потому никуда не годится!

ВЪ ДЕНЬ КОНЧИНЫ.

Самый торжественный, великій день въ жизни человѣка—день его кончины, священный день великаго перерожденія. А думали-ли вы когда-нибудь серьезно, какъ слѣдуетъ, объ этомъ важнѣйшемъ, неминуемомъ, послѣднемъ днѣ нашей жизни?

Жилъ на землѣ строго вѣрующій человѣкъ, „борецъ за букву закона",—какъ его называли—ревностный слуга суроваго Бога. И вотъ, Смерть приблизилась къ его одру; онъ узрѣлъ передъ собою строгія небесныя черты ангела Смерти.

— Часъ твой насталъ, слѣдуй за мною!—сказалъ ангелъ, коснулся холодною, какъ ледъ, рукою ногъ человѣка—ноги окоченѣли; затѣмъ коснулся его чела и, наконецъ, сердца — оно перестало биться, и душа умершаго послѣдовала за ангеломъ Смерти.

Но въ тѣ нѣсколько секундъ, что протекли, пока смертный холодъ подымался отъ ногъ къ сердцу умирающаго, передъ взоромъ его, словно огромныя волны морскія, пронеслось все пережитое и перечувствованное имъ во время земной его жизни. Такъ измѣряетъ человѣкъ однимъ взглядомъ бездонную голово-

кружительную глубину, обнимаетъ однимъ молніеноснымъ движеніемъ мысли неизмѣримый, безконечный путь, охватываетъ однимъ взглядомъ всю совокупность безчисленныхъ звѣздныхъ міровъ, свѣтилъ и планетъ, разбросанныхъ въ міровомъ пространствѣ.

Въ такія минуты грѣшника объемлетъ непобѣдимый трепетъ, ему не на что опереться, онъ какъ будто падаетъ стремглавъ въ какую-то безконечную пустоту. Праведникъ же спокойно, какъ дитя, предаетъ духъ свой въ руки Божіи со словами: „да будетъ воля Твоя!“

Но этотъ умирающій не обладалъ душою ребенка; онъ чувствовалъ себя мужемъ. Онъ и не трепеталъ, какъ жалкій грѣшникъ, сознавая, что былъ истинно вѣрующимъ, крѣпко держалъ всѣ завѣты, строго выполнялъ всѣ религіозные обряды; а между тѣмъ, сколько людей—какъ онъ зналъ—шли широкою дорогой грѣха, которая ведетъ прямо въ адъ! И онъ самъ бы готовъ былъ истребить огнемъ и мечемъ здѣсь, на землѣ, ихъ тѣла, какъ были и будутъ истреблена *тамъ* ихъ души. Его же путь лежалъ прямо къ небесамъ; небесное милосердіе должно было раскрыть передъ нимъ райскія врата, какъ это обѣщано всѣмъ вѣрующимъ.

И душа послѣдовала за ангеломъ Смерти, кинувъ послѣдній прощальный взоръ на ложе, гдѣ, подъ бѣлымъ саваномъ, покоилась ея бренная оболочка, чуждое ей теперь олицетвореніе ея прежняго „я“.

И вотъ, они то летѣли, то шли, не то по какому-то обширному покою, не то по лѣсу, гдѣ природа являлась, однако, подстриженною, подтянутою, подвязанною, искуственною, какъ въ старинныхъ французскихъ садахъ. Тутъ давался маскарадъ.

— Вотъ тебѣ жизнь человѣческая!—сказалъ ангелъ Смерти.

Всѣ фигуры были болѣе или менѣе замаскированы, такъ что не тѣ изъ нихъ собственно были благороднѣйшими или могущественнѣйшими, которыя драпировались въ бархатъ и золото, и не тѣ низшими и ничтожнѣйшими, которыя были одѣты въ рубища бѣдняковъ. Диковинный былъ маскарадъ, что и говорить! А всего диковиннѣе было стараніе каждаго скрыть отъ другихъ что-то такое подъ складками своего платья, и въ то же время распахнуть платье другого, чтобы открыть то, что пряталъ онъ! При удачѣ—изъ-подъ платья всегда выставлялась голова какого-нибудь звѣря: у того—гримасницы-

обезьяны, у этого—гадкаго козла, скользкой змѣи или полузаснувшей рыбы!

Однимъ словомъ, изъ-подъ платья каждаго человѣка выглядывалъ тотъ звѣрь, котораго онъ носилъ въ душѣ. И звѣрь этотъ прыгалъ, метался и порывался вырваться на волю, а человѣкъ старался плотно прикрыть его платьемъ, но другіе люди срывали съ него платье и кричали:

— Вотъ онъ каковъ, вотъ она какова, глядите, люди добрые!

Каждый стремился обнажить больное мѣсто ближняго.

— Какой же звѣрь сидѣлъ во мнѣ? — спросила странница-душа, и ангелъ Смерти указалъ ей на горделивую фигуру впереди нихъ; голова ея была окружена радужнымъ ореоломъ, но у самаго сердца виднѣлись ноги павлина; радужный ореолъ былъ ни что иное, какъ хвостъ его!

Дальше на пути они увидали въ вѣтвяхъ деревьевъ безобразныхъ птицъ; онѣ кричали человѣчьими голосами: „Странница, помнишь-ли ты насъ?“ То были всѣ дурныя земныя мысли и дѣла души; и вотъ, теперь они кричали ей: „Помнишь-ли ты насъ?“

И душу объялъ трепетъ,—она узнала по голосу всѣ свои дурныя мысли и дѣла, которыя теперь свидѣтельствовали противъ нея.

— Плоть человѣческая немощна, природа грѣховна!—сказала душа. — Но дурныя мысли мои не переходили въ дѣла, и міръ не видѣлъ злыхъ плодовъ!

И она заторопилась изо всѣхъ силъ, стараясь скорѣе уйти отъ этихъ гадкихъ черныхъ птицъ, но онѣ такъ и кружились надъ ней и кричали все громче и громче, словно желая разславить ее на весь міръ. Душа неслась, какъ гонимая лань, но чуть не на каждомъ шагу спотыкалась объ острые кремни и ранила себѣ ноги до крови.

— Откуда берутся тутъ эти острые камни? Вся земля усыпана ими, точно сухими листьями!

— А это—твои неосторожныя, необдуманныя слова, вырывавшіяся у тебя при жизни! Они уязвляли сердца твоихъ ближнихъ куда глубже, больнѣе, чѣмъ теперь ранятъ эти камни твои ноги.

— Этого мнѣ и въ голову не приходило!—сказала душа.

— Не судите и не судимы будете!—прозвучало въ воздухѣ.

— Всѣ мы грѣшны!—сказала душа и вновь понеслась по воздуху.—Я строго держался закона и Евангелія, дѣлалъ все, что должно. Я не таковъ, какъ другіе!

И вотъ, они очутились у вратъ рая. Стоявшій тутъ на стражѣ ангелъ спросилъ:

— Кто ты? Скажи мнѣ, какой ты вѣры и свидѣтельствуй о ней дѣлами своими!

— Я строго выполнялъ всѣ заповѣди Божіи! Я смирялся передъ очами свѣта, ненавидѣлъ и преслѣдовалъ зло и злыхъ, что идутъ широкимъ путемъ къ вѣчному осужденію, и готовъ преслѣдовать ихъ огнемъ и мечемъ и теперь, насколько это будетъ въ моей власти.

— Такъ ты изъ послѣдователей Магомета?—спросилъ ангелъ.

— Я? Никогда!

— Взявшіеся за мечъ—отъ меча и погибнутъ,—говоритъ Сынъ Божій; ты не его вѣры. Можетъ быть, ты сынъ Израиля, повторяющій за Моисеемъ: око за око, зубъ за зубъ? Ты сынъ Израиля, и суровый Богъ твой есть только Богъ отцовъ твоихъ?

— Я христіанинъ!

— Не узнаю тебя ни по вѣрѣ, ни по дѣламъ твоимъ! Христосъ проповѣдывалъ прощеніе, любовь и милосердіе!

— Милосердіе! — прозвучало въ безконечномъ міровомъ пространствѣ, врата рая распахнулись, и душа устремилась въ небесные чертоги.

Но оттуда струился такой ослѣпительный, всепроникающій свѣтъ, что душа отступила какъ передъ внезапно блеснувшимъ въ воздухѣ мечемъ. Послышались дивные, нѣжные, за душу хватающіе звуки... Описать ихъ не въ силахъ никакой человѣческій языкъ, и душа вся затрепетала, голова ея стала клониться все ниже и ниже, колѣна подгибались! Небесный свѣтъ озарилъ ее, и она почувствовала, сознала то, чего раньше никогда не чувствовала, не сознавала — всю тяжесть своихъ грѣховъ: высокомѣрія и жестокосердія. Она вся просвѣтлѣла и воскликнула:

— Все, что я сдѣлала добраго, сдѣлала я не сама по себѣ, а потому, что не могла иначе, зло же... исходило отъ меня самой!

И душа почувствовала, что вся блѣднѣетъ подъ лучами небеснаго свѣта, безсильно пала на колѣни и какъ-то вся съежилась, ушла, спряталась въ самое себя. Она чувствовала себя такою подавленною, ничтожною, недостойною войти въ царство небесное, а при мысли о строгомъ правосудіи Божіемъ, не смѣла даже воззвать къ Его милосердію.

И было ей явлено милосердіе тамъ, гдѣ она не ждала его.

Божье царство занимаетъ безконечное пространство, но любовь Божья наполняетъ его все съ несказанною полнотой!

— Священна, блаженна и любима будь ты вовѣки, душа человѣческая!—прозвучало въ воздухѣ!

И всѣ мы, всѣ задрожимъ въ день нашей земной кончины передъ блескомъ и великолѣпіемъ небесными, низко опустимъ голову, смиренно преклонимъ колѣни, но вновь воздвигнутые любовью и милосердіемъ Божіимъ, пойдемъ путями новыми и, становясь все лучше, чище и свѣтлѣе, совершенствуясь все больше и больше, приблизимся, наконецъ, къ небесному чертогу, и Онъ самъ введетъ насъ въ свѣтлую обитель вѣчнаго блаженства!

ИСТИННАЯ ПРАВДА.

— Ужасное происшествіе!—сказала курица, проживавшая совсѣмъ на другомъ концѣ города, а не тамъ, гдѣ случилось происшествіе.—Ужасное происшествіе въ курятникѣ! Я просто не смѣю теперь ночевать одна! Хорошо, что насъ много на нашести!

И она принялась разсказывать, да такъ, что у всѣхъ куръ перышки повставали дыбомъ, а у пѣтуха съёжился гребешокъ. Да, да, истинная правда!

Но мы начнемъ съ начала, а оно произошло въ курятникѣ на другомъ концѣ города.

Солнце садилось, и всѣ куры уже были на нашести. Одна изъ нихъ, бѣлая коротконожка, курица во всѣхъ отношеніяхъ исправная и почтенная, усѣвшись поудобнѣе, стала передъ сномъ чиститься и расправлять носикомъ перышки. И вотъ, одно перышко вылетѣло и упало на полъ.

— Ишь, какъ полетѣло!—сказала курица.—Право, чѣмъ больше я чищусь, тѣмъ дѣлаюсь красивѣе!

Это было сказано такъ, въ шутку,—курица вообще была веселаго нрава, но это ничуть не мѣшало ей быть, какъ уже сказано, весьма и весьма почтенною курицей. Съ тѣмъ она и заснула.

Въ курятникѣ было темно. Куры всѣ сидѣли рядомъ, и та, что сидѣла бокъ-о-бокъ съ нашей курицей, не спала еще; она не то, чтобы нарочно подслушивала слова сосѣдки, а такъ, слушала себѣ краемъ уха,—такъ, вѣдь, и слѣдуетъ, если хо-

чешь жить въ мирѣ съ ближними! И вотъ, она не утерпѣла и шепнула другой своей сосѣдкѣ:

— Слышала? Я не желаю называть именъ, но тутъ есть курица, которая готова выщипать себѣ всѣ перья, чтобы только быть покрасивѣе. Будь я пѣтухомъ, я бы презирала ее!

Какъ-разъ надъ курами сидѣла въ гнѣздѣ сова съ мужемъ и дѣтками; у совъ уши вострыя, и онѣ не проронили ни одного слова сосѣдки. Всѣ онѣ при этомъ усиленно вращали зрачками, а совиха махала крыльями, точно опахалами.

— Т-съ! не слушайте, дѣтки! Впрочемъ, вы, конечно, ужъ слышали? Я—тоже. Ахъ! просто уши вянутъ! Одна изъ куръ до того забылась, что принялась выщипывать себѣ перья прямо на глазахъ у пѣтуха!

— Prenez garde aux enfants!—сказалъ сова-отецъ.—Дѣтямъ вовсе некстати слушать подобныя вещи!

— Надо будетъ все-таки разсказать объ этомъ нашей сосѣдкѣ-совѣ,—она такая милая особа!

И совиха полетѣла къ сосѣдкѣ.

— У-гу, у-гу!—загукали потомъ обѣ совы прямо надъ сосѣдней голубятней.—Вы слышали? Вы слышали? У-гу! Одна курица выщипала себѣ всѣ перья изъ-за пѣтуха! Она замерзнетъ, замерзнетъ до смерти! Если ужъ не замерзла! У-гу!

— Куръ-куръ! Гдѣ, гдѣ?—ворковали голуби.

— На сосѣднемъ дворѣ! Это почти на моихъ глазахъ было! Просто неприлично и говорить объ этомъ, но это истинная правда!

— Вѣримъ, вѣримъ!—сказали голуби и заворковали сидящимъ внизу курамъ:

— Куръ-куръ! Одна курица, говорятъ, даже двѣ, выщипали себѣ всѣ перья, чтобы отличиться передъ пѣтухомъ! Рискованная затѣя! Можно, вѣдь, простудиться и умереть, да онѣ ужъ и умерли!

— Ку-ку-реку!—запѣлъ пѣтухъ, взлетая на заборъ.—Проснитесь!—У него самого глаза еще совсѣмъ слипались отъ сна, а онъ ужъ кричалъ:—Три курицы погибли отъ несчастной любви къ пѣтуху! Онѣ выщипали себѣ всѣ перья! Такая гадкая исторія! Не хочу молчать о ней! Пусть разнесется по всему свѣту!

— Пусть, пусть!—запищали летучія мыши, закудахтали куры, закричали пѣтухи.—Пусть, пусть!

И исторія разнеслась—изъ двора во дворъ, изъ курятника въ курятникъ и дошла, наконецъ, до того мѣста, откуда пошла.

— Пять курицъ, — разсказывалось тутъ — выщипали себѣ всѣ перья, чтобы показать, кто изъ нихъ больше исхудалъ отъ любви къ пѣтуху! Потомъ онѣ заклевали другъ друга на смерть, въ позоръ и посрамленіе всему своему роду и въ убытокъ своимъ хозяевамъ!

Курица, которая выронила одно перышко, конечно, не узнала своей собственной исторіи и, какъ курица во всѣхъ отношеніяхъ почтенная, сказала:

— Я презираю этихъ куръ! Но такихъ, вѣдь, много! О подобныхъ вещахъ нельзя, однако, молчать! И я съ своей стороны сдѣлаю все, чтобы исторія эта попала въ газеты! Пусть разнесется по всему свѣту, — эти куры и весь ихъ родъ стоятъ того!

И въ газетахъ дѣйствительно напечатали всю исторію, и — это истинная правда: „*одному маленькому перышку куда какъ нетрудно превратиться въ цѣлыхъ пять куръ!*"

ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО.

Между Балтійскимъ и Сѣвернымъ морями, со временъ сѣдой древности, лежитъ лебединое гнѣздо; зовутъ его *Даніей*; въ немъ родились и рождаются лебеди съ безсмертными именами.

Давно, давно вылетѣла оттуда цѣлая стая лебедей, перелетѣла черезъ Альпы и спустилась въ зеленыя долины благословеннаго юга; звали ихъ *лонгобардами*.

Другая стая, въ блестящемъ опереніи, съ ясными и честными глазами, улетѣла въ Византію. Тамъ лебеди усѣлись вокругъ трона императора и распростерли на защиту его свои широкія, бѣлыя крылья, словно щиты. Лебедей тѣхъ звали *варягами*.

Съ береговъ Франціи раздался крикъ ужаса: съ огнемъ подъ крылами неслись съ Сѣвера кровожадные лебеди, и народъ молился: „Боже, храни насъ отъ дикихъ *норманновъ*".

На зеленомъ дернѣ, покрывающемъ открытый берегъ Англіи, стоялъ датскій лебедь, увѣнчанный тремя коронами, протягивая надъ страною свой золотой скипетръ*).

Язычники на берегахъ Помераніи преклонились передъ

*) Король Даніи Канутъ Великій († 1035 г.) объединилъ три сѣверныя государства: Данію, Швецію и Норвегію и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Англію. *Примѣч. перев.*

датскими лебедями, явившимися къ нимъ съ знаменемъ креста *) и съ подъятыми мечами.

„Все это было во времена сѣдой древности!“ скажешь, пожалуй, ты.

И ближайшія къ намъ времена видѣли вылетавшихъ изъ гнѣзда могучихъ лебедей.

Вотъ дивный свѣтъ разлился въ воздухѣ и озарилъ всѣ части свѣта,—лебедь прорѣзалъ своими могучими крылами нависшій надъ землею туманъ, и звѣздное небо явилось глазамъ людей во всей своей красѣ, стало къ нимъ словно ближе. Лебедь этотъ былъ—*Тихо-Браге*.

„Да и это было давно!“ говоришь ты. „А въ наши дни?“

И въ наши дни вылетаютъ изъ гнѣзда могучіе лебеди. Одинъ скользнулъ крылами по струнамъ золотой арфы, и струны зазвенѣли на весь Сѣверъ, скалы Норвегіи какъ будто выпрямились и заблестѣли, освѣщенныя солнцемъ сѣдой древности, зашумѣли сосны и ели, и сѣверные боги, герои и благородныя жены ясно выступили на темномъ фонѣ дремучихъ лѣсовъ **).

Другой лебедь ударилъ крылами по мраморной глыбѣ; она раскололась, и заключенные въ камнѣ образы вѣчной красоты вышли на свѣтъ Божій. Люди всѣхъ странъ свѣта подняли головы, чтобы узрѣть эти дивные образы ***)!

А третій лебедь далъ крылья мысли, выпрялъ проводъ, который перекинули изъ страны въ страну по всей землѣ, и теперь слова бѣгутъ по нему и облетаютъ землю съ быстротою молніи ****).

Господь возлюбилъ старое лебединое гнѣздо между Балтійскимъ и Сѣвернымъ морями. Пусть-ка попробуютъ хищныя птицы налетѣть и раззорить его! „Не бывать этому!“ *****) Даже неоперившіеся еще птенцы усядутся по краямъ гнѣзда и—какъ мы уже видѣли не разъ—грудью встрѣтятъ врага, станутъ изо всѣхъ силъ защищаться клювами и когтями!

И долго еще будутъ вылетать изъ гнѣзда лебеди, на диво

*) Датскій флагъ „Данеброгъ“—красный крестъ на бѣломъ полѣ.

**) Здѣсь говорится объ *Эленшлегерѣ* (род. 1779, † 1850), знаменитомъ датскомъ поэтѣ, воскресившемъ преданія старины въ своихъ дивныхъ поэтическихъ твореніяхъ.

***) Торвальдсенъ.

****) Эрстедъ, датскій ученый, прославившій свое имя открытіемъ электромагнитной силы.

*****) Слова короля Фредерика VII. *Примѣч. перев.*

всему міру! Вѣка пройдутъ прежде, чѣмъ воистину можно будетъ сказать: „Вотъ послѣдній лебедь, вотъ послѣдняя пѣснь, раздавшаяся изъ лебединаго гнѣзда!“

ВЕСЕЛЫЙ НРАВЪ.

Отецъ оставилъ мнѣ лучшее наслѣдство — свой веселый нравъ. А кто былъ мой отецъ? Ну, это къ дѣлу не относится! Довольно сказать, что онъ былъ живой весельчакъ, круглъ и толстъ; словомъ — и душа и тѣло его были въ разладѣ съ его должностью. Да какую же онъ занималъ должность, какое положеніе въ обществѣ? Э, въ томъ-то и дѣло, напиши или напечатай я это въ самомъ началѣ, многіе, пожалуй, отложили бы книжку въ сторону, — дескать, это не по нашей части! И, однако, мой отецъ не былъ ни палачомъ, ни заплечныхъ дѣлъ мастеромъ; напротивъ, по своей должности онъ часто занималъ мѣсто во главѣ почетнѣйшихъ лицъ города! Мѣсто это было его по праву, и вотъ, ему приходилось быть впереди всѣхъ — даже впереди епископа и самихъ принцевъ крови: онъ возсѣдалъ на козлахъ погребальной колесницы!

Ну, теперь все сказано! Я могу только прибавить, что, глядя на моего отца, возсѣдающаго на колесницѣ смерти, укутаннаго въ длинный, широкій черный плащъ, въ обшитой черными каймами треуголкѣ на головѣ, глядя на его веселое, круглое, какъ солнце, смѣющееся лицо, никому и въ голову не шли скорбныя мысли о смерти и похоронахъ. Лицо моего отца такъ и говорило: „Пустяки, все обойдется лучше, чѣмъ думаютъ!“

Такъ вотъ, отъ него-то я и унаслѣдовалъ свой веселый нравъ и привычку посѣщать кладбище; это очень пріятная прогулка, если только предпринимаешь ее въ хорошемъ расположеніи духа. Кромѣ того, я тоже выписываю „Листокъ Объявленій“, какъ и мой покойный отецъ.

Я уже не очень молодъ, у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни библіотеки, но, какъ сказано, я выписываю „Листокъ Объявленій“ — и будетъ съ меня! По моему, это самая лучшая газета; то же говорилъ и покойникъ отецъ. „Листокъ“ приноситъ свою пользу, даетъ всѣ нужныя человѣку свѣдѣнія; изъ него узнаешь — кто проповѣдуетъ съ церковныхъ каѳедръ, и кто — со страницъ новыхъ книгъ, гдѣ можно найти себѣ помѣщеніе, прислугу и гдѣ пріобрѣсти одежду, пищу, гдѣ открывается

распродажа и гдѣ будутъ похороны; тутъ же знакомишься съ положеніемъ благотворительности и съ невинными стишками, узнаешь, кто желаетъ вступить въ законный бракъ, кто назначаетъ или отвергаетъ свиданія! Тутъ вообще все такъ просто и естественно! И, по-моему, можно счастливо прожить весь свой вѣкъ, до самой смерти, довольствуясь однимъ „Листкомъ Объявленій,“ а къ тому времени такъ разбогатѣешь бумагою, что можно будетъ устроить себѣ изъ нея мягкую подстилку въ гробъ, если не любишь лежать на стружкахъ!

Да, „Листокъ Объявленій“ и кладбище—вотъ два моихъ любимѣйшихъ мѣста духовныхъ и физическихъ экскурсій, два самыхъ благодатныхъ средства поддержанія веселаго нрава.

Въ редакцію „Листка“ каждый можетъ отправиться самъ, безъ провожатаго, но на кладбище пусть идетъ со мною! Пойдемте-ка туда въ ясный солнечный день, когда деревья уже всѣ покрыты зеленью, и погуляемъ между могилами! Каждая могила своего рода закрытая книга; она лежитъ корешкомъ кверху, такъ что всякій можетъ прочесть ея заглавіе, говорящее о ея содержаніи и въ то же время ничего не говорящее! У меня же имѣются болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, которыя отчасти перешли ко мнѣ отъ отца, отчасти собраны мною лично. Надо вамъ знать, что я веду особую могильную книгу, и мнѣ отъ нея столько же пользы, сколько удовольствія. Въ нее занесены всѣ эти могилы, да и еще кое-какія!

Ну, вотъ, мы и на кладбищѣ.

Вотъ тутъ за выкрашенною бѣлою краскою оградой, гдѣ росъ когда-то розовый кустъ (теперь его нѣтъ больше, и только плющъ съ сосѣдней могилы пробирается сюда, желая хоть немножко скрасить и чужую могилу), покоится глубоко-несчастный человѣкъ, хотя при жизни-то онъ, какъ говорятъ, и пользовался полнымъ благополучіемъ, имѣлъ все, что нужно, и даже кое-что лишнее. Вся бѣда его была въ томъ, что онъ ужъ слишкомъ близко принималъ къ сердцу весь свѣтъ, главнымъ же образомъ искусство. Сидитъ, бывало, вечеромъ въ театрѣ; тутъ-то бы ему и наслаждаться отъ всей души, такъ нѣтъ, куда! То зачѣмъ машинистъ пустилъ слишкомъ сильный лунный свѣтъ, то зачѣмъ холщевое небо повисло впереди кулисъ, а не позади, то, наконецъ, зачѣмъ пальмы выросли на Амагерѣ *), кактусы

*) Островъ—предмѣстье Копенгагена. *Прим. перев.*

въ Тиролѣ, а буки въ горахъ Норвегіи! Какъ будто это не все равно! И кому нужно думать объ этомъ? Вѣдь, тутъ идетъ представленіе, ну, и будь доволенъ тѣмъ, что даютъ! А то, бывало, ему вдругъ покажется, что публика хлопаетъ слишкомъ ужъ усердно или, наоборотъ, слишкомъ скупо: „Вотъ сырые-то дрова“, сейчасъ же замѣтитъ онъ, „никакъ не загораются сегодня!“ И онъ оборачивается посмотрѣть, что за публика собралась сегодня; видитъ, что люди смѣются совсѣмъ невпопадъ и начинаетъ злиться еще пуще. Такъ онъ и вѣчно злился, вѣчно страдалъ и былъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Теперь онъ успокоился въ могилѣ.

А вотъ здѣсь погребенъ счастливецъ, то-есть очень знатный господинъ, высокаго происхожденія,—въ этомъ-то и было все его счастье, иначе бы изъ него никогда ничего не вышло! Да, просто пріятно подумать, какъ премудро устроено все на бѣломъ свѣтѣ! Платье онъ носилъ расшитое золотомъ и спереди и сзади, и употреблялся только для парада, какъ дорогая, вышитая жемчугомъ полоска, прикрывающая прочный шнурокъ звонка; за нимъ тоже скрывался прочный шнурокъ — помощникъ его, который, собственно, и несъ службу, да продолжаетъ нести ее и теперь за другую вышитую полоску. Премудро устроено все на бѣломъ свѣтѣ! Какъ же тутъ впасть въ меланхолію!

Здѣсь схороненъ... да, печальная это исторія! Здѣсь схороненъ человѣкъ, который шестьдесятъ семь лѣтъ все придумывалъ красное словцо, только для того и жилъ; когда же, наконецъ, ему дѣйствительно удалось придумать такое словцо, не пережилъ своего счастья, умеръ отъ радости! Такъ его словцо и пропало задаромъ, никто и не услышалъ его! Могу себѣ представить, какъ мучитъ оно его даже въ могилѣ! Какъ же! Подумайте только, вдругъ словцо-то было такого рода, что его слѣдовало пустить въ ходъ именно за завтракомъ, а покойникъ, какъ и всѣ мертвецы, имѣетъ, по общему повѣрью, право выходить изъ могилы лишь въ полночь! Куда-жъ ему дѣваться со своимъ словцомъ?! Скажи онъ его не вò-время—оно, вѣдь, не произведетъ никакого впечатлѣнія, никого и не разсмѣшитъ даже! Такъ бѣдняку и приходится схорониться вмѣстѣ со своимъ словцомъ въ могилѣ. Да, печальная исторія!

Тутъ погребена одна скупая-прескупая дама. При жизни она вставала по ночамъ и мяукала, чтобы сосѣди подумали, будто она держитъ кошку,—вотъ какая была скупая!

Здѣсь покоится одна барышня изъ хорошаго семейства; она вѣчно доставляла обществу удовольствіе своимъ пѣніемъ и пѣла обыкновенно: „mi manca la voce“. Правдивѣе этого она ничего не сказала во всю свою жизнь!

А вотъ здѣсь схоронена дѣвица иного рода. Извѣстно, что когда канарейка, обитающая въ сердцѣ, начинаетъ свистать во всю, разумъ затыкаетъ себѣ уши, и вотъ, душа-дѣвица очутилась въ положеніи, присвоенномъ однѣмъ замужнимъ! Исторія печальная, но весьма обыкновенная. Пусть, однако, покоится съ миромъ, не будемъ тревожить мертвыхъ!

Тутъ лежитъ вдова; на устахъ у нея щебетали малиновки, а въ сердцѣ завывала сова. Она ежедневно отправлялась на добычу, выслѣживая недостатки знакомыхъ, какъ въ старину выслѣживалъ, бывало, „Другъ полиціи“ *) неисправныхъ домовладѣльцевъ, передъ домами которыхъ не было установленныхъ мостиковъ черезъ водосточныя канавки.

А вотъ семейная могила. Между членами этой семьи царило такое трогательное единодушіе, что если даже весь свѣтъ и газета ихъ говорили *такъ*, а маленькій сынишка приходилъ изъ школы и говорилъ: „а я слыхалъ *иначе*“, то онъ одинъ и былъ правъ,—онъ былъ, вѣдь, членомъ семьи. Да случись даже, что дворовый ихъ пѣтухъ запѣлъ бы свое утреннее кукареку въ полночь—значитъ и было утро, что тамъ ни говори всѣ ночные сторожа и всѣ городскіе часы вмѣстѣ!

Великій Гёте заканчиваетъ исторію своего Фауста словами: „продолженіе можетъ послѣдовать“; то же могу я сказать и о нашей прогулкѣ по кладбищу. Я часто прихожу сюда. И случись, что кто-либо изъ моихъ друзей или недруговъ ужъ очень досадитъ мнѣ, я иду сюда, выбираю мѣстечко подъ зеленымъ дерномъ и отвожу его *ему* или *ей*, т. е. тому, кого хочу похоронить, а затѣмъ и въ самомъ дѣлѣ хороню ихъ. Вотъ они и лежатъ тутъ мертвые, безсильные, пока не встанутъ вновь обновленными и лучшими людьми. Я записываю всю ихъ жизнь и дѣянія—какъ я ихъ вижу и понимаю—въ мою „могильную книжку“. Вотъ какъ слѣдовало бы поступать и всѣмъ: не сердиться, когда кто-нибудь насолитъ имъ, а сейчасъ же хоронить обидчиковъ, но ни за что не измѣнять своему веселому нраву,

*) Газета, нѣкогда выходившая въ Копенгагенѣ. *Прим. перев.*

да „Листку Объявленій“; въ немъ пишетъ, вѣдь, сама публика, хоть иногда ея рукою и водятъ при этомъ другіе!

Итакъ, когда придетъ время, что и повѣсть моей жизни переплетутъ въ могилу—пусть на ней напишутъ:

„Веселый нравъ“.

Вотъ она, повѣсть моей жизни!

СЕРДЕЧНОЕ ГОРЕ.

Разсказъ этотъ состоитъ собственно изъ двухъ частей: первую можно бы, пожалуй, и пропустить, да она даетъ кое-какія предварительныя свѣдѣнія, а онѣ небезполезны.

Мы гостили у знакомыхъ въ имѣньи. Случилось разъ, что наши хозяева уѣхали куда-то на день, и какъ-разъ въ этотъ самый день изъ ближайшаго городка пріѣхала пожилая вдова съ мопсомъ. Она объявила, что желаетъ продать нашему хозяину нѣсколько акцій своего кожевеннаго завода. Бумаги были у нея съ собой, и мы посовѣтывали ей оставить ихъ въ конвертѣ съ надписью: его превосходительству, генералъ-провіантъ-комиссару и пр.

Она внимательно выслушала насъ, взяла въ руки перо, задумалась и попросила повторить титулъ еще разъ, только помедленнѣе. Мы исполнили ея просьбу, и она начала писать, но дойдя до „генералъ-пров...“ остановилась, глубоко вздохнула и сказала:

— Ахъ, я, вѣдь, только женщина!

Своего мопса она спустила на полъ, и онъ сидѣлъ и ворчалъ. Еще бы! Его взяли прокатиться ради его же удовольствія и здоровья, и вдругъ спускаютъ на полъ?! Сплюснутый носъ и жирная спина—вотъ его внѣшнія примѣты.

— Онъ не кусается! — сказала его хозяйка. — У него и зубовъ-то нѣтъ. Онъ все равно, что членъ семьи, преданный и злющій... Но это все оттого, что его много дразнятъ: внуки мои играютъ въ свадьбу и хотятъ, чтобы онъ былъ шаферомъ, а это тяжеленько для бѣднаго созданья!

Тутъ она передала намъ свои бумаги и взяла мопса на руки.

Вотъ первая часть, безъ которой можно бы обойтись.

Мопсъ умеръ—вотъ вторая.

Это случилось черезъ недѣлю. Мы уже переѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Окна наши выходили во дворъ, который раздѣлялся заборомъ на двѣ части; въ одной были развѣшаны шкуры и кожи, сырыя и выдѣланныя; тутъ же находились и разныя снаряды для кожевеннаго дѣла. Эта часть принадлежала вдовѣ.

Мопсъ умеръ утромъ и былъ зарытъ здѣсь же, на дворѣ. Внуки вдовы, т. е. вдовы кожевника, а не мопса,—мопсъ не былъ женатъ—насыпали надъ могилкой холмикъ, и вышла прелесть что за могилка; славно, должно быть, было лежать въ ней!

Холмикъ обложили черепками, посыпали пескомъ, а посрединѣ воткнули пивную бутылку горлышкомъ вверхъ, но это было сдѣлано безъ всякой задней мысли.

Дѣти поплясали вокругъ могилки, а потомъ старшій мальчикъ, практичный семилѣтній юноша, предложилъ устроить выставку мопсинькиной могилки для всѣхъ сосѣднихъ дѣтей. За входъ можно было брать по пуговкѣ отъ штанишекъ: это найдется у каждаго мальчика; мальчики же могутъ заплатить и за дѣвочекъ.

Предложеніе было принято единогласно.

И вотъ, всѣ сосѣднія ребятишки пришли на выставку и заплатили по пуговкѣ; многимъ мальчикамъ пришлось въ этотъ день щеголять объ одной подтяжкѣ; зато они видѣли мопсинькину могилку, а это, вѣдь, чего-нибудь да стоило!

Но за заборомъ, у самой калитки, стояла маленькая оборванная дѣвочка, прехорошенькая, кудрявая, съ такими ясными голубыми глазками, что просто заглядѣнье! Она не говорила ни слова и не плакала; только каждый разъ, какъ калитка отворялась, она жадно вытягивала шейку и старалась заглянуть дальше, какъ можно дальше, во дворъ. У нея не было пуговицы, и потому она печально стояла на улицѣ, пока другіе дѣти входили и уходили. Наконецъ, перебывали всѣ и ушли. Тогда дѣвочка присѣла на землю, закрыла глаза своими загорѣлыми ручонками и горько, горько заплакала. Только она одна не видала мопсинькиной могилки! Не видала!.. Вотъ было горе, такъ горе, великое, сердечное горе, какимъ бываетъ горе взрослаго.

Намъ все это было видно сверху, а когда смотришь на свои-ли, на чужія-ли горести сверху, то онѣ кажутся только забавными.

Вотъ и весь сказъ. Кто не понялъ, пусть купитъ у вдовы акцій кожевеннаго завода.

ВСЕМУ СВОЕ МѢСТО.

Тому минуло ужъ больше ста лѣтъ.

За лѣсомъ, у большого озера, лежала старая барская усадьба; кругомъ шли глубокіе рвы съ водой, поросшіе осокой и тростникомъ. Возлѣ мостика, перекинутаго черезъ ровъ передъ главными воротами, росла старая ива, склонявшаяся вѣтвями къ тростнику.

Съ дороги послышались звуки роговъ и лошадиный топотъ, и маленькая пастушка поторопилась отогнать своихъ гусей съ мостика въ сторону. Охотники скакали во весь опоръ, и самой дѣвочкѣ пришлось поскорѣе прыгнуть съ мостика на большой камень возлѣ рва,—не то бы ей не сдобровать! Она была совсѣмъ еще ребенокъ, такая тоненькая и худенькая, съ милымъ, добрымъ выраженіемъ лица и честными, ясными глазками. Но барину-то что за дѣло? На умѣ у него были однѣ грубыя шутки, и вотъ, проносясь мимо дѣвочки, онъ повернулъ хлыстъ рукояткой впередъ и ткнулъ имъ пастушку прямо въ грудь. Дѣвочка потеряла равновѣсіе и чуть не упала назадъ.

— Всякъ знай свое мѣсто! Твое—въ грязи!—прокричалъ баринъ и захохоталъ. Какъ же! Ему, вѣдь, удалось сострить! За нимъ захохотали и остальные; затѣмъ, все общество съ крикомъ и гиканьемъ понеслось по мостику; собаки такъ и заливались. Вотъ ужъ подлинно, что

„Богатая птица шумно бьетъ крылами!“

Богатъ-ли былъ баринъ—однако, еще вопросъ.

Бѣдная пастушка, падая, ухватилась за вѣтку ивы и, держась за нее, повисла надъ тиною. Когда же господа и собаки скрылись за воротами усадьбы, она попробовала было опять вскарабкаться на мостикъ, но вѣтка вдругъ обломилась у самаго ствола, и дѣвочка упала въ тростникъ. Хорошо, что ее въ ту же минуту схватила чья-то сильная рука. По полю проходилъ коробейникъ; онъ видѣлъ все и поспѣшилъ дѣвочкѣ на помощь.

— Всякъ знай свое мѣсто!—пошутилъ онъ, передразнивая барина, и вытащилъ дѣвочку на сушу. Отломанную вѣтку онъ

тоже попробовалъ поставить на „свое мѣсто“, но не всегда-то, вѣдь, поговорка оправдывается! Пришлось воткнуть вѣтку прямо въ рыхлую землю.—Рости, какъ сможешь, и пусть изъ тебя выйдетъ хорошая дудка для этихъ баръ!

При этомъ онъ отъ души пожелалъ, чтобы на ней сыграли когда-нибудь для барина и всей его свиты хорошій шпицрутенъ-маршъ*). Затѣмъ, коробейникъ направился въ усадьбу, но не въ парадную залу,—куда такой мелкой сошкѣ лѣзть въ залы— а въ людскую. Слуги обступили его и стали разсматривать товары, а наверху, въ залѣ, шелъ пиръ горой. Гости вздумали пѣть, и подняли страшный ревъ и крикъ: лучше этого они пѣть не умѣли! Хохотъ, крики и собачій вой стономъ стояли въ воздухѣ; вино и старое пиво пѣнилось въ стаканахъ и кружкахъ. Любимыя собаки тоже участвовали въ трапезѣ, и то тотъ, то другой изъ молодыхъ баричей цѣловалъ которую нибудь прямо въ морду, предварительно обтеревъ ее длинными обвислыми ушами собаки. Коробейника тоже призвали въ залу, но только ради потѣхи. Вино бросилось имъ въ головы, а разсудокъ, конечно, и вонъ сейчасъ! Они налили коробейнику пива въ чулокъ,—выпьешь, молъ, и изъ чулка, торопись только! То-то хитро придумали! Было надъ чѣмъ зубоскалить! Цѣлыя стада, крестьяне и деревни ставились на карту и проигрывались.

— Всякъ знай свое мѣсто!—сказалъ коробейникъ, выбравшись изъ „Содома и Гоморры“, какъ онъ назвалъ усадьбу.— Мое мѣсто—путь-дорога, а въ усадьбѣ мнѣ совсѣмъ не по себѣ!

Маленькая пастушка ласково кивнула ему на прощанье изъ-за плетня.

Дни шли за днями, недѣли за недѣлями; сломанная вѣтка, посаженная коробейникомъ у самого рва, не только не засохла и не пожелтѣла, но даже пустила свѣжіе побѣги; пастушка глядѣла на нее, да радовалась: теперь у нея завелось какъ будто свое собственное дерево.

Да, вѣтка-то все росла и зеленѣла, а вотъ въ господской усадьбѣ дѣла шли все хуже и хуже: кутежи и карты до добра не доводятъ.

*) По-датски собственно „Spidsrods-Marsch“, т. е. маршъ, который играли во время экзекуціи шпицрутенами. *Примѣч. перев.*

Не прошло и шести лѣтъ, какъ баринъ пошелъ съ сумою, а усадьбу купилъ богатый коробейникъ, тотъ самый, надъ которымъ баре потѣшались, наливая ему пива въ чулокъ. Честность и трудолюбіе — хоть кого поставятъ на ноги, и вотъ, коробейникъ сдѣлался хозяиномъ усадьбы, но съ того же часа карты были изгнаны изъ нея навсегда.

— Это плохія таблички!—говорилъ хозяинъ.—Выдумалъ ихъ самъ чортъ,—увидалъ Библію, да и давай подражать на свой ладъ!

Новый хозяинъ усадьбы женился, и на комъ же? На бывшей пастушкѣ! Она всегда отличалась добронравіемъ, благочестіемъ и добротою, а какъ нарядилась въ новыя платья, такъ стала ни дать, ни взять—красавицей-барышней! Какъ же, однако, все это случилось? Ну, объ этомъ больно долго разсказывать, а въ нашъ недосужій вѣкъ, извѣстно, всѣ торопятся! Случилось такъ, ну и все, а дальше-то вотъ пойдетъ самое важное.

Славно жилось въ старой усадьбѣ; хозяйка сама вела все домашнее хозяйство, а хозяинъ заправлялъ всѣми дѣлами; благосостояніе ихъ все росло; недаромъ говорится, что деньга родитъ деньгу. Старый домъ подновили, выкрасили, рвы очистили, всюду насадили плодовыхъ деревьевъ, и усадьба смотрѣла настоящею игрушечкой. Полъ въ комнатахъ такъ и блестѣлъ; въ большой залѣ собирались зимними вечерами всѣ служанки и пряли, съ самою хозяйкой во главѣ, шерсть и ленъ; по воскреснымъ же вечерамъ юстицъ-совѣтникъ читалъ имъ изъ Библіи. Да, да, бывшій коробейникъ сталъ юстицъ-совѣтникомъ,—правда, только на старости лѣтъ, но и то хорошо! Были у нихъ и дѣти; дѣти подростали, и всѣ получали хорошее воспитаніе и образованіе, хотя и не всѣ отличались одинаковыми способностями,—такъ оно бываетъ, вѣдь, и во всѣхъ семьяхъ.

Вѣтка же стала славнымъ деревомъ; оно росло на свободѣ, его не подстригали, не подвязывали.

— Это наше родовое дерево! — говорили старики и внушали всѣмъ дѣтямъ, даже тѣмъ, которыя не отличались особенными способностями, чтить и уважать его.

И вотъ, съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ.

Дѣло было уже въ наше время. Озеро стало болотомъ, а старой усадьбы и вовсе какъ не бывало; виднѣлись только

какія-то канавки съ грязною водой, да съ камнями по краямъ—остатки прежнихъ глубокихъ рвовъ. Зато старое родовое дерево красовалось попрежнему. Вотъ что значитъ дать дереву расти на свободѣ! Правда, оно треснуло отъ самыхъ корней до вершины, слегка покривилось отъ бурь, но стояло все еще крѣпко; изо всѣхъ трещинъ и щелей, куда вѣтеръ занесъ разныя сѣмена, росли травы и цвѣты. Особенно густо росли они повыше, тамъ, гдѣ лиственная шапка дерева какъ бы раздваивалась. Тутъ образовался точно висячій садикъ: изъ середины дупла росли малина, мокричникъ и даже небольшая стройная рябинка. Старая ива отражалась въ черной водѣ канавки, когда вѣтеръ отгонялъ зеленую плѣсень къ другому краю. Неподалеку отъ дерева вилась тропинка, уходившая въ хлѣбное поле.

У самаго же лѣса, на холмѣ, откуда открывался чудный видъ на окрестность, стоялъ новый, роскошный барскій домъ. Окна были зеркальныя, такія чистыя и прозрачныя, что стеколъ словно и не было вовсе. Широкій подъѣздъ смотрѣлъ настоящею бесѣдкой изъ розъ и широколиственныхъ растеній. Лужайка передъ домомъ зеленѣла такъ ярко, точно каждую былинку охорашивали и утромъ, и вечеромъ. Залы увѣшаны были дорогими картинами, уставлены крытыми бархатомъ и шелкомъ мягкими стульями и диванами, которыя чуть только не катались на колесикахъ сами. Тутъ же стояли столы съ мраморными досками, заваленные альбомами въ сафьяновыхъ переплетахъ и съ золотыми обрѣзами... Да, богатые, видно, тутъ жили люди! И богатые, и знатные,—тутъ жило семейство барона.

И все въ домѣ было подобрано одно къ одному. „Всякъ знай свое мѣсто“ или „всему свое мѣсто“,—говорили владѣльцы, и вотъ, картины, висѣвшія когда-то въ старой усадьбѣ на почетномъ мѣстѣ, были вынесены въ корридоръ, что велъ въ людскую. Всѣ онѣ считались старымъ хламомъ, въ особенности же два старинныхъ портрета. На одномъ былъ изображенъ мужчина въ красномъ кафтанѣ и въ парикѣ, на другомъ дама съ напудренными, высоко взбитыми волосами, съ розою въ рукахъ. Оба были окружены вѣнками изъ вѣтвей ивы, и оба въ дырахъ. Маленькіе барончики стрѣляли въ портреты стариковъ изъ луковъ, какъ въ мишень. А старики-то эти были: самъ юстицъ-совѣтникъ и совѣтница, родоначальники баронской семьи.

— Ну, они вовсе не изъ нашего рода!—сказалъ одинъ изъ барончиковъ.—*Онъ* былъ коробейникомъ, а *она* пасла гусей! Это совсѣмъ не то, что *papa* и *mama*.

Портреты, какъ сказано, считались хламомъ, а такъ какъ „всему свое мѣсто", то прабабушку и прадѣдушку и отправили въ коррридоръ.

Домашнимъ учителемъ въ семьѣ былъ сынъ пастора. Разъ какъ-то онъ отправился на прогулку съ маленькими барончиками и ихъ старшею сестрой, которая только недавно конфирмовалась. Они шли по тропинкѣ мимо старой ивы; молодая баронесса составляла букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ. „Всему свое мѣсто" соблюдалось и тутъ, и въ результатѣ вышелъ прекрасный букетъ. Въ то же время она внимательно прислушивалась къ разсказамъ пасторскаго сына, а онъ разсказывалъ о чудесныхъ силахъ природы, о великихъ историческихъ дѣятеляхъ, о герояхъ и героиняхъ. Баронесса была здоровою, богато одаренною натурой, съ благородною душой и сердцемъ, способнымъ понять и оцѣнить всякое Божье созданіе.

Возлѣ старой ивы они остановились,—младшему барончику захотѣлось дудочку; ему не разъ вырѣзали ихъ изъ вѣтвей другихъ ивъ, и пасторскій сынъ отломилъ одну вѣтку.

— Ахъ, не надо!—сказала молодая баронесса, но дѣло было уже сдѣлано.—Вѣдь, это же наше знаменитое родовое дерево! Я такъ люблю его, хоть надо мною и смѣются дома! Объ этомъ деревѣ разсказываютъ...

И она разсказала все, что мы уже знаемъ о старой усадьбѣ, и о первой встрѣчѣ пастушки и коробейника, родоначальниковъ знатнаго баронскаго рода и самой молодой баронессы.

— Славные, честные старички не гнались за дворянствомъ!—сказала она.—У нихъ была поговорка: „всякъ знай свое мѣсто", а имъ казалось, что они не будутъ на своемъ, если купятъ себѣ дворянство деньгами. Сынъ же ихъ, мой дѣдушка, сдѣлался барономъ. Говорятъ, онъ былъ такой ученый и въ большой чести у принцевъ и принцессъ; его постоянно приглашали на всѣ придворныя празднества. Его у насъ дома особенно любятъ, я же, сама не знаю почему, больше симпатизирую двумъ старичкамъ. Могу себѣ представить ихъ уютную патріархальную жизнь: хозяйка сидитъ и прядетъ вмѣстѣ съ своими служанками, а старикъ-хозяинъ читаетъ вслухъ Библію!

— Да, славные, достойные были люди!—сказалъ пасторскій сынъ.

Завязался разговоръ о дворянствѣ и о мѣщанствѣ, и, слушая пасторскаго сына, право, можно было подумать, что самъ онъ не изъ мѣщанъ.

— Большое счастье принадлежать къ славному роду,—тогда самая кровь твоя какъ бы пришпориваетъ тебя, подгоняетъ дѣлать одно хорошее. Большое счастье носить благородное родовое имя,—это входной билетъ въ лучшія семьи! Дворянство означаетъ благородство крови; это—чеканка на золотой монетѣ, означающая ея достоинство. Но теперь, вѣдь, въ модѣ, и ей слѣдуютъ даже многіе поэты, считать все дворянское дурнымъ и глупымъ, а въ людяхъ низшихъ классовъ открывать тѣмъ большія достоинства, чѣмъ ниже ихъ мѣсто въ обществѣ. Я другого мнѣнія и нахожу такую точку зрѣнія ложною. У людей высшихъ сословій можно подмѣтить много поразительно прекрасныхъ чертъ характера. Мать моя разсказывала мнѣ объ одной, и я самъ могу привести ихъ много. Мать была разъ въ гостяхъ въ одномъ знатномъ домѣ,—бабушка моя, если не ошибаюсь, выкормила госпожу этого дома. Мать стояла въ комнатѣ, разговаривая съ старымъ высокороднымъ господиномъ, и вдругъ онъ увидалъ, что по двору ковыляетъ на костыляхъ бѣдная старуха, которая приходила къ нему по воскресеньямъ за милостыней. „Бѣдняга!“ сказалъ онъ. „Ей такъ трудно взбираться сюда!“ И прежде чѣмъ мать моя успѣла оглянуться, онъ былъ уже за дверями и спустился съ лѣстницы. Семидесятилѣтній старикъ-генералъ самъ спустился во дворъ, чтобы избавить бѣдную женщину отъ труда подниматься за милостыней! Это только мелкая черта, но она, какъ „лепта вдовицы“, шла прямо отъ сердца, изъ глубины человѣческой души, и вотъ, на нее-то долженъ бы указать поэтъ, въ наше-то время и слѣдовало бы воспѣть ее! Это принесло бы пользу, умиротворило и смягчило бы сердца! Если же какое-нибудь подобіе человѣка считаетъ себя вправѣ — только потому, что на немъ, какъ на кровной арабской лошади, имѣется тавро—становиться на дыбы и ржать на улицѣ, а, входя въ гостиную послѣ мѣщанина, говорить: „Здѣсь пахнетъ человѣкомъ съ улицы!“ — то приходится признаться, что въ лицѣ его дворянство пришло къ разложенію, стало лишь маской, вродѣ той, что употреблялъ Ѳеспись*).

*) Ѳеспись и вся его труппа вымазывали себѣ лицо гущею.

Примѣч. перев.

Надъ такою фигурой остается только посмѣяться, хлестнуть ее хорошенько бичемъ сатиры!

Вотъ какую рѣчь держалъ пасторскій сынъ; длинновата она была, да зато онъ успѣлъ въ это время вырѣзать дудку.

Въ баронскомъ домѣ собралось большое общество, наѣхали гости изъ окрестностей и изъ столицы; было тутъ и много дамъ—и одѣтыхъ со вкусомъ, и безъ вкуса. Большая зала была полна народа. Священники изъ окрестныхъ приходовъ сбились въ кучу въ одинъ уголъ. Можно было подумать, что люди собрались сюда на похороны, а на самомъ-то дѣлѣ—на праздникъ, только гости еще не разошлись, какъ слѣдуетъ.

Предполагалось устроить большой концертъ, и маленькій барончикъ тоже вышелъ съ своею дудкой, но ни онъ, ни даже самъ *papa* не сумѣли извлечь изъ нея ни звука,—значитъ она никуда не годилась!

Начались музыка и пѣніе того рода, что больше всего нравятся самимъ исполнителямъ. Вообще же все было очень мило.

— А вы, вѣдь, тоже виртуозъ!—сказалъ одинъ кавалеръ, папенькинъ и маменькинъ сынокъ.—Вы играете на дудкѣ и даже сами вырѣзали ее. Вотъ это высшій сортъ генія! Помилуйте! Я вполнѣ слѣдую за вѣкомъ; такъ, вѣдь, и должно! Не правда-ли, вы доставите намъ высокое наслажденіе своею игрой?

И онъ протянулъ пасторскому сыну дудку, вырѣзанную изъ вѣтви старой ивы, и громко провозгласилъ, что домашній учитель сыграетъ соло на дудкѣ.

Разумѣется, надъ учителемъ только хотѣли посмѣяться, и молодой человѣкъ отнѣкивался, какъ могъ, хотя и умѣлъ играть. Но всѣ ужасно пристали къ нему, и вотъ, онъ приставилъ дудку ко рту.

Вотъ такъ дудка была! Она издала звукъ, протяжный и рѣзкій, точно свистокъ паровоза, даже еще рѣзче; онъ раздался по всему двору, саду и лѣсу, прокатился эхомъ на много миль кругомъ, а вслѣдъ за нимъ пронесся бурный вихрь. Вихрь свистѣлъ: „Всякъ знай свое мѣсто!“ И вотъ, *papa*, словно на крыльяхъ вѣтра, перелетѣлъ дворъ и угодилъ прямо въ пастушій шалашъ, пастухъ же перелетѣлъ—не въ залу, тамъ ему было не мѣсто—но въ людскую, въ кругъ разодѣтыхъ лакеевъ, щеголявшихъ въ шелковыхъ чулкахъ.

Гордыхъ лакеевъ чуть не хватилъ параличъ отъ такой неожиданности. Какъ? Такое ничтожество и вдругъ смѣетъ садиться за столъ рядомъ съ ними!

Молодая баронесса, между тѣмъ, была перенесена вихремъ за столъ на почетное мѣсто, котораго она была вполнѣ достойна, а пасторскій сынъ очутился возлѣ нея, и вотъ, они сидѣли рядомъ, словно женихъ съ невѣстою! Старый графъ, принадлежавшій къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій, не былъ смѣщенъ съ своего почетнаго мѣста,—дудка была справедлива, да такъ и слѣдуетъ. Остроумный же кавалеръ, маменькинъ и папенькинъ сынокъ, полетѣлъ кверху ногами въ курятникъ, да и не онъ одинъ.

За цѣлую милю слышенъ былъ этотъ звукъ, и вихрь успѣлъ таки надѣлать бѣдъ. Одинъ богатый глава торговаго дома, ѣхавшій на четверкѣ лошадей, тоже былъ подхваченъ вихремъ, вылетѣлъ изъ экипажа и не могъ потомъ попасть даже на запятки, а два богатыхъ крестьянина, изъ тѣхъ, что переросли свои хлѣбныя поля на нашихъ глазахъ, угодили прямо въ тину. Да, преопасная была дудка! Хорошо, что она дала трещину при первомъ же звукѣ, и ее спрятали въ карманъ,—„всему свое мѣсто".

На другой день о происшествіи не было и помину, оттого и создалась поговорка: „Спрятать дудку въ карманъ" *). Все опять пришло въ порядокъ, только два старыхъ портрета, коробейника и пастушки, висѣли уже въ парадной залѣ; вихрь перенесъ ихъ туда, а одинъ изъ настоящихъ знатоковъ искусства сказалъ, что они написаны рукой великаго мастера—вотъ ихъ и оставили тамъ и даже подновили. А то прежде и не знали, что они чего-нибудь стоятъ,—гдѣ-жъ было знать это! Такимъ образомъ, они все-таки попали на почетное мѣсто: „всему свое мѣсто!" И такъ оно въ концѣ-концовъ всегда и бываетъ,—вѣчность, вѣдь, длинна, куда длиннѣе этой исторіи!

ДОМОВОЙ МЕЛОЧНОГО ТОРГОВЦА.

Жилъ-былъ заправскій студентъ, — ютился онъ на чердакѣ и ровно ничего не имѣлъ за душой—и жилъ-былъ заправскій мелочной торговецъ, — этотъ занималъ цѣлый нижній этажъ, да и весь домъ принадлежалъ ему. У него-то и прижился домовой. Еще бы! Тутъ онъ каждый сочельникъ угощался кашей съ масломъ; у мелочного торговца хватало средствъ на такое

*) Т. е. „прикусить языкъ". *Примѣч. перев.*

угощенiе! Итакъ, домовой жилъ да жилъ въ лавкѣ, и это очень поучительно.

Разъ вечеромъ изъ заднихъ дверей появился студентъ; ему понадобилось купить свѣчку и сыру; послать ему было некого, онъ и пришелъ въ лавку самъ. Получивъ отъ него плату за покупки, лавочникъ и лавочница пожелали ему „добраго вечера", а лавочница-то была изъ такихъ женщинъ, что могли сказать и побольше, чѣмъ „добрый вечеръ",—она отличалась даромъ краснорѣчiя. Студентъ кивнулъ имъ въ отвѣтъ, продолжая читать то, что было напечатано на бумагѣ, въ которую завернули ему сыръ. Бумага оказалась листомъ, вырваннымъ изъ какой-то старой книги поэтическаго содержанiя.

— У меня этого добра еще много! — сказалъ лавочникъ. Книжка досталась мнѣ отъ одной старухи за горсточку кофейныхъ зеренъ. Хотите дать восемь скиллинговъ, такъ берите всѣ остальные листы.

— Спасибо!—сказалъ студентъ. — Дайте мнѣ ихъ вмѣсто сыра! Я могу обойтись и однимъ хлѣбомъ съ масломъ! Грѣхъ былъ бы, если бы всю книгу изорвали въ клочки! Вы—отличный человѣкъ, практическiй человѣкъ, но въ поэзiи смыслите не больше этой бочки!

Онъ выразился довольно невѣжливо, особенно по отношенiю къ бочкѣ, но лавочникъ разсмѣялся, и студентъ тоже: онъ, вѣдь, такъ сказать, пошутилъ только. Зато домовой обидѣлся: какъ смѣли сказать такую вещь самому домовладѣльцу, продавцу лучшаго масла!

Наступила ночь, лавку заперли, и всѣ, кромѣ студента, улеглись спать.

Домовой вошелъ въ спальню и взялъ язычокъ хозяйки, — онъ ей, вѣдь, ненуженъ былъ, пока она спала. Стоило домовому прикрѣпить этотъ язычокъ къ какому-нибудь предмету въ лавкѣ — тотъ сейчасъ получалъ даръ слова и могъ высказать всѣ свои мысли и чувства не хуже самой лавочницы. И хорошо, что язычокъ могъ служить лишь одному предмету заразъ, а то они просто бы оглушили другъ друга.

Домовой прикрѣпилъ язычокъ къ бочкѣ, въ которую сваливались старыя газеты, и спросилъ ее:

— Вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, что такое поэзiя?

— Знаю! — отвѣчала она. — Это обыкновенно печатается въ подвальныхъ столбцахъ газеты и потомъ отрѣзается. По-

лагаю, что во мнѣ этого добра побольше, чѣмъ у студента, а я, вѣдь, только ничтожная бочка въ сравненіи съ самимъ лавочникомъ.

Потомъ домовой прикрѣпилъ язычокъ къ кофейной мельницѣ, — то-то она замолола! Затѣмъ къ кадочкѣ изъ-подъ масла и, наконецъ, къ выручкѣ. Всѣ оказались одного мнѣнія, а съ мнѣніемъ большинства приходится ужъ считаться!

— Постой же ты, студентикъ! — сказалъ домовой и тихонько поднялся по черной лѣстницѣ на чердакъ, гдѣ жилъ студентъ. Въ коморкѣ было свѣтло; домовой приложился глазкомъ къ замочной скважинѣ и увидалъ, что студентъ сидитъ и читаетъ рваную книгу; но какой свѣтъ разливался отъ нея! Одинъ яркій лучъ, исходившій изъ книги, образовывалъ какъ бы стволъ великолѣпнаго дерева, которое упиралось вершиной въ самый потолокъ и широко раскинуло свои вѣтви надъ головой студента. Листья его были одинъ свѣжѣе другого, каждый цвѣтокъ — прелестною дѣвичьею головкой съ жгучими черными, или съ ясными голубыми глазами, а каждый плодъ — яркою звѣздой. И что за дивныя пѣніе и музыка звучали въ коморкѣ!

Нѣтъ, крошка-домовой не только никогда не видѣлъ и не слышалъ ничего такого на самомъ дѣлѣ, но и представить себѣ не могъ! Онъ такъ и замеръ на цыпочкахъ у дверей, и все глядѣлъ, глядѣлъ, пока свѣтъ не потухъ. Студентъ уже потушилъ лампу и улегся въ постель, а домовой все стоялъ на томъ же мѣстѣ: дивная мелодія все еще звучала въ комнатѣ, убаюкивая студента.

— Вотъ такъ чудеса! — сказалъ домовой. — Не ожидалъ! Право, я думаю переселиться къ студенту! — Подумавъ хорошенько, онъ, однако, вздохнулъ: — У студента, вѣдь, нѣтъ каши!

И онъ спустился — да, спустился опять внизъ къ лавочнику. И хорошо сдѣлалъ, — бочка чуть было не истрепала весь язычокъ хозяйки, высказывая, какъ слѣдуетъ смотрѣть на содержимое ея съ одной стороны, и уже собиралась было повернуться, чтобы выяснить дѣло и съ другой. Домовой снесъ язычокъ обратно хозяйкѣ, но съ тѣхъ поръ вся лавка — отъ выручки до растопокъ — была одного мнѣнія съ бочкой и стала относиться къ ней съ такимъ уваженіемъ, такъ увѣровала въ ея богатое содержаніе, что слушая, какъ лавочникъ читалъ что-нибудь въ вечернемъ „Вѣстникѣ“ о театрѣ или объ искусствѣ, твердо вѣрила, что и это все взято изъ бочки.

Но крошка-домовой уже не сидѣлъ, какъ бывало прежде, спокойно на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь ко всей этой премудрости; едва только въ коморкѣ у студента показывался свѣтъ, домового неудержимо влекло туда, словно лучи этого свѣта были якорными канатами, а самъ онъ якоремъ. Онъ глядѣлъ въ замочную скважину, и его охватывало такое же чувство, какое испытываемъ мы при видѣ величавой картины взволнованнаго моря въ часъ, когда надъ нимъ пролетаетъ ангелъ бури. И домовой не могъ удержаться отъ слезъ; онъ и самъ не зналъ, почему плачетъ, слезы лились сами собою, а самому ему было и сладко, и больно. Вотъ бы посидѣть вмѣстѣ со студентомъ подъ самымъ деревомъ! Но чему не бывать, тому и не бывать — домовой радъ былъ и замочной скважинѣ. И онъ простаивалъ цѣлые часы въ холодномъ корридорѣ, даже когда наступила осень. Изъ слухового окна дуло, стоялъ страшный холодъ, но крошка-домовой не чувствовалъ ничего, пока свѣтъ не погасалъ и чудное пѣніе не замирало окончательно. У! какъ онъ дрожалъ потомъ и торопился пробраться въ свой уютный и теплый уголокъ въ лавкѣ. Зато, когда дѣло доходило до рождественской каши съ масломъ, то на первомъ планѣ былъ ужъ лавочникъ.

Но вотъ, разъ ночью домовой проснулся отъ страшнаго грохота; въ ставни барабанили съ улицы кулаками, ночной сторожъ давалъ свистки; гдѣ-то загорѣлось, и вся улица была какъ въ огнѣ. Гдѣ же былъ пожаръ, въ самомъ-ли домѣ или у сосѣдей? Вотъ ужасъ! Лавочница такъ растерялась, что выхватила изъ ушей свои золотыя сережки и сунула ихъ въ карманъ, чтобы хоть что-нибудь спасти; лавочникъ кинулся къ своимъ процентнымъ бумагамъ, а служанка къ своей шелковой мантильѣ,—франтиха была!—словомъ каждый старался спасти, что получше. И вотъ, крошка-домовой въ два прыжка очутился на верху чердачной лѣстницы и шмыгнулъ въ коморку студента, который преспокойно смотрѣлъ на пожаръ въ открытое окно,—горѣло у сосѣдей. Крошка-домовой схватилъ со стола дивную книгу, сунулъ ее въ свой красный колпачекъ и прижалъ его обѣими руками къ груди: лучшее сокровище дома было спасено! Потомъ онъ взобрался на самую крышу, на верхушку трубы, и сидѣлъ тамъ, освѣщенный яркимъ заревомъ пожара, крѣпко держа обѣими руками красный колпачекъ съ сокровищемъ. Теперь онъ узналъ, чему

собственно принадлежитъ всѣмъ сердцемъ! Но когда пожаръ затушили, и домовой пришелъ въ себя, онъ сказалъ:

— Да, я раздѣлюсь между обоими! Нельзя же мнѣ совсѣмъ оставить лавочника,—а каша-то?

И онъ разсудилъ совершенно по-человѣчески! И мы всѣ тоже, вѣдь, держимся лавочника — ради каши!

ЧЕРЕЗЪ ТЫСЯЧУ ЛѢТЪ.

Да, черезъ тысячу лѣтъ обитатели Новаго Свѣта прилетятъ въ нашу старую Европу на крыльяхъ пара, по воздуху! Они явятся сюда осматривать памятники и развалины, какъ мы теперь осматриваемъ остатки былого величія южной Азіи.

Они прилетятъ въ Европу черезъ тысячу лѣтъ! Темза, Дунай, Рейнъ будутъ течь попрежнему; Монбланъ все такъ же гордо будетъ подымать свою снѣжную вершину, сѣверное сіяніе— освѣщать полярныя страны, но поколѣнія за поколѣніями уже превратятся въ прахъ, длинный рядъ минутныхъ знаменитостей будетъ забытъ, какъ забыты имена тѣхъ, что почиваютъ въ курганѣ, на которомъ благодушный мельникъ, собственникъ его, поставилъ себѣ скамеечку, чтобы сидѣть тутъ и любоваться ровно волнующеюся нивой.

— Въ Европу! — воскликнутъ юныя поколѣнія американцевъ.—Въ страну нашихъ отцовъ, въ страну чудныхъ воспоминаній, въ Европу!

Воздушный корабль прибываетъ; онъ переполненъ пассажирами,—онъ, вѣдь, мчится куда быстрѣе парохода. Электромагнитная проволока, протянутая подъ моремъ, уже передала, какъ велико число пассажировъ воздушнаго поѣзда. Вотъ показалась и Европа, берега Ирландіи, но пассажиры еще спятъ; они велѣли разбудить себя только надъ самой Англіей. Тутъ они спустятся на землю и очутятся въ странѣ Шекспира, какъ зовутъ ее сыны музъ, или въ странѣ машинъ и политики, какъ зовутъ ее другіе.

Цѣлый день стоитъ здѣсь поѣздъ — вотъ сколько времени можетъ недосужее поколѣніе удѣлить великой Англіи и Шотландіи!

Дальше путь идетъ по подводному тунелю; ведетъ онъ во Францію, страну Карла Великаго и Наполеона. Вспоминается имя Мольера, ученые заводятъ разговоръ о классической и ро-

мантической школахъ сѣдой древности, восхваляютъ героевъ, поэтовъ и людей науки, которыхъ еще не знаетъ наше время, но которые должны народиться въ европейскомъ кратерѣ — Парижѣ.

Изъ Франціи воздушный корабль несется въ страну, откуда вышелъ Колумбъ, гдѣ родился Кортецъ, гдѣ слагалъ звучными стихами свои драмы Кальдеронъ. Въ ея цвѣтущихъ долинахъ еще живутъ черноокія красавицы, а въ старинныхъ пѣсняхъ живетъ имя Сида, упоминается Альгамбра.

Перелетаютъ море, и вотъ путешественники въ Италіи, гдѣ лежалъ когда-то древній „вѣчный городъ" Римъ. Онъ исчезъ съ лица земли, Кампанья превратилась въ пустыню, отъ собора Петра осталась одна полуразрушенная стѣна; ее показываютъ всѣмъ путешественникамъ, но подлинность ея подлежитъ сомнѣнію.

Дальше — въ Грецію, чтобы проспать ночь въ роскошномъ отелѣ на вершинѣ Олимпа; тогда дѣло сдѣлано: были, дескать, и тамъ! Поѣздъ направляется къ берегамъ Босфора, чтобы остановиться на нѣсколько часовъ у того мѣста, гдѣ нѣкогда лежала Византія. Бѣдные рыбаки закидываютъ свои сѣти у тѣхъ береговъ, гдѣ, по преданію, разстилались во времена турецкаго владычества гаремные сады.

Пролетаютъ надъ развалинами большихъ городовъ по берегамъ Дуная, — городовъ этихъ наше время еще не видало. То тутъ, то тамъ спускается воздушный поѣздъ, останавливаясь на мѣстахъ, богатыхъ воспоминаніями, которыя еще породитъ время.

Вотъ внизу Германія, нѣкогда сплошь опутанная густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, страна, гдѣ проповѣдывалъ Лютеръ, пѣлъ Гёте, держалъ композиторскій скипетръ Моцартъ. И другія великія имена сіяютъ въ наукѣ и искусствѣ, имена, которыхъ мы еще не знаемъ. Одинъ день посвящается обозрѣнію Германіи, одинъ — странамъ сѣвера: родинѣ Эрстеда, родинѣ Линнея и Норвегіи, странѣ древнихъ героевъ и юныхъ норвежцевъ; Исландію захватываютъ на обратномъ пути. Гейзеръ не кипитъ болѣе, Гекла потухла, но могучій скалистый островъ возвышается изъ пѣны морскихъ волнъ, какъ вѣчный памятникъ сагъ.

— Въ Европѣ есть на что посмотрѣть! — говорятъ юные американцы. — И мы осмотрѣли все въ одну недѣлю. Это вполнѣ

возможно, какъ уже доказалъ и великій нашъ путешественникъ — называютъ имя современника — въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: *„Вокругъ Европы въ восемь дней“*.

ПОДЪ ИВОЮ.

Окрестности Кьёге довольно голы; положимъ, городъ лежитъ на самомъ берегу моря, а это ужъ само по себѣ красиво, но все же окрестности могли бы быть покрасивѣе. А то куда ни обернешься — плоское, ровное пространство, до лѣса не скоро и доберешься. Освоившись хорошенько съ мѣстностью, можно, впрочемъ, и тутъ напасть на такія красивыя мѣстечки, что потомъ будешь скучать о нихъ даже въ самомъ восхитительномъ уголкѣ земного шара. Вотъ, напримѣръ, на самой окраинѣ города, сбѣгали внизъ къ быстрой рѣчкѣ два простенькихъ, бѣдненькихъ садика, и лѣтомъ здѣсь было прелесть какъ хорошо! Особенно для двухъ ребятишекъ: Кнуда и Іоганны, которые день-деньской играли тутъ; они были сосѣдями и пролѣзали другъ къ другу сквозь кусты крыжовника, раздѣлявшаго ихъ садики. Въ одномъ изъ садиковъ росла бузина, въ другомъ — старая ива. Подъ ивою-то дѣти особенно и любили играть, — имъ позволяли, хотя дерево и стояло почти у самой рѣчки, такъ что они легко могли упасть въ воду. Ну, да Господь Богъ самъ охраняетъ „малыхъ сихъ“, а не то было бы плохо! Впрочемъ, дѣти были очень осторожны, а мальчикъ, такъ тотъ просто боялся воды; другіе ребятишки весело плещутся себѣ, бывало, въ заливѣ, бѣгаютъ по водѣ, шалятъ, а его и не заманить туда. Зато Кнуду и приходилось сносить не мало насмѣшекъ; но вотъ Іоганнѣ разъ приснилось, что она плыла по заливу въ лодкѣ, и Кнудъ преспокойно пошелъ къ ней на встрѣчу прямо по водѣ, а вода-то сначала была ему по шею, потомъ же покрыла его съ головой! Полно съ тѣхъ поръ Кнуду терпѣть насмѣшки! Назовутъ его трусомъ, а онъ сейчасъ и указываетъ на сонъ Іоганны, — вонъ я какой храбрый! Очень онъ гордился своею храбростью, но отъ воды все-таки держался подальше.

Бѣдняки-родители ребятишекъ были сосѣдями, видѣлись другъ съ другомъ ежедневно, а Кнудъ и Іоганна цѣлыми днями играли вмѣстѣ въ садикахъ и на дорогѣ, обсаженной по обѣимъ сторонамъ, вдоль канавъ, ивами. Красотой эти ивы не отлича-

лись, верхушки ихъ были обломаны, ну, да онѣ и стояли-то тутъ не для красы, а для пользы. Старая ива въ саду была куда красивѣе, и подъ нею ребятишки „провели не мало веселыхъ часовъ“.

Въ Кьёге есть большая площадь, и во время ярмарки на ней выстраивались цѣлыя улицы изъ палатокъ, въ которыхъ торговали лентами, сапогами и разною разностью. Во время ярмарки всегда бывала давка и суматоха и почти всегда шелъ дождикъ; во влажномъ воздухѣ такъ и пахло крестьянскими кафтанами и—что куда пріятнѣе—медовыми коврижками. Цѣлая лавка биткомъ бывала набита коврижками! Славно! А что еще лучше—хозяинъ лавочки останавливался у родителей Кнуда, и мальчику, конечно, перепадало всякій разъ по коврижкѣ, которую онъ сейчасъ же дѣлилъ съ Іоганной. Важнѣе же всего было то, что продавецъ коврижекъ умѣлъ разсказывать чудесныя исторіи почти обо всякой вещи, даже о своихъ коврижкахъ. Однажды вечеромъ онъ и разсказалъ дѣтямъ исторію, которая произвела на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они не могли забыть ея никогда. Не мѣшаетъ, пожалуй, и намъ послушать ее, тѣмъ болѣе, что она очень коротка.

— На прилавкѣ лежало двѣ коврижки,—разсказывалъ торговецъ.—Одна изображала кавалера въ шляпѣ, другая—дѣвицу, безъ шляпы, но съ полоской сусальнаго золота на головѣ. Лицо у нихъ было только на одной сторонѣ, которою они лежали кверху. Съ этой-то лицевой стороны на нихъ и надо было смотрѣть, а отнюдь не съ оборотной, и такъ слѣдуетъ смотрѣть и на всѣхъ людей вообще. У кавалера въ лѣвомъ боку торчала горькая миндалинка,—это было его сердце, дѣвица же была чистою медовою коврижкой. Лежали онѣ на прилавкѣ, какъ образцы, лежали долго, ну, и полюбили другъ друга, но ни тотъ, ни другая ни гу-гу объ этомъ, а такъ нельзя, если хочешь, чтобы любовь привела къ чему-нибудь!

„Онъ мужчина и долженъ заговорить первый!“ думала дѣвица, хотя и была бы довольна однимъ сознаніемъ, что любовь ея встрѣчаетъ взаимность.

Кавалеръ же, какъ и всѣ мужчины, питалъ довольно кровожадные замыслы. Онъ мечталъ, что онъ—живой уличный мальчишка, въ карманѣ у него четыре скиллинга, и вотъ, онъ покупаетъ дѣвицу и—съѣдаетъ ее!..

Такъ они лежали на прилавкѣ дни за днями, недѣли за

недѣлями и сохли; мысли дѣвицы становились все нѣжнѣе и женственнѣе. „Я довольна и тѣмъ, что лежу рядомъ съ нимъ!“ думала она и вдругъ треснула пополамъ. „Знай она, что я люблю ее, она, пожалуй, еще продержалась бы!“ подумалъ онъ.

— Вотъ вамъ и вся исторія, а вотъ и сами коврижки!— добавилъ торговецъ сластями. — Онѣ замѣчательны исторіею своей жизни и своею нѣмою любовью, которая никогда ни къ чему не ведетъ! Ну, возьмите ихъ себѣ!

И онъ далъ Іоганнѣ уцѣлѣвшаго кавалера, а Кнуду треснувшую дѣвицу. Разсказъ, однако, такъ подѣйствовалъ на дѣтей, что они не могли рѣшиться съѣсть парочку.

На другой день они отправились съ коврижками на кладбище; церковныя стѣны были густо обвиты и лѣтомъ, и зимою чудеснѣйшимъ плющемъ, — словно зеленый коверъ былъ повѣшенъ! Дѣти положили коврижки на травку, на самое солнышко, и разсказали толпѣ ребятишекъ исторію нѣмой любви, которая никуда не годится, т. е. любовь, а не исторія. Исторія-то была прелестна, всѣ согласились съ этимъ, и поглядѣли на медовую парочку, но... куда же дѣвалась дѣвица? Ее съѣлъ, подъ шумокъ, одинъ изъ большихъ мальчиковъ,—вотъ какой злой! Дѣти поплакали о дѣвицѣ, а потомъ— вѣрно изъ жалости къ бѣдному одинокому кавалеру—съѣли и его, но самой исторіи не забыли.

Кнудъ и Іоганна были неразлучны, играли то подъ бузиною, то подъ ивою, и дѣвочка распѣвала своимъ серебристымъ, звонкимъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ прелестныя пѣсенки. У Кнуда голоса не было никакого, зато онъ твердо помнилъ слова пѣсенъ, — все-таки хоть что-нибудь! Горожане останавливались и заслушивались Іоганну; особенно же восхищалась ея голосомъ жена торговца металлическими издѣліями.

— Соловьиное горлышко у этой малютки!—говорила она.

Да, славные то были денечки, но не вѣчно было имъ длиться!.. Сосѣдямъ пришлось разстаться: мать Іоганны умерла, отецъ собирался жениться въ Копенгагенѣ на другой и кстати разсчитывалъ пристроиться тамъ посыльнымъ при одномъ учрежденіи,—должность, какъ говорили, была очень доходная. Сосѣди разстались со слезами; особенно плакали дѣти, но старики обѣщали писать другъ другу по крайней мѣрѣ разъ въ годъ. Кнуда отдали въ ученье къ сапожнику,—полно такому большому мальчику слоняться безъ дѣла! А потомъ его и конфирмовали.

Какъ хотѣлось ему въ этотъ торжественный день отправиться въ Копенгагенъ, повидать Іоганну! Но, конечно, онъ не отправился ни въ этотъ день, ни потомъ, хотя Копенгагенъ и лежитъ всего въ пяти миляхъ отъ Кьёге, и въ ясную, тихую погоду черезъ заливъ видны были столичныя башни. Въ день же конфирмаціи Кнудъ ясно видѣлъ даже золотой куполъ собора Богоматери.

Ахъ, какъ онъ скучалъ по Іоганнѣ! А вспоминала-ли о немъ она?

Да! Къ Рождеству родители Кнуда получили письмо отъ ея отца. Въ немъ говорилось, что въ Копенгагенѣ имъ повезло и что славный голосокъ Іоганны сулитъ ей большое счастье. Она уже была принята въ театръ, гдѣ поютъ, и даже зарабатывала кое-что. Изъ заработка своего она и посылала дорогимъ сосѣдямъ на рождественскія удовольствія цѣлый риксдалеръ! Пусть въ Кьёге выпьютъ за ея здоровье! Въ письмѣ была и собственноручная приписка Іоганны: „Дружескій привѣтъ Кнуду!“

Всѣ плакали — отъ радости. У Кнуда только и думъ было, что объ Іоганнѣ, а теперь выходило, что и она о немъ думаетъ! И вотъ, чѣмъ ближе подходилъ срокъ его ученью, тѣмъ яснѣе ему становилось, что онъ любитъ Іоганну; значитъ, она должна стать его женою! При этой мысли все лицо его озарялось улыбкой, и онъ еще бойчѣе продергивалъ дратву, въ то время, какъ нога натягивала ремень. Онъ прокололъ себѣ шиломъ палецъ и даже не замѣтилъ! Ужъ онъ-то не будетъ молчать, какъ тѣ коврижки,—ихъ исторія научила его кое-чему.

И вотъ, онъ подмастерье. Теперь—котомку на спину и—маршъ въ первый разъ въ жизни въ Копенгагенъ! У него уже былъ тамъ на примѣтѣ одинъ мастеръ. Вотъ Іоганна-то удивится и обрадуется ему! Ей уже теперь семнадцать лѣтъ, а ему девятнадцать.

Кнудъ хотѣлъ было тутъ же, въ Кьёге, запастись золотымъ колечкомъ для нея, да потомъ сообразилъ, что въ Копенгагенѣ можно купить получше. Простившись со стариками-родителями, онъ бодро зашагалъ по дорогѣ; пора стояла осенняя: дождь, непогода, листья съ деревьевъ такъ и сыпались. Усталый, промокшій до костей, добрался, наконецъ, Кнудъ до столицы и до новаго хозяина.

Въ первое же воскресенье онъ собрался навѣстить отца Іоганны, надѣлъ новое платье и — въ первый разъ въ жизни—

новую шляпу, купленную еще въ Кьøге; она очень шла къ нему; до сихъ же поръ онъ ходилъ всегда въ фуражкѣ. Вотъ Кнудъ отыскалъ домъ и поднялся вверхъ по лѣстницѣ. Сколько тутъ было ступенекъ! Просто голова кружилась при одной мысли о томъ, что люди могутъ жить такъ, почти-что на головахъ другъ у друга.

Зато въ самомъ помѣщеніи было уютно, и отецъ Іоганны встрѣтилъ Кнуда очень ласково. Для хозяйки дома Кнудъ былъ совершенно постороннимъ человѣкомъ, но и она подала ему руку и угостила чашкой кофе.

— Вотъ Іоганна-то обрадуется тебѣ!—сказалъ отецъ.— Ишь ты какимъ молодцомъ сталъ! Ну, сейчасъ увидишь ее! Да, вотъ такъ дѣвушка! Она насъ такъ радуетъ и, Богъ дастъ, порадуетъ еще больше! У нея своя комната, она платитъ намъ за нее!

И папаша очень вѣжливо, словно чужой, постучался въ дверь дочки. Они вошли. Батюшки! какая прелесть! Такой комнаты не нашлось бы во всемъ Кьøге! У самой королевы врядъ-ли могло быть лучше! Тутъ былъ и коверъ, и длинныя занавѣси до самаго пола, бархатный стулъ, цвѣты, картины и большое зеркало, въ которое можно было съ разбѣга ткнуться лбомъ, принявъ его за дверь. Все это сразу бросилось въ глаза Кнуду, но видѣлъ онъ все-таки одну Іоганну. Она стала совсѣмъ взрослою дѣвушкой, но вовсе не такою, какою воображалъ ее себѣ онъ,—куда лучше! Во всемъ Кьøге не сыскать было такой дѣвушки. Какая она была нарядная, изящная! Но какъ странно взглянула она на Кнуда—точно на чужого. Зато въ слѣдующую же минуту она такъ и бросилась къ нему, словно хотѣла расцѣловать. Поцѣловать-то она не поцѣловала, но готова была. Да, очень она обрадовалась другу дѣтства! Слезы выступили у нея на глазахъ, а ужъ сколько вопросовъ она назадавала ему, и о здоровьѣ родителей его, и о бузинѣ, и объ ивѣ, которыхъ она звала, бывало, „матушкой“ и „батюшкой“, точно деревья были людьми. Впрочемъ, вѣдь, смотрѣли же Кнудъ съ Іоганной когда-то и на коврижки, какъ на людей. Іоганна вспомнила и о нихъ, о ихъ нѣмой любви, о томъ, какъ онѣ лежали рядомъ на прилавкѣ и какъ дѣвица треснула пополамъ. Тутъ Іоганна весело разсмѣялась, а Кнудъ весь вспыхнулъ, и сердце его такъ и застучало. Нѣтъ, она совсѣмъ не перемѣнилась, не заважничала! И онъ отлично замѣтилъ,

что это она заставила родителей попросить его остаться у нихъ на цѣлый вечеръ. Іоганна разливала чай и сама подала Кнуду чашку, а потомъ принесла книгу и прочла имъ изъ нея коечто вслухъ. И Кнуду показалось, что она прочитала какъ-разъ исторію его собственной любви, такъ подходило каждое слово къ его мыслямъ. Затѣмъ она спѣла простенькую пѣсенку, которая, однако, превратилась въ ея устахъ въ настоящую поэму; казалось, въ ней вылилась вся душа Іоганны. Разумѣется, она любила Кнуда! Слезы текли по его щекамъ, онъ не могъ справиться съ собою, не могъ даже выговорить слова. Самому ему казалось, что онъ смотритъ такимъ глупымъ, но она пожала ему руку и сказала:

— У тебя доброе сердце, Кнудъ! Оставайся такимъ всегда!

Что это былъ за чудный вечеръ! И мыслимо-ли было заснуть послѣ того? Кнудъ такъ и не спалъ всю ночь. На прощанье отецъ Іоганны сказалъ:

— Ну, не забывай же насъ! Не пропусти всю зиму, не заглянувъ къ намъ!

Значитъ, ему можно было опять прійти къ нимъ въ воскресенье; такъ онъ и рѣшилъ сдѣлать. Но каждый вечеръ по окончаніи работъ,—а работали они еще долго и при огнѣ— Кнудъ отправлялся бродить по городу, заходилъ въ улицу, гдѣ жила Іоганна, и смотрѣлъ на ея окно. Въ немъ почти всегда виднѣлся свѣтъ, а разъ онъ увидалъ на занавѣскѣ тѣнь ея профиля! Вотъ-то былъ чудный вечеръ! Жена его хозяина, правда, не очень была довольна „такими вечерними прогулками“—какъ она выражалась, покачивая головой, но самъ хозяинъ только посмѣивался:

— Э, пусть себѣ! Человѣкъ онъ молодой!

„Въ воскресенье мы опять увидимся“, размышлялъ Кнудъ: „и я скажу ей, что она не выходитъ у меня изъ головы, и потому должна быть моею женой. Правда, я еще бѣдный подмастерье, но могу сдѣлаться и мастеромъ, по крайней мѣрѣ „вольнымъ мастеромъ“; я буду работать, стараться!... Да, да, я скажу ей все! Изъ „нѣмой любви“ ничего не выйдетъ! Я ужъ знаю это изъ исторіи о коврижкахъ“.

Воскресенье настало, и Кнудъ явился къ родителямъ Іоганны, но какъ неудачно! Всѣ трое собирались куда-то,— такъ и пришлось ему сказать; Іоганна же пожала ему руку и спросила:

— А ты былъ въ театрѣ? Надо побывать! Я пою въ среду, и, если ты свободенъ вечеромъ, я пришлю тебѣ билетъ. Отецъ знаетъ, гдѣ живетъ твой хозяинъ.

Какъ это было мило съ ея стороны! Въ среду Кнудъ получилъ запечатанный конвертъ, безъ всякаго письма, но съ билетомъ. Вечеромъ Кнудъ въ первый разъ въ жизни отправился въ театръ. Кого же онъ увидалъ тамъ? — Іоганну! И какъ она была прелестна, обворожительна! Правда, она выходила замужъ за какого-то чужого господина, но, вѣдь, это же было только такъ, представленіе. Кнудъ отлично зналъ это,— иначе развѣ она прислала бы ему билетъ на такое зрѣлище? Народъ хлопалъ въ ладоши и кричалъ, и Кнудъ тоже закричалъ „ура!“

Самъ король улыбнулся Іоганнѣ, какъ будто и онъ обрадовался ей. Какимъ маленькимъ, ничтожнымъ показался теперь самому себѣ Кнудъ! Но онъ такъ горячо любилъ ее, она его тоже, а первое слово, вѣдь, за мужчиной,—такъ думали даже коврижки. О, въ той исторіи было много поучительнаго!

Какъ только настало воскресенье, Кнудъ пошелъ къ Іоганнѣ; онъ былъ въ такомъ настроеніи духа, словно шелъ причащаться. Іоганна была дома одна и сама отворила ему дверь; случай былъ самый удобный.

— Какъ хорошо, что ты пришелъ!—сказала она ему.— Я чуть было не послала за тобой отца. Но у меня было предчувствіе, что ты придешь сегодня вечеромъ. Дѣло въ томъ, что я уѣзжаю въ пятницу во Францію. Это необходимо, если я хочу стать настоящею пѣвицей.

Комната завертѣлась передъ глазами Кнуда, сердце его готово было выпрыгнуть изъ груди, и хотя онъ и не пролилъ ни одной слезинки, видно было, какъ онъ огорченъ. Іоганна замѣтила все и чуть не расплакалась сама.

— Вѣрная, честная ты душа!—сказала она.

И тутъ ужъ языкъ у Кнуда развязался, и онъ сказалъ ей все, сказалъ, что горячо любитъ ее и что она должна выйти за него замужъ. И вдругъ онъ увидалъ, что Іоганна поблѣднѣла. Она выпустила его руку и сказала ему печальнымъ, серьезнымъ тономъ:

— Не дѣлай ни себя, ни меня несчастными, Кнудъ! — Я всегда буду для тебя вѣрною, любящею сестрою, но... не больше! — И она провела своею мягкою ручкой по его горя-

чему лбу.—Богъ даетъ намъ силы перенести многое, если только мы сами хотимъ того!

Въ эту минуту въ комнату вошла ея мачиха.

— Кнудъ просто самъ не свой отъ того, что я уѣзжаю!—сказала она.—Ну, будь же мужчиной!—И она потрепала его по плечу, какъ будто между ними только и разговору было, что объ ея отъѣздѣ.—Дитя!—прибавила она.—Ну, будь же паинькой, какъ прежде „подъ ивою", когда мы оба были маленькими!

Но Кнуду казалось, будто отъ свѣта отвалился цѣлый край, а собственныя мысли его стали оторванными нитями, которыя вѣтеръ треплетъ туда и сюда. Онъ остался сидѣть, хоть и не зналъ, просили-ли его оставаться. Хозяева были съ нимъ, впрочемъ, очень милы и привѣтливы, Іоганна опять угощала его чаемъ и пѣла, — хоть и не попрежнему, но все же очень хорошо, такъ что сердце Кнуда просто разрывалось на части. И вотъ, они разстались. Кнудъ не протянулъ ей руки, но она сама схватила его руку и сказала:

— Дай же на прощанье своей сестрѣ руку, мой милый товарищъ дѣтства!—И она улыбнулась ему сквозь слезы и шепнула:—Мой братъ!

Нашла тоже чѣмъ утѣшить его! Такъ они и разстались.

Іоганна отплыла во Францію, а Кнудъ попрежнему бродилъ по вечерамъ по грязнымъ улицамъ города. Другіе подмастерья спрашивали его, чего это онъ все философствуетъ, и звали его пойти съ ними повеселиться,—вѣдь, и въ немъ, небось, кипѣла молодая кровь.

И вотъ, они пошли вмѣстѣ въ увеселительное заведеніе. Тамъ было много красивыхъ дѣвушекъ, но ни одной такой, какъ Іоганна. И тутъ-то какъ-разъ, гдѣ онъ думалъ забыть ее, она не выходила у него изъ головы, стояла передъ нимъ, какъ живая. „Богъ даетъ намъ силы перенести многое, если только мы сами хотимъ того!" сказала она ему, и душою его овладѣло серьезное, торжественное настроеніе, онъ даже сложилъ руки, какъ на молитвѣ, а въ залѣ визжали скрипки, кружились пары... И онъ весь затрепеталъ: въ такое мѣсто ему не слѣдовало бы водить Іоганну, — она всегда, вѣдь, была съ нимъ, въ его сердцѣ! И онъ ушелъ, пустился бѣжать по улицамъ къ тому дому, гдѣ она жила. Въ окнахъ было темно, кругомъ тоже темно, пусто, безотрадно... И никому не было дѣла до Кнуда; люди шли своею дорогою, а онъ своею.

Настала зима, рѣки замерзли, природа словно готовилась къ смерти.

Но съ наступленіемъ весны и открытіемъ навигаціи, Кнуда охватило вдругъ тоскливое желаніе уйти отсюда... бѣжать, куда глаза глядятъ—только не во Францію.

И вотъ, онъ вскинулъ котомку на спину и пошелъ бродить по Германіи, переходя изъ одного города въ другой, не зная ни отдыха, ни покоя. Только въ старинномъ, прекрасномъ городкѣ, Нюрнбергѣ, тоска его какъ будто затихла немного, и онъ могъ остановиться.

Нюрнбергъ—диковинный городокъ, словно вырѣзанный изъ какой-нибудь старинной иллюстрированной хроники. Улицы идутъ, куда и какъ хотятъ сами, дома не любятъ держаться въ рядъ, повсюду выступы, какія-то башенки, завитушки, изъ-подъ сводовъ выглядываютъ статуи, а съ высоты диковинныхъ крышъ сбѣгаютъ на улицы водосточные жолоба въ видѣ драконовъ или собакъ съ длинными туловищами.

Кнудъ стоялъ съ котомкою за плечами на Нюрнбергской площади и смотрѣлъ на старый фонтанъ, на его библейскія и историческія фигуры, орошаемыя брызгами воды. Къ фонтану подошла зачерпнуть воды красивая дѣвушка; она дала Кнуду напиться и подарила розу—въ рукахъ у нея былъ цѣлый букетъ розъ. Кнудъ счелъ это добрымъ предзнаменованіемъ и рѣшилъ остаться въ городѣ.

Изъ церкви доносились до него могучіе звуки органа; что-то знакомое, родное слышалось въ нихъ—какъ будто они неслись изъ Кьёгской церкви. И онъ зашелъ въ величественный соборъ. Солнышко свѣтило сквозь росписныя стекла оконъ, играло на стройныхъ, высокихъ колоннахъ, и душой Кнуда овладѣло тихое, благоговѣйное настроеніе.

Скоро онъ нашелъ себѣ хорошаго хозяина, сталъ работать и учиться языку.

Рвы, окружавшіе городъ въ старину, давно были обращены жителями въ маленькіе огороды, но высокія каменныя крѣпостныя стѣны съ башнями возвышались еще попрежнему. Канатный мастеръ вилъ свои канаты въ старой бревенчатой галлереѣ, тянувшейся вдоль одной изъ стѣнъ. Изо всѣхъ щелей и дыръ галлереи росла бузина; она свѣшивала свои вѣтви къ маленькимъ, низенькимъ домикамъ, ютившимся внизу, а въ одномъ-то изъ нихъ какъ-разъ и жилъ хозяинъ Кнуда. Вѣтви бузины

лѣзли прямо въ окошко его коморки, помѣщавшейся подъ самою крышей.

Кнудъ прожилъ тутъ лѣто и зиму, но когда пришла весна, здѣсь стало невыносимо: бузина зацвѣла, и ароматъ ея такъ напоминалъ Кнуду его родину и садъ въ Кьёге, что онъ не выдержалъ и перебрался отъ своего хозяина къ другому, жившему ближе къ центру города,—тутъ ужъ бузины не было.

Новый хозяинъ жилъ возлѣ стараго каменнаго моста, перекинутаго черезъ бурливую рѣчку, словно ущемленную между двумя рядами домовъ; прямо противъ дома стояла вѣчно-шумящая водяная мельница. У всѣхъ домовъ были балконы, но такіе старые и ветхіе, что дома, казалось, только и ждали удобной минуты стряхнуть ихъ съ себя въ воду. Тутъ, правда, не росло ни единаго кустика бузины, на окнахъ не виднѣлось даже цвѣточныхъ горшковъ съ какой-нибудь зеленью, зато передъ самыми окнами стояла большая, старая ива! Она словно цѣплялась за домъ, чтобы не свалиться въ рѣку, и свѣшивалась къ водѣ своими гибкими вѣтвями—точь-въ-точь, какъ ива въ саду въ Кьёге.

Кнудъ убѣжалъ отъ „матушки“ и наткнулся на „батюшку!“ Дерево это, особенно лунными вечерами, казалось Кнуду такимъ роднымъ, такимъ знакомымъ, что онъ чувствовалъ себя „кровнымъ датчаниномъ при лунномъ свѣтѣ“ *).

Но дѣло-то было вовсе не въ лунномъ свѣтѣ, а въ старой ивѣ.

И тутъ Кнуду стало невтерпежъ, а почему? Спросите иву, спросите цвѣтущую бузину! Кнудъ распростился съ хозяиномъ и съ Нюрнбергомъ и пошелъ дальше.

Ни съ кѣмъ не говорилъ онъ объ Іоганнѣ, глубоко въ сердцѣ схоронилъ онъ свое горе; исторія же о двухъ коврижкахъ пріобрѣла теперь для него особенно глубокое значеніе. Теперь онъ понялъ, почему у кавалера сидѣла въ груди горькая миндалина; и у него самого вся душа была отравлена горечью; Іоганна же, всегда такая ласковая, привѣтливая, была чисто-медовою коврижкою!.. И ему стало не по себѣ; должно быть, ремень котомки слишкомъ давилъ ему грудь, трудно было перевести духъ. Онъ ослабилъ ремень, но толку не вышло: окружающій его міръ давно, вѣдь, уже какъ-то сузился для него,

*) Слова изъ популярнаго датскаго водевиля, соч. г-жи І. Гейбергъ.
Примѣч. перев.

какъ бы убавился на цѣлую половину, и эту-то половину Кнудъ носилъ въ себѣ—вотъ оно что! Вотъ отчего ему было такъ тяжело.

Только при видѣ высокихъ горъ онъ почувствовалъ, что на сердцѣ у него стало какъ будто полегче, границы свѣта опять какъ будто расширились, а съ ними и его кругозоръ; мысли невольно обратились къ окружающему, и на глазахъ выступили слезы. Альпы показались ему сложенными крыльями земли. Что̀ если бы она развернула, распустила эти огромныя крылья, испещренныя чудными рисунками: темными лѣсами, бурливыми водопадами, облаками и снѣжными массами! „Въ день страшнаго суда такъ и будетъ! Земля развернетъ свои широкія крылья, полетитъ къ Богу и лопнетъ, какъ мыльный пузырь, въ лучахъ Его свѣта! Ахъ, если бы это было сегодня!“ вздыхалъ Кнудъ.

Тихо брелъ онъ по странѣ, казавшейся ему цвѣтущимъ фруктовымъ садомъ. Съ деревянныхъ балкончиковъ кивали ему головками дѣвушки-кружевницы; вершины горъ горѣли отъ лучей вечерняго солнца, какъ жаръ. Онъ взглянулъ на зеленыя озера, окруженныя темными деревьями, и вспомнился ему берегъ Кьёгскаго залива... Но въ душѣ его уже не было прежней смертной тоски, она смѣнилась тихою грустью.

Тамъ, гдѣ Рейнъ одною безконечною волною стремится впередъ, обрывается со скалы и, разбиваясь о камни, выбрасываетъ въ воздухъ бѣлоснѣжныя облачныя массы,—какъ будто тутъ была колыбель облаковъ—гдѣ радуга порхаетъ надъ водою, словно вьющаяся по вѣтру лента, Кнуду вспомнилась водяная мельница въ Кьёге, гдѣ вода тоже кипѣла и разбивалась въ облачную пѣну подъ колесами.

Онъ охотно остался бы въ тихомъ прирейнскомъ городкѣ, но здѣсь такъ много было ивъ и бузины! И онъ отправился дальше, за высокія величественныя горы, проходилъ по тунелямъ и по горнымъ тропинкамъ, лѣпившимся возлѣ отвѣсныхъ, какъ стѣны, горъ, словно ласточкины гнѣзда. Въ глубинѣ пропастей шумѣли водопады, облака ползли подъ его ногами, а онъ все шелъ, да шелъ, подъ теплыми лучами солнца, по чертополоху, альпійскимъ розамъ и снѣгамъ, дальше и дальше, и вотъ, наконецъ—прощай сѣверъ! Кнудъ спустился въ долину и очутился въ тѣни каштановъ, дорога лежала мимо виноградниковъ и маисовыхъ полей. Горы встали стѣною между нимъ и всѣми воспоминаніями; такъ оно и слѣдовало.

Вотъ Кнудъ и въ большомъ великолѣпномъ городѣ, Миланѣ,

нашелъ здѣсь нѣмецкаго мастера и сталъ у него работать. Хозяева его оказались славными, честными и трудолюбивыми людьми; они отъ души полюбили тихаго, кроткаго и набожнаго юношу, который мало говорилъ, но много работалъ. И у него самого на душѣ стало какъ будто полегче; казалось, Богъ, наконецъ, сжалился надъ нимъ и снялъ съ его души тяжелое бремя.

Первымъ удовольствіемъ стало для Кнуда взбираться на самый верхъ величественнаго мраморнаго собора, словно изваяннаго со всѣми своими остроконечными башнями, шпицами, высокими сводами и лѣпными украшеніями изъ снѣговъ его родины. Изъ каждаго уголка, выступа, изъ-подъ каждой арки улыбались ему бѣлыя мраморныя статуи. Онъ взбирался на самую вершину: надъ головою его растилалось голубое небо, подъ ногами—городъ, а кругомъ вширь и вдаль раскинулась Ломбардская долина, ограниченная къ сѣверу высокими горами, вѣчно покрытыми снѣгомъ. Онъ вспоминалъ при этомъ Кьёгскую церковь, ея красныя, увитыя плющемъ, стѣны, но воспоминаніе это не будило въ немъ тоски по родинѣ. Нѣтъ, пусть его схоронятъ тутъ, за горами!

Цѣлый годъ прожилъ онъ въ Миланѣ; прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ родину. И вотъ, разъ хозяинъ повелъ его на представленіе—не въ циркъ, смотрѣть наѣздниковъ, а въ оперу. Что это былъ за театръ, какая зала! Стоило посмотрѣть! Во всѣхъ семи ярусахъ—шелковыя занавѣси, и отъ самаго пола до потолка — просто голова кружится, какъ поглядишь!—сидятъ разряженныя дамы, съ букетами въ рукахъ, словно на балъ собрались. Мужчины тоже въ полномъ парадѣ; многіе въ серебрѣ и золотѣ. Свѣтло было въ залѣ, какъ на яркомъ солнышкѣ, и вдругъ загремѣла чудесная музыка. Да, тутъ было куда лучше, чѣмъ въ Копенгагенскомъ театрѣ, но тамъ зато была Іоганна, а тутъ... Что это, колдовство? Занавѣсъ поднялся и на сценѣ тоже стояла Іоганна, вся въ шелку и золотѣ, съ золотою короною на головѣ! Она запѣла, какъ могутъ пѣть развѣ только ангелы небесные, и выступила впередъ... Она улыбалась такъ, какъ могла улыбаться одна Іоганна, она смотрѣла прямо на Кнуда!..

Бѣдняга схватилъ своего хозяина за руку и вскричалъ: „Іоганна!“ Но крикъ его былъ заглушенъ музыкой; хозяинъ же кивнулъ въ отвѣтъ головою и сказалъ: „Да, ее зовутъ, Іоганной!“

И онъ показалъ на печатный листокъ,—тамъ стояло ея полное имя.

Да, это былъ не сонъ! И весь народъ ликовалъ; ей бросали цвѣты и вѣнки, и стоило ей уйти, ее опять звали назадъ; она уходила и выходила, уходила и опять выходила.

На улицѣ карету ея окружила толпа, выпрягла лошадей, и повезла ее. Кнудъ былъ впереди всѣхъ, веселѣе всѣхъ, и когда они добрались, наконецъ, до великолѣпно освѣщеннаго дома, гдѣ жила Іоганна, Кнудъ всталъ передъ самыми дверцами кареты. Дверцы отворились, и она вышла. Свѣтъ падалъ ей прямо въ лицо; она улыбалась и ласково благодарила всѣхъ; она была растрогана... Кнудъ не сводилъ съ нея глазъ, она тоже посмотрѣла на него, но не узнала. Господинъ со звѣздой на груди подалъ ей руку,—это былъ ея женихъ—толковали въ народѣ.

Кнудъ пришелъ домой, и—котомку на плечи! Онъ хотѣлъ, онъ долженъ былъ вернуться на родину, къ бузинѣ, къ ивѣ... ахъ, *подъ иву*!

Хозяева просили его остаться, но всѣ уговоры были напрасны. Они говорили ему, что дѣло идетъ къ зимѣ, что всѣ горные проходы уже занесены снѣгомъ. Нужды нѣтъ, онъ могъ идти за медленно двигающеюся почтовою каретой,—для нея-то вѣдь, ужъ расчистятъ дорогу!

И онъ побрелъ съ котомкой за спиной, опираясь на свою палку, взбирался на горы, опять спускался; силы его уже начали слабѣть, а онъ все еще не видѣлъ передъ собою ни города, ни жилья; шелъ онъ все на сѣверъ, надъ головой его загорались звѣзды, ноги его подкашивались, голова кружилась... Въ глубинѣ долины тоже загорались звѣздочки, словно и подъ ногами у него разстилалось небо. Кнуду нездоровилось. Звѣздочки внизу все прибывали и прибывали, становились все свѣтлѣе, двигались туда и сюда. Это блестѣли въ одномъ маленькомъ городкѣ огоньки въ окнахъ домовъ, и, когда Кнудъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, онъ собралъ послѣднія силы и кое-какъ доплелся до постоялаго двора.

Цѣлыя сутки пробылъ онъ тутъ; все тѣло его просило отдыха. Сдѣлалась оттепель, въ долинѣ стояла страшная слякоть и грязь, но на другое утро явился шарманщикъ, заигралъ датскую пѣсню, и—Кнудъ сейчасъ же отправился въ путь. Много дней шелъ онъ, не останавливаясь, торопясь изо всѣхъ силъ,

какъ будто дѣло шло о томъ, чтобы застать въ живыхъ домашнихъ. Ни съ кѣмъ не говорилъ онъ о своей тоскѣ, никто не могъ и подозрѣвать о его глубочайшемъ сердечномъ горѣ; да и что за дѣло людямъ до такого горя—оно не интересно; нѣтъ до него дѣла даже друзьямъ; у Кнуда, впрочемъ, и не было друзей. Чужой всѣмъ, пробирался онъ по чужой землѣ на родину, на сѣверъ. Въ единственномъ, полученномъ имъ больше года тому назадъ изъ дому, письмѣ говорилось: „Ты не настоящій датчанинъ, какъ мы всѣ: мы ужасно привязаны къ своей родинѣ, а тебя все тянетъ въ чужія страны!“ Да, родители могли такъ писать,—они, вѣдь, знали его.

Смеркалось; Кнудъ шелъ по большой дорогѣ; въ воздухѣ уже становилось холоднѣе, а самая почва—ровнѣе, больше встрѣчалось луговъ и полей. У дороги стояла большая ива, и вся окрестность смотрѣла такою родною, чисто датскою! Кнудъ сѣлъ подъ иву; онъ очень усталъ, голова его упала на грудь, глаза закрылись, но онъ ясно чувствовалъ, что ива ласково склонилась къ нему вѣтвями. Дерево было похоже на могучаго, сильнаго старца... на самого „батюшку!“ „Батюшка“ нагнулся къ Кнуду, взялъ его въ объятія, какъ усталаго сына, и понесъ домой, въ Данію, на открытый морской берегъ, въ садикъ, гдѣ онъ игралъ еще ребенкомъ... Да, это былъ самъ „батюшка“ изъ Кьёге, онъ пошелъ искать сына по бѣлу-свѣту, нашелъ его и принесъ въ садикъ возлѣ рѣчки! Тутъ же стояла и Іоганна, разодѣтая, съ короной на головѣ—какою Кнудъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. И она встрѣтила его радостнымъ: „Добро пожаловать!“

Тутъ же, возлѣ, стояли двѣ чудныя фигуры, и все же онѣ походили теперь на людей куда больше, чѣмъ во времена дѣтства Кнуда,—и онѣ тоже измѣнились. То были двѣ коврижки: кавалеръ и дѣвица; онѣ стояли къ Кнуду лицевою стороной и были на видъ хоть куда.

— Спасибо тебѣ!—сказали онѣ.—Ты развязалъ намъ языкъ! Ты объяснилъ намъ, что нужно свободно высказывать свои мысли, а иначе не будетъ никакого толку! Ну, вотъ, теперь и вышелъ толкъ: мы—женихъ и невѣста!

И онѣ пошли рука объ руку по улицамъ Кьёге, и даже съ оборотной стороны были ничего себѣ, вполнѣ приличны! Онѣ направились прямо въ церковь; Кнудъ съ Іоганной за ними, тоже рука объ руку. Церковь ничуть не перемѣнилась, чудесный

плющъ все такъ же вился по краснымъ стѣнамъ. Главныя двери были отворены настежъ; слышались звуки органа. Коврижки вошли въ церковь и вдругъ отступили въ сторону: „Господа впередъ!“ сказали онѣ, и Кнудъ съ Іоганной очутились впереди. Оба преклонили колѣна, и Іоганна склонилась головкой къ лицу Кнуда. Изъ глазъ ея текли холодныя, ледяныя слезы,—это растаялъ отъ горячей любви Кнуда ледъ ея сердца. Слезы ея упали на его пылающія щеки, и—онъ проснулся и увидалъ, что сидитъ подъ старою ивой, въ чужой сторонѣ, въ холодный зимній вечеръ, одинъ-одинешенекъ... Ледяной градъ такъ и кололъ ему лицо.

— Я пережилъ сейчасъ блаженнѣйшія минуты въ моей жизни!—сказалъ онъ.—И то во снѣ! Боже, дай же мнѣ опять заснуть!—И онъ закрылъ глаза, заснулъ, сладко задремалъ.

Утромъ пошелъ снѣгъ, совсѣмъ занесъ его ноги, а онъ все спалъ. Сельчане шли въ церковь и увидали на дорогѣ мертваго подмастерья; онъ замерзъ—*подъ ивой*.

ПЯТЬ ИЗЪ ОДНОГО СТРУЧКА.

Въ стручкѣ сидѣло пять горошинъ; сами онѣ были зеленыя, стручокъ тоже, ну, онѣ и думали, что и весь міръ—зеленый; такъ и должно было быть! Стручокъ росъ, росли и горошины; онѣ приноравливались къ помѣщенію и сидѣли всѣ въ рядъ. Солнышко освѣщало и пригрѣвало стручокъ, дождикъ поливалъ его, и онъ дѣлался все чище, прозрачнѣе; горошинамъ было хорошо, уютно, свѣтло днемъ и темно ночью—какъ и слѣдуетъ. Онѣ все росли, да росли и все больше и больше думали, сидя въ стручкѣ,—что-нибудь да надо же было дѣлать!

— Вѣкъ, что-ли сидѣть намъ тутъ?—говорили онѣ.—Какъ бы намъ не зачерствѣть отъ такого сидѣнья!... А сдается намъ, есть что-то и за нашимъ стручкомъ! Ужъ такое у насъ предчувствіе!

Прошло нѣсколько недѣль; горошины пожелтѣли, стручокъ тоже.

— Весь міръ желтѣетъ!—сказали онѣ, и кто-жъ бы имъ помѣшалъ говорить такъ.

Вдругъ онѣ почувствовали сильный толчокъ; стручокъ былъ сорванъ человѣческою рукой и сунутъ въ карманъ къ другимъ стручкамъ.

— Ну, вотъ, теперь скоро насъ выпустятъ на волю!— сказали горошины и стали ждать.

— А хотѣлось бы мнѣ знать, кто изъ насъ пойдетъ дальше всѣхъ!—сказала самая маленькая.—Впрочемъ, скоро увидимъ!

— Будь, что будетъ!—сказала самая большая.

„Хрусть!" стручокъ лопнулъ, и всѣ пять горошинъ выкатились на Божій свѣтъ. Онѣ лежали на дѣтской ладони; маленькій мальчикъ разглядывалъ ихъ и говорилъ, что онѣ какъ-разъ пригодятся ему для стрѣльбы изъ бузинной трубочки. И вотъ, одна горошина живо очутилась въ трубочкѣ, мальчикъ дунулъ, и она вылетѣла.

— Лечу, лечу, куда хочу! Лови, кто можетъ!—закричала она, и слѣдъ ея простылъ.

— А я полечу прямо на солнце; вотъ настоящій-то стручокъ! Какъ-разъ по мнѣ!—сказала другая.

Простылъ и ея слѣдъ.

— А мы куда придемъ, тамъ и заснемъ!—сказали двѣ слѣдующія.—Но мы таки до чего-нибудь докатимся!—Онѣ и правда прокатились по полу, прежде чѣмъ попасть въ бузиновую трубочку, но все-таки попали въ нее.—Мы дальше всѣхъ пойдемъ!

— Будь, что будетъ!—сказала послѣдняя, взлетѣла кверху, попала на старую деревянную крышу и закатилась въ щель, какъ-разъ подъ окошечкомъ чердачной коморки. Въ щели былъ мохъ и рыхлая земля; мохъ спряталъ горошину; такъ она и осталась лежать тамъ скрытая, но не забытая Господомъ Богомъ.

— Будь, что будетъ!—говорила она.

А въ коморкѣ-то жила бѣдная женщина. Она ходила на поденную работу: чистила печи, пилила дрова, словомъ, исполняла всякую тяжелую работу; силъ у нея было довольно, охоты работать тоже не занимать стать, но изъ нужды она все-таки не выбивалась! Дома оставалась у нея ея единственная дочка, подростокъ. Она была такая худенькая, тщедушная; цѣлый годъ ужъ лежала въ постели ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ.

— Она уйдетъ къ сестренкѣ!—говорила мать.—У меня, вѣдь, ихъ двѣ было. Тяжеленько было мнѣ кормить двоихъ; ну, вотъ, Господь Богъ и подѣлилъ со мною заботу, взялъ одну къ себѣ! Другую-то мнѣ хотѣлось бы сохранить, да Онъ, видно, не хочетъ разлучать сестеръ! И она уйдетъ къ сестренкѣ!

Но больная дѣвочка все жила; терпѣливо, смирно лежала она день-деньской въ постели, пока мать была на работѣ.

Дѣло было весною, рано утромъ, передъ самымъ уходомъ матери на работу. Солнышко свѣтило черезъ маленькое окошечко прямо на полъ, и больная дѣвочка посмотрѣла въ нижнее оконное стекло.

— Что это тамъ зеленѣетъ за окномъ? Такъ и колышется отъ вѣтра!

Мать подошла къ окну и пріотворила его.

— Ишь ты!—сказала она.—Да это горошинка пустила ростки! И какъ она попала сюда въ щель? Ну, вотъ, у тебя теперь будетъ свой садикъ!

Придвинувъ кроватку больной поближе къ окну, чтобы дѣвочка могла любоваться зеленымъ росткомъ, мать ушла на работу.

— Мама, я думаю, что поправлюсь!—сказала дѣвочка вечеромъ.—Солнышко сегодня такъ пригрѣло меня. Горошинка, видишь, какъ славно растетъ на солнышкѣ? Я тоже поправлюсь и выйду на солнышко.

— Дай-то Богъ!—сказала мать, но не вѣрила, что это сбудется.

Однако, она подперла зеленый ростокъ, подбодрившій дѣвочку, небольшою палочкой, чтобы онъ не сломился отъ вѣтра; потомъ взяла тоненькую веревочку и одинъ конецъ ея прикрѣпила къ крышѣ, а другой привязала къ верхнему краю оконной рамы. За эту веревочку побѣги горошины могли цѣпляться, когда станутъ подростать. Такъ и вышло: побѣги замѣтно росли и ползли вверхъ по веревочкѣ.

— Ахъ, да она готовитъ цвѣты!—сказала женщина однажды утромъ и съ этой минуты тоже стала надѣяться и вѣрить, что больная дочка ея поправится.

Ей припомнилось, что дѣвочка въ послѣднее время говорила какъ будто живѣе, по утрамъ сама приподымалась въ постели и долго сидѣла, любуясь своимъ гороховымъ садикомъ съ одною горошинкой; а какъ блестѣли при этомъ ея глазки! Черезъ недѣлю больная въ первый разъ встала съ постели на цѣлый часъ. Какъ рада она была посидѣть на солнышкѣ! Окошко было отворено, а за окномъ покачивался вполнѣ распустившійся бѣло-розовый цвѣточекъ. Дѣвочка высунулась въ окошко и нѣжно поцѣловала тонкіе лепестки. День этотъ былъ для нея настоящимъ праздникомъ.

— Господь Богъ самъ посадилъ и взростилъ цвѣточекъ, чтобы ободрить и порадовать тебя, милое дитятко, да и меня

тоже!—сказала счастливая мать и улыбнулась цвѣточку, какъ ангелу небесному, посланцу Божьему.

Ну, а другія-то горошины? Та, что летѣла, куда хотѣла,—лови, дескать, кто можетъ—попала въ водосточный жолобъ, а оттуда въ голубиный зобъ и лежала тамъ, какъ Іона во чревѣ кита. Двѣ лѣнивицы пошли такъ же далеко—ихъ тоже проглотили голуби. Что-жъ, все-таки онѣ принесли существенную пользу! А четвертая, что собиралась забраться на солнце, упала въ канавку и лежала себѣ, да бухла въ заплесневѣлой водѣ.

— Какъ я славно раздобрѣла! — говорила горошина. — Право, я скоро лопну, а ужъ дальше этого, я думаю, не пойти ни одной горошинѣ. Я самая замѣчательная изъ всѣхъ пяти!

Канавка была съ нею вполнѣ согласна.

А у окна, выходящаго на крышу, стояла дѣвочка, съ блестящими глазками, румяная и здоровая; она сложила руки и благодарила Бога за гороховый цвѣточекъ.

— А я все-таки стою за мою горошину!—сказала канавка.

ОТПРЫСКЪ РАЙСКАГО РАСТЕНІЯ.

Высоко-высоко, въ свѣтломъ, прозрачномъ воздушномъ пространствѣ, летѣлъ ангелъ съ цвѣткомъ изъ райскаго сада. Ангелъ крѣпко поцѣловалъ цвѣтокъ, и отъ него оторвался крошечный лепестокъ и упалъ на землю. Упалъ онъ на рыхлую, влажную лѣсную почву и сейчасъ же пустилъ корни. Скоро между лѣсными растеніями появилось новое.

— Что это за чудной ростокъ?—говорили тѣ, и никто изъ нихъ—даже чертополохъ и крапива—не хотѣлъ знаться съ нимъ.

— Это какое-то садовое растеніе!—говорили они и подымали его на смѣхъ.

Но оно все росло, да росло, пышно раскидывая побѣги во всѣ стороны.

— Куда ты лѣзешь?—говорилъ высокій чертополохъ, весь усѣянный колючками.—Ишь ты распыжился! У насъ такъ не водится! Мы тебѣ не подпорки дались!

Пришла зима, растеніе покрылось снѣгомъ, но отъ самаго растенія исходилъ такой блескъ, что блестѣлъ и снѣгъ, словно освѣщенный снизу солнечными лучами. Весною растеніе зацвѣло; прелестнѣе его не было во всемъ лѣсу!

И вотъ, явился разъ профессоръ ботаники,—такъ онъ и по бумагамъ значился. Онъ осмотрѣлъ растеніе, даже попробовалъ, каково оно на вкусъ. Нѣтъ, положительно, оно не было извѣстно въ ботаникѣ, и профессоръ такъ и не могъ отнести его ни къ какому классу.

— Это какая-нибудь разновидность!—сказалъ онъ.—Я не знаю его, оно не внесено въ таблицы.

— Не внесено въ таблицы!—подхватили чертополохъ и крапива.

Большія деревья, росшія кругомъ, слышали сказанное и тоже видѣли, что растеніе было не изъ ихъ породы, но не проронили ни одного слова, ни дурного, ни хорошаго. Да оно и вѣрнѣе промолчать, если не отличаешься умомъ.

Черезъ лѣсъ проходила одна бѣдная невинная дѣвушка.

Сердце ея было чисто, умъ возвышенъ вѣрою; все ея достояніе заключалось въ старой Библіи, но со страницъ ея говорилъ съ дѣвушкой самъ Господь: „Станутъ обижать тебя, вспомни исторію объ Іосифѣ; ему тоже хотѣли сдѣлать зло, но Богъ повернулъ злое на доброе. Если же будутъ преслѣдовать тебя, глумиться надъ тобою, вспомни о *Немъ*, невиннѣйшемъ, чистѣйшемъ Агнцѣ, надъ Которымъ надругались, Котораго пригвоздили ко кресту, и Который все-таки молился: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ!“

Дѣвушка остановилась передъ чудеснымъ растеніемъ; зеленыя листья его дышали такимъ сладкимъ, живительнымъ ароматомъ, цвѣты блестѣли на солнцѣ радужными переливами, а изъ чашечекъ ихъ лилась дивная мелодія, словно въ каждой былъ неисчерпаемый колодезь чарующихъ созвучій. Съ благоговѣніемъ смотрѣла дѣвушка на дивное растеніе Божіе, потомъ наклонилась, чтобы поближе разсмотрѣть цвѣты, поглубже вдохнуть въ себя ихъ ароматъ—и душа ея просвѣтлѣла, на сердцѣ стало такъ легко! Какъ ей хотѣлось сорвать хоть одинъ цвѣточекъ, но она не посмѣла,—онъ, вѣдь, такъ скоро завялъ бы у нея. И она взяла себѣ лишь одинъ зеленый листикъ, принесла его домой и положила въ Библію. Тамъ онъ и лежалъ, все такой же свѣжій, благоухающій, неувядаемый.

Да, онъ лежалъ въ Библіи, а сама Библія лежала подъ головою молодой дѣвушки въ гробу,—нѣсколько недѣль спустя дѣвушка умерла. На лицѣ ея застыло выраженіе торжественной, благоговѣйной серьезности, какое только и могло отпеча-

таться на бренной земной оболочкѣ души въ то время, какъ сама душа стояла передъ престоломъ Всевышняго.

А чудесное растеніе попрежнему благоухало въ лѣсу; скоро оно разрослось въ цѣлое дерево; перелетныя птицы слетались къ нему стаями и низко преклонялись передъ нимъ; въ особенности—ласточка и аистъ.

— Иностранныя кривляки!—сказали чертополохъ и крапива.—У насъ это не принято! Такое ломанье намъ не къ лицу!

И черныя лѣсныя улитки плевали на дерево.

Наконецъ, пришелъ въ лѣсъ свинопасъ надергать чертополоху и другихъ растеній, которыя онъ сжигалъ, чтобы добыть себѣ золы, и выдернулъ въ томъ числѣ со всѣми корнями и чудесное растеніе. Оно тоже попало въ его вязанку!

— Пригодится и оно!—сказалъ свинопасъ, и—дѣло было сдѣлано.

Между тѣмъ, король той страны давно уже страдалъ глубокою меланхоліей. Онъ прилежно работалъ—толку не было; ему читали самыя ученыя, мудреныя книги, читали и самыя легкія, веселыя—тоже. Тогда явился посолъ отъ одного изъ первѣйшихъ мудрецовъ въ свѣтѣ; къ нему обращались за совѣтомъ, и онъ отвѣчалъ черезъ посланнаго, что есть одно вѣрное средство облегчить и даже совсѣмъ исцѣлить больного.

„Въ собственномъ государствѣ короля находится въ лѣсу растеніе небеснаго происхожденія, такого-то и такого-то вида,—ошибиться нельзя“. Тутъ слѣдовало подробное описаніе растенія, по которому его не трудно было узнать. „Оно зеленѣетъ и зиму, и лѣто; пусть берутъ отъ него каждый вечеръ по свѣжему листочку и кладутъ на лобъ короля,—тогда мысли его прояснятся, и чудный сонъ подкрѣпитъ его къ слѣдующему дню!“

Яснѣе изложить дѣла было нельзя, и вотъ, всѣ доктора, съ профессоромъ ботаники во главѣ, отправились въ лѣсъ. Но... куда же дѣвалось растеніе?

— Должно быть, попало ко мнѣ въ вязанку,—сказалъ свинопасъ:—и давнымъ давно стало золою. Мнѣ и невдомекъ было, что оно можетъ понадобиться!

— Невдомекъ!—сказали всѣ.—О, невѣжество, невѣжество, нѣтъ тебѣ границъ!

Свинопасъ долженъ былъ намотать эти слова себѣ на усъ; свинопасъ и никто больше—думали остальные. Не нашлось даже ни единаго листика небеснаго растенія: уцѣлѣлъ, вѣдь,

только одинъ, да и тотъ лежалъ въ гробу, и никто и не зналъ этого.

Самъ король пришелъ въ лѣсъ на то мѣсто, гдѣ росло небесное растеніе.

— Вотъ гдѣ оно росло! — меланхолично сказалъ онъ.— Священное мѣсто!

И мѣсто огородили вызолоченною рѣшеткою и приставили сюда стражу; часовые ходили и день, и ночь.

Профессоръ ботаники написалъ цѣлое изслѣдованіе о небесномъ растеніи, и его за это всего озолотили — къ большому его удовольствію. Позолота очень шла къ нему и ко всему его семейству, и вотъ это-то и есть самое радостное во всей исторіи: отъ небеснаго растенія не осталось, вѣдь, и слѣда, и король попрежнему ходилъ, повѣсивъ голову.

— Ну, да онъ и прежде былъ такимъ!—сказала стража.

„ПРОПАЩАЯ“.

Городской голова стоялъ у открытаго окна; на немъ была крахмальная рубашка, въ манишкѣ красовалась дорогая булавка, выбритъ онъ былъ удивительно,—самъ всегда брился. На этотъ разъ онъ, впрочемъ, какъ-то порѣзался, и царапинка была заклеена клочкомъ газетной бумаги.

— Эй ты, малый!—закричалъ онъ.

„Малый“ былъ никто иной, какъ прачкинъ сынишка; онъ проходилъ мимо, но тутъ остановился и почтительно снялъ фуражку съ переломаннымъ козырькомъ,—тѣмъ удобнѣе было совать ее въ карманъ. Одѣтъ мальчуганъ былъ бѣдно, но чисто; на всѣ дыры были аккуратно наложены заплатки; обутъ онъ былъ въ тяжелые деревянные башмаки и стоялъ передъ городскимъ головою на вытяжку, словно передъ самимъ королемъ.

— Ты славный мальчикъ!—сказалъ городской голова.— Почтительный мальчикъ! Мать твоя, вѣрно, полощетъ бѣлье на рѣчкѣ, а ты тащишь ей кое-что? Вишь, торчитъ изъ кармана! Скверная привычка у твоей матери! Сколько у тебя тамъ?

— Полкосушки,—отвѣтилъ мальчикъ тихо, испуганно.

— Да утромъ ты отнесъ ей столько же?—продолжалъ городской голова.

— Нѣтъ, это вчера!—сказалъ мальчуганъ.

— Двѣ полкосушки—вотъ ужъ и цѣлая! Пропащая она женщина! Просто бѣда съ этимъ народомъ! Скажи своей матери, что стыдно ей! Да гляди, самъ не сдѣлайся пьяницей! Впрочемъ, что и говорить; конечно, сдѣлаешься! Бѣдный ребенокъ... Ну, ступай!

Мальчикъ пошелъ; фуражка такъ и осталась у него въ рукахъ, и вѣтеръ развѣвалъ его длинные бѣлокурые волосы. Вотъ онъ прошелъ улицу, свернулъ въ переулокъ и дошелъ до рѣки. Мать его стояла въ водѣ и колотила валькомъ разложенное на деревянной скамьѣ мокрое тяжелое бѣлье. Теченіе было сильное,—мельничные шлюзы были открыты—простыню, которую женщина полоскала, такъ и рвало у нея изъ рукъ, скамья тоже грозила опрокинуться, и прачка просто изъ силъ выбивалась.

— Я чуть-чуть не уплыла сама!—сказала она.—Хорошо, что ты пришелъ, надо мнѣ подкрѣпиться маленько. Вода холодная-прехолодная, а я вотъ уже шесть часовъ стою тутъ! Принесъ ты что-нибудь?

Мальчикъ вытащилъ бутылочку; мать приставила ее ко рту и хлебнула.

— Какъ славно! Сразу согрѣешься, точно поѣшь чего-нибудь горяченькаго, а стоитъ-то куда дешевле! Хлебни и ты, мальчуганъ! Ишь ты, какой блѣдный! Холодно тебѣ въ легонькомъ платьишкѣ! Осень, вѣдь, на дворѣ! У! вода прехолодная! Только бы мнѣ не захворать! Да нѣтъ! Дай-ка мнѣ еще глотнуть, да глотни и самъ, только чуть-чуть! Тебѣ не надо привыкать къ этому, бѣдняжка мой!

И она обошла мостки, на которыхъ стоялъ мальчуганъ, и вышла на сушу. Вода бѣжала съ рогожки, которою она обвязалась вокругъ пояса, текла съ подола юбки.

— Я работаю изо всѣхъ силъ, кровь чуть не брызжетъ у меня изъ-подъ ногтей!.. Да пусть, только бы удалось вывести въ люди тебя, мой голубчикъ!

Въ это время къ нимъ подошла бѣдно одѣтая старуха; она прихрамывала на одну ногу, и одинъ глазъ у нея былъ прикрытъ большимъ локономъ, отчего изъянъ былъ еще замѣтнѣе. Старуха была дружна съ прачкой, а звали ее сосѣди „хромою Маренъ съ локономъ“.

— Бѣдняжка, вотъ какъ приходится тебѣ работать! Стоишь по колѣно въ холодной водѣ! Какъ тутъ не глотнуть разокъ—другой, чтобы согрѣться! А люди-то считаютъ каждый твой глотокъ!

И она пересказала прачкѣ слова городского головы. Маренъ слышала, что онъ говорилъ мальчику, и очень разсердилась на него,—можно-ли говорить такъ съ ребенкомъ о его же собственной матери, да считать всякій ея глотокъ, когда самъ задаешь званый обѣдъ, гдѣ вино будетъ литься рѣкою, и вино-то дорогое, крѣпкое! Небось, сами пьютъ—не считаютъ, и все-таки они не пьяницы, люди достойные, а ты вотъ „пропащая!"

— Такъ онъ и сказалъ тебѣ, сынокъ?—спросила прачка, и губы ея задрожали.—Мать твоя—пропащая! Что-жъ, можетъ быть, онъ и правъ! Но не слѣдовало бы говорить этого ребенку!.. Да, не въ первой терпѣть мнѣ отъ этого семейства!

— Правда, вы, вѣдь, служили еще у родителей головы! Давненько это было, много пудовъ соли съѣдено съ тѣхъ поръ, немудрено, что и пить хочется!—И Маренъ разсмѣялась.—Сегодня у городского головы назначенъ званый обѣдъ; хотѣли было отмѣнить, да ужъ поздно было, все было готово. Я отъ дворника все это узнала. Съ часъ тому назадъ пришло письмо, что младшій братъ головы умеръ въ Копенгагенѣ.

— Умеръ!—проговорила прачка и поблѣднѣла, какъ смерть.

— Что съ вами?—спросила Маренъ.—Неужто вы такъ близко принимаете это къ сердцу? Ахъ, да, вѣдь, вы знавали его!

— Такъ онъ умеръ!.. Лучше, добрѣе его не было человѣка въ свѣтѣ! Не много у Господа Бога такихъ, какъ онъ!—И слезы потекли по ея щекамъ.—О, Господи, голова такъ и кружится! Это оттого, что я выпила всю бутылку! Не слѣдовало бы!.. Мнѣ такъ дурно!

И она схватилась за заборъ.

— Охъ, да вы совсѣмъ больны, матушка!—сказала Маренъ.—Ну, ну, придите же въ себя!.. Нѣтъ, вамъ и взаправду плохо! Сведу-ка я васъ лучше домой!

— А бѣлье-то!

— Ну, я возьмусь за него!.. Держитесь за меня! Мальчуганъ пусть покараулитъ тутъ, пока я вернусь и дополощу. Сущая бездѣлица осталась!

Ноги у прачки подкашивались.

— Я слишкомъ долго стояла въ холодной водѣ! И съ самаго утра у меня не было во рту ни крошки! Лихорадка такъ и бьетъ! Господи Іисусе! Хоть бы до дому-то добраться! Бѣдный мой мальчикъ!

И она заплакала.

Мальчикъ тоже заплакалъ и остался у рѣки одинъ-одинешенекъ стеречь бѣлье. Женщины подвигались впередъ шагъ за шагомъ, прачка едва тащилась, прошли переулокъ, улицу, но передъ домомъ городского головы больная вдругъ свалилась на мостовую. Вокругъ нея собралась толпа. Хромая Маренъ побѣжала во дворъ за помощью. Голова со своими гостями смотрѣлъ изъ окна.

— Это прачка!—сказалъ онъ.—Хлебнула лишнее! Пропащая женщина! Жаль только славнаго мальчугана, сынишку ея! А мать-то пропащая!

Прачку привели въ себя, отнесли домой въ ея жалкую коморку и уложили въ постель. Маренъ приготовила для больной питье—теплое пиво съ масломъ и съ сахаромъ, лучшее средство, какое она только знала, а потомъ отправилась дополаскивать бѣлье. Выполоскала она его очень плохо, зато отъ добраго сердца; собственно говоря, она только повытаскала мокрое бѣлье на берегъ и уложила въ корзину.

Вечеромъ Маренъ опять сидѣла возлѣ прачки. Кухарка городского головы дала ей для больной славный кусокъ ветчины и немножко жаренаго картофля; все это пошло самой Маренъ и мальчику, а больная наслаждалась однимъ запахомъ.—Онъ такой питательный!—говорила она.

Мальчикъ улегся спать на ту же самую постель, на которой лежала и мать; онъ легъ у нея въ ногахъ, поперекъ кровати, и покрылся старымъ половикомъ, собраннымъ изъ голубыхъ и красныхъ лоскутковъ.

Прачкѣ стало немножко полегче; горячее пиво подкрѣпило ее, а запахъ теплаго кушанья такъ подбодрилъ.

— Спасибо тебѣ, добрая душа!—сказала она Маренъ.—Когда мальчикъ уснетъ, я разскажу тебѣ все! Да онъ ужъ и спитъ, кажется! Взгляни, какой онъ славный, хорошенькій, съ закрытыми глазками! Онъ и не знаетъ, каково приходится его бѣдной матери, да Богъ дастъ и никогда не узнаетъ!.. Я служила у совѣтника и совѣтницы, родителей головы, и вотъ, случись, что самый младшій изъ сыновей пріѣхалъ на побывку домой; студентъ онъ былъ. Я въ ту пору была еще молоденькою, шустрою, но честною дѣвушкой,—вотъ, какъ передъ Богомъ говорю! И студентъ-то былъ такой веселый, славный, а ужъ честнѣе, благороднѣе его не нашлось бы человѣка во всемъ свѣтѣ! Онъ былъ хозяйскій сынъ, а я простая служанка,

но мы все-таки полюбили другъ друга... честно и благородно! Поцѣловаться разокъ-другой, вѣдь, не грѣхъ, если любишь другъ друга всѣмъ сердцемъ. Онъ во всемъ признался матери; онъ такъ уважалъ и почиталъ ее, чуть не молился на нее! И она-то была такая умная, ласковая, добрая. Онъ уѣхалъ, но передъ отъѣздомъ надѣлъ мнѣ на палецъ золотое кольцо. Какъ уѣхалъ онъ, меня и призываетъ сама госпожа и начинаетъ говорить со мною такъ серьезно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ласково, какъ ангелъ небесный. Она объяснила мнѣ, какое между мною и имъ разстояніе по уму и образованію. „Теперь онъ глядитъ лишь на твое личико, но красота, вѣдь, пройдетъ, а ты не такъ воспитана, не такъ образована, какъ онъ. Не ровня вы—вотъ въ чемъ вся бѣда! Я уважаю бѣдныхъ, и въ царствіи небесномъ они, можетъ быть, займутъ первыя мѣста, но тутъ-то, на землѣ, нельзя заѣзжать въ чужую колею, если хочешь ѣхать впередъ—и экипажъ сломается, и вы оба вывалитесь! Я знаю, что за тебя сватался одинъ честный, хорошій работникъ, Эрикъ перчаточникъ. Онъ бездѣтный вдовецъ, человѣкъ дѣльный и не бѣдный, — подумай же хорошенько!“ Каждое ея слово рѣзало меня, какъ ножемъ, но она говорила правду, вотъ это-то и мучило меня! Я поцѣловала у нея руку и заплакала... Еще горше плакала я въ своей коморкѣ, лежа на постели... Одинъ Богъ знаетъ, что̀ за ночку я провела, какъ я страдала и боролась съ собой! Утромъ—это было въ воскресенье—я отправилась къ причастію, въ надеждѣ, что Богъ просвѣтитъ мой умъ. И вотъ, Онъ точно послалъ мнѣ Свое знаменіе: иду изъ церкви, а на встрѣчу мнѣ Эрикъ. Тутъ ужъ я перестала и колебаться,—и впрямь, вѣдь, мы были парой, хоть онъ и былъ человѣкомъ зажиточнымъ. Вотъ я и подошла къ нему, взяла его за руку и сказала:—Ты все еще любишь меня попрежнему? — „Люблю и буду любить вѣчно!“ отвѣчалъ онъ. — А хочешь-ли ты взять за себя дѣвушку, которая уважаетъ тебя, но не любитъ, хотя, можетъ быть, и полюбитъ современемъ? — „Полюбитъ непремѣнно!“ сказалъ онъ, и мы подали другъ другу руки. Я вернулась домой къ госпожѣ. Золотое кольцо, что далъ мнѣ студентъ, я носила на груди, — я не смѣла надѣвать его на палецъ днемъ и надѣвала только по вечерамъ, когда ложилась спать. Я поцѣловала кольцо такъ крѣпко, что кровь брызнула у меня изъ губъ, потомъ отдала его госпожѣ и сказала, что на

слѣдующей недѣлѣ въ церкви будетъ оглашеніе, — я выхожу за Эрика. Госпожа обняла меня и поцѣловала... Она, вотъ, не говорила, что я „пропащая“. Но, можетъ статься, я въ тѣ времена и, правда, была лучше, хоть и не испытала еще столько горя! Сыграли свадьбу, и первый годъ дѣла у насъ шли отлично; мы держали подмастерья и мальчика, да ты, Маренъ, служила у насъ...

— И какою славною хозяюшкой были вы! — сказала Маренъ. — Оба вы съ мужемъ были такіе добрые! Вѣкъ не забуду!...

— Да, ты жила у насъ въ хорошіе годы! Дѣтей у насъ тогда еще не было... Студента я больше не видала... Ахъ, нѣтъ, видѣла разъ, но онъ-то меня не видѣлъ! Онъ пріѣзжалъ на похороны матери. Я видѣла его у ея могилы. Какой онъ былъ блѣдный, печальный! Понятно — горевалъ по матери. Когда же умеръ его отецъ, былъ въ чужихъ краяхъ и не пріѣзжалъ, да и послѣ не бывалъ ни разу. Онъ такъ и не женился!.. Кажется, онъ сдѣлался адвокатомъ. Обо мнѣ онъ и не вспоминалъ, и если бы даже увидѣлъ меня, не узналъ бы — такою я стала безобразною. Да такъ оно и лучше.

Потомъ она стала разсказывать про тяжелые дни, когда одна бѣда валилась на нихъ за другою. У нихъ было пятьсотъ талеровъ, а въ ихъ улицѣ продавался домъ за двѣсти; выгодно было купить его, да сломать и построить на томъ же мѣстѣ новый. Вотъ они и купили. Каменьщики и плотники сдѣлали смѣту, и вышло, что постройка будетъ стоить тысячу двадцать риксдалеровъ. Эрикъ имѣлъ кредитъ, и ему ссудили эту сумму изъ Копенгагена, но шкиперъ, который везъ ее, погибъ въ морѣ, а съ нимъ и деньги.

— Тогда-то вотъ и родился мой милый сынокъ! А отецъ впалъ въ тяжелую, долгую болѣзнь; девять мѣсяцевъ пришлось мнѣ одѣвать и раздѣвать его, какъ малаго ребенка. Все пошло у насъ прахомъ, задолжали мы кругомъ, все прожили; наконецъ, умеръ и мужъ. Я изъ силъ выбивалась, чтобы прокормиться съ ребенкомъ, мыла лѣстницы, стирала бѣлье и грубое, и тонкое, но нужда одолѣвала насъ все больше и больше... Такъ видно Богу угодно!.. Но когда-нибудь да Онъ сжалится надо мною, освободитъ меня и призритъ мальчугана!

И она уснула.

Утромъ она чувствовала себя бодрѣе и рѣшила, что мо-

жетъ идти на работу. Но едва она ступила въ холодную воду, съ ней сдѣлался ознобъ, и силы оставили ее. Судорожно взмахнула она рукой, сдѣлала шагъ впередъ и упала. Голова попала на сухое мѣсто, на землю, а ноги остались въ водѣ; деревянные башмаки ея съ соломенною подстилкой поплыли по теченію. Тутъ ее и нашла Маренъ, которая принесла ей кофе.

А отъ городского головы пришли въ это время сказать прачкѣ, чтобы она сейчасъ же шла къ нему; ему надо было что-то сообщить ей. Поздно! Послали было за цирульникомъ, чтобы пустить ей кровь, но прачка уже умерла.

— Опилась!—сказалъ голова.

А въ письмѣ, принесшемъ извѣстіе о смерти младшаго брата, было сообщено и о его завѣщаніи. Оказалось, что онъ отказалъ вдовѣ перчаточника, служившей когда-то его родителямъ, 600 риксдалеровъ. Деньги эти могли быть выданы сразу или понемножку—какъ найдутъ лучшимъ—ей и ея сыну.

— Значитъ, у нея были кое-какія дѣла съ братцемъ!—сказалъ голова.—Хорошо, что ея нѣтъ больше въ живыхъ! Теперь мальчикъ получитъ все, и я постараюсь отдать его въ хорошія руки, чтобы изъ него вышелъ дѣльный работникъ.

И Господь Богъ благословилъ это рѣшеніе.

Голова призвалъ къ себѣ мальчика и обѣщалъ заботиться о немъ, а мать, дескать, отлично сдѣлала, что умерла,—пропащая была!

Прачку похоронили на кладбищѣ для бѣдныхъ. Маренъ посадила на могилѣ розовый кустъ; мальчикъ стоялъ тутъ же.

— Мамочка моя!—сказалъ онъ и заплакалъ.—Правда-ли, что она была пропащая?

— Неправда!—сказала старуха и взглянула на небо.—Я таки успѣла узнать ее, особенно за послѣднюю ночь! Хорошая она была женщина! И Господь Богъ скажетъ то же самое, когда приметъ ее въ царство небесное! А люди пусть себѣ называютъ ее „пропащею!“

ПОСЛѢДНЯЯ ЖЕМЧУЖИНА.

То былъ богатый, счастливый домъ! Всѣ въ домѣ—и господа, и слуги, и друзья дома — радовались и веселились: въ семьѣ родился наслѣдникъ—сынъ. И мать, и дитя были здоровы.

Лампа, висѣвшая въ уютной спальнѣ, была задернута съ одной стороны занавѣской; тяжелыя, дорогія шелковыя гардины плотно закрывали окна; полъ былъ устланъ толстымъ, мягкимъ, какъ мохъ, ковромъ; все располагало къ сладкой дремотѣ, ко сну, къ отдыху. Немудрено, что сидѣлка заснула; да и пусть себѣ, — все обстояло благополучно. Геній домашняго очага стоялъ у изголовья кровати; головку ребенка, прильнувшаго къ груди матери, окружалъ словно вѣнчикъ изъ яркихъ звѣздъ; каждая была жемчужиной счастья. Всѣ добрыя феи принесли новорожденному свои дары; въ вѣнцѣ блестѣли жемчужины: здоровья, счастья, любви—словомъ, всѣхъ благъ земныхъ, какихъ только можетъ пожелать себѣ человѣкъ.

— Все дано ему! – сказалъ геній.

— Нѣтъ! — раздался близь него чей-то голосъ. То говорилъ ангелъ-хранитель ребенка.—Одна фея еще не принесла своего дара, но принесетъ его современемъ, хотя, можетъ быть, и не скоро. Въ вѣнцѣ недостаетъ послѣдней жемчужины!

— Недостаетъ! Этого не должно быть! Если же это такъ, намъ надо отыскать могущественную фею, пойти къ ней сейчасъ же!

— Она явится въ свое время и принесетъ свою жемчужину, которая должна замкнуть вѣнецъ!

— Гдѣ-же обитаетъ эта фея? Гдѣ ея жилище? Скажи мнѣ, и я пойду за жемчужиной!

— Хорошо!—сказалъ ангелъ-хранитель ребенка.—Я самъ провожу тебя къ ней, все равно, гдѣ бы ни пришлось намъ искать ее! У нея нѣтъ, вѣдь, постояннаго жилища! Она появляется и въ королевскомъ дворцѣ и въ жалкой крестьянской хижинѣ! Она не обойдетъ ни одного человѣка, каждому принесетъ свой даръ — будь-то цѣлый міръ или пустякъ! И къ этому ребенку она придетъ въ свое время! Но, по-твоему, выжиданіе не всегда впрокъ,— хорошо, поспѣшимъ же отправиться за жемчужиной, послѣднею жемчужиной, которой недостаетъ въ этомъ великолѣпномъ вѣнцѣ!

И они рука объ руку полетѣли туда, гдѣ пребывала въ тотъ часъ фея.

Они очутились въ большомъ домѣ, но въ корридорахъ было темно, въ комнатахъ пусто и необыкновенно тихо; длинный рядъ оконъ стоялъ отворенными, чтобы впустить въ комнаты свѣжаго воздуха; длинныя бѣлыя занавѣси были спущены и колыхались отъ вѣтра.

Посреди комнаты стоялъ открытый гробъ; въ немъ покоилась женщина цвѣтущихъ лѣтъ. Покойница вся была усыпана розами; виднѣлись лишь тонкія, сложенныя на груди, руки, да лицо, хранившее свѣтлое и въ то же время серьезное, торжественное выраженіе.

У гроба стоялъ мужъ покойной и дѣти. Самаго младшаго отецъ держалъ на рукахъ; они подошли проститься съ умершею. Мужъ поцѣловалъ ея пожелтѣвшую, сухую, какъ увядшій листъ, руку, которая еще недавно была такою сильною, крѣпкою, съ такою любовью вела хозяйство и домъ. Горькія слезы капали на полъ, но никто не проронилъ ни слова. Въ этомъ молчаніи былъ цѣлый міръ скорби. Молча, подавляя рыданія, вышли всѣ изъ комнаты.

Въ комнатѣ горѣла свѣча; пламя ея колебалось отъ вѣтра и вспыхивало длинными красными языками. Вошли чужіе люди, закрыли гробъ и стали забивать крышки гвоздями. Гулко раздались удары молотка въ каждомъ уголкѣ дома, ударяя по сердцамъ, обливавшимся кровью.

— Куда ты привелъ меня?—спросилъ геній домашняго очага.—Тутъ нѣтъ феи, чей даръ, жемчужина, принадлежала бы къ лучшимъ благамъ жизни!

— Она тутъ! — сказалъ ангелъ-хранитель и указалъ на фигуру, сидѣвшую въ углу. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сиживала, бывало, при жизни, мать семейства, окруженная цвѣтами и картинами, откуда она, какъ благодѣтельная фея домашняго очага, ласково улыбалась мужу, дѣтямъ и друзьямъ, откуда она, ясное солнышко, душа всего дома, разливала вокругъ свѣтъ и радость — тамъ сидѣла теперь чужая женщина, въ длинномъ одѣяніи. То была Скорбь; теперь она была госпожей въ домѣ, она заняла мѣсто умершей. По щекѣ ея скатилась жгучая слеза и превратилась въ жемчужину, отливавшую всѣми цвѣтами радуги. Ангелъ-хранитель подхватилъ ее, и она засіяла яркою семицвѣтною звѣздою.

— Вотъ она, жемчужина скорби, послѣдняя жемчужина, безъ которой не полонъ вѣнецъ земныхъ благъ! Она еще ярче оттѣняетъ блескъ и красоту другихъ. Видишь въ ней сіяніе радуги—моста, соединяющаго землю съ небомъ? Теряя близкое, дорогое лицо здѣсь, на землѣ, мы пріобрѣтаемъ друга на небѣ, по которомъ будемъ тосковать. И въ тихія, звѣздныя ночи мы невольно обращаемъ взоръ къ небу, къ звѣздамъ,

гдѣ ждетъ насъ иная, совершенная жизнь. Взгляни на жемчужину скорби: въ ней скрыты крылья Психеи, которыя уносятъ насъ изъ этого міра!

ДВѢ ДѢВИЦЫ.

Видали вы когда-нибудь „дѣвицу“, то-есть то, что извѣстно подъ именемъ „дѣвицы“ *) у мостовщиковъ—инструментъ для утрамбовыванья мостовой? „Дѣвица“ вся деревянная, шире книзу, охвачена въ подолѣ желѣзными обручами, кверху же суживается, и сквозь талію у нея продѣта палка,—концы ея изображаютъ руки „дѣвицы“.

На одномъ дворѣ, при складѣ строительныхъ матеріаловъ, и стояли двѣ такія „дѣвицы“ вмѣстѣ съ лопатами, саженями и тачками. Разговоръ шелъ о томъ, что „дѣвицъ“, по слухамъ, не будутъ больше звать „дѣвицами“, а „штемпелями“,—это новое названіе самое-де вѣрное и подходящее для того инструмента, который мы изстари привыкли звать „дѣвицей“.

У насъ, какъ извѣстно, водятся такъ называемыя „эмансипированныя женщины“; къ нимъ принадлежатъ содержательницы пансіоновъ, повивальныя бабки, танцовщицы, что стоятъ по долгу службы на одной ногѣ, модистки и сидѣлки. Къ этому-то ряду „эмансипированныхъ“ примыкали и двѣ „дѣвицы“. Онѣ числились „дѣвицами“ министерства путей сообщенія и ни за что въ свѣтѣ не хотѣли поступиться своимъ добрымъ старымъ именемъ, позволивъ назвать себя „штемпелями“.

— Дѣвица—имя человѣческое!—говорили онѣ.—А штемпель—вещь! И мы не позволимъ называть себя вещью,—это прямая брань!

— Мой женихъ, пожалуй, еще откажется отъ меня!—сказала младшая, помолвленная съ копромъ, большой машиной, что вбиваетъ сваи и такимъ образомъ служитъ хоть и для болѣе грубой, но однородной работы съ „дѣвицей“.—Онъ готовъ жениться на мнѣ, какъ на дѣвицѣ, а пожелаетъ-ли онъ взять за себя штемпель—еще вопросъ. Нѣтъ, я не согласна мѣнять имя!

*) По-русски: „баба“ или „трамбовка“, по-датски же: „Jomfru“ (дѣвица) или „Stempel“ (штемпель). *Примѣч. перев.*

— А я скорѣе дамъ себѣ обрубить обѣ руки! — сказала старшая.

Тачка же была другого мнѣнія, а тачка, вѣдь, не кто-нибудь! Она считала себя цѣлою четвертью кареты,—одно-то колесо у нея, вѣдь, было.

— А я позволю себѣ замѣтить вамъ, что названіе „дѣвица“ довольно вульгарно и ужъ во всякомъ случаѣ далеко не такъ изысканно, какъ штемпель. Вѣдь, штемпель—та же печать. Назвавшись штемпелями, вы примкнете къ разряду государственныхъ печатей! Развѣ это не почетно? Вспомните, что безъ государственной печати недѣйствителенъ ни одинъ законъ. Нѣтъ, на вашемъ мѣстѣ я бы отказалась отъ имени „дѣвица“.

— Никогда! Я ужъ слишкомъ стара для этого! — сказала старшая.

— Видно, вы еще незнакомы съ такъ называемою „европейскою необходимостью!“—сказала почтенная старая сажень. — Приходится иногда сократить себя, подчиниться требованіямъ времени и обстоятельствамъ. Если ужъ разъ велѣно дѣвицамъ зваться штемпелями, такъ и зовитесь! Нельзя все мѣрить на свой аршинъ!

— Нѣтъ, ужъ коль на то пошло, пусть лучше зовутъ меня „барышней“—сказала младшая. — „Барышня“ все же немножко отзывается дѣвицей.

— Ну, а я лучше дамъ изрубить себя въ щепки! — сказала старая дѣвица.

Тутъ онѣ отправились на работу; ихъ повезли на тачкѣ; обращались съ ними, какъ видите, довольно таки деликатно, но звали ихъ уже штемпелями!

— Дѣв..! — сказали онѣ, ударившись о мостовую. — Дѣв..! — И чуть было не выговорили всего слова: „дѣвица“, да прикусили языки на половинѣ,—не стоитъ, дескать, вступать въ пререканія. Но между собою онѣ продолжали называть себя „дѣвицами“ и восхвалять доброе старое время, когда каждую вещь называли своимъ именемъ: коли ты дѣвица, такъ и звали тебя дѣвицей! Дѣвицами обѣ онѣ и остались,—коперъ, эта машинища, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ отказался отъ младшей, не захотѣлъ жениться на штемпелѣ!

НА КРАЮ МОРЯ.

Къ сѣверному полюсу было послано нѣсколько кораблей отыскать крайнюю точку земли, на которую можетъ ступить нога человѣческая. Уже больше года плыли корабли среди тумановъ и льдовъ, преодолѣвая страшныя затрудненія. Но вотъ, наступила зима, солнце скрылось, и настала долгая-долгая полярная ночь. Все видимое пространство сплошь покрылось льдомъ, и корабли были словно закованы во льдахъ. Вся земля была занесена снѣгомъ; изъ него-то и понадѣлали себѣ моряки невысокихъ ульеобразныхъ жилищъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были большія, величиной съ наши древніе могильные курганы, другіе поменьше, такъ-что вмѣщали не больше двухъ — четырехъ человѣкъ. Стояла ночь, но довольно свѣтлая. Сѣверное сіяніе разбрасывало цѣлые снопы красныхъ и голубыхъ искръ. Вѣчный величественный фейерверкъ! Снѣгъ такъ и сверкалъ, и ночь походила скорѣе на вспыхивающій разсвѣтъ. Когда сѣверное сіяніе горѣло особенно ярко, къ морякамъ являлись туземцы, въ диковинныхъ одеждахъ изъ тюленьихъ и оленьихъ шкуръ, вывороченныхъ мѣхомъ наружу; пріѣзжали они на салазкахъ, сбитыхъ изъ льдинъ, и привозили груды мѣховъ. Моряки дѣлали себѣ изъ нихъ одѣяла и постели и, зарывшись въ нихъ, отлично спали подъ своими снѣжными кровлями, не чувствуя холода. А на волѣ въ это время трещалъ такой морозъ, о которомъ мы здѣсь и понятія не имѣемъ, даже въ самыя суровыя зимы. У насъ въ то время стояла еще осень, и моряки вспоминали, среди полярной природы, теплое родное солнышко и ярко-желтую осеннюю листву.

Часы показывали поздній часъ вечера, время было ложиться спать. Въ одномъ изъ снѣжныхъ жилищъ двое матросовъ и улеглись уже. Младшій изъ нихъ привезъ съ собою изъ родного дома лучшее его сокровище—Библію, которую подарила ему на прощанье бабушка, и ночью книга всегда лежала у юноши подъ изголовьемъ. Съ дѣтства зналъ онъ каждое слово въ ней, каждый день прочитывалъ изъ нея страницу—другую, и не разъ, лежа, какъ теперь, въ постели, вспоминалъ утѣшительныя слова священнаго писанія: „*Возьму-ли крылья зари и переселюсь на край моря, и тамъ рука Твоя поведетъ меня и удержитъ меня десница Твоя*“. Утѣшенный и подкрѣпленный вѣрою, онъ закрылъ глаза, заснулъ и увидѣлъ сонъ — откровеніе Божіе. Тѣло покоилось,

душа же бодрствовала и жила усиленною жизнью. Ему чудилось, что вокругъ него раздаются звуки знакомыхъ, любимыхъ пѣсенъ, чувствовалъ надъ собою какое-то теплое, мягкое вѣяніе, видѣлъ вверху какой-то бѣлый свѣтъ, словно струившійся сквозь крышу. Онъ поднялъ голову—бѣлое сіяніе исходило не изъ стѣнъ или потолка, но лилось отъ большихъ крылъ ангела. Матросъ взглянулъ на его кроткій, свѣтлый ликъ. Ангелъ поднялся изъ страницъ Библіи, словно изъ чашечки лиліи, распростеръ руки, и стѣны хижины растаяли, какъ легкій туманъ. Взору матроса открылись зеленыя поля и холмы, темно-коричневые лѣса, чудно освѣщенные осеннимъ солнышкомъ. Гнѣзда аистовъ ужъ опустѣли, но на дикихъ яблоняхъ еще висѣли яблоки, хотя листья и опали. Ярко-красные плоды шиповника горѣли на солнышкѣ, какъ жаръ; въ маленькой зеленой клѣткѣ надъ окномъ крестьянской избушки насвистывалъ свою пѣсенку скворецъ. Матросъ узналъ свой домъ, свой родной домъ! Скворецъ свистѣлъ заученую пѣсенку, а бабушка давала ему свѣжаго мокричника, какъ, бывало, дѣлывалъ ея внукъ. Молоденькая, хорошенькая дочка кузнеца брала изъ колодца воду и поклонилась бабушкѣ, а бабушка поманила ее къ себѣ письмомъ. Оно пришло сегодня утромъ изъ холодныхъ странъ, съ дальняго сѣвера, гдѣ находился ея внукъ—подъ покровомъ десницы Господней. Женщины плакали и смѣялись, читая письмо, а онъ, осѣненный крылами ангела, видѣлъ и слышалъ все изъ своей снѣжной хижины, въ минуту духовнаго просвѣтлѣнія, смѣялся и плакалъ вмѣстѣ съ ними! Были прочитаны изъ его письма и слова священнаго писанія: *„Возьму-ли крылья зари и переселюсь на край моря, и тамъ удержитъ меня десница Твоя“*. Дивный псаломъ прозвучалъ въ воздухѣ, и ангелъ накрылъ спящаго своимъ крыломъ, словно мягкимъ покрываломъ—видѣніе исчезло, въ снѣжномъ домикѣ стало темно, но Библія попрежнему лежала подъ головою матроса, вѣра и надежда жили въ его сердцѣ. И Богъ былъ съ нимъ, и родину онъ носилъ съ собою —всюду, даже „на краю моря“.

СВИНЬЯ-КОПИЛКА.

Ну и игрушекъ было въ дѣтской! А высоко на шкафу стояла копилка — глиняная свинья. Въ спинѣ у нея, конечно, была

щель, и ее еще чуть-чуть расширили ножемъ, чтобы проходили и серебряныя монеты, покрупнѣе. Такихъ въ свиньѣ лежало цѣлыхъ двѣ, не считая мелкихъ,—она была набита биткомъ и даже не брякала больше, а ужъ дальше этого ни одной свиньѣ съ деньгами идти некуда! Стояла она на шкафу и смотрѣла на все окружающее сверху внизъ,—ей, вѣдь, ничего не стоило купить все это: брюшко у нея было тугое, ну, а такое сознаніе удовлетворитъ хоть кого.

Всѣ окружающіе и имѣли это въ виду, хоть и не говорили о томъ,—у нихъ было о чемъ поговорить и безъ того. Ящикъ комода стоялъ полуоткрытымъ, и оттуда высунулась большая кукла. Она была уже не молода и съ подклеенною шеей. Поглядѣвъ по сторонамъ, она сказала:

— Будемъ играть въ людей,—и то, вѣдь, хорошо!

Поднялась возня, зашевелились даже картины на стѣнахъ, показывая, что и у нихъ есть оборотная сторона, хотя вовсе не имѣли при этомъ въ виду вступать съ кѣмъ либо въ споръ.

Была полночь; въ окна свѣтилъ мѣсяцъ, предлагая всѣмъ даровое освѣщеніе. Участвовать въ игрѣ были приглашены всѣ, даже дѣтская коляска, хотя она и принадлежала къ болѣе громоздкому, низшему сорту игрушекъ.

— Всякъ хорошъ по своему!—говорила она.—Не всѣмъ же быть благородными, надо кому-нибудь и дѣло дѣлать,—какъ говорится!

Свинья съ деньгами одна только получила письменное приглашеніе: она стояла такъ высоко, что устное могло и не дойти до нея—думали игрушки. Она и теперь не отвѣтила, что придетъ, да и не пришла! Нѣтъ, ужъ если ей быть въ компаніи, то пусть устроютъ такъ, чтобы она видѣла все съ своего мѣста. Такъ и сдѣлали.

Кукольный театръ поставили прямо передъ ней,—вся сцена была какъ на ладони. Начать хотѣли комедіей, а потомъ имѣлось въ виду общее угощеніе чаемъ и остроумная игра словами. Съ этого, впрочемъ, и началось. Лошадь-качалка заговорила о тренировкѣ и о чистотѣ породы, дѣтская коляска о желѣзныхъ дорогахъ и силѣ пара,—все это было по ихъ части, такъ кому же было и говорить объ этомъ, какъ не имъ? Комнатные часы держались политики—тики-тики! Они знали, когда надо „ловить моментъ“, но отставали, какъ говорили о нихъ злые языки. Камышевая тросточка гордилась своимъ желѣзнымъ башмачкомъ

и серебрянымъ колпачкомъ; она была, вѣдь, обита и сверху, и снизу. На диванѣ лежали двѣ вышитыя подушки, премиленькія и преглупенькія. И вотъ, началось представленіе.

Всѣ сидѣли и смотрѣли; зрителей пригласили щелкать, хлопать и грохотать въ знакъ одобренія. Но хлыстикъ сейчасъ же заявилъ, что не „щелкаетъ" старухамъ, а только непросватаннымъ барышнямъ.

— А я такъ хлопаю всѣмъ!—сказалъ пистонъ.

„Гдѣ-нибудь да надо стоять!" думала плевальница.

У каждаго были свои мысли!

Комедія не стоила мѣднаго гроша, но сыграна была блестяще. Всѣ исполнители показывались публикѣ только раскрашенною стороною; съ оборотной на нихъ не слѣдовало и смотрѣть. Всѣ играли отлично и совсѣмъ не на сценѣ: нитки были слишкомъ длинны; зато исполнители и выдавались тѣмъ больше. Склеенная кукла такъ расчувствовалась, что совсѣмъ расклеилась, а свинья съ деньгами ощутила въ брюшкѣ такое благодушіе, что рѣшилась сдѣлать что-нибудь для одного изъ актеровъ—напримѣръ, упомянуть его въ своемъ завѣщаніи, какъ достойнаго быть погребеннымъ вмѣстѣ съ нею, когда придетъ время.

Всѣ были въ такомъ восторгѣ, что отказались даже отъ чая и прямо перешли къ игрѣ словами,—это и называлось играть въ людей, и отнюдь не въ насмѣшку. Они, вѣдь, только играли, причемъ каждый думалъ лишь о самомъ себѣ, да о томъ, что подумаетъ о немъ свинья съ деньгами. А свинья совсѣмъ задумалась о своемъ завѣщаніи и погребеніи: „Когда придетъ время..." Увы! Оно приходитъ всегда раньше, чѣмъ ожидаютъ, — бацъ! Свинья свалилась со шкафа и разбилась въ дребезги; монетки такъ и запрыгали по полу. Маленькія вертѣлись волчками, крупныя солидно катились впередъ. Особенно долго катилась одна,—ей очень хотѣлось людей посмотрѣть и себя показать. Ну, и отправилась гулять по бѣлу-свѣту; отправились и всѣ остальныя, а черепки свиньи бросили въ помойное ведро. Но на шкафу, на другой же день, красовалась новая, такая же. У нея въ желудкѣ было еще пусто, и она тоже не брякала—значитъ, была похожа на старую. Для начала и этого было довольно; довольно и намъ, кончимъ!

ИБЪ И ХРИСТИНОЧКА.

Неподалеку отъ рѣки Гуденъ, по Силькеборгскому лѣсу проходитъ горный кряжъ, вродѣ большого вала. У подножія его стоялъ, да и теперь стоитъ крестьянскій домикъ. Почва тутъ скудная; песокъ такъ и просвѣчиваетъ сквозь рѣдкую рожь и ячмень. Тому минуло уже много лѣтъ. Хозяева домика вели маленькое полевое хозяйство, держали трехъ овецъ, свинью, да двухъ воловъ—словомъ, кормились кое-какъ: что есть—хорошо, а нѣтъ—и не спрашивай! Могли бы они держать и парочку лошадей, да говорили, какъ и другіе тамошніе крестьяне:

— „Лошадь сама себя съѣдаетъ“,—коли даетъ что, такъ и беретъ столько же!

Іеппе-Іенсъ лѣтомъ работалъ въ полѣ, а зимою прилежно рѣзалъ деревянные башмаки. Держалъ онъ и помощника, парня; тотъ умѣлъ выдѣлывать такіе башмаки, что они и крѣпки были, и легки, и фасонисты. Кромѣ башмаковъ, они рѣзали и ложки, и зашибали таки денежки, такъ что Іеппе-Іенса съ хозяйкой нельзя было назвать бѣдняками. Единственный ихъ сынишка, семилѣтній Ибъ, глядя на отца, тоже рѣзалъ какія-то щепочки, конечно, рѣзалъ себѣ при этомъ пальцы, но, наконецъ, вырѣзалъ таки изъ двухъ обрубковъ что-то вродѣ маленькихъ деревянныхъ башмачковъ—„въ подарокъ Христиночкѣ“—сказалъ онъ. Христиночка, дочка барочника, была такая хорошенькая, нѣжная, словно барышня; будь у нея и платья подстать ей самой, никто бы не повѣрилъ, что она родилась въ бѣдной хижинѣ, крытой верескомъ, въ степи Сейсъ. Отецъ ея былъ вдовъ и занимался сплавкой дровъ изъ лѣсу на Силькеборгскія угриныя тони, а иной разъ и дальше, въ Рандерсъ. Ему не на кого было оставлять шестилѣтнюю Христиночку дома, и она почти всегда разъѣзжала съ отцомъ взадъ и впередъ по рѣкѣ. Если же тому приходилось плыть въ Рандерсъ, дѣвочка оставалась у Іеппе-Іенса.

Ибъ и Христиночка были большими друзьями и въ играхъ, и за столомъ. Они копались и рылись въ полѣ, карабкались и ходили повсюду, а разъ рѣшились даже одни взлѣзть на кряжъ и—маршъ въ лѣсъ; тамъ они нашли гнѣздо кулика и въ немъ яички. Вотъ было событіе!

Ибъ сроду еще не бывалъ въ степи, не случалось ему и проплывать изъ рѣки Гуденъ въ озера; вотъ барочникъ и при-

гласилъ разъ мальчика прокатиться съ ними и еще наканунѣ взялъ его къ себѣ домой.

Раннимъ утромъ барка отплыла; на самомъ верху сложенныхъ въ полѣнницы дровъ возсѣдали ребятишки, уплетая хлѣбъ и малину. Барочникъ и помощникъ его отталкивались шестами, теченіе помогало имъ, и барка летѣла стрѣлою по рѣкѣ и озерамъ. Часто казалось, что выходъ изъ озера закрытъ глухою стѣной деревьевъ и тростника, но подплывали ближе и проходъ находился, хотя старыя деревья и нависали надъ водою сплошною сѣнью, а дубы старались преградить дорогу, простирая впередъ обнаженныя отъ коры вѣтви,—великаны-деревья словно нарочно засучили рукава, чтобы показать свои голыя жилистыя руки! Старыя ольхи, отмытыя теченіемъ отъ берега, крѣпко цѣплялись корнями за дно и казались маленькими лѣсными островками. По водѣ плавали кувшинки... Славное было путешествіе! Наконецъ, добрались и до тонь, гдѣ изъ шлюзъ шумно бѣжала вода. Было на что посмотрѣть тутъ и Христиночкѣ, и Ибу!

Въ тѣ времена здѣсь еще не было ни фабрики, ни города, а стоялъ только старый домъ, въ которомъ жили рыбаки, и народу на тоняхъ держали не много. Мѣстность оживлялась только шумомъ воды, да криками дикихъ утокъ. Доставивъ дрова на мѣсто, отецъ Христины купилъ большую связку угрей и битаго поросенка; припасы уложили въ корзинку и поставили на кормѣ барки. Назадъ пришлось плыть противъ теченія, но вѣтеръ былъ попутный, они поставили паруса, и барка задвигалась, словно ее везла пара добрыхъ коней.

Доплывъ до того мѣста въ лѣсу, откуда помощнику барочника было рукой подать до дому, мужчины сошли на берегъ, а дѣтямъ велѣли сидѣть смирно. Да, такъ они и усидѣли! Надо же было заглянуть въ корзину, гдѣ лежали угри и поросенокъ, вытащить поросенка и подержать его въ рукахъ. Держать, конечно, хотѣлось и тому, и другому, и вотъ—поросенокъ очутился въ водѣ и поплылъ по теченію. Ужасъ, что такое!

Ибъ спрыгнулъ на берегъ и пустился удирать, но едва пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, какъ къ нему присоединилась и Христина.

— И я съ тобою!—закричала она, и дѣти живо очутились въ кустахъ, откуда уже не видно было ни барки, ни

рѣки. Пробѣжавъ еще немножко, Христиночка упала и заплакала. Ибъ поднялъ ее.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ!—сказалъ онъ ей.—Домъ-то, вѣдь, вонъ тамъ!

То-то, что не тамъ. Шли, шли они по сухимъ листьямъ и вѣтвямъ, которыя такъ и хрустѣли подъ ихъ ножонками, и вдругъ раздался громкій крикъ, какъ будто звали кого-то. Дѣти остановились и прислушались. Тутъ закричалъ орелъ,—какой непріятный крикъ! Дѣтишки струхнули было, да увидали какъ-разъ передъ собою невѣроятное множество чудеснѣйшей голубицы. Какъ тутъ устоять? И оба взапуски принялись рвать, да ѣсть горстями, вымазали себѣ всѣ руки, губы и щеки! Опять послышался окликъ.

— А достанется намъ за поросенка!—сказала Христина.

— Пойдемъ лучше домой, къ намъ!—сказалъ Ибъ.—Это, вѣдь, здѣсь же, въ лѣсу!

И они пошли, вышли на проѣзжую дорогу, но она не вела домой. Стемнѣло, жутко стало дѣтямъ. Въ лѣсу стояла странная тишина; лишь изрѣдка раздавался рѣзкій, непріятный крикъ филина или другой какой-то, незнакомой дѣтямъ, птицы... Наконецъ, дѣти застряли въ кустахъ и расплакались. Наплакавшись, они растянулись на сухихъ листьяхъ и уснули.

Солнышко было уже высоко, когда они проснулись. Дрожь пробрала ихъ отъ утренней свѣжести, но на холмѣ между деревьями просвѣчивало солнышко; надо было взобраться туда—рѣшилъ Ибъ—тамъ они согрѣются, и оттуда же можно будетъ увидать домъ его родителей. Увы! дѣти находились совсѣмъ въ другомъ концѣ лѣса, и до дому было далеко! Кое-какъ вскарабкались они на холмъ и очутились надъ обрывомъ; внизу сверкало прозрачное, свѣтлое озеро. Рыбки такъ и толклись на поверхности, блестя на солнцѣ чешуей. Такого зрѣлища дѣти и не ожидали. Вдобавокъ, края обрыва всѣ поросли орѣшникомъ, осыпаннымъ орѣхами; въ нѣкоторыхъ гнѣздышкахъ сидѣло даже по семи! Дѣти рвали, щелкали орѣхи и ѣли нѣжныя ядрышки, которыя уже начали поспѣвать. Вдругъ — вотъ страхъ-то!—изъ кустовъ вышла высокая старуха съ коричневымъ лицомъ и черными, какъ смоль волосами; бѣлки ея глазъ сверкали, какъ у негра; за спиной у нея былъ узелъ, въ рукахъ суковатая палка. Это была цыганка. Дѣти не сразу разобрали, что она имъ говорила, а она вытащила изъ кармана

три орѣха и сказала, что это волшебные орѣхи,—въ каждомъ спрятаны чудеснѣйшія вещи!

Ибъ поглядѣлъ на нее; она смотрѣла такъ ласково; онъ собрался съ духомъ и попросилъ у нея орѣхи. Она отдала и нарвала себѣ полный карманъ свѣжихъ.

Ибъ и Христиночка таращились на волшебные орѣхи.

— Что-жъ, въ немъ карета и лошади? — спросилъ Ибъ, указывая на одинъ.

— Да еще золотая, и лошади тоже золотыя! — отвѣтила старуха.

— Дай его мнѣ!—сказала Христиночка.

Ибъ отдалъ, и старуха завязала орѣхъ въ шейный платочекъ дѣвочки.

— А въ этомъ есть такой хорошенькій платочекъ, какъ у Христины?—спросилъ Ибъ.

— Цѣлыхъ десять!—отвѣтила старуха.—Да еще чудесныя платья, чулочки и шляпа!

— Такъ дай мнѣ и этотъ!—сказала Христина.

Ибъ отдалъ ей и другой, и у него остался лишь одинъ, маленькій, черненькій.

— Этотъ оставь себѣ!—сказала Христина.—Онъ тоже хорошій.

— А что въ немъ?—спросилъ Ибъ.

— То, что для тебя будетъ лучше всего!—сказала цыганка.

И Ибъ крѣпко зажалъ орѣхъ въ рукѣ. Цыганка пообѣщала дѣтямъ вывести ихъ на дорогу, и онѣ пошли, но совсѣмъ не туда, куда надо. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдовало, что цыганка хотѣла украсть дѣтей.

Наконецъ ужъ, дѣти наткнулись какъ-то на лѣсничаго Хрэна. Онъ зналъ Иба и привелъ дѣтей домой, гдѣ всѣ были въ страшномъ переполохѣ. Дѣтей простили, хоть онѣ заслуживали хорошихъ розогъ, во-первыхъ, за то, что упустили въ воду поросенка, а во-вторыхъ, за то, что убѣжали.

Христина вернулась домой въ степь, а Ибъ остался въ лѣсномъ домикѣ. Первымъ его дѣломъ въ тотъ же вечеръ было вытащить изъ кармана свой орѣшекъ. Онъ прищемилъ его дверью, и орѣхъ раскололся, но въ немъ не оказалось даже зернышка—одна черная пыль, землица, вродѣ нюхательнаго табаку. Орѣхъ-то былъ со свищомъ,—какъ говорится.

— Такъ я и думалъ!—сказалъ себѣ Ибъ.—Какъ могло бы

„то, что для меня лучше всего“, умѣститься въ такомъ крошечномъ орѣшкѣ? И Христина не получитъ изъ своихъ ни платьевъ, ни золотой кареты!

Пришла зима, пришелъ и Новый годъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Ибъ началъ готовиться къ конфирмаціи и ходить къ священнику, а тотъ жилъ далеко. Разъ зашелъ къ нимъ барочникъ и разсказалъ родителямъ Иба, что Христиночка поступаетъ въ услуженіе,—пора ей зарабатывать свой хлѣбъ. И счастье ей везетъ: она поступаетъ къ хорошимъ, богатымъ людямъ—подумайте, къ самимъ хозяевамъ постоялаго двора въ Гернингѣ! Сначала она просто будетъ помогать хозяйкѣ, а потомъ, какъ привыкнетъ къ дѣлу и конфирмуется, они оставятъ ее у себя совсѣмъ.

И вотъ, Ибъ распрощался съ Христиной, а ихъ давно уже прозвали женихомъ и невѣстою. Христиночка показала Ибу на прощанье тѣ два орѣшка, что онъ когда-то далъ ей въ лѣсу и сказала, что бережетъ въ своемъ сундучкѣ и деревянные башмачки, которые онъ вырѣзалъ для нея еще мальчикомъ. Съ тѣмъ они разстались.

Иба конфирмовали, но онъ остался жить дома съ матерью, прилежно рѣзалъ зимою деревянные башмаки, а лѣтомъ работалъ въ полѣ; у матери не было другого помощника,—отецъ Иба умеръ.

Лишь изрѣдка, черезъ почтальона, да черезъ рыбаковъ, получалъ онъ извѣстія о Христинѣ. Ей жилось у хозяевъ отлично, и послѣ конфирмаціи она прислала отцу письмо съ поклонами Ибу и его матери. Въ письмѣ говорилось также о чудесномъ платьѣ и полдюжинѣ сорочекъ, что подарили ей хозяева. Вѣсти были, значитъ, хорошія.

Слѣдующею весной, въ одинъ прекрасный день, въ дверь домика Иба постучали, и явился барочникъ съ Христиной. Она пріѣхала навѣстить отца,—выдался случай доѣхать съ кѣмъ-то до Тэма и обратно. Она была прехорошенькая, совсѣмъ барышня на видъ и одѣта очень хорошо; платье сидѣло на ней ловко и очень шло къ ней, словомъ—она была въ полномъ парадѣ, а Ибъ встрѣтилъ ее въ старомъ будничномъ платьѣ и отъ смущенія не зналъ, что сказать. Онъ только взялъ ее за руку, крѣпко пожалъ, видимо очень обрадовался, но языкъ у него какъ-то не ворочался. Зато Христиночка щебетала безъ умолку; мастерица была поговорить! И, здороваясь, она поцѣловала Иба прямо въ губы!

— Развѣ ты не узнаешь меня?—спрашивала она его.

А онъ, даже когда они остались вдвоемъ, сказалъ только:

— Право, ты словно важная дама, Христина, а я такой растрепа! А какъ часто я вспоминалъ тебя... и доброе старое время!

И они пошли рука объ руку на кряжъ, любовались оттуда рѣкою и степью, поросшею верескомъ, но Ибъ все не говорилъ ни слова и только, когда пришло время разставаться, ему стало ясно, что Христина должна стать его женой; ихъ, вѣдь, еще въ дѣтствѣ звали женихомъ и невѣстою, и ему даже показалось, что они уже обручены, хотя ни одинъ изъ нихъ никогда и не обмолвился ни о чемъ такомъ ни словомъ.

Всего нѣсколько часовъ еще оставалось имъ провести вмѣстѣ: Христинѣ надо было торопиться въ Тэмъ, откуда она на слѣдующее утро должна была выѣхать обратно домой. Отецъ съ Ибомъ проводили ее до Тэма; ночь была такая свѣтлая, лунная. Когда они дошли до мѣста, Ибъ сталъ прощаться съ Христиною, и долго-долго не могъ выпустить ея руки. Глаза его такъ и блестѣли, и онъ, наконецъ, заговорилъ. Немного онъ сказалъ, но каждое слово шло прямо отъ сердца:

— Если ты еще не очень привыкла къ богатой жизни, если думаешь, что могла бы поселиться у насъ съ матерью и выйти за меня замужъ, то... мы могли бы когда-нибудь пожениться!.. Но, конечно, надо обождать немного!

— Конечно, конечно!—сказала Христина и крѣпко пожала ему руку, а онъ поцѣловалъ ее въ губы.—Я вѣрю тебѣ, Ибъ!—продолжала она.—И думаю, что люблю тебя сама, но все же надо подумать!

Съ тѣмъ они и разстались. Ибъ сказалъ ея отцу, что они съ Христиною почти сговорились, а тотъ отвѣтилъ, что давно ожидалъ этого. Они вернулись вмѣстѣ къ Ибу, и барочникъ переночевалъ у него, но о помолвкѣ больше не было сказано ни слова.

Прошелъ годъ. Ибъ и Христина обмѣнялись двумя письмами. „Вѣрный—вѣрная—до гроба“, подписывались они оба. Но разъ къ Ибу зашелъ барочникъ передать ему отъ Христины поклонъ и... да, тутъ слова какъ будто застряли у него въ горлѣ... Въ концѣ-концовъ дѣло, однако, выяснилось. Христинѣ жилось очень хорошо, она была такою красавицей, всѣ ее любили и уважали, а старшій сынъ хозяевъ, пріѣзжавшій навѣстить родителей,—онъ занималъ въ Копенгагенѣ большое мѣсто въ какой-

то конторѣ—полюбилъ ее. Ей онъ тоже понравился, родители, казалось, были не прочь, но Христину, видно, очень безпокоило то, что Ибъ такъ много думаетъ о ней... „И вотъ, она хочетъ отказаться отъ своего счастья“, закончилъ барочникъ.

Ибъ не проронилъ сначала ни словечка, только весь побѣлѣлъ, какъ полотно, затѣмъ тряхнулъ головою и сказалъ:

— Христина не должна отказываться отъ своего счастья!

— Такъ напиши ей пару словъ! — сказалъ отецъ Христины.

Ибъ и написалъ, но не сразу; мысли все что-то не выливались у него на бумагу, какъ ему хотѣлось, и онъ перечеркивалъ и рвалъ письмо за письмомъ въ клочки. Но къ утру письмо все-таки было написано. Вотъ оно:

„Я читалъ твое письмо къ отцу и вижу, что тебѣ хорошо и будетъ еще лучше. Посовѣтуйся съ своимъ сердцемъ, Христина, подумай хорошенько о томъ, что ожидаетъ тебя, если выйдешь за меня. Достатковъ большихъ у меня, вѣдь, нѣтъ. Не думай, поэтому, обо мнѣ и каково мнѣ, а думай только о своемъ счастьи! Я тебя не связывалъ никакимъ словомъ, а если ты и дала мнѣ его мысленно, то я возвращаю тебѣ его. Да пошлетъ тебѣ Богъ всякаго счастья, Христиночка! Господь же утѣшитъ и меня!

Вѣчно преданный другъ твой

Ибъ“.

Письмо было отправлено, и Христина получила его.

Около Мартинова дня въ ближней церкви огласили помолвку Христины; въ одной изъ церквей въ Копенгагенѣ, гдѣ жилъ женихъ, тоже. И скоро Христина съ хозяйкой отправились въ столицу,—женихъ не могъ надолго бросать свое дѣло. Христина должна была, по уговору, встрѣтиться со своимъ отцомъ въ мѣстечкѣ Фундеръ,—оно лежало какъ-разъ на пути, да и старику было до него недалеко. Тутъ отецъ съ дочерью свидѣлись и разстались. Барочникъ зашелъ послѣ того къ Ибу сообщить ему о свиданіи съ дочерью; Ибъ выслушалъ его, но не проронилъ въ отвѣтъ ни словечка. Онъ сталъ такимъ задумчивымъ—по словамъ его матери. Да, онъ много о чемъ думалъ, между прочимъ и о тѣхъ трехъ орѣхахъ, что дала ему въ дѣтствѣ цыганка. Два изъ нихъ онъ отдалъ Христинѣ; то были волшебные орѣхи: въ одномъ была золотая карета и лошади, въ другомъ—чудеснѣйшія платья. Вотъ и сбылось все. Вся эта

роскошь и ждетъ ее теперь въ Копенгагенѣ! Да, для нея все вышло, какъ по писаному, а Ибъ нашелъ въ своемъ орѣшкѣ только черную пыль, землю. „То, что для тебя будетъ лучше всего“, сказала ему цыганка; да, такъ оно и есть: теперь онъ понималъ смыслъ ея словъ—въ черной землѣ, въ могилѣ, ему и будетъ лучше всего!

Прошло еще нѣсколько лѣтъ; какъ долго тянулись они для Иба! Старики-хозяева постоялаго двора умерли одинъ за другимъ, и все богатство, много тысячъ риксдалеровъ, достались сыну. Теперь Христина могла обзавестись даже золотою каретой, а не только чудесными платьями.

Потомъ цѣлыхъ два года о Христинѣ не было ни слуху, ни духу; наконецъ, отецъ получилъ отъ нея письмо, но не радостныя оно принесло вѣсти. Бѣдняжка Христина! Ни она, ни мужъ ея не умѣли беречь денегъ, и богатство ихъ какъ пришло, такъ и ушло; оно не пошло имъ въ прокъ, — они сами того не хотѣли.

Верескъ въ полѣ цвѣлъ и отцвѣталъ, много разъ заносило снѣгомъ и степь, и горный кряжъ, и уютный домикъ Иба. Разъ весною Ибъ шелъ по полю за плугомъ; вдругъ плугъ врѣзался во что-то твердое—кремень, какъ ему показалось—и изъ земли высунулась какъ будто большая черная стружка. Но когда Ибъ взялъ ее въ руки, онъ увидалъ, что это не дерево, а металлъ, блестѣвшій въ томъ мѣстѣ, гдѣ его рѣзнуло плугомъ. Это было старинное, тяжелое и большое золотое кольцо героической эпохи. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь разстилалось вспаханное поле, возвышался когда-то древній могильный курганъ. И вотъ, пахарь нашелъ сокровище. Ибъ показалъ кольцо священнику; тотъ объяснилъ ему, какое оно дорогое, и Ибъ пошелъ къ мѣстному судьѣ; судья далъ знать о драгоцѣнной находкѣ въ Копенгагенъ и посовѣтывалъ Ибу лично представить ее, куда слѣдуетъ.

— Лучше этого земля не могла дать тебѣ ничего! —прибавилъ судья.

„Вотъ оно!“ подумалъ Ибъ. „Такъ все-таки земля дала мнѣ то, что для меня лучше всего! Значитъ, цыганка была права!“

Ибъ отправился изъ Орхуса моремъ въ Копенгагенъ. Для него это было чуть не кругосвѣтнымъ плаваньемъ,—до сихъ поръ онъ, вѣдь, плавалъ лишь по своей рѣчкѣ Гуденъ. И вотъ, онъ добрался до Копенгагена. Ему выплатили полную

стоимость находки, большую сумму: цѣлыхъ шестьсотъ риксдалеровъ. Нѣсколько дней бродилъ степнякъ Ибъ по чужому, огромному городу и однажды вечеромъ, какъ-разъ наканунѣ отъѣзда обратно въ Орхусъ, заблудился, перешелъ какой-то мостъ и вмѣсто того, чтобы идти къ Западнымъ воротамъ, попалъ въ Христіанову гавань. Онъ, впрочемъ, и теперь шелъ на западъ, да только не туда, куда надо. На улицѣ не было ни души. Вдругъ изъ одного убогаго домика вышла маленькая дѣвочка. Ибъ попросилъ ее указать ему дорогу; она испуганно остановилась, поглядѣла на него, и онъ увидѣлъ, что она горько плачетъ. Ибъ сейчасъ же спросилъ—о чемъ; дѣвочка что-то отвѣтила, но онъ не разобралъ. Въ это время они очутились у фонаря, и свѣтъ упалъ дѣвочкѣ прямо въ лицо—Ибъ глазамъ не повѣрилъ: передъ нимъ стояла живая Христиночка, какою онъ помнилъ ее въ дни ея дѣтства!

Ибъ вошелъ вслѣдъ за малюткой въ бѣдный домъ, поднялся по узкой, скользкой лѣстницѣ на вышку, въ маленькую коморку подъ самой крышей. На него пахнуло тяжелымъ удушливымъ воздухомъ; въ коморкѣ было совсѣмъ темно и тихо; только въ углу слышались чьи-то тяжелые вздохи. Ибъ чиркнулъ спичкою. На жалкой постели лежала мать ребенка.

— Не могу-ли я помочь вамъ?—спросилъ Ибъ.—Малютка зазвала меня, но я пріѣзжій и никого здѣсь не знаю. Скажите же, нѣтъ-ли тутъ какихъ-нибудь сосѣдей, которыхъ бы можно было позвать къ вамъ на помощь?

И онъ приподнялъ голову больной.

Это была Христина изъ степи Сейсъ. Много лѣтъ при Ибѣ не упоминалось даже ея имени,—это бы потревожило его, тѣмъ болѣе, что слухи о ней доходили самые неутѣшительные. Молва правду говорила, что большое наслѣдство совсѣмъ вскружило голову мужу Христины; онъ отказался отъ мѣста, поѣхалъ за-границу, прожилъ тамъ полгода, вернулся обратно и сталъ прожигать денежки. Все больше и больше наклонялась телѣга и, наконецъ, опрокинулась вверхъ дномъ! Веселые друзья-собутыльники заговорили, что этого и нужно было ожидать,—развѣ можно вести такую сумасшедшую жизнь? И вотъ, однажды утромъ его вытащили изъ дворцоваго канала мертвымъ!

Дни Христины тоже были сочтены; младшій ребенокъ ея, рожденный въ нищетѣ, уже умеръ, и сама она собиралась послѣдовать за нимъ... Умирающая, всѣми забытая, лежала она

въ такой жалкой коморкѣ, какою могла еще, пожалуй, довольствоваться въ дни юности, въ степи Сейсъ, но не теперь, послѣ того, какъ успѣла привыкнуть къ роскоши и богатству. И вотъ, случилось, что старшая ея дочка, тоже Христиночка, терпѣвшая холодъ и голодъ вмѣстѣ съ матерью, встрѣтила Иба!

— Я боюсь, что умру, оставлю мою бѣдную крошку круглою сиротой!—простонала больная.—Куда она дѣнется!?

Больше она говорить не могла.

Ибъ опять зажегъ спичку, нашелъ огарокъ свѣчки, зажегъ его и освѣтилъ жалкую коморку.

Потомъ онъ взглянулъ на ребенка и вспомнилъ Христиночку—подругу дѣтскихъ лѣтъ... Да, ради той Христиночки онъ долженъ взять на себя заботы объ этой, чужой для него дѣвочкѣ! Умирающая взглянула на него, глаза ея широко раскрылись... Узнала-ли она его? Неизвѣстно; онъ не услышалъ отъ нея больше ни единаго слова.

Мы опять въ лѣсу, у рѣки Гуденъ, близъ степи Сейсъ. Осень; небо сѣро, верескъ оголился, западные вѣтры такъ и рвутъ съ деревьевъ пожелтѣвшія листья, швыряютъ ихъ въ рѣку, разметываютъ по степи, гдѣ попрежнему стоитъ домикъ, крытый верескомъ, но живутъ въ немъ уже чужіе люди. А у подножія горнаго кряжа, въ защитѣ отъ вѣтра, за высокими деревьями, стоитъ старый домикъ, выбѣленный и выкрашенный заново. Весело пылаетъ огонекъ въ печкѣ, а сама комнатка озаряется солнечнымъ сіяніемъ: оно льется изъ двухъ дѣтскихъ глазокъ; изъ розоваго, смѣющагося ротика раздается щебетанье жаворонка; весело, оживленно въ комнатѣ: тутъ живетъ Христиночка. Она сидитъ у Иба на колѣняхъ; Ибъ для нея и отецъ, и мать, настощихъ же своихъ родителей она забыла, какъ давній сонъ. Ибъ теперь человѣкъ зажиточный и живетъ съ Христиночкою припѣваючи. А мать дѣвочки покоится на кладбищѣ для бѣдныхъ въ Копенгагенѣ.

У Иба водятся въ сундукѣ деньжонки; онъ досталъ ихъ себѣ изъ земли — говорятъ про него. У Иба есть теперь и Христиночка!

ИВАНУШКА-ДУРАЧОКЪ.

Была старая усадьба, а у старика-владѣльца ея было два сына, да такихъ умныхъ, что и вполовину было бы хорошо. Они собирались посвататься къ королевнѣ; это было можно,— она сама объявила, что выберетъ себѣ въ мужья человѣка, который лучше всѣхъ сумѣетъ постоять за себя въ разговорѣ.

Оба брата готовились къ испытанію цѣлую недѣлю,—больше времени у нихъ не было, да и того было довольно: предварительныя знанія у нихъ, вѣдь, имѣлись, а это важнѣе всего. Одинъ зналъ наизусть весь латинскій словарь и мѣстную газету за три года—одинаково хорошо и съ начала, и съ конца. Другой основательно изучилъ всѣ цеховыя правила и все, что долженъ знать цеховой старшина; значитъ, ему ничего не стоило разсуждать и о государственныхъ дѣлахъ—думалъ онъ. Кромѣ того, онъ умѣлъ вышивать подтяжки,—вотъ какой былъ искусникъ!

— Ужъ я-то добуду королевскую дочь!—говорилъ и тотъ, и другой.

И вотъ, отецъ далъ каждому по прекрасной лошади: тому, что зналъ наизусть словарь и газеты, вороную, а тому, что обладалъ цеховымъ умомъ и вышивалъ подтяжки, бѣлую. Затѣмъ братья смазали себѣ уголки рта рыбьимъ жиромъ, чтобы они быстрѣе и легче двигались, и собрались въ путь. Всѣ слуги высыпали на дворъ поглядѣть, какъ баричи сядутъ на лошадей. Вдругъ является третій братъ,—всего-то ихъ было трое, да третьяго никто и не считалъ: далеко ему было до своихъ ученыхъ братьевъ, и звали его попросту Иванушкой-дурачкомъ.

— Куда это вы такъ разрядились!—спросилъ онъ.

— Ѣдемъ ко двору „выговорить“ себѣ королевну! Ты не слыхалъ развѣ, о чемъ барабанили по всей странѣ?

И ему разсказали въ чемъ дѣло.

— Эге! Такъ и я съ вами!—сказалъ Иванушка-дурачокъ.

Но братья только засмѣялись и уѣхали.

— Отецъ, дай мнѣ лошадь!—закричалъ Иванушка.—Меня страсть забрала охота жениться! Возьметъ королевна меня—ладно, а не возьметъ—я самъ ее возьму!

— Пустомеля!—сказалъ отецъ.—Не дамъ я тебѣ лошади. Ты и говорить-то не умѣешь! Вотъ братья твои, тѣ—молодцы!

— Коли не даешь лошади, я возьму козла! Онъ мой соб-

ственный и отлично довезетъ меня!—И Иванушка усѣлся на козла верхомъ, всадилъ ему въ бока пятки и пустился вдоль по дорогѣ. Эхъ, ты, ну, какъ понесся!—Знай нашихъ!—закричалъ онъ и запѣлъ во все горло.

А братья ѣхали себѣ потихоньку, молча; имъ надо было хорошенько обдумать всѣ красныя словца, которыя они собирались подпустить въ разговорѣ съ королевной,—тутъ, вѣдь, надо было держать ухо востро.

— Го-го!—закричалъ Иванушка.—Вотъ и я! Гляньте-ка, что я нашелъ на дорогѣ!

И онъ показалъ дохлую ворону.

— Дуракъ!—сказали тѣ.—Куда ты ее тащишь?

— Въ подарокъ королевнѣ!

— Вотъ, вотъ! — сказали они, расхохотались и уѣхали впередъ.

— Го-го! Вотъ и я! Гляньте-ка, что я еще нашелъ! Такія штуки не каждый день валяются на дорогѣ!

Братья опять обернулись посмотрѣть.

— Дуракъ!—сказали они.—Вѣдь, это старый деревянный башмакъ, да еще безъ верхней половинки! И это тоже подаришь королевнѣ?

— И это ей!—отвѣтилъ Иванушка.

Братья засмѣялись и уѣхали отъ него впередъ.

— Го-го! Вотъ и я! — опять закричалъ Иванушка-дурачокъ.—Нѣтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже! Го-го!

— Ну-ка, что ты тамъ еще нашелъ?—спросили братья.

— Ахъ, просто и сказать нельзя! Вотъ обрадуется-то королевна!

— Тьфу!—сказали братья.—Да, вѣдь, это грязь изъ канавы!

— И еще какая!—отвѣтилъ Иванушка.—Первѣйшій сортъ, въ рукахъ не удержишь, такъ и течетъ!

И онъ набилъ себѣ грязью полный карманъ.

А братья пустились отъ него вскачь и опередили его на цѣлый часъ. У городскихъ воротъ они запаслись, какъ и всѣ женихи, очередными билетами и стали въ рядъ. Въ каждомъ ряду было по шести человѣкъ, и ставили ихъ такъ близко другъ къ другу, что имъ шевельнуться было нельзя. И хорошо, что такъ, не то они распороли бы другъ другу спины за то только, что одинъ стоялъ впереди другого.

Все населеніе страны собралось около дворца. Многіе за-

глядывали въ самыя окна,—любопытно было посмотрѣть, какъ королевна принимаетъ жениховъ. Женихи входили въ залу одинъ за другимъ и, какъ кто войдетъ, такъ языкъ у него сейчасъ и отнимется.

— Не годится!—говорила королевна.—Вонъ его!

Вошелъ старшій братъ, тотъ, что зналъ наизусть весь словарь. Но, постоявъ въ рядахъ, онъ позабылъ рѣшительно все, а тутъ еще полы скрипятъ, потолокъ зеркальный, такъ что видишь самого себя кверху ногами, у каждаго окна по три писца, да еще одинъ старшина, и всѣ записываютъ каждое слово разговора, чтобы тиснуть сейчасъ же въ газету, да продавать на углу по два скиллинга—просто ужасъ! Къ тому же печку такъ натопили, что она раскалилась до красна.

— Какая жара здѣсь!—сказалъ женихъ.

— Да, папашѣ сегодня вздумалось жарить пѣтушковъ! — сказала королевна.

Женихъ и ротъ разинулъ—такой рѣчи онъ не ожидалъ и не нашелся, что отвѣтить, а отвѣтить-то ему хотѣлось какъ-нибудь позабавнѣе.

— Не годится!—сказала королевна.—Вонъ его!

Пришлось ему убраться во-свояси. За нимъ явился къ королевнѣ другой братъ.

— Ужасно жарко здѣсь!—началъ онъ.

— Да, мы поджариваемъ сегодня пѣтушковъ! — отвѣтила королевна.

— Какъ, что, ка..?—пробормоталъ онъ, и всѣ писцы написали: „какъ, что, ка..?“

— Не годится!—сказала королевна.—Вонъ его!

Тутъ явился Иванушка-дурачокъ. Онъ въѣхалъ на козлѣ прямо въ залу.

— Вотъ такъ жарища!—сказалъ онъ.

— Да, я поджариваю пѣтушковъ!—отвѣтила королевна.

— Чудесно!—сказалъ Иванушка.—Такъ и мнѣ можно будетъ зажарить мою ворону?

— Можно!—сказала королевна.—А у васъ есть въ чемъ жарить? У меня нѣтъ ни кострюли, ни сковороды!

— У меня найдется!—сказалъ Иванушка.—Вотъ посудинка, да еще съ ручкой!

И онъ вытащилъ изъ кармана сломанный деревянный башмакъ и положилъ въ него ворону.

— Да это цѣлый обѣдъ!—сказала королевна.—Но гдѣ-жъ намъ взять подливки?

— А у меня въ карманѣ!—отвѣтилъ Иванушка!—У меня ея столько, что дѣвать некуда, хоть бросай!

И онъ зачерпнулъ изъ кармана горсть грязи.

— Вотъ это я люблю! — сказала королевна. — Ты скоръ на отвѣты, за словомъ въ карманъ не лазишь, тебя я и возьму въ мужья! Но знаешь-ли ты, что каждое наше слово записывается и завтра попадетъ въ газеты? Видишь, у каждаго окна стоятъ три писца, да еще одинъ старшина? А старшина-то хуже всѣхъ,—ничего не понимаетъ!

Это все она наговорила, чтобы испугать его. А писцы заржали и посадили на полъ кляксы.

— Ишь, какіе господа!—сказалъ Иванушка-дурачокъ.— Вотъ я сейчасъ угощу его!

И онъ, не долго думая, выворотилъ карманъ и залѣпилъ старшинѣ все лицо грязью.

— Вотъ это ловко!—сказала королевна.—Я бы этого не сумѣла сдѣлать, но теперь выучусь!

Такъ и сталъ Иванушка-дурачокъ королемъ, женился, надѣлъ корону и сѣлъ на тронъ. Мы узнали все это изъ газеты старшины—а на нее не слѣдъ полагаться.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СЛАВЫ.

Въ старой сказкѣ говорится: „Тернистъ былъ путь славы для егеря Брюде; онъ хоть и достигъ славы и почестей, но лишь послѣ многихъ мытарствъ и бѣдствій“. Многіе изъ насъ, конечно, слышали эту сказку въ дѣтствѣ, можетъ быть, читали ее уже взрослыми и думали о своемъ, никѣмъ незамѣченномъ, тернистомъ пути и о „многихъ мытарствахъ“. Сказка и дѣйтельность очень схожи; но въ сказкѣ счастливая развязка наступаетъ здѣсь же, на землѣ, тогда какъ въ дѣйствительности человѣкъ можетъ разсчитывать на нее чаще всего—лишь *тамъ*, въ жизни вѣчной и безконечной.

Всемірная исторія—волшебный фонарь, показывающій намъ на темномъ фонѣ жизни свѣтлые образы благодѣтелей человѣчества, мучениковъ ума, пробиравшихся по тернистому пути славы.

На этомъ фонѣ отражаются картины всѣхъ временъ, всѣхъ странъ, каждая—лишь на мгновеніе, но это мгновеніе охватываетъ всю земную жизнь человѣка съ ея борьбою и побѣдами. Взглянемъ же хоть на нѣкоторыхъ изъ длиннаго, безконечнаго ряда мучениковъ, которому и не будетъ конца, пока держится міръ.

Передъ нами переполненный зрителями амфитеатръ; „Облака" Аристофана отравляютъ толпу ядомъ остроумнаго издѣвательства. Со сцены осмѣиваютъ—и съ нравственной, и съ физической стороны—замѣчательнѣйшаго мужа Аѳинъ, спасшаго народъ отъ тридцати тирановъ, спасшаго въ пылу битвы Алкивіада и Ксенофонта, осмѣиваютъ *Сократа*, воспарившаго духомъ выше боговъ древности. Самъ онъ тоже въ числѣ зрителей. И вотъ, онъ встаетъ съ своего мѣста и выпрямляется во весь ростъ,—пусть видятъ хохочущіе Аѳиняне, похожа-ли на него каррикатура. Твердо, несокрушимо стоитъ онъ, возвышаясь надо всѣми.

Сочная, зеленая, ядовитая цикута! Тебѣ служить эмблемою Аѳинъ, а не оливковой вѣтви!

Семь городовъ спорили о чести считаться родиной *Гомера*—послѣ его смерти. А при жизни? Онъ проходилъ эти города, распѣвая свои пѣсни ради куска хлѣба; волоса его сѣдѣли при мысли о завтрашнемъ днѣ! Онъ, могучій провидецъ, былъ слѣпъ и одинокъ! Острый тернъ рвалъ въ клочья плащъ царя поэтовъ.

А пѣсни его живутъ и понынѣ, и въ нихъ однѣхъ живутъ древніе боги и герои.

Картина за картиною выступаетъ на темномъ фонѣ; въ одной отражается востокъ, въ другой западъ, въ одной сѣдая древность, въ другой недавнее прошлое; но несмотря на все различіе ихъ по времени и мѣсту, всѣ онѣ изображаютъ одно—тернистый путь славы, на которомъ тернъ зацвѣтаетъ лишь къ тому времени, когда нужно украсить цвѣтами могилу.

Въ тѣни пальмъ движутся верблюды, нагруженные индиго и другими драгоцѣнными товарами; они посланы владѣтелемъ страны въ даръ тому, чьи пѣсни—радость народа, слава страны, тому, кого зависть и клевета изгнали изъ родной страны. Караванъ приближается къ маленькому городку, гдѣ пѣвецъ нашелъ убѣжище; изъ города выносятъ на встрѣчу каравану бѣдный гробъ. Хоронятъ какъ-разъ того, кого ищетъ караванъ—*Фирдуси!* Тернистый путь славы пройденъ имъ до конца!

На мрамо‚ ‛і лѣстницѣ дворца, въ столицѣ Португаліи, сидитъ негръ, съ грубыми чертами лица, съ толстыми губами и черными, жесткими волосами, и проситъ милостыню. Это — вѣрный рабъ *Камоэнса*; безъ него и безъ тѣхъ грошей, что бросаютъ ему прохожіе, господинъ его, „пѣвецъ Лузіады“, умеръ бы съ голода.

Теперь надъ могилою Камоэнса — великолѣпный памятникъ.

Еще картина.

За желѣзною рѣшеткой виднѣется человѣкъ: лицо его блѣдно, длинная борода всклокочена. „Я сдѣлалъ величайшее открытіе!“ кричитъ онъ: „а меня больше двадцати лѣтъ держатъ въ заключеніи!“

Кто онъ? — „Безумецъ!“ говоритъ сторожъ. „Чего, вѣдь, не взбредетъ на умъ человѣку! Онъ воображаетъ, что можно двигаться впередъ силою пара!“ Это Саломонъ де-Ко, открывшій силу пара, но не сумѣвшій растолковать неясно брезжившей въ его умѣ идеи могущественному Ришелье. Несчастный провелъ весь остатокъ жизни въ сумасшедшемъ домѣ.

Вотъ *Колумбъ!* Надъ нимъ глумились когда-то даже уличные мальчишки, — онъ, вѣдь, хотѣлъ открыть *Новый свѣтъ!* Онъ и открылъ его! И звонъ колоколовъ встрѣчаетъ торжественный въѣздъ его, но колокола зависти скоро заглушаютъ этотъ звонъ, и вотъ, того, кто открылъ Новый свѣтъ, какъ бы поднялъ золотой американскій материкъ со дна моря и подарилъ его своему королю — награждаютъ желѣзными цѣпями! Онъ велитъ положить ихъ съ собою въ гробъ, какъ знаменательное выраженіе благодарности свѣта и современниковъ.

Картина смѣняетъ картину; никогда не пустѣетъ тернистый путь славы!

Вотъ въ глубокомъ мракѣ сидитъ тотъ, кто измѣрилъ лунныя горы, кто какъ бы пронизалъ міровое пространство своимъ острымъ духовнымъ взоромъ, уловилъ могучимъ умомъ „сокровенное“ природы, понялъ, что земля движется подъ нимъ — *Галилей*. Слѣпой, глухой старецъ какъ бы пригвожденъ къ мѣсту колючками терна; — такъ терзаетъ его отреченіе. Теперь онъ не въ силахъ даже поднять ногу, которою когда-то, въ минуту душевной боли, при видѣ попираемой истины, топнулъ о землю и вскричалъ: „*А все-таки она движется*“!

Вотъ стоитъ женщина, дитя душою, исполненная божественнаго восторга и вѣры; знамя несетъ она передъ воинствующею

ратью и даруетъ своему отечеству побѣду и спасеніе. Раздаются клики ликованія и—зажигается костеръ; Іоанну Д'Аркъ, колдунью, сжигаютъ. А слѣдующія поколѣнія забрасываютъ бѣлую лилію грязью: Вольтеръ, сатиръ остроумія, воспѣваетъ „La pucelle".

Вотъ въ Виборгѣ датское дворянство сжигаетъ законы короля. Они горятъ яркимъ пламенемъ, освѣщая эпоху и самого законодателя, отбрасывая сіяніе во внутрь мрачной темницы, гдѣ онъ сидитъ сѣдой, согбенный, проводя пальцемъ борозду вокругъ каменнаго стола. Это онъ—нѣкогда повелитель трехъ сѣверныхъ государствъ, любимецъ народа, другъ крестьянъ и гражданъ—*Христіанъ Второй*. Суровая была въ немъ душа, да и въ суровое время жилъ онъ. Враги писали его исторію. Но мы, вспоминая его кровавыя дѣянія, припомнимъ и двадцать семь лѣтъ его заключенія.

Отъ береговъ Даніи отплываетъ корабль; прислонясь къ высокой мачтѣ, стоитъ человѣкъ и бросаетъ прощальный взглядъ на островъ Вэнъ. Это *Тихо-Браге*. Онъ вознесъ имя Даніи къ звѣздамъ и вознагражденъ за то обидами и огорченіями. Теперь онъ отплываетъ въ чужую землю, говоря: „Небо есть вездѣ, чего же мнѣ больше?" Онъ отплываетъ изъ родной земли, нашъ знаменитѣйшій мужъ; въ чужой землѣ ждутъ его почести и свобода.

„Ахъ свобода... свобода—хотя бы отъ невыносимыхъ страданій тѣла!—долетаетъ до насъ стонъ изъ глубины временъ. Это что за картина?—*Гриффенфельдъ* *), датскій Прометей, прикованный къ скалистому острову Мункгольму!

Мы въ Америкѣ, у одной изъ большихъ рѣкъ; по берегамъ толпится народъ; сейчасъ долженъ поплыть корабль противъ теченія и вѣтра, преодолѣвая сопротивленіе стихій. *Робертъ Фультонъ* вѣритъ въ возможность этого. Корабль трогается и вдругъ—стопъ! Толпа хохочетъ, свищетъ,—въ томъ числѣ и отецъ самого Фультона. „И по дѣломъ тебѣ, гордецъ, безумецъ! Подъ замокъ сумасброда!" Но вотъ маленькій гвоздикъ, остановившій на минуту движеніе машины, ломается, колеса вертятся, лопасти преодолѣваютъ сопротивленіе волнъ, и корабль плыветъ! Паровой челнъ превращаетъ часы въ минуты, проплывая разстоянія между землями съ невѣдомою доселѣ быстротой.

*) Знаменитый государственный дѣятель; род. 1635 † 1699; провелъ въ заключеніи 22 года. *Примѣч. перев.*

Родъ человѣческій! Понятно-ли тебѣ блаженство такой минуты—высокаго просвѣтлѣнія духа, сознанія имъ своей миссіи, минуты, когда всѣ истязанія, претерпѣнныя на тернистомъ пути славы, становятся цѣлебнымъ бальзамомъ, дающимъ здоровье, силу и ясность, когда дисгармонія становится гармоніей, и люди видятъ откровеніе Божье, данное одному, а черезъ него ставшее достояніемъ всѣхъ?

Тернистый путь славы опоясываетъ землю сіяющею лентой; блаженны избранные, идущіе по нему, безъ заслугъ поставленные на этотъ мостъ, созданный Великимъ Зодчимъ, чтобы соединить землю съ небомъ.

На мощныхъ крылахъ несется духъ исторіи черезъ тьму временъ и показываетъ намъ—чтобы ободрить, утѣшить насъ, пробудить въ насъ кротость—сіяющія на черномъ фонѣ тернистаго пути славы яркія картины. Путь этотъ не завершается, какъ въ сказкѣ, блескомъ и радостью здѣсь же, на землѣ, но ведетъ туда, въ жизнь вѣчную и безконечную.

ЕВРЕЙКА.

Въ школѣ для бѣдныхъ, между другими дѣтьми, сидѣла дѣвочка-еврейка, добрая, развитая и самая прилежная изъ всѣхъ. Но въ одномъ изъ уроковъ она не могла принимать участія—въ Законѣ Божіемъ: школа была, вѣдь, христіанская.

Ей позволили въ это время учить урокъ изъ географіи или рѣшать задачи, но она скоро справлялась и съ урокомъ, и съ задачами, и книжка только такъ лежала передъ нею раскрытою,—она въ нее и не заглядывала, прислушиваясь къ словамъ учителя. Скоро тотъ замѣтилъ, что она слѣдитъ за урокомъ, пожалуй, внимательнѣе всѣхъ остальныхъ.

— Учи свой урокъ!—сказалъ онъ ей кротко и серьезно, но она продолжала смотрѣть на него своими черными, лучистыми глазами; онъ задалъ ей нѣсколько вопросовъ, и оказалось, что она поняла и усвоила себѣ изъ его уроковъ больше, чѣмъ кто-либо изъ другихъ дѣтей. Она слушала, понимала и слагала все въ сердцѣ своемъ.

Отецъ ея, честный бѣднякъ, отдавая дочь въ школу, поставилъ условіемъ, чтобы ее не учили догматамъ христіанской вѣры; но отсылать ее въ эти часы изъ класса было неудобно,—

это могло возбудить въ другихъ дѣтяхъ различныя мысли и соображенія—и она оставалась. Теперь же учитель понялъ, что такъ дѣло оставить нельзя.

Онъ отправился къ ея отцу и заявилъ, что тотъ долженъ или взять свою дочь изъ школы, или позволить ей принять христіанство.

— Я не могу равнодушно видѣть ея горящаго взора, въ которомъ такъ и свѣтится вся ея душа, жаждущая свѣта истины Христовой!—добавилъ учитель.

Отецъ заплакалъ:

— Самъ я мало свѣдущъ въ законѣ отцовъ моихъ, но мать ея была истою дочерью Израиля, крѣпко держала свою вѣру и взяла съ меня на смертномъ одрѣ слово—никогда не позволять нашей дочери креститься. Я долженъ сдержать свое обѣщаніе; оно для меня священно, какъ обѣтъ, данный Богу!

И дѣвочку взяли изъ христіанской школы.

Прошло много лѣтъ. Въ одномъ изъ маленькихъ городковъ въ Ютландіи служила въ семействѣ небогатаго горожанина бѣдная дѣвушка-еврейка. Это была Сара. Волосы ея были черны, какъ эбеновое дерево, темные глаза сіяли огнемъ, какъ у дочерей Востока. Но выраженіе ихъ ничуть не измѣнилось со времени ея дѣтства, когда она еще сидѣла на школьной скамейкѣ и внимала словамъ учителя.

По воскресеньямъ въ церкви звучалъ органъ и раздавалось пѣніе псалмовъ; торжественные звуки доносились черезъ улицу и до сосѣдняго домика, гдѣ прилежно и неутомимо занималась своимъ дѣломъ еврейка. Заповѣдь: „Помни день субботній, чтобы святить его!“—была для нея закономъ, но суббота была у христіанъ рабочимъ днемъ, и дѣвушка могла праздновать ее лишь въ сердцѣ своемъ, а этого, ей казалось, мало. Но что значатъ для Бога дни и часы? Мысль эта пробудилась въ ея душѣ, и дѣвушка стала праздновать субботу въ христіанское воскресенье. И когда звуки органа и пѣніе псалмовъ доносились до ея уголка въ кухнѣ, даже и это мѣсто проникалось святою тишиною храма. Сара читала въ это время Ветхій Завѣтъ, сокровище и собственность ея народа; только его она и могла читать: слова ея отца, сказанныя учителю, обѣщаніе, данное имъ ея умирающей матери, глубоко залегли въ душу Сары,—она не должна принимать христіанства, не должна отрекаться отъ вѣры отцовъ своихъ, и Новый Завѣтъ долженъ оста-

ваться для нея закрытою книгой! Но она уже такъ много знала изъ него, знанія эти хранились въ душѣ ея вмѣстѣ съ воспоминаніями дѣтства.

Разъ вечеромъ она сидѣла въ углу комнаты и слушала, какъ хозяинъ читалъ вслухъ. Она могла слушать,—читали не Евангеліе, а старую хронику. Изъ нея прочитано было объ одномъ венгерскомъ рыцарѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ турецкому пашѣ. Турокъ велѣлъ впрячь христіанина вмѣстѣ съ волами въ плугъ, погонять кнутомъ, словомъ, надругался надъ нимъ и терзалъ его всячески! Жена рыцаря продала всѣ свои драгоцѣнности, заложила зáмокъ и земли, друзья его также сложились, и, наконецъ, составилась нужная сумма,—паша требовалъ за рыцаря невѣроятно-огромный выкупъ. Деньги были доставлены, и рыцарь освободился изъ тяжелаго рабства. Больной, страждущій, прибылъ онъ домой. Но скоро опять кликнули кличъ противъ враговъ христіанства, и—рыцарь забылъ всякій покой и отдыхъ, велѣлъ осѣдлать своего боевого коня. Щеки его опять окрасились румянцемъ, силы вернулись, и онъ помчался разить враговъ. И вотъ, тотъ самый паша, что держалъ его въ плѣну, запрягалъ въ плугъ, мучилъ и терзалъ, сталъ теперь его плѣнникомъ. Пашу отвели въ темницу, но не прошло и часа, какъ къ нему явился самъ рыцарь и спросилъ его:

— Какъ ты думаешь, что ожидаетъ тебя?

— Возмездіе!—отвѣчалъ турокъ.

— Да, но возмездіе христіанское!—сказалъ рыцарь.—Законъ Христа запрещаетъ воздавать за зло зломъ, велитъ прощать врагамъ нашимъ и любить ближняго! Богъ есть любовь! Ступай съ миромъ въ домъ свой и будь добръ и милостивъ къ страждущимъ!

Плѣнникъ залился слезами:

— Могъ-ли я ожидать этого? Напротивъ, я зналъ, что меня ожидаютъ муки и терзанія, и принялъ ядъ. Онъ скоро убьетъ меня, я умру, спасенія нѣтъ! Но не дай мнѣ умереть, не познавъ ученія, которое вмѣщаетъ въ себѣ такую любовь и милосердіе! Оно велико и божественно! Дай мнѣ умереть христіаниномъ!

И мольба его была исполнена.

Вотъ какую историческую легенду прочелъ хозяинъ; всѣ слушали внимательно, но живѣе, пламеннѣе всѣхъ внимала чтенію сидѣвшая въ углу служанка Сара, еврейка. Крупныя

слезы сверкали въ ея блестящихъ, черныхъ, какъ уголь, глазахъ. Она сохранила ту же дѣтскую душу, которая такъ жадно стремилась когда-то познать ученіе Евангелія. Слезы текли по ея лицу.

„Не позволяй нашей дочери стать христіанкой!“ были послѣднія слова ея матери на смертномъ одрѣ, и она хранила ихъ въ сердцѣ своемъ вмѣстѣ со словами заповѣди Божіей: „Чти отца твоего и матерь твою!“

„Меня, вѣдь, и не крестили!“ говорила она себѣ. „Всѣ зовутъ меня еврейкою! Еще въ воскресенье сосѣдніе мальчишки дразнили меня, когда я остановилась у открытой церковной двери и заглянула туда, гдѣ горѣли свѣчи и пѣлъ народъ. Но со времени дѣтства и до сихъ поръ христіанство неодолимо влечетъ меня къ себѣ; оно, словно солнечный свѣтъ, проникаетъ въ мое сердце, даже когда я нарочно закрываю глаза. Но я не огорчу тебя въ могилѣ, матушка. Я не измѣню обѣту, который далъ тебѣ отецъ! Я не стану читать христіанской Библіи, — у меня есть свое прибѣжище — Богъ отцовъ моихъ!“

Прошли еще года.

Хозяинъ Сары умеръ, хозяйка впала въ бѣдность, служанку надо было отпустить, но Сара не отошла. Она стала поддержкой вдовы въ нуждѣ, работала съ утра до поздней ночи и кормила ее трудами рукъ своихъ. У вдовы не было никого изъ близкихъ родственниковъ, кто бы помогалъ ей, а она, между тѣмъ, слабѣла день-ото-дня и по цѣлымъ мѣсяцамъ лежала въ постели. Кроткая, благочестивая Сара была для нея въ это время истымъ благословеніемъ Божіимъ; она бодрствовала по ночамъ и ухаживала за больной.

— Вонъ тамъ Библія! — сказала однажды больная. — Почитай мнѣ немножко! Вечеръ такой длинный, и я такъ нуждаюсь въ утѣшеніи словомъ Божіимъ.

Сара покорно склонила голову, взяла христіанскую Библію, раскрыла и стала читать больной. На глаза дѣвушки часто набѣгали слезы, но они становились отъ того еще яснѣе, а на душѣ у нея дѣлалось все свѣтлѣе. „Мать, дочь твоя не приметъ крещенія, не будетъ причислена къ христіанамъ; ты такъ потребовала, и я исполню твой завѣтъ. Мы останемся одной вѣры, эта связь не будетъ мною нарушена здѣсь, на землѣ, но *тамъ* насъ ждетъ — высшее единеніе въ Богѣ! Онъ спасаетъ

насъ отъ смерти. Онъ посѣщаетъ землю, и если дѣлаетъ ее жаждущею, то и обогащаетъ ее сторицею! Я понимаю это, хотя и сама не знаю, какъ дошла до того!.. Это все Онъ разъяснилъ мнѣ—Христосъ!"

И она вся задрожала, называя Его Святое имя; огненное крещеніе пронизало ея душу молніей, и слабое тѣло не вынесло: безъ чувствъ упала дѣвушка возлѣ больной, за которою ухаживала день и ночь.

— Бѣдная Сара!—сказали люди.—Она переутомила себя работой и бодрствованіемъ!

Ее отвезли въ больницу для бѣдныхъ, тамъ она и умерла; ее схоронили, но не на христіанскомъ кладбищѣ,—тамъ было не мѣсто еврейкѣ—а за оградою, у самой стѣны.

Но Божье солнышко, что свѣтило на могилы христіанъ, ласкало и могилу еврейки; пѣніе псалмовъ, раздававшееся надъ ихъ могилами, доносилось и до ея могилы. Да, и до нея доносились слова: „И воскреснемъ всѣ во Христѣ, Богѣ нашемъ, сказавшемъ ученикамъ своимъ: Іоаннъ крестилъ васъ водою, я же буду крестить Духомъ Святымъ".

БУТЫЛОЧНОЕ ГОРЛЫШКО.

Въ узкомъ, кривомъ переулкѣ, въ ряду другихъ жалкихъ домишекъ, стоялъ одинъ—узенькій, высокій, наполовину каменный, наполовину деревянный, готовый расползтись со всѣхъ концовъ. Жили въ немъ бѣдные люди; особенно бѣдная, убогая обстановка была въ коморкѣ, ютившейся подъ самою крышей. За окномъ коморки висѣла старая клѣтка, въ которой не было настоящаго стаканчика съ водой; вмѣсто него служило бутылочное горлышко, заткнутое пробкой и опрокинутое внизъ закупореннымъ концомъ. У открытаго окна стояла старая дѣвушка и угощала коноплянку свѣжимъ мокричникомъ, а птичка весело перепрыгивала съ жердочки на жердочку и заливалась пѣсенкой.

„Тебѣ хорошо пѣть!" сказало бутылочное горлышко, конечно, не такъ, какъ мы говоримъ,—бутылочное горлышко не можетъ говорить—оно только подумало, сказало это про себя, какъ иногда мысленно говорятъ сами съ собою люди. „Да, тебѣ хорошо пѣть! У тебя, небось, всѣ кости цѣлы! А вотъ, попробовала бы ты лишиться, какъ я, всего туловища, остаться

съ одной шеей, да ртомъ,—къ тому же заткнутымъ пробкой—небось, не запѣла бы! Впрочемъ, и то хорошо, что хоть кто-нибудь можетъ веселиться! Мнѣ не съ чего веселиться и пѣть, да я и не могу нынче пѣть! А въ былыя времена—когда я была еще цѣлою бутылкою—и я пѣвала, если по мнѣ водили мокрою пробкой. Меня даже звали когда-то жаворонкомъ, большимъ жаворонкомъ! Я бывала и въ лѣсу! Какъ же, меня брали съ собою въ день помолвки скорняковой дочки. Да, я помню все такъ живо, какъ будто дѣло было вчера! Много я пережила, какъ подумаю, прошла черезъ огонь и воду, побывала и подъ землею и въ поднебесьи, не то, что другіе! А теперь я опять парю въ воздухѣ и грѣюсь на солнышкѣ! Мою исторію стоитъ послушать! Но я не разсказываю ея вслухъ, да и не могу".

И горлышко разсказало ее самому себѣ, вѣрнѣе, продумало ее про себя; исторія и въ самомъ дѣлѣ была довольно замѣчательная; а коноплянка въ это время знай себѣ распѣвала въ клѣткѣ, внизу по улицѣ шли и ѣхали люди, каждый думалъ свое или совсѣмъ ни о чемъ не думалъ,—зато думало бутылочное горлышко!

Оно вспоминало огненную печь на стеклянномъ заводѣ, гдѣ въ бутылку вдунули жизнь, помнило, какъ горяча была молодая бутылка, какъ она смотрѣла въ бурлящую плавильную печь,—мѣсто своего рожденія—чувствуя пламенное желаніе броситься туда обратно. Но мало-по-малу она остыла и вполнѣ примирилась съ своимъ новымъ положеніемъ. Она стояла въ ряду другихъ братьевъ и сестеръ. Ихъ былъ тутъ цѣлый полкъ! Всѣ онѣ вышли изъ одной печки, но нѣкоторыя были предназначены для шампанскаго, другія для пива, а это разница! Впослѣдствіи случается, конечно, что и пивная бутылка наполняется драгоцѣннымъ Lacrymae Christi, а шампанская—ваксою, но все же природное назначеніе каждой сразу выдается ея фасономъ,—благородная останется благородной даже съ ваксой внутри!

Всѣ бутылки были упакованы; наша бутылка тоже; тогда она и не предполагала еще, что кончитъ въ видѣ бутылочнаго горлышка, въ должности стаканчика для птички,—должности, впрочемъ, въ сущности довольно почтенной: лучше быть хоть чѣмъ-нибудь, нежели ничѣмъ! Бѣлый свѣтъ бутылка увидала только въ ренсковомъ погребѣ; тамъ ее и другихъ ея товарокъ распаковали и выполоскали,—вотъ странное было ощущеніе!

Бутылка лежала пустая, безъ пробки, и ощущала въ желудкѣ какую-то пустоту, ей какъ будто чего-то недоставало, а чего — она и сама не знала. Но вотъ, ее налили чудеснымъ виномъ, закупорили и запечатали сургучомъ, а сбоку наклеили ярлычокъ: „Первый сортъ". Бутылка какъ будто получила первый дипломъ на экзаменѣ; но вино и въ самомъ дѣлѣ было хорошее, бутылка тоже. Въ молодости всякій болѣе или менѣе поэтъ, вотъ и въ нашей бутылкѣ что-то такъ и играло и пѣло о такихъ вещахъ, о которыхъ сама она и понятія не имѣла: о зеленыхъ, освѣщенныхъ солнцемъ, горахъ съ виноградниками по склонамъ, о веселыхъ дѣвушкахъ и парняхъ, что съ пѣснями собираютъ виноградъ, цѣлуются и хохочутъ... Да, жизнь такъ хороша! Вотъ что бродило и пѣло въ бутылкѣ, какъ въ душѣ молодыхъ поэтовъ,—они тоже зачастую сами не знаютъ, о чемъ поютъ.

Однажды утромъ бутылку купили,—въ погребъ явился мальчикъ отъ скорняка и потребовалъ бутылку вина самаго перваго сорта. Бутылка очутилась въ корзинѣ рядомъ съ окорокомъ, сыромъ и колбасой, чудеснѣйшимъ масломъ и булками. Дочка скорняка сама укладывала все въ корзинку. Дѣвушка была молоденькая, хорошенькая; черные глазки ея такъ и смѣялись, на губахъ играла улыбка, такая же выразительная, какъ и глазки. Ручки у нея были тонкія, мягкія, бѣлыя-пребѣлыя, но грудь и шейка еще бѣлѣе. Сразу было видно, что она одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ въ городѣ, и—представьте— еще не была просватана!

Вся семья отправлялась въ лѣсъ; корзинку съ припасами дѣвушка везла на колѣняхъ; бутылочное горлышко высовывалось изъ подъ бѣлой скатерти, которою была накрыта корзина. Красная сургучная головка бутылки глядѣла прямо на дѣвушку и на молодого штурмана, сына ихъ сосѣда-живописца, товарища дѣтскихъ игръ красотки, сидѣвшаго рядомъ съ нею. Онъ только-что блестяще сдалъ свой экзаменъ, а на слѣдующій день уже долженъ былъ отплыть на кораблѣ въ чужія страны. Объ этомъ много толковали во время сборовъ въ лѣсъ, и въ эти минуты во взорѣ и въ выраженіи личика хорошенькой дочки скорняка не замѣчалось особенной радости.

Молодые люди пошли бродить по лѣсу. О чемъ они бесѣдовали? Да, вотъ этого бутылка не слыхала; она, вѣдь, оставалась въ корзинѣ и успѣла даже соскучиться, стоя тамъ. Но, наконецъ, ее вытащили, и она сразу увидала, что дѣла успѣли

за это время принять самый веселый оборотъ: глаза у всѣхъ такъ и смѣялись, дочка скорняка улыбалась, но говорила какъ-то меньше прежняго, щечки же ея такъ и цвѣли розами.

Отецъ взялъ бутылку съ виномъ и штопоръ... А странное ощущеніе испытываешь, когда тебя откупориваютъ въ первый разъ! Бутылка никогда уже не могла забыть той торжественной минуты, когда пробку изъ нея точно вышибло, и у нея вырвался глубокій вздохъ облегченія, а вино забулькало въ стаканы: клю-клю-клюкъ!

— За здоровье жениха и невѣсты!—сказалъ отецъ, и всѣ опорожнили свои стаканы до дна, а молодой штурманъ поцѣловалъ красотку-невѣсту.

— Дай Богъ вамъ счастья!—прибавили старики.

Молодой морякъ еще разъ наполнилъ стаканы и воскликнулъ:

— За мое возвращеніе домой и нашу свадьбу—ровно черезъ годъ!—И когда стаканы были осушены, онъ схватилъ бутылку и подбросилъ ее высоко-высоко въ воздухъ:—Ты была свидѣтельницею прекраснѣйшихъ минутъ моей жизни, такъ не служи же больше никому!

Дочкѣ скорняка и въ голову тогда не приходило, что она опять когда-нибудь увидитъ ту же бутылку высоко-высоко въ воздухѣ, а пришлось таки.

Бутылка упала въ густой тростникъ, росшій по берегамъ маленькаго лѣсного озера. Бутылочное горлышко живо еще помнило, какъ она лежала тамъ и размышляла: „Я угостила ихъ виномъ, а они угощаютъ меня теперь болотною водой, но, конечно, отъ добраго сердца!“ Бутылкѣ уже не было видно ни жениха, ни невѣсты, ни счастливыхъ старичковъ, но она еще долго слышала ихъ веселое ликованіе и пѣніе. Потомъ явились два крестьянскихъ мальчугана, заглянули въ тростникъ, увидали бутылку и взяли ее,—теперь она была пристроена.

Жили мальчуганы въ маленькомъ домикѣ въ лѣсу; вчера старшій братъ ихъ, матросъ, приходилъ къ нимъ прощаться; онъ уѣзжалъ въ дальнее плаванье; и вотъ, мать возилась теперь, укладывая въ его сундукъ то то, то другое, нужное ему въ дорогу; вечеромъ отецъ самъ хотѣлъ отнести сундукъ въ городъ, чтобы еще разъ проститься съ сыномъ и передать ему благословеніе матери. Въ сундукъ была уложена и маленькая бутылочка съ настойкой. Вдругъ явились мальчики съ большою бутылкой, куда лучше и прочнѣе маленькой. Въ нее настойки

могло войти гораздо больше, а настойка-то была очень хорошая и даже цѣлебная—полезная для желудка. Итакъ, бутылку наполнили уже не краснымъ виномъ, а горькою настойкой, но и это хорошо—для желудка. Въ сундукъ, вмѣсто маленькой, была уложена большая бутылка, и послѣдняя, такимъ образомъ, отправилась въ плаваніе вмѣстѣ съ Петромъ Іенсеномъ, а онъ служилъ на одномъ кораблѣ съ молодымъ штурманомъ. Но молодой человѣкъ не увидѣлъ бутылки, да если бы и увидѣлъ— не узналъ бы; ему бы и въ голову не пришло, что это та самая, изъ которой они пили въ лѣсу за его помолвку и счастливое возвращеніе домой.

Правда, въ бутылкѣ больше не было вина, но кое-что не хуже, и Петръ Іенсенъ частенько вынималъ свою „аптеку", какъ величали бутылку его товарищи, и наливалъ имъ лекарства, которое такъ хорошо дѣйствовало на желудокъ. И лекарство сохраняло свое цѣлебное свойство вплоть до послѣдней своей капли. Веселое то было времячко! Бутылка даже пѣла, когда по ней водили пробкой, и за это ее прозвали „большимъ жаворонкомъ" или „жаворонкомъ Петра Іенсена".

Прошло много времени; бутылка давно стояла въ углу пустою; вдругъ стряслась бѣда. Случилось-ли несчастье еще на пути въ чужіе края или уже на обратномъ пути—бутылка не знала,—она, вѣдь, ни разу не сходила на берегъ. Разразилась буря; огромныя черныя волны бросали корабль, какъ мячикъ, мачта сломалась, въ кораблѣ образовалась пробоина и течь, помпы перестали дѣйствовать. Тьма стояла непроглядная, корабль накренился и началъ погружаться въ воду. Въ эти-то послѣднія минуты молодой штурманъ успѣлъ набросать на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ: „Господи помилуй! Мы погибаемъ!" Потомъ онъ написалъ имя своей невѣсты, свое и названіе корабля, свернулъ бумажку въ трубочку, сунулъ въ первую попавшуюся пустую бутылку, крѣпко заткнулъ ее пробкой и бросилъ въ бушующія волны. Онъ и не зналъ, что это та самая бутылка, изъ которой онъ наливалъ въ стаканы доброе вино въ счастливый день своей помолвки. Теперь она, качаясь, поплыла по волнамъ, унося его прощальный предсмертный привѣтъ.

Корабль пошелъ ко дну, весь экипажъ тоже, а бутылка понеслась по морю, какъ птица; она несла, вѣдь, сердечный привѣтъ жениха невѣстѣ! Солнышко вставало и садилось,

напоминая бутылкѣ раскаленную печь, въ которой она родилась и въ которую ей такъ хотѣлось тогда кинуться обратно. Испытала она и штиль, и новыя бури, но не разбилась о скалы, не угодила въ пасть акулѣ. Больше года носилась она по волнамъ туда и сюда; правда, она была въ это время сама себѣ госпожей, но и это, вѣдь, можетъ надоѣсть.

Исписанный клочокъ бумаги, послѣднее „прости“ жениха невѣстѣ, принесъ бы съ собою одно горе, попади онъ въ руки той, кому былъ адресованъ. Но гдѣ же были тѣ бѣленькія ручки, что разстилали бѣлую скатерть на свѣжей травкѣ, въ зеленомъ лѣсу, въ счастливый день обрученія? Гдѣ была дочка скорняка? И гдѣ была самая родина бутылки? Къ какой странѣ она теперь приближалась? Ничего этого она не знала. Она носилась и носилась по волнамъ, такъ что подъ конецъ даже соскучилась. Носиться по волнамъ было вовсе не ея дѣло, и все-таки она носилась, пока, наконецъ, не приплыла къ берегу чужой земли. Она не понимала ни слова изъ того, что говорилось вокругъ нея: говорили на какомъ-то чужомъ, незнакомомъ ей, языкѣ, а не на томъ, къ которому она привыкла на родинѣ; не понимать же языка, на которомъ говорятъ вокругъ — большая потеря!

Бутылку поймали, осмотрѣли, увидали и вынули записку, вертѣли ее и такъ, и сякъ, но разобрать не разобрали, хоть и поняли, что бутылка была брошена съ погибающаго корабля, и что обо всемъ этомъ говорится въ запискѣ. Но что именно? Да, вотъ, въ томъ-то вся и штука! Записку сунули обратно въ бутылку, а бутылку поставили въ большой шкафъ, что стоялъ въ большой горницѣ большого дома.

Всякій разъ, какъ въ домѣ появлялся новый гость, записку вынимали, показывали, вертѣли и разглядывали, такъ что буквы, написанныя карандашомъ, мало-по-малу стирались и подъ конецъ совсѣмъ стерлись, — никто бы и не сказалъ теперь, что на этомъ клочкѣ было когда-то что-либо написано. Бутылка же простояла въ шкафу еще съ годъ, потомъ попала на чердакъ, гдѣ вся покрылась пылью и паутиною. Стоя тамъ, она вспоминала лучшіе дни, когда изъ нея наливали красное вино въ зеленомъ лѣсу, когда она качалась на морскихъ волнахъ, нося въ себѣ тайну, письмо, послѣднее прости!..

На чердакѣ она простояла цѣлыхъ двадцать лѣтъ; простояла бы и дольше, да домъ вздумали перестраивать. Крышу сняли,

увидали бутылку и заговорили что-то, но она попрежнему не понимала ни слова,—языку, вѣдь, не выучишься, стоя на чердакѣ, стой тамъ хоть двадцать лѣтъ! „Вотъ, если бы я оставалась внизу, въ комнатѣ“, справедливо разсуждала бутылка, „я бы навѣрное выучилась!“

Бутылку вымыли и выполоскали,—она въ этомъ очень нуждалась. И вотъ, она вся прояснилась, просвѣтлѣла, словно помолодѣла вновь; зато записку, которую она носила въ себѣ, выплеснули изъ нея вмѣстѣ съ водой.

Бутылку наполнили какими-то незнакомыми ей сѣменами; заткнули пробкой и такъ старательно упаковали, что ей не стало видно даже свѣта Божьяго, не то что солнца, или мѣсяца, „а, вѣдь, надо же что-нибудь видѣть, когда путешествуешь“, думала бутылка, но такъ-таки ничего и не увидала. Главное дѣло было, однако, сдѣлано, она отправилась въ путь и прибыла, куда слѣдовало. Тутъ ее распаковали.

— Вотъ ужъ постарались-то они тамъ, за-границей! Ишь, какъ упаковали, и все-таки она, пожалуй, треснула!—услыхала бутылка; но оказалось, что она не треснула.

Бутылка понимала каждое слово; говорили на томъ же языкѣ, который она слышала, выйдя изъ плавильной печи, слышала и у виноторговца, и въ лѣсу, и на кораблѣ, словомъ—на единственномъ, настоящемъ, понятномъ и хорошемъ, родномъ языкѣ! Она опять очутилась дома, на родинѣ! Отъ радости она чуть было не выпрыгнула изъ рукъ и едва обратила вниманіе на то, что ее откупорили, опорожнили, а потомъ поставили въ подвалъ, гдѣ и позабыли. Но дома хорошо и въ подвалѣ. Ей и въ голову не приходило считать, сколько времени она тутъ простояла, а долго таки пришлось! Но вотъ, опять пришли люди и взяли всѣ находившіяся въ подвалѣ бутылки, въ томъ числѣ и нашу.

Садъ былъ великолѣпно разукрашенъ; надъ дорожками перекидывались гирлянды изъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, бумажные фонари свѣтились, словно прозрачные тюльпаны. Вечеръ былъ чудный, погода ясная и тихая. На небѣ сіяли звѣздочки и молодая луна; виденъ былъ, впрочемъ, не только золотой, серповидный краешекъ ея, но и весь сѣро-голубой кругъ,—виденъ, конечно, только тому, у кого были хорошіе глаза.

Въ боковыхъ аллеяхъ тоже горѣла иллюминація, хоть и не такая блестящая, какъ въ главныхъ, но вполнѣ достаточная,

чтобы люди не спотыкались въ потьмахъ. Здѣсь, между кустами, были разставлены бутылки съ воткнутыми въ нихъ зажженными свѣчами; здѣсь-то находилась и наша бутылка, которой суждено было въ концѣ-концовъ служить стаканчикомъ для птички. Бутылка была въ восторгѣ; она опять очутилась среди зелени, опять вокругъ нея шло веселье, раздавались пѣніе и музыка, смѣхъ и говоръ толпы, особенно густой тамъ, гдѣ качались гирлянды разноцвѣтныхъ шкаликовъ и отливали яркими красками бумажные фонари. Сама бутылка, правда, стояла въ боковой аллеѣ, но тутъ-то и можно было помечтать; она держала свѣчу— служила и для красы, и для пользы, а въ этомъ-то вся и суть. Въ такія минуты забудешь даже двадцать лѣтъ, проведенныхъ на чердакѣ,—чего же лучше!

Мимо бутылки прошла подъ руку парочка, ну, точь-въ-точь, какъ та парочка въ лѣсу—штурманъ съ дочкой скорняка; бутылка вдругъ словно перенеслась въ прошлое. Въ саду гуляли приглашенные гости, гуляли и посторонніе, которымъ позволено было полюбоваться гостями и красивымъ зрѣлищемъ; въ числѣ ихъ находилась и старая дѣвушка, круглая сирота, но не безъ друзей. Думала она о томъ же, о чемъ и бутылка; ей тоже вспоминался зеленый лѣсъ и молодая парочка, которая была такъ близка ея сердцу,—вѣдь, она сама участвовала въ той веселой прогулкѣ, сама была тою счастливою невѣстой! Она провела тогда въ лѣсу счастливѣйшіе часы своей жизни, а ихъ не забудешь даже, ставъ старою дѣвой! Но она не узнала бутылки, да и бутылка не узнала ея. Такъ случается на свѣтѣ сплошь да рядомъ: старые знакомые встрѣчаются и расходятся, не узнавъ другъ друга, до новой встрѣчи.

И бутылку ждала новая встрѣча со старою знакомою,—онѣ, вѣдь, находились теперь въ одномъ и томъ же городѣ.

Изъ сада бутылка попала къ виноторговцу, опять была наполнена виномъ и продана воздухоплавателю, который въ слѣдующее воскресенье долженъ былъ подняться на воздушномъ шарѣ. Собралось множество публики, играла полковая музыка; шли большія приготовленія. Бутылка видѣла все это изъ корзины, гдѣ она лежала рядомъ съ живымъ кроликомъ. Бѣдняжка кроликъ былъ совсѣмъ разстроенъ,—онъ зналъ, что его спустятъ внизъ съ высоты на парашютѣ! Бутылка же и не знала, куда они полетятъ—вверхъ или внизъ; она видѣла только, что шаръ надувался все больше и больше, потомъ приподнялся съ

земли и сталъ порываться въ высь, но веревки все еще крѣпко держали его. Наконецъ, ихъ обрѣзали, и шаръ взвился въ воздухъ вмѣстѣ съ воздухоплавателемъ, корзиною, бутылкою и кроликомъ. Музыка гремѣла, а народъ кричалъ: „Ура!"

„А какъ-то странно летѣть по воздуху!" подумала бутылка. „Вотъ новый способъ плаванья! Тутъ, по крайней мѣрѣ, не наткнешься на камень!"

Многотысячная толпа смотрѣла на шаръ; смотрѣла изъ своего открытаго окна и старая дѣвушка; за окномъ висѣла клѣтка съ коноплянкой, обходившейся еще, вмѣсто стаканчика, чайною чашкой. На подоконникѣ стояло миртовое деревцо; старая дѣвушка отодвинула его въ сторону, чтобы не уронить, высунулась изъ окна и ясно различила на высотѣ шаръ и воздухоплавателя, который спустилъ на парашютѣ кролика, потомъ выпилъ изъ бутылки за здоровье жителей и швырнулъ ее кверху. Дѣвушкѣ и въ голову не пришло, что это та самая бутылка, которую подбросилъ высоко въ воздухъ ея женихъ, въ зеленомъ лѣсу, въ счастливѣйшій день ея жизни!

У бутылки же и времени не было ни о чемъ подумать,— она такъ неожиданно очутилась на зенитѣ своего жизненнаго пути. Башни и крыши домовъ лежали гдѣ-то тамъ, внизу, люди казались такими крохотными!..

И вотъ, она стала падать внизъ, да куда быстрѣе, чѣмъ кроликъ; она кувыркалась и плясала въ воздухѣ, чувствовала себя такою молодою, такою жизнерадостною, вино въ ней такъ и играло, но недолго, — вылилось. Вотъ такъ полетъ былъ! Солнечные лучи отражались на ея стеклянныхъ стѣнкахъ, всѣ люди смотрѣли только на нее,—шаръ уже скрылся; скоро скрылась изъ глазъ зрителей и бутылка. Она упала на крышу и разбилась. Осколки, однако, еще не сразу успокоились— прыгали и скакали по крышѣ, пока не очутились на дворѣ и не разбились о камни въ еще болѣе мелкіе кусочки. Уцѣлѣло одно горлышко; его словно отрѣзало алмазомъ!

— Вотъ славный стаканчикъ для птицы!—сказалъ погребщикъ, но у самого у него не было ни птицы, ни клѣтки, а обзаводиться ими только потому, что попалось ему бутылочное горлышко, годное для стаканчика, было бы ужъ черезчуръ! А вотъ, старой дѣвушкѣ, что жила на вышкѣ, оно могло пригодиться, и бутылочное горлышко попало къ ней; его заткнули пробкой, перевернули верхнимъ концемъ внизъ,—такія пере-

мѣны часто случаются на свѣтѣ — налили въ него свѣжей воды и подвѣсили къ клѣткѣ, въ которой такъ и заливалась коноплянка.

— Да, тебѣ хорошо пѣть!—сказало бутылочное горлышко, а оно было замѣчательное—летало на воздушномъ шарѣ. Остальныя обстоятельства его жизни не были извѣстны никому. Теперь оно служило стаканчикомъ для птицы, качалось въ воздухѣ вмѣстѣ съ клѣткой, до него доносились съ улицы грохотъ экипажей и говоръ толпы, изъ коморки же—голосъ старой дѣвушки. Къ ней пришла въ гости ея старая пріятельница-ровесница, и разговоръ шелъ—не о бутылочномъ горлышкѣ, но о миртовомъ деревцѣ, что стояло на окнѣ.

— Право, тебѣ незачѣмъ тратить двухъ риксдалеровъ на свадебный вѣнокъ для дочки!—говорила старая дѣвушка.— Возьми мою мирту! Видишь, какая чудесная, вся въ цвѣтахъ! Она выросла изъ отводка той мирты, что ты подарила мнѣ на другой день послѣ моей помолвки. Я собиралась свить изъ нея вѣнокъ ко дню своей свадьбы, но этого дня я такъ и недождалась! Закрылись тѣ очи, что должны были свѣтить мнѣ на радость и счастье всю жизнь! На днѣ морскомъ спитъ мой милый женихъ!.. Мирта состарилась, а я еще больше! Когда же она начала засыхать, я взяла отъ нея послѣднюю свѣжую вѣточку и посадила ее въ землю. Вотъ какъ она разрослась и попадетъ таки на свадьбу,—мы совьемъ изъ ея вѣтвей свадебный вѣнокъ для твоей дочки!

На глазахъ у старой дѣвушки навернулись слезы; она стала вспоминать друга юныхъ лѣтъ, помолвку въ лѣсу, тостъ за ихъ здоровье, подумала о первомъ поцѣлуѣ... но не упомянула о немъ,—она была, вѣдь, уже старою дѣвой! О многомъ вспоминала и думала она, только не о томъ, что за окномъ, такъ близко отъ нея, находится еще одно воспоминаніе того времени—горлышко той самой бутылки, изъ которой съ такимъ шумомъ вышибло пробку, когда пили за здоровье обрученныхъ. Да и само горлышко не узнало старой знакомой, оно и не слушало, что она разсказывала—отчасти, да и вообще потому, что думало только о самомъ себѣ.

КАМЕНЬ МУДРЕЦОВЪ.

Ты, вѣдь, знаешь сказаніе о Гольгерѣ-Данске? Мы не собираемся пересказывать его, а просто спрашиваемъ, помнишь-ли ты, что „Гольгеръ-Данске покорилъ великую Индію до восточнаго края свѣта, до самаго „солнечнаго дерева“, какъ разсказываетъ Христіанъ Педерсенъ*). Ты, вѣдь, знаешь, кто былъ Христіанъ Педерсенъ? А и не знаешь—не бѣда! Гольгеръ-Данске вручилъ власть надъ страною священнику Іонѣ. Знаешь ты что-нибудь о священникѣ Іонѣ? А и не знаешь—тоже не бѣда! Онъ не играетъ въ нашемъ разсказѣ никакой роли. Мы разскажемъ тебѣ о „солнечномъ деревѣ“, растущемъ „въ Индіи, на восточномъ краю свѣта“, какъ толковали во время оно люди,—они не учились географіи, какъ мы съ тобою, но и это, вѣдь, не бѣда!

Солнечное дерево было чудо что за дерево, какого и мы не видывали, и ты никогда не увидишь. Густолиственная вершина его бросала тѣнь на нѣсколько миль кругомъ; дерево было въ сущности настоящимъ лѣсомъ, каждая отдѣльная маленькая вѣтвь—цѣлымъ деревомъ; тутъ были и пальмы, и буки, и платаны, и пихты; словомъ, всевозможныя породы деревьевъ, какія только существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, росли въ видѣ побѣговъ на большихъ вѣтвяхъ. Большія же вѣтви, извилистыя и суковатыя, являлись настоящими долинами и холмами, устланными мягкимъ, какъ бархатъ, зеленымъ ковромъ, усыпаннымъ цвѣтами. Каждая вѣтвь напоминала висящій въ воздухѣ цвѣтущій лугъ или чудеснѣйшій садъ. Солнышко вѣчно ласкало дерево своими благодатными лучами,—недаромъ же оно звалось „солнечнымъ деревомъ“. Къ нему слетались птицы со всѣхъ концовъ свѣта: изъ дальнихъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, изъ розовыхъ садовъ Дамаска, даже изъ лѣсныхъ пустынь Африки, гдѣ львы и слоны мнятъ себя полновластными хозяевами. Прилетали сюда и полярныя птицы, и—само собою—и аисты съ ласточками. Но не однѣ птицы обитали на деревѣ; олень, бѣлка, антилопы и другія быстроногія, прекрасныя животныя тоже чувствовали себя здѣсь какъ дома. И немудрено: густая, кудрявая вершина дерева была, вѣдь, огромнымъ, благоухающимъ

*) Имя выдающагося датскаго ученаго († 1554 г.), издавшаго „Kong Olger Danskis Krönike“, Malmö, 1534. *Примѣч. перев.*

садомъ. Посреди же этого сада, тамъ, гдѣ раскинулись зеленые склоны самыхъ большихъ вѣтвей, возвышался хрустальный зàмокъ; изъ оконъ его открывался видъ на всѣ четыре страны свѣта.

Каждая башня зàмка напоминала лилію, по стебельку которой можно было подняться на самый верхъ—въ стебелькѣ была, вѣдь, внутренняя лѣстница, понимаешь?—и ступить на края отогнутыхъ лепестковъ, изображавшихъ балконы; въ самой же чашечкѣ находилась чудеснѣйшая, блестящая зала, но вмѣсто потолка здѣсь служило голубое небо, озаренное солнцемъ, или усѣянное звѣздами. Хорошо было, хоть и на другой ладъ, и въ нижнихъ залахъ зàмка: на стѣнахъ отражался весь міръ, все, что происходило на землѣ,—и газетъ не надо было; кстати ихъ въ зàмкѣ и не получалось. Все можно было увидѣть и узнать изъ этихъ живыхъ картинъ, лишь бы хватило времени, да охоты, но невозможное—невозможно даже для перваго мудреца въ свѣтѣ, а въ зàмкѣ какъ-разъ и жилъ такой мудрецъ. Имя его трудно и произнести; тебѣ ни за что не выговорить, да и не велика бѣда. Онъ зналъ все, что только можетъ знать или узнать человѣкъ на землѣ, былъ посвященъ во всѣ открытія, прошлаго, настоящаго и будущаго; но дальше этого его знанія не простирались,—всему есть границы! Самъ мудрый царь Соломонъ былъ лишь въ половину такъ уменъ, какъ онъ, а царь Соломонъ былъ, вѣдь, очень уменъ: онъ повелѣвалъ силами природы и могучими духами; сама смерть обязана была каждое утро присылать ему списокъ людей, которыхъ собиралась похитить днемъ. И всетаки царь Соломонъ долженъ былъ умереть,—вотъ эта-то мысль и не давала покоя мудрецу, могущественному владѣтелю зàмка на солнечномъ деревѣ. И онъ, какъ ни возвышался своею мудростью надъ всѣми людьми, долженъ былъ когда-нибудь умереть, и дѣти его—тоже. Всѣ они должны были увянуть, опасть и превратиться въ прахъ, какъ древесныя листья; онъ зналъ это, онъ видѣлъ, какъ осыпались и превращались въ прахъ поколѣнія людскія. На мѣстѣ опавшихъ листьевъ выростали на деревѣ новыя, тѣ же, что опали, никогда не возрождались вновь, а превращались въ прахъ, переходили въ другія растительныя части; но что же происходило послѣ смерти съ людьми? Что такое самая смерть? Тѣло превращается въ прахъ, а душа? Чѣмъ является душа въ тѣлѣ и чѣмъ она становится потомъ? Что ее ждетъ? „Жизнь вѣчная“ —утѣшаетъ насъ религія, но какъ же свершается

переходъ въ эту жизнь? Гдѣ живетъ душа и какъ? „На небѣ“ — говорятъ благочестивые люди: — „И мы пойдемъ туда же!“

— Туда! — повторялъ мудрецъ, глядя вверхъ на голубое небо, на солнце и на звѣзды! Туда!

Но, бросивъ съ круглаго шара земли испытующій взоръ въ пространство, онъ нашелъ, что и верхъ и низъ тутъ безразличны, —все зависитъ отъ того, съ какой точки земного шара смотрѣть въ пространство! А, поднявшись на высочайшія горы, онъ увидалъ, что самое воздушное пространство, которое кажется намъ съ земной плоскости такимъ голубымъ, прозрачнымъ, это „ясное небо“, какъ мы его называемъ, есть въ сущности сплошной густой мракъ, тяжело облегающій землю; увидалъ, что солнце — огромный раскаленный шаръ, безъ лучей, а наша земля—шарикъ, окутанный оранжевымъ туманомъ. Да, тѣлесный взоръ человѣка вездѣ встрѣчаетъ границы, и за нихъ не въ силахъ проникнуть даже духовный взоръ его. Какъ же ничтожны наши знанія, если и мудрѣйшій изъ людей зналъ о томъ, что для насъ важнѣе всего, такъ мало!

Въ потайной комнатѣ зàмка хранилось величайшее земное сокровище—„книга Истины“. И мудрецъ читалъ изъ нея страницу за страницей. Эту книгу можетъ читать каждый человѣкъ, но лишь отрывками: въ иныхъ мѣстахъ буквы такъ прыгаютъ передъ глазами, что нельзя разобрать не единаго слова, а въ иныхъ онѣ до того блѣдны, что глазъ видитъ лишь чистую неисписанную страницу. Чѣмъ мудрѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ можетъ прочесть изъ этой книги, и нашъ мудрецъ прочелъ ее почти всю.

Онъ умѣлъ собирать свѣтъ звѣздъ, свѣтъ солнца, вызывать скрытый свѣтъ сокровенныхъ силъ природы и свѣтъ ума, и, благодаря такому яркому освѣщенію, становились видимыми даже самыя блѣдныя буквы. Но въ концѣ книги, въ главѣ „Жизнь послѣ смерти“, и онъ не могъ прочесть ничего, кромѣ самаго заглавія. Это сильно огорчало мудреца. Неужели ему такъ и не удастся найти здѣсь на землѣ такого сильнаго источника свѣта, который освѣтилъ бы содержаніе этихъ послѣднихъ страницъ „книги Истины“?

Мудрецъ, какъ и царь Соломонъ, понималъ языкъ животныхъ, умѣлъ вслушиваться въ рѣчи звѣрей и пѣніе птицъ, но толку отъ этого было мало. Онъ умѣлъ извлекать изъ растеній и металловъ цѣлебныя силы, которыя могли изгонять болѣзни,

даже оттонять смерть, но побѣдить ее совсѣмъ не могли. Во всей природѣ, во всемъ, что было ему доступно, искалъ онъ свѣта, который бы могъ озарить для него будущую жизнь, но не находилъ, и послѣднія страницы „книги Истины“ оставались для него бѣлыми страницами. Христіанское ученіе, правда, предлагало ему утѣшеніе, обѣщая вѣчную жизнь за гробомъ, но про эту-то жизнь ему и хотѣлось прочесть въ своей книгѣ, а тамъ его глаза видѣли лишь бѣлую страницу.

У мудреца было пятеро дѣтей: четверо сыновей, которымъ онъ далъ такое воспитаніе и обученіе, какое только можетъ дать своимъ дѣтямъ мудрѣйшій изъ отцевъ, и дочь, красавица, кроткая, умная, но слѣпая. Она, впрочемъ, казалось и не ощущала этого недостатка; отецъ и братья замѣняли ей глаза, а необыкновенная душевная чуткость — непосредственныя зрительныя ощущенія.

Сыновья никогда не уходили далеко отъ дома, никогда не переступали черты, за которую уже не падала тѣнь отъ вѣтвей солнечнаго дерева; сестра ихъ и подавно. Хорошо жилось дѣтямъ въ родительскомъ домѣ, подъ сѣнью чудеснаго, благоухающаго солнечнаго дерева. Какъ и всѣ дѣти, они очень любили слушать разсказы, и отецъ разсказывалъ имъ много, чего другіе дѣти и не поняли бы, но эти были такъ умны, какъ у насъ бываютъ развѣ только умудренные долгою жизнью старцы. Отецъ объяснялъ имъ живыя картины, отражавшіяся на стѣнахъ замка, объяснялъ ходъ земныхъ событій и дѣянія людей, и сыновья часто выражали желаніе побывать въ свѣтѣ, чтобы самимъ окунуться въ водоворотъ жизни, но отецъ говорилъ имъ, что въ свѣтѣ живется трудно и горько, что дѣйствительность не совсѣмъ-то такова, какою они ее себѣ представляютъ отсюда, изъ своего чудеснаго дѣтскаго мірка. Онъ говорилъ дѣтямъ о добрѣ, истинѣ и красотѣ, говорилъ, что изъ нихъ-то, подъ тяжкимъ давленіемъ свѣта, образуется драгоцѣнный камень, свѣтлѣе брилліанта самой чистѣйшей воды; блескъ его угоденъ Богу и затмѣваетъ собою рѣшительно все; этотъ-то камень собственно и есть то, что называютъ „камнемъ мудрецовъ“. Затѣмъ онъ сказалъ имъ, что, какъ можно дойти до увѣренности въ существованіи Творца, изучая сотворенное, такъ можно дойти до увѣренности въ существованіи упомянутаго камня, изучая людей. Большаго о камнѣ онъ разсказать имъ не могъ,—большаго онъ и самъ не зналъ. Другимъ дѣтямъ

трудно было бы понять все это, но дѣти мудреца поняли, а впослѣдствіи поймутъ, можетъ быть, и другія.

Выслушавъ отца, они начали разспрашивать его объ истинѣ, добрѣ и красотѣ подробнѣе, и онъ разсказалъ имъ все, что зналъ самъ. Между прочимъ, онъ сказалъ имъ, что Богъ, создавъ человѣка изъ земли, подарилъ его пятью огненными сердечными поцѣлуями, и съ каждымъ поцѣлуемъ человѣкъ получалъ одно изъ своихъ „пяти чувствъ", какъ мы ихъ называемъ. Ими-то мы и познаемъ красоту, истину и добро, ими истина, добро и красота оцѣниваются, защищаются и поощряются; каждое изъ этихъ пяти чувствъ подраздѣляется на внѣшнее и внутреннее, духовное; одно изъ нихъ корень, другое верхушка, одно тѣло, другое душа.

Дѣти много думали о словахъ отца; камень мудрецовъ не выходилъ у нихъ изъ головы ни днемъ, ни ночью. Наконецъ, старшему приснился чудный сонъ, но — вотъ диво! — то же самое приснилось и второму, и третьему, и четвертому! Каждому брату снилось, что онъ отправляется странствовать по бѣлу-свѣту и находитъ камень мудрецовъ, который горитъ у него во лбу яркимъ пламенемъ въ то время, какъ онъ мчится по бархатнымъ лугамъ и отцовскому саду на своемъ быстромъ, какъ вѣтеръ, конѣ обратно въ отчій домъ. И драгоцѣнный камень отбросилъ на страницы книги Истины такой небесный свѣтъ, что стали видны и письмена въ главѣ „Жизнь послѣ смерти". Сестрѣ же не снилось ничего такого; ей и въ голову не приходило пуститься странствовать по свѣту,—весь свѣтъ заключался для нея въ отцовскомъ домѣ.

— Я отправлюсь въ путь!—сказалъ старшій. — Пора мнѣ узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ и самому окунуться въ море житейское. Я стремлюсь только къ добру и истинѣ, а, благодаря имъ, я обрѣту и красоту! Многое измѣнится въ мірѣ, когда я возьмусь за дѣло!

Да, замыслы-то у него были отважные и великіе, какъ и у всѣхъ насъ, пока мы сидимъ у себя въ углу, за печкой, не испытавъ еще ни дождя, ни непогоды, не изранивъ себѣ ногъ терніями, растущими на пути жизни!

У каждаго брата всѣ пять чувствъ—и внѣшнія, и внутреннія—были развиты превосходно, но одно всетаки играло преобладающую роль. У старшаго брата такимъ чувствомъ являлось зрѣніе. Оно-то и должно было сослужить ему главную

службу. Онъ, по его словамъ, проникалъ взоромъ во всѣ времена, во всѣ дѣянія людскія, даже въ нѣдра земли, гдѣ скрываются сокровища, и въ сердца людей, словно люди были изъ прозрачнаго стекла! Иначе говоря, онъ видѣлъ побольше, чѣмъ можемъ видѣть мы, глядя на вспыхивающее румянцемъ или блѣднѣющее лицо и всматриваясь въ смѣющіеся или плачущіе глаза. Олень и антилопа проводили старшаго брата до западной границы, а тамъ онъ увидалъ дикихъ лебедей, летѣвшихъ къ сѣверо-западу, и послѣдовалъ за ними. Скоро онъ очутился далеко-далеко отъ родины, отъ „восточнаго края свѣта“.

Вотъ глаза-то у него разбѣжались! Было таки на что посмотрѣть тутъ! А видѣть что-нибудь въ дѣйствительности совсѣмъ иное, нежели на картинкахъ, хоть бы и на хорошихъ,— тѣ, что были у него дома, въ отцовскомъ замкѣ, были, вѣдь, необыкновенно хороши. Въ первую минуту онъ чуть не ослѣпъ отъ удивленія, при видѣ всего того хлама, что выдавался людьми за прекрасное; но видно глаза ему еще могли пригодиться,—конечно, не для того же они были ему даны!—и онъ не ослѣпъ.

Придя въ себя, онъ рѣшилъ основательно и добросовѣстно приступить къ изученію истины, добра и красоты; но что же собственно было истиною, добромъ и красотой? Онъ увидалъ, что люди зачастую вѣнчаютъ цвѣтами вмѣсто красоты уродство, истиннаго добра не замѣчаютъ, награждаютъ посредственность рукоплесканіями, а не свистками, смотрятъ на имя, а не на достоинство, на платье, а не на самого человѣка, на должность, а не на призваніе. Да и чего отъ нихъ требовать?

— Да, надо мнѣ хорошенько взяться за дѣло!—подумалъ онъ и взялся.

Но пока онъ доискивался истины, явился дьяволъ, отецъ лжи и самъ ложь. Онъ бы съ удовольствіемъ выцарапалъ провидцу оба глаза, но это былъ бы ужъ слишкомъ рѣзкій пріемъ, дьяволъ обыкновенно приступаетъ къ дѣлу болѣе тонко. Онъ оставилъ провидца отыскивать истину, да разглядывать добро, но пока тотъ разглядывалъ, вдунулъ ему сучокъ сперва въ одинъ глазъ, а затѣмъ и въ другой, ну, а это не послужитъ въ пользу никакому зрѣнію, даже самому острому! Потомъ дьяволъ принялся раздувать сучки въ бревна, и тогда— прощай зрѣніе! Провидецъ очутился на торжищѣ жизни слѣпымъ, и не хотѣлъ довѣриться никому. Теперь онъ сталъ

иного мнѣнія о свѣтѣ, отчаялся во всемъ и во всѣхъ, даже въ самомъ себѣ, а разъ человѣкъ дошелъ до такого отчаянія—онъ пропалъ.

— Пропалъ!—запѣли дикіе лебеди, улетая на востокъ.

— Пропалъ!—защебетали ласточки, тоже направлявшіяся къ востоку, къ солнечному дереву.

Не добрыя вѣсти дошли до дому.

— Провидцу, какъ видно, не повезло! — сказалъ второй братъ.—Авось мнѣ, съ моимъ чуткимъ слухомъ, посчастливится больше!

У него изъ всѣхъ чувствъ особенно изощренъ былъ слухъ; онъ слышалъ, какъ растетъ трава,—вотъ до чего дошелъ!

Сердечно распрощавшись съ семьей, отправился примѣнить къ дѣлу свои богатыя дарованія, осуществить свои добрыя намѣренія и второй братъ. Ласточки провожали его далеко-далеко, а лебеди указывали путь. Наконецъ, онъ очутился среди людской толпы.

Вотъ ужъ правда говорится, что „хорошенькаго—понемножку“. Слухъ у него, былъ, вѣдь, до того богатъ, что онъ слышалъ, какъ растетъ трава, различалъ біеніе человѣческаго сердца въ минуты радости отъ біенія его въ минуты горя, слышалъ вообще каждое біеніе всѣхъ сердецъ, такъ что свѣтъ представился ему огромною мастерскою часовщика, гдѣ тикаютъ и бьютъ часы всѣхъ сортовъ, и маленькіе, и большіе. Силъ не было вынести эту стукотню! А онъ всетаки слушалъ въ оба уха, пока могъ, но, наконецъ, совсѣмъ обезумѣлъ отъ людского шума и гама. Еще бы! Чего стоили одни уличные шестидесятилѣтніе мальчишки—годы тутъ, вѣдь, не причемъ—горланившіе во всю мочь! Ну, да это-то еще было только смѣшно, но потомъ, на смѣну простому крику и гаму, являлась сплетня и, шипя, ползла по всѣмъ домамъ, улицамъ, переулкамъ и дальше по большой дорогѣ. Наконецъ, громогласно раздавалась ложь и верховодила всѣмъ, а шутовскіе бубенчики звенѣли, какъ будто были церковными колоколами. Нѣтъ, это было ужъ слишкомъ! Онъ заткнулъ себѣ уши пальцами, но все продолжалъ слышать фальшивое пѣніе и злыя рѣчи. Языки людскіе не знали удержу, мололи всякій вздоръ, болтали безъ умолку о выѣденномъ яйцѣ, такъ что добрыя отношенія между людьми трещали по всѣмъ швамъ. Шумъ и гамъ, трескотня и стукотня, и внутри, и снаружи—ужасъ! Ничьихъ силъ не хва-

тило бы вынести все это! Просто съ ума можно было сойти. И второй братъ запускалъ пальцы въ уши все глубже и глубже пока, наконецъ, не прорвалъ барабанной перепонки. Теперь ужъ онъ сталъ глухъ ко всему, даже къ добру, истинѣ и красотѣ. Онъ присмирѣлъ, сталъ подозрительнымъ, не довѣрялъ никому, подъ конецъ—даже себѣ самому, а это большое несчастіе. Не ему было отыскать и принести домой драгоцѣнный камень! Онъ и махнулъ на свою задачу рукой, махнулъ рукой на всѣхъ и все, даже на самого себя, а ужъ хуже этого нѣтъ ничего. Птицы, летѣвшія на востокъ, принесли о томъ вѣсть на родину его, въ зáмокъ солнечнаго дерева, но письма отъ него никакого не пришло, да и почта-то въ тѣ времена еще не ходила.

— Теперь я попытаю счастья!—сказалъ третій братъ!—У меня есть нюхъ!

Не особенно-то изящно онъ выражался, но таковъ ужъ онъ былъ, такимъ надо его и брать. Онъ отличался веселымъ нравомъ и былъ поэтомъ, настоящимъ поэтомъ. Онъ могъ спѣть все, чего не могъ высказать. О многомъ онъ догадывался куда раньше, чѣмъ другіе.

— Ужъ такой у меня нюхъ!—говорилъ онъ, и правда, обоняніе было у него развито въ высшей степени; это чувство играло, по его мнѣнію, весьма важную роль въ царствѣ прекраснаго.—Одному пріятенъ ароматъ яблони, другому ароматъ конюшни!—говорилъ онъ.—Каждая область ароматовъ въ царствѣ прекраснаго имѣетъ свою публику. Одни люди чувствуютъ себя, какъ дома, въ кабачкѣ, дыша воздухомъ, пропитаннымъ копотью и чадомъ сальныхъ свѣчъ, запахомъ сивухи и табачнымъ дымомъ, другіе предпочитаютъ одуряющій ароматъ жасмина, или умащаютъ себя крѣпкимъ гвоздичнымъ масломъ,—а это хоть кого прошибетъ! Третьи, наконецъ, ищутъ свѣжаго морского вѣтерка, свѣжаго воздуха, взбираются на вершины горъ и смотрятъ оттуда внизъ на мелочную людскую сутолоку!

Да, вотъ какъ разсуждалъ онъ. Казалось, онъ имѣлъ уже случай пожить въ свѣтѣ между людьми и узнать ихъ, а на самомъ-то дѣлѣ эти познанія были результатомъ его внутренней мудрости,—онъ былъ поэтомъ. Господь одарилъ его поэтическимъ чутьемъ при самомъ рожденіи.

И вотъ, онъ простился съ родными и, выйдя за черту отцовскихъ владѣній, сѣлъ на быстроногаго страуса, который мчится куда быстрѣе коня, а потомъ, увидавъ стаю дикихъ

лебедей, пересѣлъ на спину къ самому сильному,—онъ любилъ перемѣну. Перелетѣвъ море, онъ очутился въ чужой странѣ, гдѣ разстилались огромные лѣса, сверкали глубокія озера, возвышались высокія горы и роскошные города. И куда онъ ни являлся—всюду словно восходило солнышко, каждый кустикъ, каждый цвѣточекъ начиналъ благоухать сильнѣе, почуявъ приближеніе друга, защитника, который оцѣнитъ и пойметъ ароматъ ихъ. Даже зачахшій, всѣми забытый, розовый кустъ расправилъ вѣтви, развернулъ листики, и на немъ распустилась чудеснѣйшая роза. Всякому она бросалась въ глаза, даже черная, скользкая лѣсная улитка, и та замѣтила ея красоту.

— Я хочу отмѣтить этотъ цвѣтокъ!—сказала улитка.—Ну, вотъ, теперь я плюнула на него,—большаго я ужъ не могу сдѣлать.

— Вотъ что бываетъ на этомъ свѣтѣ съ прекраснымъ!—сказалъ поэтъ, сложилъ о томъ пѣсню и пропѣлъ ее, какъ умѣлъ, но никто даже и не прислушался.

Тогда онъ далъ барабанщику два скиллинга и павлинье перо, и велѣлъ ему переложить пѣсню для барабана, да пробарабанить ее по всему городу, по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Тогда люди услышали пѣсню и объявили, что поняли ее,—въ ней, дескать, замѣчательно глубокій смыслъ! Теперь поэтъ могъ продолжать слагать и пѣть свои пѣсни. Онъ пѣлъ объ истинѣ, добрѣ и красотѣ, и его слушали и въ кабачкахъ, гдѣ чадили сальныя свѣчи, и на свѣжемъ воздухѣ въ полѣ, въ лѣсу и въ открытомъ морѣ. Казалось, что этому брату повезло больше, чѣмъ первымъ двумъ, но дьяволъ этого не потерпѣлъ, живо явился и началъ воскурять передъ нимъ фиміамъ самый крѣпкій и благовонный, какой только можетъ изготовлять изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ самъ дьяволъ. А ужъ онъ мастеръ добывать такой удушливый фиміамъ, отъ котораго закружится голова у любого ангела, не то что у бѣднаго поэта. Дьяволъ знаетъ, чѣмъ пронять человѣка! Поэта онъ пронялъ фиміамомъ,—бѣднякъ совсѣмъ утонулъ въ волнахъ его, забылъ свою миссію и родину, все, даже себя самого,—все поглотилъ дымъ фиміама!

Всѣ птички, услышавъ о томъ, затосковали и умолкли на цѣлыхъ три дня, а черная лѣсная улитка почернѣла пуще прежняго—не отъ горя, а отъ зависти.

— Вѣдь, это мнѣ,—сказала она:—слѣдовало бы воскурять фиміамъ,—я, вѣдь, дала ему идею первой знаменитой пѣсни,

которую переложили на барабанъ! Я плюнула на розу и могу даже представить свидѣтелей!

А домой, на родину, не дошло даже и вѣсточки о судьбѣ поэта: птички горевали и не раскрывали рта цѣлыхъ три дня, и скорбь ихъ оказалась такой сильной, что къ концу трехдневнаго срока ея онѣ даже забыли, о чемъ горевали! Вотъ какъ!

— Ну, теперь пора и мнѣ отправиться въ путь!—сказалъ четвертый братъ.

Онъ тоже былъ веселаго нрава, какъ и предыдущій, притомъ же онъ не былъ поэтомъ, значитъ, ничто и не мѣшало ему сохранять свой веселый нравъ. Оба эти брата были душой и весельемъ всей семьи; теперь изъ нея уходило и последнее веселье! Зрѣніе и слухъ вообще считаются у людей главными чувствами; на ихъ развитіе обращается особенное вниманіе, три же остальныя чувства считаются менѣе существенными. Не такъ думалъ младшій братъ; у него особенно развитъ былъ вкусъ—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. А вкусъ и въ самомъ дѣлѣ играетъ большую роль: онъ, вѣдь, руководитъ выборомъ всего, что поглощается и ртомъ, и умомъ. И младшій братъ не только перепробовалъ все, что вообще подается на сковородахъ, въ горшкахъ, въ бутылкахъ и другихъ сосудахъ,—это была грубая физическая сторона дѣла, говорилъ онъ—но и на каждаго человѣка смотрѣлъ, какъ на горшокъ, въ которомъ что-нибудь варится, на каждую страну, какъ на огромную кухню, и это являлось уже тонкою, духовною стороной его миссіи. На эту-то сторону онъ теперь и собирался приналечь.

— Можетъ быть, мнѣ и посчастливится больше братьевъ!— сказалъ онъ. — Итакъ, я отправлюсь въ путь, но какой же способъ передвиженія избрать мнѣ? Что, воздушные шары изобрѣтены? — спросилъ онъ отца, — тотъ, вѣдь, зналъ о всѣхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ прошедшаго, настоящаго и будущаго.

Оказалось, что воздушные шары еще не были изобрѣтены такъ же, какъ пароходы и паровозы.

— Ну, такъ я отправлюсь на воздушномъ шарѣ!—рѣшилъ онъ.—Отецъ-то, вѣдь, знаетъ, какъ они снаряжаются и управляются, и научитъ меня! Людямъ эти шары еще неизвѣстны и, увидя мой, они примутъ его за воздушное явленіе! Я же,

воспользовавшись имъ, сожгу его, — отецъ долженъ снабдить меня нѣсколькими штучками грядущаго изобрѣтенія, такъ называемыми „химическими спичками".

Все это онъ получилъ и полетѣлъ. Птицы провожали его дальше, нежели старшихъ братьевъ: имъ любопытно было поглядѣть, что выйдетъ изъ его полета. Къ этимъ птицамъ приставали по пути все новыя и новыя,—птицы очень любопытны, а шаръ показался имъ новою диковинною птицей. И у младшаго брата составилась такая птичья свита, что хоть убавляй! Птичья стая неслась черною тучей, точно египетская саранча; даже свѣта дневного изъ-за нея не было видно. Наконецъ, шаръ залетѣлъ далеко-далеко.

— У меня хорошій другъ и помощникъ — Восточный вѣтеръ!—сказалъ младшій братъ.

— То-есть два — Восточный и Западный! — сказали оба вѣтра.—Мы попеременно направляли твой шаръ, а то какъ бы ты попалъ на сѣверо-западъ!

Но онъ и не слыхалъ, что они ему говорили, да и не все-ли равно! Птицы больше не сопровождали его: когда ихъ собралось ужъ очень много, двѣ-три изъ нихъ соскучились летѣть.

— Нѣтъ, эту вещь слишкомъ раздули!—объявили онѣ.— И онъ, пожалуй, еще Богъ вѣсть что вообразитъ о себѣ! Да и незачѣмъ летѣть за нимъ! Все это пустое! Просто неловко даже!

И онѣ отстали; за ними и всѣ другія. Всѣ нашли, что это—пустое.

А шаръ спустился въ одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ, и воздухоплаватель очутился на высочайшей точкѣ—на башенномъ шпицѣ. Шаръ опять поднялся на воздухъ, хоть этого и не слѣдовало; куда онъ улетѣлъ—сказать трудно, да и не все-ли равно, разъ онъ не былъ еще изобрѣтенъ?

Итакъ, младшій братъ возсѣдалъ на башенномъ шпицѣ, но птицы уже не слетались къ нему: и онъ имъ надоѣлъ, и онѣ ему. Всѣ дымовыя трубы въ городѣ дымили и благоухали.

— Это все алтари, воздвигнутые тебѣ!—сказалъ вѣтеръ,— онъ хотѣлъ сказать гостю что нибудь пріятное.

А тотъ сидѣлъ себѣ преважно и посматривалъ внизъ на улицы и прохожихъ. Одинъ шелъ и чванился своимъ кошель-

комъ; другой—ключами на заднихъ фалдахъ, хоть ему и нечего было отпирать ими; третій—своимъ кафтаномъ, а его ужъ ѣла моль; четвертый — своимъ тѣломъ, а его ужъ точилъ червякъ!..

— Суета суетъ! Да, пора мнѣ сойти внизъ, помѣшать въ котлѣ жизни, да отвѣдать, каково на вкусъ его содержимое!— сказалъ онъ.—Но я еще посижу тутъ немножко: вѣтеръ такъ чудесно щекочетъ мнѣ спину; очень пріятно! Я посижу здѣсь пока вѣтеръ дуетъ съ той стороны. Надо же мнѣ отдохнуть немножко. Хорошо подольше понѣжиться утромъ въ постели, когда предстоитъ трудный день, говорятъ лѣнивцы, а лѣность—мать пороковъ, но, вѣдь, наша семья не заражена никакими пороками, говорю я, и то же скажетъ о своей семьѣ любой прохожій! Я посижу тутъ только пока вѣтеръ дуетъ съ той стороны,—онъ мнѣ по вкусу!

И онъ остался сидѣть, но сидѣлъ-то онъ на флюгерѣ шпица, и тотъ все вертѣлся съ нимъ, а онъ думалъ, что дуетъ все тотъ же вѣтеръ; онъ продолжалъ сидѣть и могъ сидѣть такъ безъ конца!

А въ Индійской странѣ, въ зǎмкѣ на солнечномъ деревѣ, стало такъ пусто и тихо, когда братья разошлись одинъ за другимъ.

— Имъ не повезло!—говорилъ отецъ.—Никогда не принесутъ они домой сверкающаго драгоцѣннаго камня, никогда я не обрѣту его! Они ушли, погибли!..

И онъ склонялся надъ книгой Истины, впиваясь взглядомъ въ страницу, на которой хотѣлъ прочесть о жизни послѣ смерти, но попрежнему ничего не видѣлъ на ней.

Слѣпая дочь была его утѣшеніемъ и отрадой; она такъ искренно была къ нему привязана, такъ любила его и, ради его счастья, она горячо желала, чтобы драгоцѣнный камень былъ найденъ и принесенъ домой. Но о братьяхъ она очень горевала; гдѣ они и что съ ними? Какъ ей хотѣлось увидать ихъ хоть во снѣ, но, удивительно, даже во снѣ она не могла съ ними свидѣться! Но вотъ, однажды ночью ей приснилось, что она слышитъ ихъ голоса; они зовутъ ее, они кричатъ ей изъ пучины житейскаго моря, и она пускается въ путь, уходитъ далеко-далеко и въ то же время всетаки какъ будто не выходитъ изъ отцовскаго дома. Братьевъ она такъ и не встрѣчаетъ, но въ рукѣ чувствуетъ какое-то пламя, которое,

однако, не жжетъ ея... Въ рукѣ у нея сверкающій драгоцѣнный камень, и она приноситъ его отцу! Въ первую минуту по пробужденіи ей показалось, что она все еще держитъ камень въ рукѣ, но оказалось, что рука ея крѣпко сжимала прялку. Въ долгія безсонныя ночи она безпрерывно пряла, и на веретенѣ была намотана нить тоньше той, что прядетъ паукъ; человѣческимъ глазомъ нельзя было и разглядѣть ея. Но дѣвушка смачивала нить своими слезами, и нить становилась крѣпче якорнаго каната.

Слѣпая встала; она рѣшилась, сонъ долженъ былъ сбыться. Была ночь, отецъ ея спалъ, она поцѣловала его руку, прикрѣпила конецъ нити къ отцовскому дому,—иначе какъ бы она, бѣдная слѣпая, нашла дорогу домой? За эту нить она должна была крѣпко держаться,—ей она довѣрялась, а не самой себѣ, не другимъ людямъ. Потомъ она сорвала съ солнечнаго дерева четыре листочка; она хотѣла,въ случаѣ, если сама не встрѣтитъ братьевъ, пустить эти листья по вѣтру, чтобы тотъ отнесъ по одному каждому брату, вмѣсто письма, поклона отъ нея.

Что-то будетъ съ бѣдняжкой-слѣпой, какъ станетъ она пробираться по бѣлу-свѣту? Но она, вѣдь, держалась за невидимую путеводную нить и, кромѣ того, надъ всѣми пятью чувствами преобладала у нея внутренняя, душевная чуткость, благодаря чему она какъ бы видѣла кончиками пальцевъ, слышала сердцемъ.

И вотъ, она отправилась бродить по бѣлу-свѣту. Море житейское шумѣло и гудѣло вокругъ нея, но гдѣ только ни проходила она—всюду на небѣ сіяло солнышко, ласкавшее ее своими теплыми лучами, всюду изъ черныхъ облаковъ исходила сіяющая радуга, всюду дѣвушка слышала пѣніе птичекъ, вдыхала ароматъ апельсинныхъ и яблочныхъ садовъ; ароматъ былъ такъ силенъ, что ей казалось даже, будто она вкушаетъ самые плоды. До слуха ея доносились нѣжные ласкающіе звуки, дивное пѣніе, но доносились также завыванье и дикіе крики; мысли и чувства людскія вступали между собою въ борьбу, и въ глубинѣ ея сердца сталкивались отзвуки двухъ мелодій: задушевной сердечной мелодіи и мелодіи разсудка. Одинъ людской хоръ пѣлъ:

Земная жизнь—борьба и слезы,
Сплошная тьма, просвѣта нѣтъ!

Другой:

Нѣтъ, люди рвутъ и счастья розы,
Ихъ взоръ ласкаетъ солнца свѣтъ!

Опять доносилась горькая жалоба:

Міръ живъ лишь зломъ, враждой, гоненьемъ,
Братъ губитъ брата, сынъ—отца!

Въ отвѣтъ звучало:

Любовью, благостью, прощеньемъ
Людей исполнены сердца!

Потомъ слышалось:

Міръ тонетъ въ мракѣ лжи, притворства,
Вся жизнь—лишь суета суетъ!

Но вотъ раздавалось:

Но съ тьмой и ложью въ ратоборство
Вступаютъ Истина и Свѣтъ!

Тутъ хоръ дико грянулъ:

Махни рукой на все и смѣйся,
Людей и міръ весь презирай!

Но въ сердцѣ слѣпой дѣвушки звучало:

На Бога и себя надѣйся,
Ему судьбу свою ввѣряй!

И стоило дѣвушкѣ появиться въ кругу мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, души всѣхъ загорались свѣтомъ истины, добра и красоты; повсюду, гдѣ она ни появлялась—въ мастерской-ли художника, въ богатомъ-ли, празднично убранномъ, покоѣ, на фабрикѣ-ли среди жужжащихъ машинъ—всюду словно восходило солнышко, звучали невидимыя струны, ниспадала на изнывающія отъ жажды листья живительная роса.

Но дьяволъ не могъ съ этимъ примириться, а онъ, вѣдь, умнѣе цѣлыхъ десятковъ тысячъ умныхъ людей, вмѣстѣ взятыхъ, и додумался таки чѣмъ помочь горю. Онъ отправился въ болото, взялъ пузырей гнилой воды, велѣлъ прозвучать надъ ними семикратному эхо лжи, чтобы они окрѣпли, потомъ истолокъ въ

порошокъ всевозможныя оплаченныя похвальныя оды и лживыя надгробныя рѣчи, какія только могъ достать, сварилъ порошокъ вмѣстѣ съ пузырями въ слезахъ, пролитыхъ завистью, посыпалъ полученную смѣсь румянцемъ, соскобленнымъ съ увядшей щеки старой дѣвы, и создалъ изъ всего этого дѣвушку по образу и подобію богатой благодатью слѣпой. Люди стали звать созданіе дьявола „Кроткимъ ангеломъ душевной чуткости", и все пошло теперь какъ по маслу,—дьяволъ одолѣлъ: свѣтъ не зналъ, которая изъ двухъ была настоящею, да и гдѣ ему было знать это!

„На Бога и себя надѣйся,
Ему судьбу свою ввѣряй!"

раздавалось, между тѣмъ, въ сердцѣ слѣпой, но просвѣтлѣнной твердою вѣрой, дѣвушки. Четыре зеленыхъ листка солнечнаго дерева она отдала вѣтру, чтобы тотъ отнесъ ихъ, вмѣсто письма, поклона, ея братьямъ, и твердо вѣрила, что вѣтеръ доставитъ листья по назначенію. Такъ же твердо вѣрила она и въ то, что драгоцѣнный камень, затмѣвающій блескомъ все земное великолѣпіе, будетъ ею найденъ. Съ чела человѣчества долженъ онъ сіять дивнымъ блескомъ, озаряя и домъ ея отца.

— Домъ моего отца!—повторила она.—Да, на землѣ обрѣтается этотъ камень, и я принесу домой не одну увѣренность въ его существованіи; я уже ощущаю его пламя; оно пышетъ все сильнѣе и сильнѣе въ моей зажатой рукѣ! Я подхватывала, вѣдь, каждое крошечное зерно истины, носившейся по вѣтру, и крѣпко берегла его; я давала ему пропитаться ароматомъ всего прекраснаго, чего не мало на землѣ—даже для слѣпой. Я ловила каждое біеніе человѣческаго сердца во имя добра и вкладывала ихъ въ зернышки истины. Я несу домой однѣ песчинки, но всѣ онѣ въ совокупности и составятъ драгоцѣнный камень, который я искала; у меня ихъ полная горсть!

И она протянула руку отцу, —она была уже дома; съ быстротою мысли очутилась она тамъ: она, вѣдь, не выпускала изъ рукъ невидимой путеводной нити, связывавшей ее съ отцовскимъ домомъ.

Злые духи налетѣли на солнечное дерево съ грохотомъ урагана, съ шумомъ и свистомъ ворвались въ открытыя ворота и въ потайную комнату.

— Вихрь развѣетъ песчинки!—вскричалъ отецъ, хватая ея разжатую руку.

— Нѣтъ!—съ твердою увѣренностью возразила она.—Ихъ

нельзя развѣять. Я чувствую, какъ отъ нихъ струится лучъ свѣта, согрѣвающій мою душу!

И отецъ увидѣлъ, что сверкающія песчинки бросали яркій лучъ на бѣлую страницу книги Истины, на ту страницу, гдѣ онъ искалъ доказательствъ жизни вѣчной. Онъ взглянулъ на страницу—на ней ослѣпительнымъ блескомъ сіяли четыре буквы, составлявшія одно единственное слово:

Вѣра.

Въ ту же минуту рядомъ съ отцомъ очутились и четверо его сыновей. Зеленый листокъ, брошенный вѣтромъ на грудь каждому, пробудилъ въ нихъ тоску по родинѣ, и они вернулись вмѣстѣ съ перелетными птицами, оленями, антилопами и другими лѣсными обитателями. Животныя тоже хотѣли принять участіе въ радости, и почему же нѣтъ, разъ они способны были радоваться?

И вотъ, какъ солнечный лучъ, пробравшійся въ пыльную комнату черезъ узенькую щелочку въ двери, образуетъ косой столбъ сіяющей пыли, такъ и тутъ, но куда легче, воздушнѣй и ярче—сама радуга померкла бы передъ этимъ зрѣлищемъ—подымался отъ сіяющаго слова „Вѣра“ свѣтозарный столбъ песчинокъ истины. Каждая песчинка соединяла въ себѣ свѣтъ истины, блескъ красоты и сіяніе добра, отчего столбъ и свѣтился ярче огненнаго столба—путеводителя Моисея и народа израильскаго въ пустынѣ; онъ былъ мостомъ Надежды, перекидывавшимся отъ Вѣры къ всеобъемлющей, безконечной Любви.

СУПЪ ИЗЪ КОЛБАСНОЙ ПАЛОЧКИ.

I.

Супъ изъ колбасной палочки.

— Ну и обѣдъ былъ вчера!—разсказывала старая мышь другой, не участвовавшей въ пирѣ.—Я сидѣла двадцать первой отъ самого мышинаго царя,—мѣсто довольно почетное! Блюда, скажу я вамъ, были подобраны прекрасно! Затхлый хлѣбъ, жирная кожа отъ окорока, сальныя свѣчи и колбаса, а потомъ то же самое съ начала,—какъ будто два раза пообѣдали! Настроеніе за обѣдомъ было самое оживленное, бол-

тали всякій вздоръ,—совсѣмъ какъ въ семейномъ кружкѣ! Съѣдено было все до крошки; однѣ колбасныя палочки остались. О нихъ-то и зашла рѣчь, т. е. собственно о супѣ изъ колбасной палочки. Кто не слыхалъ о немъ, но кто ѣдалъ его, не говоря уже о томъ, кто умѣлъ его готовить?! Былъ предложенъ прелестный тостъ за изобрѣтателя супа: сказали, что онъ заслуживаетъ быть попечителемъ бѣдныхъ! Остроумно, не правда-ли? А старый мышиный царь всталъ и объявилъ, что сдѣлаетъ царицей ту изъ молодыхъ мышекъ, которая сваритъ ему изъ колбасной палочки самый вкусный супъ. На подготовленіе и размышленіе дается цѣлый годъ!

— Не дурно!—замѣтила собесѣдница.—Ну, а какъ же варятъ этотъ супъ?

— Да, то-то вотъ и есть! Объ этомъ-то и спрашиваютъ наперерывъ всѣ мышки—и молодыя, и старыя. Каждой хочется стать царицей, а вотъ побезпокоить себя, походить по бѣлу-свѣту, да поучиться стряпать этотъ супъ ни одной не хочется, а надо! Да, не всякой-то по плечу оставить семью и насиженный уголокъ! На чужой сторонѣ, небось, не все по сырнымъ коркамъ придется ходить, не все свиное сало нюхать, нѣтъ, придется и поголодать, а, пожалуй, и угодить въ когти кошкѣ!

Вотъ эти-то мысли и удерживали молодыхъ мышекъ отъ странствованія по бѣлу-свѣту. Вызвались пуститься въ поиски за знаніемъ только четыре молодыя, юркія, но бѣдныя мышки. Каждой предстояло отправиться въ одну изъ четырехъ сторонъ свѣта, а тамъ ужъ все зависѣло отъ счастья! Каждая запаслась въ дорогу, вмѣсто дорожнаго посоха, колбасною палочкой—для памятованья о цѣли путешествія.

Перваго мая онѣ отправились въ путь и перваго же мая ровно черезъ годъ вернулись, но только три, четвертая не явилась и не дала о себѣ знать, а день явки насталъ.

— Увы! къ лучшимъ нашимъ удовольствіямъ всегда примѣшивается капля горечи!—произнесъ мышиный царь, но все-таки отдалъ приказъ созвать всѣхъ мышей—и ближнихъ, и дальнихъ.

Всѣ должны были собраться въ кухнѣ. Три мышки-странницы стояли въ рядъ, отдѣльно отъ прочихъ; на мѣстѣ же отсутствующей четвертой водрузили колбасную палочку, обитую чернымъ крэпомъ. Никто не долженъ былъ высказывать своего

мнѣнія, пока не выскажутся всѣ три мышки, а мышиный царь не объявитъ, что должно быть сказано дальше.

Такъ вотъ, послушаемъ!

II.

Что вынесла изъ своего странствованія первая мышка.

— Пускаясь въ свѣтъ,—начала мышка:—я, какъ и многія мои ровесницы, воображала, что успѣла уже проглотить всю житейскую премудрость; какъ бы не такъ! Много воды утечетъ, пока оно будетъ такъ на дѣлѣ! Я рѣшилась отправиться моремъ и сѣла на корабль, отплывавшій на сѣверъ. Мнѣ случалось слышать, что корабельный поваръ долженъ умѣть обойтись малымъ; да какъ не обойтись, когда подъ рукой цѣлыя свиныя туши, полныя бочки солонины и затхлой муки! Что и говорить, столъ на кораблѣ прекрасный, но нечего и думать о томъ, чтобы научиться тамъ варить супъ изъ колбасной палочки! Много ночей и дней плыли мы; и качало насъ, и обдавало солеными брызгами—всего было! Когда же мы, наконецъ, прибыли куда слѣдовало, я оставила корабль; оказалось, что мы были далеко-далеко отъ родины, на сѣверѣ.

А странно въ самомъ дѣлѣ: покидаешь свой домъ, свой насиженный уголокъ, плывешь на кораблѣ, гдѣ у тебя тоже образуется своего рода уголокъ, и глядь—очутилась за сотни миль отъ родины на чужой сторонѣ! Тамъ были дремучіе сосновые и березовые лѣса; какъ сильно пахли эти деревья! Но я не охотница до такого запаха! А лѣсныя и полевыя травы испускали такой пряный ароматъ, что я расчихалась и сейчасъ же подумала о колбасѣ. Были тутъ и большія лѣсныя озера; вблизи вода въ нихъ казалась такою прозрачною, свѣтлою, а издали—черною, какъ чернила. По озерамъ плавали бѣлые лебеди. Сначала я приняла было ихъ за пѣну—такъ неподвижно они лежали на водѣ, но потомъ увидала, что они летаютъ и ходятъ, и узнала ихъ. Они, вѣдь, изъ породы гусей,—сразу видно по ихъ походкѣ. Вообще отъ родни не слѣдуетъ отпираться! И я тоже держалась своей родни—лѣсныхъ и полевыхъ мышей, но онѣ оказались ужасными невѣждами, особенно по части угощенія, а, вѣдь, для чего же я и пустилась въ далекій путь?! Самая мысль о томъ, что можно сварить супъ изъ колбасной палочки, до того ихъ поразила, что сразу же облетѣла

весь лѣсъ. Что же касается осуществленія ея, то его сочли прямо невозможнымъ. Да, и не думала я, и не гадала, что именно тамъ, да еще въ ту же ночь, меня посвятятъ въ тайну изготовленія супа!

Была какъ-разъ середина лѣта, оттого-то въ лѣсу такъ сильно и пахло, растенія испускали такой пряный ароматъ, озера были такими прозрачными и вмѣстѣ съ тѣмъ такими темными, а на нихъ неподвижно лежали бѣлые лебеди. На опушкѣ лѣса, гдѣ стояли три—четыре домика, возвышался шестъ, вышиною съ мачту; верхушка его была украшена вѣнкомъ и лентами. Это былъ „майскій шестъ". Дѣвушки и парни плясали вокругъ него и пѣли взапуски со скрипками. Солнышко закатилось, взошла луна, а веселье все продолжалось. Я въ немъ участія не принимала; куда ужъ нашей сестрѣ соваться въ танцы! Я сидѣла себѣ на мягкомъ мху, крѣпко держа въ лапкахъ свою колбасную палочку. Одно мѣстечко въ лѣсу было просто залито луннымъ свѣтомъ; тамъ стояло дерево, обросшее такимъ мягкимъ, нѣжнымъ мхомъ, какъ... да, смѣю сказать, какъ шкурка самого мышинаго царя, но цвѣта онъ былъ зеленаго,—просто благодать для глазъ! И вдругъ, откуда ни возьмись, подъ деревомъ появился цѣлый полкъ прелестнѣйшихъ малютокъ, ростомъ мнѣ по колѣно! Вообще они были похожи на людей, но куда лучше сложены. Они называли себя эльфами; платьица на нихъ были изъ цвѣточныхъ лепестковъ, съ отдѣлкой изъ крылышекъ мухъ и комаровъ,—очень не дурно! Видно было, что они ищутъ чего-то, но чего? Вдругъ нѣсколько крошекъ подошли ко мнѣ, и одинъ, повидимому, самый знатный изъ нихъ, указалъ на мою колбасную палочку и сказалъ:

— Вотъ какую намъ нужно! Она заострена на концѣ, какъ разъ подходитъ!

И чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на нее, тѣмъ больше восхищался.

— Одолжить—одолжу, но чуръ—назадъ попрошу!—сказала я.

— Назадъ, назадъ!—сказали всѣ въ одинъ голосъ, взялись за палочку,—я ее выпустила изъ лапокъ—въ припрыжку добѣжали съ нею до освѣщеннаго луной мѣстечка и водрузили ее тамъ въ травкѣ.

Имъ тоже хотѣлось устроить свой „майскій шестъ", и моя

палочка подошла имъ какъ-разъ; точно по заказу была сдѣлана! Затѣмъ, они принялись убирать ее. И преобразилась же моя палочка!

Маленькіе паучки опутали ее золотыми нитями, прозрачнымъ флеромъ и развѣвающимися знаменами; они были такъ нѣжны, такъ воздушны, что колыхались отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка, и такъ сверкали при свѣтѣ луны, что просто глазамъ было больно! А эльфы еще взяли разноцвѣтной пыли съ крыльевъ бабочекъ, посыпали ею эти блестящія ткани, и онѣ вмигъ загорѣлись радужными огнями, словно усыпанныя брилліантами! Я просто не узнавала своей колбасной палочки; другого такого майскаго шеста, въ какой превратилась она, навѣрно, не нашлось бы въ цѣломъ свѣтѣ! Вотъ тутъ-то я и увидала настоящее великосвѣтское общество эльфовъ; всѣ они были безъ платьевъ,—изящнѣе наряда и быть не могло. Меня пригласили полюбоваться на праздникъ, но издали: я была для нихъ слишкомъ велика ростомъ.

Ну и пошло у нихъ веселье! Сначала какъ будто зазвенѣли тысячи стеклянныхъ колокольчиковъ, потомъ мнѣ показалось, что запѣли лебеди, потомъ какъ будто закуковали кукушки, защелкали дрозды, а подъ конецъ стало казаться, что поетъ весь лѣсъ! Дѣтскіе голоса, звонъ колокольчиковъ и пѣніе птицъ—все сливалось въ чудеснѣйшую мелодію, а инструментомъ былъ одинъ майскій шестъ эльфовъ! Моя колбасная палочка задала цѣлый концертъ! Никогда я не думала, чтобы изъ нея можно было извлечь столько, но все, видно, зависитъ отъ того, въ чьи руки попадетъ вещь! Я даже растрогалась и заплакала отъ удовольствія.

Ночь была слишкомъ коротка! Но тамъ въ это время года онѣ длиннѣе не бываютъ. На зарѣ подулъ вѣтерокъ, зарябилъ поверхность лѣсного озера и развѣялъ по воздуху тонкія, воздушныя знамена и флеръ. Качающихся кіосковъ изъ паутины, висячихъ мостовъ и баллюстрадъ,—или какъ онѣ тамъ называются—что перекидывались съ листка на листокъ, тоже какъ не бывало! Шестеро эльфовъ принесли мнѣ мою колбасную палочку и спросили, нѣтъ-ли у меня какого-нибудь желанія, которое бы они могли исполнить. Я попросила ихъ сказать мнѣ, какъ готовятъ супъ изъ колбасной палочки?

— Какъ мы готовимъ его?—переспросилъ самый знатный

и засмѣялся.—Да ты, вѣдь, только что видѣла это! Ты, пожалуй, едва узнала свою колбасную палочку!

— Вы не такъ поняли меня!—отвѣтила я и разсказала на чистоту, зачѣмъ пустилась странствовать по бѣлу-свѣту и чего ожидали отъ моего странствованія у насъ, на родинѣ.— Какая польза,—добавила я:—нашему царю и всему нашему славному мышиному царству отъ того, что я видѣла все это великолѣпіе? Вѣдь, не могу же я тряхнуть своею колбасною палочкой и сказать: „Вотъ вамъ палочка, а вотъ и супъ!“ А это бы годилось хоть на дессертъ—послѣ очень сытнаго обѣда!

Тогда эльфъ опустилъ свой мизинчикъ въ чашечку голубой фіалки и сказалъ мнѣ:

— Смотри! Я проведу пальцемъ по твоему дорожному посоху, и, когда ты вернешься домой, во дворецъ мышинаго царя, дотронься кончикомъ палочки до теплой груди царя—изъ палочки посыплются фіалки, хотя бы это было среди суровой зимы! Теперь у тебя будетъ съ чѣмъ явиться домой! Въ придачу же...

Но мышка не договорила, что дали ей въ придачу, дотронулась до груди царя своею палочкою, и въ самомъ дѣлѣ изъ нея дождемъ посыпались чудеснѣйшія фіалки. Благоухали онѣ такъ сильно, что мышиный царь велѣлъ мышамъ, стоявшимъ поближе къ печкѣ, немедленно сунуть хвосты въ огонь, и покурить ими въ кухнѣ, а то силъ не было выносить благоуханіе фіалокъ,—этого сорта духовъ онъ не любилъ.

— Ну, а что же эльфы дали въ придачу?—спросилъ онъ потомъ.

— А это, видите-ли, такъ называемый эффектъ! — Она подняла колбасную палочку кверху, и цвѣты перестали сыпаться; въ рукахъ у мышки была опять голая палочка. Мышка взмахнула ею, какъ капельмейстеръ своимъ жезломъ передъ началомъ увертюры.—Фіалки услаждаютъ зрѣніе, обоняніе и осязаніе!—сказала она.—Но нужно еще удовлетворить слухъ и вкусъ!

И вотъ, она замахала палочкой—въ ту же минуту загремѣла музыка, не такая, какъ въ лѣсу на праздникѣ эльфовъ, но какая слышится въ кухняхъ. Вотъ такъ потѣха пошла! Тутъ какъ будто и вѣтеръ свистѣлъ въ трубахъ, и котлы съ горшками кипѣли и бурлили напропалую, и лопаточка для углей барабанила по мѣдному котлу! Вдругъ все смолкло. Послышалось тихое пѣніе чайнаго котла... И не разобрать было,

начинаетъ-ли онъ только свою арію или уже кончаетъ. Но вотъ, закипѣлъ маленькій горшочекъ, за нимъ большой, и пошли каждый кипѣть по своему, не обращая вниманія другъ на друга,— ни дать, ни взять, пустые горшки! А мышка махала своею палочкой все скорѣе и скорѣе: горшки пѣнились, пузырились, кипѣли черезъ край, вѣтеръ вылъ, трубы свистѣли... Жж! Всѣ такъ перетрусили, что и сама мышка уронила палочку.

— Ну, этотъ супъ не скоро переваришь!—сказалъ мышиный царь.—А дессерта не будетъ?

— Нѣтъ, это все!—отвѣчала мышка, присѣдая.

— Все? Ну, такъ послушаемъ, что скажетъ намъ слѣдующая!—рѣшилъ мышиный царь.

III.

Что сумѣла разсказать вторая мышка.

— Я родилась въ дворцовой библіотекѣ!—начала вторая мышь.—Ни мнѣ, ни моимъ роднымъ никогда не выпадало на долю счастья попасть въ столовую, не говоря уже о кладовой. Я и въ кухнѣ-то всего во второй разъ въ жизни,—первый разъ я была здѣсь, когда откланивалась передъ отъѣздомъ. Да, мы таки частенько голодали въ библіотекѣ, но зато поглощали массу знаній. И вотъ, до насъ дошелъ слухъ о царской наградѣ, обѣщанной за приготовленіе супа изъ колбасной палочки. Тогда-то моя бабушка и вытащила на свѣтъ Божій одну рукопись; сама бабушка не умѣла читать, но слышала, какъ эту рукопись читали вслухъ. Въ ней, между прочимъ, говорилось, что „поэтъ способенъ сварить супъ изъ колбасной палочки". Бабушка спросила меня—не поэтъ-ли я? Я отвѣчала, что въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ-то я неповинна. Тогда бабушка сказала: „Такъ ступай и постарайся сдѣлаться поэтомъ!"—А что нужно для этого?—спросила я. Додуматься до этого самой было для меня, вѣдь, не легче, чѣмъ сварить супъ! Но бабушка моя слыхивала и объ этомъ и сказала, что поэту прежде всего нужны три вещи: умъ, фантазія и чувство! „Ступай и добудь ихъ, а разъ ты станешь поэтомъ, не трудно будетъ справиться и съ колбасною палочкой!" прибавила бабушка.

Ну, вотъ, я и пустилась на западъ, чтобы сдѣлаться поэтомъ.

Я знала, что умъ вообще главное, фантазія же и чувство не въ такомъ почетѣ. Поэтому я рѣшилась пуститься прежде

всего въ поиски за умомъ. Только гдѣ его искать? „Ступай къ муравью и поучись у него мудрости!“ сказалъ великій царь Соломонъ—это я узнала еще въ библіотекѣ—и я шла, не останавливаясь, пока не наткнулась на муравейникъ. Тутъ-то я и навострила уши, чтобы набраться ума.

Очень почтенный народъ, эти муравьи! Они—воплощеніе ума! Вся ихъ жизнь—вѣрно рѣшенная ариѳметическая задача. „Работать и класть яйца“, говорятъ они, „значитъ жить настоящимъ и заботиться о будущемъ“. Такъ они и поступаютъ. Дѣлятся они на два класса: на благородныхъ и рабочихъ. Чинъ же у нихъ всего одинъ, чинъ перваго класса; представительницей его является одна царица ихъ, и только ея мнѣніе и считается непогрѣшимымъ,—она, какъ оказывалось, проглотила всю мудрость на свѣтѣ! Мнѣ это было очень важно узнать. Она говорила такъ много и такъ умно, что, по моему, выходило просто глупо. Она говорила, что ихъ куча выше всего на свѣтѣ, но рядомъ съ кучей росло дерево, куда выше! Этого нельзя было даже отрицать, и потому объ этомъ вовсе умалчивалось. Но разъ вечеромъ одинъ муравей заблудился на томъ деревѣ и вползъ по стволу его хоть и не до самой вершины, но все же выше, чѣмъ вползалъ раньше кто-либо изъ его муравейника. Повернувъ назадъ и добравшись, наконецъ, до дому, онъ поспѣшилъ разсказать, что есть кое-что и повыше ихъ муравейника! Но муравьи нашли, что онъ оскорбляетъ своимъ разсказомъ все общество, надѣли на него намордникъ и присудили къ продолжительному одиночному заключенію. Вскорѣ случилось побывать на томъ же деревѣ другому муравью; онъ сдѣлалъ то же самое открытіе и началъ докладывать о немъ обществу, но болѣе разсудительно и туманно, чѣмъ первый. Этотъ муравей былъ всѣми уважаемъ, принадлежалъ къ числу благородныхъ—ему и повѣрили, а когда онъ умеръ, даже поставили ему памятникъ изъ яичной скорлупы,—все изъ уваженія къ наукѣ. Видѣла я тоже,—продолжала мышка:—что муравьи постоянно носятся со своими яичками на спинѣ. Случилось одному изъ нихъ потерять свое. Батюшки, какъ хлопоталъ онъ, чтобы какъ-нибудь опять взвалить его на спину! Но дѣло все не ладилось; тогда явились на помощь двое другихъ и съ такимъ жаромъ принялись помогать товарищу, что чуть было сами не потеряли своихъ яичекъ; но тутъ они сразу оставили всякое попеченіе: своя шкурка, вѣдь, ближе къ тѣлу!

И царица ихъ объявила, что въ данномъ случаѣ было выказано и сердце, и умъ. „А эти двѣ вещи ставятъ насъ, муравьевъ, во главѣ всѣхъ разумныхъ твореній! Но умъ всетаки долженъ преобладать, и я умнѣе всѣхъ!“ Тутъ она приподнялась на заднія лапки и сразу бросилась мнѣ въ глаза; ошибки быть не могло—я и проглотила ее. Сказано: „ступай къ муравью и поучись у него мудрости“—а я запаслась теперь самою царицей муравьевъ!

Потомъ я подошла поближе къ упомянутому высокому дереву. Это былъ старый, могучій развѣсистый дубъ. Я знала, что въ вѣтвяхъ каждаго дерева живетъ одно существо, женщина, „дріада“, какъ ее зовутъ. Она рождается и умираетъ вмѣстѣ съ деревомъ. Я слышала объ этомъ еще въ библіотекѣ. И вотъ, передо мною стояло дерево, а въ вѣтвяхъ его сидѣла дріада. Она вскрикнула отъ испуга, увидавъ меня такъ близко,—она, какъ и всѣ женщины, очень боялась мышей, да у нея и были на то причины: я могла, вѣдь, перегрызть стволъ дуба, такъ что жизнь ея, такъ сказать, висѣла на волоскѣ! Но я заговорила съ ней ласково, привѣтливо, и она ободрилась, даже взяла меня на руки, а узнавъ, почему я отправилась странствовать по бѣлу-свѣту, обѣщала доставить мнѣ случай—можетъ быть даже въ этотъ самый вечеръ—обрѣсти одно изъ двухъ искомыхъ сокровищъ: фантазію. Она разсказала мнѣ, что геній Фантазіи—ея добрый другъ, что онъ прекрасенъ, какъ самъ богъ любви и часто отдыхаетъ въ тѣни ея дерева, убаюкиваемый шелестомъ листьевъ,—они шумятъ въ эти минуты сильнѣе обыкновеннаго. Онъ зоветъ ее своею дріадой, разсказывала она, а дерево—своимъ любимымъ деревомъ. Суковатый, могучій красавецъ-дубъ пришелся ему по душѣ: корни дуба такъ глубоко и крѣпко сидятъ въ землѣ, а стволъ и вершина возносятся высоко-высоко къ небу и знакомы и съ снѣжной вьюгой, и съ рѣзкими вѣтрами, и съ яснымъ солнечнымъ свѣтомъ. Потомъ дріада прибавила: „Птицы гнѣздятся въ вѣтвяхъ моего дерева и поютъ намъ о чужихъ странахъ, а на единственной засохшей вѣтви свилъ себѣ гнѣздо аистъ,—это и краситъ дерево, и даетъ случай узнать кое-что о странѣ пирамидъ! Все это какъ нельзя больше по душѣ генію Фантазіи, но ему и этого всего мало, и онъ заставляетъ меня разсказывать ему о жизни въ лѣсу съ того времени, какъ я была еще крошкой, а дубъ такимъ маленькимъ росткомъ, что его могла

заглушитъ крапива. Я должна разсказывать ему всю нашу жизнь вплоть до настоящаго времени, когда мы съ дубомъ достигли полнаго расцвѣта и красоты. Присядь же тутъ подъ дикимъ ясминникомъ и карауль: какъ только геній Фантазіи придетъ, я улучу минутку, вытащу у него изъ крыла одно перышко и дамъ тебѣ. А ужъ больше этого не получить ни одному поэту! Такъ хватитъ и съ тебя!"

— И геній Фантазіи явился, перышко было вытащено, и я схватила его!—продолжала мышка.—Я подержала его въ водѣ, пока оно не размякло, и всетаки трудновато было съ нимъ сладить! Ну, да я сладила, все изгрызла! Да, не легко догрызться до званія поэта! Переварить-то сколько приходится! Теперь во мнѣ были и умъ, и фантазія, и они-то мнѣ и подсказали, что третью вещь я найду въ библіотекѣ. Одинъ великій человѣкъ сказалъ и даже написалъ, что есть такіе романы, которые только для того и существуютъ, чтобы освобождать людей отъ лишнихъ слезъ, иными словами, являются чѣмъ-то въ родѣ губокъ для вбиранія въ себя чувствъ. Я даже помнила пару такихъ книгъ; онѣ всегда особенно возбуждали мой аппетитъ,—такія онѣ были истрепанныя, засаленныя; должно быть, онѣ восприняли въ себя цѣлое море чувствъ!

Я вернулась домой, въ библіотеку, и живо проглотила почти цѣлый романъ, то-есть болѣе существенную часть, мякоть, а корки, переплетъ оставила. Когда я переварила этотъ романъ и еще одинъ, я уже почувствовала, какъ внутри меня что-то зашевелилось, когда же поѣла еще немножко изъ третьяго — стала поэтомъ. Я сказала это самой себѣ и повторила другимъ. У меня болѣла и голова, и всѣ внутренности и не знаю ужъ, что только во мнѣ не болѣло! Тутъ я стала придумывать, какія исторіи можно было бы привести въ связь съ колбасною палочкой, и въ мысляхъ у меня такъ и заскакали разныя палочки,—муравьиная царица, какъ видно, была необыкновенно умна! Я вспомнила и о человѣкѣ, которому стоило взять въ ротъ бѣлую палочку, чтобы сдѣлаться невидимкой, и многія другія исторіи, пословицы и поговорки, въ которыхъ упоминается о палочкахъ. Всѣ мои мысли повисли на этихъ палочкахъ! И о каждой можно сочинить стихи, если ты поэтъ, а я—поэтъ, я добилась этого званія собственными зубами! Такъ вотъ, я ежедневно могу угощать васъ палочкой — исторіей. Вотъ каковъ мой супъ!

— Посмотримъ, что скажетъ намъ третья?—проговорилъ мышиный царь.

— Пи-пи!—послышался вдругъ пискъ за дверью, и въ кухню стрѣлой влетѣла четвертая мышка, которая считалась погибшею. Она опрокинула палочку съ флёромъ и объявила, что бѣжала день и ночь, ѣхала по желѣзной дорогѣ съ товарнымъ поѣздомъ,—случай такой выдался—и всетаки чуть-чуть не опоздала. Она протолкалась впередъ; видъ у нея былъ довольно растрепанный; палочку свою она потеряла, но языкъ—нѣтъ, и въ ту же минуту принялась имъ работать, словно ее только и ждали, ее и готовились слушать, а до всего остального никому въ свѣтѣ не было и дѣла. Она спѣшила высказаться. Явилась она такъ неожиданно, что никто не успѣлъ и рта разинуть, и съ мыслями собраться, а она ужъ говорила.

Послушаемъ!

IV.

Что сумѣла разсказать четвертая мышка, говорившая раньше третьей.

— Я прямо направилась въ самый большой городъ!—тараторила она.—Имени его не упомню, я вообще плохо запоминаю имена. Пріѣхала я по желѣзной дорогѣ, а съ вокзала меня, вмѣстѣ съ конфискованными товарами, отвезли въ ратушу. Тамъ я подбѣжала къ тюремщику. Онъ разсказывалъ о своихъ заключенныхъ, особенно объ одномъ, который сидѣлъ за свои необдуманныя слова. Объ этихъ словахъ и толковали, и совѣщались, и читали, и писали!.. „А и все-то дѣло—супъ изъ колбасной палочки! Но какъ бы бѣднягѣ не поплатиться за него головой!“ прибавилъ тюремщикъ. Конечно, я заинтересовалась этимъ заключеннымъ, улучила минутку, да и прошмыгнула къ нему: какъ ни запирай двери, всегда останется мышиная лазейка! Какой онъ былъ блѣдный, бородатый! Большіе глаза такъ и горѣли. Лампа чадила, но стѣны ужъ привыкли къ этому и больше не чернѣли. Заключенный чертилъ на нихъ разные рисунки и стихи—бѣлымъ на черномъ; я ихъ, впрочемъ, не читала. Скучно ему, я думаю, было, и я явилась желанною гостьей. Онъ сталъ приманивать меня хлѣбными крошками, принялся насвистывать и ласково уговаривать меня; онъ такъ радъ былъ мнѣ! Я почувствовала къ нему довѣріе, и мы скоро стали друзьями. Онъ дѣлился со мной хлѣбомъ и водою, давалъ мнѣ

сыру и колбасы, словомъ, жилось мнѣ привольно, но, главнымъ образомъ, признаюсь, привязало меня къ нему хорошее обращеніе. Онъ позволялъ мнѣ бѣгать по своей ладони, по рукѣ, забираться въ рукавъ, цѣпляться за бороду и звалъ меня своимъ маленькимъ другомъ. И я его полюбила,—это, кажется, всегда бываетъ взаимно. Я забыла даже цѣль своего путешествія, а колбасную палочку свою оставила въ щели въ полу; тамъ она и по-сейчасъ! Я и не желала никуда уходить оттуда,—уйди я, у бѣдняги не осталось бы никого на свѣтѣ, а это ужъ больно мало! Я и осталась, но онъ-то не остался! Какъ печально онъ говорилъ со мною передъ разлукою! Далъ мнѣ двойную порцію хлѣба и сырной корки, послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй, ушелъ... и больше не вернулся! Я не знаю его исторіи. „Супъ изъ колбасной палочки" говорилъ сторожъ, я и отправилась къ нему. Но не слѣдовало бы мнѣ довѣряться ему! Онъ, правда, взялъ меня на руки, но потомъ засадилъ въ клѣтку, въ колесо! Одинъ ужасъ! Бѣжишь, бѣжишь, а все ни съ мѣста, только смѣются надъ тобою!

Но у тюремщика была внучка, прелестная крошка съ золотыми кудрями, веселыми глазками и смѣющимся ротикомъ. „Бѣдная мышка!" сказала она, заглянувъ въ мою гадкую клѣтку, открыла дверцу—я прыгъ на подоконникъ, а оттуда на крышу. „Опять на волѣ! Опять на волѣ!" только это и вертѣлось у меня въ головѣ, а цѣль путешествія вылетѣла.

Темно было; дѣло шло къ ночи, я и заночевала въ старой башнѣ. Тутъ жилъ сторожъ и сова. Я рѣшила не довѣряться ни тому, ни другой—особенно ей! Она похожа на кошку и очень ошибается, полагая, что мышей слѣдуетъ ѣсть! Но всѣмъ свойственно ошибаться, ошиблась и я: сова оказалась почтенною, въ высшей степени образованною старушкой. Она знала побольше самого сторожа, столько же, сколько я! Совята привязывались къ каждому слову, къ каждой вещи, заводили споры и разговоры. „Полно вамъ стряпать супъ изъ колбасной палочки!" говорила имъ мать,—строже этого она ужъ выразиться не могла,—она была такою любящею мамашей. Я почувствовала къ ней довѣріе и пискнула изъ щели, гдѣ сидѣла. Довѣріе это ее тронуло, и она пообѣщала мнѣ свое покровительство: ни одинъ звѣрь не смѣлъ теперь меня съѣсть, это сова брала на себя—зимою, когда кормы будутъ плохіе.

Умница она была большая! Она доказала мнѣ, что сторожъ

не могъ завывать безъ помощи рога, который всегда висѣлъ у него черезъ плечо. „А онъ-то чванится, воображаетъ себя совою въ башнѣ! Высоко залетаетъ, да низко садится! Супъ изъ колбасной палочки и больше ничего!“ добавила сова.

Я сейчасъ же попросила у нея рецептъ этого супа, и вотъ что она сказала мнѣ:

— Супъ изъ колбасной палочки—только поговорка людская, ее понимаютъ на разные лады, и всякій думаетъ, что онъ-то какъ разъ понимаетъ ее вѣрнѣе всѣхъ. Въ сущности же супъ изъ колбасной палочки—одинъ пуфъ!

— Пуфъ!—сказала я. Я была поражена. Истина не всегда бываетъ пріятной, но всетаки она выше всего! Тоже сказала и старуха-сова. Я обдумала дѣло и поняла, что если я принесу домой самое высшее, я принесу побольше, чѣмъ супъ изъ колбасной палочки. И я заспѣшила изо всѣхъ силъ, чтобы успѣть во-время принести домой самое высшее и лучшее—истину. Мыши—народъ просвѣщенный, мышиный царь стоитъ во главѣ его и способенъ сдѣлать меня царицей во имя истины!

— Твоя истина—ложь!—сказала третья мышь, которой еще не дали говорить.—Я могу сварить супъ изъ колбасной палочки и сварю!

V.

Какъ былъ сваренъ супъ.

— Я не рыскала по бѣлу-свѣту! — продолжала третья мышь.—Я оставалась дома, оно и вѣрнѣе. Нечего ѣздить заграницу,—всему не хуже можно выучиться и здѣсь! Я осталась, и то, что я знаю теперь, я узнала не отъ сверхъестественныхъ существъ, не выгрызла изъ книгъ, не выпытала отъ совъ; нѣтъ, я дошла до всего собственнымъ умомъ. Прикажите поставить котелъ на плиту!.. Теперь налейте воды! Полнѣе, до самыхъ краевъ!.. Разведите огонь!.. Пусть вода закипитъ ключомъ!.. Теперь палочку въ воду! А затѣмъ не угодно-ли мышиному царю опустить въ кипятокъ свой хвостъ и помѣшивать имъ супъ! Чѣмъ дольше будетъ царь мѣшать супъ, тѣмъ крѣпче выйдетъ наваръ. Затратъ никакихъ, приправъ тоже, только—мѣшать и мѣшать!

— Нельзя-ли мѣшать кому-нибудь другому?—спросилъ мышиный царь.

— Нѣтъ!—отвѣтила мышь.—Вся сила въ хвостѣ мышинаго царя!

Вода закипѣла, мышиный царь примостился поближе—не безопасно таки было!—и вытянулъ хвостъ, словно собирался снять имъ устой со сливокъ и потомъ облизать его, какъ это часто дѣлаютъ въ молочныхъ ловкія мышки. Но едва онъ сунулъ хвостъ въ горячій паръ—подпрыгнулъ и соскочилъ на полъ.

— Разумѣется, ты будешь моею царицей!—вскричалъ онъ.—Супъ же погодимъ варить до нашей золотой свадьбы,—бѣднымъ, по крайней мѣрѣ, будетъ чего ожидать, чему радоваться, да еще какъ долго!

И вотъ, сыграли свадьбу. Но нѣкоторыя изъ мышей, вернувшись домой, сказали:

— Какой же это супъ изъ колбасной палочки? Это скорѣе супъ изъ мышинаго хвоста!

Кое-что изъ разсказаннаго онѣ одобряли, но въ общемъ все могло, по ихъ мнѣнію, быть иначе!

— Я бы разсказала это вотъ такъ-то и такъ-то!—разсуждала каждая.

Это была ужъ критика, а критика всегда, вѣдь, бываетъ такъ умна—заднимъ числомъ.

Исторія эта обошла весь свѣтъ; мнѣнія о ней раздѣлились, но сама она уцѣлѣла, а это самое главное и въ большихъ, и въ малыхъ вещахъ, даже въ супѣ изъ колбасной палочки; не надо только ожидать за него благодарности!

НОЧНОЙ КОЛПАКЪ СТАРАГО ХОЛОСТЯКА.

Въ Копенгагенѣ есть улица съ забавнымъ названіемъ „Хюсхенстрэде“. Почему она такъ называется и что означаетъ это названіе? Слыветъ оно нѣмецкимъ, но, право, нѣмцы тутъ ни при чемъ. Слѣдовало бы выговаривать „Häuschen“, а выговариваютъ Хюсхенъ; „Häuschenstræde“ же значитъ: „Улица маленькихъ домиковъ“. Въ ней и, правда, ютились домишки, вродѣ деревянныхъ ярмарочныхъ балаганчиковъ, развѣ чуть побольше, да съ окошками. Но стеколъ въ окнахъ не было; ихъ замѣняли роговыя пластинки или бычачьи пузыри,—въ то время стекло еще было такъ дорого, что не всѣмъ по карману было встав-

лять его въ окна. Давно, вѣдь, это было, такъ давно, что даже прадѣдушкинъ прадѣдъ, разсказывая о тѣхъ временахъ, называлъ ихъ „старыми временами". Не одно столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ.

Въ Копенгагенѣ вели въ тѣ времена торговлю богатые купцы изъ Бремена и Любека, разумѣется, не сами, а черезъ своихъ приказчиковъ. Послѣдніе-то и занимали эти деревянныя лачуги въ улицѣ „Маленькихъ домиковъ"; въ нижнемъ этажѣ каждаго домика находилась лавочка, гдѣ шла торговля пивомъ и пряностями. Нѣмецкое пиво въ тѣ времена славилось, и сколько сортовъ его было! И Бремеръ-Прусское, и Эмское, и Брауншвейгское. Изъ пряностей же бойко торговали шафраномъ, анисомъ, имбиремъ, а бойчѣе всего—перцемъ. Перецъ являлся главнымъ предметомъ торговли, оттого и нѣмецкихъ приказчиковъ прозвали въ Даніи „перечными молодцами". Хозяева брали съ нихъ обязательство не жениться на чужбинѣ, они и не женились, доживали до старости холостяками. Некому было о нихъ позаботиться, обшить, обмыть; самимъ приходилось имъ хлопотать по хозяйству, самимъ тушить огонь въ очагахъ—тѣмъ, у кого онъ разводился. Многіе, какъ сказано, доживали такъ до глубокой старости; у нихъ заводились свои вкусы, свои привычки, и старые холостяки кое-какъ коротали свой вѣкъ. Съ тѣхъ поръ-то и вошло въ обычай величать пожилыхъ и неженатыхъ мужчинъ „перечными молодцами" *).

Все это нужно знать, чтобы понять разсказъ.

Надъ холостякомъ всѣ подсмѣиваются, —пусть, дескать, нахлобучитъ свой ночной колпакъ, да заваливается на боковую! О холостякахъ даже пѣсенку сложили:

Пили, пили дрова
Ты, старый холостякъ!
Сѣдая голова,
Твой другъ—ночной колпакъ!

Да, вотъ что поютъ о нихъ! Смѣются и надъ холостякомъ и надъ его колпакомъ—потому что мало знаютъ и о томъ, и о другомъ. Ахъ, никто не пожелай себѣ этого ночного колпака! Почему такъ? А вотъ послушай!

Въ тѣ времена въ улицѣ „Маленькихъ домиковъ" не было

*) По-датски старый холостякъ—„Pebersvend", т. е. перечный молодецъ.
Примѣч. перев.

мостовой, и люди попадали изъ колдобины въ колдобину, словно на изрытой проѣзжей дорогѣ. А что за тѣснота тамъ была! Домишки лѣпились одинъ къ другому, и между двумя противоположными рядами ихъ оставался такой узенькій проходъ, что лѣтомъ съ одного домика на другой перекидывали парусину; надо всей улицей образовывался навѣсъ, подъ которымъ такъ славно пахло перцемъ, шафраномъ и имбиремъ. За прилавкомъ мало попадалось молодыхъ приказчиковъ, больше все старики. Но не подумай, что всѣ они носили парики или ночные колпаки, короткіе кожаные панталоны до колѣнъ и куртки или кафтаны, застегнутые на всѣ пуговицы. Нѣтъ, такъ одѣвался прадѣдушкинъ прадѣдъ, въ такомъ костюмѣ онъ и на портретѣ написанъ. „Перечнымъ молодцамъ“ же не по карману было заказывать свои портреты, а стоило бы списать портретъ хоть съ одного изъ почтенныхъ стариковъ въ то время, какъ онъ стоялъ за прилавкомъ или шелъ въ праздникъ къ обѣднѣ! Нарядъ ихъ состоялъ изъ широкополой, съ высокимъ тульемъ, шляпы (прикащики помоложе часто украшали свои шляпы перышками), шерстяной рубашки, прикрытой отложнымъ полотнянымъ воротничкомъ, куртки, застегнутой наглухо, плаща и панталонъ, всунутыхъ въ широконосые башмаки,—чулокъ они не носили. За поясомъ у каждаго былъ заткнутъ ножъ, ложка и еще большой ножъ для защиты,—въ тѣ времена случалась и въ этомъ нужда. Такъ одѣвался по праздничнымъ днямъ и старый Антонъ, одинъ изъ старѣйшихъ обитателей улицы „Маленькихъ домиковъ“, только вмѣсто шляпы онъ носилъ шапку, съ длинными наушниками, а подъ ней вязаный колпакъ, настоящій ночной колпакъ. Старикъ такъ привыкъ къ колпаку, что не могъ обойтись безъ него ни днемъ, ни ночью, и у него такъ и было заведено два колпака для смѣны. Вотъ съ Антона-то и стоило бы списать портретъ: худъ онъ былъ, какъ щепка, вокругъ рта и глазъ ежились сотни морщинокъ, пальцы были длинные, костлявые, надъ глазами нависли густыя, сѣдыя брови, надъ лѣвымъ же торчалъ цѣлый пучокъ длинныхъ волосъ, который если и не красилъ Антона, то служилъ зато характерною примѣтой. Люди считали Антона бременцемъ, но въ Бременѣ жилъ только его хозяинъ, самъ же онъ былъ изъ Тюрингіи, изъ города Эйзенаха, что близъ Вартбурга. Но о родинѣ своей Антонъ не любилъ особенно распространяться—зато много думалъ о ней.

Старые приказчики не часто видѣлись другъ съ другомъ, каждый больше держался въ своемъ уголкѣ. Запирались лавочки рано, и домишки сразу погружались въ мракъ; лишь изъ крошечнаго рогового окошечка чердачной коморки, ютившейся подъ самою крышей, чуть свѣтился огонекъ; старичокъ-обитатель коморки чаще всего сидѣлъ въ это время на своей постели, съ нѣмецкимъ молитвенникомъ въ рукахъ и напѣвалъ вечерній псаломъ, или же далеко за полночь хлопоталъ по хозяйству, прибирая то одно, то другое. Не сладко-то жилось ему: чужой всѣмъ, на чужбинѣ — что ужъ за житье! Никому до него нѣтъ дѣла, развѣ станетъ кому поперекъ дороги!

Улица въ глухую, темную, ненастную ночь смотрѣла такою пустынною, мрачною; на всю улицу приходился одинъ фонарь, да и тотъ висѣлъ въ самомъ концѣ ея, передъ нарисованнымъ на стѣнѣ образомъ Божьей Матери. Слышался лишь плескъ воды, сбѣгавшей по деревянной обшивкѣ набережной,—другой конецъ улицы выходилъ на каналъ. Такимъ вечерамъ и конца не бываетъ, если не займешься чѣмъ-нибудь. А чѣмъ заняться старому холостяку? Развертывать и завертывать товары, свертывать „фунтики“, чистить вѣсы не приходится, вѣдь, каждый день; надо, значитъ, заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Старый Антонъ и находилъ себѣ занятія—самъ чинилъ свое платье, самъ ставилъ заплатки на сапоги. Улегшись же, наконецъ, въ постель въ своемъ неизмѣнномъ колпакѣ, онъ обыкновенно нахлобучивалъ его пониже, но вслѣдъ затѣмъ опять приподнималъ его, чтобы посмотрѣть, хорошо-ли погашена свѣчка, ощупывалъ ее на столикѣ и прижималъ фитиль двумя пальцами, потомъ ложился опять, повертывался на другой бокъ и опять надвигалъ колпакъ на брови. Но часто въ эту самую минуту ему приходило на мысль: а прогорѣли-ли всѣ уголья въ грѣлкѣ, оставленной внизу въ лавочкѣ, потухла-ли зола? Довольно, вѣдь, одной искорки, и не миновать бѣды! И вотъ, онъ вставалъ съ постели, осторожно слѣзалъ съ крутой лѣсенки—лѣстницей ее и назвать было нельзя — и, добравшись до грѣлки, убѣждался, что въ ней не тлѣлось ни уголька. Теперь можно было вернуться обратно въ свою коморку, но часто еще на полдорогѣ его брало сомнѣніе: заперты-ли на крюкъ двери и ставни? — и онъ снова ковылялъ на своихъ тонкихъ ногахъ внизъ. Дрожь прохватывала его, зубы такъ и стучали, когда онъ опять добирался до постели; извѣстно, вѣдь, что дрожь

тогда-то и принимается хорошенько трепать человѣка, когда видитъ, что тотъ спасся отъ нея въ теплую постель. Антонъ повыше натягивалъ на себя пуховикъ *), нахлобучивалъ колпакъ на глаза, и мысли его, наконецъ, отрывались отъ дневныхъ хлопотъ и заботъ, но не на радость ему! На смѣну тревогамъ и заботамъ настоящаго являлись воспоминанія прошлаго и развѣшивали передъ нимъ на стѣнѣ свои узорчатые ковры. Но въ нихъ часто попадаются острыя булавки,—уколютъ такъ, что невольно закричишь отъ боли, а если воткнутся тебѣ въ живое тѣло поглубже—даже слезы прошибутъ! Падая на пуховикъ или на полъ, эти чистыя, прозрачныя, какъ жемчужины, слезы звенятъ, словно лопаются наболѣвшія сердечныя струны. Слезы скоро испаряются, но вспыхиваютъ передъ тѣмъ яркимъ пламенемъ и успѣваютъ освѣтить картину прошлаго, одну изъ тѣхъ, что никогда не изглаживаются изъ памяти. Антонъ отиралъ эти слезы ночнымъ колпакомъ—и слеза, и картина стирались, но источникъ ихъ, разумѣется, оставался, — источникомъ было, вѣдь, сердце старика. Картины жизни являлись ему не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали другъ за другомъ въ дѣйствительности; чаще всего рисовались самыя печальныя, мрачныя, но являлись и свѣтлыя, радостныя; эти-то и наводили на него самую сильную грусть, сгущая тѣни настоящаго.

„Хороши датскіе буковые лѣса!“ говорятъ у насъ, но для Антона буковые лѣса въ окрестностяхъ Вартбурга были куда лучше! Мощнѣе, почтеннѣе датскихъ казались ему родные нѣмецкіе дубы, росшіе вокругъ гордаго рыцарскаго замка, гдѣ вьющіяся растенія обвивали каменистыя скалы; слаще благоухали для него родныя цвѣтущія яблони, нежели датскія! Онъ все еще какъ будто вдыхалъ ихъ ароматъ!.. Слеза скатилась, зазвенѣла и вспыхнула, ярко освѣтивъ двухъ играющихъ дѣтей: мальчика и дѣвочку. У мальчика были красныя щеки, свѣтлыя кудри и честные, голубые глаза; онъ былъ сыномъ богатаго торговца, звали его Антономъ... Да, это онъ самъ! У дѣвочки же были черные глаза и черные волосы, умный и смѣлый взглядъ; это была дочка городского головы, Молли. Дѣти играли яблокомъ; трясли его и прислушивались, какъ гремятъ въ немъ

*) Въ Даніи и до сихъ поръ, особенно среди сельского населенія, принято спать зимой подъ тонкими перинами, вмѣсто одѣялъ. *Примѣч. перев.*

зернышки. Потомъ они разрѣзали яблоко, и каждому досталась половинка. Зернышки они тоже подѣлили и съѣли все, кромѣ одного. Его надо было закопать въ землю,—такъ придумала дѣвочка.

— Вотъ увидишь потомъ, что изъ него выйдетъ! Ты и не ожидаешь—что̀! Цѣлая яблоня, только не сейчасъ!

И дѣти принялись хлопотать съ зернышкомъ, достали цвѣточный горшокъ съ землей, мальчикъ проткнулъ въ землѣ пальцемъ ямку, дѣвочка положила туда зернышко, и оба старательно закопали его.

— Только смотри, не вздумай завтра вытаскивать зернышко, чтобы поглядѣть, пустило-ли оно ростки! — сказала Молли Антону.—Этого нельзя! Я вотъ такъ сдѣлала со своими цвѣточками всего два раза,—я хотѣла поглядѣть, ростутъ-ли они, тогда я еще не понимала, что этого нельзя—и цвѣточки погибли!

Цвѣточный горшокъ остался у Антона, и мальчикъ каждый день подходилъ къ нему поглядѣть, не выросло-ли чего-нибудь, но, кромѣ черной земли, въ горшкѣ ничего не было. Наконецъ, настала весна, солнышко стало пригрѣвать теплѣе, и изъ земли выглянули два крошечныхъ, зеленыхъ листочка.

— Это я съ Молли!—сказалъ Антонъ.—Вотъ чудесно-то!

Скоро появился и третій листочекъ,—а это кто же? Потомъ еще и еще! День за днемъ, недѣля за недѣлей, и изъ зернышка выросло цѣлое деревцо. Все это освѣтила одна слезинка; вотъ ее стерли, и все исчезло. Но источникъ слезъ былъ неизсякаемъ,—источникомъ было, вѣдь, сердце стараго Антона.

Близъ Эйзенаха проходитъ гряда каменистыхъ возвышенностей; круглая вершина одной изъ нихъ совершенно оголена,—ни деревца, ни кустика, ни травки; зовутъ ее горой Венеры: по преданію здѣсь жила Венера, древняя языческая богиня; но нѣмцы переименовали ее въ госпожу Голле, которую знаетъ въ Эйзенахѣ каждый ребенокъ. Она заманила къ себѣ благороднаго рыцаря Тангейзера, миннезингера изъ Вартбурга.

Молли и Антонъ часто подходили къ горѣ, и разъ дѣвочка сказала:

— Ну-ка, постучи и крикни: Госпожа Голле, госпожа Голле! Отвори Тангейзеру!

Антонъ не посмѣлъ, а Молли посмѣла, но громко и ясно она сказала только: „Госпожа Голле, госпожа Голле“, остальное же

пробормотала такъ невнятно, что, по мнѣнію Антона, ничего собственно и не сказала. Смѣлая была эта Молли! Такая смѣлая, что одна изъ всей толпы сверстницъ цѣловала Антона, хотя хотѣлось всѣмъ—именно потому, что онъ не хотѣлъ и отбивался отъ поцѣлуевъ руками и ногами.

— Я смѣю его поцѣловать!—говорила Молли гордо и обвивала шею Антона рукой.

Это было ея торжествомъ, Антонъ же покорялся ей, вовсе не думая о томъ, что дѣлаетъ. Ахъ, какая она была хорошенькая, какая смѣлая!

Госпожа Голле, что жила въ горѣ, тоже, говорятъ, была хороша собою, но ея красота была соблазнительною красотой зла. Высшею красотой считалась, напротивъ, красота Св. Елисаветы, покровительницы страны, благочестивой Тюрингенской герцогини, добрыя дѣла которой живутъ въ легендахъ и сказаніяхъ, освящающихъ здѣшнія мѣста. Въ часовнѣ висѣлъ ея образъ, а передъ нимъ серебряная лампада. Но Св. Елисавета нисколько не была похожа на Молли.

А яблонька, которую посадили дѣти, росла да росла, такъ что, наконецъ, пришлось пересадить ее въ садъ, подъ открытое небо, гдѣ ее кропило росою, пригрѣвало солнышкомъ, и она окрѣпла настолько, что могла выдержать и зиму. Весной же, словно отъ радости, что пережила суровую зиму, она зацвѣла и осенью принесла два яблочка: одно для Молли и одно для Антона,—меньше ужъ никакъ нельзя было.

Деревцо торопилось рости, Молли не отставала; она напоминала своею свѣжестью цвѣтокъ яблони, но не долго Антону пришлось любоваться на этотъ цвѣтокъ. Все проходитъ, все измѣняется! Отецъ Молли оставилъ родину и уѣхалъ съ Молли далеко-далеко. Въ наше время торжества пара понадобилось бы всего нѣсколько часовъ, тогда же надо было ѣхать больше сутокъ, чтобы добраться до того города, куда они уѣхали. Онъ находился на востокъ отъ Эйзенаха, совсѣмъ въ другомъ концѣ страны; это былъ городъ Веймаръ.

Молли плакала, и Антонъ плакалъ—всѣ эти слезы соединились теперь въ одну, отливавшую яркими радужными красками: Молли, вѣдь, сказала Антону, что любитъ его больше всѣхъ прелестей жизни въ Веймарѣ!

Прошелъ годъ, два, три. За это время отъ Молли пришло два письма; одно привезъ съ собой торговый коммиссіонеръ,

другое какой-то проѣзжій. Дорога была длинная, трудная, извивавшаяся мимо разныхъ городовъ и мѣстечекъ.

Всякій разъ, какъ Антонъ съ Молли слушали легенду о Тристанѣ и Изольдѣ, ему почему-то казалось, что говорятъ про него и Молли, хотя имя Тристанъ означало „рожденный для скорби“, а это совсѣмъ не подходило къ Антону. Ему, вѣдь, не придется, какъ Тристану, вздыхать: „она забыла меня!“ Изольда, впрочемъ, и не забывала друга сердца, и, когда оба умерли и были похоронены по разныя стороны церкви, на могилахъ ихъ выросли двѣ липы и сплелись вѣтвями надъ церковною крышей. Исторія эта казалась Антону такою поэтическою и такою печальною... Но въ его отношеніяхъ къ Молли не могло быть ничего печальнаго, и онъ принимался насвистывать пѣсенку миннезингера Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде:

„Ахъ, подъ липой, въ степи!..

Особенно дивно звучали слѣдующія строфы:

„Раздается изъ лѣса душистаго
Тиндарадай!
Трель пѣвца—соловья голосистаго!“

Пѣсня эта вѣчно вертѣлась у него на языкѣ; онъ напѣвалъ и насвистывалъ ее и въ ту ясную лунную ночь, когда несся на конѣ въ Веймаръ навѣстить Молли; онъ хотѣлъ явиться нежданнымъ гостемъ—такъ и вышло.

Приняли его ласково; вино запѣнилось въ бокалахъ; онъ встрѣтилъ здѣсь веселое, знатное общество, нашелъ уютную комнатку и мягкую постель, и все же—не того ожидалъ онъ, не о томъ мечталъ! Онъ самъ не понималъ себя, не понималъ другихъ, но мы-то поймемъ, въ чемъ было дѣло! Можно быть хорошо принятымъ въ домѣ, въ семействѣ, и всетаки чувствовать себя чужимъ; разговоры ведешь, какъ въ почтовой каретѣ, знакомишься, какъ въ почтовой каретѣ, стѣсняешься, желаешь или самъ уйти, или какъ-нибудь спровадить своего добраго сосѣда! Нѣчто подобное испыталъ и Антонъ.

— Я честная дѣвушка!—сказала ему Молли.—И сама хочу сказать тебѣ все. Многое измѣнилось съ той поры, какъ мы были дѣтьми. Перемѣны эти и внѣшнія, и внутреннія. Привычка и желаніе ничего не могутъ подѣлать съ сердцемъ! Антонъ! Уѣзжая отсюда далеко-далеко, я не желала бы разстаться съ

тобою, какъ съ недругомъ! Вѣрь мнѣ, я расположена къ тебѣ, но любить тебя такъ, какъ, я знаю теперь, можно любить другого человѣка, я тебя никогда не любила! Примирись съ этимъ!.. Прощай Антонъ!

И Антонъ отвѣчалъ: „Прощай!“ Ни одной слезинки не выступило у него на глазахъ, но онъ понялъ, что пересталъ быть другомъ Молли. И раскаленная и замерзшая пластинки желѣза одинаково сдираютъ кожу съ губъ, если станешь цѣловаться съ ними, Антонъ же одинаково крѣпко цѣловался и съ любовью, и съ ненавистью!

Не прошло и сутокъ, какъ Антонъ былъ уже дома. Зато онъ и загналъ лошадь.

— Пусть! — сказалъ онъ. — Я самъ загнанъ и хотѣлъ бы загнать, уничтожить все, что напоминаетъ мнѣ о *ней* — госпожѣ Голле, госпожѣ Голле, госпожѣ Венерѣ, проклятой язычницѣ!.. Яблоню я вырву съ корнемъ, изломаю въ куски! Не цвѣсти ей больше, не приносить плодовъ!

Но не дерево было сломлено, а самъ Антонъ: жестокая лихорадка уложила его въ постель. Что же могло поставить его на ноги? — Подоспѣло лекарство, самое горчайшее изъ всѣхъ, которое встряхиваетъ больное тѣло и изнывающую душу — ударъ судьбы: отецъ Антона разорился. Тяжелые дни, дни испытанія стучались въ дверь, бѣда уже вломилась въ нее, хлынула въ когда-то богатый домъ волною. Отецъ Антона обѣднѣлъ, горе и заботы надломили его здоровье, и у Антона нашлись занятія, кромѣ любовной хандры, да злобы на Молли. Теперь онъ долженъ былъ замѣнить въ домѣ и хозяина, и хозяйку, распоряжаться всѣмъ, привести въ порядокъ все. Потомъ пришлось покинуть родину, идти на чужую сторону зарабатывать кусокъ хлѣба. Отправился онъ въ Бременъ, не мало извѣдалъ нужды и горя, а это либо закаляетъ душу, либо разслабляетъ ее — иной разъ даже черезчуръ. Какъ, однако, не соотвѣтствовали свѣтъ и люди сложившемуся у него въ пору дѣтства представленію о нихъ! А пѣсни миннезингеровъ, что онѣ такое? — разсуждалъ онъ теперь. — Звукъ пустой! — Но иногда въ его душѣ опять звучала сладкая мелодія, и онъ смягчался.

— Богъ все устраиваетъ къ лучшему! — говорилъ онъ себѣ. — И хорошо сдѣлалъ Онъ, что не далъ Молли привязаться ко мнѣ сердечно. Къ чему бы это привело теперь, когда счастье

отвернулось отъ меня? Она оттолкнула меня раньше, чѣмъ могла знать или предполагать о моемъ разореніи. Богъ оказалъ мнѣ милость! Все было къ лучшему! Онъ устраиваетъ все премудро! Она не была виновата ни въ чемъ, а я-то возненавидѣлъ ее!

Годы шли. Отецъ Антона умеръ; чужіе люди поселились въ родномъ домѣ. Антону пришлось всетаки увидать его еще разъ. Хозяинъ послалъ его по торговымъ дѣламъ, и ему случилось проѣзжать черезъ свой родной городъ Эйзенахъ. Старый замокъ Вартбургъ стоялъ на скалѣ попрежнему; попрежнему окружали его каменные „монахи“ и „монахини“ и мощные дубы; все было, какъ во времена его дѣтства. Гора Венеры попрежнему блестѣла на солнцѣ своею сѣрою, голою вершиной. Какъ охотно постучался бы въ нее Антонъ и сказалъ: „Госпожа Голле, госпожа Голле! Отвори мнѣ, укрой меня въ нѣдрахъ родной земли!“

Грѣшная это была мысль, и онъ осѣнилъ себя крестомъ; тутъ въ кустахъ запѣла птичка, и Антону вспомнилась старая пѣсня:

„Раздается изъ лѣса душистаго
Тиндарадай!
Трель пѣвца—соловья голосистаго!“

Сколько воспоминаній пробудилось въ его душѣ при видѣ города, гдѣ протекло его дѣтство; слезы застилали его глаза. Отцовскій домъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ, но часть сада была уничтожена, отошла подъ проѣзжую дорогу, и яблоня, которой онъ такъ и не вырвалъ, очутилась внѣ сада, по ту сторону дороги. Но солнышко попрежнему пригрѣвало ее, роса кропила, и вѣтви ея гнулись, подъ обиліемъ плодовъ, къ самой землѣ.

— Растетъ себѣ!—сказалъ Антонъ.—Что ей дѣлается!

Но одна изъ самыхъ большихъ вѣтвей яблони была надломлена чьею-то шальною рукой; дерево стояло, вѣдь, у проѣзжей дороги!

„Обрываютъ ея цвѣты, не говоря даже спасибо, крадутъ плоды и ломаютъ вѣтви! Да, и про дерево можно сказать то же, что говорится иногда про человѣка: „не пѣли надъ его колыбелью, что ему придется когда-нибудь стоять вотъ такъ!“ Заря его жизни занялась такъ ярко, красиво, а что дала ему

судьба? Садовому дереву пришлось расти возлѣ канавы, въ открытомъ полѣ, у проѣзжей дороги! Стоитъ оно тутъ одинокое, забытое, беззащитное! Всѣ его теребятъ, ломаютъ! Оно еще не вянетъ отъ этого, но съ годами цвѣтовъ на немъ будетъ все меньше, плодовъ не будетъ вовсе, а потомъ и дереву конецъ".

Вотъ что думалъ Антонъ подъ деревомъ; тѣ же мысли часто бродили у него въ головѣ въ долгія безсонныя ночи, которыхъ не мало провелъ онъ въ своей одинокой коморкѣ, въ деревянной лачугѣ, на чужой сторонѣ, въ улицѣ „Маленькихъ домиковъ", въ Копенгагенѣ, куда послалъ его богатый бременскій купецъ, хозяинъ его, взявъ съ него сначала слово никогда не жениться.

— Жениться! Хэ, хэ!—разсмѣялся онъ страннымъ, глухимъ смѣхомъ.

Зима установилась въ этотъ годъ рано; морозъ такъ и трещалъ; на дворѣ разыгралась такая вьюга, что всѣ, кто только могъ, держались у себя въ тепломъ углу. Оттого сосѣди Антона и не замѣтили, что лавочка старика не отпирается вотъ уже два дня,—кто бы высунулъ носъ въ такую погоду, если только можно было оставаться дома?

Дни стояли сѣрые, мрачные, и въ жилищѣ Антона съ маленькимъ подслѣповатымъ оконцемъ, долгая ночь смѣнялась лишь тоскливыми сумерками. Старый Антонъ два дня не вставалъ съ постели,—силы его оставили. Непогода давала себя знать ломотой во всемъ тѣлѣ. Одинокій, безпомощный, оставленный всѣми, лежалъ старый холостякъ въ кровати и едва могъ даже дотянуться до кружки съ водой, которую поставилъ у изголовья. Но вотъ, въ кружкѣ не осталось больше ни капли. Уложила Антона въ постель не лихорадка, не другая болѣзнь, а старость. Для Антона какъ бы наступила долгая-долгая ночь. Маленькій паучокъ, котораго Антонъ не могъ видѣть, весело и прилежно прялъ надъ нимъ свою паутинку, словно спѣша приготовить новый, свѣжій траурный крэпъ къ тому времени, когда старикъ закроетъ глаза.

Антона одолѣвала тяжелая дремота. Слезъ у него не было, боли онъ тоже не чувствовалъ, о Молли и не вспоминалъ. Ему казалось, что міръ съ его шумомъ и жизнью былъ уже не для него,—онъ остался какъ-то въ сторонѣ: никому не было до него дѣла. Вдругъ ему показалось, что онъ голоденъ и хочетъ пить... Да, правда, онъ ощущалъ и голодъ, и жажду.

Но никто не приходилъ утолить ихъ, никто и не придетъ. И онъ вспомнилъ о другихъ голодающихъ, и о св. Елисаветѣ, покровительницѣ его родины и дѣтства, благородной герцогинѣ Тюрингенской, которая сама заходила въ жалкія лачуги и приносила страждущимъ надежду и облегченіе. Благочестивыя дѣла ея сіяли въ его памяти: онъ вспомнилъ, какъ она являлась къ страдальцамъ со словами утѣшенія, омывала ихъ раны, приносила голоднымъ пищу, хотя ея суровый мужъ и гнѣвался на нее за это. Антонъ вспомнилъ и легенду о св. Елисаветѣ. Однажды она отправилась по обыкновенію съ корзинкой, наполненной съѣстными припасами, какъ вдругъ ей преградилъ дорогу мужъ, слѣдившій за каждымъ ея шагомъ, и спросилъ, что у нея въ корзинѣ. Святая въ испугѣ отвѣчала: „Розы изъ сада". Мужъ сорвалъ салфетку и—чудо совершилось для благочестивой женщины: вино и хлѣбъ превратились въ розы!

Св. Елисавета не выходила изъ головы Антона; какъ живая стояла она передъ его усталымъ взоромъ, возлѣ его кровати, въ жалкой коморкѣ, въ чужой землѣ. Онъ обнажилъ голову, взглянулъ въ ея кроткія глаза, и—все вокругъ него вдругъ засіяло, коморка наполнилась розами... Какъ онѣ благоухали! Къ ихъ аромату примѣшивался запахъ цвѣтовъ яблони... Антонъ очутился подъ яблоней, осѣнявшей его своими вѣтвями. Она выросла изъ сѣмечка, которое посадили когда-то въ землю Антонъ съ Молли.

Дерево роняло свои благоухающіе листья на пылающій лобъ Антона, и они освѣжали его, на его запекшіяся губы, и ему казалось, что онъ вкушаетъ хлѣбъ и вино, на его грудь, и ему вдругъ стало такъ легко, такъ захотѣлось забыться сладкимъ сномъ.

— Теперь я засну!—прошепталъ онъ.—Сонъ подкрѣпляетъ! Завтра я опять буду здоровъ, опять встану! Какъ хорошо, какъ хорошо! Я вижу, какъ великолѣпно расцвѣла яблоня, выросшая изъ зернышка любви.

И онъ заснулъ.

На другой день—это былъ уже третій день, что лавка Антона не отпиралась—вьюга утихла, и сосѣди хватились старика. Его нашли мертвымъ въ постели; въ рукахъ онъ крѣпко сжималъ свой старый ночной колпакъ. Но его не положили съ Антономъ въ гробъ: въ запасѣ былъ еще одинъ, чистый, ненадѣванный.

Куда же дѣвались теперь всѣ слезы Антона? Куда дѣвались эти жемчужины? Онѣ остались въ его ночномъ колпакѣ,—ихъ, вѣдь, нельзя было отмыть никакимъ мыломъ, онѣ такъ и остались въ колпакѣ скрытыми и забытыми. Мысли и думы тоже остались въ колпакѣ стараго холостяка. Не пожелай его себѣ! Лобъ твой разгорячится, пульсъ забьется ускоренно, и тебѣ приснятся сны, похожіе на дѣйствительность. Это пришлось испытать первому же, кто надѣлъ колпакъ, а случилось-то это спустя цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ! Надѣлъ его самъ городской голова, человѣкъ женатый, отецъ одиннадцати дѣтей, жившій въ свое удовольствіе, и ему сейчасъ же приснились во снѣ несчастная любовь, банкротство и борьба изъ-за куска хлѣба!

— Фу, какъ этотъ колпакъ грѣетъ!—сказалъ онъ, срывая его съ себя, и изъ колпака выкатилась жемчужинка, потомъ другая; какъ онѣ зазвенѣли и заблестѣли!—Это ревматизмъ!—рѣшилъ голова.—И въ ушахъ звенитъ, и изъ глазъ искры сыплются!

А это были слезы, пролитыя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ старикомъ Антономъ изъ Эйзенаха.

И кому ни попадалъ этотъ колпакъ на голову, тому сейчасъ снились подобные же сны; онъ какъ будто самъ переживалъ исторію Антона. Выходила цѣлая сказка, да и не одна. Но пусть разсказываютъ ихъ другіе, а мы одну ужъ разсказали и кончимъ ее словами: „никто не пожелай себѣ колпака стараго холостяка“!

ГЛ 4

ОПЕЧАТКИ.

					НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИЧАТЬ:
Стр.	71	строка	15	сверху	понесласъ	понеслась
»	78	»	3	снизу	уборъ	узоръ
»	85	»	14	»	болѣнъ	боленъ
»	105	»	10	»	впуститъ	впустить
»	110	»	3	»	салдатиковъ	солдатиковъ
»	132	»	20	сверху	аришинныхъ	аршинныхъ
»	140	»	19	»	познанія дерева	дерева познанія
»	174	»	3	снизу	однѣ	одни
»	188	»	19	»	бутончинки	бутончики
»	216	»	11	сверху	зелянику	землянику
»	—	»	18	»	коленцевъ	колѣнцевъ
»	221	»	2	снизу	мышинята	мышенята
»	227	»	10	сверху	превращалась	превращалось
»	275	»	1	снизу	тутана	тумана
»	277	»	20	»	о	она
»	409	»	12	снизу	Іоганну	Іоганны
»	451	»	7	»	настощихъ	настоящихъ
»	461	»	2	сверху	изь	изъ

2020075212